С. В. Изъединова

Нѣсколько мѣсяцевъ у Буровъ

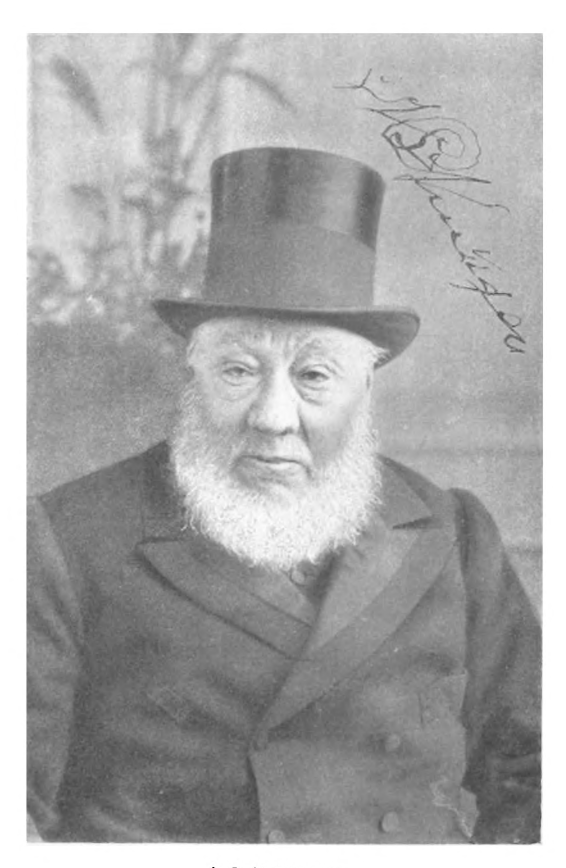
ВОСПОМИНАНІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1903

І. С. П. Крюгеръ.

С. В. Изъѣдинова

Нѣсколько мѣсяцевъ у Буровъ

ВОСПОМИНАНІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1903

Рисунки дозволены цензурою 30-го января 1903 г. С.-Петербургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта книга — запоздалая книга. Обстоятельства помѣшали ея появленію тотчасъ послѣ моего возвращенія изъ Южной Африки. Это, вѣроятно, способствовало бóльшей точности моихъ свѣдѣній и провѣркѣ первыхъ впечатлѣній; но для многихъ, съ горячимъ сочувствіемъ слѣдившихъ у насъ за геройской борьбой послѣднихъ лѣтъ, она представила бы тогда объясненіе происходившихъ фактовъ, издали казавшихся странными и непонятными. Въ то время я ожидала освѣщенія этихъ вопросовъ отъ многихъ, побывавшихъ въ Трансваалѣ, и не думала, чтобы обработка моихъ замѣтокъ и впечатлѣній могла представить болѣе чѣмъ частный интересъ относительно дѣятельности нашего санитарнаго отряда. Прочитавъ эту книгу, станетъ ясно, почему я не особенно торопилась будить непріятныя впечатлѣнія и амбулаціонныя дрязги. Но, какъ оказывается, при всемъ говорившемся и писавшемся о бурахъ, наша серьезная литература осталась въ этомъ отношеніи крайне бѣдной, и я, по правдѣ сказать, не знаю ни одной русской книги сколько-нибудь удовлетворительно касающейся народнаго характера буровъ, значенія этой войны для ихъ будущей исторіи, а также многихъ изъ наиболѣе интересныхъ и выдающихся ея дѣятелей. Таковъ, прежде всего, президентъ Штейнъ, личность и значеніе котораго я и попыталась выяснить подробнѣе; таковы генералъ Кронье, Вильбуа, Альбрехтъ и нѣкоторые другіе. Столь же неполнымъ, даже въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, осталось освѣщеніе многихъ фактовъ и факторовъ борьбы— напримѣръ, сдача Кронье и ея дѣйствительное значеніе въ ходѣ событій, участіе въ войнѣ европейцевъ и друг. То же надо сказать и о самой странѣ, бытѣ, характерѣ буровъ и складѣ ихъ прежнихъ національныхъ учрежденій, по большей части затронутыхъ нѣсколькими поверхностными и не всегда справедливыми словами. Все это побудило меня собрать, наконецъ, разбросанныя по разнымъ газетамъ статьи по отдѣльнымъ вопросамъ, дополнить и связать ихъ, въ надеждѣ, что такое болѣе полное изложеніе поможетъ многочисленнымъ у насъ друзьямъ буровъ выяснить себѣ многое, оставшееся смутнымъ и непонятнымъ. Въ противоположность часто неудовлетворительнымъ

условіямъ самой работы и амбулаціонныхъ отношеній, я считаю, что, какъ наблюдатель, обстоятельства сложились для меня особенно счастливо и удачно, давъ мнѣ возможность посѣтить всѣ три театра войны, изъѣздить чуть не всю страну, познакомиться съ фронтовой и лагерной жизнью буровъ, и все же въ наиболѣе интересные, критическіе моменты находиться въ главныхъ городахъ—Преторіи, Блумфонтенѣ, Кронстадтѣ, гдѣ смыслъ событій сосредоточивался и выражался всего опредѣленнѣе. Кромѣ того, немногимъ удалось такъ близко сойтись не только съ заурядными членами мѣстнаго общества, но и съ нѣкоторыми изъ руководящихъ дѣятелей или ихъ семьями, что дало мнѣ возможность, даже по возвращеніи, постоянно провѣрять свои впечатлѣнія, а также многихъ другихъ, писавшихъ по этому вопросу и приводимые ими факты. Въ настоящее время я могу сказать, что, если разсказъ единичнаго человѣка, все же столь близкій къ событіямъ, неизбѣжно долженъ страдать иногда отсутствіемъ полноты и всесторонности, даже мелкими неточностями въ подробностяхъ,—все дѣйствительно интересное и существенное, все представляющее новый фактъ или освѣщеніе, противорѣчащее ранѣе появившимся даннымъ, является у меня результатомъ не только разсказовъ и слуховъ, а провѣрено вполнѣ добросовѣстно посредствомъ заявленій, отчасти письменныхъ, наиболѣе освѣдомленныхъ на этотъ счетъ мѣстныхъ дѣятелей, а по возможности основано и на строго документальныхъ данныхъ.

Составленная въ такихъ условіяхъ, я надѣюсь, что настоящая книга, несмотря на нѣкоторые сознаваемые мною недостатки — все же представитъ интересъ для многихъ увлекавшихся народомъ и дѣломъ, ставшими мнѣ родными и близкими въ теченіе описанныхъ здѣсь мѣсяцевъ.

Я буду вполнѣ довольна, если мнѣ удастся возстановить въ ихъ настоящемъ освѣщеніи нѣсколько фактовъ и личностей, и прежде всего самый народъ буровъ, по моему плохо, недостаточно понятый большинствомъ изъ посѣтившихъ его, примѣнявшимъ къ нему современную европейскую мѣрку, да и то весьма поверхностнымъ образомъ. Этимъ я заплачу хотя отчасти долгъ благодарности за оказанныя мнѣ тамъ столь многими гостепріимство и ласку.

С. Изъединова.

14 декабря
1902 г.
С.-Петербургъ.

ГЛАВА I.

Однимъ изъ интересныхъ явленій общественной жизни Европы на рубежѣ только что смѣнившихся двухъ столѣтій для будущаго ея историка несомнѣнно явится послѣдовательное и, въ большинствѣ случаевъ совершенно безкорыстное увлеченіе героической борьбой за правое и патріотическое дѣло буровъ, проявленное обществомъ почти всѣхъ цивилизованныхъ странъ.

У насъ, въ Россіи, общество особенно горячо откликнулось на этотъ порывъ и до сихъ поръ дѣятельно проявляетъ свои симпатіи многочисленными пожертвованіями, какъ явствуетъ изъ опубликованнаго пасторомъ Гиллотомъ отчета объ употребленіи суммъ, поступившихъ въ его распоряженіе для облегченія участи несчастныхъ бурскихъ семей, лишенныхъ этой жестокой войной крова и всякихъ средствъ существованія. Но особый интересъ возбудило въ нашемъ обществѣ образованіе еще въ началѣ войны, т. е. осенью 1899 года, на общественныя пожертвованія санитарнаго отряда, снабженнаго средствами и всѣмъ необходимымъ матеріаломъ чуть ли не лучше всѣхъ остальныхъ отрядовъ, перебывавшихъ въ Трансваалѣ.

Для незнакомыхъ съ организаціей этого дѣла напомню, что деньги, жертвуемыя въ пользу буровъ, за отказомъ принять ихъ голландскаго посланника, обязаннаго по своему положенію соблюдать полнѣйшую нейтральность, были направлены къ пастору С.-Петербургской голландской общины, г-ну Гиллоту, извѣстному по организаціи сбора пожертвованій и дѣла помощи у насъ въ тяжелый 91-й годъ и во многихъ другихъ случаяхъ, требовавшихъ широкой организація благотворительнаго дѣла. По его иниціативѣ и подъ его предсѣдательствомъ былъ организованъ комитетъ для помощи бурамъ, преимущественно изъ видныхъ членовъ голландской колоніи въ С.-Петербургѣ, и, послѣ запроса у повѣреннаго въ дѣлахъ южно-африканскихъ республикъ д-ра Лейдса, было

рѣшено на собранныя средства отправить въ Южную Африку санитарный отрядъ.

Этотъ отрядъ, совершенно независимый отъ высланнаго почти одновременно отряда русскаго Краснаго Креста, было рѣшено образовать только наполовину изъ русскихъ; половину же его членовъ, ради удобства сношеній съ правительствомъ и жителями Трансвааля, набрать въ Голландіи и во главѣ его поставить доктора-голландца. Отъ русскихъ же членовъ требовалось обязательно знаніе нѣмецкаго языка и выставлялась на видъ желательность хотя нѣкотораго знакомства съ голландскимъ или англійскимъ. Мнѣ, занимавшейся уже болѣе двухъ лѣтъ въ больницѣ и хирургическомъ пріемѣ Георгіевской общины сестеръ милосердія и хорошо владѣющей нѣмецкимъ и англійскимъ языками, при чемъ ознакомленіе съ голландскимъ не представлялось особенно затруднительнымъ, удалось тотчасъ попасть въ составъ этого отряда. Остальные русскіе члены были врачи: Ѳ. К. Веберъ, операторъ петербургской больницы Св. Маріи Магдалины, старшій изъ русскихъ докторовъ и единственный имѣвшій степень доктора медицины; К. К. фонъ-Ренненкампфъ изъ Александровской нѣмецкой больницы; Л. Борнгауптъ, ассистентъ профессора Бергмана въ Ригѣ, и В. Ал. Кухаренко, врачъ московской больницы Св. Екатерины. Сестры, кромѣ меня, были: старшая, безусловно самая опытная изъ насъ, Іозефина Ежевская, сестра Крестовоздвиженской общины, работавшая уже въ санитарномъ отрядѣ въ греко-турецкую войну; Амалія Якобсенъ и Іоганна Мейеръ изъ Александровской нѣмецкой больницы и Гильда Мейснеръ—Евангелической больницы, младшая изъ насъ.

Персоналъ отряда, за немногими исключеніями совершенно между собою незнакомый, впервые встрѣтился (въ полномъ составѣ) 11-го декабря 1899 года въ квартирѣ пастора Гиллота для подписанія условій нашей поѣздки въ Южную Африку на средства комитета, во главѣ котораго онъ стоитъ. Въ этихъ условіяхъ, кромѣ обязательнаго соблюденія нейтралитета между воюющими сторонами и остальныхъ правилъ женевской конвенціи, многихъ изъ насъ непріятно поразили размѣры полномочій главнаго врача и начальника отряда, получившаго право не только безконтрольно распоряжаться всѣми матеріальными средствами отряда и рабочей силой его членовъ, но еще, безъ возможности протеста со стороны другихъ врачей, удалить всякаго неугоднаго ему члена, и удалить, не выдавая средствъ на возвращеніе въ Европу, что, конечно, должно было служить побужденіемъ для неимущихъ членовъ отряда подчиняться даже неразумнымъ и некорректнымъ выходкамъ и требованіямъ, если бы таковыя обнаружились. Сознаюсь, что меня сразу поко-

робила эта отдача насъ на полный произволъ хотя бы и хорошо рекомендованнаго, но все же совершенно неизвѣстнаго намъ господина, и многіе изъ товарищей впослѣдствіи сознавались, что испытали то же самое чувство. Но мысль о необходимости дисциплины въ такомъ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, примѣръ старшихъ и болѣе опытныхъ членовъ отряда, каюсь, сознаніе, что я лично въ крайнемъ случаѣ всегда могу выбраться изъ этой исторіи на собственныя средства, больше всего желаніе принять участіе въ интересной экспедиціи,— все это въ концѣ-концовъ побудило насъ всѣхъ подписать эти условія и тѣмъ поставить себя съ самаго начала въ неправильное и фальшивое положеніе. Главнаго врача, амстердамскаго доктора фанъ-Леерсума (спеціалиста по болѣзнямъ желудка), многія изъ насъ, сестеръ, даже и не видѣли въ его короткій пріѣздъ въ Петербургъ; доктора, кажется, разъ съ нимъ завтракали, и всѣ мы положились на его чувство отвѣтственности и порядочности и на осмотрительность комитета, руководившагося въ этомъ выборѣ, кажется, рекомендаціей голландскаго профессора Тиллануса. Помощникомъ себѣ по хозяйственной части д-ръ фанъ-Леерсумъ взялъ знакомаго уже съ Трансваалемъ инженера, г. фанъ-Мойэна, на обязанности котораго лежало завѣдываніе всей хозяйственной частью экспедиціи и забота о продовольствіи и передвиженіи отряда въ незнакомой, рѣдко населенной странѣ при тяжелыхъ условіяхъ военнаго времени.

Полагаю, однако, что не отъ человѣка, знакомаго уже съ Трансвааледъ и условіями его климата, исходили нѣкоторыя изъ наставленій насчетъ экипировки, переданныя намъ отъ комитета. На совѣщаніи по этому предмету, состоявшемся въ квартирѣ пастора Гиллота, мнѣ, къ сожалѣнію, не довелось участвовать, такъ какъ извѣщеніе о немъ случайно дошло до меня слишкомъ поздно. Вполнѣ основательно, какъ предохранительное средство отъ мѣстныхъ лихорадокъ, было требованіе носить шерстяное бѣлье, хотя я знаю, что нѣкоторые изъ членовъ отряда на свой страхъ отъ него уклонялись, къ счастью, безъ особенно дурныхъ послѣдствій; также раціонально было требованіе имѣть высокіе, непромокаемые сапоги для работы въ полевыхъ лазаретахъ. Но только человѣкъ, незнающій трансваальскаго климата, могъ отсовѣтовать клеенчатые плащи для дождливаго времени и кожаныя или клеенчатыя укладки для вещей. Кожаныя и клеенчатыя вещи, какъ извѣстно, легко портятся въ тропическомъ климатѣ; но Трансвааль, по своему положенію внѣ тропиковъ и по своей высотѣ надъ уровнемъ моря, не подпадаетъ подъ эти условія и всѣ эти предметы употребляются мѣстными жителями и продаются въ Преторіи и другихъ городахъ, но, какъ всѣ предметы европейскаго ввоза, стоятъ тамъ буквально вдесятеро противъ на-

него, особенно въ военное время, когда подвозъ почти прекратился; напримѣръ, за гуттаперчевый плащъ съ насъ въ Преторіи спрашивали около 6-ти фунтовъ, т. е. 60 руб. Укладка такъ же, какъ мы убѣдились на примѣрѣ самого Мойэна, вполнѣ возможна въ обыкновенные кожаные или брезентовые чемоданы или даже въ простые деревянные ящики, какъ были уложены перевязочный матеріалъ, провіантъ, инструменты и все остальное амбулаціонное добро. Насъ же почему-то обязали завести желѣзные ящики берлинской фирмы Диппельскирхъ, спеціально занимающейся экипировкой для тропическихъ странъ; ящики эти на дѣлѣ оказались довольно тяжелыми и громоздкими, и, кромѣ того, доставили еще намъ удовольствіе до Берлина тащить вещи въ кое-какой временной укладкѣ, а тамъ, вмѣсто отдыха, торопиться перекладкой ихъ въ знаменитые желѣзные сундуки. Предвидя возможность спѣшнаго передвиженія съ малымъ багажемъ, я, кромѣ того, захватила съ собою въ ремняхъ, вмѣсто туты, помѣстительные кавказскіе сѣдельные мѣшки и бурку, по примѣру сестеръ правительственнаго отряда Краснаго Креста, и эти двѣ вещи оказались самой пріятной и практичной частью моего багажа, такъ же какъ непромокаемые парусинные сапоги выше колѣнъ, также заимствованные мною у сестеръ оффиціальнаго отряда, снаряженныхъ на основаніи опыта отряда, раньше отправленнаго въ Абиссинію.

Форма намъ, въ отличіе отъ сестеръ правительственнаго отряда, взятыхъ изъ Георгіевской и Александровской петербургскихъ общинъ, съ ихъ коричневымъ костюмомъ, была дана сѣрая, изъ обыкновенной сѣрой холстинки, головная косынка и фартукъ обыкновеннаго образца русскихъ общинъ, при чемъ нѣсколько странный видъ долженъ былъ имѣть только красный крестъ, нашитый у насъ на необычномъ мѣстѣ— а именно на задней части косынки, чтобы англичане по насъ не стрѣляли, когда мы станемъ удирать, какъ острили нѣкоторые; въ дѣйствительности же этотъ крестъ, болтающійся на затылкѣ, вблизи довольно курьезный, издали, по своему малому размѣру, совсѣмъ терялся и при работѣ въ полѣ приходилось разсчитывать, конечно, ужъ не на него, а на общій видъ костюма. На недостатокъ крестовъ, въ видахъ безопасности, мы вообще пожаловаться не могли: у насъ, сестеръ, онъ, кромѣ затылка, былъ еще на груди, какъ у обыкновенныхъ общинскихъ сестеръ, и на перевязи на лѣвой рукѣ, обязательной, по женевскимъ постановленіямъ для членовъ санитарныхъ отрядовъ въ военное время. У докторовъ, кромѣ перевязи, кресты были еще на шляпахъ и, кромѣ того, купленные ими въ Берлинѣ у Диппельскирха хаки и пальто оказались съ маленькими красными крестами на воротникахъ и съ чеканными крестами на металлическихъ пуговицахъ.

Эти подробности теперь кажутся ничтожными, но тогда онѣ насъ очень занимали, стоили много обсужденія и взяли много времени для своего выполненія, такъ что нѣкоторые изъ насъ едва справились съ экипировкой въ данный намъ 10-ти-дневный срокъ. Въ то же время хотѣлось, по возможности, повидаться съ родными и знакомыми, такъ какъ ѣхали мы съ нѣсколько преувеличеннымъ понятіемъ объ ожидающихъ насъ лишеніяхъ и опасностяхъ и вполнѣ помирившись съ возможностью не вернуться вовсе.

Наконецъ, послѣ безконечныхъ треволненій и хлопотъ, 13-го декабря мы всѣ собрались на завтракъ у пастора Гиллота, пожелавшаго напутствовать насъ, по его выраженію, «рыцарей и сестеръ Краснаго Креста», горячей и торжественной рѣчью. Кромѣ его напутствія, было произнесено еще нѣсколько рѣчей, въ свое время нашедшихъ себѣ мѣсто въ газетахъ, высказано много умныхъ и благородныхъ мыслей, выпито много тостовъ за отрядъ и его будущую дѣятельность, жертвователей и организаторовъ, успѣхъ дѣла etc.

Не знаю какъ другіе, но у меня отъ всего этого осталось только общее и довольно смутное впечатлѣніе: невольно думалось о личныхъ дѣлахъ, разлукѣ съ родными, послѣднихъ предстоящихъ хлопотахъ и тому подобномъ. Отъѣздъ былъ назначенъ на другой день съ 12-ти-часовымъ поѣздомъ на Берлинъ, Мюнхенъ, Римъ и Неаполь, гдѣ мы должны были встрѣтиться съ нашими голландскими товарищами и сѣсть на пароходъ нѣмецкой южно-африканской линіи «Канцлеръ», взявшій уже изъ Амстердама весь огромный и сложный багажъ амбуланціи, числомъ около 600 ящиковъ. Закупка всего необходимаго матеріала въ Амстердамѣ была рѣшена вслѣдствіе удобства для начальника отряда и для администратора заняться ею тамъ, относительной дешевизны всего этого въ Голландіи, а также удобства погрузки на гамбургскій пароходъ. Съ Неаполя же мы становились уже подъ непосредственное начальство г-на фанъ-Леерсума; до того же русскимъ докторамъ была поручена забота о насъ, сестрахъ, денежная же и хозяйственная часть поѣздки возложена на старшаго русскаго врача, доктора Вебера. Въ виду неудобства самому вникать во всѣ мелочи дорожнаго расхода сестеръ, при непривычкѣ почти всѣхъ ихъ къ путешествію заграницей, д-ръ Веберъ, за отказомъ старшей изъ насъ, сестры Ежевской, съ перваго же дня передалъ мнѣ эту часть своихъ обязанностей, съ которой я, нѣсколько знакомая съ условіями заграничной жизни, справлялась какъ умѣла, и сношенія по этому предмету положили начало нашимъ неизмѣнно хорошимъ отношеніямъ во все продолженіе экспедиціи.

Многіе изъ жителей Петербурга помнятъ горячіе проводы гро-

мадной толпой совсѣмъ незнакомыхъ людей, двухъ санитарныхъ отрядовъ, отправленныхъ въ Южную Африку. На первыхъ проводахъ правительственнаго отряда я, пришедшая проститься съ знакомыми сестрами Георгіевской общины, чуть не была сброшена подъ поѣздъ напоромъ возбужденной толпы. О второмъ я помню массу горячихъ рукопожатій и пожеланій знакомыхъ и совершенно незнакомыхъ лицъ, страшную давку, почти невозможность какъ слѣдуетъ проститься со своими, и невольное облегченіе, когда, наконецъ, раздались послѣдніе свистки и поѣздъ, среди восторженныхъ криковъ, молитвъ и крестныхъ знаменій, посылаемыхъ намъ вслѣдъ, отошелъ отъ дебаркадера.

Въ поѣздѣ, кромѣ захваченнаго каждымъ изъ насъ небольшого запаса провизіи, мы оказались щедро снабженными отъ членовъ комитета, а то и неизвѣстныхъ друзей: были тутъ закуски, вино, фрукты конфекты въ такомъ количествѣ, что ихъ хватило еще на кораблѣ и кое-что даже пришлось выбросить, такъ что мы трунили между собой, что начало поѣздки не сулитъ еще намъ опасности отъ лишеній, а развѣ только отъ излишества. Въ иномъ настроеніи это все было бы еще болѣе кстати и пріятно; тутъ же прежде всего хотѣлось отдохнуть отъ хлопотъ и волненій послѣднихъ дней и даже дѣло сближенія съ незнакомыми товарищами въ этотъ первый день шло туго и подвинулось только въ Берлинѣ, при общихъ хлопотахъ и необходимости соглашаться на счетъ общихъ движеній.

Пріѣхавъ въ Берлинъ на другой день, 15-го, къ вечеру, мы, послѣ очень нужнаго ночного отдыха, весь почти день были заняты закупкой тѣхъ необходимыхъ вещей, покупку которыхъ оставили до Берлина, а затѣмъ укладкой стараго и новаго въ желѣзные ящики отъ Диппельскирха. Намъ, сестрамъ, въ этомъ складѣ пришлось покупать только ящики и кое-какую мелочь, напримѣръ, походныя фляжки, зашитыя въ войлокъ, съ ремнями, пристегивающимися къ поясу или сѣдлу, ножи и т. п.; доктора же заводили полную экипировку—хаки и другіе тропическіе костюмы, непромокаемыя пальто (не клеенчатыя) etc., которые приходилось еще шить и прилаживать. Въ этомъ отношеніи фирма Диппельскирхъ выказала большую предупредительность, несмотря на рождественскіе праздники (по нов. ст.), приготовивъ все въ одинъ день; взамѣнъ же этого мы, по ихъ просьбѣ, сдѣлали имъ любезность сняться общей группой въ купленныхъ у нихъ вещахъ. Фотографированіе въ новыхъ необычныхъ костюмахъ, къ тому же вечеромъ при освѣщеніи магніемъ, обошлось, конечно, не безъ смѣха и курьезовъ, но фотографія, которую мнѣ потомъ довелось видѣть, вышла довольно удачная и, говорятъ, была выставлена на радость берлинскимъ бурофиламъ и прославленіе фирмы и ея произведеній. Съ большимъ за-

трудненіемъ все это было окончено, костюмы сняты и уложены такъ, что мы еще попали на вечерній поѣздъ прямого сообщенія съ Римомъ, такъ какъ остававшіеся у насъ до отплытія «Канцлера» нѣсколько свободныхъ дней мы предпочитали провести въ Италіи и дорожили каждымъ часомъ. Собственно я охотно удѣлила бы день на хорошо знакомый и милый мнѣ по прежнимъ путешествіямъ Мюнхенъ, но нельзя было отставать отъ товарищей и, проѣхавъ безостановочно Мюнхенъ, живописный Инсбрукъ, перевалили Бреннеръ, ночью миновали Верону, Миланъ, на зарѣ были во Флоренціи, но съ искреннимъ сожалѣніемъ могли только видѣть, какъ таяли въ розовомъ утреннемъ туманѣ куполъ собора и башня Campanile и palazzo vecchio. Затѣмъ послѣдовалъ прелестный даже въ зимнее время Val d'Arno, еще нѣсколько маленькихъ мѣстечекъ съ всесвѣтно-громкими именами и часа въ два мы, наконецъ, достигли Рима и тутъ впервые почувствовали вполнѣ опредѣленно, что оставили сѣверъ за собою. Остановились мы въ Hôtel Hassler, и я никогда не забуду радостное впечатлѣніе выставки цвѣтовъ на продажу вокругъ фонтана Piazza di Spagnia: оставивъ три дня назадъ Петербургъ при 20-ти градусномъ морозѣ, душа радовалась на это обиліе душистыхъ красокъ— лилій, розъ, фіалокъ, ирисовъ, гвоздикъ, грудами лежавшихъ вокругъ журчащаго фонтана у подножія грандіозной лѣстницы.

Вообще на этотъ разъ мы имѣли дѣло болѣе съ живописной и современной стороной Рима: грандіозной красотой его общаго вида съ холмовъ позади св. Петра, типичностью отдѣльныхъ зданій, уголковъ и фигуръ, встрѣчающихся при самой бѣглой прогулкѣ по его улицамъ, прелестью его садовъ и виллъ. На музеи намъ не хватало времени, да и дни были неподходящіе: канунъ и самый день Новаго года, но новаго года столѣтняго (1900), такъ что мы сочли себя особенно счастливыми, запасшись билетами на торжественную полунощную мессу въ соборѣ св. Петра. Билеты эти продалъ намъ гидъ, водившій насъ по собору и папскимъ садамъ; потомъ оказалось, что впускали всѣхъ безо всякихъ билетовъ,— но вѣдь надо жить и гидамъ. Для меня же впечатлѣніе этого ночного торжественнаго богослуженія въ самомъ грандіозномъ храмѣ христіанскаго міра и послѣдующей ночной прогулки по Риму, гдѣ мы едва не заблудились, несомнѣнно стоило подачки не одному гиду.

Въ Римѣ намъ еще осталось памятнымъ послѣднее впечатлѣніе Россіи, родного привѣта и ласки, хотя отъ чужихъ, мало знакомыхъ людей, но своихъ, русскихъ. Въ одной гостинницѣ съ нами стояли князь Долгорукій и его супруга, княгиня Лидія Алексѣевна, заинтересовавшіеся нашимъ отрядомъ вслѣдствіе того, что ихъ племянникъ, графъ Павелъ Алексѣевичъ Бобринскій, имѣлъ намѣреніе примкнуть къ одному изъ рус-

скихъ отрядовъ Краснаго Креста на пути въ Трансвааль, что онъ впослѣдствіи и осуществилъ, сами же они въ Русско-турецкую войну 77-го года завѣдывали санитарнымъ складомъ и могли дать намъ много интересныхъ и цѣнныхъ указаній. Тамъ же мы встрѣтились съ В. П. Волковой, рожденной графиней Гейденъ, дочерью члена русско-голландскаго комитета графа Петра Александровича; такимъ образомъ, мы въ Римѣ встрѣчали Новый годъ (по тамошнему) еще не совсѣмъ отрѣзанными отъ родной Россіи и потомъ долго еще вспоминали найденныхъ тамъ чужихъ друзей и наслаждались цвѣтами и конфектами, съ которыми проводили насъ при отъѣздѣ эти послѣдніе милые русскіе, съ которыми мы имѣли дѣло, оставляя Европу.

Мы уѣхали изъ Рима 1-го января новаго стиля около полудня и къ ночи были въ Неаполѣ. Такъ какъ нашъ пароходъ даже еще не пришелъ и о голландскихъ товарищахъ также не было никакихъ слуховъ, мы рѣшили остававшійся намъ свободный день употребить на большую экскурсію по окрестностямъ Неаполя: пароходомъ на Капри и оттуда въ Сорренто, затѣмъ по корнишѣ неаполитанскаго залива въ экипажѣ до Помпеи и завершить все это ночнымъ подъемомъ на Везувій. Обширный планъ на 24 часа; но съ вступленіемъ на корабль завершался для насъ послѣдній часъ относительной свободы; ожиданіе въ будущемъ тяжелыхъ зрѣлищъ, невзгодъ и опасностей съ неувѣренностью возвращенія возбуждало нервы и послѣ холода, серьезныхъ настроеній и мелочныхъ заботъ послѣднихъ дней въ Петербургѣ хотѣлось использовать этотъ послѣдній часъ въ Европѣ, насладиться прелестью южной природы въ ея многообразныхъ проявленіяхъ, прежде чѣмъ вступить на путь труднаго и небезопаснаго долга. Зато и достигли мы своей цѣли: поѣздка по морю, голубой гротъ, прогулка по пригрѣтому солнцемъ Капри, между его виноградниками, были сплошнымъ наслажденіемъ, такъ что во время поѣздки въ экипажѣ между Сорренто и Помпеей и глазъ, и мозгъ устали воспринимать вѣчно мѣнявшіяся картины природы, одну другой красивѣе. Еще оригинальнѣе, хоть и очень утомителенъ, былъ предпринятый послѣ краткаго отдыха подъемъ на Везувій въ темнотѣ при факелахъ, отравленный только гамомъ и приставаньемъ толпы назойливыхъ неаполитанскихъ гидовъ и погонщиковъ нашихъ несчастныхъ маленькихъ лошадёнокъ. Везувій сдѣлалъ намъ честь подышать при насъ въ шутку огнемъ и выбросить нѣсколько камней, а затѣмъ во время спуска мы вполнѣ насладились бы зрѣлищемъ лежавшаго глубоко подъ нами неаполитанскаго залива при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, если бы опять не оранье закабалившихъ насъ трещащихъ итальянцевъ и сознаваемая нами самими необходимость спѣшить возвращеніемъ въ Неаполь, что мы

и поторопились сдѣлать послѣ самаго поверхностнаго осмотра древней Помпеи.

Эта веселая и разнообразная экскурсія была для насъ прощаніемъ съ Европой передъ началомъ настоящаго путешествія полнымъ составомъ отряда. До сихъ поръ мы находились подъ номинальнымъ начальствомъ старшаго русскаго врача, доктора Вебера, и мы, сестры, вообще на попеченіи докторовъ. Я убѣждена, что мои товарки, какъ и я, вынесли ко всѣмъ имъ чувство искренней признательности за проявленную по отношенію къ намъ въ это время заботливость; въ особенности это относится къ нашему молодому шефу, тактъ и любезность котораго ни на минуту ему не измѣняли въ необычномъ для него и не всегда пріятномъ положеніи отвѣтственнаго лица въ большомъ обществѣ взрослыхъ людей.

Тотчасъ по возвращеніи въ Неаполь мы узнали, что нашъ пароходъ пришелъ и уходитъ въ ту же ночь. Д-ръ Веберъ отправился разыскивать начальника отряда и условился съ нимъ, что мы къ 10-ти часамъ вечера всѣ будемъ на «Канцлерѣ». Жуткій это былъ переѣздъ въ темнотѣ южной ночи съ неаполитанскаго мола къ неизвѣстнымъ товарищамъ, на корабль, уносившій насъ изъ родной Европы, отъ всего дорогого и обычнаго; и хотя мы всѣ старались казаться спокойными и веселыми, но на нервныхъ и менѣе рѣшительныхъ изъ насъ обстоятельства и обстановка явно оказывали свое вліяніе.

На «Канцлерѣ» насъ встрѣтилъ д-ръ фанъ-Леерсумъ, тотчасъ перезнакомилъ съ нашими голландскими товарищами и, велѣвъ принести шампанскаго, заставилъ всѣхъ насъ чокнуться за успѣхъ экспедиціи и счастливое возвращеніе. Голландцевъ въ нашемъ отрядѣ, кромѣ доктора фанъ-Леерсума и администратора фанъ-Мойэна, оказалось два врача-хирурга, доктора фанъ-Диссель и Ромейнъ, пять сестеръ, снабженныхъ дипломами голландской общины дамъ «Бѣлаго Креста», и три санитара, двое съ дипломами на братьевъ милосердія и третій — поваръ. Объ отдѣльныхъ личностяхъ мнѣ придется еще упоминать не разъ въ теченіе этого разсказа; теперь же скажу только, что на голландскихъ хирурговъ мы, русскія сестры, ни въ чемъ никогда пожаловаться не могли, а въ отдѣльныхъ случаяхъ видѣли отъ нихъ и заботу, и хорошее товарищеское отношеніе. Сестры, при неизбѣжной разницѣ характеровъ и опытности, оказались хорошо знакомыми съ разными отраслями своего дѣла, а также со связанной съ нимъ черной работой. Кромѣ насъ, на кораблѣ оказалось немало лицъ интересныхъ и съ которыми намъ приходилось сталкиваться впослѣдствіи. Тутъ для усиленія второй голландской амбуланціи ѣхали доктора Янсенъ, фанъ-Хаутенъ и фанъ-деръ-

Гоотъ. При нихъ, въ какой-то странной роли, такъ и оставшейся для насъ неясной, ѣхалъ еще одинъ старый господинъ, докторъ фанъ-Р. Его соотечественники увѣряли, что онъ принадлежитъ къ очень уважаемой и чуть ли не знаменитой фамиліи. Несомнѣнно, что онъ былъ очень хорошо воспитанъ, обладалъ хорошими матеріальными средствами и на своемъ вѣку изъѣздилъ чуть не весь земной шаръ, что очень любилъ высказывать въ разговорѣ, но дѣйствительно ли онъ вынесъ изъ своихъ странствій много серьезныхъ знаній и опыта, и былъ ли онъ, дѣйствительно, докторомъ какой-нибудь науки (навѣрное, только не медицины), такъ и осталось для насъ невыясненнымъ. Онъ обладалъ однимъ несомнѣннымъ талантомъ, хотя невсегда пріятнымъ для другихъ—талантомъ каррикатуры: не остроумной каррикатуры, въ фантастическомъ изображеніи сразу схватывающей существенныя юмористическія черты типа или явленія, но болѣе мелкой, хотя несомнѣнно выдающейся, способностью вѣрно срисовывать отдѣльныя личности въ неловкіе и пошлые моменты. Понятно, что при неизбѣжной тѣснотѣ корабельной жизни не всегда было пріятно чувствовать надъ собой такого рода доброжелательное наблюденіе. Сначала говорили, что онъ богатый благотворитель и на свой счетъ везетъ въ Трансвааль врачей 2-й амбуланціи; это впослѣдствіи оказалось вздоромъ, и для чего онъ вообще туда ѣздилъ, довольно непонятно. Но можно себѣ представить наше удивленіе, когда послѣ многихъ встрѣчъ и столкновеній въ Трансваалѣ, мы на возвратномъ пути, случайно, опять оказались на одномъ кораблѣ и та же сказка распространилась, но уже о насъ. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ былъ всегда щепетильно вѣжливъ и даже любезенъ. Было и два голландскихъ офицера—лейтенанты Никсъ и Ассельсбекъ, ѣхавшіе въ Трансвааль въ качествѣ военныхъ агентовъ. Были и добровольцы, между прочимъ, два нѣмецкихъ офицера: фонъ-деръ-Линне, разъѣзжавшій больше en dilettante, и артиллеристъ фонъ-Брахель, впослѣдствіи храбро павшій въ первомъ ряду европейскаго отряда полковника Максимова. Изъ русскихъ, кромѣ насъ, былъ на кораблѣ только одинъ, племянникъ обласкавшей насъ въ Римѣ княгини Л. А. Долгорукой, графъ П. А. Бобринскій, какъ соотечественникъ, тотчасъ сблизившійся съ нашимъ отрядомъ, т. е. русской его частью.

Со всѣми этими лицами мы познакомились и освоились только впослѣдствіи: пока же мы были слишкомъ заняты прилаживаніемъ нашего багажа для долгаго переѣзда въ узкіе рамки каютной жизни. При распредѣленіи по каютамъ насъ, русскихъ сестеръ, немного непріятно поразило, что всѣ килевыя каюты 1-го класса отданы голландкамъ, по двѣ вмѣстѣ, какъ всегда въ каютахъ этого класса; 5-ая голландская сестра была помѣщена также въ каютѣ 1-го класса съ одною изъ русскихъ;

остальныя же русскія сестры вчетверомъ помѣщены въ каюту второго класса, хотя и примыкавшую къ первому, но гораздо менѣе удобную. Роль для насъ игралъ, конечно, не вопросъ удобства, такъ какъ его исключало самое наше назначеніе, да въ многихъ отрядахъ сестры прямо ѣхали во второмъ классѣ и мы на этотъ счетъ были обставлены исключительно роскошно. Въ каюту къ сестрѣ-голландкѣ была назначена другая изъ насъ, но ей не хотѣлось оставлять своихъ и, наконецъ, по общему рѣшенію, туда перевели меня; и я должна сказать, что все время вполнѣ хорошо ладила со своей сосѣдкой и послѣ тѣснаго совмѣстнаго житья въ теченіе мѣсяца, который длился переѣздъ моремъ, у насъ сохранились наилучшія отношенія.

Впрочемъ, уже на другой день мнѣ пришлось оказать ей нѣкоторыя товарищескія услуги, такъ какъ она оказалась очень отзывчивой на качку, да и большинство пассажировъ въ эти первые дни были вовсе не въ состояніи принимать участіе въ корабельной жизни и въ своихъ спутникахъ. Изъ нашего отряда вполнѣ свободными отъ этой непріятной спутницы морского переѣзда оказались только шефъ, д-ръ фанъ-Леерсумъ и нашъ д-ръ фонъ-Ренненкампфъ; остальные всѣ болѣли въ большей или меньшей степени, иные же такъ сильно, что, по собственному сознанію, готовы были пожелать себѣ смерти. Я, до тѣхъ поръ не имѣвшая понятія о морской болѣзни, первый день еще крѣпилась и, благодаря этому, не потеряла видъ Мессинскаго пролива съ Этной, хотя и заволоченой облаками по зимнему времени; но на слѣдующій день, по нашему стилю 24-ое декабря, я уже не пыталась создавать себѣ иллюзій и хотя не лежала, какъ многіе другіе, плашмя въ каютѣ съ самыми неизящными проявленіями этого недомоганія, однако, не рѣшалась покинуть своего сильно наклоненнаго стула на декѣ и была избавлена отъ необходимости спускаться внизъ къ обѣду и завтраку любезностью нѣкоторыхъ изъ спутниковъ, преимущественно д-ра Ренненкампфа и гр. Бобринскаго. Въ общемъ же я оказалась недурнымъ морякомъ, такъ какъ на другой день мнѣ было уже настолько лучше, что я могла слѣдить за берегами Крита съ его классическими воспоминаніями, потомъ же я и думать забыла о морской болѣзни и вполнѣ наслаждалась моремъ, ни минуты не уставая любоваться его вѣчно мѣняющимся однообразіемъ. Это наслажденіе красотой моря и постояннымъ тепломъ, начавшимся какъ только мы стали подходить къ берегамъ Египта, навѣваемая имъ подлинно «сладкая лѣнь», мнѣ даже мѣшали пользоваться какъ слѣдуетъ захваченными книгами или заниматься корреспонденціей съ многочисленными друзьями, желавшими имѣть письма изъ далекихъ странъ. Спасительное въ этомъ случаѣ изобрѣтеніе представляютъ почтовыя карточки съ видами, часто очень

изящными, интересныя почти всѣмъ, своими экзотическими видами и марками, коллекціонерамъ же доставляющія громадное удовольствіе. большее даже, чѣмъ настоящія письма.

Впрочемъ, уже послѣ первыхъ остановокъ въ Портъ-Саидѣ и Суецѣ, когда всѣ члены отряда болѣе или менѣе оправились отъ морской болѣзни и свыклись съ корабельной обстановкой, предстоявшее намъ дѣло, подготовка къ нему, заняли нѣсколько лучшихъ часовъ дня. Не говоря уже о голландскомъ или англійскомъ языкахъ, которыми всѣ почти члены отряда занимались болѣе или менѣе усердно, д-ръ фанъ-Леерсумъ, желая, чтобы мы освоились сколько возможно съ ожидавшей насъ дѣятельностью, уже въ началѣ путешествія распредѣлилъ намъ роли для будущаго, хотя, какъ будетъ видно, это распредѣленіе впослѣдствіи было проведено далеко не послѣдовательно. Мнѣ лично, впрочемъ, приходится этому только радоваться, такъ какъ мнѣ отъ порученной мнѣ сначала хозяйственной части въ центральномъ лазаретѣ, такимъ образомъ, удалось перейти въ маленькій полевой лазаретъ, гдѣ пришлось увидѣть много интереснаго. Однако, это распредѣленіе все же дало намъ возможность по частямъ нѣсколько разобраться въ огромномъ сопровождавшемъ насъ матеріалѣ. Хотя отдѣльныя личности получили списки (не всегда, впрочемъ, точные) предметовъ, относившихся къ ихъ будущему отдѣлу, но мы, понятно, интересовались справляться, по возможности, другъ у друга и съ общими списками и, такимъ образомъ, всѣ составили себѣ хотя приблизительное понятіе о той массѣ разнородныхъ предметовъ, которой мы располагали. Здѣсь, кромѣ палатокъ разной величины и формы, самыхъ удобныхъ образцовъ, было полное обзаведеніе на походный лазаретъ въ 40 кроватей, съ возможностью, конечно, въ случаѣ нужды, увеличить это число съ помощью нѣкоторыхъ уступокъ въ комфортѣ, напримѣръ, матрацовъ или даже сѣнниковъ, положенныхъ прямо на землю или на куски брезента, и т. под., перевязочнаго матеріала, инструментовъ, etc. Лекарствъ была масса; много разнообразной кухонной и столовой посуды, провизіи, консервовъ, вина и т. под., и даже нѣкоторые предметы, представлявшіе уже роскошь и, пожалуй, лишній балластъ въ военномъ походномъ госпиталѣ, какъ, напримѣръ, ящики съ разнообразными письменными принадлежностями, не только необходимой бумагой, карандашами, чернилами и т. под., но разнообразныя записныя книжки, бювары, block-notes и т. д.; ящикъ съ разными играми для больныхъ—картами, домино, шашками, шахматами и др., и, наконецъ, 6, кажется, штукъ болѣе чѣмъ аршинныхъ простѣночныхъ зеркалъ въ изящныхъ рамкахъ, перевозка которыхъ изъ Голландіи въ Трансвааль для пользы отряда и теперь еще не перестала меня удивлять. Во всякомъ случаѣ, несмотря на почти неизбѣжныя отдѣльныя ошибки и упущенія, амбу-

ланція была снабжена во всѣхъ отношеніяхъ роскошно, и мы вполнѣ могли гордиться постановкой дѣла, организованнаго на общественныя русскія средства.

Докторъ фанъ-Леерсумъ пожелалъ также, чтобы для ознакомленія персонала между собою и сестеръ съ требованіями отдѣльныхъ врачей, каждый изъ нихъ прочелъ намъ нѣсколько лекцій по разнымъ отраслямъ нашего дѣла: д-ру Веберу было предложено повторить съ нами основы антисептическаго и асептическаго способовъ леченія, д-ру Ромейну—побесѣдовать объ оперативной хирургіи, д-ру фанъ-Дисселю—о примѣненіи въ хирургіи анестезирующихъ средствъ. Не могу сказать, чтобы это предложеніе встрѣтило большое сочувствіе гг. врачей—да отчасти и правильно: съ теоретической стороной всѣхъ этихъ вопросовъ сестра, пускающаяся въ подобную экспедицію, обязана быть знакома основательно, не говоря уже о нѣкоторой необходимой практикѣ; съ субъективными же пріемами работы отдѣльныхъ врачей всего лучше знакомиться на дѣлѣ. Однако, совершенно устранился отъ исполненія желанія начальства одинъ д-ръ фанъ-Диссель. Докторъ Веберъ одинъ разъ побесѣдовалъ съ нами объ асептикѣ, антисептикѣ и различныхъ антисептическихъ средствахъ, при чемъ все же, вѣроятно, многимъ изъ насъ сообщилъ кое-какія новыя подробности. Докторъ Ромейнъ очень остроумно вышелъ изъ этого положенія, сведя все дѣло на бесѣду съ нами, русскими сестрами, о различныхъ хирургическихъ пріемахъ, практикующихся въ русскихъ и голландскихъ больницахъ, при чемъ мы, конечно, познакомились со многими деталями его личныхъ требованій и пріемовъ. Я лично всегда жалѣла, что ни chef, ни докторъ фонъ-Ренненкампфъ не сочли нужнымъ дать намъ нѣсколько, хотя бы чисто теоретическихъ указаній о приготовленіи и дозировкѣ лекарствъ. Нѣкоторыя общія понятія на этотъ счетъ, конечно, пріобрѣтаются сами собою при больничной практикѣ; но болѣе подробное знакомство съ этимъ предметомъ почти необходимо, особенно въ походѣ, гдѣ постоянно оказываешься вдали отъ всякихъ аптекъ и докторъ часто не имѣетъ возможности самъ приготовить все нужное; а вмѣстѣ съ тѣмъ основательное знаніе этого предмета часто отсутствуетъ даже у достаточно опытныхъ сестеръ. Думаю, что то же сожалѣніе охотно высказали бы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ моихъ товарокъ, работавшія, какъ и я, въ маленькихъ фронтовыхъ лазаретахъ. Всего полезнѣе и потому успѣшнѣе былъ повторительный практическій курсъ перевязки, пройденный нами у доктора Борнгаупта, при чемъ, конечно, обсуждались сравнительныя выгоды различныхъ перевязочныхъ средствъ и давались указанія для упрощенія и сокращенія работы въ разныхъ возможныхъ случаяхъ полевой практики. Благодаря любезности

доктора Борнгаупта, желающія между нами могли еще пользоваться нѣкоторыми бывшими у него книгами по военной хирургіи. Все это при очень ясномъ и толковомъ изложеніи доктора Борнгаупта, при постоянныхъ опытахъ въ повязкахъ тутъ же между собою, возможность совмѣстно обсуждать разныя детали работы интересно наполняло нѣсколько часовъ тѣхъ дней, гдѣ мы не находились въ виду какого-нибудь берега или порта, когда интересъ новыхъ видовъ и типовъ, конечно, заставлялъ откладывать занятія до длинныхъ дней, проводимыхъ въ открытомъ морѣ.

Первой нашей остановкой былъ Портъ-Саидъ, 27-го декабря стараго стиля, откуда мы, русскіе, по обычаю дальнихъ экспедицій, послали новогодній привѣтъ черезъ газеты всѣмъ далекимъ роднымъ и знакомымъ. Самый городъ произвелъ на насъ дурное впечатлѣніе своимъ непріятно космополитическимъ характеромъ—смѣшеніемъ восточной грязи и торгашества съ худшими сторонами европейской цивилизаціи; однако, уже и тутъ начинается богатство типичнаго и живописнаго въ людяхъ, почти вовсе отсутствующее въ строеніяхъ и обстановкѣ. Эта первая остановка ознаменовалась маленькимъ инцидентомъ, интереснымъ какъ иллюстрація бдительности англичанъ и той мелочной предосторожности, до которой они доходили въ своей погонѣ за трансваальскими добровольцами, особенно когда имѣли основаніе предполагать въ нихъ людей, хорошо подготовленныхъ и энергичныхъ. Садясь въ лодку на набережной Портъ-Саида и по возвращеніи на корабль, мы, сестры, замѣтили какое-то замѣшательство, оживленные переговоры корабельнаго персонала, нѣкоторыхъ членовъ отряда и постороннихъ лицъ, очевидно, вновь прибывшихъ. Впослѣдствіи оказалось, что наше общество чуть не увеличилось еще новымъ «трансваальцемъ», какъ мы себя называли въ шутку, именно Е. Я. Максимовымъ, съ которымъ намъ еще предстояло не одинъ разъ столкнуться впослѣдствіи, въ качествѣ паціента и наиболѣе выдвинувшагося тамъ соотечественника. Уѣхавъ первоначально изъ Петербурга раньше насъ въ качествѣ военнаго корреспондента, Максимовъ, къ своему крайнему удивленію, былъ возвращенъ изъ Одессы телеграммой военнаго министра. Оказалось, что Англія, зорко слѣдившая за всѣми проявленіями сочувствія къ бурамъ и даже простого интереса къ ея дѣйствіямъ въ Южной Африкѣ, заявила свой протестъ и посылка спеціальнаго корреспондента отъ военнаго министерства отмѣнена. Сомнительно, однако, чтобы въ этой мелочи Англіи приходилось радоваться результатамъ своей дипломатіи, такъ какъ Максимовъ уѣхалъ уже не оффиціальнымъ корреспондентомъ, обязаннымъ не принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, а свободнымъ человѣкомъ, будущимъ про-

славленнымъ начальникомъ отряда и трансваальскимъ выборнымъ генераломъ. Самая поѣздка, впрочемъ, не обошлась безъ помѣхъ, легко могшихъ остановить менѣе настойчиваго и энергичнаго человѣка. Доѣхавъ на русскомъ пароходѣ до Александріи и уже подозрѣвая, что за нимъ слѣдять, онъ хотѣлъ въ Портъ-Саидѣ для дальнѣйшаго пути сѣсть на нашъ «Канцлеръ», но, несмотря на настояніе нѣкоторыхъ изъ пассажировъ, знавшихъ Максимова по Петербургу, получилъ категорическій отказъ капитана, основанный на предписаніи агента компаніи въ Портъ-Саидѣ; агентъ этотъ оказался англичаниномъ, всего нѣсколько дней замѣнившимъ прежняго агента, француза. Вслѣдствіе этого отказа и другихъ подобныхъ же затрудненій, Максимовъ потратилъ много лишняго времени на послѣдовательный переѣздъ по желѣзной дорогѣ изъ Портъ-Саида въ Суэцъ, сначала до Джибути, затѣмъ въ Занзибаръ, на Мадагаскаръ и оттуда, наконецъ, недѣли на 3—4 позже насъ, въ Лоренцо-Маркезъ и, такимъ образомъ, былъ совершенно лишенъ возможности принять участіе въ первомъ счастливомъ періодѣ войны, гдѣ его предыдущая боевая опытность и обнаруженная имъ впослѣдствіи способность сближаться съ мѣстными жителями могли бы оказать существенныя услуги еще не испорченному дѣлу.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ Портъ-Саидъ, производитъ Суецъ со своимъ типичнымъ арабскимъ городомъ на фонѣ безплодныхъ холмовъ, осѣненнымъ стройнымъ минаретомъ и многочисленными перистыми красавицами пальмами; это по крайней мѣрѣ издали, такъ какъ пароходъ нашъ стоялъ тамъ такое короткое время, что мы не успѣли сойти на берегъ. Между этими двумя городами мы проходили знаменитый каналъ и въ его узкихъ берегахъ имѣли хоть нѣкоторую возможность посмотрѣть картины пустыни и полюбоваться удивительными эффектами освѣщенія, особенно вечерняго и луннаго, на этомъ двигающемся морѣ песка. Мнѣ при этомъ всегда вспоминались удивительныя описанія въ «Le desert» Лоти.

Кромѣ того, въ эти сутки намъ пришлось пережить маленькую тревогу, представлявшую уже своего рода военный интересъ. Въ Портъ-Саидѣ мы узнали, что шедшіе раньше насъ пароходы нашей линіи «Генералъ» и «Герцогъ», изъ которыхъ второй везъ нѣмецко-бельгійскую амбулаицію, были, подходя къ Лоренцо-Маркезу, остановлены англійскими военными судами, отведены въ Дурбанъ и подвергнуты строгому осмотру въ виду предполагавшейся на нихъ военной контрабанды и добровольцевъ для Трансвааля. На нашемъ пароходѣ, какъ я уже сказала, дѣйствительно было нѣсколько человѣкъ добровольцевъ, и мы болѣе чѣмъ подозрѣвали на немъ присутствіе также военной контрабанды. Въ непремѣн-

номъ ожиданіи быть, въ свою очередь, задержанными, наше настроеніе было скорѣе повышенное, въ надеждѣ на первую военную авантюру и столкновеніе съ «врагомъ», какъ большинство изъ насъ про себя титуловали англичанъ, несмотря на кажущуюся некорректность этого для членовъ санитарнаго отряда; мы вѣдь, впрочемъ, были снаряжены на средства, служившія нагляднымъ доказательствомъ сочувствія русскаго общества къ бурамъ и спеціально на помощь имъ, хотя, понятно, не имѣли нравственнаго права обѣгать никакихъ раненыхъ или больныхъ. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ, уже знакомые съ Южной Африкой, говорили намъ о красотѣ Дурбана и вообще натальскаго побережья, досадно только было потерять много лишнихъ дней въ то время, когда постоянные успѣхи буровъ заставляли многихъ ожидать скораго окончанія войны. Въ ожиданіи этого интереснаго инцидента между нами ходили разныя предположенія и шутки; напримѣръ, меня и сестру Якобсенъ, для удобства имѣвшихъ короткіе волосы, дразнили, что насъ англичане примутъ за переодѣтыхъ артиллеристовъ, товарищей фонъ Брахеля. Во всякомъ случаѣ плѣненіе ожидалось только въ открытомъ океанѣ, не доходя Лоренцо, какъ это было съ «Генераломъ» и «Герцогомъ», и было практичнѣе для самихъ англичанъ, которымъ, такимъ образомъ, не приходилось перемѣщать военныя суда и меньше было возни съ нами. Каково же было наше возбужденіе, когда мы замѣтили, что тотчасъ за нами изъ Портъ-Саида вышелъ стоявшій тамъ англійскій броненосецъ и, хотя онъ имѣлъ полную возможность насъ перегнать, все время слѣдовалъ за нами на нѣкоторомъ разстояніи, какъ по каналу, такъ сначала и по Красному морю, гдѣ онъ насъ или мы его, наконецъ, потеряли, т. е. онъ обошелъ насъ на большомъ разстояніи, и мы вновь свидѣлись только въ Аденѣ, куда вошли почти одновременно.

Переѣздъ Краснаго моря памятенъ намъ еще празднованіемъ нашего русскаго Новаго года по старому стилю. Памятенъ мнѣ также предыдущій вечеръ, гдѣ мы, русскіе члены отряда, обсуждали вопросъ устроить ли это празднованіе только между собою, или привлечь къ нему также нашихъ голландскихъ товарищей. Причиной возникновенія этого вопроса—вопроса нашихъ русско-голландскихъ отношеній, въ этотъ вечеръ впервые серьезно поднятаго между нами, была малая любезность, чтобы не выразиться рѣзче, встрѣчаемая нами уже тогда въ нашихъ стараніяхъ сблизиться съ нашими союзниками и установить съ ними дѣйствительно товарищескія отношенія. Впослѣдствіи мнѣ еще придется вернуться къ этому вопросу подробнѣе, теперь же скажу только, что нѣкоторые изъ насъ были уже настолько выведены изъ терпѣнія встрѣчавшимися намъ фактами и системой обращенія съ нами, что категорически заявляли свое

желаніе «послать союзниковъ къ чорту» (Hohl sie der Kukuck, по любимому выраженію одной изъ нѣмецкихъ сестеръ)—дать имъ почувствовать свое полное равнодушіе, а также намѣреніе, по возможности, обособиться и на работѣ. Теперь я иногда сомнѣваюсь, не привела ли бы такая постановка вопроса ребромъ въ концѣ-концовъ къ лучшимъ результатамъ, чѣмъ восторжествовавшее тогда мнѣніе болѣе мирно настроенныхъ изъ насъ, къ которымъ въ то время принадлежала и я. Мы выставляли на видъ, что причиной недоразумѣній, весьма вѣроятно, служитъ не пренебреженіе или недоброжелательство голландцевъ (тѣмъ болѣе, что самые средства экспедиціи по преимуществу русскія), а нѣкоторая необходительность, ихъ національнаго характера, отчасти также незнаніе большинствомъ изъ нихъ основательно ни одного изъ международныхъ европейскихъ языковъ и наше малое знакомство съ языкомъ голландскимъ; что нехорошо способствовать установленію враждебныхъ или хотя бы холодныхъ отношеній еще до прибытія на мѣсто и возможности испытать сближающее вліяніе совмѣстной работы; что намъ, русскимъ, какъ обладающимъ отъ природы болѣе общительной и податливой натурой, слѣдуетъ взять на себя иниціативу въ установленіи болѣе правильнаго modi vivendi и много другого въ томъ же духѣ. Это мнѣніе, какъ я уже сказала, въ концѣ-концовъ восторжествовало, и было рѣшено сдѣлать генеральное усиліе заинтересовать нашихъ союзниковъ и вызвать ихъ на болѣе дружественныя отношенія. Съ нами, благодаря заботѣ о насъ петербургскихъ друзей, спеціально г. Крейца, завѣдывавшаго практической стороной нашихъ сборовъ, независимо отъ амбуланціоннаго багажа, ѣхало два русскихъ самовара средняго размѣра. Мы рѣшили достать одинъ изъ нихъ и устроить для себя и товарищей настоящій русскій чай, надѣясь заинтересовать ихъ новыми для большинства изъ нихъ пріемами въ приготовленіи и употребленіи чая, который голландцы, подобно англичанамъ, пьютъ перестоявшимся, если не прямо кипяченымъ, и обязательно съ большою примѣсью сливокъ или молока. У насъ кажется весьма простымъ поставить самоваръ; на нѣмецкомъ же пароходѣ, гдѣ никто изъ прислуги не имѣлъ объ немъ ни малѣйшаго понятія, дѣло обстояло далеко не такъ просто; и мнѣ, здѣсь въ первый разъ отправлявшей обязанности хозяйки съ любезно взявшейся мнѣ помогать сестрою Мейснеръ, пришлось потратить немало труда и терпѣнія, чтобы помѣшать имъ наложить въ трубу щепокъ, политыхъ керосиномъ, и достать хоть сколько-нибудь прогорѣлыхъ древесныхъ углей, такъ какъ топка на кораблѣ производилась, конечно, каменнымъ углемъ. Зато успѣхъ нашa затѣя, къ сожалѣнію только на первое время, имѣла блестящій. Изъ голландцевъ, и нашихъ, и 2-ой амбуланціи, кромѣ фанъ-Леерсума, пріѣз-

жавшаго въ Петербургъ, никто никогда не видалъ самовара и смотрѣли они на него въ родѣ какъ на дикаго звѣря, который, при неумѣломъ обращеніи, можетъ укусить или, скорѣе, взорвать; дамы со страхомъ просили позволенія повернуть кранъ, когда же узнали, что съ нимъ можно приготовлять и кофей, ихъ любимый напитокъ, рѣшили въ одинъ голосъ, что это herlich (ихъ любимая похвала). Чай они, по нашему примѣру, пробовали пить постный съ лимономъ, но успѣха у большинства этотъ способъ не имѣлъ. Все же нашъ вечеръ вышелъ наславу и, выйдя всѣ вмѣстѣ на палубу, они, еще въ первый разъ, дѣйствительно съ нами перемѣшались, а затѣмъ вызвали корабельный оркестръ и заставили его играть «Боже Царя Храни». Потомъ кто-то изъ русскихъ распорядился принести шампанскаго; оркестръ игралъ голландскій національный гимнъ, гимнъ буровъ, die Waht am Rhein (ради нѣмецкаго корабля, капитанъ и офицеры котораго пришли насъ поздравить), говорили тосты, и союзники нѣсколько расшевелились: молодой докторъ Ромейнъ, изъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ вообще прекрасно къ намъ относившійся, чокался на дружбу съ кѣмъ-то изъ нашихъ докторовъ и говорилъ, что никогда не забудетъ того, что русскимъ онъ обязанъ этой поѣздкой, возможностью помогать въ правомъ дѣлѣ родственному народу и еще этими чудными минутами. Но къ концу вечера мы все же оказались въ двухъ группахъ, и опять по національностямъ.

Въ Красномъ морѣ мы еще часто видѣли землю — разбросанные въ немъ острова или шли въ виду береговъ, любовались освѣщеніемъ скалъ и песка, съ интересомъ слѣдили за дальними очертаніями Синая и Хорива. Миновавъ проливъ Бабъ-эль-Мандебъ и быстро осмотрѣвъ Аденъ съ его весьма поучительными англійскими укрѣпленіями и складами, типичнымъ арабскимъ селеніемъ и удивительными старыми (теперь реставрированными) водоемами, мы, наконецъ, вышли въ открытый океанъ для самаго длиннаго перехода моремъ,—двѣ недѣли далеко отъ всякой земли. Прежде чѣмъ потерять изъ вида берегъ, мы еще обогнули мысъ Гвардафуй, который мнѣ лично всегда останется памятенъ тѣмъ удивительнымъ освѣщеніемъ, въ которомъ мнѣ посчастливилось впервые его увидѣть. Огибали мы его часа въ четыре ночи, при чудномъ лунномъ свѣтѣ. Моя каюта выходила на правую сторону корабля, въ сторону берега, и съ моей верхней койки въ открытый люкъ были ясно видны причудливыя очертанія скалъ и всегда здѣсь безпокойное море, залитыя ровной и ясной волной серебрянаго свѣта. Освѣщеніе это почти непосредственно перешло въ розовый отливъ восхода, ударившаго въ приморскія дюны бѣлаго песка и сообщавшаго имъ прямо фантастическіе оттѣнки розоваго и пурпуроваго цвѣта. Пролюбовавшись всю ночь

этими послѣдними удивительными картинами земли, мы постепенно отошли отъ берега на цѣлыя двѣ недѣли безбрежнаго морского простора по своему не менѣе прекраснаго со своими вѣчными переливами воды и свѣта, а ночью постепенно открывавшимися намъ, сѣверянамъ, все новыми яркими свѣтилами.

Кромѣ вѣчно мѣнявшихся картинъ природы, этотъ нашъ длиннѣйшій морской переходъ представилъ намъ, т. е. большинству пассажировъ, интересъ перваго переѣзда черезъ экваторъ. Какъ извѣстно, этотъ моментъ длинныхъ морскихъ путешествій принято среди моряковъ оживлять такъ называемымъ «праздникомъ Нептуна» и «крещеніемъ» въ честь его всѣхъ новичковъ, впервые попадающихъ на этотъ центральный пунктъ его царства. Для этого на нижней палубѣ, въ большомъ парусѣ, устраивается нѣчто въ родѣ большого бассейна морской воды, куда въ присутствіи «повелителя морей», изображаемаго однимъ изъ матросовъ въ нѣсколько примитивномъ, но пестромъ нарядѣ, съ большой пеньковой бородой, въ вѣнцѣ изъ золотой бумаги и морскихъ травъ, и его супруги, Амфитриды, представляемой въ еще менѣе классическомъ видѣ съ разными шутками и прибаутками, часто довольно грубыми, ввергаются nolens-volens всѣ попавшіеся подъ-руку матросамъ новички экватора изъ мужчинъ; къ дамамъ относятся бережнѣе и ограничиваются поливаніемъ или вспрыскиваніемъ ихъ морскою водой, иногда, какъ въ нашемъ случаѣ, даже надушенной. При этомъ произносятся рѣчи съ поползновеніемъ, если и не всегда удачнымъ, на юморъ и каждому изъ крещаемыхъ Нептунъ нарекаетъ имя (часто по предварительному соглашенію съ другими членами корабельнаго общества), въ чемъ впослѣдствіи выдается ему пестро расписанный дипломъ, конечно, приличнымъ образомъ оплачиваемый въ пользу матросской выпивки. За торжествомъ Нептуна слѣдуютъ игры и состязанія въ ловкости и силѣ, въ которыхъ принимаютъ участіе и пассажиры, къ особенному удовольствію команды, для которой этотъ «праздникъ экватора» составляетъ нетерпѣливо ожидаемое развлеченіе въ монотонной морской рутинѣ. Въ нашемъ торжествѣ, не обошедшемся, конечно, безъ массы мелкихъ курьезовъ, для меня особенно выдѣлилась одна подробность по ея отношенію къ интересовавшему насъ вопросу трансваальской войны и ея вліяніе на международныя отношенія. Еще при нашемъ быстромъ проѣздѣ черезъ Германію въ качествѣ санитарнаго отряда намъ было легко лично убѣдиться въ общеизвѣстномъ фактѣ, — какъ радикально въ этомъ вопросѣ расходятся симпатіи германскаго народа съ политикой его правительства. Это настроеніе еще болѣе выяснилось для насъ во время мѣсячнаго пребыванія на нѣмецкомъ пароходѣ, гдѣ въ числѣ пассажировъ находилось нѣсколько

рѣдкихъ англичанъ. Хотя капитанъ, во время обѣда, изъ предосторожности сажалъ ихъ на свой конецъ стола, ихъ положеніе, при нескрываемомъ недоброжелательствѣ корабельной прислуги, матросовъ и даже многихъ изъ пассажировъ, было далеко не пріятно. Нечего и говорить, что большинство изъ нихъ лично вовсе не заслуживало подобнаго отношенія и вообще для меня такъ и остается загадкой, какъ нація, столь интересная по своему историческому и культурному развитію, представляющая такой контингентъ симпатичныхъ, развитыхъ и въ высшей степени порядочныхъ людей, «вполнѣ джентльменовъ» въ лучшемъ смыслѣ ихъ національнаго опредѣленія, можетъ въ своихъ массовыхъ и политическихъ проявленіяхъ въ такой степени уклоняться отъ самыхъ элементарныхъ понятій цивилизаціи и человѣчности. Негодованіе на эти свойства государственной жизни Англіи, особенно сильно возбужденное въ остальной Европѣ ея поведеніемъ въ трансваальскомъ вопросѣ, какъ я уже сказала, тяжело отражалось на англичанахъ, случайныхъ пассажирахъ не-англійскаго корабля, и было замѣтно, что они всячески старались играть на стрункѣ общетевтонскихъ интересовъ и симпатій, но съ весьма сомнительнымъ успѣхомъ. Такъ, съ нами до Занзибара ѣхалъ очень порядочный и симпатичный старый англичанинъ средняго сословія, чтобы со своими тремя сыновьями-подростками основаться тамъ колонистами. Его сыновья, сильные и ловкіе молодые люди, во время экваторіальныхъ игръ взяли почти всѣ призы, причемъ одинъ изъ нихъ оказался моимъ первымъ паціентомъ, разбивъ себѣ колѣно при несчастномъ паденіи во время состязанія въ бѣгѣ на движущемся кораблѣ. Ихъ отецъ, уже переплывавшій экваторъ и поэтому не обязанный входить въ непосредственное соприкосновеніе съ Нептуномъ, пожелалъ однако держать отвѣтную рѣчь на его обращеніе къ пассажирамъ, но онъ имѣлъ неосторожность въ этой рѣчи приплести единеніе и симпатіи, существующія между двумя великими родственными народами. Никогда не забуду ледяное молчаніе, послѣдовавшее за его словами, вмѣсто обычныхъ аплодисментовъ матросовъ, очень цѣнящихъ подобное участіе въ ихъ игрѣ серьезныхъ пассажировъ: ни одного возгласа, хотя бы изъ простой вѣжливости; даже неловко становилось за старика.

Послѣ перехода черезъ экваторъ пошла уже самая интересная и привлекательная часть путешествія съ многочисленными остановками въ тропическихъ мѣстностяхъ, такъ какъ нѣмецкіе пароходы, по соображеніямъ національной торговли, заходятъ во многіе порты (нѣмецкихъ колоній), которые минуютъ корабли другихъ націй, напримѣръ, французскіе, идущіе изъ Адена прямо на Мадагаскаръ. Случилось даже, что въ одинъ день мы были въ двухъ городахъ: утромъ—въ Тангѣ, а вечеромъ—въ Зан-

зибарѣ. Танга—чистенькая и уютная нѣмецкая колонія на африканскомъ берегу, гдѣ мы впервые наслаждались видомъ вполнѣ тропической растительности съ ея яркими, причудливыми цвѣтами и ѣли свѣжіе тропическіе фрукты: кокосы, манго, бананы и папаю, отвратительнѣе которой, по-моему, ничего не можетъ быть, при обманчивомъ внѣшнемъ видѣ, очень напоминающемъ дыню; растетъ она, однако, не какъ наша дыня, а на деревѣ съ красивыми широкими лапчатыми листьями, расходящимися короной, очень распространенномъ въ мѣстныхъ садахъ. Занзибаръ—несомнѣнно самое интересное и своеобразное что намъ удалось видѣть за все наше путешествіе. Уже подходя къ нему моремъ, первое впечатлѣніе ясно выдѣляетъ его изъ ряда новыхъ случайныхъ европейскихъ поселеній, въ которыя мы заходили: онъ сразу производилъ впечатлѣніе большого города—столицы. Видъ съ моря удивительно красивъ: онъ весь какъ бы вынырнулъ изъ тропической растительности, осѣненный кое-гдѣ надъ общей массой зелени и бѣлыхъ строеній перистыми головами пальмъ. Особенно выдѣляются изъ построекъ французское и англійское консульство и новый дворецъ султана съ часовыми, одѣтыми въ фески и коричневыя полотняныя блузы—форма мѣстнаго войска, производившая на насъ какое-то игрушечное впечатлѣніе. Такихъ солдатъ у его высочества Хамедъ-бенъ Магомета, султана острова Занзибара насчитывается до 500; они обучены яко-бы по-европейски и по-европейски смѣняютъ караулы и съ заходомъ солнца играютъ зорю на площади передъ дворцомъ. На другое, менѣе декоративное, примѣненіе этихъ солдатъ намъ довелось посмотрѣть въ одну изъ нашихъ прогулокъ по городу. А именно, мы встрѣтили жалкую и для насъ необычную процессію несчастныхъ черныхъ съ надѣтыми на шею желѣзными ошейниками, соединенными веревкой, на которой они, такимъ образомъ, нанизаны длинной вереницей, въ сопровожденіи двухъ солдатъ, помимо оружія снабженныхъ палками: оказалось—преступники, содержащіеся въ тюрьмахъ и употребляемые на общественныя работы. Палками и короткими хлыстами изъ кожи гиппопотамы снабжены и мѣстные полицейскіе изъ туземцевъ, какъ мнѣ пришлось воочію убѣдиться на нѣсколько курьезномъ эпизодѣ, ярко рисующемъ мѣстные нравы и порядки.

Надо сказать, что красивый и богатый Занзибаръ, подобно всѣмъ почти портамъ этого побережья, не обладаетъ моломъ или набережной, вѣроятно, вслѣдствіе трудности и большой стоимости подобнаго сооруженія на открытомъ океанѣ. Не снабженъ онъ даже такими подмостками на сваяхъ, какіе облегчаютъ высадку на берегъ, напримѣръ, въ Лоренцо-Маркезѣ или Мозамбикѣ. Поэтому въ чемъ бы вы ни подъѣзжали къ берегу—въ паровомъ катерѣ привезшаго васъ парохода или въ легкой мѣстной

пирогѣ, выдолбленной изъ одного ствола и снабженной для баланса приспособленіемъ изъ двухъ плавающихъ досокъ, поддерживающихъ ея равновѣсіе съ обѣихъ сторонъ—вы принуждены прибѣгнуть къ помощи мѣстныхъ полуголыхъ носильщиковъ за опредѣленную таксу (50 санг.), переносящихъ васъ изъ лодки на берегъ или обратно. При этомъ не видавшему этой типичной картинки трудно представить себѣ шумъ, крики, гамъ этой толпы полудикихъ черныхъ существъ, костюмъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается тюрбаномъ и опояской изъ обрывковъ пестрой бумажной ткани, которые тутъ же въ водѣ дерутся изъ-за лишняго пассажира. Въ сущности они должны брать пассажира вдвоемъ на скрещенныя руки; но въ дѣйствительности лодка ваша едва успѣла попасть въ мелкую воду, какъ десятки мускулистыхъ черныхъ лапъ, перебивая одна другую пинками и ударами, хватаютъ васъ какъ и за что попало, вырываютъ васъ однѣ у другихъ, цѣпляются за васъ, и единственный способъ немного умѣрить пылъ этимъ полуобезьянамъ-мужчинамъ, по мѣстному обычаю, пустить въ ходъ палки и ручки бѣлыхъ тропическихъ зонтовъ. Такъ и приходилось иногда поступать докторамъ или администратору отряда, въ сопровожденіи которыхъ для насъ, сестеръ, только и мыслимо было посѣщеніе всѣхъ этихъ экзотическихъ портовъ. Но вотъ одинъ разъ бывшій съ нами докторъ, сдавъ каждую изъ насъ двумъ носильщикамъ, самъ былъ подхваченъ и унесенъ въ море впереди всѣхъ; мои же два черныхъ тѣмъ временемъ, уже держа меня на рукахъ надъ водой, затѣяли какую-то ссору, вѣроятно, изъ-за дѣлежа платы, и отъ громкой брани на своемъ обезьяньемъ языкѣ скоро перешли къ дракѣ, такъ сказать, черезъ меня, которую они одной рукой все еще придерживали надъ водой и въ сущности вырывали другъ у друга, норовя одинъ получить всю плату. Можно себѣ представить комизмъ, но и затруднительность моего положенія, такъ какъ объясниться или пугнуть моихъ черныхъ мнѣ мѣшало незнаніе языка, всякій же призывъ къ спутникамъ заглушался морскимъ прибоемъ и окружающимъ крикомъ туземцевъ. Къ счастью, мѣстный городовой, стоявшій на берегу при палкѣ и арапникѣ, замѣтилъ безпорядокъ, подбѣжалъ и преспокойно отхлесталъ наиболѣе возбужденнаго изъ моихъ черныхъ, послѣ чего этотъ послѣдній тотчасъ бросилъ меня, чуть не уронивъ этимъ въ море, другой же очень ловко меня подхватилъ и доставилъ въ лодку. Богатство туземныхъ типовъ представляетъ фруктовый и овощный рядъ, узкая улица, извивающаяся черезъ весь городъ, гдѣ нижніе этажи почти всѣхъ домовъ и свободное пространство передъ ними заняты буквально грудами произведеній мѣстной благодатной природы: апельсиновъ, лимоновъ, ананасовъ, бананъ, манго, сахарнаго тростника, винныхъ ягодъ

и самыми разнообразными извѣстными и неизвѣстными намъ овощами. Продаютъ ихъ преимущественно негритянки въ яркихъ бумажныхъ драпировкахъ, и тутъ же кипатъ, ѣдятъ, играютъ, кувыркаются, дерутся совершенно голые черные ребятишки. Мнѣ особенно вспоминается одинъ годовалый негритенокъ, преважно сидѣвшій на латкѣ матери въ ряду съ огромными ананасами, буквально осѣнявшими его своей зеленью, пока онъ перебиралъ лежавшія передъ нимъ кучи бананъ.

Кромѣ удивительной тропической растительности и обстановки единственнаго большого города этой зоны, въ Занзибарѣ интересно подъ очень поверхностнымъ наслоеніемъ европейскаго вліянія ясное проявленіе мѣстныхъ условій жизни, мѣстнаго управленія, своеобразной, но все же высокой культуры, такъ какъ весь правящій классъ здѣсь, какъ извѣстно, арабской и отчасти индійской расы и давно наложилъ свою печать на жизнь и ея условія. Торговля всего этого побережья вплоть до Бейры и Лоренцо-Маркеза издавна находится исключительно въ рукахъ индусовъ, такъ что въ нѣмецкихъ колоніяхъ ради удобства введена даже, какъ денежная единица, индійская рупія съ ея дѣленіями, но, конечно, нѣмецкой чеканки, съ изображеніемъ императора; изъ англійскихъ же денегъ ходятъ также преимущественно индійскія. Но въ Занзибарѣ, кромѣ этого, чисто торгашескаго пришлаго элемента, на улицахъ встрѣчаются удивительные типы и костюмы, прямо какъ бы вышедшіе изъ мистической индійской сказки; магазины полны тончайшими рѣзными вещами изъ слоновой кости, удивительными украшеніями и оружіемъ, тканями и вышивками, такъ что намъ оставалось только жалѣть, что по самому характеру нашей поѣздки намъ нельзя было осложнять свой багажъ дорогими и хрупкими предметами. Подъ этой богатой и живописной культурой движется толпа черныхъ аборигеновъ, среди которыхъ встрѣчается немало интересныхъ и даже красивыхъ типовъ, у своихъ же завоевателей-арабовъ они научились изящно и живописно драпироваться въ куски пестрой бумажной ткани, служащіе имъ одѣяніемъ.

Двухъ короткихъ прогулокъ, вечерней и утренней, было очень недостаточно для ознакомленія, даже поверхностнаго, съ этимъ интереснѣйшимъ городомъ, и еще съ корабля мы долго любовались его чудными садами пальмъ и мимозъ, его изящными постройками. Но тутъ же неотвязно торчало передъ нами характерное вещественное доказательство той утонченной христіанской цивилизаціи, которую вноситъ Англія въ жизнь народовъ, удостоенныхъ ея просвѣщеннаго вниманія и протектората. Среди рейда, ночью освѣщаемыя, какъ маякъ, во избѣжаніе несчастій, торчатъ уже нѣсколько лѣтъ мачты потѣшной яхты послѣдняго занзибарскаго султана. Его законный наслѣдникъ, неладившій съ англичанами, взду-

малъ было послѣ его смерти вступить въ свои права, не испросивъ на то ихъ разрѣшенія. Въ короткое время эта яхта, единственный корабль его флота, была пущена ко дну англійскими броненосцами передъ окнами его дворца, городъ обстрѣлянъ, дворецъ — чудо восточнаго искусства обращенъ въ груду развалинъ, а законный султанъ принужденъ бѣжать на материкъ въ нѣмецкія поселенія. Его замѣститель, англійскій ставленникъ, допускаетъ англійскую колонизацію и шаін агшее въ богатыхъ и неприступныхъ внутреннихъ областяхъ острова, гдѣ, впрочемъ, поселенцы часто подвергаются серьезной опасности со стороны воинственнаго и ожесточеннаго чернаго населенія. Этому султану Англія достраиваетъ теперь новый изящный дворецъ въ восточномъ стилѣ, но поднять или уничтожить яхту не позволяетъ, и ея черныя мачты торчатъ передъ окнами дворца на глазахъ всего народа, постоянно напоминая о фиктивности для нихъ закона и власти, кромѣ власти иноземнаго насилія.

Черезъ два дня послѣ Занзибара мы были въ Даръ-эсъ-Салаамѣ, главномъ пунктѣ нѣмецкихъ колоній восточно-африканскаго побережья, оставившемъ намъ красивое и пріятное впечатлѣніе благодаря, главнымъ образомъ, двумъ чуднымъ прогулкамъ. Пріѣхавъ вечеромъ, мы, сестры, въ сопровожденіи администратора Мойэна и нѣкоторыхъ изъ врачей, несмотря на темноту, рѣшили выйти на берегъ и нечаянно скоро вышли за городъ въ пальмовый лѣсъ, окружающій негритянское поселеніе, откуда къ намъ выбѣжали маленькіе негритята, сопровождавшіе насъ и на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, выученномъ въ миссіонерскихъ школахъ, дававшіе намъ кое-какія объясненія и старавшіеся выманить нѣсколько мелкихъ монетъ. Особенно красивъ и своеобразенъ былъ самый видъ пальмовой рощи, перистыя вершины которой колебались на бездонномъ темномъ небѣ, усыпанномъ тысячами яркихъ южныхъ созвѣздій. На возвратномъ пути съ этой прогулки мы остановились напиться шипучей воды или пива въ небольшой гостинницѣ; но каково же было удивленіе насъ, русскихъ, когда, услышавъ нѣсколько словъ, сказанныхъ нами между собою, прислуживавшій намъ хозяинъ заговорилъ съ нами по-русски, хотя и съ нѣмецкимъ выговоромъ. Оказалось, что онъ, прежде чѣмъ приняться за свою настоящую профессію и эмигрировать въ Южную Африку, провелъ 12 лѣтъ телеграфистомъ въ Россіи, на Кавказѣ и въ Западномъ краѣ, говоритъ по-польски лучше, чѣмъ по-русски, и очень обрадовался, когда сестра Ежевская поговорила съ нимъ и на этомъ языкѣ.

На другой день мы совершили не менѣе интересную прогулку въ другую сторону, въ мѣстную загородную больницу, прелестно расположенную высоко на берегу моря, среди цвѣтущаго сада и по своему благо-

устройству во всѣхъ деталяхъ оставляющую далеко за собою многія изъ нашихъ даже столичныхъ больницъ. Разсчитана она преимущественно на больныхъ малярiей, свирѣпствующей на этомъ берегу, имѣетъ небольшую, но очень хорошо устроенную препаровочную, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ работалъ надъ бактерiологiей этой болѣзни извѣстный профессоръ Кохъ, о чемъ гласитъ надпись на мраморной доскѣ, прибитой къ стѣнѣ. Менѣе знаменитый, но весьма знающiй постоянный врачъ этой больницы, имя котораго, къ сожалѣнiю, утрачено въ моихъ запискахъ, любезно показывалъ намъ интересные препараты бациллъ малярiи и давалъ подробныя объясненiя о практикуемыхъ здѣсь прiемахъ леченiя этой болѣзни, съ которой намъ, несомнѣнно, еще предстояло встрѣтиться въ нашей послѣдующей дѣятельности.

Наибольшее значенiе для ознакомленiя съ тропической природой имѣла для насъ остановка въ Помбѣ—на островѣ, обладающемъ, говорятъ, лучшей гаванью этого побережья, въ силу чего англiйская компанiя и заполучила ея разработку у мало предпрiимчивыхъ португальцевъ. На этомъ пустомъ, даже безводномъ берегу, гдѣ въ сухое время года приходится для питья дистиллировать морскую воду, въ два года выросло уже европейское поселенiе и приступлено къ работамъ по приведенiю въ порядокъ гавани, для чего на островѣ поселены привезенные съ материка черные. Но насъ заинтересовала преимущественно прогулка вглубь острова, въ лѣсу, довольно далекомъ отъ европейскаго поселенiя. Такъ какъ корабль стоялъ здѣсь полдня, сдавая грузъ, мы захватили на берегъ солидный завтракъ и, пройдя поселокъ, пошли наудачу, любуясь громадными хлѣбными деревьями и другими непривычными для насъ явленiями тропической флоры. Здѣсь же нѣкоторые изъ насъ замѣтили скакавшихъ по деревьямъ обезьянъ, скрывшихся при нашемъ приближенiи, и какую-то змѣйку, о которой шли долгiе споры —ядовитая ли она, или нѣтъ. Послѣ завтрака въ лѣсу наиболѣе предпрiимчивые изъ насъ продолжали путь до противоположнаго берега острова, а затѣмъ повернули въ сторону до типичной негритянской деревушки, гдѣ нѣкоторые изъ насъ, имѣвшiе фотографическiе аппараты, сдѣлали нѣсколько интересныхъ снимковъ. Въ этой прогулкѣ, кромѣ всего нашего отряда, принимали участiе и доктора 2-й голландской амбуланцiи, и я съ наслажденiемъ вспоминаю тѣ охапки душистыхъ цвѣтовъ и вѣтвей, которыми, зная мое пристрастiе, снабжали меня эти всегда любезные и милые спутники.

На другой день мы были въ Мозамбикѣ, центральномъ пунктѣ прежняго португальскаго могущества, и торговли на этомъ берегу, о чемъ свидѣтельствуютъ и его укрѣпленiя стараго образца, и размѣры города,

теперь поражающаго своею пустотой и безжизненностью. Въ немъ, при страшной, истинно тропической жарѣ, оказалось трудно найти не только кафé, но даже лавочку, гдѣ бы напиться чего-нибудь прохладительнаго. Въ Мозамбикѣ нѣкоторые изъ насъ осматривали мѣстную больницу, хорошо расположенную между моремъ и садомъ, гдѣ преобладаютъ чудные цвѣтущіе лавры, но по интересу и приспособленіямъ много уступающую Даръ-эсъ-Салаамской, несмотря на попеченіе симпатичной и дѣятельной матери Жозефины, сестры французскаго ордена, приглашенной сюда начальницей съ Мадагаскара, куда она пріѣхала съ французскимъ полевымъ лазаретомъ. Показывая палаты для бѣлыхъ и черныхъ паціентовъ, аптеку, большіе водоемы и другія хозяйственныя приспособленія своего заведенія, она обратила наше вниманіе на слѣды страшнаго смерча, пронесшагося здѣсь около мѣсяца передъ тѣмъ: нѣкоторыя палаты, расположенныя въ менѣе прочныхъ частяхъ зданія, были обращены почти въ развалины, со всѣхъ сорваны крыши, исковеркано внутреннее устройство, и все наводнено сопровождавшимъ смерчъ ливнемъ, такъ что больные въ теченіе 24-хъ часовъ были въ опасности. Но при насъ все было тихо, воздухъ неподвиженъ, безбрежное море мирно сіяло и переливалось подъ лучами жгучаго солнца, на каждомъ свободномъ клочкѣ земли качались перистыя пальмы или благоухали цвѣтущіе лавры, и мы, сѣверяне, провели тамъ нѣсколько несравненныхъ часовъ за городомъ, у моря, наслаждаясь этой роскошью и прелестью тропической природы.

Полный контрастъ съ безжизненнымъ Мозамбикомъ представляетъ возникшій въ самое послѣднее время на землѣ, арендованной у Португаліи Англіей, торговый портъ Бейра, гдѣ мы были на другой день. Какъ извѣстно, Бейра составляетъ звено, и очень крупное, въ той цѣпи, которою Англія въ послѣдніе годы постепенно окружала и сжимала независимыя республики Южной Африки. Присоединивъ на западѣ Грикваландъ и Бечуаналандъ и посредствомъ знаменитой Chartered Company захвативъ Родезію на сѣверѣ, Англія для завершенія кольца, охватившаго Трансвааль и Оранжевую республику, стала нуждаться въ португальскихъ владѣніяхъ между бухтой Делагоа и Трансваальской границей. Не имѣя возможности тогда же завладѣть этими землями, принадлежащими европейскому государству, Англія, по соглашенію съ португальскимъ правительствомъ, основала свой портъ нѣсколько выше Лоренцо-Маркеза, на восточно-африканскомъ берегу. Уже тогда Бейра была соединена желѣзной дорогой съ Солсбёри, главнымъ городомъ Родезіи. Въ теченіе войны тамъ, какъ извѣстно, былъ высаженъ корпусъ, долженствовавшій вторгнуться въ Трансвааль съ сѣвера, и если

это хорошо комбинированное движеніе не удалось, то благодаря только исключительнымъ условіямъ мѣстности, выдѣляющейся даже въ этой крайне нездоровой полосѣ, неприступности сѣверной границы Трансвааля а также, вѣроятно, малой выносливости англійскихъ войскъ. Но когда мы въ первый разъ были въ Бейрѣ, тамъ не было еще англійскаго лагеря. Насъ поразило полное отсутствіе какой-либо типичности или живописности въ этомъ городѣ, построенномъ въ плоской и болотистой мѣстности, на сыпучихъ прибрежныхъ пескахъ и всецѣло состоящемъ изъ нѣсколькихъ отелей, магазиновъ и затѣмъ безчисленныхъ товарныхъ складовъ, построенныхъ наскоро по послѣдней системѣ изъ листовъ оцинкованнаго желѣза, нестерпимо, наравнѣ съ окружающими песками, отражающихъ палящій зной тропическаго солнца. Болѣе тоскливаго и отвратительнаго мѣстопребыванія, кажется, представить себѣ нельзя; въ сравненіи съ нимъ, Портъ-Саидъ покажется красивымъ и привлекательнымъ. Единственный штрихъ, нѣсколько искупающій общую горгапескую безличность Бейры, даетъ пришлая черная рабочая толпа со своими пестрыми драпировками, въ изяществѣ которыхъ она, однако, далеко уступаетъ не только Занзибару, но и португальскому Мозамбику. Ходить въ Бейрѣ для европейцевъ возможно только по высокимъ узкимъ деревяннымъ тротуарамъ, проложеннымъ вдоль домовъ, по самимъ же улицамъ, еще не вымощеннымъ и засыпаннымъ глубокимъ слоемъ раскаленнаго песка, передвиженіе возможно только въ креслахъ-колясках, которыя возятъ на себѣ черные по проложеннымъ рельсамъ. Вообще, какъ ни деспотично отношеніе и нѣмцевъ, и португальцевъ къ подвластному имъ черному населенію, нигдѣ, какъ въ Бейрѣ, меня не поражало полное отсутствіе отношенія къ негру, какъ къ человѣку: къ нему относятся здѣсь только какъ къ рабочей силѣ. Особенно это поражало при осмотрѣ больницы, гдѣ, при очень хорошо обставленномъ отдѣленіи для бѣлыхъ, несчастные больные кафры валялись буквально на голыхъ доскахъ, въ ужасныхъ душныхъ клѣтушкахъ, едва защищавшихъ ихъ отъ палящихъ лучей солнца. Говорятъ, черные не привыкли къ удобству европейской кровати и не соглашаются лежать въ ней; полагаю, однако, что какая-нибудь подстилка на голыя доски и защита отъ духоты и москитовъ пріятны всякому болѣющему живому существу, и, наконецъ, я знаю, что въ лазаретахъ отряда русскаго Краснаго Креста больные кафры, поставленные въ одинаковыя условія (хотя помѣщенные отдѣльно) съ бѣлыми паціентами, не только выносили, но были очень благодарны за доставленные имъ удобства и комфортъ. Въ осмотрѣнныхъ нами раньше больницахъ въ Даръ-эсъ-Салаамѣ и Мозамбикѣ черные хотя и не вполнѣ сравнены съ европейцами, что по ихъ привычкамъ, пожалуй,

и не совсѣмъ необходимо, однако, поставлены въ условія, соотвѣтствующія элементарнымъ требованіямъ гигіены и комфорта.

Отъ Бейры до Лоренцо-Маркеза только $1\frac{1}{2}$ дня плаванія, и понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ мы ожидали конца нашего почти мѣсячнаго морского переѣзда и приближенія начала дѣятельности, ради которой онъ былъ предпринятъ. Но до входа въ бухту Делагоа насъ ожидалъ послѣдній инцидентъ, напомнившій намъ наши треволненія въ Суэцкомъ каналѣ и Красномъ морѣ. На пути, въ Занзибарѣ и Бейрѣ, мы встрѣтили «Генерала» и «Герцога», пароходы нашей нѣмецкой линіи, захваченные англичанами и отведенные въ Дурбанъ для осмотра. Хотя и стало извѣстно по телеграфу объ энергичномъ письмѣ по этому поводу германскаго императора, но, передавая намъ разныя подробности своего плѣненія, капитаны этихъ кораблей не допускали мысли, чтобы мы не испытали той же участи и пришли по назначенію безъ задержки; и мы до послѣдней минуты находились въ состояніи напряженнаго ожиданія. Наконецъ, утромъ, 31-го января, передъ заходомъ въ заливъ Делагоа и на самой границѣ португальскихъ водъ, гдѣ уже прекращалась всякая опасность непосредственнаго вмѣшательства со стороны другого государства, вдругъ сигналируютъ два англійскихъ броненосца, которые стали медленно и внушительно подходить къ намъ съ двухъ сторонъ. Казалось, вотъ-вотъ мы окажемся плѣнными, еще не начавъ какой бы то ни было дѣятельности. Понимая, что настоящей опасности намъ не предстоитъ, нѣкоторые желали этого лишняго эпизода и невольной экскурсіи въ красивый Дурбанъ; другіе негодовали на это нарушеніе правъ санитарнаго отряда и лишнее замедленіе. Однако, подошедши такъ близко, что слышались голоса и можно было ясно разглядѣть невооруженнымъ глазомъ людей, противникъ удовольствовался вполнѣ корректнымъ салютомъ, и мы, торжественно пройдя между двухъ военныхъ англійскихъ кораблей, наконецъ, вступили въ бухту Делагоа и затѣмъ стали на якорѣ въ портѣ Лоренцо-Маркеза.

Но прежде чѣмъ закончить исторію нашего длиннаго морского переѣзда, мнѣ необходимо еще вернуться къ наименѣе пріятной сторонѣ связанныхъ съ нимъ воспоминаній, о которой я и говорю весьма неохотно, но нѣкоторое ознакомленіе съ нею необходимо для выясненія многаго въ послѣдующихъ условіяхъ нашей работы. Я говорю о недоразумѣніяхъ, уже тогда возникавшихъ между обѣими половинами нашего отряда— русской и голландской. Раньше чѣмъ касаться сути нашихъ неудовольствій, я должна оговориться, что, за очень немногими исключеніями, вынесла все же добрую память о нашихъ сотрудникахъ, и спеціально

сестеръ всѣхъ считаю хорошими людьми, серьезно подготовленными къ ожидавшей ихъ дѣятельности; если же впослѣдствіи ихъ отношеніе къ намъ не всегда соотвѣтствовало требованіямъ вѣжливости и добраго товарищества, то въ этомъ я прежде всего виню начальника отряда и отчасти администратора, слишкомъ явно оказывавшихъ предпочтеніе своимъ соотечественницамъ, какъ въ вопросахъ работы, такъ и въ вопросахъ личнаго комфорта, при чемъ проявленіе съ ихъ стороны нѣкотораго сознанія этого своего рода привилегированнаго положенія являлось человѣчески неизбѣжнымъ и выражалось только болѣе или менѣе непріятно, смотря по характеру.

Еще съ самаго начала путешествія мы были поражены хладнокровіемъ, съ которымъ наши товарищи игнорировали самыя элементарныя правила вѣжливости, постоянно употребляя въ нашемъ присутствіи свой голландскій языкъ, хотя всѣ совершенно достаточно владѣли языкомъ нѣмецкимъ, причемъ мы, по многимъ знакомымъ словамъ и даже интонаціямъ, часто не могли сомнѣваться, что разговоръ въ нашемъ присутствіи идетъ о насъ же, и притомъ далеко не въ дружелюбномъ, а часто и въ саркастическомъ тонѣ. При этомъ высказывалось весьма наивно убѣжденіе въ культурномъ превосходствѣ и важности голландскаго языка и постоянно повторялся доведшій насъ, наконецъ, до озлобленія вопросъ: «Lernen sie hollandsch»? Надо замѣтить, что большинство изъ насъ вначалѣ проявляло полную готовность серьезно заняться изученіемъ голландскаго языка, понимая насколько знаніе его могло быть полезно въ нашей дальнѣйшей дѣятельности. Памятуя постоянно повторяемыя общія мѣста о благочестіи буровъ, мы всѣ, еще во время сухопутнаго путешествія по Европѣ, обзавелись евангеліями на голландскомъ языкѣ и первое время на кораблѣ вполнѣ искренно старались устроить общія занятія съ нашими новыми товарищами и позаимствоваться изъ запаса ихъ голландскихъ книгъ свѣтскаго содержанія. Но отзывчивость на наше желаніе учиться ихъ языку мы встрѣтили только у одной изъ сестеръ, къ сожалѣнію, очень плохо переносившей море и часто болѣвшей, что, конечно, мѣшало правильности занятій, и затѣмъ у одного изъ врачей не нашей, а 2-й голландской амбуланціи, всегда милаго и любезнаго д-ра фанъ-деръ-Гоотъ, обнаружившаго даже при этомъ очень недюженныя педагогическія способности. Остальные же голландцы, особенно члены нашего отряда, или постоянно болѣли отъ моря, какъ бѣдный д-ръ Ромейнъ, или держались почти исключительно своимъ обществомъ и только очень рѣдко проявляли готовность помогать намъ въ нашихъ стараніяхъ овладѣть незнакомымъ языкомъ, тогда какъ, надо замѣтить, сами весьма усердно и часто безцеремонно пользовались

любезностью тѣхъ изъ насъ, которыя, по своему знанію иностранныхъ языковъ, могли оказать имъ помощь въ изученіи нѣмецкаго и особенно англійскаго. Въ результатѣ болѣе нетерпѣливые изъ насъ очень скоро заявили намѣреніе бросить всякія попытки къ сближенію, и, наконецъ, всѣ мы приняли ихъ систему разговаривать на родномъ языкѣ, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ. Эта система, принятая сначала какъ демонстрація, потомъ, къ сожалѣнію, укоренилась между нами и наложила печать обособленности на обѣ части отряда. Будетъ, однако, справедливо замѣтить, что, какъ голландцы, въ противоположность намъ, вѣроятно, дѣйствовали безъ предвзятаго умысла, такъ мы, дѣйствовавшіе въ этомъ случаѣ—скажу прямо—злостно, въ отмѣстку за оказываемую намъ невѣжливость, никогда не могли дойти до тѣхъ геркулесовыхъ столбовъ неделикатности, которыхъ, напримѣръ, я была лично свидѣтельницей, когда, придя на палубу съ одной изъ голландскихъ сестеръ въ самыхъ лучшихъ и примирительныхъ намѣреніяхъ и принявъ ея предложеніе сѣсть въ ихъ кружкѣ, просидѣла здѣсь битый часъ въ присутствіи, между прочимъ, шефа, оффиціально не понимая ни слова изъ ихъ болтовни и безъ малѣйшей съ ихъ стороны попытки втянуть меня въ разговоръ. При этомъ должна замѣтить, что лично мои отношенія съ «союзниками» долго были вполнѣ удовлетворительны, и во все время путешествія съ ихъ стороны замѣчалось стремленіе выдѣлить и привлечь меня, что я приписываю своему лучшему знанію иностранныхъ языковъ и, пожалуй, нѣсколько большему знакомству съ заграничной жизнью. Какъ бы то ни было, со мною охлажденіе произошло впослѣдствіи, насколько я могу судить, не столько на личной почвѣ, сколько послѣ выраженнаго мною нѣсколько разъ неудовольствія по поводу ихъ отношенія къ русскимъ вообще. Случаи къ этому представляли частыя, особенно вначалѣ, обращенія ко мнѣ по поводу разныхъ мелочей и столкновеній съ другими русскими членами отряда, у которыхъ, конечно, также были различные характеры, но, говоря по совѣсти, ни одного серьезно непріятнаго или несноснаго: жалобы же часто были основаны просто на недоразумѣніи, совершенной неспособности голландцевъ понять русскую натуру и ея проявленія и слишкомъ часто на придиркахъ неумѣстной щепетильности, на которую они, казалось бы, сами отняли у себя всякое право.

Моя случайная роль между этими сталкивающимися національностями была далеко не изъ пріятныхъ, причемъ, конечно, всѣ симпатіи были на одной сторонѣ, чувство же благоразумія заставляло, по возможности, дѣйствовать примирительно, пока опытъ не показалъ полную непрактичность уступокъ и излишней деликатности.

Эта часть путевыхъ воспоминаній до сихъ поръ отзывается болѣзненно, и я бы охотно совершенно о ней умолчала, если бы она не представляла необходимаго объясненія очень многаго въ послѣдующей дѣятельности отряда и даже въ его преждевременномъ возвращеніи.

Также неохотно останавливаюсь я на отдѣльныхъ фактахъ, часто смахивающихъ на сплетню, но считаю нужнымъ сдѣлать исключеніе для объясненія, бывшаго у меня, какъ теперь помню, въ день нашего прихода въ Бейру, съ самимъ шефомъ, д-ромъ фанъ-Леерсумомъ, и потому особенно интереснаго для характеристики его роли въ нашихъ столкновеніяхъ.

Наканунѣ этого дня, вслѣдствіе одной маловажной мелочи, произошло довольно крупное объясненіе между администраторомъ Моэномъ и однимъ изъ младшихъ русскихъ врачей, который, въ пылу разговора, перешелъ къ общимъ вопросамъ и рѣзко высказался насчетъ невѣжливости и неделикатности голландцевъ. На другое утро онъ вполнѣ корректно заявилъ какъ шефу, такъ и голландскимъ сестрамъ, что хотя по существу не можетъ взять назадъ всего высказаннаго, однако, извиняется передъ дамами за излишнюю горячность и за все слишкомъ рѣзкое, сказанное имъ въ минуту возбужденія. Казалось бы, этимъ весь инцидентъ могъ бы считаться исчерпаннымъ и развѣ только могъ навести шефа на болѣе внимательное отношеніе къ тѣмъ чувствамъ, которыя его соотечественники сумѣли возбудить въ насъ во время мѣсячнаго пребыванія вмѣстѣ на кораблѣ. Меня, заурядной сестры отряда, даже не присутствовавшей при столкновеніи, объясненіе между начальникомъ отряда, администраторомъ и докторами ни въ какомъ случаѣ не должно было касаться. Однако, г. фанъ-Леерсумъ, въ то время дѣлавшій мнѣ честь отличать меня между русскими членами отряда, нашелъ удобнымъ въ теченіе битыхъ трехъ часовъ жаловаться мнѣ на докторовъ, которымъ я по всѣмъ правиламъ была подчинена, и, наконецъ, несмотря на мои неоднократныя попытки прекратить этотъ неподходящій разговоръ и по возможности, вѣжливо навести его на мысль, что не мы одни—причина возникшихъ недоразумѣній, кончилъ тѣмъ, что поручилъ мнѣ передать нѣчто въ родѣ выговора одному изъ врачей за шутку, въ сущности очень невинную, но раздутую по обыкновенію кѣмъ-то изъ голландцевъ, прибавивъ къ этому, въ довершеніе всего, что онъ самъ не рѣшается сдѣлать этотъ выговоръ, боясь новаго столкновенія. Понятно, я категорически отказалась отъ подобнаго порученія, заявивъ ему, что считаю голландцевъ еще болѣе виноватыми, чѣмъ мы, во всей этой путаницѣ, чему и привела неопровержимыя доказательства фактами, что, кромѣ того, убѣждена въ неосновательности даннаго обвиненія, и во всякомъ случаѣ

не признаю за собою право на такое вмѣшательство въ дѣла докторовъ и прошу впредь обращаться къ нимъ непосредственно или, какъ прилично, черезъ старшаго изъ нихъ д-ра Вебера. На это мнѣ пришлось выслушать нѣсколько нелестныхъ и совершенно несправедливыхъ выходокъ насчетъ русскихъ докторовъ; въ свою очередь, я отвѣтила довольно рѣзко, хотя въ предѣлахъ вѣжливости, и затѣмъ прекратила разговоръ съ полнымъ сознаніемъ, что моему кратковременному престижу у начальства пришелъ конецъ и съ полной утратой иллюзій насчетъ его пригодности къ занимаемому имъ отвѣтственному посту.

Изъ этого разсказа полагаю ясно, что мы имѣли основаніе жаловаться не на однѣ мелочи обращенія, какъ малую предупредительность, разговоръ на неизвѣстномъ намъ языкѣ и т. под.

Другой, не менѣе досадный пріемъ, имѣвшій уже серьезное значеніе для дѣла, обнаружился также еще на кораблѣ при распредѣленіи работы, въ постоянномъ преобладаніи личности и требованій голландцевъ въ ущербъ не только нашему самолюбію, но часто и пользѣ дѣла.

Я лично рѣшилась, по настоятельной просьбѣ д-ра фанъ-Леерсума, принять на себя завѣдываніе хозяйствомъ, конечно, не по симпатіи къ этому дѣлу, очень хлопотливому и сопряженному съ безсмѣнной (въ противоположность дежурствамъ) большой отвѣтственностью, да, къ тому же, удалявшему отъ работы на перевязочныхъ пунктахъ, къ которой большинство изъ насъ стремилось, какъ наиболѣе интересной и дававшей возможность больше всего увидѣть; къ послѣдняго рода дѣятельности я даже, по условіямъ воспитанія имѣла право считать себя хорошо приспособленной. Принимая на себя дѣятельность совершенно иного рода, я руководствовалась мнѣніемъ русскихъ врачей, нежеланіемъ сразу показать неподчиненіе требованіямъ еще мало знакомаго начальника, а также сознаніемъ, что разъ старшей по лазарету назначена голландка (выборъ, впрочемъ, весьма понятный по его удобству для старшаго врача-голландца), слѣдующій отвѣтственный и самостоятельный отдѣлъ, по справедливости, принадлежитъ русской,—остальныхъ же русскихъ сестеръ или по ихъ спеціальнымъ знаніямъ нельзя было отрывать отъ дѣятельности при больныхъ, или онѣ совершенно не представляли необходимыхъ данныхъ характера. Поэтому на запросъ д-ра фанъ-Леерсума, согласна ли я взять на себя хозяйство, я отвѣтила, что хотя буду рада, если моя дѣятельность не ограничится этой отраслью, но не считаю себя въ правѣ отказываться отъ какой-либо работы на пользу общаго дѣла.

Во время этого разговора г-нъ фанъ-Леерсумъ далъ мнѣ право предполагать, что на меня возлагается общее завѣдываніе хозяйствомъ съ подчиненіемъ мнѣ помощи и прислуги, необходимой въ обширномъ боль-

ничномъ хозяйствѣ. Но уже черезъ нѣсколько дней оказалось, что отдѣлъ, какъ выражались дипломатически, «по своей обширности дѣлится» между мною и одной изъ сестеръ-голландокъ, причемъ, уже безъ всякаго спроса у меня, между нею, фанъ-Лоерсумомъ и администраторомъ было рѣшено, что ей предоставляется завѣдываніе пищей, при поварѣ, т. е. собственно выдача провизіи и предсѣдательство за столомъ, мнѣ же общая чистка и мытье какъ помѣщенія, такъ и бѣлья, т. е. несомнѣнно болѣе тяжелая и непріятная работа. Кромѣ того, переданные мнѣ списки хозяйственныхъ предметовъ оказались далеко не точными, просмотрѣть же и исправить ихъ по своимъ г. фанъ-Лоерсумъ подъ предлогомъ недосуга не собрался, отсылая меня все къ той же сестрѣ-голландкѣ, обладавшей яко-бы всѣми нужными свѣдѣніями.

Всѣ эти обстоятельства не могли, конечно, не заставить призадуматься, такъ какъ со стороны другихъ сестеръ, дѣлившихъ отдѣлы съ голландками, уже слышны были основательныя жалобы на полное игнорированіе ихъ требованій и желаній при совмѣстной работѣ. Но, посовѣтовавшись со старшими изъ русскихъ врачей—Веберомъ и фонъ-Ревненкампфомъ—я все же рѣшилась не подымать пока вопроса о некорректности этихъ пріемовъ и подождать, что будетъ, такъ какъ при работѣ уже тогда предполагалось подѣлить отрядъ и въ такомъ случаѣ каждая изъ насъ все равно должна была очутиться во главѣ самостоятельнаго хозяйства.

Однако, я старалась воспользоваться корабельнымъ бездѣйствіемъ, чтобы по спискамъ ознакомиться подробно съ принадлежностями своей будущей дѣятельности, но это такъ и оказалось невыполнимымъ по невозможности, съ одной стороны, добиться правильныхъ списковъ, за которыми меня все время прогоняли между начальникомъ, администраторомъ и сестрою Корнеліей, съ другой же—получить объясненіе нѣкоторыхъ спеціальныхъ голландскихъ терминовъ даже и въ тѣхъ спискахъ, которые мнѣ удалось составить. Я знаю, что это покажется страннымъ и даже невозможнымъ; но на всѣ многократно повторяемые вопросы или отговаривались незнаніемъ, или же давали буквально слѣдующіе отвѣты: «Ахъ, я не умѣю вамъ объяснить: это принадлежность палатки» (оказалось крюкомъ на который натягивается веревка); «это относится къ кухонной посудѣ; когда вы это увидите, то сами поймете на что оно годится...» Все это было сопряжено со множествомъ мелкихъ безтактностей и непріятностей, отравлявшихъ перспективу и безъ того не особенно симпатичной дѣятельности. Мой будущій товарищъ по этой дѣятельности, женщина весьма знающая и вообще въ обращеніи ровная и пріятная, въ одномъ этомъ вопросѣ списковъ и кастрюль выказывала

совершенно мнѣ непонятную неуживчивость, что-то въ родѣ ревности къ этимъ самымъ кастрюлямъ, точно я ихъ у нея отбирала по собственному почину; начальникъ же отряда, самъ вѣдь выдумавшій эту систему распредѣленія труда, изъ ложно понятаго національнаго чувства оказывалъ постоянную поблажку своимъ соотечественникамъ. Въ очень фальшивое положеніе ставили меня, напримѣръ, постоянныя совѣщанія между г-номъ фанъ-Леерсумомъ, администраторомъ Мойэномъ и сестрою Коръ (Корнеліей), совѣщанія, изъ которыхъ я, по возможности, исключалась и въ результатѣ которыхъ они втроемъ, тайкомъ отъ меня, въ 6 час. утра уѣзжали на берегъ въ Бейрѣ и Лоренцо-Маркезѣ, чтобы запастись нѣкоторыми недостававшими еще предметами, тогда какъ всякое мое замѣчаніе насчетъ подобнаго пробѣла систематически игнорировалось.

Эти и подобные пріемы, отъ которыхъ мы всѣ болѣе или менѣе страдали, вызвали генеральное объясненіе, описанное мною выше, но, въ концѣ концовъ, все же не помогли дѣлу, такъ какъ со всегдашней излишней деликатностью русскіе доктора все же не рѣшались поставить фанъ-Леерсуму категорическихъ требованій и, если нужно, снестись по этому вопросу съ пославшимъ насъ комитетомъ. И всѣ мы, сознавая за собою le beau rôle націи, снарядившій всю экспедицію, желали, по возможности, избѣжать всякихъ непріятностей и столкновеній и все еще надѣялись, что при совмѣстной работѣ сгладятся многія недоразумѣнія, возникшія вслѣдствіе энервирующаго бездѣйствія корабельной жизни.

ГЛАВА II.

Лоренцо-Маркезъ живописно расположенъ на высокомъ берегу краснаго песчаника, оживленнаго густой, яркой зеленью тропическихъ деревьевъ и кустовъ. Онъ представляетъ много своеобразнаго, какъ типъ стараго португальскаго поселенія, до сихъ поръ, несмотря на политическій и торговый упадокъ Португаліи, сохранившаго большое значеніе по своему положенію ближайшаго порта для богатыхъ республикъ Южной Африки. По этой именно причинѣ Лоренцо своимъ оживленіемъ, большимъ количествомъ кафе и хорошо снабженныхъ магазиновъ, рѣзко отличается отъ остальныхъ португальскихъ колоній этого берега и даже отъ ихъ административнаго центра, давшаго имя всей провинціи — живописнаго, но мертвеннаго Мозамбика. Поэтому же Лоренцо обладаетъ консульствами и генеральными консульствами всѣхъ европейскихъ государствъ, даже столь мало заинтересованныхъ въ дѣлахъ этой части

земного шара, какъ, напримѣръ, мы—русскіе. Консульства, резиденція губернатора и виллы мѣстной знати, денежной или административной, сосредоточиваются по одной верхней улицѣ или, вѣрнѣе, бульвару, огибающему городъ высоко надъ заливомъ и выходящему красивой загородной дорогой къ «красному носу» (red point), гдѣ построенъ маякъ, господствующій надъ всѣмъ заливомъ Делагоа. Этотъ бульваръ—мѣсто вечерней прогулки всего Лоренцо—по архитектурѣ окаймляющихъ его виллъ, планировкѣ садовъ, электрическому освѣщенію носитъ чисто европейскій характеръ; зато весь остальной, нижній городъ выстроенъ на старо-португальскій ладъ съ узкими улицами, окаймленными почти сплошными каменными стѣнами, изрѣдка прорѣзанными узкими окнами, такъ какъ вся домашняя жизнь, какъ и въ античномъ мірѣ, сосредоточивается вокругъ внутренняго двора или сада, куда и выходятъ окна и двери. Эти стѣны изрѣдка прерываются узкой дверью со ступенями, открывающей доступъ въ магазинъ, т. е. въ небольшую, полутемную кладовушку, гдѣ навалены довольно безтолково самые разнообразные товары мѣстнаго производства или европейскаго и азіатскаго ввоза. Между этими товарами часто попадаются изящныя издѣлія, волшебныя ткани и вышивки сказочной Индіи, а на ступеняхъ толпятся группы красивыхъ индусовъ въ своихъ живописныхъ костюмахъ, ибо они здѣсь, какъ и по всему восточно-африканскому побережью, составляютъ классъ мелкихъ торгашей, держащій въ рукахъ почти всю его розничную продажу; но эта весьма непоэтичная спеціальность не уменьшаетъ наслѣдственное благородство профилей, изящество позъ и драпировокъ индусовъ. Сколько-нибудь по-европейски устроены магазины только въ такъ называемыхъ павильонахъ въ скверѣ, занимающемъ главную площадь, вблизи порта, откуда расходятся главныя улицы. Большинство этихъ павильоновъ заняты кафе, во время нашего пребыванія въ Лоренцо торговавшими особенно бойко, вслѣдствіе сильнаго наплыва проѣзжихъ европейцевъ—добровольцевъ и членовъ санитарныхъ отрядовъ—стремившихся въ Трансвааль въ такомъ количествѣ, что билетами и мѣстами на отходившіе въ Преторію поѣзда приходилось запасаться заблаговременно и впередъ заказывать пищу на большихъ станціяхъ. Понятно, какой интересный и оживленный видъ, какое обиліе разнородныхъ типовъ представляли въ эту минуту улицы Лоренцо-Маркеза.

Но хорошо мы узнали Лоренцо только за наше второе пребываніе здѣсь на возвратномъ пути въ ожиданіи корабля. Теперь же мы, за исключеніемъ двухъ небольшихъ прогулокъ, оставались на «Канцлерѣ», ожидая окончанія формальностей у португальскихъ властей, а также въ русскомъ и голландскомъ консульствахъ. Формальности эти, довольно

скоро улаженныя для насъ, какъ членовъ санитарнаго отряда, высланнаго одной изъ великихъ европейскихъ державъ, имѣвшей уже въ Трансваалѣ (только что проѣхавшихъ черезъ Лоренцо) и военнаго агента, и уполномоченнаго Краснаго Креста, были, говорятъ, очень сложны и скучны для частныхъ лицъ, не пользовавшихся такой серьезной поддержкой, которымъ португальскія власти, подозрѣвая въ нихъ, и по большей части вполнѣ основательно, будущихъ добровольцевъ, въ угоду Англіи ставили самыя неожиданныя и мелочныя препятствія. Въ устраненіи этихъ препятствій большую роль играли, какъ говорятъ, денежные поборы подъ разными болѣе или менѣе благовидными предлогами. Мы, сестры, отъ всѣхъ этихъ хлопотъ были, конечно, совершенно избавлены и вообще для нашей амбуланціи эта скучная процедура, какъ уже сказано, окончилась довольно скоро и благополучно, т. е. черезъ три дня мы могли уже предпринять послѣдній этапъ нашего длиннаго путешествія.

Войдя въ бухту Делагоа 3-го февраля 1900 года, мы рано утромъ 6-го продолжали свой путь—послѣдній суточный переѣздъ по желѣзной дорогѣ изъ Лоренцо-Маркеза въ Преторію. Для насъ, впрочемъ, эта часть пути продлилась нѣсколько больше вслѣдствіе ночной остановки въ Ватерфалѣ onder,—предосторожность, соблюдавшаяся въ то время по этой линіи вслѣдствіе нѣсколькихъ попытокъ враждебныхъ или подкупленныхъ англичанами кафровъ портить желѣзнодорожный путь и даже дѣлать вооруженныя нападенія на поѣзда. Эта остановка имѣла для насъ ту выгоду, что дала намъ возможность сдѣлать всю дорогу днемъ и присутствовать, такъ сказать, при рѣзкой перемѣнѣ во внѣшней природѣ, характеризующей переходъ отъ бухты Делагоа на Трансваальское плоскогорье.

Трансвааль и Оранжевая республика занимаютъ, какъ извѣстно, плоскогорье, окаймленное и перерѣзанное нѣсколькими горными цѣпями и вездѣ отъ моря подымающееся болѣе или менѣе крутыми уступами, въ нѣкоторыхъ частяхъ, напримѣръ, въ Наталѣ или по нашему пути отъ Лоренцо-Маркеза представляющими выдающіяся и своеобразныя красоты. Подъемъ этотъ надъ уровнемъ моря такъ значителенъ (мѣстами до 5000 ф.), что весьма чувствительно отражается на климатѣ, напримѣръ, несравненно болѣе мягкомъ въ Наталѣ и Капской колоніи, расположенныхъ хотя и южнѣе (т. е. ближе къ полюсу), но низко и подъ вліяніемъ смягчающаго дѣйствія моря. Въ самомъ же Трансваалѣ, особенно въ нагорной его части (такъ называемомъ хуге-фельдъ) климатъ въ зимнее время выражается такими колебаніями температуры, какъ 30—40° жары днемъ и паденіе ниже 0° въ втеченіе ночи, говорятъ, до 7° мороза. Эти рѣзкіе переходы, часто очень вредно вліяющіе на здоровье непривычныхъ къ нему

пріѣзжихъ, находятъ себѣ противовѣсъ въ удивительной чистотѣ и прозрачности атмосферы общей у Трансвааля съ другими нагорными южными странами. Эта прозрачность разрѣженнаго воздуха, вѣроятно, была одною изъ причинъ плохого прицѣла англійскихъ войскъ, такъ какъ всѣмъ намъ сначала при оцѣнкѣ разстоянія приходилось считаться съ этимъ свойствомъ атмосферы, приближающимъ предметы; въ массѣ же англійскихъ солдатъ, вообще проявившихъ малую способность примѣняться къ условіямъ страны, это должно было совершенно подрывать правильность прицѣла, что и доказывалось ружьями убитыхъ, въ огромномъ большинствѣ съ прицѣлами, поставленными слишкомъ близко.

Въ сторону бухты Делагоа, откуда мы вступали на территорію Трансвааля, переходъ отъ низкой прибрежной полосы на плоскогорье особенно поражаетъ вслѣдствіе замѣны чисто тропической флоры Лоренцо— рощи пальмъ и другихъ тропическихъ деревьевъ—растительностью сравнительно умѣренной зоны, какъ, напримѣръ, эвкалиптами и болѣе грубыми видами мимозъ. На это измѣненіе вліяетъ не столько уменьшеніе денного зноя, очень сильнаго даже и въ зимнее время, сколько сильные (относительно) ночные холода, доходящіе, какъ уже сказано, до нѣсколькихъ градусовъ мороза; во всякомъ случаѣ рѣзкое ночное охлажденіе вызываетъ обильныя ледяныя росы, мѣшающія преуспѣянію болѣе нѣжныхъ растеній.

Въ первый день нашего желѣзнодорожнаго путешествія перемѣна климата еще не давала себя чувствовать, хотя черезъ два часа по выѣздѣ изъ Лоренцо, переѣхавъ рѣку Комати по мосту, гдѣ увидали перваго часового не въ европейскомъ мундирѣ, а въ широкополой шляпѣ и съ маузеровской винтовкой черезъ плечо, мы уже очутились на трансваальской территоріи, насъ все еще окружала яркая флора тропическихъ странъ. Проѣзжая цѣпь Крокодиловыхъ горъ, съ этой стороны окаймляющихъ плоскогорье, мы любовались своеобразными красотами тропической горной природы, особенно интересной намъ по контрасту со знакомой намъ горной природой нашего сѣвера. Пока поѣздъ мчится крутыми и неожиданными изгибами, слѣдуя за русломъ Крокодиловой рѣки, проложившей себѣ путь черезъ горный хребетъ, насъ, вмѣсто тяжелыхъ мрачныхъ глыбъ камня, вѣчныхъ льдовъ и разбросанныхъ елей, окружаютъ пирамиды скалъ самыхъ причудливыхъ формъ, отливающія разнообразными оттѣнками искусно - окрашенной бронзы—красноватыя, зеленоватыя, золотистыя; а по нимъ разбросаны съ неимовѣрной роскошью цѣлые лѣса кактуса, алоэ, нѣжныхъ и яркихъ мимозъ, рододендроновъ и другихъ уже неизвѣстныхъ намъ цвѣтущихъ кустовъ, еще болѣе поразительныхъ формъ и оттѣнковъ. Нѣкоторые цвѣты напоминаютъ

виды, съ трудомъ выгоняемые въ нашихъ садахъ и теплицахъ, но какъ царственно они стоятъ, какъ жизненно тѣснятся среди родной имъ природы, какое разнообразіе типовъ и оттѣнковъ, способное привести въ отчаяніе самаго искуснаго садовода! Помню въ Ватерфалѣ д-ръ фанъ-деръ-Гоотъ—другого отряда ѣхавшаго съ нами въ одномъ поѣздѣ— видя мое пристрастіе ко всему растущему и цвѣтущему, притащилъ мнѣ цѣлую охапку разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ и листьевъ; между ними были растущіе у водопада (ватерфаля) виды нашего обыкновеннаго шпажника (gladiolus), но такого удивительнаго рисунка и окраски, что я до сихъ поръ жалѣю объ отсутствіи у меня тогда какихъ-либо приспособленій, чтобы сохранить или воспроизвести эти рѣдкіе экземпляры.

Ватерфаль onder ознаменовался для насъ первымъ посѣщеніемъ госпиталя, хотя не военнаго, а постояннаго, на трансваальской землѣ. Расположенъ онъ красиво и удобно, среди цвѣтущаго сада примыкающаго къ горамъ, въ четырехъ небольшихъ зданіяхъ барачнаго типа, гдѣ живутъ также завѣдывающій врачъ съ семействомъ и работающія тамъ сестры—голландки. Между ними наши товарищи по отряду, какъ сестры, такъ и санитары, нашли знакомыхъ и товарищей по научному курсу. Здѣсь намъ было оказано особенно радушное гостепріимство и въ день нашего пріѣзда, когда мы, по приглашенію сестеръ, посѣтили лично ихъ уже часовъ въ 10 вечера и рано на слѣдующее утро, когда мы до отхода поѣзда осматривали самое больничное помѣщеніе. Больные, кромѣ мѣстныхъ, преимущественно малярійные изъ нездороваго района по направленію къ португальской границѣ, гдѣ даже правительство не держитъ служащихъ больше одного года; кромѣ того, нѣсколько раненыхъ— окрестныхъ жителей, требовавшихъ спеціальнаго ухода. Всѣ и больные, и здоровые отнеслись къ намъ замѣчательно любезно, и мы продолжали наше путешествіе, нагруженные огромными букетами розъ изъ сада этой первой видѣнной нами трансваальской больницы. Да и поданные намъ новые вагоны, задрапированные огромными флагами Краснаго Креста, оказались разукрашенными гирляндами и букетами живыхъ цвѣтовъ.

Выѣхавъ изъ Ватерфаля утромъ, часовъ въ 9, мы, послѣ послѣдняго крутого подъема, черезъ туннель выѣхали къ станціи Ватерфаль boven (oben—верхъ водопада), невдалекѣ отъ которагорѣка Эланстрей низвергается со значительной высоты гладкой водной скатертью и затѣмъ пѣнятся по крутымъ порогамъ, гдѣ утромъ по скаламъ стадомъ пробѣгаютъ на водопой ютящіяся въ окрестности обезьяны; нашимъ докторамъ, сдѣлавшимъ этотъ красивый подъемъ пѣшкомъ, по боковой тропинкѣ, пока мы были задержаны посѣщеніемъ ватерфальскихъ сестеръ, посчастливилось увидѣть эту необычную для насъ картинку.

Послѣ Ватерфаля boven, высшей точки перевала, поѣздъ пошелъ уже по менѣе живописной мѣстности и скоро изъ послѣднихъ отроговъ горнаго хребта выбрался въ открытую мѣстность южно-африканскаго плоскогорья. При этомъ вмѣсто возрастающаго дневного зноя мы сначала съ удивленіемъ почувствовали значительное пониженіе температуры, но зато замѣчательную чистоту и живительность воздуха, отъ которой мы совсѣмъ отвыкли въ сырой тепличной жарѣ тропиковъ. Этимъ свойствомъ воздуха—общимъ Трансваалю съ другими горными мѣстностями, но здѣсь сохранившимся во всей неприкосновенности, вслѣдствіе отсутствія большихъ городовъ и всякаго фабричнаго или заводскаго производства, у насъ въ Европѣ служащихъ такими центрами міазмовъ и всяческаго зараженія воздуха, объясняется замѣчательная быстрота заживленія ранъ и рѣдкость ихъ воспаленія или нагноенія, даже при неудовлетворительныхъ условіяхъ первой перевязки. Такъ, весьма часто наблюдались случаи ранъ съ раздробленіемъ костей, которыя заживлялись безъ всякаго нагноенія или выдѣленія секвестровъ, раньше чѣмъ успѣвала вполнѣ срастись раздробленная кость; потомъ въ нормальный срокъ и это сращеніе происходило совершенно правильно и безъ всякихъ осложненій.

Но съ этими свойствами трансваальскаго воздуха намъ пришлось, конечно, знакомиться впослѣдствіи при нашей профессіональной работѣ; теперь же мы только съ любопытствомъ наблюдали внѣшнія измѣненія въ окружающей насъ природѣ.

Вмѣсто болотистой нездоровой мѣстности, по которой мы ѣхали наканунѣ, вокругъ насъ тянулись теперь необъятныя пастбища сѣвернаго Трансвааля—фельдъ, заросшій грубой травой, въ это время года (средина лѣта) начинавшей желтѣть и выгорать вслѣдствіе страшнаго зноя и окончанія дождливаго періода. Кое-гдѣ разбросаны группы кустовъ, наиболѣе грубыхъ видовъ колючихъ мимозъ; около зданій стройные эквалиптусы, эти столь цѣнимыя здѣсь деревья, гладкій и ровный стволъ которыхъ идетъ на постройки и разнообразныя издѣлія, изъ листьевъ же трансваальскія хозяйки приготовляютъ простыя, но весьма дѣйствительныя цѣлебныя средства. Кое-гдѣ пасутся стада рогатаго скота и барановъ, мелькаютъ табуны лошадей. Раньше ихъ здѣсь, говорятъ, было гораздо больше; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошелъ массовый падежъ, почти разорившій многихъ изъ жителей, а экземпляры, вывезенные изъ сосѣднихъ англійскихъ колоній или съ Мадагаскара, не успѣли еще размножиться въ прежнемъ количествѣ. Воздѣланной земли и жилищъ, кромѣ станцій, почти не видно, такъ какъ они въ этой мѣстности вообще очень разбросаны и удалены отъ желѣзной дороги.

Еще наканунѣ, при нашемъ переѣздѣ черезъ границу въ Коматипортѣ, нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей подошли къ намъ, знакомиться съ докторами и zusters, разсказывали послѣднія военныя новости, показывали новое для насъ снаряженіе—пояса съ патронами, маузеровскія винтовки, давали вяленое мясо — bill-tong изъ своего запаса и предлагали намъ украсить себя ленточками національныхъ цвѣтовъ [1]), что мы охотно сдѣлали, прицѣпивъ кокардочки изъ нихъ на шляпы или къ часовымъ цѣпочкамъ. Теперь, по мѣрѣ того какъ мы двигались дальше, на болѣе крупныхъ станціяхъ мы находили все большее и большее число окрестныхъ жителей, преимущественно женщинъ и дѣтей, такъ какъ мужчины почти всѣ были въ командо (т. е. при войскѣ), и мы видѣли только немногихъ, находившихся въ отпуску. Особенно памятна мнѣ длинная остановка въ Миддельбургѣ, гдѣ мы едва успѣли пообѣдать, отъ запросовъ на наше вниманіе многочисленной толпы владѣлицъ окрестныхъ фермъ, подростковъ, хорошенькихъ дѣвушекъ съ букетами цвѣтовъ и даже дѣтей. Меня особенно тронула одна уже пожилая почтенная особа въ траурѣ, пытавшаяся шутить съ нашими докторами, прося ихъ вылечить ее отъ старости, но при этомъ отнесшаяся къ намъ особенно тепло и сердечно: оказалось, что она съ начала войны потеряла сына и брата, умершихъ отъ ранъ, другіе сыновья и родные находились въ командо (военныхъ отрядахъ), и она хотѣла лично поблагодарить насъ, что мы, сочувствуя ихъ національному горю, пріѣхали издалека спасти кого можемъ для женъ и матерей.

Въ Миддельбургѣ мы были около часа; а къ вечеру, часовъ въ 7, уже подъѣзжали къ вокзалу въ Преторіи, гдѣ насъ встрѣтила, со знаками привѣтствія, отчасти сочувствующая, отчасти любопытная толпа.

За любопытство въ данномъ случаѣ никакъ нельзя обвинять, радушіе же оказаннаго намъ въ Преторіи гостепріимства никогда не изгладится изъ нашей памяти. Многіе изъ жителей обращались къ начальству отряда, д-ру фанъ-Леерсуму и администратору фанъ-Мойэну съ просьбой помѣстить у нихъ въ домѣ кого-либо изъ врачей или сестеръ; въ видахъ болѣе быстраго сближенія съ мѣстными жителями, а также сокращенія расходовъ на содержаніе, очень большихъ въ трансваальскихъ гостинницахъ, это предложеніе было принято для многихъ изъ насъ, и всѣ тѣ, кто воспользовались такимъ приглашеніемъ, могутъ только съ самымъ теплымъ чувствомъ благодарности вспоминать радушіе и заботу о насъ этихъ незнакомыхъ, чужихъ людей.

---

[1]) Бѣлый, синій, красный — голландскіе съ добавленіемъ зеленаго — пастбищъ Трансвааля.

Изъ докторовъ мѣстнымъ гостепріимствомъ воспользовался, впрочемъ, только Ѳ. К. Веберъ, попавшій въ домъ старшаго судьи Преторіи г-на Эссера, вслѣдствіе своего служебнаго положенія и личнаго вліянія, принимавшаго всѣхъ выдающихся членовъ мѣстнаго общества; съ многими изъ нихъ д-ръ Веберъ очень скоро и перезнакомился. Кромѣ того, судья Эссеръ, какъ его зоветъ весь Трансвааль, поставилъ въ распоряженіе своего гостя даже экипажъ и верховую лошадь, а съ его маленькой дочкой гость, вообще любящій дѣтей и умѣющій съ ними обращаться, такъ подружился, что при нашемъ отъѣздѣ она провожала его не съ традиціонными цвѣтами, а съ бумажкой, гдѣ, чисто по-дѣтски, было закатано небольшое количество конфектъ; надо замѣтить, что д-ръ Веберъ большой сластена и его маленькій другъ, вѣроятно, рѣшилъ, что этотъ подарокъ доставитъ ему наивысшее наслажденіе.

Одна изъ голландскихъ сестеръ, Іогaнна фанъ-Схермбекъ, жила въ многочисленной и симпатичной семьѣ мѣстнаго секретаря (министра) народнаго образованія г-на Мансфельдъ. Я съ неразлучной сестрой Корнеліей Проотъ—у директора мѣстной высшей мужской школы, профессора Рейнинка, и его молодой жены, о любезности и заботѣ которыхъ вспоминаю съ живѣйшей благодарностью.

Мы намѣревались провести въ Преторіи только самое необходимое время для полученія огромнаго амбулаціоннаго багажа изъ Лоренцо-Маркеза, представленія властямъ и опредѣленія мѣста нашей будущей дѣятельности. Но все это оказалось не такъ просто и скоро.

Президенту намъ, правда, удалось представиться уже черезъ три дня, но, несмотря на любезныя слова благодарности за предстоящіе намъ труды на помощь бюргерамъ, страждущимъ въ борьбѣ за свое правое дѣло, у меня получилось впечатлѣніе, что, при его безчисленныхъ болѣе серьезныхъ заботахъ, престарѣлому президенту прямо-таки жаль того времени, которое онъ постоянно принужденъ удѣлять всѣмъ этимъ пріѣзжимъ, рисующимся сочувствіемъ къ нимъ и отъ которыхъ будетъ ли еще какой-нибудь толкъ, либо ничего, кромѣ безпокойства. Послѣдующій опытъ и, наконецъ, теплыя выраженія письма, опубликованнаго пасторомъ Гиллотомъ вскорѣ послѣ нашего возвращенія изъ Южной Африки, не могли оставить намъ и малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, какъ президентъ Крюгеръ умѣетъ цѣнить дѣйствительныя заслуги, хотя бы самыя скромныя, передъ своимъ народомъ и дѣломъ; весьма возможно даже, что это впечатлѣніе было внушено мнѣ собственной мыслью о томъ, какъ въ его годы и при его заботахъ ему должны надоѣдать эти неизбѣжныя обязанности представительства; во всякомъ случаѣ какимъ оно у меня сложилось, такимъ я его и передаю.

Намъ, конечно, было въ высшей степени интересно увидѣть человѣка, тогда и до сихъ поръ такъ исключительно и справедливо занимающаго вниманіе и удивленіе всего міра; да и на страницахъ исторіи врядъ ли кто-нибудь между дѣятелями конца прошлаго столѣтія займетъ болѣе почетное мѣсто, привлечетъ большія симпатіи, вызоветъ большій интересъ историка, психолога, моралиста, чѣмъ Іоганнесъ Стефанусъ Павелъ Крюгеръ.

Если справедливо, что великій историческій дѣятель, ведущій своихъ согражданъ къ новымъ, болѣе совершеннымъ формамъ гражданской и политической жизни, долженъ быть типичнымъ выразителемъ духовныхъ сторонъ и стремленій своего народа, силой мысли выяснять ему его смутные идеалы, силой духа вести его къ осуществленію этихъ идеаловъ, никто не станетъ спорить, что президентъ Крюгеръ является для своего народа именно такимъ дѣятелемъ, въ исключительной степени удовлетворяющимъ всѣмъ этимъ требованіямъ. Если вдуматься въ идеалъ великаго человѣка, рисуемый Карлейлемъ, крупнѣйшимъ историкомъ моралистомъ, которымъ справедливо гордятся его враги, необыкновенно родственнымъ ему по общности пуританской наслѣдственности и традицій, то невольно приходишь къ выводу, что для будущаго историка Крюгеръ особенно привлекателенъ и интересенъ именно какъ «созидатель, организаторъ, въ собственномъ смыслѣ творецъ того, что массѣ его согражданъ удастся сдѣлать или чего достигнуть; все совершенное въ мірѣ есть въ сущности внѣшній, матеріальный результатъ, практическое осуществленіе и воплощеніе мыслей, жившихъ въ великомъ человѣкѣ»—представителѣ своего народа. Еще одной чертой президентъ Крюгеръ особенно подходитъ подъ требованія Карлейля отъ истинно-великаго человѣка—именно своею разносторонностью. По мнѣнію Карлейля, истинно великій человѣкъ, т. е. обладающій великимъ, широкимъ и прозорливымъ умомъ и глубокимъ нравственнымъ чутьемъ, по природѣ своей разностороненъ и уже требованія времени опредѣляютъ, будетъ ли онъ служить своему народу и человѣчеству какъ пророкъ, поэтъ, проповѣдникъ, военный или политическій дѣятель, или совмѣститъ въ себѣ нѣсколько изъ этихъ призваній; въ основаніи же его натуры обязательно заложена потенціальная возможность всего этого. И Павелъ Крюгеръ, смотря по обстоятельствамъ и обстановкѣ, являлся представителемъ самыхъ различныхъ сторонъ и потребностей своего народа, какъ заботливый хозяинъ, неутомимый охотникъ, неустрашимый воинъ, дальновидный политическій дѣятель; надъ всѣмъ же этимъ господствуетъ та черта глубокой, непоколебимой нравственной мощи, силы вѣры и убѣжденія, которыя справедливо позволили назвать его «не только вождемъ, но также пророкомъ и священникомъ своего народа».

За наше пребываніе въ Трансваалѣ намъ привелось слышать немало разсказовъ о президентѣ Крюгерѣ, познакомившихъ насъ ближе какъ съ его общественной дѣятельностью, такъ и съ его личностью въ частной жизни; но эта личная жизнь такъ сплелась съ исторіей и ростомъ его народа, что отдѣлить одно отъ другого совершенно немыслимо.

Павелъ Крюгеръ родился на фермѣ, недалеко отъ Кольсберга, т. е. на самомъ сѣверѣ теперешней Капской колоніи, почти на границѣ области, занятой въ то время европейцами, въ плодородной, но пустынной, рѣдко заселенной странѣ, на границѣ неизвѣданныхъ дебрей Африки, гдѣ господство надъ необъятнымъ фельдомъ, перерѣзаннымъ горными хребтами и лѣсами колючихъ мимозъ и эвкалиптусовъ, дѣлили между собою дикіе звѣри—львы, пантеры, гіэны, ядовитыя змѣи и дикіе буйволы и еще болѣе опасныя могущественныя и воинственныя черныя племена. Съ нравственной же стороны единственными воспитательными элементами являлись фамильная библія и толкуемая при ея освѣщеніи исторія предковъ, въ твердой вѣрѣ и упованіи на Бога покинувшихъ далекое европейское отечество и, подъ вліяніемъ тѣхъ же чувствъ религіознаго воодушевленія и личной и духовной независимости, твердо шедшихъ прочь отъ несправедливаго иноземнаго владычества навстрѣчу всѣмъ неудобствамъ и опасностямъ сѣверной пустыни. Онъ самъ выросъ какъ разъ въ эпоху «большихъ трекковъ», массоваго ухода капскихъ буровъ вглубь этихъ пустынныхъ дебрей Южной Африки отъ сдѣлавшагося слишкомъ тяжелымъ владычества англичанъ въ Капландѣ. Когда ему было 10 лѣтъ, его семья примкнула къ партіи эмигрантовъ, шедшей на сѣверъ подъ предводительствомъ Генриха Потгитера, и съ этихъ поръ, кромѣ чисто семейныхъ вліяній, онъ оказался въ непосредственной близости и подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Потгитеръ, Преторіусъ, Селліе, людей, часто грубыхъ и упорныхъ, но крѣпкихъ тѣломъ и духомъ, одушевленныхъ непоколебимой вѣрой въ Бога и будущее своего народа, который, подобно Израилю, довѣрившись Его обѣтамъ прибѣгающимъ къ нему, пошелъ въ страшную и убійственную пустыню, чтобы только не подчиниться несправедливому гнету иноземцевъ, и, если сумѣетъ претерпѣть до конца всѣ предназначенныя ему испытанія, подобно Израилю, создастъ себѣ новый свободный и твердый гражданскій строй въ новомъ отечествѣ, странѣ, богатой дарами природы—текущей молокомъ и медомъ. Для насъ, европейцевъ 20 вѣка, плохо доступно даже воображеніемъ подобное міросозерцаніе, видящее особый промыселъ и водительство Божіе во всѣхъ фактахъ частной и общественной жизни; но для будущаго историка-психолога одной изъ наиболѣе интересныхъ сторонъ настоящей героической борьбы явится именно это соединеніе факторовъ новѣйшей цивилизаціи

и военнаго искусства съ бытовыми и нравственными условіями древнихъ «отцовъ пилигримовъ», ради совѣсти и личной свободы основавшихъ независимыя гражданскія единицы Сѣверной Америки и Южной Африки. Это міросозерцаніе, до сихъ поръ столь сильное, особенно въ старшемъ поколѣніи буровъ, въ 30 годахъ, въ дни молодости Крюгера было всеобщимъ, и надо сознаться, что многое изъ того, что пришлось тогда пережить умному и впечатлительному мальчику, должно было религіозно предрасположенному уму служить прямымъ указаніемъ на непосредственное вмѣшательство и водительство Божіе.

Подобно переселенію древнихъ пастушескихъ народовъ, двигался длинный поѣздъ тяжелыхъ повозокъ, запряженныхъ 4-мя, 6-ю парами воловъ, въ сопровожденіи огромныхъ стадъ рогатаго скота, овецъ и табуновъ лошадей, но подъ охраной коннаго отряда мужчинъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, по однообразной плоскости нынѣшней Оранжевой республики. Безчисленныя затрудненія и опасности не слишкомъ угнетали переселенцевъ, закаленныхъ физически и нравственно; напротивъ, соотвѣтствовали ихъ прирожденной любви къ охотѣ и скотоводству и потребности широкой личной независимости. Такимъ образомъ, медленно и незамѣтно продвинулись они на сѣверъ почти до слѣдующей значительной рѣки—Вааля, какъ вдругъ во время одной остановки нѣкоторые изъ мужчинъ, отъѣхавшіе отъ лагеря для охоты, прискакали назадъ съ извѣстіемъ, что надвигаются массы вооруженныхъ черныхъ. Въ виду предстоящей смертельной опасности, тяжелые фургоны были поспѣшно сдвинуты треугольникомъ, въ которомъ 40 мужчинъ отчаянно защищали себя и свои семьи отъ напора сотенъ воинственныхъ и кровожадныхъ матабеловъ. Мужчины безъ устали стрѣляли изъ своихъ ружей стараго образца, которыя спокойно заряжали молящіяся женщины. И, благодаря мужеству и хладнокровію какъ тѣхъ, такъ и другихъ, страшный приступъ былъ отбитъ съ потерей всего двухъ бойцовъ, пораженныхъ мѣткими ассагаями за ихъ импровизированнымъ прикрытіемъ.

Но эта побѣда европейскаго оружія и хладнокровія надъ нестройными толпами черныхъ еще далеко не могла считаться спасеніемъ отъ угрожающей смерти: всѣ стада были угнаны, не осталось ни воловъ для перевозки фургоновъ съ имуществомъ, женщинами и дѣтьми, ни коровъ и овецъ, чтобы дать хотя бы дѣтямъ обычный запасъ молока; другіе припасы истощались, даже запасъ пороха и пуль, безъ которыхъ какое-либо передвиженіе по странѣ, занятой дикими и жестокими черными, было немыслимо: гибель медленная, но еще болѣе ужасная, казалась неизбѣжной. Къ счастью, въ оградѣ сохранилось нѣсколько лошадей, и вотъ братъ предводителя, Германъ Потгитеръ, объявилъ свое намѣреніе на лучшей

и быстрѣйшей изъ нихъ скакать обратно до Табанчу (на юго-востокѣ Фрейштата), чтобы просить помощи у тамошняго чернаго властителя Мароко, гостепріимно отнесшагося къ переселенцамъ. Попытка казалась отчаянной, но это былъ единственный способъ спасенія и, понятно, какими горячими молитвами сопровождали всѣ оставшіеся на равнинѣ Ваяля рискованный отъѣздъ своего смѣлаго посланца. Но и тутъ мужество и хладнокровіе восторжествовали, и на третій день Германъ Потгитеръ достигъ Табанчу и воспользовался помощью не только дружественныхъ кафровъ, но еще новаго свѣжаго поѣзда переселенцевъ, прибывшихъ туда подъ начальствомъ знаменитаго предводителя Пита Ретифа, которымъ онъ взамѣнъ этого доставилъ нужныя свѣдѣнія о лежавшей передъ ними странѣ.

Скоро оба поѣзда соединились и, не проникая дальше на сѣверъ, въ области нынѣшняго Трансвааля направились къ востоку, гдѣ за дикими обрывами Драконовыхъ горъ, по слухамъ, находилась плодородная и красивая приморская область. Послѣ безконечныхъ затрудненій переправы съ семьями и стадами черезъ дикій и почти необитаемый горный хребетъ измученные поселенцы увидѣли передъ собою плодородную страну, названную первыми открывшими ее европейцами (португальскими мореходцами) Natal'емъ въ честь Рождества Спасителя. Не желая насильственнымъ захватомъ земли возбуждать противъ себя могущественное и воинственное племя кафровъ зулу, начальники буровъ предложили ихъ верховному вождю Дингаану откупить у него часть земли и вступить съ нимъ въ договоръ и даже союзъ. Выдающійся по уму и храбрый, какъ всѣ зулу, но вѣроломный, подобно большинству чернокожихъ, Дингаанъ слышалъ о пораженіяхъ, нанесенныхъ западнымъ племенамъ кафровъ превосходствомъ европейскаго оружія; поэтому онъ притворился, что согласенъ на предложенія пришельцевъ и, подъ видомъ переговоровъ, завлекъ Ретифа съ 66-ью изъ его сподвижниковъ въ западню, гдѣ они всѣ погибли. Одновременно было произведено нападеніе на ближайшіе лагери европейцевъ, ознаменовавшееся особеннымъ кровопролитіемъ на мѣстѣ, до сихъ поръ носящемъ имя Веневъ (weinen—плачъ).

Въ ближайшемъ къ Венену лагерѣ находилось семейство Крюгера, и сюда прискакалъ единственный, случайно спасшійся оттуда, мальчикъ-подростокъ, почти одинхъ лѣтъ съ маленькимъ Полемъ. Опять импровизированныя укрѣпленія, опять борьба на жизнь и смерть съ еще болѣе многочисленными и страшными дикими ордами, опьяненными первымъ успѣхомъ и пролитою кровью; но здѣсь, говорятъ, мальчикъ на зовъ матери, хотѣвшей укрыть его въ безопасномъ мѣстѣ, потребовалъ оружія, чтобы также стрѣлять по врагамъ. И здѣсь европейское оружіе и вы-

держка одержали верхъ надъ ожесточенными, но нестройными полчищами черныхъ. И буры не только отбились отъ нападенія на ихъ лагери, но, ободренные этимъ успѣхомъ, рѣшились перейти въ наступленіе, чтобы проучить вѣроломныхъ черныхъ и отмстить за Ретифа и другихъ ихъ жертвъ. Вскорѣ имъ удалось совершенно разбить Дингаана, бѣжавшаго въ горы, и завладѣть подвластными ему землями и главнымъ краалемъ. День этой побѣды постоянно праздновался у буровъ подъ названіемъ «Дингаанова дня» (Dingaans dag), а на мѣстѣ ея они основали теперешній городъ Питермарицбургъ.

Но недолго пришлось переселенцамъ наслаждаться спокойствіемъ въ новой занятой ими странѣ. Англичанамъ не давали покоя поселенія выходцевъ изъ захваченнаго ими Капланда на богатой и живописной приморской полосѣ, обладавшей къ тому же прекрасными природными гаванями (Портъ-Елизавета и Дурбанъ). Хотя буры, подъ начальствомъ Преторіуса, еще разъ, при Блутривирѣ, нанесли кровавое пораженіе зулу, возбужденнымъ противъ нихъ англичанами, однако, должны были отодвинуться передъ объявленной оффиціально англійской оккупаціей; большинство изъ нихъ, чтобы не подпасть подъ прежнее иго, предпочли вновь перейти за Драконовы горы, искать опять новаго отечества на сѣверной сторонѣ Вааля, куда тѣмъ временемъ уже проникли другія партіи поселенцевъ.

Семья Крюгоровъ была одна изъ первыхъ, поселившихся въ собственномъ Трансваалѣ. Она перешла сюда еще до очищенія Наталя бурами Преторіуса съ небольшой партіей, отдѣлившейся подъ предводительствомъ Потгитера, вслѣдствіе несогласій, возникшихъ между этими двумя вождями.

Здѣсь, въ окрестностяхъ теперешняго Рустенбурга, среди своеобразныхъ условій быта и еще не установившагося гражданскаго строя, молодой Крюгеръ постепенно проявилъ выдающіяся способности, благодаря которымъ, идя постоянно во главѣ своего народа, развиваясь сообразно его исторической эволюціи, онъ сталъ его природнымъ въ лучшемъ смыслѣ, многолѣтнимъ вождемъ.

Сначала, сообразно своимъ лѣтамъ и окружающей обстановкѣ полукочевого быта среди дикихъ звѣрей и туземцевъ, онъ проявлялъ желѣзную физическую силу, выносливость и неустрашимость, которыя выдвинули его изъ среды всей молодежи его народа. До сихъ поръ передаются между бурами разсказы о томъ, какъ «Oom Paul» въ состязаніи въ бѣгѣ такъ далеко опередилъ лучшихъ кафрскихъ бѣгуновъ, что успѣлъ по дорогѣ, сидя, выпить чашку кофэ, а затѣмъ все же взялъ призъ, какъ онъ одной пулей укладывалъ льва, какъ на охотѣ за дикимъ буйволомъ,

неосторожно бросившись за нимъ въ болото, оказавшееся довольно глубокимъ, и, барахтаясь съ разъяреннымъ звѣремъ въ мутной водѣ, схватилъ его за рога и такъ долго пригибалъ его голову подъ воду, пока тотъ не задохся; какъ въ другой разъ на охотѣ, поранивъ себѣ большой палецъ и замѣтивъ, что рана гангренируетъ, онъ самъ, карманнымъ ножомъ, послѣдовательно отнималъ у себя два сустава, пока палецъ не сталъ заживать безъ омертвенія. Но не подобными только чертами чисто физической силы и выносливости выдвигался Крюгеръ среди бурской молодежи. Еще важнѣе были ясно выраженныя уже тогда душевныя качества—набожность, нравственная устойчивость, умѣнье вліять на людей и распоряжаться ими. Неудивительно поэтому, что при первыхъ же попыткахъ гражданскаго и военнаго устройства онъ, тогда еще почти мальчикъ, былъ избранъ сначала вицъ, а потомъ и дѣйствительнымъ фельдкорнетомъ, т. е. начальникомъ ополченія своего округа (wejk), обязаннымъ и въ мирное время слѣдить за боевой и мобилизаціонной подготовкой подчиненныхъ ему бюргеровъ. Войнъ въ собственномъ смыслѣ трансваальцы до послѣдняго времени хотя и не вели, но постоянная боевая готовность гражданъ была крайне необходима въ виду условій ихъ существованія, окруженныхъ многочисленными дикими племенами, отъ которыхъ часто приходилось отбиваться или наказывать ихъ за нападенія и грабежъ.

Но хотя Крюгеръ впослѣдствіи съ честью занималъ даже высшій военный постъ комендантъ-генерала, его дѣятельность на пользу отечества все же по преимуществу не военная, а мирная, организаціонная и политическая.

Эту сторону своей дѣятельности ему пришлось развить почти исключительно на почвѣ отношеній съ Англіей, единственной граничащей съ Трансваалемъ великой державой, и обстоятельствъ, возникшихъ на почвѣ этой борьбы. Въ своихъ отношеніяхъ къ образовавшимся рядомъ съ ея владѣніями независимымъ бурскимъ республикамъ Англія постоянно держала про запасъ свои прежнія, также основанныя на насиліи, сюзеренныя права надъ ихъ отцами, выходцами изъ занятой ею Капской области. Предвидя эту опасность въ будущемъ, Преторіусъ, очищая Наталь, заключилъ съ Англіей договоръ на Зандриверѣ, по которому она признала полную и безусловную независимость всѣхъ поселенцевъ къ сѣверу отъ Вааля и всякаго основаннаго ими государственнаго строя. Такая уступчивость можетъ показаться странной, но въ то время не имѣлось еще никакихъ свѣдѣній о рудныхъ богатствахъ, составляющихъ главное международное значеніе Трансвааля, и Англія считала выгоднымъ купить богатую и плодородную приморскую область Наталь цѣною

позволенія непризнающимъ ея сюзеренитетъ свободно селиться въ странѣ, по выраженію одного изъ ея генераловъ, «годной только для хищныхъ звѣрей и для дикихъ» (wild beasts and savages).

Но вотъ поселенцы оттѣснили дикихъ звѣрей и людей или подчинили ихъ, развели стада, завели первобытную обработку полей и твердый гражданскій строй. Уже на эти успѣхи Англія смотрѣла подозрительно и съ неудовольствіемъ; когда въ семидесятыхъ годахъ въ Трансваалѣ были открыты первыя золотыя розсыпи, тотчасъ вызвавшіе наплывъ промышленниковъ и золотоискателей самыхъ различныхъ общественнаго и дѣловаго положенія, но всѣ приблизительно одного нравственнаго уровня.

Несомнѣнно, что для этихъ пришельцевъ все міросозерцаніе и общественный строй буровъ должны были быть странными и несимпатичными. Но самый характеръ буровъ—спокойный, уравновѣшенный, не терпящій посторонняго вмѣшательства, но и не навязывающій свои взгляды постороннему, исключалъ возможность какихъ-либо гоненій на почвѣ разности міровоззрѣнія и стремленій. Къ тому же, бюргеры тогда, еще больше чѣмъ въ послѣднее время, жили разсѣянными по своимъ фермамъ, гдѣ едва успѣли осѣсть и устроиться; европейскіе же выходцы группировались около тѣхъ пунктовъ, гдѣ сосредоточивалась разработка рудныхъ богатствъ. Цѣль ихъ, въ огромномъ большинствѣ, было скорѣйшее обогащеніе и затѣмъ возвратъ ко всѣмъ благамъ цивилизаціи. Никто изъ нихъ и не думалъ серьезно осѣсть въ молодой странѣ, посвятить свои силы ея интересамъ и развитію, и главнымъ предметамъ ихъ неудовольствія всегда было то, что бурское правительство, съ перваго дня понявъ неудобство предоставить возможность распоряжаться въ странѣ столь ненадежному и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніи элементу, ограничило разработку рудныхъ богатствъ извѣстными округами и противилось допущенію людей этого типа до серьезнаго участія въ управленіи страной.

Шире и рѣзче эти недоразумѣнія развились впослѣдствіи, но тогда Англія воспользовалась первыми же ихъ проявленіями для своей первой неудачной попытки завладѣть собственно Трансваалемъ. Уже тогда система послѣдующаго времени примѣнялась во всемъ своемъ объемѣ: жалобы уйтландеровъ, иностранцевъ—преимущественно изъ англичанъ—на отсутствіе порядка и на притѣсненія поддерживалось газетной кампаніей, подготовлявшей общественное мнѣніе въ томъ смыслѣ, что въ этой странѣ, столь заманчивой своими природными богатствами, граничащей съ ихъ владѣніями, населенной выходцами изъ этихъ владѣній, благодаря грубости, некультурности этихъ выходцевъ, царитъ безпорядокъ и произволъ, которыми тяготятся не только переселенцы изъ болѣе циви-

Преторі

лизованныхъ странъ, но даже большинство самихъ буровъ. Подготовивъ, такимъ образомъ, почву, Англія приступила къ дѣлу въ началѣ 1877 г., т. е. въ такой моментъ, когда вниманіе Европы было отвлечено осложненіями на Востокѣ, приведшими вскорѣ къ русско-турецкой войнѣ.

Тѣ изъ насъ, кто помнятъ возбужденіе, предшествовавшее войнѣ 1877 года, глубокое и дѣятельное сочувствіе страданіямъ балканскихъ славянъ, въ которомъ тогда вполнѣ слились стремленія народа съ волею Царя, вѣроятно, какъ и я, вспоминали его при видѣ горячаго участія всего нашего общества, проявленнаго имъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ къ бурамъ: стоитъ вспомнить проводы нашихъ двухъ санитарныхъ отрядовъ въ 1899 г. или встрѣчу бурскихъ депутатовъ въ 1900 г., — ничего подобнаго Петербургъ не видалъ съ отправки добровольческихъ поѣздовъ и хоругвей 70-хъ годовъ.

И это горячее увлеченіе всего общества справедливымъ дѣломъ, героической борьбой маленькаго народа, чуждаго намъ и по происхожденію, и по политическимъ интересамъ, вполнѣ оправдываетъ насъ отъ обвиненія, что сочувствіе 70-хъ годовъ было эгоистично, на политической подкладкѣ. Теперь эти сравненія напрашиваются сами собою всякому, пережившему оба эти момента нашей общественной жизни; но тогда, отвлеченные интересомъ болѣе близкихъ намъ событій, мы и не подозрѣвали, что въ эту самую минуту Англія, печать которой такъ громко кричитъ о «russian horrors» (русскихъ неистовствахъ), въ дальнемъ углу Южной Африки кладетъ начало политикѣ, имѣющей привести ее самую къ дѣяніямъ, передъ которыми блѣднѣютъ подвиги и опустошенія башибузуковъ.

Но безчеловѣчный способъ веденія войны, такъ неожиданно встрѣтившій поддержку и даже сочувствіе въ общественномъ мнѣніи страны, справедливо гордящейся своей старой и либеральной культурой, претендующей даже на исключительно сильное вліяніе христіанскихъ идей и принциповъ на повседневную жизнь, вызвано было, конечно, не одной жаждой захвата и наживы, а, главнымъ образомъ, рядомъ уже испытанныхъ на этомъ пути неудачъ, доведшихъ до полнаго ожесточенія самолюбіе и патріотизмъ упорной англо-саксонской расы.

Однако, въ самомъ началѣ казалось, что дѣло обойдется для Англіи вполнѣ спокойно и безопасно. И для національнаго характера буровъ очень типична именно эта способность дать себя озадачить въ критическій яко бы моментъ, и потомъ только, испробовавъ добросовѣстно всѣ пути къ мирному разрѣшенію вопроса, хотя бы цѣною нѣкоторыхъ внѣшнихъ уступокъ, способныхъ польстить самолюбію и властолюбію противника, проявить все упорство, всю сосредоточенную силу своего ха-

рактера въ защиту того, что для нихъ дороже жизни—личная независимость, неприкосновенность семьи и народности. Уже при первомъ захватѣ Трансвааля эти черты обрисовались вполнѣ опредѣленно, и если ослѣпленіе общества, обманутаго искусно организованной газетной кампаніей, еще до нѣкоторой степени понятно, то можно только удивляться близорукости и легкомыслію, съ которыми государственные и военные дѣятели Англіи, ради частныхъ низменныхъ интересовъ, толкнули ее въ столь рискованную политическую авантюру, изъ которой она кое-какъ выпуталась цѣною совершенно несоразмѣрныхъ затратъ деньгами, кровью и національной энергіей, посредствомъ мѣропріятій, ложащихся позорнымъ пятномъ на всю націю, мирившуюся съ ними, но послѣдствія которой далеко не исчерпаны настоящимъ сомнительнымъ замиреніемъ.

Когда, въ 1877 г. Англія, подготовивъ общественное мнѣніе, посредствомъ жалобъ и петицій уйтландеровъ, сочла возможнымъ приступить къ дѣлу, въ Трансвааль прежде всего былъ посланъ правительственный комиссаръ, яко бы для переговоровъ о предполагаемой федераціи между всѣми «южно-африканскими колоніями». Для переговоровъ съ нимъ былъ избранъ депутатъ (въ фольксраадъ) отъ города Рустенбурга—Павелъ Крюгеръ, и онъ, согласно совѣсти и инструкціямъ своихъ согражданъ, твердо стоялъ на томъ, что соглашеніе по всѣмъ вопросамъ внѣшней политики и торговли возможно и желательно, но никакое вмѣшательство въ вопросы внутренняго управленія не можетъ быть допущено, тѣмъ болѣе, что сама Англія, договоромъ при Зандриверѣ, признала полную независимость Трансвааля.

Тогда, 12-го апрѣля 1877 г., было просто, посредствомъ прокламаціи, объявлено присоединеніе Трансвааля къ владѣніямъ ея британскаго величества и на домѣ, занятомъ англійскимъ комиссаромъ, былъ поднятъ британскій флагъ. Захваченный врасплохъ, да и по характеру не энергичный, президентъ Бюргерсъ (выбранный послѣ смерти Преторіуса) передалъ англичанину ключи правительственныхъ учрежденій. Но прежде чѣмъ разойтись исполнительный совѣтъ, къ которому принадлежалъ Крюгеръ, внесъ протестъ противъ оказаннаго насилія и было положено, путемъ депутаціи къ королевѣ Викторіи, попытаться возстановить свои права и придти къ мирному разрѣшенію вопроса. Для этой депутаціи были выбраны Крюгеръ, назначенный вице-президентомъ, и Гориссонъ одинъ изъ крупныхъ чиновниковъ.

Чтобы вполнѣ понять всю затруднительность миссіи, возложенной на Крюгера довѣріемъ его согражданъ, надо вспомнить, что, несмотря на природный умъ и способности, онъ все же не обладалъ даже обыкновенной у насъ степенью книжной учености и дожилъ до пятидесятилѣтняго

возраста вдали отъ всѣхъ условій нашей европейской жизни и цивилизаціи. Пріѣхавъ въ Капштадтъ, онъ впервые увидѣлъ большой городъ, море, корабль. И этому депутату полу-осѣдлаго народа, возмужавшему въ борьбѣ со стихіями, львами, буйволами и дикими зулусами, предстояло вести переговоры съ государственными людьми наиболѣе цивилизованной изъ націй Европы. Но здѣсь-то и проявилось прирожденное превосходство и достоинство натуры Крюгера. Не давая ни ослѣпить, ни удивить себя окружающей роскошью и ухищреніями чуждой цивилизаціи, не смущаясь собственной непривычностью къ подобной средѣ, онъ съ полнымъ достоинствомъ выдержалъ демонстративную любезность англійскихъ министровъ и плохо скрываемое насмѣшливое любопытство аристократической толпы, которой они его въ буквальномъ смыслѣ «показывали» на раутахъ и обѣдахъ; ни передъ кѣмъ не измѣняя самому себѣ и не унижаясь, онъ тогда сумѣлъ вызвать уваженіе и возможную предупредительность даже у столь предубѣжденныхъ людей. Отмѣны присоединенія онъ, конечно, не добился, но внѣ этого ему дѣлали самыя лестныя обѣщанія и для страны, и для него лично, а главное, показали всю относившуюся къ дѣлу переписку съ комиссаромъ Шепстономъ, гдѣ этотъ послѣдній изображалъ положеніе дѣлъ совершенно неправильно и приводилъ ложное доказательство того, что большинство самихъ буровъ желаетъ англійскаго управленія, какъ гарантію порядка и благоденствія. Видя, что эти утвержденія служатъ главнымъ оружіемъ англійскаго правительства, Крюгеръ счелъ нужнымъ вернуться на родину за доказательствами ихъ лживости. Возбужденіе между бурами, послѣ его возвращенія и отчета, было такъ сильно, что, по словамъ очевидцевъ, ничего не стоило бы поднять возстаніе тогда же. Но самъ Крюгеръ воспротивился этому и добился, что его вторично отправили въ Европу съ неопровержимыми доказательствами истиннаго положенія вещей и желаній народа. Въ товарищи ему на этотъ разъ былъ назначенъ Питъ Жуберъ, впослѣдствіи столь извѣстный комендантъ-генералъ. Когда сэръ Бартль Фреръ, англійскій губернаторъ Капской колоніи, уговаривая депутатовъ оставить свою поѣздку, сказалъ имъ: «Подъ англійскимъ флагомъ вы получите все, что только можете желать, но этотъ флагъ останется надъ вашей страной», горячій Жуберъ воскликнулъ: «Надъ страной можетъ быть, но надъ народомъ никогда!» Для знающихъ буровъ, ихъ любовь къ независимости и ихъ упорство, эта выходка является не просто горячимъ возгласомъ раздраженія, а выраженіемъ глубокаго сознанія человѣка, хорошо знавшаго свой народъ.

Позднѣе, послѣ долгихъ мѣсяцевъ безполезныхъ переговоровъ, когда весь народъ опять казался на рубежѣ возстанія, тотъ же сэръ Бартль

Фреръ, въ переговорахъ съ бурами замѣнившій отозваннаго Шепстона, зная религіозность Крюгера, старался повліять на него доводомъ, что пролитая кровь будетъ на его совѣсти. Крюгеръ отвѣтилъ: «Моя собственная совѣсть говоритъ мнѣ, что я отвѣтственъ за свои поступки, я не спихиваю отвѣтственность за нихъ на народъ. До сихъ поръ я старался его сдерживать, но когда я объясню ему истинное положеніе вещей, ему придется самому рѣшать свою дальнѣйшую судьбу». И, тѣмъ не менѣе, когда, въ декабрѣ 1879 г., собраніе буровъ въ Вондерфонтенѣ постановило бороться за независимость на жизнь и смерть и къ этому движенію примкнули наиболѣе уважаемые и вліятельные изъ бюргеровъ, между прочимъ, и Жуберъ, Крюгеръ все еще пытался отодвинуть кровавую развязку и предостерегалъ своихъ согражданъ отъ возможныхъ послѣдствій. «Друзья, сказалъ онъ, вы избираете путь на жизнь и смерть. Англія могущественная держава, наши же силы незначительны. Теперь вы бросаете свои шляпы вверхъ, но когда начнется борьба, не скажете ли вы «необходимая работа не позволяетъ намъ идти въ командо, наши фермы ждутъ насъ». Обдумайте хорошо, на что вы рѣшаетесь». Самая форма этого предостереженія показываетъ, какъ хорошо Крюгеръ зналъ своихъ согражданъ, ихъ характеръ и привычки. И ему еще разъ удалось склонить ихъ на послѣднюю мирную попытку, такъ какъ перемѣна министерства въ Англіи подавала надежду на новыя вѣянія въ управленіи внѣшней политики. Но и эта надежда оказалась тщетной и остался одинъ путь—вооруженная борьба.

Интересно, что первый толчекъ къ этой борьбѣ, во всякомъ случаѣ ставшей неизбѣжной, подалъ столь извѣстный теперь Пить Кронье. Беззавѣтно храбрый, но всегда отличавшійся вспыльчивостью и упорствомъ, онъ повздорилъ съ англійскими чиновниками и, вмѣстѣ съ однимъ изъ сосѣдей, отказалъ въ уплатѣ податей на томъ основаніи, что «англійское управленіе незаконно»; когда же англійскій областной начальникъ, въ обезпеченіе уплаты, захватилъ часть имущества непокорныхъ, онъ, съ собранными по сосѣдству 120-ью вооруженными бурами, сдѣлалъ набѣгъ на Почефстроомъ и отобралъ захваченное имущество. Тотчасъ было созвано общее народное собраніе при Паардекраалѣ, которое провозгласило независимость, вернуло полномочія членамъ прежняго правительства, за отсутствіемъ же бывшаго президента, Бургерса, передало его власть Крюгеру. Въ товарищи Крюгеру были выбраны Преторіусъ, сынъ перваго вождя, и Жуберъ съ титуломъ командантъ-генерала, и въ этомъ составѣ правительство издало прокламацію, гдѣ, отъ имени народа, торжественно заявляло: «Мы объявляемъ передъ Господомъ, испытующимъ сердца, что каждый, говорящій о насъ, какъ о мятежникахъ, лжецъ и

клеветникъ. Трансваальскій народъ никогда не былъ подвластенъ ея британскому величеству и не хочетъ этого владычества». Кронье уже завладѣлъ Печефстроомомъ; другія разсѣянныя по странѣ кучки англичанъ были захвачены или заперты, и комендантъ-генералъ Жуберъ съ главными силами бюргеровъ двинулся черезъ Драконовы горы на границу Наталя, откуда шелъ сильный англійскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Коллея. И здѣсь отсутствіе военной подготовки чуть не погубило всего дѣла. Расположившись лагеремъ на самой границѣ, буры не позаботились занять сосѣднюю гору Амаюбу; этой ошибкой воспользовался генералъ Коллей, и на слѣдующее утро буры увидѣли его шотландскихъ стрѣлковъ на вершинѣ, въ позиціи, господствующей надъ бурскимъ лагеремъ и открывающей путь въ Трансвааль. «Мы должны согнать ихъ оттуда», воскликнулъ Жуберъ. И невозможное удалось отчасти вслѣдствіе безпечности англійскихъ войскъ, считавшихъ свою позицію неприступною, отчасти вслѣдствіе ихъ непривычки къ прирожденной бурамъ тактикѣ — нападенія вразсыпную, пользуясь всякимъ естественнымъ прикрытіемъ усѣяннаго камнями и кустарниками склона. Коллей и большинство его отборныхъ шотландскихъ войскъ пало на склонѣ Амаюбы, меньшинство было взято въ плѣнъ или прогнано обратно въ Наталь.

Послѣ этой крупной неудачи англійскаго оружія вновь начались переговоры, и стоявшій тогда во главѣ министерства Гладстонъ, столь чуткій противникъ всякой несправедливости. никогда не проявлялъ присущую ему ширину и независимость ума болѣе блистательно, чѣмъ тогда, понявъ опасность для самой Англіи упорствовать въ несправедливомъ столкновеніи съ безобидными поселенцами, которыхъ, однако, любовь къ независимости и отчаяніе могли сдѣлать столь опасными противниками. Великому либеральному лидеру удалось провести свое мнѣніе, и 3-го августа 1881 г. былъ подписанъ мирный договоръ, гарантировавшій Трансваалю полную свободу и неприкосновенность внутренняго управленія, но предоставлявшій Англіи, какъ наиболѣе заинтересованной въ Южной Африкѣ державѣ, нѣкоторый контроль надъ его внѣшней политикой. Это соглашеніе въ сущности гарантировало Англіи огромныя матеріальныя выгоды, такъ какъ, при полномъ отсутствіи какой-либо фабричной или заводской промышленности въ Трансваалѣ, давало возможность монополизировать ввозъ всѣхъ предметовъ первой необходимости для всякаго не буквально дикаря — начиная отъ сахара, чая, свѣчь и кончая порохомъ и пулями. Оно давало ей, кромѣ того, полную возможность посредствомъ разумной колонизаціи огромныхъ незаселенныхъ пространствъ постепенно усилить англійскій элементъ на югѣ

Африки и, вслѣдствіе его дѣйствительно большой культурности, добиться его равноправности, а современемъ, пожалуй, и подавить ихъ элементъ голландскій. То, что еще мы, въ началѣ войны, видѣли не только во Фрейштатѣ, уже сильно подпавшемъ англійскому вліянію, а даже въ Преторіи, гдѣ разговорный языкъ болѣе молодого поколѣнія, книги и моды все было англійское, убѣждаетъ меня въ неизбѣжности такого исхода, конечно, не въ короткое время, для отдѣльныхъ личностей, но короткое въ жизни и политикѣ народовъ. Своимъ алчнымъ и безчеловѣчнымъ нападеніемъ, политикой грабежа и убійства Англія прежде всего повредила себѣ, испортила наполовину сдѣланное дѣло и вызвала противъ себя едва затихшую ненависть самой упорной расы на земномъ шарѣ.

Хорошо извѣстно, что причиной такой грубой ошибки страны, государственные люди которой долго славились своей осторожной и дальновидной политикой, было вліяніе жадныхъ крупныхъ аферистовъ, желавшихъ въ слишкомъ короткій срокъ и безразлично какими путями добиться возможности распоряжаться рудными сокровищами Трансвааля такъ же неограниченно, какъ они дѣлали это въ богатой брилліантами полосѣ англійскаго Грикуаланда и Родезіи, составлявшей уже собственность даже не англійскаго правительства, а знаменитой Chartered Company, сдѣлавшей столько зла странѣ, для эксплоатаціи которой она бѣла создана. Впрочемъ, въ глазахъ основателя этой компаніи, столь любезнаго англичанамъ Сесиля Родса, патріотическія цѣли, какъ онъ ихъ понималъ, распространеніе вліянія и могущества Англіи въ ущербъ всему остальному человѣчеству, вѣроятно, играли даже бо̀льшую роль, чѣмъ цѣли личнаго обогащенія. За мое прибываніе на югѣ Африки мнѣ часто приходилось говорить о Родсѣ со многими изъ его личныхъ и политическихъ противниковъ и, при всей ненависти, вызванной зломъ, причиненнымъ имъ пріютившей его странѣ, мнѣніе тѣхъ изъ нихъ, которые, по образованію и характеру, были способны отнестись безпристрастно и къ врагу, всегда отдавало справедливость необыкновенной мощи его личности и полному отсутствію въ немъ личной мелочности при абсолютной неразборчивости средствъ для достиженія разъ намѣченной цѣли. Совершенно иное было отношеніе къ сподвижнику Родса — доктору Джемсону. Его многіе помнили еще, какъ умнаго и ловкаго практиканта въ Преторіи, домашняго доктора нѣкоторыхъ изъ моихъ знакомыхъ, но всѣ относились къ его личности съ положительнымъ презрѣніемъ, какъ къ абсолютно безнравственному и безпринципному мелкому мошеннику, совершенно лишенному искупающихъ сторонъ личной мощи и обширности политическихъ замысловъ.

Но менѣе чѣмъ эти двѣ личности искателей приключеній и дѣльцовъ извѣстны у насъ тѣ ступени, которыми Англія прошла отъ разумнаго и даже выгоднаго мира 81-го года къ только что закончившейся неразумной и разорительной войнѣ. Несмотря на всѣ увлеченія, многіе и до сихъ поръ, слѣдуя взглядамъ, старательно распространяемымъ англійскою прессою, готовы видѣть въ основномъ столкновеніи не національный отпоръ грубому посягательству на свободу и самое существованіе народа, а случайный результатъ непорядковъ въ отношеніяхъ пришлыхъ уитландеровъ съ кореннымъ бурскимъ населеніемъ, разросшихся до размѣровъ политическаго вопроса вслѣдствіе близорукости и узкости взгляда лицъ, стоявшихъ во главѣ правленія бурскихъ республикъ, спеціально же наиболѣе выдающагося ихъ представителя — президента Крюгера. Необразованность и неразвитость правящихъ лицъ южно-африканскихъ республикъ теперь, благодаря пріѣзду большинства изъ нихъ въ Европу, постепенно отходитъ въ область предразсудковъ, оставленныхъ даже самыми предубѣжденными. Что же касается коренного вопроса столкновенія —отношеній между бюргерами республикъ и уитландерами, мнѣ, за мое пребываніе въ Африкѣ, не разъ приходилось говорить объ этомъ съ бурами самаго различнаго общественнаго положенія и образованія, и я вынесла отсюда твердое убѣжденіе, что никакой принципіальной вражды и основанныхъ на ней притѣсненій, по отношенію къ иностранцамъ, какой бы то ни было національности въ Трансваалѣ не существовало. Правда, большинство пожилыхъ буровъ относилось, и не могло не относиться, недовѣрчиво къ массѣ иностранцевъ, которыми открытіе золотыхъ и бриллiантовыхъ розсыпей наводнило ихъ страну. Недовѣріе это вполнѣ оправдывалось низкимъ нравственнымъ уровнемъ большинства пришлыхъ людей, единственной цѣлью которыхъ являлось возможно быстрое обогащеніе и затѣмъ возвращеніе въ Европу ко всѣмъ благамъ нашей городской цивилизаціи. Большинство изъ нихъ никогда не сживалось съ окружающей обстановкой и не научалось понимать ее, а потому претензіи на права гражданства объяснялись единственно желаніемъ вліять на управленіе для устраненія тѣхъ мѣръ, которыми правительство считало нужнымъ противодѣйствовать распространенію въ странѣ ихъ личнаго, нравственно растлѣвающаго вліянія на бурскую молодежь; таковы ограниченіе разработки рудниковъ и розсыпей нѣкоторыми округами, высокія пошлины на предметы ввоза, служившіе преимущественно на удовлетвореніе ихъ безпорядочныхъ привычекъ, какъ, напримѣръ, спиртные напитки. Но эти и подобныя мѣры представляютъ скорѣе косвенное ограниченіе вредныхъ для страны сторонъ ихъ дѣятельности и привычекъ и отнюдь не могутъ разсматриваться какъ «притѣсненія инозем‑

цевъ», добровольно, въ надеждѣ на выгоду и наживу, поселяющихся въ странѣ. Очень характерно даже, что мелкіе искатели быстрой наживы, составлявшіе, конечно, огромное большинство уйтландеровъ, находили болѣе выгоднымъ заниматься своимъ промысломъ въ Трансваалѣ, гдѣ, по уплатѣ не особенно высокой пошлины, свобода труда и сбыта ничѣмъ не стѣснялась, внѣ предѣловъ общихъ полицейскихъ требованій; тогда какъ въ мѣстностяхъ, административно подчиненныхъ большимъ акціонернымъ обществамъ, что, какъ извѣстно, составляло именно особенность земель, состоявшихъ подъ владычествомъ или протекторатомъ Англіи, какъ Родезія и Грикуаландъ, свобода мелкихъ предпринимателей была очень сильно стѣснена въ интересахъ крупныхъ аферистовъ, посредствомъ этихъ стѣснительныхъ мѣръ дѣйствительно достигшихъ полнаго господства на рынкѣ и биржѣ. И вообще политика президента Крюгера, несмотря на ея безусловно и строго національный характеръ, никогда не отличалась враждебностью, тѣмъ болѣе безсмысленнымъ ожесточеніемъ къ лично ему, конечно, несимпатичному элементу уйтландеровъ. Напротивъ, съ ясностью и шириной взгляда истинно государственнаго человѣка, и человѣка прежде всего справедливаго, онъ всегда отличалъ подчиненіе родной страны столь чуждому и безусловно вредному вліянію отъ возможныхъ и законныхъ уступокъ потребностямъ хотя бы несимпатичнаго, но многочисленнаго класса жителей. Въ этихъ вопросахъ ему даже часто приходилось сталкиваться съ мнѣніями своихъ помощниковъ по управленію и значительной части бюргеровъ, и его именно иниціативѣ и энергической защитѣ этихъ мѣръ уйтландеры обязаны введеніемъ въ школахъ англійскаго языка, ради большого числа посѣщавшихъ ихъ англійскихъ дѣтей и особенно учрежденіемъ второго фольксраада (народнаго совѣта—2-ой палаты), избирательнымъ правомъ въ который пользовались всѣ иноземцы, проживавшіе въ странѣ только 2 года. Этимъ путемъ иноземцамъ гарантировалось обязательное разсмотрѣніе высшей законодательной инстанціей всякаго ихъ представленія, требованія или запроса, конечно, съ правомъ контроля и устраненія со стороны 1-го фольксраада, гдѣ засѣдали только почетные граждане страны, хорошо знакомые съ ея интересами. Но, спрашивается, многіе ли изъ народовъ Европы обладаютъ государственнымъ строемъ настолько либеральнымъ, что наиболѣе опасный для существующаго порядка, къ тому же пришлый классъ жителей имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи спеціальный правительственный органъ, второй по значенію въ управленіи, обязательно разсматривающій его, даже незаконныя и часто неосновательныя требованія? И было ли малѣйшее основаніе ради «доставленія» этимъ «угнетеннымъ законныхъ человѣческихъ правъ» обращать всю мирную и

цвѣтущую страну, куда они добровольно тянулись съ самыми низкокорыстными цѣлями, въ пустыню, политую кровью и слезами тысячъ дѣйствительно невинныхъ жертвъ?

Но, повторяю, масса уйтландеровъ и ихъ мнимыя обиды составляли только предлогъ для достиженія крупными аферистами своей цѣли — безконтрольнаго подчиненія ихъ эксплоатаціи огромныхъ рудныхъ богатствъ Трансвааля. Только этотъ смыслъ и могло имѣть для людей, завѣдомо чуждыхъ всѣмъ дѣйствительнымъ интересамъ страны, столь настойчиво проводимое требованіе правъ гражданства и участія въ управленіи. Оно же еще до настоящей войны повело къ неудачной попыткѣ вооруженнаго захвата посредствомъ набѣга Джемсона. Къ тому времени, какъ извѣстно, вожакамъ движенія, съ Сесилемъ Родсомъ во главѣ, удалось уже посредствомъ огромныхъ сосредоточенныхъ въ ихъ рукахъ денежныхъ средствъ заручиться негласной поддержкой министерства, по своему личному направленію склоннаго къ политикѣ захватовъ. Но менѣе извѣстно, что сравнительно благополучнымъ исходомъ своей разбойничьей попытки д-ръ Джемсонъ обязанъ всецѣло личному вліянію президента Крюгера, въ теченіе многихъ часовъ энергично отстаивавшаго свой взглядъ противъ всѣхъ остальныхъ членовъ совѣта, требовавшихъ казни его и его товарищей, какъ «вооруженныхъ разбойниковъ и грабителей»[1]). Весьма вѣроятно, что кромѣ нежеланія безъ необходимости проливать кровь даже виновныхъ и стремленія, такимъ образомъ, избавиться отъ очень неудобныхъ плѣнниковъ, президентомъ Крюгеромъ руководила еще надежда этимъ великодушіемъ привлечь на свою сторону общественное мнѣніе Европы и, можетъ быть, тронуть совѣсть если не министровъ, то покойной королевы, и создать въ Англіи теченіе менѣе враждебное Трансваалю. Но всякій расчетъ на совѣсть или великодушіе въ Англіи, если онъ и приходилъ на умъ государственнымъ людямъ Трансвааля, только еще разъ показалъ непримѣнимость такихъ мѣрокъ къ принципамъ ея политики. Джемсонъ послѣ призрачнаго суда, представляющаго насмѣшку надъ этимъ именемъ, вернулся къ своей прежней дѣятельности довѣреннаго помощника Родса въ мелкихъ и нечистоплотныхъ подробностяхъ его грандіозныхъ предпріятій; по отношенію же къ Трансваалю преслѣдовалась все прежняя политика мелочныхъ жалобъ и придирокъ, теперь уже при открытой поддержкѣ министерства, именно на отношеніи общества къ дѣлу Джемсона убѣдив-

---

[1]) Вслѣдствіе этихъ настояній единственно президента Крюгера, Джемсонъ былъ, какъ извѣстно, «передавъ въ руки англійскаго правосудія», которое поспѣшило его оправдать послѣ судопроизводства, представлявшаго для него тріумфъ по оваціямъ подогрѣтой прессой толпы.

шагося, что оно достаточно подготовлено въ желательномъ ему направленіи и не оставитъ его въ критическій моментъ.

Съ этого времени неизбѣжность вооруженной борьбы за свободу и самое существованіе націи сдѣлались вполнѣ ясными для президента и другихъ сколько-нибудь дальновидныхъ дѣятелей обѣихъ республикъ, и они начинаютъ дѣятельно къ ней готовиться. Однако, чтобы избѣжать войны, всѣхъ ужасовъ которой тогда никто не могъ еще и предвидѣть, президентъ Крюгеръ и его сотрудники по управленію сдѣлали не одну уступку, тяжелую ихъ національному чувству. Таково было, напримѣръ, допущеніе иноземцевъ къ полнымъ правамъ гражданства послѣ семилѣтняго пребыванія въ странѣ, не требуя даже отъ нихъ обязательной земельной осѣдлости, создающей уже нѣкоторую связь со страной и ея интересами. Эта уступка грозила наводнить страну массой совершенно чуждыхъ ей по личнымъ привычкамъ и интересамъ «гражданъ», т. е. въ болѣе или менѣе короткій срокъ отдать ее фактически въ ихъ распоряженіе. Очень возможно, что, соглашаясь на эту послѣднюю уступку, президентъ Крюгеръ понималъ, что англійское министерство подъ вліяніемъ аферистовъ не приметъ ее, поведетъ дѣло къ безусловному захвату посредствомъ войны и хотѣлъ только этимъ путемъ поставить въ самое яркое освѣщеніе всю недобросовѣстность англійскихъ придирокъ. Если у него былъ такой расчетъ, онъ оказался вполнѣ вѣренъ, и когда Англія отвергла и столь широкія уступки, неизбѣжность полной потери независимости или войны на жизнь и смерть стала ясна даже для самыхъ предубѣжденныхъ. Съ этой минуты трансваальское правительство пріобрѣло полное право, иногда столь близоруко у него оспариваемое досужими публицистами, исчерпавъ всѣ пути къ соглашенію, взять на себя иниціативу военныхъ дѣйствій въ наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ: только положительная недобросовѣстность можетъ оспаривать тотъ фактъ, что вся тяжесть нравственной отвѣтственности за начало какъ и за способъ веденія войны падаетъ всецѣло на Англію.

О войнѣ и способахъ ея веденія мнѣ еще придется говорить постоянно въ теченіе этого повѣствованія; теперь же мнѣ хотѣлось бы еще познакомить своихъ читателей съ замѣчательной личностью трансваальскаго президента въ вопросахъ внутренняго управленія.

20 лѣтъ президентъ Крюгеръ не отходилъ отъ кормила правленія, и хотя въ частностяхъ онъ не разъ сталкивался, и рѣзко сталкивался, съ мнѣніями другихъ членовъ правительства и даже съ личными желаніями большинства своихъ согражданъ, однако, перемѣны къ лучшему, происшедшія въ странѣ за эти 20 лѣтъ, справедливо могутъ считаться въ большей или меньшей степени результатомъ именно его дѣятельности.

За этотъ срокъ страна изъ плохо заселенной полукочевымъ пастушескимъ населеніемъ, съ самыми первобытными гражданскими порядками, съ едва обозначавшимися правительственными центрами, безъ постоянныхъ школъ, почти безъ постоянныхъ церквей, обратилась въ страну хотя и рѣдко, но правильно заселенную, съ твердымъ административнымъ раздѣленіемъ и управленіемъ, прорѣзанную по всѣмъ главнымъ направленіямъ желѣзнодорожными линіями, съ обязательнымъ первоначальнымъ обученіемъ для всѣхъ, съ начальными школами въ самыхъ удаленныхъ поселкахъ и съ роскошно обставленными высшими школами (мужскими и женскими) въ главныхъ центрахъ. Все молодое поколѣніе поголовно получило уже вполнѣ законченное среднее европейское образованіе, и нѣтъ сомнѣнія, что этимъ путемъ въ нѣсколько десятилѣтій были бы практически устранены всѣ неудобства столь раздуваемой англичанами грубости и необразованія первыхъ поселенцевъ, учившихся жизни, въ окружающей ихъ тяжелой обстановкѣ, книжной же учености гдѣ и какъ попало. При этомъ надо замѣтить, что все старшее поколѣніе буровъ во всякомъ случаѣ поголовно грамотно, и если неизбѣжно главнымъ предметомъ чтенія, а, слѣдовательно, основой міровоззрѣнія, до послѣдняго времени являлась Библія, то жалобы на это всегда поражали меня своимъ комизмомъ, особенно со стороны англичанъ, больше всѣхъ другихъ христіанскихъ націй претендующихъ на проникновеніе всего строя своей ежедневной жизни требованіями и принципами этой книги. Казалось бы имъ бы только и понять буровъ и столковаться съ ними. Но когда, громко толкуя о христіанскомъ строѣ жизни и благахъ свободы и цивилизаціи, избираютъ для проведенія этихъ благъ христіанскихъ дѣятелей въ родѣ доктора Джемсона и аферистовъ Ранда, недоразумѣнія иногда неизбѣжны, и самимъ англичанамъ въ теченіе этой войны не разъ приходилось сознаваться, что ихъ противники болѣе искренны и послѣдовательны въ своемъ библейскомъ міросозерцаніи, чѣмъ они сами.

Не надо, однако, представлять себѣ, что Библія и до сихъ поръ составляетъ единственный источникъ свѣдѣній для буровъ хотя бы старшаго поколѣнія: вѣдь не закупорены же они теперь въ обстановкѣ древнихъ отцовъ-пилигримовъ, и если условія ихъ воспитанія и первоначальнаго развитія не могли не оставить неизгладимый слѣдъ на ихъ міровоззрѣніи и строѣ жизни, то вѣдь въ послѣдніе годы они постоянно приходили въ соприкосновеніе съ практическими данными новой цивилизаціи въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Въ этомъ отношеніи житель какого-нибудь Клерксдорпа или Форесмита, постоянно ожидающій нападенія изъ ближней Кафраріи, обставленъ гораздо лучше хотя бы на-

шего крестьянина среднихъ губерній: во всѣхъ этихъ мѣстечкахъ вы найдете, напримѣръ, электрическое освѣщеніе, проведенную воду и правильную канализацію; о главныхъ городахъ и говорить нечего, ихъ устройство въ этихъ отношеніяхъ образцовое.

Буръ по природѣ любознателенъ и любитъ потолковать съ проѣзжимъ или прохожимъ объ интересующихъ его предметахъ, узнать отъ него, что новаго на свѣтѣ; но при этомъ онъ надѣленъ большой долей здраваго смысла и здороваго юмора и вовсе не считаетъ себя обязаннымъ безусловно вѣрить разсказамъ всякаго пріѣзжаго молодца, будь онъ архицивилизованный и образованный европеецъ. Этому недовѣрію научили ихъ сами европейцы, слишкомъ часто старавшіеся воспользоваться ихъ незнаніемъ и простодушіемъ для корыстныхъ цѣлей или просто предававшіеся часто свойственной именно искателямъ приключеній маніи хвастовства и преувеличенныхъ описаній. Но всѣ тѣ изъ васъ, кто, не страдая подобными привычками, относились вѣжливо и добросовѣстно къ разспросамъ своихъ случайныхъ собесѣдниковъ въ вагонахъ и бурскихъ поселкахъ и лагеряхъ, отдадутъ полную справедливость ихъ природной смѣтливости и здравому пониманію даже совершенно чуждыхъ имъ вопросовъ и интересовъ. Этому способствовало, конечно, сильно распространенное въ послѣдніе годы чтеніе газетъ, и оба бурскихъ правительства, хорошо сознавая огромное значеніе и вліяніе этого чтенія, какъ мы увидимъ, постоянно пользовались газетами для проведенія въ массы правильнаго пониманія происшествій и политическаго положенія. Но самая возможность подобнаго образа дѣйствій предполагаетъ уже нѣкоторую долю культурности у людей, поддающихся этому вліянію.

Печатное слово по вопросамъ политики и народнаго хозяйства вообще пользуется распространеніемъ и интересомъ между бюргерами, и президентъ Крюгеръ не разъ пользовался имъ для распространенія своихъ взглядовъ и объясненія своихъ мѣръ по этимъ предметамъ.

Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ его циркуляръ передъ послѣдними президентскими выборами, гдѣ онъ особенно опредѣленно высказывается по главнымъ вопросамъ народной жизни. Интересенъ, напримѣръ, его взглядъ на Трансвааль, какъ на государство земледѣльческое, взглядъ вполнѣ правильный, но объясняющій безъ всякой предвзятой враждебности тѣ препятствія, которыя онъ считалъ нужнымъ ставить отношенію къ землѣ исключительно какъ золотоносному элементу въ буквальномъ смыслѣ. «Главное и важнѣйшее подспорье государства,—говоритъ онъ здѣсь,—есть и останется у насъ земледѣліе, и его прежде всего слѣдуетъ беречь и поощрять. Земледѣлецъ (буръ Bouer) у

насъ истинно благородный человѣкъ (Edelman) [1]); поземельный собственникъ, твердѣйшая опора національнаго благосостоянія, и я сдѣлаю все, чтобы поощрять развитіе земледѣлія». Далѣе онъ не обходитъ, какъ это сдѣлали бы многіе, столь сложнаго вопроса отношеній бѣлыхъ колонистовъ и мѣстнаго чернокожаго населенія, онъ не стушевываетъ всю его затруднительность и прямо высказывается, что человѣкъ, нашедшій удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса, могъ бы считаться величайшимъ благодѣтелемъ Южной Африки. «Этотъ человѣкъ»,—говоритъ онъ,—«думаю, еще не родился. Но все же я питаю надежду, съ помощью Божіей, достигнуть того, что порядокъ, правильный трудъ и страхъ Божій, сдѣлаютъ изъ кафра довольнаго подданнаго южно-африканской республики». Какая разница между этимъ мужественнымъ и добросовѣстнымъ признаніемъ существующаго затрудненія и сантиментальными разглагольствованіями людей, совершенно незнакомыхъ съ настоящимъ положеніемъ дѣла о «необходимой равноправности» неспособныхъ и неподготовленныхъ къ ней дикарей, или слѣдующимъ еще болѣе поразительнымъ отзывомъ образованнаго европейца: «Никогда болѣе безсмысленныя животныя не крали свою долю свѣта солнца. Что касается мыслей, они неспособны имѣть хотя бы одну, тѣмъ менѣе соединить ихъ двѣ. Если они сдѣлаютъ что-нибудь здравомыслящее, то это случайность, потому что ихъ пальцы нечаянно дали механически вѣрный поворотъ, какъ они могли бы сдѣлать совершенно противоположное. Говорятъ, что нѣкоторые посредствомъ спеціальной муштровки достигаютъ того, что выполняютъ извѣстное число ограниченныхъ обязанностей, но это тогда дѣло инстинкта, какъ, напримѣръ, у лошади; но иниціатива самаго простѣйшаго дѣйствія для нихъ совершенно немыслима... Я знаю у кафровъ только одну развитую способность—это обжорство». Эта характеристика почерпнута изъ южно-африканскихъ записокъ такого извѣстнаго человѣка, какъ павшій при Босгофѣ полковникъ графъ Вильбуа Марейль. Сознаюсь, что безсмысленность и несправедливость этого отзыва удивила меня даже въ этой очень поверхностной и неточной книгѣ, и я, въ своей роли хозяйки большого госпиталя, имѣвшая возможность изучить способности и рабочіе пріемы чернокожихъ, могу только заявить, что такое

---

[1]) Это вѣрно даже въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ очень многіе изъ первоначальныхъ поселенцевъ, гезовъ и гугенотъ, были дворяне, слѣдъ чего ясно сохранился въ именахъ, особенно французскаго происхожденія, какъ du Toit, de Ploy, du Plessis. Память объ ихъ дворянскомъ достоинствѣ въ Европѣ и даже документы по этому предмету сохранялись изъ рода въ родъ у многихъ буровъ; но теперь, конечно, эти документы уничтожены при опустошеніи «цивилизованной войны».

мнѣніе считаю какимъ-то страннымъ недоразумѣніемъ въ странѣ, гдѣ положительно вся черная работа дѣлается руками кафровъ, и остается предположить, что личное отношеніе къ нимъ графа Вильбуа, вѣроятно, было такого свойства, что, въ отместку, онъ «могъ добиться, чтобы они развели огонь, только предварительно выпоровъ ихъ». Надѣюсь самой простой передачей своего личнаго опыта доказать, что, если кафры и не доразвиты до равноправности съ бѣлой рассой, они далеко не лишены человѣческихъ чертъ ни умственно, ни нравственно, въ ручномъ же трудѣ обладаютъ большой ловкостью и сметливостью. Теперь мнѣ было только важно сопоставить этотъ отзывъ культурнаго европейца съ серьезнымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ вопросу человѣка, проведшаго всю жизнь въ борьбѣ съ окружающими черными племенами и котораго англійская пресса иногда выставляла чуть не безжалостнымъ и безпринципнымъ рабовладѣльцемъ.

О кафрахъ, ихъ положеніи въ Южной Африкѣ и отношеніи къ нимъ буровъ мнѣ придется говорить еще не разъ; теперь же мнѣ остается еще коснуться одной стороны личности президента Крюгера, составляющей главную и основную черту всего его характера — это его глубокая искренняя религіозность.

Въ приведенномъ уже выше циркулярѣ онъ такъ высказывается насчетъ значенія религіи въ жизни народа: «И на политической почвѣ», — говоритъ онъ, — я объявляю себя приверженцемъ вѣчныхъ истинъ слова Божія. Священная обязанность христіанскаго населенія держаться этихъ истинъ, чтить имя Божіе, жить по его закону. Этотъ принципъ долженъ царить въ нашихъ церквахъ и школахъ, чтобы Евангеліе имѣло свободное распространеніе, чтобы наши дѣти выростали христіанами. Если наши дѣти будутъ воспитываться по слову Божію, въ вѣчной истинѣ, то Господь, по слову своему, будетъ посреди насъ, и кто тогда устоитъ противъ насъ?» Этими убѣжденіями президентъ Крюгеръ несомнѣнно руководствовался въ своемъ отношеніи къ вопросамъ общественнаго быта и народнаго образованія, ими онъ еще строже руководствовался въ своей личной и семейной жизни. Я бы сказала, что высокое достоинство государственной и политической дѣятельности президента Крюгера заключается именно въ полной солидарности общественнаго дѣятеля и глубоко справедливаго и добросовѣстнаго человѣка, котораго природный ясный умъ оберегалъ отъ внесенія въ жизнь, какъ частную, такъ и общественную, какихъ-либо элементовъ религіознаго сантиментальничанья; добросовѣстность же и справедливость, обязательную для него самого по всѣмъ нравственнымъ и религіознымъ законамъ, считалъ себя въ правѣ требовать и отъ людей, такъ или иначе под-

чиненныхъ его власти и вліянію. Это неуклонное отношеніе къ законамъ нравственности и справедливости, основанное у него на глубокой и живой вѣрѣ, вызывая иногда въ мелочахъ разногласія съ людьми иныхъ убѣжденій, придавая его личности и складу жизни нѣсколько архаическій типъ, мало понятный поверхностному наблюденію, никогда однако, не суживало и не затемняло его кругозора въ вопросахъ политическихъ и общественныхъ, а широкій умъ и разносторонность натуры заставляли хорошо понимать людей совершенно иныхъ взглядовъ и отношенія къ жизни.

Религіозность президента Крюгера вноситъ въ его отношенія къ людямъ не мелочную придирчивость, не фальшивую сантиментальность, а глубокую доброту и справедливость, не исключающую большую строгость ко всякому нравственному уклоненію и нѣсколько рѣзкій, здоровый юморъ.

Она составляетъ такую неотъемлемую сторону его натуры, что въ молодости онъ, по его собственному признанію, хотѣлъ сдѣлаться проповѣдникомъ Евангелія; «Богъ, по его словамъ, повелъ его другими путями»; но прирожденная способность религіознаго оратора находила себѣ примѣненіе и въ жизни государственнаго дѣятеля, именно въ Трансваалѣ, гдѣ эти области еще такъ недавно совершенно сливались.

О вліяніи полурелигіозныхъ, полуполитическихъ рѣчей Крюгера мнѣ придется еще говорить не разъ. Здѣсь же мнѣ хотѣлось для русскихъ читателей воспроизвести наиболѣе типичную изъ нихъ какъ по цѣльности выраженнаго въ ней міросозерцанія, такъ и по знаменательности обстановки, въ которой она была произнесена. Это было въ 1891 году; праздновалось десятилѣтіе завоеванной свободы. По обычаю буровъ собраніе происходило въ открытомъ полѣ, куда верхами и въ фургонахъ съѣхалось для этого торжества около десяти тысячъ буровъ, отъ малыхъ дѣтей до стариковъ, послѣднихъ помнившихъ выходъ изъ Капланда, послѣдующія странствія въ поискахъ новаго отечества, бойню при Венен, въ зрѣлыхъ годахъ сражавшихся при Блудриверѣ и, наконецъ, при Маюбѣ. Ставъ передъ этимъ собраніемъ, Крюгеръ напомнилъ имъ всѣ эти событія ихъ короткой исторіи, многое разсказалъ изъ собственнаго опыта и воспоминаній, относя всю связь событій къ волѣ и водительству Бога. «Мы превозмогли всѣ опасности и препятствія,—говорилъ онъ,—потому что среди народа были герои вѣры, подобные Селліе». Позднѣе же, по его словамъ, настали дни тяжелой смуты, потому что народъ ослабѣлъ вѣрой и уклонился отъ заповѣдей Божіихъ. И тогда исполнилось по слову: «Я накажу ихъ грѣхъ розгою и ихъ беззаконіе казнями, но милость мою сохраню ему вовѣкъ и завѣтъ мой съ ними ненарушимъ». Сегодняшнее торжество—религіоз-

ное торжество, посвященное Богу, а не людямъ. Если мы обратимъ его въ мірской праздникъ, то Богъ оставитъ насъ. Мы должны возвѣщать дѣла Божіи, родители своимъ дѣтямъ, дѣти внукамъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Всякая человѣческая слава и превознесеніе должны быть удалены. Народъ этой страны, братья и сестры, пусть день этотъ будетъ днемъ самоуничиженія: исповѣдаемте свои грѣхи в руку Божію въ водительствѣ нашей жизни, прославимте дѣла Его и преклонимтесь передъ лицомъ Его».

Почти не вѣрится, чтобы подобная сцена, подобныя слова не проповѣдника, а политическаго вождя, были мыслимы въ послѣднемъ десятилѣтіи истекшаго вѣка. Во всякомъ случаѣ, они были мыслимы только въ Трансваалѣ, и, читая ихъ начинаемъ понимать, какою силою внутренней вѣры произнесшій ихъ человѣкъ перенесъ тяжелыя испытанія, обрушившіяся на его старость, понимаемъ, какъ несомнѣнно понимаетъ это и онъ, что въ этой силѣ нравственной мощи, заложенной въ нихъ отцами, заключается надежда и будущность его народа.

При первомъ нашемъ знакомствѣ съ Трансваалемъ, несмотря на радушный пріемъ и всѣ оказанныя лично намъ любезности, мы были прямо поражены характернымъ недовѣріемъ буровъ къ понаѣхавшимъ къ нимъ тогда въ такомъ большомъ числѣ европейцамъ. Но скоро намъ стало понятно, что основаніе этому отношенію положили еще тѣ европейцы-промышленники и по большей части хищники, которые нахлынули въ Трансвааль съ открытіемъ его рудныхъ богатствъ и по винѣ которыхъ, наконецъ, разгорѣлась и послѣдняя война. Съ началомъ ея бурамъ, правда, пришлось познакомиться съ инымъ типомъ европейца, пріѣхавшаго уже не съ признанною цѣлью наживы, а съ цѣлью, по крайней мѣрѣ на словахъ, послужить дѣлу справедливости, свободы и человѣчности. Но и здѣсь, между добровольцами и членами санитарныхъ отрядовъ попадалось, конечно, большое разнообразіе нравственныхъ типовъ, съ которыми намъ придется еще знакомиться впослѣдствіи. Въ общемъ, впечатлѣніе отъ нихъ получалось очень смѣшанное, да и буры не могли сразу отрѣшиться отъ столь свойственной ихъ характеру осторожности и выжидательныхъ пріемовъ. Я знаю навѣрное, что въ иностранцахъ, поступавшихъ на трансваальскую службу, вначалѣ чрезмѣрно опасались англійскихъ шпіоновъ и эти подозрѣнія переносили даже на членовъ санитарныхъ отрядовъ, такъ что само правительство, относясь весьма любезно и предупредительно къ устройству центральныхъ госпиталей внутри страны—въ Преторіи, Іоганнесбургѣ, Кронстадтѣ, все же избѣгало давать намъ серьезныя и точныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій и пунктахъ, гдѣ ожидаются сраженія. При сравнительно боль-

номъ количествѣ санитарныхъ отрядовъ, служившихъ нагляднымъ доказательствомъ сочувствія всѣхъ главныхъ европейскихъ націй, не имѣвшихъ возможности помѣститься въ этихъ нѣсколькихъ центральныхъ пунктахъ и разсчитывавшихъ преимущественно на полевую практику, подобное отношеніе сильно тормозило дѣло, особенно вначалѣ, пока лица, стоявшія во главѣ этихъ отрядовъ, разобравшись нѣсколько въ мѣстныхъ условіяхъ, не приходили къ выводу, что слѣдуетъ съ благодарностью принимать всякое разумное указаніе, но прежде всего полагаться только на самихъ себя, умѣть рисковать и дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами. Такимъ образомъ, успѣшное веденіе дѣла стояло прежде всего въ зависимости отъ личности начальника, его умѣнья найтись, понять окружающую обстановку, сойтись съ окружающими людьми. Много способствовало затрудненіямъ амбуланцій и ихъ начальниковъ неправильность организаціи всего санитарнаго дѣла въ Трансваалѣ, зависѣвшаго отъ двухъ учрежденій, не ладившихъ между собою—«Трансваальскаго Краснаго Креста» и «Главной медицинской комиссіи» въ Преторіи, что, конечно, осложняло всѣ санитарные вопросы и сбивало съ толку пріѣзжій санитарный персоналъ, непосвященный въ счеты и столкновенія чисто мѣстныхъ интересовъ и самолюбій.

Другое затрудненіе, котораго не избѣгъ ни одинъ изъ прибывающихъ санитарныхъ отрядовъ, это затрудненія на португальской таможнѣ Лоренцо-Маркеза, придиравшейся, въ угоду англичанамъ, даже къ такимъ частямъ багажа какъ хлороформъ для операцій, спиртъ, вино и водка для больныхъ и всячески тормозившей доставку амбуланціоннаго багажа въ Преторію, а, слѣдовательно, и возможность начать правильную самостоятельную дѣятельность. Одной амбуланціи, кажется, нѣмецкой, даже умудрились потерять весь наборъ хирургическихъ инструментовъ, который ей пришлось кое-какъ возстановить изъ ограниченнаго запаса, имѣвшагося въ магазинахъ Преторіи и Іоганнесбурга, или подарковъ другихъ амбуланцій. Не у всѣхъ таможенныя затрудненія окончились столь непріятно, но всѣмъ они выпали на долю въ большей или меньшей степени. Совсѣмъ безпрепятственно проѣхалъ, кажется, только отрядъ Русскаго Краснаго Креста, одновременно и въ сопровожденіи русскаго военнаго агента въ Трансваалѣ, полковника Гурко. Надо замѣтить, что къ русскимъ въ Трансваалѣ въ эту минуту относились исключительно любезно и предупредительно, такъ какъ недавній почmнъ нашего правительства въ проведеніи идей мира и человѣчности заставлялъ многихъ изъ буровъ, даже въ правящихъ сферахъ, надѣяться на возможность воздѣйствія съ нашей стороны для прекращенія войны и передачи спорныхъ вопросовъ на разсмотрѣніе третейскаго суда. Впослѣд-

ствіи, какъ мы увидимъ, это отношеніе временно пострадало вслѣдствіе недостойнаго поведенія нѣкоторыхъ изъ пріѣзжихъ русскихъ и ряда, къ сожалѣнію, безтактностей нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ оффиціальное положеніе ставило особенно на видъ и приводило въ соприкосновеніе съ мѣстными властями.

Обязанная всей своей подготовкой и самой возможностью принять участіе въ столь интересной экспедиціи своимъ занятіямъ въ Общинѣ Св. Георгія, я по пріѣздѣ въ Преторію тотчасъ отыскала сестеръ этой общины и проводила много времени въ ихъ обществѣ до ихъ отъѣзда къ мѣсту дѣятельности въ Наталь. Узнавъ о выборѣ для ихъ главнаго лазарета города Ньюкестля, я, много вращавшаяся въ бурскихъ кругахъ, была поражена недоброжелательной насмѣшкой, съ которой отнеслись къ этому выбору русскаго уполномоченнаго Краснаго Креста, пока мнѣ не былъ переданъ слѣдующій фактъ, къ сожалѣнію, достаточно объясняющій это недоброжелательство. Надо замѣтить, что для г-на Кускова, какъ русскаго уполномоченнаго, было сдѣлано лестное исключеніе даже въ сравненіи съ начальниками родственныхъ голландскихъ амбуланцій, такъ какъ ему вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Преторію была передана отъ самого президента просьба возможно скорѣе всецѣло организовать санитарное дѣло на южномъ фронтѣ, вокругъ Кольсберга, гдѣ ожидаютъ серьезныхъ событій. Къ несчастью, форма передачи этой просьбы не понравилась г-ну Кускову, такъ какъ она была заявлена ему не оффиціальной бумагой съ обозначеніемъ всѣхъ чиновъ и титуловъ, а на словахъ одному изъ его младшихъ врачей, зашедшему по-просту съ визитомъ къ президенту въ сопровожденіи одного изъ крупныхъ мѣстныхъ капиталистовъ Т., выходца изъ Россіи (кажется, военнаго фельдшера изъ евреевъ), примазавшагося къ русскому отряду и, дѣйствительно, оказавшаго ему кое-какія услуги по закупкѣ муловъ, провизіи, доставленіи прислуги и т. п.

Эта личность присутствовала при разговорѣ Крюгера съ докторомъ Д., присутствовала и при резолюціи Кускова, положенной имъ тотчасъ на переданное ему предложеніе. Отъ него же, по всей вѣроятности, эта резолюція, можетъ быть въ преувеличенной формѣ, перешла къ бурамъ, отнесшимся очень обидчиво, отчасти же насмѣшливо къ словамъ, что онъ, г. Кусковъ, «лучше Крюгера знаетъ, куда ему ѣхать и что дѣлать». Дошелъ этотъ отвѣтъ и до президента, который, и безъ того недовольный общей манерой нашего уполномоченнаго, въ свою очередь, выразился по этому поводу очень энергично и заявилъ, что отказывается отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства въ дѣйствія и разъѣзды этого отряда. Послѣ этого г. Кусковымъ былъ уже самостоятельно выбранъ

городъ Ньюкестль и выбранъ крайне неудачно, такъ какъ въ немъ, по тогдашнему ходу военныхъ событій, нельзя было ожидать наплыва больныхъ, соотвѣтствовавшаго численности и благоустройству отряда. У натальскаго фронта, на Тугелѣ и подъ Ледисмитомъ, въ то время работали врачи первой и отчасти второй голландской и нѣмецкой амбуланцій, которымъ очень хорошее сообщеніе санитарными поѣздами давало возможность переправлять всѣхъ паціентовъ, вообще допускавшихъ перевозку, въ центральные госпитали своихъ отрядовъ въ Преторіи, оставляя по дорогѣ только тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ родственныя связи или другія подобныя соображенія дѣлали желательнымъ пребываніе въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Понятно, что Ньюкестль, расположенный вдали отъ фронта и все же внѣ Трансвааля, притомъ недостаточно защищенный на случай наступленія англичанъ, самъ по себѣ представлялъ для буровъ весьма малую притягательную силу, и что люди, знакомые со всѣми этими обстоятельствами, могли въ точности предсказать недоразумѣнія, ожидавшія отрядъ въ этомъ мѣстѣ назначенія, пока бразцовое отношеніе санитарнаго персонала не побѣдило перваго неудачнаго впечатлѣнія и перемѣна въ военной обстановкѣ не доставила этому отряду ту дѣятельность, къ которой онъ былъ такъ хорошо подготовленъ по составу врачей и сестеръ.

Для нашего отряда отказъ г. Кускова отъ кольсбергскаго фронта имѣлъ важное значеніе. Прибывъ въ Трансвааль, непосредственно послѣ него и составленный изъ русскихъ и голландцевъ, двухъ тогда наиболѣе симпатичныхъ бурамъ національностей, отвергнутый имъ отвѣтственный постъ естественно былъ предложенъ намъ, туда выѣхалъ даже начальникъ отряда докторъ фонъ-Леерсумъ и только задержка багажа португальцами отсрочила отъѣздъ всего отряда, пока измѣненіе въ военномъ положеніи не повлекло за собою также измѣненіе въ нашемъ назначеніи и распредѣленіи силъ отряда.

ГЛАВА III.

Временное бездѣйствіе въ Преторіи, на которое мы тогда горько сѣтовали въ своемъ желаніи скорѣе приняться за дѣло, дало намъ, однако, возможность ознакомиться со многимъ, къ чему впослѣдствіи, при усиленной работѣ и быстрыхъ передвиженіяхъ, мы, конечно, не успѣли бы присмотрѣться такъ внимательно и подробно.

Очень ошибаются тѣ, кто представляетъ себѣ Преторію и другія крупныя трансваальскія поселенія въ видѣ европейскихъ городовъ.

Одинъ Іоганнесбургъ еще нѣсколько соотвѣтствуетъ этому представленію вслѣдствіе условій его возникновенія и его роли центра всего пришлаго, биржевого, промышленнаго, скорѣе даже золотопромышленнаго населенія. Зато онъ и являлся всегда въ національной жизни Трансвааля факторомъ не только чуждымъ, но даже враждебнымъ кореннымъ интересамъ страны. Жители его, преимущественно выходцы изъ Европы, связанные интересами не съ Трансваалемъ, а съ разными иностранными государствами и предпріятіями, всегда относились враждебно къ стремленію правительства оградить страну отъ подчиненія этимъ внѣшнимъ антинаціональнымъ и часто прямо развращающимъ вліяніямъ. Отъ нихъ же исходили тѣ жалобы на мѣстныя условія и порядки, которые, раздутые тенденціозной англійской прессой, подготовляли общественное мнѣніе къ предстоявшему захвату. Въ моментъ джемсоновскаго набѣга у крупнѣйшихъ капиталистовъ Іоганнесбурга имѣлись склады оружія, и при малѣйшемъ намекѣ на удачу, они были готовы вооружить многочисленную подчиненную имъ рабочую толпу, отчасти кафровъ, отчасти бѣлыхъ искателей наживы, и оказать ему поддержку изъ самаго сердца страны. Опасность внѣшняя и внутренняя была, какъ извѣстно, устранена предусмотрительностью и энергіей трансваальскаго правительства, и хотя съ виновными въ Іоганнесбургѣ было, по выраженію президента Крюгера, поступлено «не какъ съ серьезными государственными измѣнниками, а какъ съ неразумными дѣтьми» [1]), однако, это не уменьшило враждебности Іоганнесбурга къ окружающей странѣ и общественному строю. Если нѣкоторые изъ его большихъ капиталистовъ при началѣ войны и сдѣлали крупныя пожертвованія на ея нужды, записались въ комитеты Краснаго Креста и т. п., то большинство изъ нихъ совершенно открыто желали успѣха англичанамъ и прекращенія во что бы то ни стало войны, тормазившей всѣ ихъ дѣловые обороты. Когда пришли первые слухи о неудачѣ при Паардебергѣ и сдачѣ генерала Кронье, по улицамъ Іоганнесбурга вечеромъ ходили толпы, очевидно не трансваальцевъ, пѣвшія англійскій гимнъ God save the queen.

Въ противоположность Іоганнесбургу, Преторія, при лучшихъ постройкахъ, хорошей канализаціи, электрическомъ освѣщеніи и лучшихъ магазинахъ, представляетъ въ сущности только развитіе все того же dorp'а—деревни; такъ называется тамъ крупное поселеніе, вокругъ котораго группируется общественная и торговая жизнь округа; да никто

[1]) Послѣ безусловной выдачи оружія и компрометирующихъ документовъ, главари движенія подверглись только не очень продолжительному тюремному заключенію.

изъ мѣстныхъ жителей и не называетъ ее иначе. Въ началѣ моего пребыванія, живя, какъ я уже говорила, у профессора Рейнинка, въ загородномъ, дачномъ кварталѣ Sunnyside, меня поражали фразы въ родѣ слѣдующей: «Я иду въ dorp» (въ городъ).

Самый видъ Преторіи напоминаетъ деревню, дачное мѣсто, а не городъ. Шоссированныхъ улицъ съ постройками городского типа въ ней всего двѣ-три; онѣ расходятся отъ главной церковной площади — Kerkplaatz. На эту площадь, посреди которой стоитъ главная церковь dorp'а, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ зданій, банковъ, гостинницъ, выходитъ такъ называемый Правительственный Домъ (Gouvernement), огромное, прекрасное зданіе, занимающее цѣлый кварталъ. Это центръ всего управленія Трансвааля. Здѣсь, такъ сказать, конторы всѣхъ органовъ высшаго правительства, оффиціальные кабинеты президента, статсъ-секретаря и другихъ министровъ, что даетъ имъ возможность быстро и легко сноситься по вопросамъ, касающимся нѣсколькихъ отраслей управленія, и устраняетъ лишнюю переписку и формалистику. Здѣсь же двѣ очень красивыя залы (въ готическомъ стилѣ) для двухъ представительныхъ собраній (фолькераадовъ). Кромѣ того, на церковной площади замѣчательно едва отстроенное зданіе Palais de justice; по своей архитектурѣ и внутренней отдѣлкѣ, оно украсило бы любую европейскую столицу, такъ какъ, при замѣчательной простотѣ частной обстановки, трансваальцы до войны, очевидно, не щадили средствъ своей небольшой, но богатой страны на достойное украшеніе всѣхъ общественныхъ и общеполезныхъ зданій. Изъ построекъ послѣдняго рода замѣчательна своимъ устройствомъ расположенная за городомъ среди роскошнаго сада городская больница Volkshospital. Точно также, но уже среди города, утопаетъ въ зелени зданіе высшей женской школы (въ родѣ гимназіи) Mädchenschule, во время войны также обращенное въ больницу. Не менѣе пріятное впечатлѣніе производятъ зданія мужскихъ школъ, отстроенныхъ въ послѣдніе годы по послѣднимъ требованіямъ науки и гигіены. Во время нашего пребыванія на церковной площади особенное вниманіе привлекалъ окруженный лѣсами пустой цоколь, приготовленный для памятника президенту Крюгеру, возводившагося ему еще при жизни гражданами Трансвааля.

На немногихъ улицахъ, расходящихся отъ церковной площади, особенно на Kerkstraat и Marktstraat, сосредоточивается вся торговая и промышленная жизнь Преторіи, причемъ нужно замѣтить, что магазины въ это военное время, почти не допускавшее подвоза изъ Европы, были обставлены очень хорошо, преимущественно товарами англійскаго производства; причемъ только совершенно вышли нѣкоторые предметы ежедневнаго употребленія, напримѣръ, болѣе употребительные №№ иголокъ

или самые простые сорта пуговицъ. Насъ, европейцевъ, особенно поражала дороговизна всѣхъ предметовъ европейскаго ввоза, особенно же фабричнаго и заводскаго производства, цѣна которыхъ иногда буквально въ десять разъ превышала европейскія цѣны. И это не послѣдствіе войны, такъ какъ противъ искусственнаго повышенія цѣнъ въ это время правительство принимало мѣры, а постоянное явленіе, причины котораго лежатъ въ полномъ отсутствіи какого-либо мѣстнаго производства подобнаго рода и относительной дешевизнѣ золота. Отсутствіе мѣстнаго фабричнаго и заводскаго производства составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ экономической жизни Трансвааля и на необходимость заняться имъ серьезно указывалъ и президентъ Крюгеръ въ приведенномъ мною выше циркулярѣ къ президентскимъ выборамъ. Но, кромѣ вообще довольно непредпріимчиваго въ этомъ отношеніи характера буровъ, онъ связанъ съ массой вопросовъ о ручномъ трудѣ, заработной платѣ и т. д., и при относительной малочисленности рабочаго бѣлаго населенія еще осложняется вопросами объ отношеніяхъ между бѣлымъ и чернокожимъ населеніемъ, принудительномъ трудѣ этихъ послѣднихъ, мало склонныхъ стѣсняться какими-либо договорами или условіями, когда имъ придетъ фантазія отъ правильно организованной работы уйти въ свой крааль и т. п. Понятно, что въ послѣдніе годы правительство было слишкомъ занято постоянно надвигавшимся призракомъ войны и приготовленіями къ ней, чтобы заняться основательнымъ разрѣшеніемъ всѣхъ этихъ запутанныхъ вопросовъ. Разрѣшеніе это могло бы придти само собою съ распространеніемъ между молодымъ поколѣніемъ буровъ техническихъ знаній и знакомства съ подобнаго рода производствомъ въ Европѣ и, по моимъ замѣчаніямъ, было уже недалеко, особенно по отраслямъ, ближе связаннымъ со свойственными бурамъ земледѣліемъ и скотоводствомъ. Но теперь вооруженное нашествіе наиболѣе цивилизованной націи Европы, вѣроятно, надолго затормозило правильное развитіе экономической народной жизни и промышленности.

Съ серьезной стороной всѣхъ этихъ вопросовъ мнѣ пришлось познакомиться постепенно впослѣдствіи изъ разговоровъ съ заинтересованными въ нихъ людьми, сначала же насъ, пріѣзжихъ, поражали иногда даже комично, чисто внѣшнія стороны ихъ, напримѣръ, совершенно несообразныя, по нашимъ понятіямъ, цѣны на сахаръ или на самыя обыкновенныя бумажныя ткани. И несомнѣнный признакъ богатства страны, что при столь высокихъ цѣнахъ магазины все же находили выгоднымъ обставлять себя такимъ количествомъ красивыхъ и изящныхъ предметовъ роскоши, даже остатки которыхъ въ военное время еще составляли весьма внушительные эталажи. При насъ, впрочемъ, очень

большое число магазиновъ стояло заколоченными, вслѣдствіе бѣгства или насильственнаго выселенія ихъ хозяевъ, такъ какъ почти вся торговля Преторіи до сихъ поръ находилась въ рукахъ англичанъ. Да и между оставленными, за неимѣніемъ противъ нихъ уликъ, попадалось не мало не внушавшихъ довѣрія къ своему патріотизму или хотя бы добросовѣстности по отношенію къ пріютившей ихъ странѣ. Многіе изъ этихъ господъ, успѣвъ уже пріобрѣсть права трансваальскаго гражданства, при началѣ войны, опасаясь быть вызваны въ военныя команды, поспѣшили записаться въ Красный Крестъ, чтобы, въ случаѣ нужды, дежурить санитарами въ госпиталяхъ и поѣздахъ. Мнѣ неоднократно приходилось работать вмѣстѣ съ ними и убѣждаться въ ихъ полномъ равнодушіи къ дѣлу Трансвааля, а также къ самому элементарному комфорту довѣренныхъ имъ страждущихъ защитниковъ этого дѣла; скажу больше—случалось, и часто, прямо возмущаться недобросовѣстностью ихъ отношеній къ добровольно взятымъ на себя обязанностямъ.

Кромѣ двухъ-трехъ главныхъ улицъ, обстроенныхъ домами, европейскаго городского типа, вся остальная Преторія очень разбросана и представляетъ соединеніе правильно расположенныхъ улицами особнячковъ, отъ очень скромныхъ до самыхъ изящныхъ и дорогихъ по своей архитектурѣ и внутреннему убранству. Такъ одинъ домъ, старушки г-жи Голландеръ, построенъ ея мужемъ изъ матеріаловъ, почти цѣликомъ вывезенныхъ изъ Европы: облицовки и двери изъ рѣзного дуба, лѣпные и рѣзные камины, художественно расписанные витражи. Кромѣ множества изящныхъ и цѣнныхъ вещей изъ бронзы и мрамора, даже небольшой коллекціи средневѣковаго оружія, домъ этотъ представлялъ одну весьма интересную и оригинальную особенность—коллекцію стеколъ, на заказъ расписанныхъ прекрасными портретами выдающихся дѣятелей Трансвааля, создавшихъ его гражданскую самостоятельность и государственный строй. Интересно бы знать, каковъ въ настоящее время видъ этого дома и что сталось съ его почтенной хозяйкой, имѣвшей въ полѣ больше десяти сыновей и внуковъ?

Всѣ дома окружены хотя бы небольшимъ садомъ, и эта непрерывная цѣпь садовъ придаетъ городу очень привлекательный и симпатичный характеръ. Особенно вечеромъ, когда строенія скрадываются за тропической массой деревъ и вьющихся растеній, при журчаніи проведенной вдоль тротуаровъ воды и яркомъ электрическомъ освѣщеніи, позволяющемъ различить даже окраску цвѣтовъ, улицы мѣстами производятъ впечатлѣніе огромнаго фантастическаго сада-парка. Въ загородномъ, совершенно дачномъ кварталѣ Sunnyside, уже не только роскошные цвѣтники, но и небольшіе, но прекрасно содержанные фруктовые сады

которыми охотно щеголяютъ ихъ хозяева. Такъ, вскорѣ послѣ нашего пріѣзда мы, всѣ сестры отряда, были приглашены на чай (въ 4 часа) въ домъ г-на Мансфельда, секретаря (министра) по народному образованію, причемъ радушные хозяева и ихъ многочисленная семья наперерывъ показывали намъ свои владѣнія и угощали чудными фруктами собственной культуры.

Приглашеній у насъ вообще было очень много, какъ отъ оффиціальныхъ, такъ и отъ частныхъ лицъ, причемъ приходилось видѣть различныя обстановки, знакомиться со многими интересными членами мѣстнаго общества. Такимъ образомъ, въ одномъ частномъ домѣ (именно у названной уже г-жи Голландеръ) состоялось мое первое знакомство съ г-жей Бота, женой командантъ-генерала Л. Бота. Г-жа Анни Бота очень красивая и симпатичная 26-лѣтняя блондинка ирландскаго происхожденія, что вдвойнѣ объясняетъ проявленную ею непримиримую ненависть къ англичанамъ. Мужъ ея въ то время только что рѣзко выдвинулся своей личной храбростью, стратегическими способностями, умѣньемъ дѣйствовать на подчиненныхъ, и она просто и съ достоинствомъ, но съ понятной гордостью, несла этотъ ореолъ военной славы. Л. Бота наиболѣе образованный изъ всѣхъ бурскихъ генераловъ и производитъ впечатлѣніе уже не даровитаго выходца изъ чуждой намъ обстановки, а, подобно Рейцу и немногимъ другимъ бурамъ, впечатлѣніе человѣка нашего воспитанія, un monsieur. При началѣ войны онъ занималъ въ управленіи мѣсто ассистентъ-фельдкорнета (самый низшій изъ офицерскихъ чиновъ) и представителя въ 1-мъ Фольксраадѣ округа Фрейгейдъ вмѣстѣ съ покойнымъ генераломъ Лукасомъ Мейэромъ. Въ Фольксраадѣ онъ отличался разсудительностью и большою самостоятельностью мнѣній, которыя онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, но, говорятъ, съ замѣчательной обдуманностью, ясностью и ораторскимъ талантомъ, высказывалъ даже противъ мнѣній президента, съ которымъ онъ довольно часто не сходился въ вопросахъ внутренняго управленія. На войнѣ онъ дебютировалъ подъ начальствомъ своего товарища по округу и здѣсь, по словамъ видѣвшихъ его въ то время, отличался столь важнымъ для военнаго умѣньемъ не только повелѣвать, но и подчиняться». Вначалѣ онъ считался только вполнѣ надежнымъ, исполнительнымъ и толковымъ помощникомъ своего непосредственнаго начальника, но, когда, вслѣдствіе одного изъ припадковъ болѣзни, недавно унесшей его въ могилу, генералу Л. Мейэру пришлось временно передать ему командованіе, его природное стратегическое дарованіе сразу обнаружилось. Особенно блестящую храбрость и умѣнье увлечь людей онъ выказалъ при штурмѣ Спіонскопа 22-го января 1900 г., когда и былъ провозглашенъ фехтгенераломъ. Съ этого

Т. I. Жуберъ.

Т. I. Жуберъ.

именно времени онъ сдѣлался любимцемъ и военной надеждой народа, такъ что съ нимъ приходилось считаться даже наиболѣе старымъ и прославленнымъ начальникамъ, и тогдашній главнокомандующій Жуберъ, подчиняясь общественному мнѣнію столько же какъ собственной оцѣнкѣ, во время отлучекъ передавалъ ему начальство помимо всѣхъ старшихъ генераловъ. Однако, чинъ ассистентъ-командантъ генерала онъ получилъ только послѣ отступленія буровъ отъ Тугелы и Ледисмита, когда онъ, своимъ присутствіемъ духа и личной инціативой, спасъ весь обозъ и вообще внесъ порядокъ въ отступленіе. Послѣ этого его роль какъ замѣстителя Жубера была уже намѣчена, несмотря на частныя мелкія жалобы и неудовольствія, вызванныя его молодостью и быстротой этой военной карьеры; быстротой, вполнѣ, конечно, заслуженной и блестяще оправданной всѣми послѣдующими событіями.

Большинство изъ этихъ событій относится уже ко времени позднѣйшему, чѣмъ наше первое пребываніе въ Преторіи, но и тогда уже извѣстность молодого генерала была такъ велика, что знакомство съ его женою представлялось лестнымъ и интереснымъ, и мы могли только радоваться, что обстоятельства даютъ намъ возможность знакомиться такъ подробно съ людьми и чуждымъ складомъ жизни.

Складъ этотъ въ Преторіи вполнѣ типиченъ, впрочемъ, только для такъ называемыхъ голландеровъ, то есть выходцевъ изъ Голландіи въ первомъ поколѣніи, не осѣвшихъ на землѣ, а составляющихъ чиновничій и, отчасти, промышленный классъ Преторіи съ примѣсью нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ изъ буровъ, получившихъ европейское, часто высшее, образованіе. Эта обстановка все же значительно разнится отъ жизни на фермахъ и, по своему складу, ближе всего подходитъ къ жизни средняго сословія въ Голландіи съ примѣсью нѣкоторыхъ англійскихъ обычаевъ.

Насъ, русскихъ, вначалѣ очень изводилъ одинъ, твердо укоренившійся въ Трансваалѣ, голландскій обычай: именно, начинать день въ 6—6½ часовъ, проглатывая въ кровати чашку кофэ, по большей части отвратительнаго. Еще въ частныхъ домахъ возможно растолковать хозяевамъ, что вы не гонитесь за этимъ непривычнымъ угощеніемъ, или же, какъ мои милые хозяева въ Преторіи, устраиваются такъ, что горничная входитъ къ вамъ съ чашкой чаю или кофэ за ½ часа до общаго завтрака (то есть въ 8—8½ часовъ), и этимъ мѣшаетъ проспать и попасть въ неловкое положеніе. Но въ гостинницѣ, хотя бы въ перворазрядной, несмотря на всѣ протесты, вы обязательно проснетесь въ седьмомъ часу отъ неистоваго стука въ запертую вами изъ предосторожности дверь, который прекратится только тогда, когда вновь мете у боя (boy—общая

кличка прислуживающихъ кафровъ) злополучную чашку пустого кофэ. Впослѣдствіи, работая иногда ночи напролетъ, мы оцѣнили эту чашку горячаго кофэ на разсвѣтѣ, дававшаго возможность терпѣливѣе дождаться девятичасового завтрака.

Завтракъ этотъ, по своему составу, тоже вначалѣ поражалъ насъ новизною. Непремѣнную и главную его принадлежность составляетъ porridge [1])—овсяная каша, которую ѣдятъ съ масломъ или же молокомъ и сахаромъ. Затѣмъ въ гостинницахъ и богатыхъ домахъ подаютъ теплыя мясныя блюда, яйца, ветчину и разные салаты; въ болѣе же простой обстановкѣ все ограничивается разнообразными бутербродами съ чаемъ.

Гостинницы и богатые европейцы, поселившіеся въ Трансваалѣ, слѣдуютъ европейскому обычаю позднихъ обѣдовъ и завтраковъ въ часъ дня; но голландеры и мѣстное населеніе твердо держатся стараго порядка—обѣдать въ часъ, ужинать въ 7—8 и пить чай около 4-хъ часовъ. Къ этому послѣднему чаю или же къ ужину и зовутся обыкновенно гости.

За наше трехнедѣльное бездѣлье въ Преторіи насъ, въ полномъ составѣ отряда или отдѣльно, много разъ приглашали на этотъ чай, иногда очень парадный, напоминавшій наши вечернія собранія, но по условіямъ климата происходившій очень часто на верандахъ и въ саду, что придавало ему большую привлекательность и приближало къ англійскимъ garden-parties. Здѣсь, среди зелени и цвѣтовъ, передъ нами проходило все общество Преторіи, и должна отмѣтить, что, при неизбѣжномъ различіи въ умственномъ развитіи, воспитанности и тому подобное, отличительную черту мѣстныхъ дамъ составляетъ умѣнье одѣваться, изящно сочетать въ туалетѣ даже яркіе и рискованные цвѣта и, кромѣ того, полное отсутствіе провинціализма въ манерѣ, какой-либо дѣланности, жеманности.

На этихъ собраніяхъ насъ поражало почти полное отсутствіе мужского элемента, кромѣ подростковъ 12—14-ти лѣтъ или поправляющихся раненыхъ. Всѣ остальные заняты въ своихъ бюро или на войнѣ. Конечно, не вездѣ соблюдалась подобная строгость въ «командированіи», какъ тамъ называется экстерное привлеченіе къ государственной службѣ; но въ Преторіи правящій классъ считалъ нужнымъ подавать въ этомъ

[1]) Porridge—блюдо простонародное шотландское и тамъ представляетъ въ сущности густой кисель изъ овсяной муки. Затѣмъ имѣется множество его цивилизованныхъ разновидностей, которыми особенно славятся американцы. Въ голландскихъ домахъ, особенно въ Южной Африкѣ, твердо укоренился обычай подавать подъ этимъ именемъ на первый завтракъ кашу изъ овсяной крупы, имѣющую нѣсколько иной характеръ.

отношеніи примѣръ остальной странѣ, и педантическое проведеніе этого принципа доходило до того, напримѣръ, что статсъ-секретарь (1-ый министръ) Рейцъ, при командированіи лошадей, назначилъ въ отправку даже верховаго пони своего 12-лѣтняго сына, большого любимца, и самъ ежедневно со своей дачи въ Sunnyside ѣздилъ въ городъ на конкѣ, предоставивъ единственную, совершенно негодную для военной службы лошадь для разъѣздовъ жены. Конечно, эти вещи дѣлались нѣсколько демонстративно, для назиданія рядовыхъ бюргеровъ, часто роптавшихъ на подобныя нарушенія своихъ привычекъ. Но то и важно для характеристики народа, что этотъ образъ дѣйствій былъ единственный правильный и цѣлесообразный съ такими людьми, какъ буры, мало проникнутыми подобострастіемъ къ общественному положенію и смотрящими на своихъ выборныхъ правителей буквально какъ на своихъ чиновниковъ, призванныхъ, правда, въ силу личныхъ качествъ и внушеннаго ими уваженія, къ наиболѣе строгому исполненію гражданскихъ обязанностей. Поэтому малѣйшее послабленіе въ исполненіи этихъ обязанностей неизбѣжно отражается на личномъ вліяніи и особенно не могло быть допущено въ моментъ, когда правительству обѣихъ республикъ пришлось не только вести тяжелую борьбу за національное дѣло, но еще и воспитывать населеніе, до тѣхъ поръ не переживавшее столь серьезнаго кризиса, въ сознательномъ отношеніи къ этому дѣлу.

Самымъ интереснымъ изъ приглашеній къ вліятельнымъ лицамъ Преторіи была поѣздка всѣхъ находившихся въ городѣ членовъ санитарнаго отряда въ загородное помѣстье старшей дочери президента Крюгера, г-жи Элофъ, матери столь ненавистнаго англичанамъ Рольфа Элофа, попавшагося имъ впослѣдствіи въ руки, по своей неосторожности, при деблокадѣ Мефкинга. Но въ то время Рольфъ Элофъ, случайно пріѣхавшій изъ войска въ Преторію, усердно помогалъ матери, принимать гостей

Праздникъ, нѣчто въ родѣ garden-party, данъ былъ г-жею Элофъ въ обширномъ саду ея загороднаго дома не только въ честь членовъ санитарныхъ отрядовъ, но и для всего общества Преторіи, то есть, главнымъ образомъ, дамъ, такъ какъ почти всѣ мужчины находились въ командо, и мужской персоналъ былъ представленъ почти исключительно нѣкоторыми поправляющимися ранеными, къ которымъ члены нашего отряда, понятно, отнеслись съ особеннымъ интересомъ. Между дамами почетное мѣсто занимала, теперь уже скончавшаяся, жена президента Крюгера, которой члены амбуланціи и были представлены г-жею Элофъ и г-жею Рейцъ, женой статсъ-секретаря.

Интересъ этого дня начался еще съ прогулки изъ Grand-Hôtel (на церковной площади), гдѣ жили неразмѣщенные по частнымъ домамъ

члены нашего отряда и былъ назначенъ сборъ, по незнакомымъ намъ и весьма живописнымъ окрестностямъ Преторіи, раскинутой въ своей оградѣ укрѣпленныхъ холмовъ. Ѣхали сестры, по одной или по двѣ, съ дамами мѣстнаго общества, любезно взявшимися ихъ доставить. По пріѣздѣ, послѣ первыхъ привѣтствій и знакомствъ, имъ была предоставлена полная свобода въ сопровожденіи членовъ мѣстнаго общества и привезенныхъ отчасти ими же выздоравливающихъ раненыхъ бродить по обширному, тѣнистому саду, гдѣ, въ четыре часа, былъ подан чай съ обычными печеньями, сластями и закусками.

Мнѣ въ этой поѣздкѣ, къ сожалѣнію, не удалось участвовать, такъ какъ я въ это время находилась въ командировкѣ, впрочемъ не менѣе интересной, съ санитарнымъ поѣздомъ въ Моддеръ-Спруйтъ, послѣднюю желѣзнодорожную станцію передъ осажденнымъ Ледисмитомъ.

Такъ какъ таможенная возня въ Лоренцо-Маркезѣ затягивалась и надежда на скорое полученіе амбуляціоннаго багажа и самостоятельную совмѣстную дѣятельность членовъ отряда все отодвигалась, администрація отряда охотно позволила нѣкоторымъ изъ насъ принять приглашеніе на временную работу въ такихъ пунктахъ, гдѣ не хватало наличнаго санитарнаго персонала. Такъ, старшій голландскій хирургъ, д-ръ фанъ-Диссель, временно замѣнялъ д-ра Лингбека, начальника 1-ой голландской амбуляціи, въ его госпиталѣ въ Преторіи, во время поѣздки Лингбека къ фронту, гдѣ работала часть его отряда; д-ръ Ромейнъ, короткое время занимался въ Гейдельбергѣ съ двумя сестрами, Ежевской и фанъ-Марзефенъ, а потомъ довольно долго работалъ въ окрестностяхъ Преторіи, въ такъ называемомъ ватерфальскомъ госпиталѣ, при лагерѣ плѣнныхъ англичанъ. Въ то же время управленіе санитарнаго поѣзда, эвакуировавшаго внутрь страны, и преимущественно въ Преторію, раненыхъ съ натальскаго театра военныхъ дѣйствій, обратилось въ нашъ отрядъ съ просьбою предоставить ему одну или двухъ сестеръ на время одной поѣздки до Моддеръ-Спруйта и обратно, и эта интересная командировка досталась на долю очень милой и опытной голландской сестры— Іоганны Россъ и мою.

Перевозка раненыхъ по желѣзнодорожнымъ линіямъ, служба санитарныхъ поѣздовъ, ихъ устройство и обстановка были въ Трансваалѣ поставлены очень хорошо, отчасти, конечно, благодаря относительно малому для серьезной войны количеству больныхъ и раненыхъ, для которыхъ почти всегда оказывалось вполнѣ достаточно четырехъ поѣздовъ, организованныхъ еще въ самомъ началѣ войны. Кромѣ того, многіе изъ буровъ, находясь довольно близко отъ своихъ фермъ, предпочитали, при малѣйшей возможности, самостоятельно уѣзжать туда, и за силу ихъ

натуръ, а также за толковость ихъ домашняго ухода, говоритъ то обстоятельство, что такія самовольныя отлучки отъ профессіональной помощи даже въ серьезныхъ случаяхъ рѣдко имѣли дурныя послѣдствія.

Каждый санитарный поѣздъ состоялъ изъ одного большого вагона-лазарета въ два этажа пружинныхъ коекъ, расположенныхъ по стѣнамъ по обѣ стороны широкаго прохода на достаточной высотѣ однѣ надъ другими. Эти койки, числомъ отъ 20-ти до 30-ти, предназначались для тяжело раненыхъ и слабыхъ, но не заразныхъ больныхъ; тифозные въ этихъ вагонахъ не перевозились изъ боязни инфекціи. Затѣмъ нѣсколько вагоновъ 1-го класса (обитые очень красивой тисненой клеенкой подъ кожу) для легко больныхъ, врачей и сестеръ. Кромѣ того, въ каждомъ поѣздѣ имѣлся вагонъ кухня, очень хорошо снабженный сообразно привычкамъ страны, товарные вагоны для склада амбулаціонныхъ принадлежностей, а также личныхъ вещей больныхъ и персонала, и, наконецъ, самое важное въ почти тропическомъ климатѣ, вагонъ-резервуаръ, щедро снабженный водою на всѣ нужды обширнаго лазаретнаго хозяйства. При поѣздѣ находилось достаточное количество черной прислуги и санитарный персоналъ изъ жителей Преторіи, записанныхъ въ Красный Крестъ и наскоро снабженныхъ кое-какими элементарными знаніями ухода за больными.

О санитарахъ мужчинахъ, записавшихся въ Красный Крестъ, чтобы избѣжать «командированія» на войну, я уже говорила выше; надо прибавить только, что, какъ рѣдкія, правда, исключенія, и здѣсь попадались люди, вполнѣ добросовѣстно относившіеся къ дѣлу и хорошо съ нимъ знакомые. Въ нашемъ поѣздѣ, изъ трехъ санитаровъ, оказался одинъ такой, дѣйствительно опытный, оказавшій намъ серьезную помощь. Дамскій персоналъ, поневолѣ, тоже носилъ весьма смѣшанный характеръ. Рядомъ съ лицами, дѣйствительно одушевленными патріотическими чувствами и стремленіемъ оказать посильную помощь страждущимъ защитникамъ родины, были въ значительномъ количествѣ особы, ухватившіяся за этотъ способъ привлечь на себя вниманіе, сблизиться съ выдающимися членами мѣстнаго общества или просто для разнообразія, какъ способъ флирта съ санитарами и пріѣзжими докторами, одинъ изъ которыхъ, молодой и красивый человѣкъ, при мнѣ выразился такъ: «Не знаю, что больные, а за нами ухаживаютъ съ полнымъ усердіемъ». Въ нашемъ поѣздѣ меня особенно возмущала одна молодая вдовушка, мужъ которой только за 4 мѣсяца передъ тѣмъ былъ убитъ при Эландслаагте; она же теперь, проѣзжая мимо этого самаго мѣста, съ поѣздной платформы объясняла топографію сраженія красивому доктору en question, причемъ черное платье и бѣлый африканскій чепецъ эффектно от-

тѣняли ея матовую кожу и игру выразительныхъ темныхъ глазъ. При больныхъ я эту особу ни разу не видѣла. Но, добросовѣстныя или недобросовѣстныя, почти всѣ эти дамы еще совсѣмъ не успѣли примѣниться къ дѣлу, почему управленіе Краснаго Креста, по возможности, давало имъ на помощь хотя одну или двухъ профессіональныхъ сидѣлокъ, которыя, такимъ образомъ, при неумѣлости и недостаточности помощи, часто оказывались заваленными почти непосильной работой. Такъ мы двѣ, въ первый день занявшись исключительно слабыми больными санитарнаго вагона, съ ужасомъ открыли, что легкимъ больнымъ въ вагонѣ 1-го класса, не требовавшимъ ровно никакого ухода, безъ насъ не позаботились даже своевременно раздать пищу.

Впрочемъ, судя по разсказамъ другихъ участвовавшихъ въ подобныхъ поѣздкахъ, нашъ поѣздъ представлялъ невыгодное исключеніе по многимъ безпорядкамъ, на которые и было обращено впослѣдствіи вниманіе управленія. Этому, вѣроятно, способствовало присутствіе въ этомъ поѣздѣ, въ числѣ дамъ Краснаго Креста, г-жи Лины Мульдеръ, незамужней сестры г-жи Рейцъ, жены статсъ-секретаря, своимъ толковымъ и внимательнымъ отношеніемъ къ мало знакомому ей дѣлу оказавшей намъ существенную помощь.

Врачебный персоналъ въ санитарныхъ поѣздахъ также попадался весьма разнообразный. Кромѣ мѣстныхъ африканскихъ докторовъ, о которыхъ рѣчь еще впереди, изъ европейскихъ врачей далеко не всѣ охотно оставляли свои благоустроенные госпитали для исключительныхъ и не всегда пріятныхъ условій работы. Поэтому, рядомъ съ опытными врачами, въ санитарныхъ поѣздахъ часто попадались лица, искавшія куда-нибудь приткнуться, по несогласіямъ или ненужности въ собственномъ отрядѣ. Такимъ, къ сожалѣнію, оказался и молодой докторъ (нѣмецъ), съ которымъ намъ въ этотъ разъ пришлось работать, малая опытность котораго въ терапевтикѣ и совершенная безпомощность въ хирургіи сказались не однимъ курьезомъ, къ счастью, не приведшимъ къ какимъ-либо трагическимъ результатамъ.

Когда эта командировка была рѣшена для меня и сестры Россъ, тѣ изъ докторовъ нашего отряда, которые не имѣли еще опредѣленнаго дѣла и проводили время въ ознакомленіи съ мѣстными условіями и въ наблюденіи за болѣе интересными болѣзнями мѣстныхъ госпиталей Веберъ, Кухаренко и Борнгауптъ—выразили администраціи поѣзда желаніе участвовать въ этой поѣздкѣ, хотя бы въ качествѣ туристовъ, что и было тотчасъ весьма любезно для нихъ устроено.

Первая часть поѣздки отъ Преторіи до Моддеръ-Спруйта вообще больше всего походила на увеселительную прогулку, такъ какъ, озна-

покончивъ съ устройствомъ нашего подвижного госпиталя и приведя въ порядокъ порѣданный намъ перевязочный матеріалъ, о чемъ у нашихъ спутниковъ понятія вовсе отсутствовали, лазаретный вагонъ былъ запертъ, и всѣ 1½ сутки, которыя длилась поѣздка въ одинъ конецъ, намъ оставалось только присматриваться къ незнакомой странѣ и ея жителямъ. Тутъ для меня оказалось неоцѣненнымъ присутствіе въ поѣздѣ г-жи Мульдеръ и ея 12-ти-лѣтняго племянника Гавзей Рейцъ, ѣхавшаго въ лагерь повидаться со старшими братьями. Этотъ симпатичный, живой мальчикъ, часто присутствовавшій при разговорахъ старшихъ, выдающихся лицъ, посѣщавшихъ отца, и на развитіе котораго самъ отецъ, очевидно, положилъ много труда и вниманія, оказался не по лѣтамъ освѣдомленнымъ насчетъ всѣхъ происшествій и обстоятельствъ войны, такъ что ему, какъ и его теткѣ, я обязана многими интересными свѣдѣніями и указаніями. При этомъ нисколько не страдалъ чисто мальчишескій задоръ, и мнѣ вспоминается одинъ разсказанный имъ эпизодъ, типичный и для него, и для отношеній буровъ и англичанъ. «Я ѣздилъ,—говорилъ онъ,—съ отцомъ въ Наталь, и тамъ, пока онъ былъ занятъ дѣлами, игралъ съ однимъ англійскимъ мальчикомъ, который страшно хвастался превосходствомъ англійской націи, обширностью ея владѣній, военной славой и могуществомъ и т. п. Я все это слушалъ, слушалъ и, наконецъ, сказалъ, что, какъ я вижу, онъ такой умный, такъ много знаетъ, особенно по англійской исторіи; а знаетъ ли онъ, что это за гора на горизонтѣ?—Маюба, гдѣ англичане были такъ хорошо побиты бурами. Онъ на меня бросился, но я его повалилъ и отдулъ».

Этотъ пріемъ, однимъ сухимъ намекомъ подорвать пустую болтовню собесѣдника—вообще очень типиченъ для характера буровъ. О президентѣ Крюгерѣ разсказываютъ множество анекдотовъ подобнаго рода; одинъ изъ нихъ, я привожу здѣсь, какъ образецъ этого рода юмора. Разъ къ нему явился молодой пріѣзжій голландецъ, заявилъ о своемъ желаніи получить мѣсто въ управленіи и началъ перечислять все, что онъ, по своему мнѣнію, зналъ и могъ на себя взять, причемъ его наименьшими достоинствами являлось знаніе всѣхъ языковъ цивилизованнаго міра и чуть ли не всѣхъ отраслей науки. Къ удовольствію оратора, президентъ въ упоръ смотрѣлъ на него и, повидимому, боялся проронить хотя бы одно названіе изъ его длиннаго каталога. Наконецъ, Oom Paul затянулся, изъ трубки, выпустилъ облако дыма и замѣтилъ: «Такъ, такъ. А скажите, пожалуйста, неужели въ Голландіи не нужны такіе ученые люди; для насъ, я боюсь, что вы даже слишкомъ умны».

Изъ Преторіи мы выѣхали около часа пополудни и на другое утро миновали въ Фольксрустѣ прежнюю трансваальскую границу, пройдя

подъ самой горою Амаюбой, свидѣтельницей знаменитаго пораженія англичанъ въ 1881 г. Миновавъ границу, мы вступили уже въ англійскую провинцію—Наталь, въ то время наполовину занятую трансваальскими войсками.

Наталь расположенъ по восточному склону Драконовыхъ горъ, спускающихся уступами отъ трансваальскаго плоскогорья къ океану. Поэтому климатъ въ Наталѣ значительно разнится отъ трансваальскаго: несмотря на большее удаленіе отъ экватора, онъ здѣсь, какъ и въ Капской колоніи, гораздо теплѣе, воздухъ болѣе влаженъ, не такъ чистъ, какъ на плоскогорьи, что ощущается тотчасъ послѣ переѣзда границы, т. е. перевала черезъ горный кряжъ. Зато многія тропическія культуры удаются здѣсь лучше, благодаря отсутствію, особенно въ низменныхъ частяхъ, холодныхъ зимнихъ росъ. Вообще иностранецъ, вступающій изъ Трансвааля въ Наталь, поражается разницей въ обработкѣ земли бурами и ихъ сосѣдями, англійскими колонистами, и поражается, надо сознаться, не въ пользу трансваальца. Буры, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, были очень консервативны въ своихъ способахъ хозяйничанья, ограничиваясь очень незначительными по количеству земли посѣвами необходимѣйшихъ злаковъ и оставляли огромныя пространства весьма плодородной земли подъ пастбища и охоту.

Этотъ пріемъ зависѣлъ, конечно, въ значительной степени отъ рѣдкости населенія и дороговизны наемнаго труда, даже кафровъ; но отчасти долженъ быть отнесенъ и къ народному характеру, такъ какъ, напримѣръ, ихъ способы садоваго хозяйства столь же первобытны и даже вокругъ своихъ фермъ они мало разводятъ садовъ, фруктовъ и овощей, такъ что этого рода потребности городовъ, очень развитыя и хорошо оплачиваемыя, до сихъ поръ удовлетворялись почти исключительно ввозомъ изъ сосѣднихъ англійскихъ провинцій—Капской и Наталя, или посредствомъ дорогихъ фруктовыхъ и овощныхъ консервовъ, тогда какъ свойства почвы давали бы матеріалъ къ широкому развитію сельскаго хозяйства и связанныхъ съ нимъ отраслей заводской дѣятельности. Въ объясненіе столь безпечнаго отношенія къ явнымъ матеріальнымъ выгодамъ и своимъ, и столь горячо любимой родины у стараго поколѣнія буровъ, вы иногда наталкиваетесь на самыя неожиданныя и странныя по нашимъ понятіямъ отговорки. Напримѣръ, «не слѣдуетъ заставлять землю производить то, чего Господь Богъ въ нее не заложилъ», или что не стоитъ тратить время и трудъ на большія посадки, когда можетъ налетѣть саранча (дѣйствительно, одно изъ бѣдствій страны) и все уничтожить, бороться же съ этимъ зломъ грѣхъ, такъ какъ это — казнь, посылаемая Господомъ Богомъ. Впрочемъ, далеко не все старшее поколѣніе держится

Л. Бота.

Л. Бота.

подобныхъ взглядовъ; мы видѣли какъ разумно типичный и выдающійся представитель этого поколѣнія, президентъ Крюгеръ, относится къ вопросамъ народнаго хозяйства; тамъ же, гдѣ такіе взгляды еще повторяются по рутинѣ, я считаю это теперь не столько искреннимъ убѣжденіемъ, сколько дипломатическимъ пріемомъ флегматическаго и лукаваго по природѣ крестьянина-земледѣльца, чтобы отдѣлаться отъ приставаній и подозрительныхъ новшествъ наѣзжаго люда.

Этого не понимаютъ многіе изъ европейцевъ, и часто приходилось слышать и читать рѣзкія нападки и насмѣшки надъ косностью и неразуміемъ буровъ; выражалась даже мысль, что переходъ страны въ руки англичанъ есть дѣло желательное, такъ какъ они, по крайней мѣрѣ, используютъ ея естественныя богатства. Я же думаю, что указанные недостатки не служатъ у буровъ доказательствомъ, какъ говорятъ англичане, общаго упадка и вырожденія расы—о такомъ вырожденіи смѣшно говорить послѣ геройской борьбы послѣднихъ трехъ лѣтъ, тѣмъ болѣе всякому имѣвшему какое-либо медицинское отношеніе къ обоимъ столкнувшимся національностямъ—а являются, напротивъ, послѣдствіемъ того, что молодой народъ еще не успѣлъ пережить переходъ отъ прежняго полубродячаго состоянія, въ самыхъ первобытныхъ условіяхъ, къ болѣе развитымъ формамъ культурной жизни. Полагаю, что настоящій тяжелый кризисъ, если имъ удастся выйти изъ него побѣдителями, долженъ и въ этихъ отношеніяхъ вызвать скрытую энергію ихъ народнаго характера и что молодое поколѣніе современемъ поведетъ дѣло совсѣмъ иначе, на что я даже встрѣчала нѣкоторыя указанія.

Пока же косность старшихъ, упорное сохраненіе старыхъ формъ жизни и привычныхъ способовъ хозяйства сослужили бурамъ службу, предохранивъ ихъ отъ золотой горячки, охватившей нахлынувшія въ Трансвааль толпы иностранцевъ; эти пришельцы вызвали у нихъ только презрительное снисхожденіе къ своей жадности на промыселъ, къ которому они, хозяева страны и владѣльцы этой земли, относятся съ флегматичнымъ равнодушіемъ.

Въ стремленіи англичанъ вполнѣ использовать природныя богатства Трансвааля не можетъ, конечно, быть сомнѣнія. Думаю только, что, по крайней мѣрѣ на долгое время, эксплоатація ограничится хищнической разработкой тѣхъ рудныхъ богатствъ, ради присвоенія которыхъ затѣяна эта безчеловѣчная и несправедливая война, такъ какъ разрабатывать землю въ качествѣ колонистовъ, въ сравнительно короткій срокъ пріобрѣтая и права гражданства, имъ и до сихъ поръ никто не препятствовалъ. Однако, подобнаго рода дѣятельность англичанъ не развилась даже и въ пограничныхъ съ Трансваалемъ англійскихъ областяхъ — Грикуа-

ландѣ и Родезіи, гдѣ все вниманіе пришлаго англійскаго населенія устремлено на добываніе бриллiантовъ, земледѣліемъ же, хотя бы по первобытнымъ способамъ, занимаются исключительно зашедшія сюда семьи буровъ, не пожелавшія оставить своихъ поселковъ при объявленіи англійскаго владычества. Мнѣ самой не разъ приходилось слышать отъ болѣе развитыхъ представителей даже сельскаго Трансвааля, что противъ поселенія и пріобрѣтенія у нихъ гражданскихъ правъ иностранцами, хотя бы англійскаго происхожденія, они ровно ничего не имѣютъ, такъ какъ земли у нихъ много и это можетъ только поднять ея цѣнность, народное богатство вообще и разложить необходимыя подати на большее число плательщиковъ; но что они хотятъ сохранить право строго различать между человѣкомъ, дѣйствительно осѣдающимъ въ ихъ странѣ, связаннымъ съ нею всею своею жизнью и интересами и алчной толпой дѣльцовъ и золотоискателей, отбросовъ европейской жизни, стремящихся только къ скорой и легкой наживѣ, которымъ стыдно и опасно ввѣрить серьезные интересы страны.

Эти и подобныя свѣдѣнія и наблюденія мнѣ приходилось собирать преимущественно во время частыхъ переѣздовъ, заносившихъ меня, сообразно условіямъ работы, въ разные, часто захолустные, углы бурскихъ земель, началомъ которыхъ и послужила эта поѣздка въ Наталь. Способствовалъ мнѣ интересъ, обнаруживавшійся населеніемъ къ этимъ иностранцамъ новаго типа, пріѣхавшимъ не съ намѣреніемъ грабить богатства страны, а изъ сочувствія къ нему лично и для помощи. Не скажу, чтобы безкорыстіе нашихъ побужденій всегда встрѣчало полное довѣріе, чему, къ сожалѣнію, способствовало недостойное поведеніе нѣкоторыхъ изъ пріѣзжихъ европейцевъ, навлекшихъ подозрѣніе и на людей вполнѣ честныхъ и безкорыстныхъ. Часто приходилось натыкаться на предположеніе, что если не теперь, то впослѣдствіи мы имѣемъ въ виду личныя матеріальныя выгоды. Часто мы слышали, напримѣръ, коварный вопросъ: «А что, zuster, не желаете ли вы и ваши доктора послѣ окончанія войны получить у насъ казенныя назначенія?». Надо сказать, что казенныя мѣста составляютъ больное мѣсто природныхъ трансваальцевъ, такъ какъ, вслѣдствіе усиленной закупки земель иностранными компаніями въ золотоносныхъ округахъ, многіе изъ нихъ въ послѣдніе годы оказались безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію, и большимъ предметомъ неудовольствія какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ многочисленныхъ родственниковъ и друзей, служило замѣщеніе казенныхъ должностей, очень хорошо оплачиваемыхъ, пріѣзжими европейцами, преимущественно голландцами, какъ это было особенно въ бытность статсъ-секретаремъ доктора Лейдса. Причины этого предпочтенія правительства

къ пришлымъ чиновникамъ слѣдуетъ видѣть въ большей ихъ подготовленности къ той спѣшной реорганизаціи всѣхъ отраслей управленія, какая велась въ Трансваалѣ въ послѣдніе 20 лѣтъ. Въ Преторіи мнѣ приходилось постоянно и близко видѣть многихъ изъ этихъ, такъ называемыхъ, голландеровъ и убѣждаться въ полной пригодности большинства изъ нихъ къ занимаемымъ ими должностямъ и въ плодотворности ихъ работы на пользу пріютившей ихъ страны. Таковъ, напримѣръ, г. Мансфельдъ, трансваальскій секретарь по народному образованію, больше чѣмъ кто-либо способствовавшій въ послѣдніе 20 лѣтъ развитію природныхъ силъ молодого поколѣнія, а также развитію въ нихъ разумныхъ патріотическихъ стремленій и идеаловъ. Встрѣчались, конечно, также исключенія противоположнаго характера, лица, смотрѣвшія на занимаемыя ими должности какъ на способъ наживы, часто весьма безцеремонный; они часто сознательно терпѣлись правительствомъ ради знанія порученнаго имъ техническаго дѣла. Тѣмъ не менѣе, неудовольствіе на предпочтеніе, яко бы оказываемое правительствомъ пришлымъ голландерамъ передъ природными жителями страны, до войны, несомнѣнно, существовало весьма опредѣленное и сильное, и остается только удивляться, какъ англійская дипломатія, въ подобныхъ случаяхъ вообще столь цѣпкая, не сумѣла ухватиться за эту черту для болѣе мирнаго достиженія своихъ цѣлей, а сочла за лучшее прибѣгать къ грубымъ пріемамъ въ родѣ набѣга Джемсона и явно недобросовѣстныхъ придирокъ послѣднихъ лѣтъ, сразу сплотившихъ всю голландскую расу Южной Африки въ одномъ общемъ чувствѣ самосохраненія и солидарности интересовъ. Объясняется этотъ промахъ, какъ и большинство промаховъ этой варварской войны, расчетами чисто биржевыми и прежде всего состояніемъ дѣлъ знаменитой Chartered Company, требовавшимъ скорѣйшаго захвата новыхъ богатствъ во избѣжаніе разоренія своихъ вліятельныхъ акціонеровъ.

Изъ этихъ объясненій понятно подозрѣніе, скрытое въ невинномъ, повидимому, вопросѣ о казенномъ мѣстѣ для насъ пріѣзжихъ. Но это подозрѣніе обыкновенно исчезало передъ нѣсколько подробнымъ объясненіемъ, что какъ семейныя, такъ и служебныя отношенія дѣлаютъ возвращеніе въ Европу вполнѣ необходимымъ для большинства изъ насъ, а пріѣхали мы изъ интереса къ ихъ странѣ и сочувствія ихъ національному бѣдствію для посильной помощи на средства своего народа. Большое впечатлѣніе производило всегда именно объясненіе, что нашъ русско-голландскій отрядъ снаряженъ не управленіемъ Краснаго Креста, какъ это дѣлается во всѣхъ случаяхъ войны, а на суммы, собранныя по мелочамъ всѣмъ русскимъ народомъ изъ сочувствія ихъ правому дѣлу. Я хорошо помню, именно въ Фолькрустѣ, одного симпатичнаго рослаго

молодца, находившагося на станціи по пути въ свое командо, который, выразивъ свое удивленіе и удовольствіе, кончилъ восклицаніемъ: «Дайте намъ только выйти изъ теперешнихъ тисковъ, и если у васъ когда-нибудь случится народное бѣдствіе — наша страна богата, и все, что вы первые собрали для насъ копѣйками (pennies), мы отдадимъ вамъ фунтами (pounds).

Въ Фолькснустѣ большая остановка поѣзда дала намъ возможность посѣтить городскую больницу, въ которой, подъ руководствомъ одного врача (д-ра Садовскаго) и двухъ сестеръ Георгіевской Общины (Тауцъ и Страховской), отдѣленныхъ еще раньше отъ Русскаго Краснаго Креста, работали мѣстныя бурскія женщины. Хотѣли мы посѣтить и главный госпиталь русскаго отряда въ Ньюкестлѣ, но онъ оказался расположеннымъ такъ далеко отъ станціи желѣзной дороги, что мы не имѣли на это времени и должны были ограничиться передачей черезъ начальника станціи поклоновъ членамъ отряда. Какъ потомъ оказалось, наши поклоны не были переданы, что очень характерно въ виду склонности буровъ къ посѣщеніямъ и длиннымъ разговорамъ съ тѣми изъ иностранцевъ, которые сумѣли внушить имъ симпатію и довѣріе. Вообще насъ поразило странное и недоброжелательное отношеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ, а также жителей, вышедшихъ для встрѣчи санитарнаго поѣзда, къ расположившемуся у нихъ санитарному отряду. Въ этотъ проѣздъ намъ пришлось слышать много интересныхъ и поучительныхъ подробностей насчетъ перваго устройства русскаго отряда въ Ньюкестлѣ, и эти свѣдѣнія, дополненныя въ Преторіи отзывами лицъ, хорошо освѣдомленныхъ, дали намъ возможность оцѣнить какую ошибку сдѣлалъ д-ръ Кусковъ, отказавшись слѣдовать указаніямъ трансваальскихъ властей и самого президента Крюгера при выборѣ мѣста дѣятельности. Въ Фолькснустѣ, находящемся въ самомъ Трансваалѣ и за позиціями, представлявшими вѣроятіе серьезной обороны въ случаѣ наступленія англичанъ, госпиталь былъ постоянно переполненъ, и наши сестры, высланныя туда по просьбѣ администраціи, едва успѣвали устраивать необходимое помѣщеніе и руководить работой своихъ помощницъ. Между тѣмъ въ Ньюкестлѣ, расположенномъ совершенно открыто, да еще на вражеской землѣ, госпиталь пустовалъ по изложеннымъ уже мною выше причинамъ. Это, вмѣстѣ съ дурными отношеніями, установившимися между г-номъ Кусковымъ и мѣстнымъ населеніемъ и властями, долго лишало отрядъ работы, къ которой онъ былъ такъ хорошо подготовленъ по своимъ матеріальнымъ средствамъ и санитарному составу. Насколько цѣлесообразнѣе было бы, слѣдуя указанію президента Крюгера, открыть большой госпиталь близъ южной линіи военныхъ дѣйствій, мы, замѣ-

нившіе г-на Кускова на этомъ театрѣ войны, вполнѣ испытали на той спѣшной и отвѣтственной работѣ, которая выпала намъ на долю въ Кронстадтѣ. Пока же мы съ удивленіемъ выслушивали злорадныя замѣчанія жителей Ньюкестля по поводу того, что услугами русскаго отряда за его двухнедѣльное пребываніе въ ихъ городѣ воспользовалась только одна дама, разбитая на улицѣ понесшей лошадью. На возвратномъ пути наши доктора уговорили администрацію нашего поѣзда сдать въ Ньюкестлѣ двухъ раненыхъ и нѣсколько терапевтическихъ больныхъ; но это, конечно, была капля въ морѣ. Такое невыносимое положеніе длилось до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ врачей русскаго отряда (Давыдовъ, Гольбекъ, Эбергардтъ) не настояли на открытіи передового полевого лазарета въ Гленкö, куда къ этому времени (начало марта) передвинулась отъ Тугелы и Ледисмита оборонительная линія буровъ. Эти врачи своими знаніями и сердечнымъ отношеніемъ въ короткое время пріобрѣли довѣріе и симпатіи окружавшихъ ихъ лагерей и такъ умѣли вліять на больныхъ и раненыхъ, что тѣ, несмотря на укоренившееся между ними предубѣжденіе, соглашались ложиться въ ньюкестльскомъ госпиталѣ для полнаго излеченія или хотя временной помощи: тамъ же это предубѣжденіе скоро исчезало передъ образцовымъ уходомъ и отношеніемъ всѣхъ членовъ отряда. Вообще же ньюкестльскій госпиталь, занимавшій роскошное зданіе прежняго женскаго монастыря, былъ прекрасно обставленъ съ матеріальной стороны и, благодаря отношенію персонала къ больнымъ, какъ военнымъ, такъ и мѣстнымъ, для которыхъ былъ устроенъ весьма посѣщавшійся амбулаторный пріемъ, шероховатости перваго времени постепенно сгладились. Въ послѣднее же время своего пребыванія въ Ньюкестлѣ отрядъ, вслѣдствіе неожиданнаго оборота въ ходѣ военныхъ событій, былъ буквально заваленъ работой, о которой до сихъ поръ вспоминаютъ съ благодарностью всѣ сражавшіеся на этомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Къ числу ихъ принадлежитъ находящійся теперь при генералѣ Л. Бота молодой буръ, г-нъ Сандбергъ, побывавшій у насъ въ Петербургѣ еще въ прошедшемъ году по дѣламъ, связаннымъ съ интересами своего народа; въ разговорѣ съ нимъ мнѣ пришлось съ удовольствіемъ убѣдиться, какую добрую и благодарную память оставили наши товарищи русскаго отряда у всѣхъ имѣвшихъ съ ними непосредственное дѣло. Къ сожалѣнію, все же у остальныхъ буровъ не вполнѣ изгладилось впечатлѣніе, произведенное ошибками перваго времени и особенно отказомъ слѣдовать желаніямъ столь уважаемаго старика-президента.

Чѣмъ русскій отрядъ выгодно отличался отъ всѣхъ остальныхъ, бывшихъ въ Трансваалѣ санитарныхъ отрядовъ, это—своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ больнымъ изъ кафровъ, которыхъ врачи впервые ста-

вали въ одинаковыя условія ухода съ бѣлыми, хотя, по необходимости подчиняясь мѣстнымъ предразсудкамъ, отводили имъ особое помѣщеніе.

Отъ самой границы, т. е. отъ перевала съ плоскогорья черезъ кряжъ Драконовыхъ горъ, желѣзнодорожная линія, постепенно спускаясь по уступамъ этихъ горъ, идетъ по удивительно живописной и, какъ я уже говорила, хорошо воздѣланной мѣстности, хотя въ послѣднемъ отношеніи военное положеніе не могло, конечно, не явиться большой помѣхой. Часть жителей, наиболѣе враждебная бурамъ, выселилась въ незанятые непріятелемъ приморскіе города; остальные, отчасти одноплеменные бурамъ, продолжали жить и работать подъ введеннымъ побѣдителями управленіемъ.

На пути поѣзда вездѣ киваютъ своими изящными перьями плантаціи маиса, составляющаго главную пищу скота, т. е., главнымъ образомъ, лошадей, а также, отчасти, чернокожаго населенія. По всѣмъ склонамъ, цѣпляясь за расщелины скалъ, благоухаютъ громадныя желтыя мимозы, смѣняясь на каждомъ воздѣланномъ клочкѣ земли кустами и цѣлыми изгородями душистыхъ бѣлыхъ и огненныхъ олеандровъ. Здѣсь же мнѣ впервые пришлось видѣть загнанныхъ въ загородку или привязанныхъ на веревкѣ за лапу ручныхъ страусовъ, разводимыхъ въ большомъ числѣ ради ихъ перьевъ. Своеобразныя, по мирныя сельскія картины. Только здѣсь и тамъ оставленный или даже разстрѣлянный домъ или поврежденный мостъ напоминали, что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ и здѣсь прошла волна смерти и опустошенія. Смертью и опустошеніемъ это, впрочемъ, врядъ ли можетъ назваться, если сопоставить ту мирную и благоустроенную картину съ теперешнимъ видомъ «покоренныхъ» англичанами бурскихъ областей.

По пути намъ указывали издали мѣстности Эландслаагте, Дунди, Гленко, объясняли ходъ сраженій и въ послѣднемъ мѣстѣ показывали нарочно оставленный среди поля шестъ съ бѣлымъ флагомъ, выставленный англичанами при своей сдачѣ.

Въ Моддерспруйтѣ мы пріѣхали къ вечеру, причемъ поѣздъ нашъ остановился не у станціи, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, среди поля, такъ какъ убирать его, понятно, не предполагалось, а мы всѣ продолжали жить въ немъ въ ожиданіи больныхъ. Несмотря на наступавшія сумерки и усталость отъ болѣе чѣмъ суточнаго переѣзда, доктора тотчасъ пошли съ администраторомъ въ мѣстный лазаретъ, чтобы посмотрѣть больныхъ и условиться объ ихъ перевозкѣ. Сестра Россъ очень устала и лежала съ головной болью; я же охотно приняла приглашеніе жены администратора поѣзда, г-жи фанъ-Ринепъ, уже пожилой дамы, завѣдывавшей общимъ хозяйствомъ поѣзда, пройти съ нею и съ m-lle

Мульдеръ въ лагери, гдѣ онѣ хотѣли отыскать знакомыхъ; отъ Ганзей давно и слѣдъ простылъ. Не отошли мы и двухсотъ шаговъ по сумрачному фельду въ сторону мигавшихъ вдали огненныхъ точекъ костровъ, какъ навстрѣчу намъ попались два всадника· При видѣ моей косынки одинъ изъ нихъ осадилъ лошадь: «Oh, une soeur russe! Est il possible qu'on vous envoie ici nous soigner? Vous étiez à Newcastle?»[1]) закидывалъ меня вопросами союзникъ. Я объяснила ему, что хотя я и русская сестра, но не ньюкестльскаго отряда и нахожусь здѣсь случайно съ санитарнымъ поѣздомъ; онъ сообщилъ, что ѣдетъ съ порученіемъ въ дальній лагерь, но забылъ сказать свое имя, и мы разстались, поговоривъ минуту среди ночного африканскаго фельда, даже не разглядѣвъ другъ друга въ лицо, но почувствовавъ что-то теплое и родное въ этой живучести симпатій, которыя потомъ не разъ трогали меня со стороны французовъ-добровольцевъ.

Весь этотъ вечеръ былъ, впрочемъ, посвященъ дружескимъ международнымъ изліяніямъ. Въ лагеряхъ, гдѣ бы не останавливались мои спутницы, среди дороги, при встрѣчѣ со знакомыми или у бивачнаго огня, вездѣ мой костюмъ дѣлалъ меня предметомъ живого интереса и начинались вновь разспросы и объясненія насчетъ моего отряда, его снаряженія и сочувствія русскихъ національному дѣлу буровъ; и вездѣ на мою долю выпадало еще незаслуженное мною любезное и сердечное отношеніе въ благодарность за это сочувствіе. Представленный мнѣ г-жею фанъ Рипенъ командантъ Бота (одинъ изъ многочисленныхъ родственниковъ командантъ-генерала), въ виду выраженнаго мною интереса къ военной сторонѣ дѣла, обѣщалъ прислать намъ на завтра лошадей, чтобы объѣхать наиболѣе интересные пункты позицій, и только жалѣлъ, что уже назначенная необходимая поѣздка, помѣшаетъ ему самому сопровождать насъ. Его замѣнилъ симпатичный и толковый молодой малый 19-ти лѣтъ, временно замѣняющій своего отца въ должности фельдкорнета, но далеко менѣе образованный и свѣдущій.

Но любезный пріемъ въ лагерѣ показался недостаточнымъ нашимъ новымъ друзьямъ; они цѣлой толпой послѣдовали за нами къ поѣзду, гдѣ разсѣлись на землѣ и придумали намъ своеобразное угощеніе. Надо сказать, что въ началѣ войны англійскія войска осложняли свой багажъ самыми невообразимыми по неудобству въ походѣ предметами, которые постоянно попадались бурамъ и служили имъ трофеями и игрушками. Такъ, въ первыхъ сраженіяхъ, среди военной добычи, постоянно попада-

---

[1]) Ахъ, русская сестра! Возможно ли, что васъ прислали сюда ходить за нами? Вы были въ Ньюкестлѣ?

лось довольно большое число заводныхъ музыкальныхъ ящиковъ, какіе встрѣчаются вездѣ въ англійскихъ солдатскихъ клубахъ и съ которыми Tommy Atkins не желалъ разставаться и въ походѣ. Этотъ для насъ банальный репертуаръ надоѣвшихъ вальсовъ и арій являлся для неизбалованныхъ жителей южно-африканскихъ фермъ новинкой и настоящимъ художественнымъ наслажденіемъ. И теперь, въ своемъ желаніи развлечь насъ какъ можно лучше, они притащили на себѣ изъ отдаленнаго лагеря два такихъ тяжелыхъ ящика и взапуски угощали насъ этой «музыкой». Каюсь, что, несмотря на сознаніе чистоты ихъ намѣреній, это безконечное повтореніе избитыхъ мелодій, давно пріѣвшихся въ Европѣ, да еще въ бездушномъ шарманочномъ исполненіи, было тяжело для нервовъ, уставшихъ отъ длиннаго желѣзнодорожнаго переѣзда и массы впечатлѣній; и наши любезные хозяева, такъ старавшіеся занять насъ всѣмъ, что было у нихъ интереснаго, очень удивились бы комментаріямъ ихъ затѣѣ, вырывавшимся у русскихъ докторовъ на родномъ языкѣ.

Нѣсколько отдохнули мы только, когда всѣ присутствующіе, по нашей просьбѣ, хоромъ спѣли свою національную пѣснь — дѣйствительно удачную, красивую вещь, хорошо выражающую торжество и задоръ молодого народа, впервые вполнѣ почувствовавшаго цѣну своей независимости среди окружающаго ихъ приволья и простора. Затѣмъ и мы, по ихъ желанію, подъ южными созвѣздіями и пушками Ломбардскопа, затянули свой родной гимнъ и постепенно, сначала несмѣло, потомъ все крѣпнувшимъ и разроставшимся хоромъ, къ намъ примкнули окружающіе подъ небомъ Южной Африки славя державнаго и побѣдоноснаго Русскаго Царя. Но затѣмъ опять загудѣли проклятыя шарманки, и мы едва отдѣлались отъ нихъ далеко за полночь, попросивъ расходившихся отъ этого развлеченія въ монотонной лагерной жизни буровъ дать намъ заснуть послѣ путешествія, чтобы на другое утро, до прибытія больныхъ, назначеннаго послѣ 12-ти часовъ, успѣть объѣхать интересовавшія насъ позиціи.

На слѣдующее утро, вставъ пораньше, мы съ нетерпѣніемъ ожидали лошадей, обѣщанныхъ намъ комендантомъ Бота. Сначала предполагалось, что сестра Россъ, не ѣздившая верхомъ, поѣдетъ съ г-жею фанъ-Риненъ въ небольшой таратайкѣ, мнѣ же и m-lle Мульдеръ были обѣщаны верховыя лошади; но въ этомъ расчетѣ были забыты наши русскіе доктора, желавшіе, конечно, принять участіе въ поѣздкѣ, и даже послѣ того, какъ мы обѣ уступили своихъ лошадей, одной лошади все же не хватало. Докторъ Веберъ, всегда уступчивый и внимательный къ чужому удовольствію, тотчасъ отказался отъ интересной прогулки въ пользу младшихъ товарищей и отправился на вторичный осмотръ мѣст-

Бурскій лагерь.

наго госпиталя; мы, дамы, вчетверомъ втиснулись въ экипажъ, и поѣздъ двинулся уже не по дорогѣ, а по сплошному, здѣсь довольно ровному фельду, испещренному по всѣмъ направленіямъ бороздами тяжелыхъ провіантскихъ фургоновъ и тропами конныхъ командъ; на всѣхъ же неистоптанныхъ мѣстахъ яркими пятнами краснѣли покрывающія здѣсь фельдъ мелкія красныя цинія.

Провезши насъ мимо главнаго лагеря генерала Жубера, который въ это время, къ сожалѣнію, былъ въ отсутствіи, нашъ провожатый подвезъ насъ къ подножію знаменитаго Ломбардскопа, холма господствующаго надъ всѣмъ Ледисмитомъ, послѣ занятія котораго бурской артиллеріей англичане принуждены были бросить жилыя помѣщенія въ городѣ и ютится въ норахъ и землянкахъ, вырытыхъ въ нависшемъ берегѣ рѣки. Уступивъ этотъ холмъ въ началѣ обложенія, въ первые моменты деморализаціи, англичане потомъ неоднократно пытались вновь занять его, такъ какъ, господствуя надъ городомъ и дѣлая положеніе въ немъ невыносимымъ, Ломбардскопъ вмѣстѣ съ тѣмъ господствовалъ и надъ многими изъ остальныхъ позицій осаждающихъ и, несомнѣнно, составлялъ ключъ всей осады. Одна изъ такихъ попытокъ, сдѣланная подъ личнымъ начальствомъ генерала Гунтера незадолго до нашей поѣздки, чуть не окончилась удачей, причемъ было даже захвачено и попорчено одно изъ тяжелыхъ осадныхъ орудій Крезо, извѣстныхъ у буровъ подъ именемъ Лонгтомовъ (Длинный Томъ). Орудіе, однако, было отбито благодаря храбрости подоспѣвшаго изъ своего лагеря гейдельбергскаго командо и впослѣдствіи исправлено на оружейномъ заводѣ въ Преторіи и отправлено на южный театръ военныхъ дѣйствій, куда къ этому времени перешелъ главный интересъ событій. Англичане, уже завладѣвшіе было позиціей, но не успѣвшіе на ней укрѣпиться, отброшены обратно въ городъ съ большими потерями.

Надо замѣтить, что часть Ломбардскопа лежала совершенно открыто подъ огнемъ англичанъ и была усѣяна осколками ихъ снарядовъ, значеніе же имѣлъ собственно далеко выдвинувшійся къ городу кряжъ, гдѣ и были поставлены орудія, и артиллеристы, ютившіеся здѣсь за грубыми прикрытіями, располагали только самой незначительной, относительно безопасной полосой, проходить же до нея приходилось въ постоянной опасности, уменьшенной только плохой стрѣльбой англичанъ. Зато стрѣльба молодыхъ, казалось бы неопытныхъ, бурскихъ артиллеристовъ изумляла всѣхъ иностранцевъ. Очень скоро примѣнившись къ разницѣ въ ружейномъ и пушечномъ прицѣлѣ, они затѣмъ внесли въ нее всю свою безошибочную вѣрность глазомѣра. Такъ, здѣсь, подъ Ледисмитомъ, не желая тратить пороха даромъ, они давно бросили стрѣлять по ле-

жавшему передъ Ломбардскопомъ, какъ на ладони, городу, который они легко могли обратить въ груду развалинъ, а дожидались выхода на улицу хотя бы одного человѣка, для насъ, европейцевъ, на этомъ разстояніи едва виднаго даже въ подзорную трубу; они же въ эту крошечную движущуюся точку били изъ пушки такъ же безошибочно, какъ изъ своихъ смертоносныхъ винтовокъ. Этимъ путемъ они очень скоро принудили сера Джорджа Уайта просить о нейтральности устроеннаго внѣ города лагеря для женщинъ, дѣтей и больныхъ, который и не обстрѣливался во все время осады, хотя было достовѣрно извѣстно, что онъ часто служилъ временнымъ убѣжищемъ не только мужского населенія Ледисмита, но даже усталымъ и деморализованнымъ солдатамъ. Вообще буры, избалованные первоначальнымъ постоянствомъ своего военнаго счастья, считали совершенно немыслимымъ, чтобы англичане когда нибудь прорвали линію Тугелы, и потому, ожидая со дня на день сдачи истощеннаго гарнизона Ледисмита, очень мало дѣлали, чтобы ускорить эту сдачу, считая ее неминуемой и не желая нести лишнія, хотя бы небольшія потери. Иначе несомнѣнно, что истощенный лишеніями и болѣзнями гарнизонъ въ этотъ послѣдній періодъ осады не могъ бы отразить мало-мальски энергической попытки занять городъ со стороны врага, уже господствовавшаго надъ нимъ на всѣхъ высотахъ. И надо отдать справедливость сэру Джорджу Уайту, что если самая идея запереться въ такой капканъ, какимъ, въ стратегическомъ отношеніи, является Ледисмитъ, разъ не имѣется возможности удержать окружающія высоты, въ военномъ отношеніи объясняется развѣ, какъ говорятъ, приказаніемъ министерства удержаться въ Сѣверномъ Наталѣ, то, разъ попавъ въ это незавидное положеніе, онъ, сначала раненый, потомъ заболѣвшій, проявилъ прямо удивительную энергію и стойкость своей отчаянной защитой въ очень тяжелыхъ условіяхъ.

Когда мы вернулись съ прогулки на Ломбардскопъ, приготовленія къ пріему больныхъ, назначенному послѣ 12-ти часовъ, были уже въ полномъ ходу. Въ этотъ день мы брали еще не главную партію раненыхъ, для доставки въ Преторію и другіе города собственнаго Трансвааля, а человѣкъ 12 лихорадочныхъ и, преимущественно, тифозныхъ, которыхъ требовалось удалить изъ переполненнаго летучаго лазарета въ Моддеръ-Спруйтѣ; мѣстнаго же санитарнаго персонала не хватало, чтобы отдѣлить необходимый составъ для перевозки больныхъ въ очень хорошую мѣстную больницу въ Дунди, занятую бурами подъ свой временной лазаретъ.

По недостатку собственно санитарныхъ вагоновъ они предназначались исключительно для раненыхъ или, въ крайнемъ случаѣ, незараз-

ныхъ больныхъ. Инфекціонные же больные перевозились въ товарныхъ вагонахъ, на матрацахъ, положенныхъ прямо на полъ. Такіе три вагона, изъ которыхъ одинъ для маленькой кухни, матеріала, багажа и вагонъ I-го класса для персонала, были теперь приготовлены недалеко отъ привезшаго насъ поѣзда. Въ отправку съ ними были назначены не бурскія сестры, а я съ сестрою Россъ и однимъ изъ санитаровъ. Мы тотчасъ принялись за переноску необходимыхъ вещей изъ санитарнаго поѣзда и устройство нашего незамысловатаго больничнаго помѣщенія. Вскорѣ стали прибывать больные на носилкахъ, и мы занялись ихъ размѣщеніемъ въ приготовленныхъ вагонахъ; но тутъ, при отправкѣ поѣзда, случился отчасти комическій, но все же очень непріятный инцидентъ.

По какому-то недоразумѣнію второй больничный вагонъ, предназначенный въ мое вѣдѣніе, не былъ своевременно прицѣпленъ къ поѣзду, и, пока я съ докторомъ и санитаромъ были заняты устройствомъ въ немъ больныхъ, администрація поѣзда, считая погрузку оконченной, распорядилась отъѣздомъ: былъ данъ свистокъ и на нашихъ глазахъ тендеръ съ остальными вагонами двинулся въ путь, не внимая никакимъ возгласамъ и призывамъ нашимъ и даже самого администратора, растерянно махавшаго и кричавшаго имъ вслѣдъ.

Послѣ первыхъ минутъ недоумѣнія вслѣдъ поѣзду была отправлена телеграмма; намъ же тотчасъ приготовили другой локомотивъ и мы нагнали свой поѣздъ на слѣдующей большой станціи Гленко, гдѣ намъ съ главной линіи, Дурбанъ-Ледисмитъ-Іоганнесбургъ-Преторія, предстояло свернуть на боковую вѣтвь Гленко-Дунди. Но до Гленко наше положеніе, какъ въ одной такъ и въ другой части такъ странно раздѣленнаго поѣзда, было крайне непріятное. Съ одной стороны сестра Россъ не только безъ доктора, но даже безъ всякаго бѣлаго помощника, со штатомъ непривычной для насъ чернокожей прислуги на цѣлый вагонъ больныхъ, между которыми были очень тяжелые и слабые; съ другой мы—втроемъ (съ докторомъ и санитаромъ), лишенные не только медицинскихъ средствъ, но какой-либо возможности удовлетворить самыя насущныя потребности больныхъ, такъ какъ все наше хозяйство—молоко, бульонъ, кофе, даже кипяченая вода--все уѣхало впередъ. Заготовленіе всего этого и устройство всѣхъ приспособленій при нашемъ случайно оставшемся вагонѣ взяло бы слишкомъ много времени; но, такъ какъ намъ надо было спѣшить за уѣхавшей половиной поѣзда, мы успѣли только захватить 1—2 непромокаемыхъ мѣшка съ водою, конечно, не кипяченой и потому непригодной для тифозныхъ. Понятно, что въ этихъ условіяхъ наше положеніе при такихъ больныхъ въ теченіе трехчасового переѣзда по желѣзной дорогѣ, при почти тропической жарѣ,

было мучительно. Докторъ, впрочемъ, вышелъ изъ него довольно просто и удобно: удалившись въ прицѣпленный для него вагонъ. Санитаръ оказался изъ описаннаго выше типа безпечныхъ и неотзывчивыхъ, также ушелъ на площадку вагона и приходилъ только по моему требованію и то очень неохотно. Мнѣ же досталась тяжелая задача безъ всякихъ приспособленій, даже безъ питьевой воды, кое-какъ успокаивать въ этотъ ужасный переѣздъ моихъ несчастныхъ, отчасти бредящихъ больныхъ. Къ счастью, со мной случайно оказалась фляжка съ о-де-колономъ, такъ что явилась возможность, смѣшавъ его съ имѣвшейся въ небольшомъ количествѣ сырой водой, по крайней мѣрѣ смачивать горѣвшія головы, и я никогда не забуду благодарные взгляды моихъ бѣдныхъ страдальцевъ за это незначительное и столь недостаточное облегченіе. Затѣмъ на первой же промежуточной станціи мнѣ удалось обойти также недостатокъ прокипяченой остуженой воды. Поставивъ себѣ за правило возить съ собою изъ личныхъ вещей только самыя необходимыя, мнѣ всегда удавалось втиснуть въ свои сѣдельные мѣшки и ручную корзинку нѣкоторые предметы, часто очень необходимые и за которыми не всегда возможно обращаться къ разнымъ администраторамъ: лишнія полотенца или даже просто тряпки для компрессовъ, спички, чай, сахаръ, фрукты или фруктовую эссенцію для придачи вкуса водѣ и т. п. мелочи. Проѣздомъ въ Берлинѣ я купила одно очень остроумное приспособленіе для полученія чаю безъ необходимости возить съ собою неудобный въ небольшой укладкѣ чайникъ: чайная ложка съ защелкивающимся поверхъ ситечкомъ, такъ что стоитъ положить въ нее щепотку чаю и опустить на нѣсколько минутъ въ кипятокъ, чтобы получился не очень крѣпкій, но ароматическій напитокъ, лишенный всѣхъ вредныхъ свойствъ перестоявшагося чаю. Заставивъ санитара достать мнѣ на станціи кипятку, я имѣла возможность приготовить такой чай; но тутъ явилось другое затрудненіе: англичане, голландцы, а за ними и буры пьютъ чай страшно крѣпкій, перестоявшійся, даже кипяченый, не иначе, какъ съ молокомъ или сливками, и никакого иного способа приготовленія не понимаютъ, такъ что я опасалась, чтобы мои больные совершенно не отказались попробовать единственный напитокъ, который я имѣла возможность имъ предложить. Тогда я пустилась на хитрость: объявила, что сейчасъ сдѣлаю имъ чай, не такой, какъ они привыкли имѣть, а какой у насъ, въ Россіи, даютъ больнымъ, и это очень вкусно и, навѣрное, имъ понравится. Невиданное ими приспособленіе (ложка) заинтересовало тѣхъ изъ нихъ, которые были еще въ состояніи чѣмъ-либо интересоваться, и когда я, приготовивъ первую кружку и выжавъ въ нее ломтикъ бывшаго со мною лимона, подала ее одному изъ нихъ, онъ тотчасъ

согласился попробовать и, сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, объявилъ товарищамъ, что это «mny» и «lecker» (очень хорошо и вкусно). Послѣ этого мой русскій чай, какъ и много разъ впослѣдствіи, имѣлъ большой успѣхъ и позволилъ намъ терпѣливѣе дотянуть до Гленко, гдѣ мы нагнали свой бѣглый поѣздъ и у насъ явились всѣ необходимыя приспособленія для ухода и питанія.

Уже по темному, часовъ въ 8, пріѣхали мы въ Дунди и были встрѣчены мѣстнымъ докторомъ, очень знающимъ и энергичнымъ нѣмцемъ изъ Регенсбурга, большимъ патріотомъ, какъ всѣ баварцы, и мы съ наслажденіемъ вспоминали съ нимъ его прекрасное и мнѣ хорошо знакомое отечество. На станціи съ докторомъ оказались мѣстные санитары и все было приготовлено къ быстрой и удобной доставкѣ нашихъ больныхъ въ ихъ лазаретъ, расположенный въ прежней англійской больницѣ. Здѣсь работало три нѣмецкихъ сестры, поочередно завѣдывавшихъ уходомъ, хозяйствомъ, и даже, съ помощью черной прислуги, стряпавшихъ на больныхъ. Та изъ сестеръ, которая въ эту ночь была дежурной, уступила свою комнату сестрѣ Россъ и мнѣ: докторъ Т. ночевалъ у своего коллеги, гдѣ и мы, прежде чѣмъ отправиться къ гостепріимнымъ сестрамъ, нашли вкусный и обильный ужинъ. За этимъ ужиномъ мы познакомились съ пришедшимъ для этого мѣстнымъ ландростомъ изъ буровъ, назначеннымъ послѣ оккупаціи, г-номъ да-Корте, еще молодымъ, очень умнымъ, живымъ и энергичнымъ человѣкомъ, съ манерами, болѣе полированными, болѣе приближающимися къ европейскимъ формамъ общежитія, чѣмъ у большинства его соотечественниковъ, но крайне деспотичнымъ и грубымъ не только съ чернокожими, но и съ мѣстнымъ бѣлымъ населеніемъ англійской національности. Эту черту да-Корте, въ другихъ отношеніяхъ дѣльнаго и распорядительнаго администратора, осуждали при насъ впослѣдствіи даже люди крайнихъ націоналистическихъ стремленій и высокаго общественнаго положенія; теперь же мы сами были свидѣтельницами маленькаго инцидента, хорошо рисующаго какъ натянутость отношеній между да-Корте и мѣстнымъ населеніемъ, такъ и вообще ожесточеніе англійскаго элемента, особенно сильнаго въ Наталѣ. По приглашенію да-Корте, на слѣдующее утро мы завтракали съ нимъ и его женой, симпатичной и тихой молодой голландкой, и тутъ, желая оказать намъ возможно больше вниманія и любезности, ландростъ, не довольствуясь цвѣтами, въ изобиліи росшими въ его собственномъ саду [1]), послалъ свою малень-

[1]) Т. е., въ саду дома, отданнаго ему послѣ оккупаціи на временное жительство, изъ числа домовъ, оставленныхъ ихъ владѣльцами, выселившимися въ безопасную приморскую полосу.

кую 10-тилѣтнюю дочь попросить для «пріѣзжихъ сестеръ» особенно красивыхъ розъ, замѣченныхъ нами въ саду одного изъ мѣстныхъ жителей. Упорный англичанинъ отвѣчалъ, что «для бурскихъ сестеръ у него нѣтъ розъ», и я сильно боюсь, что послѣ нашего отъѣзда взбѣшенный, но сдержавшійся при насъ да-Корте могъ дать ему почувствовать кому въ данную минуту принадлежатъ и розы, и вся страна. Въ отношеніи къ намъ ландростъ былъ воплощеніе любезности и предупредительности; разговоръ его замѣчательно интересенъ и содержателенъ. Ему мы обязаны интересной прогулкой въ экипажѣ по всей мѣстности недавняго сраженія, на извѣстную Смитсъ-фармъ, къ подножію той горы—Талана гиль—при штурмѣ которой былъ смертельно раненъ генералъ Саймондсъ. Еще въ Преторіи мы слышали много толковъ объ этой частичной неудачѣ буровъ, много страстныхъ нападокъ на генерала Эразмуса, необъяснимое бездѣйствіе котораго позволило противнику направить всю тяжесть удара на позиціи генерала Лукаса Мейэра, тогда какъ онъ могъ бы, да по выработанному плану и былъ обязанъ, взять англичанъ между двухъ огней въ ложбинѣ, что, вѣроятно, привело бы къ сдачѣ всей колонны Саймондса - Юля. Теперь мы съ двойнымъ интересомъ обходили всѣ важнѣйшіе пункты при ясныхъ и толковыхъ объясненіяхъ да-Корте.

Эту прогулку мы совершили рано утромъ, еще до завтрака у ландроста, такъ какъ уже въ 11 часовъ былъ назначенъ отъѣздъ обратно въ Моддеръ-Спруйтъ. До этого отъѣзда мы навѣстили своихъ вчерашнихъ больныхъ и нашли ихъ отдохнувшими за ночь и съ наслажденіемъ пользующимися комфортомъ хорошо устроенной и не переполненной больницы. А затѣмъ, проѣхавъ обратно уже спокойно путь, сопряженный наканунѣ съ такими заботами и треволненіями, часамъ къ 5-ти прибыли въ Моддеръ-Спруйтъ и нашли тамъ уже въ полномъ разгарѣ пріемъ хирургическихъ больныхъ. Остававшіеся въ санитарномъ поѣздѣ, пріѣхавшіе туристами, русскіе доктора начали этотъ пріемъ по просьбѣ администраціи поѣзда, не знавшей въ точности, когда, при случайностяхъ военнаго времени, можно ожидать изъ Дунди поѣздного врача, чтобы не задерживать больныхъ и доставившій ихъ персоналъ. По прибытіи доктора Т. они, хотя всѣ старше его и годами и еще болѣе опытомъ, тотчасъ объяснили ему причины, заставившія ихъ временно взяться за исполненіе его обязанностей, и вполнѣ корректно, какъ завѣдывающему врачу, сдали ему отчетъ всего сдѣланнаго ими и вообще всего касающагося уже принятыхъ больныхъ. Къ величайшему нашему удивленію, д-ръ Т. не только не высказалъ самой простой, принятой въ такихъ случаяхъ, благодарности, но, напротивъ, очень сухо заявилъ, что теперь со своимъ

дѣломъ справится самъ и прежде всего занялся снятіемъ всѣхъ повязокъ, только что наложенныхъ его коллегами, причемъ обнаружилъ такую неловкость и неопытность, что сестра Россъ и я часто не знали, какъ соблюсти декорумъ съ врачемъ, которому мы были подчинены, но пріемы котораго возбуждали у насъ не то смѣхъ, не то досаду.

Помню одного бура съ прострѣленной лѣвой стороной груди, которому наши доктора только что наложили повязку, иммобилизирующую лѣвую руку, чтобы предохранить рану отъ раздраженія при движеніи поѣзда, здѣсь въ Наталѣ, особенно неровномъ вслѣдствіе множества подъемовъ, спусковъ и крутыхъ изгибовъ желѣзнодорожнаго пути, обусловленныхъ характеромъ мѣстности. Этой повязкой, наложенной совмѣстно тремя спеціалистами этого дѣла, я прямо залюбовалась, еще не зная ея происхожденія и приписывая ее Моддеръ-Спруйтскому лазарету. Д-ръ же Т., даже не приступая къ осмотру болѣе сомнительныхъ случаевъ, прежде всего поторопился срѣзать эту повязку, наперекоръ самымъ элементарнымъ правиламъ хирургіи, требующей, чтобы, при неизбѣжно антисанитарныхъ условіяхъ даже хорошо организованной перевозки, раны открывались только въ случаяхъ крайней необходимости; а затѣмъ, совершенно ненужнымъ образомъ покопавшись въ ранѣ, вмѣсто иммобилизирующей повязки, удовольствовался мѣстной перевязкой самой раны и подвѣшиваніемъ руки на косынку, что, при быстромъ и неровномъ движеніи поѣзда, было, конечно, совершенно недостаточно. Больной очень скоро сталъ жаловаться на нестерпимую боль отъ тряски и, при нежеланіи д-ра Т. сознаться въ своей ошибкѣ и сдѣлать, или поручить намъ сдѣлать, правильную и цѣлесообразную повязку, мнѣ же, по его распоряженію, пришлось разными, совершенно ненаучными способами, по возможности, укрѣпить руку и уменьшить страданіе отъ переѣзда.

Наши доктора къ этимъ выходкамъ д-ра Т. отнеслись крайне добродушно: одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что «вотъ комикъ» (ein comischer Kerl), а затѣмъ всѣ они преспокойно занялись флиртомъ съ тѣми изъ сопровождавшихъ насъ дамъ, которыя обнаруживали склонность къ этому препровожденію времени. Надо сказать, что и я приписываю странности въ манерѣ и обращеніи съ больными д-ра Т. скорѣе всего его неопытности, которую онъ передъ нами, сестрами, вѣроятно, надѣялся замаскировать рѣшительными и авторитетными пріемами, болѣе же опытныхъ коллегъ постарался вовсе отстранить вышесказаннымъ неловкимъ способомъ. Съ нами, сестрами, онъ, послѣ перваго весьма строгаго приступа, при знакомствѣ и началѣ поѣздки въ Дунди, убѣдившись, что мы оказываемъ ему все желательное вниманіе и подчиненіе, а иногда помо-

гаемъ даже выпутываться изъ затрудненій, замѣнилъ свою первую величественную манеру нѣжливой и любезной и даже предоставлялъ намъ значительную свободу дѣйствій. Тѣмъ не менѣе, работа при такихъ условіяхъ, конечно, очень осложнялась и была очень утомительна для нервовъ, вслѣдствіе постояннаго чувства отвѣтственности и невозможности ожидать отъ завѣдывающаго врача толковаго совѣта или указанія; напротивъ, постоянно приходилось страдать за больныхъ при видѣ практикуемыхъ имъ вполнѣ наивно варварскихъ способовъ леченія. Не говоря уже о противной не только всѣмъ правиламъ хирургіи, но даже простому здравому смыслу маніи безъ всякихъ показаній снимать всѣ повязки на ходу поѣзда, да еще при вечернемъ освѣщеніи стеариновыми свѣчами, которыя приходилось подносить къ самой ранѣ въ очень неудобныхъ и даже опасныхъ условіяхъ, его неумѣнье обращаться съ ранами и вмѣстѣ отвага, съ которой онъ безъ всякой нужды въ нихъ копался, представляли нѣчто просто феноменальное. Особенно меня возмущала полная неспособность этого господина сообразить степень болѣзненности производимыхъ имъ такъ легкомысленно манипуляцій: о страданіи онъ вообще судилъ по степени нетерпѣнія, обнаруживаемаго больнымъ, тогда какъ всякій немного привычный хорошо знаетъ, что это часто бываетъ какъ разъ наоборотъ. Его же наивность въ этомъ отношеніи доходила иногда прямо до курьезовъ. Такъ, передъ самымъ отходомъ поѣзда, когда пріемъ раненыхъ изъ Моддеръ-Спруйта былъ уже оконченъ, къ намъ поступили непосредственно съ перевязочнаго пункта на Тугелѣ двое раненыхъ — одинъ буръ, получившій осколокъ лидитнаго снаряда въ глазъ, и другой—европеецъ, уже нѣсколько лѣтъ жившій въ Трансваалѣ—баронъ Мальцанъ. Высокій, широкоплечій, помню какъ, еще не зная имени Мальцана, несмотря на оборванный, прострѣленный, заваленный въ землѣ и крови мѣстный костюмъ, меня сразу поразило въ немъ то, нѣчто неопредѣлимое, что называется породой, то, что бѣлая головная повязка сидѣла на немъ точно круглый шлемъ начала среднихъ вѣковъ. Получивъ во время рекогносцировки рану пулей, которая, раздробивъ ему челюсть съ обѣихъ сторонъ, выбивъ 4 зуба и поранивъ по пути мягкія части рта, засѣла на лѣвой сторонѣ лица не очень далеко отъ поверхности, Мальцанъ, до возвращенія къ своимъ позиціямъ, говорятъ, не подалъ даже виду бывшимъ съ нимъ товарищамъ. Перевязанный на передовомъ санитарномъ пунктѣ и тотчасъ пересланный къ намъ, казалось бы имѣлась полная возможность ограничиться дезинфицирующимъ прополаскиваніемъ рта до перваго большого госпиталя—въ Ньюкастлѣ, куда онъ и былъ сданъ на слѣдующій день—и не усугублять и безъ того ужаснаго страданія безполезнымъ зондиро-

Санитарный поѣздъ Трансваальскаго отряда Краснаго Креста.

(На Моддеръ-Сируйтѣ).

ваніемъ въ антигигіеническихъ условіяхъ общаго больничнаго вагона движущагося поѣзда, при освѣщеніи одной стеариновой свѣчей, которую я была принуждена совать больному чуть ли не въ самый ротъ. Болѣе того, расходившійся докторъ едва удержался тутъ же сдѣлать ему операцію извлеченія пули, съ которой впослѣдствіи не торопились даже въ благоустроенномъ госпиталѣ. Во рту же онъ хозяйничалъ зондомъ и просто руками по ³/₄ часа кряду, пользуясь великолѣпной выдержкой Мальцана, ни разу не проронившаго стона. хотя блѣдность и страшно расширенные зрачки ясно выдавали адское страданіе. И въ ту минуту, когда я начинала бояться, что даже его силъ не хватитъ на эту безсмысленную пытку, докторъ обращается къ нему съ вопросомъ: «Вы ничего не чувствуете?» Мальцанъ съ трудомъ выговариваетъ: «Чувствую.» — «Да, но вѣдь очень сносно?» — Мальцанъ отвѣчаетъ: «Я выношу». Эту процедуру мы въ теченіе немного болѣе 24-хъ часовъ, что Мальцанъ былъ на нашемъ попеченіи, продѣлывали 2 раза, а до Преторіи успѣли бы и еще на немъ поупражняться, если бы администрація поѣзда, по просьбѣ русскихъ докторовъ, знавшихъ о непріятномъ положеніи товарищей въ пустующемъ русскомъ госпиталѣ въ Ньюкестлѣ, не рѣшилась сдать туда нѣсколько человѣкъ больныхъ, въ число которыхъ попалъ и онъ. Тамъ ему своевременно была сдѣлана операція—пуля извлечена, удалено нѣсколько секвестровъ, и онъ довольно быстро совершенно поправился.

Кромѣ Мальцана, между этими первыми нашими больными было немало новыхъ для насъ интересныхъ типовъ. Былъ тутъ и африкандеръ изъ Капской колоніи, съ самаго начала войны съ двумя братьями примкнувшій къ трансваальскимъ бурамъ въ надеждѣ завоевать свободу своей родинѣ. Онъ страдалъ не отъ раны, а отъ ревматизма, схваченнаго въ холодныя ночи въ сырыхъ землянкахъ, и очень тосковалъ по старухѣ матери, о которой не имѣлъ извѣстій и свиданіе съ которой казалось немыслимо иначе, какъ черезъ полную побѣду буровъ. Былъ и молодой англичанинъ 13-го гусарскаго полка, человѣкъ весьма порядочный, въ противоположность большинству англійскихъ рядовыхъ, особенно позднѣйшаго періода, когда, при неимѣніи людей, стали комплектовать войска не только всякимъ сбродомъ, но даже преступниками, особенно, впрочемъ, пригодными для англійскихъ способовъ веденія этой войны. Этотъ молодой человѣкъ, раненый въ голову и кромѣ того, съ обѣими ногами, простреленными одной пулей, съ раздробленіемъ костей и сильно загноившимися ранами, такъ что ему грозила ампутація, высказывалъ большую признательность за уходъ и, скоро освоившись съ нами, хотя сдержано, однако, высказывалъ М-lle Мульдеръ и мнѣ, что вполнѣ понимаетъ спра-

ведливость дѣла буровъ, но, какъ солдатъ, не могъ не исполнить своего долга, всю же вину онъ и многіе изъ его товарищей сваливаютъ на министерство и биржевыхъ дѣльцовъ, впутавшихъ ихъ въ эту несправедливую войну. Подъѣзжая къ Преторіи, мы обѣщали навѣстить его, но это намъ такъ и не удалось сдѣлать вслѣдствіе строгостей, сопряженныхъ въ то время съ посѣщеніемъ плѣнныхъ, особенно кѣмъ-либо изъ иностранцевъ. Строгости эти, хотя иногда очень неудобныя, были отнюдь не проявленіемъ жестокости къ плѣннымъ, вообще чуждой бурамъ, или неумѣстной подозрительности. Въ самомъ началѣ войны дѣло было поставлено совсѣмъ иначе, но скоро обнаружилась такая возня нѣсколькихъ легкомысленныхъ и скучающихъ дамъ съ помѣщенными въ самой Преторіи англійскими офицерами, въ формѣ бросанія цвѣтовъ, конфектъ, записокъ, разговоровъ черезъ ограду, что правительство сочло за лучшее ограничить доступъ къ нимъ дѣйствительно уважительными причинами. Кромѣ того, при наличности англійскаго элемента среди жителей и наплывѣ иностранцевъ было очень трудно контролировать ихъ лояльность и намѣренія; нѣсколько случаевъ бѣгства плѣнныхъ, изъ которыхъ побѣгъ корреспондента Daily News Уинстона Черчиля надѣлалъ шуму во всей европейской печати, принудили къ еще бóльшей осторожности, и подозрительность стала такъ сильна, что даже наиболѣе уважаемые изъ мѣстныхъ жителей затруднялись пользоваться своимъ вліяніемъ для доставленія пропусковъ къ плѣннымъ. Такимъ образомъ, г-жѣ Мульдеръ было, кажется, поставлено на видъ, что свояченицѣ статсъ-секретаря неудобно подавать примѣръ исключительной заботы объ англичанинѣ, хотя бы раненомъ, и ея старанія доставить мнѣ этотъ пропускъ вначалѣ не увѣнчались успѣхомъ; когда же установившееся личное знакомство съ Рейцемъ позволило мнѣ надѣяться на его личную помощь въ этомъ дѣлѣ, мы были уже наканунѣ отъѣзда изъ Преторіи, да и событія сложились такъ мрачно, что было не до визитовъ англичанамъ.

Изъ буровъ было нѣсколько человѣкъ, живо заинтересовавшихъ насъ своими разсказами. Одинъ изъ нихъ представлялъ даже настолько интересный хирургическій случай, что, снявъ его повязку, по присущей ему дурной привычкѣ, д-ръ Т. не утерпѣлъ—позвалъ для его осмотра столь безцеремонно отстраненныхъ имъ русскихъ докторовъ и это повело къ возобновленію между ними болѣе товарищескихъ отношеній. Этотъ молодой малый, лѣтъ 16-ти, хотя съ головой совершенно закрытой повязкой, такъ что свободнымъ оставался одинъ правый глазъ, повидимому, такъ хорошо себя чувствовалъ, все время былъ на ногахъ, выходилъ на станціяхъ, оказывалъ услуги лежавшимъ товарищамъ, спорилъ съ

плѣннымъ англичаниномъ о достоинствахъ обѣихъ націй, разсказывалъ намъ о своемъ плѣнѣ уже послѣ полученія раны и бѣгствѣ изъ него, что мы считали его рану совершенно поверхностной и не имѣющей значенія. Каково же было всеобщее удивленіе, когда, по совлеченіи повязки, у него входное отверстіе оказалось немного ниже затылочнаго бугра, выходное же спереди подъ внутреннимъ угломъ глаза. По изслѣдованіи оказалось, что пуля все же не затронула собственно мозговой полости, а прошла подъ основаніемъ черепа, черезъ каменистую часть височной кости, проникла въ клиновидную и рѣшетчатую кость, вышла наружу у внутренняго глаза, не затронувъ глазного нерва[1]). По словамъ больного, раны и вначалѣ, почти не кровоточили, а было кровотеченіе изъ лѣваго уха. Англичане, захвативъ его въ такомъ видѣ (подъ Ледисмитомъ) не дали себѣ даже труда его перевязать, а съ двумя другими сунули его въ огороженную яму, служившую имъ помѣщеніемъ для плѣнныхъ, куда ежедневно бросали имъ три сухаря на человѣка; правда, что у нихъ у самихъ въ это время съѣстные припасы истощились. Наскучивъ этимъ режимомъ, нашъ раненый на третій день вылѣзъ изъ своей тюрьмы и добрался до своихъ позицій, гдѣ былъ, наконецъ, перевязанъ и доставленъ въ Моддеръ-спруйтскій лазаретъ.

Еще болѣе типичныя подробности насчетъ веденія войны англичанами и ихъ отношенія къ плѣннымъ врагамъ разсказывалъ мнѣ другой раненый—Алексъ (Александръ) Брандъ, сынъ покойнаго президента Оранжевой республики и создателя ея государственнаго строя, сэра Джона Бранда. Блажной и вѣтреный малый, страшно избалованный, какъ младшій въ семьѣ, Алексъ Брандъ обладалъ, однако, замѣчательной энергіей и силой воли въ перенесеніи боли. Онъ былъ раненъ на Спіонскопѣ, на той позиціи, которую въ ночь съ 19-го на 20-е января (1900 г.) занялъ непріятель подъ начальствомъ полковника Вудгета. Остальную часть холма англичанамъ не удалось занять, благодаря энергіи и распорядительности генерала Л. Бота, и, продержавшись здѣсь трое сутокъ съ большою стойкостью[2]) въ очень тяжелыхъ условіяхъ, они принуждены были отступить обратно къ позиціямъ не поддержавшаго ихъ своевременно генерала Уаррена. Въ теченіе этихъ трехъ дней англичане и буры, владѣвшіе каждый частью вершины Спіонскопа, находились на очень близкомъ разстояніи, и буры были страшно озлоблены упорствомъ,

[1]) Ф. К. Веберъ. Объ огнестрѣльныхъ поврежденіяхъ новѣйшими снарядами на основаніи наблюденій, произведенныхъ въ послѣднюю англо-трансваальскую войну.

[2]) Подъ начальствомъ полковника Торникрофта, замѣнившаго смертельно раненаго Вудгета.

съ которымъ непріятель отвергалъ всѣ ихъ попытки войти въ соглашеніе, чтобы убрать мертвыхъ и раненыхъ, валявшихся на пространствѣ раздѣлявшемъ позиціи. Раненымъ бурамъ, оставшимся на занятомъ ими пространствѣ, англичане не только не подали первой помощи, но не дали глотка воды, такъ что они буквально умирали отъ жажды въ страшныхъ мукахъ. Но были факты еще болѣе возмутительные. Послѣ отступленія англичанъ занявшіе возвращенную позицію буры дѣятельно занялись помощью еще уцѣлѣвшимъ раненымъ. И вотъ, одинъ молодой мальчикъ, подавая раненому соотечественнику фляжку съ водой, слышитъ недалеко стонъ и просьбу: «воды». Онъ посмотрѣлъ и, видя, что это англичанинъ, хотѣлъ было оставить его безъ вниманія; но старый буръ отнялъ фляжку ото рта и замѣтилъ ему: «это врагъ, но павшій, раненый, пойди и напой его». Мальчикъ повиновался, но, вѣроятно, желая сохранить часть воды для своихъ, сталъ изъ фляжки наливать въ походный стаканъ, и, чтобы сдѣлать это, положилъ бывшее у него въ рукахъ ружье рядомъ съ англичаниномъ; тогда этотъ послѣдній схватилъ ружье и выстрѣломъ въ упоръ наповалъ убилъ подававшаго ему пить, за что, понятно, былъ тутъ же убитъ.

Между ранеными Брандъ легче другихъ перенесъ эти три мучительныхъ дня, благодаря тому, что упалъ недалеко отъ воды и вслѣдствіе этого не страдалъ отъ жажды. Доставленный въ моддеръ-спруйтскій лазаретъ, его раны стали скоро и вполнѣ гладко заживать. Но лежанье на голой землѣ во время сырыхъ и холодныхъ южно-африканскихъ ночей отозвалось у него, вѣроятно, простудой и раздраженіемъ чувствительныхъ нервовъ раненой ноги (лѣвой, прострѣленной выше колѣна). Даже послѣ того, какъ оба пулевыхъ отверстія зарубцевались безъ всякихъ дурныхъ симптомовъ, у него продолжалась нестерпимая, доходившая до судорогъ въ остальномъ тѣлѣ, боль этой ноги, мѣшавшая, конечно, движенію и даже здоровому сну. Въ этомъ положеніи онъ былъ доставленъ въ нашъ поѣздъ и скоро привлекъ мое вниманіе какъ особенно сильнымъ страданіемъ, такъ и мужествомъ, съ которымъ онъ его переносилъ, стиснувъ зубы на трубкѣ, которую я ему постоянно набивала, такъ какъ, кромѣ ноги, у него была еще легкая, но плохо зарубцованная рана правой руки. Единственная жалоба, которую я отъ него слышала, это, что онъ не спитъ уже три недѣли и сойдетъ съ ума, если не заснетъ. При полной безпомощности доктора Т. передъ всякимъ, сколько-нибудь затруднительнымъ случаемъ, мнѣ пришлось самой добиваться какого-нибудь способа доставить бѣдному малому это успокоеніе и я случайно напала на долгое и терпѣливое примѣненіе массажа, вызвавшаго, нако-

нецъ, временное прекращеніе боли и давшаго больному нѣсколько часовъ спокойнаго и здороваго сна.

Пріѣхавъ въ Преторію около часу дня, мы были встрѣчены на станціи санитарами разныхъ больницъ, по которымъ распредѣлялись прибывшіе больные. Навѣщая ихъ въ слѣдующіе дни до своего отъѣзда на работу всѣмъ отрядомъ, мы успѣли нѣсколько познакомиться съ больницами Преторіи и постановкою тамъ санитарнаго дѣла.

До войны въ Преторіи существовала только одна больница, вполнѣ удовлетворявшая всѣмъ нуждамъ населенія—такъ называемая Volkshospital, построенная въ 1890 году на государственныя средства, за городомъ, въ тѣнистомъ саду, куда выходятъ веранды для больныхъ, и вообще устроенная по всѣмъ правиламъ науки. Напримѣръ, хирургическое отдѣленіе поставлено согласно правиламъ современной асептики, что должно быть отмѣчено въ странѣ, гдѣ практиковало много англійскихъ врачей, насколько намъ пришлось видѣть, вообще мало знакомыхъ съ этой системой и ярыхъ ея противниковъ. Но больницей завѣдывалъ голландецъ д-ръ Кольфъ, соотечественники котораго, какъ мы могли убѣдиться на бывшихъ съ нами хирургахъ-голландцахъ, большие приверженцы асептики, хотя иногда и смѣшанной (что въ полевой хирургіи, впрочемъ, неизбѣжно); консультантомъ же по хирургіи состоялъ, кончившій курсъ въ Юрьевскомъ университетѣ, русскій докторъ Гернетъ: чѣмъ и объясняется вполнѣ правильная постановка этой отрасли медицины. Въ началѣ войны въ Volkshospital поступало много хирургическихъ больныхъ, но потомъ возникли упомянутыя уже мною несогласія между постояннымъ медицинскимъ управленіемъ, къ вѣдѣнію котораго принадлежала эта больница и трансваальскимъ Краснымъ Крестомъ, завѣдывавшимъ эвакуаціей больныхъ отъ фронта и санитарными поѣздами; вслѣдствіе этихъ мѣстныхъ счетовъ, большинство хирургическихъ больныхъ направлялось во временной госпиталь, устроенный 1-й голландской амбуланціей въ зданіи школы дѣвушекъ (Stadtmädchenschule); расположенный внутри города, но весь окруженный густою зеленью, онъ въ хирургическомъ отношеніи былъ поставленъ вполнѣ удовлетворительно и обладалъ даже приспособленіями для изслѣдованія посредствомъ лучей Рентгена и рентгеновскаго фотографированія.

Кромѣ того, въ Преторіи, во время войны, былъ еще такъ называемый Berks-hospital—больница Берка, богатаго англичанина изъ мѣстныхъ жителей, въ знакъ своей лояльности устроившаго ее въ зданіи мужской гимназіи. И сюда, какъ и въ Volkshospital, поступали преимущественно терапевтическіе, спеціально тифозные больные, хотя имѣлись всѣ нужныя приспособленія для хирургическаго ухода. Къ концу нашего

пребыванія въ Трансваалѣ, т. е. въ апрѣлѣ—маѣ мѣсяцѣ, вернувшаяся отъ фронта (послѣ многихъ приключеній и опасностей), нѣмецкая амбуланція открыла еще въ Преторіи свой очень хорошо устроенный госпиталь.

Внѣ города въ округѣ Ватерфаль [1]) —совершенно отличной отъ Ватерфаля boven и Ватерфаля onder, посѣщенныхъ нами проѣздомъ изъ Лоренцо-Маркеза, близъ лагернаго помѣщенія для плѣнныхъ англичанъ-рядовыхъ, находился госпиталь, говорятъ, очень неудовлетворительнаго устройства и довольно плохо снабженный; но вѣдь надо вспомнить какія затрудненія испытывалъ бурскій комиссаріатъ въ снабженіи необходимымъ,даже собственные боевые отряды, также стоимость, а главное недостатокъ, даже въ специальныхъ складахъ вывозимыхъ изъ Европы лекарствъ и медицинскихъ принадлежностей: часть ихъ къ тому же сами англичане объявили военной контрабандой, забывая, что отъ недостатка ихъ будутъ страдать прежде всего многія тысячи ихъ плѣнныхъ соотечественниковъ. Весь образъ веденія ими этой войны, отчеты всѣхъ очевидцевъ вполнѣ освобождаютъ буровъ отъ всякаго упрека въ жестокости къ плѣннымъ или хотя бы невниманіи къ ихъ нуждамъ; но трудно было ожидать,чтобы они, часто затрудняясь правильно снабжать сражающихся защитниковъ страны, прежде нихъ думали о полномъ комфортѣ плѣнныхъ враговъ.

Въ окрестностяхъ Преторіи существовала еще хорошо устроенная лепрозорія,такъ какъ эта ужасная болѣзнь, вслѣдствіе несоблюденія гигіеническихъ правилъ,начала было распространяться,особенно между чернокожимъ населеніемъ; но осмотрѣть это учрежденіе мнѣ,къ сожалѣнію,не удалось.

Вообще, если доктора, послѣ нѣсколькихъ часовъ обязательной работы, еще находятъ время показывать своимъ гостямъ устройство и приспособленія своихъ больницъ, то сестры, особенно въ исключительныхъ условіяхъ дѣятельности,рѣдко имѣютъ возможность или даже охоту свободное время проводить въ объясненіяхъ посѣтителямъ.Такія посѣщенія часто служатъ серьезной помѣхой въ работѣ, и, зная это по собственному опыту, я, кромѣ случаевъ особеннаго интереса или исключительно хорошихъ личныхъ отношеній, всегда избѣгала безцѣльно скитаться по чужимъ больницамъ, оставляя ихъ осмотръ до необходимости навѣстить сданныхъ туда своихъ временныхъ больныхъ, всегда очень цѣнившихъ такія посѣщенія.

Большинство привезенныхъ нами въ этотъ разъ въ Преторію больныхъ лежали въ госпиталѣ «Школы Дѣвушекъ»; навѣщая ихъ, мнѣ пришлось обратить вниманіе на прирожденную благовоспитанность, ко-

[1]) Ватерфаль - водопадъ, названіе повторяющееся въ разныхъ мѣстахъ Трансвааля.

торой отличается большинство даже мало образованных буровъ. Приходя къ своимъ больнымъ, я, обыкновенно, запасалась для нихъ фруктами, менѣе обильными тогда въ Преторіи вслѣдствіе прекращенія подвоза изъ английскихъ областей и всегда составляющими лучшее баловство для больныхъ, особенно раненыхъ. Надѣляя своихъ, нельзя же было обходить лежавшихъ рядомъ съ ними больныхъ. И тутъ въ манерѣ брать и благодарить, мнѣ много разъ приходилось радоваться этой природной деликатности «грубыхъ и неотесанныхъ буровъ». Особенно поразилъ меня одинъ эпизодъ. Придя какъ-то среди дня, я нашла большинство своихъ друзей въ большой бесѣдкѣ въ саду передъ госпиталемъ, гдѣ, подъ густою зеленью деревъ, переплетенныхъ вьющимися растеніями, ходячіе больные проводили иногда цѣлый день и куда выносили съ кроватями слабыхъ поправляющихся. Въ этотъ день сборище подъ деревьями оказалось особенно многолюднымъ и было видно, что оставшагося у меня винограда не можетъ хватить на всѣхъ присутствующихъ. Я была принуждена сказать: «мнѣ очень жаль, что я не могу угостить васъ всѣхъ, но, кому хватить, вы все же возьмите моихъ ягодъ». И ни одинъ не отказался отъ моего угощенія; но надо было видѣть, съ какимъ природнымъ тактомъ они брали по нѣсколько ягодъ, оставляя лучшія кисти слабымъ, такъ что, въ концѣ-концовъ, я обошла всѣхъ и отъ каждаго услышала нѣсколько искреннихъ и сердечныхъ словъ о томъ, какъ они цѣнятъ мое вниманіе и что имъ дороги не фрукты, а моя забота о нихъ. Мнѣ невольно вспомнились слова одной изъ мѣстныхъ дамъ: «я васъ увѣряю, сестра, что, когда вы ближе узнаете насъ, вы увидите, что у насъ много благородной крови и что буръ отъ рожденія джентельменъ (a born gentleman).

ГЛАВА IV.

Интереснымъ и особенно пріятнымъ эпизодомъ моего второго пребыванія въ Преторіи было случайно завязавшееся у меня болѣе близкое знакомство съ семьей статсъ-секретаря Рейца. До поѣздки въ Наталь я разъ, со всѣми остальными членами отряда, была у Рейцовъ на четырехчасовомъ чаѣ въ саду. Здѣсь, кромѣ хозяевъ, насъ окружало почти все общество Преторіи и, конечно, былъ возможенъ только самый банальный обмѣнъ любезностей. Но въ санитарномъ поѣздѣ мнѣ, какъ я уже упоминала, пришлось работать съ M-lle Мульдеръ, одной изъ сестеръ г-жи Рейцъ, жившихъ въ ея домѣ. Эта молодая дѣвушка сразу привлекла мою симпатію своимъ серьезнымъ и сознательнымъ отношеніемъ къ дѣлу (въ противоположность нѣкоторымъ изъ ея спутницъ), горячимъ патріотиз-

момъ и очевиднымъ желаніемъ своими объясненіями и совѣтами помочь намъ, пріѣзжимъ, въ совершенно новой необычной обстановкѣ. Вслѣдствіе этого, у насъ, за короткое время поѣздки, установились настолько хорошія отношенія, что, по возвращеніи въ Преторію, мы продолжали видѣться почти ежедневно; я получила отъ г-жи Рейцъ приглашеніе приходить во всякое время, особенно вечеромъ къ ужину, и быстро сблизилась съ остальными членами семьи. Состоитъ она, кромѣ хозяина и хозяйки дома, изъ четырехъ взрослыхъ сыновей отъ перваго брака г-на Рейцъ, въ это время постоянно находившихся въ командо и вообще доблестно понесшихъ свою долю опасностей и лишеній этой войны. Двое старшихъ, Хіальмаръ и Жуберъ, испытали впослѣдствіи англійскій плѣнъ и провели много мѣсяцевъ—одинъ въ Индіи (въ Бомбеѣ), другой—на Бермудахъ. Въ бермудскомъ лагерѣ плѣнныхъ оказалось большое количество подростковъ, вообще составлявшихъ значительный и очень храбрый контингентъ трансваальскаго войска, и Жуберъ Рейцъ, не окончившій университетскаго курса въ Европѣ, потому что былъ вызванъ на защиту родины, чтобы противодѣйствовать изнуряющей тоскѣ долгаго плѣна, устроилъ для нихъ школу, гдѣ взялъ на себя роль учителя, устраивалъ чтенія для старшихъ и въ письмахъ къ матери только жаловался на недостатокъ популярно-научныхъ книгъ. Сыновья второй жены Рейца, красивой и симпатичной особы среднихъ лѣтъ, прекрасной матери семейства, были еще слишкомъ малы, чтобы принимать дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; они составляли прелестную живую лѣсенку здоровенныхъ мальчугановъ, отъ двѣнадцатилѣтняго Ганзей до прелестнаго бебе съ огромными темными глазами и крошечнымъ ротикомъ матери, рожденнаго въ самый день объявленія войны. Самая старшая, единственная дочь, Бетси, въ свои четырнадцать лѣтъ была уже настоящей маленькой хозяйкой, правой рукой матери. Вообще дѣти въ Трансваалѣ пользуются большой свободой, не отдѣляются отъ жизни старшихъ членовъ семьи, а, напротивъ, постоянно находятся въ ихъ обществѣ, раздѣляютъ ихъ труды и рано пріучаются къ самостоятельной дѣятельности. На фермахъ, гдѣ часто и восьмилѣтній мальчикъ, верхомъ, стережетъ и загоняетъ стада, а въ 12 является уже полноправнымъ помощникомъ отца, въ его отсутствіе ведетъ хозяйство, присматриваетъ за работой черной прислуги и распоряжается ею, такая общность жизни и интересовъ вполнѣ понятна. Но она, по традиціи, сохранилась и въ семьяхъ, по характеру дѣятельности отца перешедшихъ къ городской осѣдлости, и спеціально въ семьѣ Рейцъ меня всегда пріятно поражало сознательное отношеніе подростка Ганзей къ происходившимъ вокругъ него знаменательнымъ событіямъ, его освѣдомленность въ національной исторіи, въ

вопросахъ гражданской и военной организаціи и законодательства своей страны, причемъ всегда оказывалось, что источникомъ почти всѣхъ свѣдѣній, всего умственнаго развитія способнаго отъ природы мальчика, являлся отецъ, находившій возможность урывать время отъ своихъ сложныхъ и трудныхъ государственныхъ обязанностей, чтобы своими объясненіями практически воспитывать въ сынѣ сознательнаго патріота и будущаго общественнаго дѣятеля.

Статсъ-секретарь Рейцъ пользуется у насъ меньшей извѣстностью и популярностью, чѣмъ его младшіе современники, какъ Бота или Деветъ, своими яркими военными подвигами поразившіе воображеніе нашего общества. Тѣмъ не менѣе, онъ является однимъ изъ самыхъ значительныхъ и симпатичныхъ южно-африканскихъ дѣятелей послѣдняго тридцатилѣтія. Родомъ изъ Фрейштата, гдѣ даже существуетъ мѣстечко Рейцъ, онъ получилъ европейское университетское образованіе, и по развитію, широкому уму и разносторонности знаній, не уступитъ любому европейскому государственному дѣятелю. Его внѣшніе пріемы европейца-дипломата, умѣющаго безъ нужды не ссориться и съ противниками, долго вводили въ заблужденіе англійскихъ политиковъ, думавшихъ найти въ немъ поддержку для проведенія своихъ плановъ «объединенія» Южной Африки въ рукахъ ихъ эксплоататоровъ. Г-жа Рейцъ сама разсказывала мнѣ о частыхъ «дружескихъ» посѣщеніяхъ ихъ дома, во время бытности ея мужа президентомъ Фрейштата, тогдашнимъ англійскимъ губернаторомъ капской колоніи, сэръ Бенджаминомъ Робинсономъ и капскимъ премьеромъ, Сесилемъ Родсомъ, а также о нѣсколько неделикатной уловкѣ, посредствомъ которой они заставили его принять въ ихъ свитѣ и посадить за свой столъ еще не отличившагося тогда въ качествѣ разбойника д-ра Джемсона, но котораго (какъ нравственно нечистоплотную личность), онъ долго отказывался «впустить въ домъ своей жены». Англія такъ мало ожидала найти непреклоннаго и неподкупнаго врага въ любезномъ и, по внѣшнимъ пріемамъ, столь мягкомъ правителѣ маленькой сосѣдней республики, что, когда онъ во время путешествія въ Европу въ этомъ качествѣ представлялся съ женой покойной королевѣ Викторіи, имъ расточались самыя изысканныя любезности и Рейцу была, наконецъ, предложена лента ордена Бани съ титуломъ баронета, отличія, какъ извѣстно, принятыя его предшественникомъ, организаторомъ Фрейштата, президентомъ Брандомъ. Но Рейцъ отказался отъ англійскихъ орденовъ и титуловъ, сославшись на «свои республиканскія убѣжденія, какъ президента государства, гдѣ подобныя отличія не существуютъ».

Въ сущности, всѣ знающіе Рейца хорошо понимаютъ, что онъ вовсе

не односторонній республиканецъ, а человѣкъ широкаго политическаго такта, понимающій всѣ формы государственнаго устройства и установленные въ нихъ способы отличія, но что, ясно видя мотивы расточенныхъ ему любезностей и предвидя уже тогда возможность послѣдующихъ осложненій, онъ хотѣлъ сохранить полную нравственную независимость по отношенію къ завтрашнему вѣроятному противнику. Вернувшись къ своему посту, онъ продолжалъ трудную роль буфера и отчасти посредника между Англіей и Трансваалемъ, вслѣдствіе географическаго положенія Фрейштата выпадающую на долю ея президента, пока заботы и треволненія, бывшіе неизбѣжнымъ послѣдствіемъ хотя и неудачнаго набѣга Джемсона, не сломили его здоровья и не заставили его оставить должность президента, на которую былъ выбранъ Штейнъ. Отдохнувъ и окрѣпнувъ въ Европѣ, куда онъ пріѣзжалъ для леченья, Рейцъ поселился уже въ Преторіи, отчасти думая найти тамъ болѣе широкое примѣненіе своимъ юридическимъ знаніямъ, являвшимся теперь его единственнымъ источникомъ дохода, отчасти, вѣроятно, разсчитывая на возможность дальнѣйшей политической карьеры. И, дѣйствительно, не прошло трехъ лѣтъ, какъ онъ уже занималъ отвѣтственный, третій въ государствѣ, постъ статсъ-секретаря, т. е. перваго министра, черезъ руки котораго шло дѣлопроизводство по всѣмъ многочисленнымъ и разнообразнымъ отраслямъ внутренней и внѣшней политики. Рейцъ никогда не колебался въ своихъ націоналистическихъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ. И, тѣмъ не менѣе, его пониманіе и правильная оцѣнка всѣхъ хорошихъ сторонъ англійскаго вліянія, его сдержанность и осторожность во всемъ, что могло ускорить хотя бы и неизбѣжный кризисъ, были такъ велики, что до самаго начала войны ярые націоналисты обвиняли его въ двойственности, въ приверженности къ англійскимъ порядкамъ, готовности подчиниться англичанамъ и тому подобному. Однако, отъ всѣхъ подобныхъ обвиненій его могла бы оградить, относящаяся именно къ этимъ послѣднимъ годамъ, его дѣятельность политическаго писателя, гдѣ онъ, кромѣ горячаго патріотизма, основательнаго знанія исторіи и государственнаго права, выказываетъ еще недюжинный литературный и даже поэтическій талантъ, придающій его произведеніямъ этого типа живой интересъ и привлекательность. Вся политическая публицистика Рейца относится къ всепоглощающему для Южной Африки вопросу отношеній Англіи къ бурамъ, подданнымъ или переселенцамъ. Основательному изложенію этого вопроса посвящена книга, переведенная на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ «Ein Jahrhundert des Unrechts»—Столѣтіе несправедливости. Короче, но еще болѣе страстно, этотъ вопросъ трактуется въ вышедшей передъ самымъ началомъ войны брошюрѣ «Открытое письмо мистеру Чемберлену,

и, наконецъ, плѣнившись апологіей буровъ опубликованной извѣстной писательницей г-жей Оливіей Шрейнеръ подъ именемъ «Words in Season переводъ этого произведенія былъ сдѣланъ подъ его руководствомъ и отчасти имъ самимъ.

Понятно, насколько въ своихъ отношеніяхъ къ дому Рейцъ я, кромѣ удовольствія встрѣтить въ далекой странѣ постоянный радушный пріемъ, въ такой милой и симпатичной семьѣ, цѣнила возможность получать массу интересныхъ свѣдѣній и объясненій по текущимъ вопросамъ изъ столь авторитетнаго источника. Приходя, обыкновенно, вечеромъ, я находилъ дамъ за работой, такъ какъ, при скромныхъ личныхъ средствахъ, жена статсъ-секретаря Трансвааля и ея сестры обшивали себя и всю семью и еще находили время на изготовленіе теплаго платья для посылки въ лагери въ виду предстоявшаго зимняго похода. И ненадо представлять себѣ, что домашняя работа поневолѣ наполняетъ здѣсь все свободное время, такъ какъ ею ограничивается умственный кругозоръ, какъ это дѣйствительно было для многихъ бурскихъ женщинъ стараго поколѣнія. Молодое поколѣніе бурскихъ женщинъ изъ достаточныхъ семей получило образованіе въ Голландіи или въ англійскихъ пансіонахъ Капштата и въ этомъ отношеніи мало разнится отъ европейскихъ дѣвушекъ; но на нихъ рано кладетъ своеобразный и симпатичный отпечатокъ самостоятельность, предоставляемая имъ въ семьѣ, выказываемое имъ уваженіе, а также требованіе непосредственнаго участія въ хозяйствѣ, даже въ семьяхъ наиболѣе высокопоставленныхъ членовъ правительства. Такъ и у Рейцовъ уютная обстановка, цвѣты, большое количество книгъ и иллюстрированныхъ изданій, преимущественно англійскихъ, свидѣтельствовали объ истинной культурности при замѣчательной простотѣ частной жизни. Симпатичный для меня моментъ вечера было появленіе младшихъ членовъ семьи для прощанья на ночь, и особенно моего любимца бебе на рукахъ матери, только что изъ ванны.

Въ $7^1/_2$ часовъ подавался ужинъ самый простой, но здоровый и хорошо приготовленный, и затѣмъ исчезали даже Бетси и Гандзей, и въ столовой оставались только старшіе. Тогда для меня наступала наиболѣе интересная и цѣнимая мною часть вечера. Хозяинъ дома не всегда присутствовалъ за ужиномъ или же очень торопился, занятый до этого поздняго часа дѣловыми распоряженіями, а иногда и посѣщеніями правительственныхъ лицъ или иностранныхъ консуловъ. Но немного освободившись, часовъ въ 9, онъ охотно сбрасывалъ эти заботы и за рюмкой сладкаго вина и бисквитомъ (обязательное угощеніе) проводилъ часокъ въ разговорѣ съ человѣкомъ изъ мало извѣстной, но очень интересовавшей его Россіи. Происходя изъ старой нѣмецкой фами-

лін von Reitz, одна вѣтвь которой въ прошломъ столѣтіи выселилась въ Южную Африку, статсъ-секретарь спеціально интересуется Россіей, потому что, наведя нѣсколько лѣтъ назадъ справки объ оставшихся въ Европѣ Рейцахъ, онъ считаетъ возможнымъ счесться родствомъ съ остзейскими Рейцами и когда-то думалъ на досугѣ съѣздить въ интересовавшую его своеобразную сѣверную имперію, завязать личное знакомство съ дальними родственниками. Кромѣ того, какъ я уже говорила, почннъ нашего правительства въ проведеніи идей мира и справедливости, вначалѣ подавалъ бурамъ надежды на возможность вмѣшательства въ ихъ пользу для передачи спорныхъ вопросовъ, поведшихъ къ войнѣ, на разсмотрѣніе третейскаго суда въ Гагѣ. Поэтому все, касающееся Россіи, ея общественнаго мнѣнія и настроеній, правительства и способовъ управленія, пріобрѣтало особенный интересъ для буровъ изъ правящаго круга.

Въ отвѣтъ на мои разсказы о Россіи, Рейцъ, весьма тактично обходя все то, что по тогдашнему времени пріобрѣтало значеніе прямо государственной тайны, находилъ возможнымъ сообщать мнѣ много интереснаго на счетъ буровъ, ихъ исторіи, характера, событій, приведшихъ къ войнѣ и дальнѣйшихъ предположеній. И отъ него, въ противоположность радужнымъ надеждамъ и повышенному настроенію, царившему тогда въ обществѣ Преторіи, мнѣ пришлось услышать мнѣніе, показавшееся мнѣ тогда слишкомъ пессимистическимъ, но справедливость котораго пришлось признать впослѣдствіи, какъ и вообще всѣхъ взглядовъ и заключеній этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Настоящее положеніе вещей, говорилъ онъ, не можетъ продлиться. Мы не имѣемъ возможности оттѣснить Англичанъ къ морю и препятствовать подвозу новыхъ подкрѣпленій. Рано или поздно превосходство врага по численности и количеству артиллеріи возьметъ верхъ, наша оборона будетъ прорвана, бо́льшая часть территоріи и всѣ главные города заняты непріятелемъ. Тогда у нашихъ бюргеровъ, очень возможно, наступитъ моментъ унынія, упадка духа, и большинство, особенно иностранцевъ, будетъ считать побѣду Англіи окончательной. Но я знаю характеръ буровъ, ихъ упорство и потребность самостоятельности, знаю пріемы англичанъ въ подчиненныхъ земляхъ; они неизбѣжно вызовутъ къ сопротивленію даже, повидимому, подчинившихся и равнодушныхъ, и тогда начнется настоящая народная война за каждый клочекъ земли и до послѣдней капли крови. Въ конечномъ исходѣ такой борьбы я не сомнѣваюсь, но она будетъ стоить такъ много крови, будетъ сопряжена съ такимъ разрушеніемъ, съ такимъ страданіемъ для невоюющаго населенія, что невольно молимъ Бога, чтобы какая-либо политическая комбинація или отдѣльная державная воля воспрепятствовала этому ужасу.

Все это говорилось, конечно, не столь последовательно и составляетъ резюме нѣсколькихъ разговоровъ, касавшихся и многихъ другихъ темъ. Во время этихъ бесѣдъ, и особенно обдумывая ихъ впослѣдствіи, мнѣ приходилось прямо любоваться тому такту, никогда не переходившему въ неискренность, съ которымъ Рейцъ, оставаясь въ роли любезнаго хозяина и въ границахъ серьезнаго разговора, интереснаго для обѣихъ сторонъ, иногда добивался отъ меня интересовавшихъ его свѣдѣній насчетъ, напримѣръ, русскихъ, какъ разъ тогда пріѣзжавшихъ въ качествѣ какъ добровольцевъ, такъ и офиціальныхъ лицъ. Въ то время, еще мало знакомая съ мѣстными жителями и порядками, я нѣсколько остерегалась этихъ вопросовъ и часто отвѣчала уклончиво, гдѣ не желала отнестись неодобрительно о соотечественникѣ. Но должна сознаться, что употребленіе, сдѣланное Рейцомъ изъ добытыхъ, такимъ образомъ, свѣдѣній, было всегда настолько осторожно и тактично, что мнѣ впослѣдствіи часто приходилось жалѣть о недостаточной съ нимъ откровенности въ такое время, когда болѣе точныя свѣдѣнія несомнѣнно, уберегли бы его правительство отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, непріятно отразившихся потомъ на положеніи и отношеніяхъ самихъ русскихъ между собою, а также и на ходѣ дѣла. Такъ, я никогда не переставала жалѣть о своей сдержанности на вопросы Рейца и его свояченицы, Лины Мульдеръ, насчетъ одного, только что прибывшаго русскаго, господина Г., незавидная репутація котораго въ Россіи была мнѣ хорошо извѣстна. Допуская у Г. возможность искренняго увлеченія правымъ и симпатичнымъ дѣломъ, я, на расспросы о немъ, отвѣтила только, что титулъ, которымъ они въ разговорѣ сопровождали его фамилію, есть ошибка, впрочемъ, часто повторяющаяся за границей по отношенію къ русскимъ, что его имя по своей почетной извѣстности у насъ не нуждается въ такомъ привѣскѣ, но, что сама я съ нимъ не встрѣчалась и не могла составить личнаго мнѣнія. Знай я тогда, что этотъ господинъ (пользуясь военной извѣстностью имени, не имъ прославленнаго) добивается роли начальника отряда я, конечно, не преминула бы сообщить Рейцу все, что мнѣ было на его счетъ достовѣрно извѣстно, послѣ чего полагаю его «дѣятельности» въ Трансваалѣ пришелъ бы скорый конецъ, и онъ не получилъ бы возможность, будучи на виду, позорить тамъ русское имя и званіе русскаго офицера. Тогда же, какъ я узнала впослѣдствіи, онъ, съ разрѣшенія правительства, собралъ отрядъ человѣкъ въ 30, который имѣлъ смѣлость назвать «русскимъ отрядомъ», хотя русскихъ въ него попало меньше трети (6—8 человѣкъ), и то по недоразумѣнію и незнанію, съ какимъ начальникомъ они связываются, все же остальное былъ невообразимый сбродъ, выкинутый изъ другихъ командъ и придававшій этому отряду совершенно

нежелательный отпечатокъ. И, дѣйствительно, за время командованія Г. отрядъ прославился больше безчинствами въ городахъ и лагеряхъ, чѣмъ подвигами на полѣ брани, хотя, по необходимости, раза два выѣзжалъ къ фронту. Въ Наталѣ онъ, въ этой печальной необходимости выбралъ себѣ мѣсто для лагеря не на боевой линіи, а между двухъ полевыхъ лазаретовъ Краснаго Креста (1-го голландскаго и русскаго), откуда ему было, наконецъ, заявлено, что шумъ его кутежей мѣшаетъ какъ больнымъ, такъ и докторамъ, и на этотъ счетъ будутъ принуждены сдѣлать оффиціальное заявленіе. Вскорѣ онъ былъ отосланъ изъ Наталя, по распоряженію генерала Луи Бота, въ Кронстадтъ, гдѣ въ то время пытались соединить всѣхъ пріѣзжихъ добровольцевъ въ одинъ общій «Европейскій легіонъ». Мѣра эта, имѣвшая отчасти цѣлью обуздать безпорядки худшихъ элементовъ между иностранцами, не могла, какъ мы увидимъ ниже, быть проведена вполнѣ послѣдовательно по винѣ именно этихъ безпокойныхъ типовъ, не желавшихъ подчиняться самымъ элементарнымъ требованіямъ дисциплины и широко пользовавшихся негласно признаннымъ у буровъ правомъ перехода отъ одного начальника къ другому. Это право, стоявшее въ связи со всѣмъ военнымъ строемъ буровъ, между европейцами, воспитанными въ совершенно иныхъ понятіяхъ о военной дисциплинѣ, служило по большей части не выраженіемъ разумной оцѣнки начальствующихъ лицъ, а предлогомъ для самыхъ печальныхъ между ними типовъ, не подчиняясь никому и никакимъ требованіямъ, бродить между отрядами въ сравнительно безопасныхъ условіяхъ, своимъ частнымъ поведеніемъ возмущая всѣхъ приходившихъ съ ними въ соприкосновеніе. Не желая оставаться въ составѣ «Европейскаго легіона», такъ какъ принадлежность къ нему предполагала дисциплину и возможность значительной опасности, не имѣя въ то же время возможность, вслѣдствіе нѣкоторыхъ мѣропріятій правительства, оставаться въ совершенно безопасныхъ центральныхъ городахъ, Г. вывелъ было свой отрядъ къ «фронту» въ армію генерала Филиппа Бота (брата Л. Бота), но тамъ не проявилъ никакой боевой дѣятельности, безпорядки же и дрязги его подчиненныхъ, съ которыми онъ не умѣлъ справляться, скоро такъ надоѣли Ф. Бота, что онъ предложилъ Г. удалиться изъ его лагеря, куда угодно, хотя бы внутрь страны, что противорѣчило распоряженіямъ правительства, не выдававшаго довольствія отрядамъ, удалявшимся съ боевой линіи безъ распоряженія начальства. Послѣ этого заявленія Г. въ двадцатыхъ числахъ апрѣля 1900 года, т. е. какъ разъ наканунѣ рѣшительныхъ сраженій на южномъ театрѣ войны, гдѣ онъ въ это время находился, увелъ свой отрядъ на сѣверъ, подъ предлогомъ перехода на западный фронтъ; но тутъ у немногихъ порядочныхъ людей, до сихъ поръ

пытавшихся, ради чести русскаго имени, поддержать репутацію столь неудачно названнаго отряда, терпѣнье лопнуло, г. Г. былъ оставленъ своими подчиненными, разсѣявшимися по другимъ командамъ, самъ же очутился какимъ-то образомъ въ Кронстадтѣ въ самый день боя подъ этимъ городомъ, въ которомъ, скажу только, онъ далеко не отличился, и тѣмъ закончилъ свою военную карьеру въ Трансваалѣ, которой, какъ и его личностью, я не стала бы вовсе здѣсь заниматься, если бы разыгранная имъ роль «командапта русскаго отряда» не навлекла на наше національное имя нареканія и насмѣшки иностранцевъ, отзвукъ которыхъ проникъ и въ нашу печать.

Я этотъ вопросъ всегда принимала горячо къ сердцу, мои отношенія къ семьѣ Рейцъ, впослѣдствіи еще упрочившіяся, постоянное общеніе съ бурами самыхъ различныхъ ступеней военной іерархіи и, наконецъ, знакомство съ г-жей Бота, женой командантъ генерала (Л. Бота), давали мнѣ полную возможность получать точныя, достовѣрныя свѣдѣнія и, отмѣтивъ нѣсколько наиболѣе выдающихся обстоятельствъ, оскорбительныхъ для нашего самолюбія, но виновникомъ которыхъ является Г. и занятое имъ столь неудачно выдающееся положеніе, считаю нужнымъ сказать, что, кромѣ двухъ-трехъ фактовъ, совершенно частнаго характера, имѣвшихъ свои гораздо болѣе яркіе прототипы въ поведеніи добровольцевъ другихъ націй, не знаю ничего позорящаго высланныхъ изъ нашей среды бойцовъ за дѣло буровъ, о многихъ же изъ нихъ слышала поименно, какъ о храбрыхъ и способныхъ офицерахъ, изъ которыхъ нѣкоторые безполезно потеряли только много времени въ злополучномъ «русскомъ отрядѣ». Къ тому же неправильности и уродливости, какъ всегда, прежде всего кидались въ глаза самымъ своимъ безобразіемъ, тогда какъ людямъ порядочнымъ потребовалось нѣкоторое время, чтобы осмотрѣться и проявить свое отношеніе къ дѣлу и способности.

Но какъ ни интересны и пріятны были сдѣланныя нами въ Преторіи знакомства, однако, всѣ мы стремились скорѣе начать серьезную работу и жалѣли о каждомъ потерянномъ днѣ. Тѣмъ болѣе, что послѣ отъѣзда русскаго отряда Краснаго Креста въ Наталь, назначенное ему мѣсто у интереснаго тогда южнаго фронта около Колсберга, было оффиціально предложено намъ, старшій врачъ—д-ръ фонъ-Леерсумъ уѣхалъ туда и уже намѣтилъ два пункта для лазаретовъ, мы же частно слышали отъ мѣстныхъ жителей и даже властей вопросъ, скоро ли мы думаемъ выѣхать? Чтобы вполнѣ понять неудобство для насъ этого вопроса, надо знать, что трансваальское правительство брало на себя содержаніе пріѣзжавшихъ къ нему санитарныхъ отрядовъ, какъ и поступившихъ на его службу добровольцевъ, и весьма щедро расплачивалось по ихъ счетамъ въ лучшихъ гостинницахъ;

къ этому времени уже опредѣленно стали дѣлить пріѣзжихъ на дѣйствительно увлеченныхъ правымъ дѣломъ, стремившихся возможно скоро перейти къ дѣятельному служенію ему и тѣхъ, которые интересовались имъ только на словахъ, въ сущности же, предпочитали имѣть обезпеченное на счетъ буровъ существованіе въ большихъ городахъ превратностямъ, а часто и лишеніямъ боевой жизни. Мы же сидѣли въ Преторіи 3 недѣли, не считая короткихъ отлучекъ на случайную работу, и никакъ не могли собраться на указанный намъ постъ. А выступить мы не могли вслѣдствіе неполученія нашего огромнаго багажа изъ Лоренцо-Маркеза. Задержка эта, отчасти, являлась однимъ изъ послѣдствій тѣхъ неустройствъ между членами отряда, о которыхъ я уже говорила.

Тотчасъ по прибытіи нашемъ всей амбулянціей въ Лоренцо-Маркезъ большинствомъ докторовъ высказывалось предположеніе, что администраторъ, взявъ билеты и вообще подготовивъ нашъ переѣздъ до Преторіи, телеграфируетъ туда для удержанія намъ комнатъ въ гостинницахъ, переполненныхъ наплывомъ иностранцевъ, самъ же останется въ Лоренцо-Маркезѣ, чтобы лично позаботиться о скорѣйшемъ полученіи нашего багажа изъ португальской таможни и доставкѣ его вслѣдъ за нами. Но по нѣкоторымъ соображеніямъ чисто личнаго характера г. фанъ-Мойэну было нежелательно отставать отъ отряда и, пользуясь еще тогда большимъ расположеніемъ и довѣріемъ старшаго врача, онъ легко убѣдилъ его въ ненужности этого и необходимости ему самому съ первой же минуты лично руководить нашими дѣйствіями въ Преторіи, гдѣ, по его словамъ, онъ все и всѣхъ знаетъ. Это рѣшеніе было принято наперекоръ мнѣнію русскихъ врачей, особенно же д-ра фонъ-Ренненкампфа, просившаго шефа, по крайней мѣрѣ, разрѣшить ему остаться въ Лоренцо на мѣсто администратора. Это предложеніе было встрѣчено отказомъ подъ вліяніемъ совѣтовъ администратора, выразившагося, какъ мы узнали потомъ, «что русскіе доктора —мальчишки и нечего ихъ слушать». Такимъ образомъ мы двинулись въ полномъ составѣ отряда, но уже по дорогѣ обнаружились очень ярко нѣкоторые изъ недостатковъ г-на Мойэна, какъ администратора, приведшіе впослѣдствіи къ его увольненію задолго до отъѣзда всего отряда обратно въ Европу. Пріѣхавъ, напримѣръ, утромъ на поѣздъ прямо съ корабля, мы съ удивленіемъ открыли, что хотя билеты взяты на всѣхъ, однако, мѣста нашимъ администраторомъ удержаны только для врачей-голландцевъ и всѣхъ сестеръ, а затѣмъ, въ томъ же вагонѣ для ѣхавшихъ съ нами на «Канцлерѣ» врачей 2-й голландской амбуланціи и военныхъ агентовъ Никса и Ассельсбека; нашимъ же русскимъ докторамъ предоставлено заботиться о себѣ самимъ, и имъ едва удалось кое-какъ помѣститься въ сосѣднемъ вагонѣ. Очень естественно, что они обнаружили

Ф. В. Рейтцъ

нѣкоторое неудовольствіе, еще возросшее, когда оказалось, что на промежуточныхъ станціяхъ ѣда заказана такимъ же нелѣпымъ образомъ, и нашимъ докторамъ приходится довольствоваться кое-чѣмъ, наскоро приготовленнымъ. Въ Миддельбургѣ по этому поводу, наконецъ, произошло довольно бурное объясненіе, причемъ, добродушнѣйшій докторъ Кухаренко, выведенный изъ терпѣнія неудобствами переѣзда и питанія, преподнесъ администратору нѣсколько горькихъ истинъ въ довольно рѣзкой формѣ. Должна сказать, что въ данномъ случаѣ старшій врачъ проявилъ нѣкоторое сознаніе своихъ обязанностей и не только не вступился за администратора, но сдѣлалъ ему строгій выговоръ, а затѣмъ, расходившись, потребовалъ въ свое купе двухъ изъ голландскихъ сестеръ и очень безцеремонно ихъ выбранилъ, въ этомъ случаѣ припомнивъ имъ и недостатокъ обходительности съ нами, и вообще, разныя дѣйствительныя и воображаемыя погрѣшности. Этотъ проблескъ сознанія г-на фанъ-Леерсума приписываю какъ его неудовольствію по поводу шедшей всю дорогу неурядицы, конечно, падавшей на отвѣтственность администратора, такъ и высказанному очень опредѣленно мнѣнію младшаго голландскаго врача д-ра Ромейна, молодого, но очень дѣльнаго человѣка, вообще выказывавшаго намъ много вниманія и симпатіи и часто критиковавшаго разныя погрѣшности своихъ соотечественницъ. Разобиженныя столь необычайными пріемами, голландки, вмѣсто того, чтобы самимъ разобраться со своими докторами, бросились за утѣшеніемъ къ намъ, и я должна сказать, что очень жалѣла о непріятностяхъ, доставшихся на долю милой и симпатичной Іоганны Россъ, лично всегда любезной, сердечной и ласковой, только по мягкости характера, иногда поддававшейся чужимъ вліяніямъ. Не обошлось и безъ курьезовъ. Въ своихъ жалобахъ на старшаго врача, голландки при быстрой и нервной рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ, не вполнѣ хорошо имъ извѣстномъ, нѣсколько разъ употребили слово prügeln, geprügelt, по-голландски обозначающее просто бранъ, по-нѣмецки же—колотить, отколотить: выходило, что фанъ-Леерсумъ позвалъ ихъ въ отдѣльное купе и тамъ, вмѣстѣ съ д-ромъ Руменомъ о т к о л о т и л ъ. Сами плохо владѣя голландскимъ языкомъ, мы въ первую минуту не сообразили, въ чемъ дѣло и смотрѣли на нихъ, совершенно не понимая, у кого въ головѣ помутилось—у насъ, у нихъ или у «колотившихъ» ихъ врачей. Такимъ образомъ мы доѣхали до Преторіи при общемъ тяжеломъ и непріятномъ настроеніи голландцевъ и съ надеждой на улучшеніе дисциплины отряда, вслѣдствіе выраженнаго довольно грубо, но все же появившагося у старшаго врача сознанія этого недостатка. Однако, этого сознанія хватило не надолго. При распредѣленіи насъ въ Преторіи администраторъ поступилъ наперекоръ ясно выраженныхъ на этотъ счетъ

распоряженій завѣдывающаго, помѣстивъ въ частныхъ домахъ нѣсколько не назначенныхъ для этого лицъ и, напротивъ, удержавъ при себѣ въ гостинницѣ симпатичныхъ ему членовъ отряда, по своему обходительному характеру, уму или воспитанности, особенно пригодныхъ для сближенія съ мѣстными жителями. Несмотря на это, г-нъ фанъ-Леерсумъ, послѣ минутной вспышки, вновь вошедши въ свою колею, не только не нашелъ нужнымъ серьезно поставить на видъ администратору подобное нарушеніе его прямого приказанія, но, уѣзжая черезъ нѣсколько дней для осмотра раіона, назначеннаго намъ правительствомъ, передалъ фанъ-Мойэну свою неограниченную власть надъ всѣми нами, такимъ образомъ, подчиняя сестеръ и даже старшаго русскаго врача господину, въ сущности обязанному заниматься закупкой быковъ, перевозкой багажа и наймомъ кафровъ для черной работы. Протестъ противъ столь неприличнаго назначенія входилъ въ право докторовъ, пожалуй, даже лежалъ на ихъ обязанности. Молчаніе ихъ въ этомъ случаѣ должно быть приписано сознанію д-ра Вебера, на котораго, какъ старшаго, выпадало это заявленіе, что главная цѣль распоряженія фанъ-Леерсума—обойти именно его старшинство, за отсутствіемъ д-ра фанъ Дисселя, остановившагося по дорогѣ у брата, уже давно выѣхавшаго въ Трансвааль. Д-ръ Веберъ не пожелалъ замѣшивать свои личныя интересы въ протестъ противъ дѣйствій начальника, и со всегдашней сдержанностью и уступчивостью русскаго персонала въ теченіе всей командировки удовольствовался тѣмъ, что, по возможности, устранился отъ всякаго соприкосновенія съ властью Мойэна въ роли начальника отряда. Положеніе, тѣмъ не менѣе, было крайне неудобно: старшій русскій врачъ не имѣлъ ни малѣйшаго контроля надъ распоряженіями какого-то посторонняго инженера относительно русскаго санитарнаго персонала, особенно сестеръ и оффиціально даже ничего объ нихъ не зналъ, такъ какъ извѣщать его о чемъ-либо фанъ-Мойэнъ считалъ совершенно излишнею любезностью. Въ общемъ же, Мойэнъ былъ занятъ гораздо больше представительствомъ и развозомъ насъ 10 сестеръ по приглашеніямъ именитыхъ граждань Преторіи, чѣмъ застрявшимъ въ Лоренцо багажомъ и серьезными дѣлами отряда, такъ что до насъ стали доходить довольно безцеремонныя шутки надъ нашимъ администраторомъ и сидѣньемъ въ Преторіи. Понятно, что всѣ эти толки сильно насъ волновали и мы иногда съ возмущеніемъ говорили между собою о нашемъ импровизированномъ шефѣ и его безпечномъ отношеніи къ дѣлу. Одинъ изъ младшихъ врачей, впрочемъ, хорошо ладившій съ администраторомъ, увѣрялъ, что когда ни приди въ Grand Hotel, вы найдете фанъ-Мойэна на балконѣ пьющимъ чай съ голландскими сестрами и военными агентами, другихъ же дѣлъ за нимъ никто не видалъ, да и не во-

дится. Неудивительно, что дѣло полученія багажа не двигалось. Наконецъ, д-ръ фонъ Ревненкампфъ, выведенный изъ терпѣнія, потребовалъ, чтобы Мойэнъ поручилъ ему съѣздить въ Лоренцо-Маркезъ съ полномочіями начальника отряда и, принявшись за дѣло со свойственной ему энергіей и толковостью, черезъ недѣлю могъ уже вернуться въ Преторію со всѣмъ нашимъ скарбомъ.

Первоначально предполагалось разобрать часть багажа въ Преторіи, распредѣлить его такимъ образомъ, чтобы во всякое время можно было разбиться на отдѣльные отряды для устройства одного основного лазарета въ болѣе безопасной мѣстности и нѣсколькихъ передовыхъ перевязочныхъ пунктахъ. Но пока было рѣшено оставить эту разборку и, не теряя ни одного дня времени спѣшить въ Блумфонтенъ, ближайшій къ фронту городъ, находившійся на одинаковомъ почти разстояніи отъ южнаго и западнаго театра военныхъ дѣйствій. Здѣсь мы надѣялись узнать что-нибудь положительное насчетъ событій, въ послѣдніе дни принявшихъ неожиданный и крайне серьезный оборотъ, вслѣдствіе неосмотрительности, съ какой генералъ Кронье далъ себя отрѣзать и окружить при Паардебергѣ.

На генерала Кронье сами буры и ихъ европейскіе доброжелатели возлагали такія надежды, что его пораженіе и плѣнъ произвели болѣе сильное впечатлѣніе, вызвали больше толковъ, чѣмъ многіе факты этой войны, сами по себѣ болѣе крупные и интересные. Дѣйствительно, съ арміей Кронье буры теряли меньше 4,000 рядовыхъ—потеря далеко не подавляющая, даже при ихъ малочисленности; но зато нравственное значеніе этого пораженія было совершенно несоразмѣрно съ вызвавшимъ его фактомъ. Прежде всего это было для буровъ, непривычныхъ къ серьезной войнѣ, избалованныхъ постоянными успѣхами, первой серьезной неудачѣ, къ тому же пораженіемъ человѣка, считавшагося у нихъ непобѣдимымъ, и который самъ былъ столь увѣренъ въ этой непобѣдимости и полной несостоятельности своего противника, что, уже загнанный въ ловушку, не понималъ своего положенія и на всѣ увѣщанія, предложенные ему планы спасенія, отвѣчалъ постоянно, чтобы объ немъ не безпокоились—онъ знаетъ, что дѣлаетъ и разнесетъ всѣхъ англичанъ. Это убѣжденіе, что Кронье знаетъ, что дѣлаетъ и англичанамъ съ нимъ несправиться, давно оставленное наиболѣе одаренными изъ буровъ и всѣми находившимися на мѣстѣ европейцами, было всеобщимъ въ массѣ бюргеровъ, и его пораженіе явилось для нихъ чѣмъ-то столь неожиданнымъ и чудовищнымъ, что въ послѣдующіе періоды войны смерть или плѣнъ кого-либо изъ наиболѣе даровитыхъ и прославленныхъ вождей—Девета, Боты, Деларея—никогда не подорвали бы защиту въ такой мѣрѣ, какъ

тогда плѣнъ Кронье. Еще если бы онъ со всѣми своими сподвижниками, попавшись въ ловушку, погибъ геройской смертью, самая сила впечатлѣнія, боли и негодованія заставила бы забыть все личное, создала бы борцовъ и мстителей. Но если самый храбрый и стойкій изъ бюргеровъ, Питъ Кронье, могъ сдаться англичанамъ, то что же остается другимъ и есть ли для нихъ возможность бороться? Въ этомъ впечатлѣніи было настоящее значеніе побѣды англичанъ, да еще въ томъ, что она ознаменовала переходъ отъ постоянныхъ ошибокъ перваго времени къ болѣе разумной тактикѣ, характеризовавшей все время командованіе Лорда Робертса; въ сущности же, какъ еще тогда основательно замѣчала какая-то газета, эта грандіозная побѣда сводится на то, что одной изъ величайшихъ державъ міра пришлось употребить 50 тысячъ своихъ лучшихъ войскъ, чтобы сломить сопротивленіе и изловить кучку въ 4,000 крестьянъ, не имѣвшихъ понятія о тактикѣ или стратегіи. Но даже и это врядъ ли удалось бы англичанамъ вполнѣ съ кѣмъ-либо изъ другихъ болѣе изворотливыхъ начальниковъ, тогда какъ именно Кронье при своей безусловной и несомнѣнной храбрости былъ совершенно неспособенъ найти исходъ, разъ его прямое сопротивленіе—грудью къ врагу было сломано, его позиція обойдена. Подобнаго оборота дѣла онъ никогда не принималъ въ соображеніе, онъ былъ въ его глазахъ въ полномъ смыслѣ слова невозможнымъ, и этимъ убѣжденіемъ онъ съумѣлъ такъ заразить своихъ трансваальцевъ, что когда, оправившись отъ перваго пораженія, они стали искать причины этой неудачи, нѣкоторыми изъ нихъ было произнесено нелѣпое и несправедливое слово—измѣна. Что нѣсколько неразвитыхъ крестьянъ, вмѣсто того, чтобы убѣдиться въ несостоятельности Кронье какъ военачальника, могли ухватиться за мысль о добровольности его сдачи, еще возможно, хотя немного смѣшно. Совершенно же комично встрѣчать серьезное обсужденіе подобной возможности въ европейской печати, отъ людей, побывавшихъ въ Трансваалѣ, имѣвшихъ возможность составить себѣ вѣрное и безпристрастное понятіе, что за личность въ умственномъ, нравственномъ и главное военномъ отношеніи генералъ Питъ Кронье.

Питъ Кронье типичный представитель старшаго поколѣнія буровъ, постоянный и стойкій приверженецъ націоналистической политики президента Крюгера, разнящійся отъ этого послѣдняго не характеромъ своего міровоззрѣнія, а его шириною. Кронье—и этого-то не понимали большинство его соотечественниковъ—человѣкъ честный, храбрый, глубоко-религіозный, но ограниченный, совершенно не соотвѣтствовавшій той роли, на которую его выдвинули по несчастной ошибкѣ. Храбрый, упорный и независимый Питъ Кронье въ молодости первый поднялъ возстаніе про-

тивъ англичанъ, и всѣ его дѣйствія противъ нихъ въ то время—захватъ Почефстроома и другихъ мелкихъ гарнизоновъ, характеризуютъ именно его рѣшимость, храбрость, энергію, крупное же, рѣшающее пораженіе (при Маюбѣ) нанесено врагу не имъ, а Жуберомъ. На его согражданъ, совершенно лишенныхъ всякаго военнаго критерія, его удачная иниціатива произвела, однако, глубокое впечатлѣніе; къ дальнѣйшему же упроченію его военной репутаціи послужила выдающаяся роль, сыгранная имъ въ 1896-мъ году при отраженіи набѣга Джемсона. Пользуясь полнымъ довѣріемъ президента, съ которымъ онъ сходился и въ основномъ міровоззрѣніи и религіозныхъ убѣжденіяхъ, Кронье по его приказу, даже безъ вѣдома исполнительнаго совѣта, въ силу своего оффиціальнаго положенія командапта Почефстроома, такъ подготовилъ ополченіе этого округа, что, при вѣсти о переходѣ границы крупнымъ отрядомъ англичанъ съ артиллеріей, это командо могло быть тотчасъ мобилизовано и Джемсонъ перехваченъ въ окрестностяхъ Крюгерсдорпа, ранѣе чѣмъ ему удалось достигнуть преданнаго англійской политикѣ Іоганнесбурга. Я слышала, что честь поимки Джемсона, кромѣ предусмотрительности самого президента, принадлежитъ въ значительной степени его внуку—Рольфу Элофу, принимавшему въ ней участіе, какъ подчиненный Кронье, и выказавшему здѣсь энергію и значительныя способности.

Какъ бы то ни было, но удачный захватъ небольшого, хотя и хорошо организованнаго партизанскаго отряда могъ служить мѣриломъ стратегическихъ способностей развѣ только въ Трансваалѣ, гдѣ война до сихъ поръ походила на охоту. Но у буровъ эти мелкія случайныя удачи, въ соединеніи съ вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ къ личности Кронье, пошли за неопровержимое доказательство военнаго дарованія. Поэтому, когда война стала неизбѣжна и главнокомандующій Жуберъ принялъ подъ свое непосредственное начальство главную—натальскую армію, второй по важности — западный театръ военныхъ дѣйствій, безъ малѣйшаго колебанія и какъ бы по праву былъ отданъ Кронье. И здѣсь первая удача какъ будто подтвердила справедливость общественнаго мнѣнія: пораженіе при Магерсфонтенѣ, полная неудача и огромныя потери, понесенныя при штурмѣ бурскихъ позицій лучшими англійскими войсками, гайландерами, прославили генерала Кронье даже въ Европѣ, и только немногіе изъ очевидцевъ сраженія, одаренные дѣйствительнымъ военнымъ чутьемъ, еще тогда могли отдать себѣ отчетъ, что эта блестящая побѣда была въ сущности такой же счастливой случайностью, какими въ необыкновенной степени изобилуетъ военная карьера Кронье, въ многихъ же подробностяхъ обличала полное отсутствіе стратегическихъ способностей, даже полное отсутствіе преду-

смотрительности [1]) или какого-либо плана; эти немногіе запомнили также, что самый выборъ наиболѣе удачныхъ позицій и способъ укрѣпленія ихъ посредствомъ роковыхъ для англійской пѣхоты проволочныхъ изгородей былъ дѣломъ не Кронье, а находившагося въ его войскѣ, тогда еще мало извѣстнаго, командаита Деларея. Такія же указанія можно было почерпнуть изъ другихъ эпизодовъ того же періода, напримѣръ, 28 ноября (1899 г.) бой при Тверсривирѣ, когда Кронье потерялъ голову и отдалъ приказъ всеобщаго отступленія потому только, что Форесмитское командо потеряло свои позиціи, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ пунктахъ буры безусловно торжествовали. Сами англичане такъ хорошо сознавали свое пораженіе, что одновременно отступили въ противоположномъ направленіи и только нѣсколько дней спустя заняли брошенныя такъ опрометчиво позиціи. А позиціи эти имѣли огромное значеніе, такъ какъ, удержавшись въ нихъ буры, по условіямъ мѣстности, принуждали англичанъ вернуться на югъ до Гроотривера сами же получали возможность войти въ соприкосновеніе съ отрядами Гроблера и Генрика Шёмана, принадлежавшихъ уже къ южной, Кольсбергской арміи. Генералъ Деларей, дѣломъ котораго въ сущности и былъ успѣхъ по всей линіи, кромѣ Форесмитской позиціи, тщетно старался переубѣдить упрямаго и самонадѣяннаго Кронье. Онъ говорилъ впослѣдствіи, что хотя онъ въ этомъ бою потерялъ сына, однако, эта смерть причинила ему меньшее горе, чѣмъ безсмысленное отступленіе и перенесеніе оборонительной линіи въ гораздо менѣе выгодныя условія. Для массы, однако, стратегическая ошибка уступки всего пространства до Моддера была непонятна, блестящая побѣда (Магерсфонтенъ) на новыхъ позиціяхъ все покрыла. Весьма немногіе отдавали себѣ отчетъ, что эти позиціи имѣютъ значеніе только пока сравнительная малочисленность и недостатокъ перевозныхъ средствъ принуждали англичанъ держаться желѣзнодорожной линіи, надъ которой они господствовали, какъ только же эти недостатки будутъ пополнены, обходъ этихъ позицій и даже захватъ защищающей ихъ арміи будетъ уже дѣломъ, довольно легко выполнимымъ. Въ этомъ случаѣ противники, и прежде всего самъ Кронье, слишкомъ надѣялись на бездарность и отсутствіе смѣлости въ комбинаціяхъ, обнаруженное англичанами въ началѣ войны: стягиваніе въ эту сторону новоприбывшихъ изъ Европы войскъ подъ наблюденіемъ главноко-

[1]) Извѣстно что ночное нападеніе на бурскія позиціи не удалось потому только, что англичане запоздали съ нимъ до разсвѣта, когда самъ Кронье, по своему обыкновенію поднявшись раньше всѣхъ, случайно ихъ замѣтилъ, поднялъ тревогу и привелъ ихъ въ замѣшательство мѣткимъ огнемъ, сначала только 8-ми человѣкъ.

мандующаго съ такимъ боевымъ опытомъ, какъ лордъ Робертсъ, переведеніе на эту границу самаго смѣлаго и даровитаго изъ англійскихъ кавалерійскихъ генераловъ—Френча—должны были бы служить указаніемъ грозящей опасности. Однако, убѣжденіе Кронье въ томъ, что онъ вполнѣ изучилъ военную психологію англичанъ и какія-либо измѣненія въ характерѣ ихъ тактики совершенно немыслимы, было столь искренно и непоколебимо, что онъ могъ заражать имъ временно даже людей, столь отличныхъ отъ него по типу и военному опыту, какъ извѣстный полковникъ Вильбуа Марейль. Какъ видно по запискамъ этого послѣдняго, онъ сначала, даже сознавая всѣ недостатки позицій Кронье, сдался на его доводы, что ихъ обходъ немыслимъ, такъ какъ англичане не рѣшатся отойти отъ желѣзнодорожной линіи, если же они это сдѣлаютъ, то неминуемо погибнутъ вслѣдствіе условій мѣстности и ихъ останется только добивать. Только потомъ, отдавая себѣ постепенно отчетъ въ истинномъ значеніи расположенія и передвиженія англичанъ, Вильбуа правильно оцѣнилъ положеніе и сталъ торопить занятіемъ Кимберлея [1]), а также настаивать на подготовкѣ возможнаго отступленія на этотъ городъ или же на Босгофъ. Кронье, котораго въ томъ же духѣ предостерегали и командовавшіе на южномъ фронтѣ Деларей и Деветъ, ничего не хотѣлъ слушать. Его не встревожило даже первое движеніе къ Кимберлею англійскихъ войскъ въ первыхъ числахъ февраля, не удавшееся только благодаря стойкости фрейштатскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Кольбе и находчивости случайно бывшаго у него въ лагерѣ Герцога, главнаго судьи Фрейштата; на всякое сообщеніе, что англичане безпрепятственно проходятъ мимо его слишкомъ растянутыхъ и слабо занятыхъ позицій, онъ отвѣчалъ только типичнымъ приказомъ «Loop, skiet de laatste engelschen tod» (Бѣгите обратно и застрѣлите всѣхъ англичанъ до послѣдняго), даже не сознавая комизмъ этого распоряженія въ данныхъ условіяхъ.

Когда же, наконецъ, сомнѣніе въ томъ, что онъ обойденъ и отрѣзанъ отъ южныхъ войскъ стало невозможно, онъ совершенно потерялся. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ воспользоваться однимъ изъ остававшихся ему еще открытыми путей, какъ совѣтовалъ Вильбуа отступить эшелонами на Кимберлей, занять хорошія позиціи подъ этимъ городомъ (заграживая его собою) и защищаться до прихода подкрѣпленій, или же, по крайней мѣрѣ, спасти войско возможнымъ еще отступленіемъ на Босгофъ, онъ потерялъ два дня на колебанія. Въ эти два дня упадокъ

---

[1]) Осажденнаго бурами и спасеніе котораго вмѣстѣ съ заключеннымъ въ немъ Сесилемъ Родсомъ составляло главную цѣль всѣхъ усилій англичанъ на этомъ фронтѣ.

духа и недовѣріе быстро возрасли въ его собственномъ войскѣ, т. е. люди кучками и даже отрядами стали уходить или сдаваться по собственному усмотрѣнію, да кромѣ того всякое быстрое отступленіе стало вообще невозможнымъ, такъ какъ въ предыдущій періодъ безпечности буры отослали значительную часть своихъ лошадей на паству верстъ за 25; эти лошади были теперь угнаны еще дальше на сѣверъ, стерегшими ихъ кафрами, испуганными приближеніемъ англичанъ, такъ что непривычные къ пѣшему передвиженію буры оказались въ очень критическомъ положеніи, не говоря уже о невозможности вывести обозъ иначе, какъ на страшно тяжелыхъ и медленныхъ бычачьихъ подводахъ. Еще одно обстоятельство, немыслимое въ европейскомъ войскѣ, осложняло положеніе Кронье: не допуская мысли объ отступленіи, тѣмъ болѣе спѣшномъ и опасномъ, онъ, какъ хорошій семьянинъ, выписалъ къ себѣ въ лагерь жену, допустилъ многимъ изъ своихъ подчиненныхъ сдѣлать то же, да кромѣ того принялъ къ себѣ женщинъ, дѣтей, стариковъ съ окрестныхъ, занятыхъ англичанами фермъ со всѣмъ ихъ скарбомъ, такъ что весь лагерь оказался переполненнымъ этимъ не боевымъ элементомъ, дѣлавшимъ всякую мысль о быстромъ отступленіи невозможной. Напрасно Деветъ и Деларей, зная о его положеніи, геліографировали ему, чтобы онъ оставилъ обозъ и женщинъ—не перебьютъ же ихъ регулярныя войска, находившіяся противъ его позицій—самъ же съ мужчинами пробился бы на ихъ расположеніе, обѣщая выйти ему навстрѣчу и открыть путь. Съ типичной для буровъ заботой о женщинахъ, выразившейся такъ ярко въ самомъ заключеніи мира, Кронье рѣшился идти хотя медленно, но не оставляя ихъ за собою и, собравъ всѣ имѣвшіяся перевозочныя средства, двинулся, но не по сравнительно безопасному направленію на Босгофъ, а болѣе короткимъ путемъ на Абраамскрааль, вѣроятно надѣясь еще опередить англичанъ и не быть ими задержанъ при переправѣ черезъ Моддеръ. Такое выступленіе бурами, привычными къ такого рода движеніямъ въ войнѣ съ чернокожими, было совершено ночью такъ искусно и безшумно, что стоявшіе противъ нихъ англичане о немъ даже не подозрѣвали и на слѣдующее утро продолжали обстрѣливать пустой лагерь лиддитомъ. Въ этихъ условіяхъ задуманное Кронье движеніе могло бы еще удаться; но оставленный въ лагерѣ при нѣсколькихъ раненыхъ, неспособныхъ къ перевозкѣ, членъ трансваальскаго Краснаго Креста д-ръ Дайэръ поспѣшилъ выкинуть бѣлый флагъ и объяснить непріятелю положеніе, подъ предлогомъ, что онъ обязанъ заботиться о больныхъ, а не о войскѣ генерала Кронье. Указать самое направленіе отступавшаго войска Дайэръ, повидимому, воздержался, но его англичане, конечно, довольно быстро возстановили и сами. Кромѣ того, говорятъ, что

П. Кронье.

часть англійскихъ войскъ подъ начальствомъ самого Китченера, спѣшившаго для поддержки прорвавшаго непріятельскую линію кавалерійскаго отряда Френча, случайно замѣтила на горизонтѣ облако пыли, оказавшееся отступавшей арміей Кронье. Какъ бы тамъ ни было, но при переправѣ черезъ Моддеръ у Паардеберга Кронье былъ настигнутъ и окруженъ англичанами, постепенно отнимавшими у него господствовавшія надъ его расположеніемъ высоты, но не могшими, несмотря на огромный численный перевѣсъ, взять штурмомъ самого лагеря. Однако, даже въ эту послѣднюю минуту спасеніе войска Кронье было еще возможно: генералы Деветъ и Филиппъ Бота (братъ Луи Боты, убитый зимою 900—901 г.) съ отрядомъ охотниковъ въ 500 человѣкъ поспѣшили ему на помощь и открыли было ему путь, но опять-таки немыслимый съ тяжелымъ обозомъ; за ними съ главными силами двигался Деларей, когда внезапно пришла вѣсть, что Кронье сдался со всѣмъ своимъ войскомъ. Эта сдача была тѣмъ болѣе неожиданна даже для вождей, что до послѣдняго дня Кронье и геліографически и устно [1]) успокаивалъ всѣхъ на счетъ своего положенія и увѣрялъ, что онъ можетъ еще долго продержаться. Эти увѣренія, противорѣчащія фактамъ, способствовали распространенію слуха о его измѣнѣ; но, зная характеръ Кронье и его дѣйствительно кровавую защиту своего лагеря, естественнѣе предположить упрямое ослѣпленіе, непониманіе всей серьезности положенія и затѣмъ внезапный упадокъ духа передъ деморализаціей и недовѣріемъ подчиненныхъ, въ свою очередь приведенныхъ въ отчаяніе явной неспособностью начальника, упорно державшагося въ невозможныхъ условіяхъ и столь же упорно отказавшагося отъ единственнаго открытаго ему пути спасенія. При пламенномъ хотя узкомъ патріотизмѣ Кронье и его безспорной, безусловной храбрости, сдача его, вѣроятно, никогда не совершилась бы, если бы онъ былъ способенъ представить себѣ психологическое дѣйствіе этой сдачи на своихъ соотечественниковъ. Но при всей самоувѣренности, Кронье все же человѣкъ мало образованный, притомъ узкаго и даже ограниченнаго ума, понимавшій только непосредственныя послѣдствія своихъ поступковъ—безполезную гибель столькихъ людей,—къ тому же, человѣкъ по воспитанію совершенно лишенный собственно военнаго point d'honneur'а; поэтому, сознавая безполезность дальнѣйшей обороны, не желая покидать беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, не считая, наконецъ, потерю 3,500 бойцовъ непоправимой для страны, онъ сдался, и сдался

---

[1]) Черезъ пробравшагося къ нему начальника развѣдчиковъ Терона (приложеніе 1).

опять-таки въ неудачный моментъ, когда, продержавшись еще нѣсколько дней, было бы возможно захватить англичанъ между его войскомъ и арміей Деларея. Сдался онъ, и это опять-таки для него типично, не снесшись съ находившимися по близости собственно для его поддержки Ф. Ботой и Деветомъ и не слушая ни чьихъ увѣщаній или совѣтовъ. Въ его войскѣ находился нѣмецъ, командиръ всей артиллеріи Фрейштата маіоръ Альбрехтъ, человѣкъ очень храбрый и хорошій военный, сознававшій ошибочность сдачи въ этотъ моментъ и, говорятъ, два раза срывавшій уже поднятый бѣлый флагъ. Видя безполезность своего протеста передъ всеобщимъ упадкомъ духа и рѣшимостью самого Кронье, Альбрехтъ съ двумя нѣмецкими офицерами артиллеристами, фонъ Девицъ и фонъ-Хрейстеръ, по крайней мѣрѣ, затопилъ или испортилъ орудія и снаряды и даже часть ружей.

Сдача Кронье пришлась черезъ 3 дня послѣ нашего отъѣзда изъ Преторіи, хотя извѣстія, допускавшіяся въ газеты, были довольно неопредѣленны, чтобы не потревожить общественное мнѣніе, однако, критическое положеніе на западномъ театрѣ ни для кого не было тайной и уже нѣсколько дней какъ приподнятое, жизнерадостное настроеніе, отличавшее жителей Трансвааля въ первыя недѣли послѣ нашего пріѣзда, смѣнилось всеобщей озабоченностью и безпокойствомъ. И для насъ происходившее на Моддерѣ имѣло непосредственное, личное значеніе. Малѣйшее измѣненіе въ ходѣ военныхъ событій и группировкѣ войскъ могло измѣнить всѣ наши предположенія, и потому намъ надо было спѣшить въ Блумфонтенъ и тамъ, ставъ опять подъ непосредственное начальство д-ра фанъ Леерсума, руководствоваться далѣе тѣмъ знаніемъ мѣстныхъ военныхъ условій, которое можно было предположить у него послѣ двухнедѣльныхъ разъѣздовъ по этому раіону.

Уѣзжали мы изъ Преторіи часовъ въ 10 вечера. Провожать насъ собрались почти всѣ наши новые знакомые и кое-кто изъ бывшихъ случайно въ Преторіи русскихъ. Кромѣ того, въ нашемъ поѣздѣ было нѣсколько вагоновъ для мѣстныхъ жителей, ѣхавшихъ къ своимъ командамъ и которыхъ провожали родные и знакомые. Такъ что толпа была изрядная и вездѣ шли возбужденные толки о событіяхъ на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, обсуждались вѣроятныя дѣйствія Фрейштата, если онъ подвергнется англійскому нашествію, выражалось негодованіе на открытую радость и торжество, проявляемыя жителями Іоганнесбурга. Сыпались просьбы писать, передавались поклоны на случай встрѣчи съ находящимися при войскѣ родственниками. Наконецъ, поѣздъ тронулся. Первые часы послѣ выѣзда пропали для насъ, вслѣдствіе ночного времени, но на другой день намъ пришлось увидѣть немало интереснаго

и типичнаго. Нашъ поѣздъ, исключительно военный, везшій только командированныхъ на западный театръ бюргеровъ и нашу амбуланцію съ ея огромнымъ багажемъ (6 товарныхъ вагоновъ), вездѣ встрѣчали съ дружескимъ оживленіемъ. На одной станціи, гдѣ мы стояли довольно долго, хоръ мѣстныхъ дѣвушекъ пѣлъ гимны Трансвааля и Оранжа, привѣтствуя проѣзжавшихъ на ихъ защиту. Эти послѣдніе, по большей части еще молодые люди, высыпали на платформу и присоединились къ хору женщинъ; картина на фонѣ огненнаго южно-африканскаго заката выходила поэтичная и увлекательная.

Вообще, у ѣхавшихъ съ нами въ командо бюргеровъ еще вовсе не замѣчался появившійся вскорѣ упадокъ духа. Напротивъ, настроеніе у всѣхъ было приподнятое; этому способствовала, вѣроятно, надежда еще поправить случайную неудачу, лично участвовать въ освобожденіи войска Кронье. Къ тому же, миновавъ въ Ферейнигенѣ границу Трансвааля, бюргеры вышли изъ сферы строгихъ законовъ президента Крюгера, проведшаго здѣсь постановленіе, по которому въ военное время продажа спиртныхъ напитковъ допускалась не иначе, какъ по особому разрѣшенію правительства, дававшемуся лишь нѣсколькимъ большимъ гостиницамъ, частнымъ же лицамъ только по медицинскому свидѣтельству. Во Фрейштатѣ строгость не доходила до такихъ размѣровъ, и, переѣхавъ границу, трансваальцы, понятно, накинулись на запрещенный дома плодъ, что нѣсколько способствовало ихъ оживленному настроенію, хотя не вызвало никакихъ нежелательныхъ выходокъ, а проявлялось только пѣніемъ пѣсенъ — преимущественно національнаго гимна, да стрѣльбой, по какой-нибудь цѣли изъ оконъ вагоновъ. Это послѣднее развлеченіе очень характерно для африканцевъ: всѣ прекрасные стрѣлки они считаютъ окончательной пробой искусства попасть при быстромъ и тряскомъ движеніи поѣзда въ намѣченную цѣль, особенно если цѣль эта сама еще движется. Поэтому, едва по пустынному фельду мелькнетъ въ отдаленіи дикая коза, какъ раздаются выстрѣлы и замѣчанія относительно стрѣльбы состязающихся. Первые раза насъ пугала эта внезапно поднимающаяся пальба, правительствомъ строго воспрещавшаяся; потомъ мы такъ къ ней привыкли, что не обращали на нее вниманія, или же сами съ интересомъ слѣдили за результатомъ выстрѣловъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего проѣзда по этой же линіи при подобной стрѣльбѣ произошелъ маленькій инцидентъ, очень характерный для буровъ и вмѣстѣ интересный съ точки зрѣнія нашего русскаго самолюбія.

Надо сказать, что въ самый день нашего отъѣзда изъ Преторіи, зайдя проститься съ г-жею Рейцъ, я нашла хозяина дома на верандѣ въ раз-

говорѣ съ какимъ-то господиномъ, котораго я, по первому взгляду, даже не признала за соотечественника. Поздоровавшись съ Рейцемъ, я сказала, что не буду ему мѣшать и прошла было въ домъ къ дамамъ. Но хозяинъ дома послѣдовалъ за мною, говоря, что его гость мой соотечественникъ и вотъ ему, наконецъ, представляется давно желанный случай послушать русскую рѣчь между русскими, поэтому онъ проситъ меня познакомиться и поговорить съ его гостемъ. Хотя я вообще избѣгала знакомствъ съ неизвѣстными соотечественниками, опасаясь встрѣтить въ нихъ типы въ родѣ выше названнаго г-на Г. «командира русскаго отряда», однако, на такую просьбу хозяина дома я могла только отвѣтить согласіемъ и вернуться на веранду въ сопровожденіи на этотъ разъ дамъ, пожелавшихъ присутствовать при представленіи на русскомъ языкѣ. Гость оказался Е. Я. Максимовъ, котораго я, понятно, не запомнила въ лицо по разсказанному мною выше инциденту въ Портъ-Саидѣ, а только смутно помнила его подпись подъ газетными статьями. Поэтому, при всей обязательной вѣжливости, сначала отнеслась къ нему довольно холодно, и какъ Рейцы, такъ и самъ мой будущій паціентъ, съ тѣхъ поръ не разъ вышучивали мою величественную манеру при первомъ знакомствѣ. О цѣли посѣщенія Максимова у Рейца и вообще его дѣятельности въ Трансваалѣ рѣчь еще впереди; теперь же интересенъ эпизодъ, случившійся съ нимъ черезъ день послѣ нашего знакомства при проѣздѣ изъ Преторіи въ Блумфонтенъ, эпизодъ самъ по себѣ пустячный, но какъ уже сказано характерный для буровъ, Максимову же сослужившій большую службу при его дальнѣйшихъ отношеніяхъ съ ними. Въ общемъ разговорѣ въ вагонѣ, отвѣчая на разспросы ѣхавшихъ въ командо буровъ, Максимовъ, ѣхавшій въ Блумфонтенъ съ цѣлью, которую не желалъ огласить преждевременно, называлъ себя просто корреспондентомъ, и на этомъ основаніи бюргеры, интересующіеся, правда, газетами, но не особенно сочувствующіе сильнымъ и здоровымъ людямъ, убивающимъ время на сочинительство, тѣмъ болѣе въ военное время, отнеслись къ нему довольно холодно и даже насмѣшливо.

Въ это время далеко въ фельдѣ мелькнула серна и, испуганная раздавшимися тотчасъ по ней выстрѣлами, понеслась еще быстрѣе. Всѣ выстрѣлы оказались промахами. Тогда Максимовъ обратился къ одному изъ присутствовавшихъ съ просьбой одолжить свою винтовку, которая и была ему передана съ замѣчаніемъ, что теперь уже въ животное попасть невозможно. Однако, Максимовъ передвинулъ прицѣлъ, показавшійся ему слишкомъ близкимъ, выстрѣлилъ и животное тутъ же повалилось. Это было тѣмъ болѣе неожиданно для буровъ, что вообще европейцы стрѣляютъ гораздо хуже ихъ и съ трудомъ приноравливаются къ условіямъ ихъ атмосферы, приближающей предметы. Здѣсь

же ошибка оказалась на ихъ сторонѣ, неизвѣстный же европеецъ убилъ наповалъ при быстромъ ходѣ поѣзда несшееся прыжками животное. Конечно, это былъ счастливый выстрѣлъ, но такой выстрѣлъ въ Трансваалѣ создастъ человѣку репутацію. Раздались крики восторга, привѣтствія, поздравленія, уговаривали поступить въ ихъ ряды, говоря, что такому стрѣлку стыдно заниматься изводомъ чернилъ. Одинъ изъ присутствующихъ настоялъ, чтобы расписаться въ записной книжкѣ Максимова «Hat eenen springbock geschoten af 800 yards (онъ убилъ козулю на 800 ярдовъ). Но этимъ инцидентъ еще не закончился. Въ военное время станціи не успѣвали готовить пищу для всѣхъ ѣхавшихъ взадъ и впередъ и приходилось самимъ запасаться провизіей на длинные переѣзды. Но нѣкоторые изъ жителей открывали вблизи станцій дешевыя столовыя, чтобы накормить бюргеровъ, ѣдущихъ на защиту родины. Выйдя на одной изъ станцій и не найдя горячей пищи, Максимовъ за толпой направился было къ одной изъ такихъ столовыхъ, но хозяйка остановила его словами, что это не гостинница, а почти даровой столъ «для своихъ». Онъ хотѣлъ уже было уйти, какъ одинъ изъ присутствовавшихъ оживленно заговорилъ съ хозяйкой, и та, тотчасъ перемѣнивъ тонъ, остановила его, говоря, что такому стрѣлку она всегда счастлива предложить обѣдъ и только жалѣетъ, что онъ не принадлежитъ къ защитникамъ ея родины. Максимовъ пообѣдалъ и хотѣлъ расплатиться, какъ другіе; но денегъ у него не взяли, все настаивая на чести и удовольствіи накормить такого стрѣлка.

Этотъ случай и послѣдовавшее вскорѣ укрощеніе бѣшенаго коня, къ которому даже такіе ѣздоки, какъ буры, боялись подступиться, онъ же объѣздилъ его въ 3 раза и затѣмъ сдѣлалъ на немъ весь походъ до своего отъѣзда, положили основаніе репутаціи Максимова у буровъ, и мнѣ самой, еще не зная, что рѣчь идетъ о немъ, приходилось слышать восторженные отзывы о russisch colonel, который такъ чудно ѣздитъ и стрѣляетъ.

Въ Блумфонтенъ мы пріѣхали уже поздно вечеромъ и были на вокзалѣ встрѣчены д-ромъ фанъ-Леерсумомъ, препроводившимъ насъ тотчасъ въ Hotel на главной площади и тамъ сообщившимъ, что все уже готово для нашего устройства на южномъ фронтѣ двумя отдѣленіями въ Ахтертангѣ и въ живописно расположенномъ Норвальспонтѣ, у переправы желѣзнодорожной линіи (Капштадтъ—Блумфонтенъ), черезъ Оранжевую рѣку; въ Норвальспонтѣ былъ даже нанятъ домъ подъ лазаретъ; но вѣсть объ опасномъ положеніи Кронье совершенно измѣнила все положеніе: главный ударъ надо ожидать не съ юга, а съ запада, куда и начали стягиваться союзныя войска, чтобы противостать напору англи-

чанъ, прорвавшимъ здѣсь оборонительную линію, и потому фанъ-Леерсумъ рѣшается самъ съѣздить въ ту сторону, осмотрѣть указанныя ему какъ подходящія для насъ мѣста, и затѣмъ рѣшить, какъ и въ какомъ порядкѣ туда ѣхать. Черезъ 4 дня послѣ нашего пріѣзда получилось извѣстіе о сдачѣ Кронье — но собрался д-ръ фанъ-Леерсумъ далеко не тотчасъ; пока же началось опять столь тяготившее насъ въ Преторіи бездѣлье по гостинницамъ. Непріятно это положеніе было намъ не вслѣдствіе скуки—вокругъ было слишкомъ много привлекавшаго наше вниманіе и интересъ, а по сознанію, что, живя праздно въ свое удовольствіе, мы безполезно тратимъ средства, предназначенныя на доброе и справедливое дѣло. Неудовольствіе на такое веденіе дѣла, зародившееся сначала между русскими членами отряда, къ этому времени передалось и голландскимъ нашимъ товарищамъ: д-ръ Ромейнъ—младшій голландскій хирургъ, вообще прекрасно относившійся къ намъ русскимъ—въ это время находился въ командировкѣ въ Ватерфалѣ [1]); но старшій голландскій хирургъ фанъ-Диссель, по первому впечатлѣнію человѣкъ апатичный и мало высказывающійся, въ теченіе нашего пребыванія въ Блумфонтенѣ, кажется, вѣско поговорилъ съ фанъ-Леерсумомъ, очень считавшимся съ его мнѣніями, съ администраторомъ же имѣлъ серьезную сцену вслѣдствіе его бездѣятельности въ прямо касавшихся его вопросахъ и неподходящаго отношенія къ врачамъ. Это. впрочемъ, было позднѣе, въ послѣдніе дни нашего пребыванія въ Блумфонтенѣ, теперь же фанъ-Леерсумъ взялъ д-ра Дисселя съ собою изучать положеніе у западнаго фронта, насъ же всѣхъ оставилъ безъ опредѣленнаго начальства, кое-какъ уживаться между собою и на досугѣ знакомиться съ городомъ и жителями. Неспѣшность всѣхъ этихъ распоряженій совершенно несоотвѣтствовала положенію дѣлъ и обязательствамъ фанъ Леерсума передъ выславшимъ насъ комитетомъ и народомъ, столь щедро снабдившимъ насъ на полезную дѣятельность, такъ что даже голландскія сестры,—очень понятно склонныя извинять своего старшаго врача, приняли это къ сердцу, пожалуй, еще больше насъ, совершенно открыто высказывали свое негодованіе на нашу бездѣятельную жизнь въ лучшихъ гостинницахъ и желаніе быть переведенными въ какое-либо казенное помѣщеніе, гдѣ мы могли бы сами вести хозяйство на экономическихъ началахъ и хотя этимъ сокращать расходъ отряда, за столомъ же стали отказываться отъ всего излишняго, требовавшаго добавочной платы, какъ, напримѣръ, вина и даже пива, для голландцевъ привычнаго напитка, но страшно дорогого въ Южной Африкѣ [2]). Болѣе того, когда фанъ-Леерсумъ, уѣхав-

[1]) Въ лагерѣ плѣнныхъ англичанъ.
[2]) Бутылка около 2-хъ рублей.

шій на развѣдки, не вернулся въ назначенный срокъ и стало невозможно предвидѣть конецъ этого неудовлетворительнаго положенія, онѣ громко высказывали желаніе, чтобы доктора, по общему соглашенію, снеслись съ комитетомъ, требуя замѣны старшаго врача, ему же, по его возвращеніи, заявили, что, если онъ не способенъ разобраться въ мѣстныхъ условіяхъ и пристроить насъ къ дѣлу, а умѣетъ только разъѣзжать безъ толку на чужія деньги, то пусть передаетъ свои полномочія одному изъ нихъ, причемъ указывали нашего старшаго хирурга д-ра Вебера, своимъ знаніемъ дѣла и тактомъ заслужившаго ихъ полное уваженіе и симпатію. Но врачи не нашли возможнымъ прибѣгнуть къ столь крайнимъ мѣрамъ. Когда же фанъ-Леерсумъ, вернувшись, засталъ столь враждебное настроеніе даже своихъ соотечественниковъ, то самъ заторопился разборкой вещей и отправленіемъ хотя части персонала къ фронту, гдѣ ожидались кровопролитныя столкновенія при послѣдней попыткѣ буровъ, несмотря на сдачу генерала Кронье, остановить англійское вторженіе по линіи рѣки Моддеръ. Было рѣшено отправить передовой перевязочный пунктъ въ Попларсъ Гровъ, гдѣ и произошло слѣдующее сраженіе; въ этотъ отрядъ, къ моему удовольствію, была назначена я съ голландской сестрой Когенъ и д-рами фанъ-Десселемъ и Борнгауптомъ. Другой отрядъ, изъ 6-ти сестеръ съ докторами Веберомъ и Кухаренко и администраторомъ, долженъ былъ устроить большой лазаретъ въ тылу войскъ, въ Катдорнсруйтѣ; и, наконецъ, третій—изъ двухъ сестеръ (фанъ-Схарлбекъ и Марзефенъ) съ д-ромъ Ренненкампфомъ (какъ терапевтомъ), долженъ былъ въ Брандфордѣ, на желѣзнодорожной линіи Блумфонтенъ-Преторія, открыть передаточный лазаретъ для эвакуируемыхъ отъ фронта больныхъ. Себѣ д-ръ фанъ Леерсумъ предоставлялъ, посредствомъ разъѣздовъ, поддерживать связь между всѣми нами.

Началась спѣшная разборка вещей на большомъ Блумфонтенскомъ вокзалѣ, гдѣ въ эту минуту платформа и всѣ ходы и выходы были завалены добромъ проѣзжавшихъ командъ, отчасти ночевавшихъ тутъ же на крытомъ дебаркадерѣ или вокругъ, на открытомъ воздухѣ. Тутъ же у коновязей стояли лошади подъ присмотромъ кафровъ, которые, разложивъ костры, готовили себѣ пищу, галдѣли и даже дрались между собою. Намъ былъ отведенъ вблизи станціи небольшой домикъ изъ цинкованнаго желѣза, чтобы мы могли запирать уже вскрытые ящики. Къ нему подвозились по рельсамъ вагоны съ нашимъ имуществомъ; ящики вскрывались тутъ же, на открытомъ воздухѣ, вещи сортировались и вновь укладывались или же временно складывались въ домъ. И здѣсь опять большой помѣхой служила нераспорядительность фанъ

Мойэна—сначала въ его неумѣньи достать кафровъ для самой тяжелой части работы (выгрузки и переноски тяжелыхъ ящиковъ, вскрытiи и заколачиваньи ихъ, перевозки вещей на ручныхъ тележкахъ и т. под.); потомъ же, когда ему, наконецъ, удалось «накомандировать» себѣ черезъ правительство цѣлую толпу черныхъ—полнымъ неумѣньемъ ими распоряжаться и руководить ихъ работой, такъ что они цѣлыми днями или пропадали неизвѣстно гдѣ, или варили свой millies (кашу изъ кукурузы), ящики же въ это время таскали и заколачивали не только доктора, работавшiе буквально какъ чернорабочiе на выгрузкахъ, но и сестры, желавшiя хоть какъ-нибудь подвинуть дѣло. Наконецъ, распоряженiе работой черныхъ и сношенiя съ желѣзнодорожнымъ начальствомъ принялъ на себя всегдашнiй нашъ спаситель въ затруднительныхъ положенiяхъ, д-ръ Ренненкампфъ, и все сразу пошло глаже. При распредѣленiи вещей не обошлось, конечно, безъ мелкихъ столкновенiй и неудовольствiй, но существеннаго значенiя они не имѣли и, несмотря на трудность этой работы подъ палящимъ солнцемъ, мы всѣ люди здоровые, довольные, что, наконецъ, избавились отъ тягостнаго бездѣйствiя, работали охотно, дружно, съ шутками и почти не было видно усталыхъ или недовольныхъ лицъ. Прiятнымъ перерывомъ въ работѣ служило когда кто-либо изъ насъ разорялся на продававшiеся неподалеку арбузы, которые мы съ наслажденiемъ уничтожали тутъ же, сидя на грудахъ ящиковъ.

Но вечеромъ, собираясь иногда на верандѣ, принадлежавшей къ гостиной голландскихъ сестеръ, мы могли слышать, какъ съ вокзала доносилось пѣнiе псалмовъ и нацiональныхъ гимновъ республикъ: то пѣли ночевавшiя тамъ команды; пѣли нестройно, такъ какъ буры вообще немузыкальный народъ, но съ большимъ воодушевленiемъ, и впечатлѣнiе ночью и при тогдашнихъ обстоятельствахъ получалось сильное.

Блумфонтенъ тогда представлялъ наиболѣе интересный пунктъ Южной Африки, по близости къ театру военныхъ дѣйствiй, массѣ проѣзжавшихъ или жившихъ тамъ выдающихся лицъ и серьезности сталкивавшихся интересовъ. Онъ не производитъ, какъ Преторiя, впечатлѣнiе большой, красивой и благоустроенной деревни, но зато, по моему, носитъ гораздо менѣе симпатичный отпечатокъ провинцiи и провинцiи англiйской, лишенной къ тому же интереснаго и своеобразнаго характера многихъ старыхъ англiйскихъ городовъ. Отъ этого впечатлѣнiя не спасаетъ Блумфонтенъ даже значительное число прекрасныхъ общественныхъ зданiй, какъ вокзалъ (крытый, совершенно европейскiй столичный), соборъ, почта, больницы, школы, музей, наконецъ, прези-

М. Г. Штейнъ

дентскій домъ, по типу напоминающій скорѣе небольшой, но изящный дворецъ, приспособленный къ большимъ пріемамъ именитыхъ англійскихъ гостей, обязанность часто выпадавшая на долю президентовъ Фрейштата, и представляющій полный контрастъ съ частнымъ помѣщеніемъ президента Крюгера. Когда мы пріѣхали, президента Штейна въ городѣ не было: при первомъ извѣстіи о неблагопріятномъ поворотѣ дѣла, онъ уѣхалъ къ войскамъ, и черезъ нѣсколько дней въ красивомъ и уютномъ «президентскомъ домѣ», отчасти знакомомъ мнѣ по воспоминаніямъ семьи Рейцъ, насъ, сестеръ, принимала только М-ше Штейнъ и еще сестра президента, незадолго бѣжавшая съ семьей передъ англійскимъ нашествіемъ[1]), и много разсказывавшая о пожарахъ фермъ и другихъ безчинствахъ англійскихъ войскъ.

ГЛАВА V.

Во всеобщемъ вниманіи къ борьбѣ маленькаго Трансвааля съ Англіей у насъ почему-то слишкомъ затушевалось участіе въ этомъ дѣлѣ другой южно-африканской республики. А между тѣмъ, если Трансвааль по величинѣ, богатству и естественнымъ условіямъ, несомнѣнно, является болѣе самостоятельнымъ и послѣдовательнымъ въ своемъ голландерскомъ направленіи, занимаетъ первенствующее мѣсто въ борьбѣ за существованіе самостоятельныхъ голландскихъ областей на югѣ Африки, то нельзя игнорировать, что меньшій и болѣе открытый иноземному вторженію, какъ военному, такъ и мирному, Фрейштатъ въ своей солидарности съ Трансваалемъ руководствовался не какими-либо эгоистическими соображеніями, не желаніемъ сохранить какія-либо естественныя богатства, такъ какъ богатая брилліантами западная полоса давно отнята тѣми же англичанами, а мотивами чисто національнаго и патріотическаго характера; и что это отношеніе вначалѣ, пока жестокости англичанъ въ занятыхъ ими областяхъ не придали борьбѣ острый характеръ личнаго ожесточенія и мести, обусловливалось не столько настроеніемъ всего народа, сколько политическими и націоналистическими идеалами лицъ, стоявшихъ у правленія и прежде всего самого президента Штейна.

Президентъ Штейнъ, и опять-таки совершенно несправедливо, раздѣляетъ то невниманіе съ которымъ въ Европѣ и особенно у насъ относятся къ роли представляемой имъ республики въ событіяхъ послѣд-

---

[1]) Ея ферма находилась близъ занятаго англичанами Якобсдаля.

нихъ лѣтъ. А между тѣмъ, это личность весьма выдающаяся, замѣчательная своимъ спокойнымъ мужествомъ, стойкостью своихъ убѣжденій, ясностью взгляда на все совершающееся и, наконецъ, даже той самоотверженной скромностью, съ которой онъ, ради общаго дѣла, постоянно стушевывался передъ главнымъ иниціаторомъ этого дѣла, президентомъ Крюгеромъ. Въ противоположность Крюгеру, Штейнъ получилъ совершенно законченное европейское образованіе; но въ душѣ онъ такой же буръ, африканецъ, страстно преданный своей родинѣ, на дѣлѣ показавшій, что онъ всѣмъ готовъ пожертвовать для ея независимости, готовъ служить ей буквально до послѣднихъ силъ. По профессіи онъ юристъ, какъ многіе изъ выдающихся дѣятелей этой войны, и до своего избранія въ президенты занималъ въ Оранжевой республикѣ постъ главнаго судьи (министра юстиціи). Принявъ управленіе республикой вскорѣ послѣ набѣга Джемсона на Трансвааль, вся его дѣятельность прошла въ усиліяхъ примирить сталкивающіеся вокругъ Фрейштата интересы двухъ болѣе крупныхъ южно-африканскихъ государствъ — Трансвааля и Англіи. Но какъ всѣ настоящіе африканцы, онъ скоро понялъ, что такого рода дѣятельность можетъ быть только временной, что рано или поздно столкновеніе неминуемо и что тогда, ради спасенія не только внѣшней независимости, но даже самой національности, Фрейштату придется безъ колебанія примкнуть къ родственной республикѣ и погибнуть или спастись вмѣстѣ съ нею. Президентъ Штейнъ и окружающія его лица, его единомышленники, постоянно готовились къ этому неизбѣжному кризису, но для нихъ эта подготовка представляла много больше затрудненій, чѣмъ это было въ Трансваалѣ, прежде всего потому, что, несмотря на довѣріе къ нимъ согражданъ, выразившееся въ ихъ избраніи, они все же не пользовались такимъ личнымъ авторитетомъ, какъ Oom Paul, а затѣмъ, вслѣдствіе относительной бѣдности, какъ всего Фрейштата (страны исключительно земледѣльческой, не обладающей рудными богатствами), такъ и ихъ самихъ, такъ что они не имѣли возможности, подобно президенту Крюгеру, въ случаяхъ, требовавшихъ секретныхъ затратъ, о которыхъ опасались заявлять даже въ фольксраадѣ, покрывать эти расходы изъ собственнаго состоянія. При этомъ приходилось еще считаться съ равнодушіемъ значительной части населенія, гораздо больше, чѣмъ буры Трансвааля, подпавшаго вліянію англійской культуры. Еще во время нашего пребыванія во Фрейштатѣ разговорнымъ языкомъ тамъ былъ преимущественно англійскій (всѣ вывѣски, объявленія были на этомъ языкѣ), и хотя люди, преданные національному дѣлу, изъ принципа употребляли языкъ голландскій, но многимъ это, очевидно, стоило труда, а населеніе, хотя вообще

производило впечатлѣніе болѣе культурное, чѣмъ въ Трансваалѣ, но культурное именно на манеръ англійскій. Борьба послѣднихъ лѣтъ ясно показала, что англійскій отпечатокъ у фрейштатцевъ былъ чисто внѣшнимъ наслоеніемъ, не успѣвшимъ повліять на основной складъ народнаго характера, но если бы Англія не торопилась несправедливымъ захватомъ, время могло бы оказать ей здѣсь гораздо большія услуги, чѣмъ грубое насиліе, которымъ она только вызвала заглохшую было ненависть упорной и живучей расы. Президенту Штейну и его единомышленникамъ приходилось бороться именно съ равнодушіемъ поколѣнія, лично не испытавшаго англійскаго гнета и захваченнаго цѣлой паутиной привычекъ, личныхъ и семейныхъ интересовъ, сближавшихъ его не только съ африкандерскимъ, но и съ англійскимъ населеніемъ Капланда и даже метрополіи. Подобнаго рода связи и симпатія установились преимущественно у наиболѣе образованныхъ и вліятельныхъ семействъ, и это было такъ хорошо извѣстно, что вызывало не всегда неосновательныя сомнѣнія въ ихъ лояльности. Въ теченіе первыхъ дней моего пребыванія въ Блумфонтенѣ мнѣ случилось познакомиться съ одной изъ наиболѣе уважаемыхъ дамъ мѣстнаго общества, г-жей Брандъ, уже пожилой дочерью покойнаго президента Бранда. Она и ея замужняя сестра отнеслись ко мнѣ особенно сердечно, такъ какъ знали обо мнѣ изъ писемъ своего брата Алекса, моего больного по санитарному поѣзду. Мнѣ лично пришлось слышать отъ нихъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ имъ въ послѣдніе дни, во время одной прогулки на укрѣпленія Блумфонтена, отъ встрѣченной шовинистской толпы, обвинявшей ихъ въ подачѣ сигналовъ «ихъ друзьямъ въ англійскомъ войскѣ». И если это обвиненіе само по себѣ нелѣпо, то поводомъ къ нему послужила чрезвычайная уступчивость по отношенію къ англичанамъ, даже такого несомнѣннаго патріота, какъ отецъ этихъ дамъ, и розвь завѣдомо существовавшая въ этой семьѣ по политическимъ вопросамъ. Нѣкоторые изъ дочерей президента Бранда замужемъ за англичанами Капштадта, и мои знакомыя, хотя и не провинились никакими измѣнническими дѣяніями, ждали только занятія Блумфонтена англійскими войсками, чтобы имѣть возможность переѣхать въ Капштадтъ въ болѣе спокойную обстановку. Изъ ихъ братьевъ одинъ, ландростъ (бургомистръ) города Табанчу, впослѣдствіи былъ преданъ суду за неоставленіе города и несложеніе съ себя власти въ теченіе временнаго занятія города англичанами; два другихъ—Алексъ, раненый при Спіонскопѣ, и комендантъ Джемсъ Брандъ, принадлежали тогда къ горячимъ поборникамъ независимости. Это смѣшеніе и шаткость взглядовъ въ той же семьѣ, къ тому же одной изъ наиболѣе вліятельныхъ, хорошо характеризуетъ отношеніе къ политическимъ вопросамъ во всей Оранжевой республикѣ,

пока англичане не позаботились выяснить населенію истинный характеръ своего владычества.

Для достиженія своихъ цѣлей англійская дипломатія не съумѣла воспользоваться очень опредѣленной рознью, существовавшей до войны, и даже въ первые ея мѣсяцы, между населеніемъ обѣихъ союзныхъ республикъ. Рознь эта, коренившаяся, главнымъ образомъ, въ большей податливости Фрейштата, по отношенію къ англійской цивилизаціи и вліянію, поддерживанная нѣсколько презрительнымъ отношеніемъ коренныхъ трансваальцевъ къ менѣе богатой и самостоятельной родственной республикѣ, давала себя знать очень опредѣленно еще даже въ первое время нашего пребыванія въ Трансваалѣ. Сколько разъ тогда въ Преторіи приходилось слышать: «На него можно положиться—онъ трансваалецъ»; или, даже по отношенію къ прославленному теперь герою общаго дѣла, Хр. Девету: «Онъ только фрейштатскій генералъ». Сколько разъ высказывалось при насъ убѣжденіе, что на фрейштатцевъ нельзя положиться, что при первой неудачѣ они неизбѣжно выдадутъ союзниковъ, несмотря на усилія президента Штейна, въ національныхъ чувствахъ котораго никто никогда не сомнѣвался.

Первымъ чувствительнымъ и весьма полезнымъ ударомъ, нанесеннымъ этому несправедливому превознесенію себя надъ союзниками, была сдача прославленнаго трансваальца Кронье, несмотря на сопротивленіе состоявшаго на службѣ Фрейштата маіора Альбрехта, и при невыясненныхъ вполнѣ обстоятельствахъ, помѣшавшихъ ему воспользоваться путемъ отступленія, открытымъ ему, главнымъ образомъ, искусствомъ и быстротою движеній фрейштатца Девета. Однако, этотъ и подобные уроки подѣйствовали не сразу, и первымъ впечатлѣніемъ трансваальцевъ отъ неудачи при Паардебергѣ—было убѣжденіе въ безполезности бороться за Фрейштатъ, жители котораго, по ихъ мнѣнію, только и стремятся что къ сепаратному миру, и необходимость со всею поспѣшностью отступать къ собственнымъ границамъ, чтобы тамъ вѣрнѣе задержать непріятеля.

Съ другой стороны, большинство фрейштатцевъ, естественно, весьма обидчиво относились къ этимъ выходкамъ трансваальцевъ и вовсе не были склонны подражать непритязательности президента Штейна, ради общаго дѣла постоянно стушевывавшаго свою весьма выдающуюся личность передъ престарѣлымъ вождемъ союзной республики, имя котораго стало какъ бы знаменемъ и символомъ этого дѣла.

Одинъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ, имѣвшій случай видѣть обоихъ президентовъ вмѣстѣ въ частной обстановкѣ, говоритъ, что уваженіе и заботливость, оказываемыя Штейномъ Крюгеру, тогда вслѣд-

ствіе болѣзни глазъ почти слѣпому, носили отпечатокъ прямо трогательный и почти сыновній. И во всей столь плодотворной дѣятельности Штейна проходитъ эта черта личной скромности, стушевыванія личныхъ заслугъ и значенія, не только по отношенію къ такому выдающемуся дѣятелю, какъ президентъ Крюгеръ, но даже передъ своими помощниками въ управленіи Фрейштатомъ. Какъ, еще во время моего пребыванія въ Африкѣ многіе, особенно изъ пріѣзжихъ, въ отношеніи общей политики считали президента Штейна лишь пѣшкой въ рукахъ Крюгера, такъ, въ еще большей мѣрѣ, укоренилось мнѣніе объ отсутствіи у него самостоятельности въ исполненіи своихъ непосредственныхъ обязанностей президента Фрейштата. Здѣсь не только правой рукой, но прямо «головою президента» называли д-ра Фишера, якобы только по нежеланію столь хлопотливой дѣятельности, сопряженной съ такой большой отвѣтственностью, не занявшаго этотъ постъ послѣ выхода въ отставку Рейца. Несомнѣнно, что Фишеръ по своему уму, образованію, дипломатической ловкости и патріотизму занималъ до войны очень видное положеніе въ управленіи и политикѣ Фрейштата, и только въ пользу и въ честь президента говоритъ, что онъ во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ постоянно пользовался его помощью и совѣтами. Но Крюгеръ, удрученный годами и болѣзнью, былъ принужденъ удалиться въ Европу, надѣясь своимъ присутствіемъ здѣсь принести бо̀льшую пользу своимъ согражданамъ. Фишеръ былъ усланъ еще раньше съ миссіей чрезвычайной важности. Штейнъ оставался до конца, и его значеніе и вліяніе росли съ каждымъ днемъ. По свидѣтельству такихъ людей, какъ Бота, Деветъ, онъ былъ истинной душею дѣла, сражался, совѣтовалъ, утѣшалъ и ободрялъ падавшихъ духомъ, пока, вслѣдствіе нравственнаго потрясенія, вызваннаго необходимостью заключить миръ, лишавшій ихъ независимости, и тяжкихъ повреждeній при паденіи изъ разбитаго экипажа, не былъ привезенъ въ Европу умирающимъ.

Этимъ я, конечно, не имѣю намѣренія умалить заслуги д-ра Фишера, заслуги тогда же вполнѣ оцѣненныя англичанами, которые въ этотъ періодъ, гдѣ сожженіе и опустошеніе фермъ не входило еще въ общую программу, а составляло единичные случаи, послѣ послѣдовавшаго вскорѣ занятія Блумфонтена, дотла сожгли загородный домъ Фишера и разграбили всю изящную и цѣнную обстановку, которой онъ справедливо гордился; при чемъ, говорятъ, серебро и вся сервировка украсила столъ англійскаго главнокомандующаго, вообще лично очень порядочнаго.

Это озлобленіе англичанъ на д-ра Фишера было результатомъ сдѣлавшейся по несчастью слишкомъ рано извѣстной миссіи въ Европу, для которой онъ только что выѣхалъ со своими двумя товарищами, гг. Вес-

сельсомъ и Вольмарансомъ. Миссія эта въ свое время, такъ сильно привлекала вниманіе всей Европы, возбуждала такъ много толковъ и ожиданій, что нѣкоторыя подробности о нихъ самихъ, ихъ отправкѣ изъ Южной Африки и первоначальнаго плана дѣйствій, вѣроятно, покажутся интересными.

Первая идея этой миссіи принадлежитъ въ сущности не бурамъ. Она зародилась у страстнаго поборника ихъ дѣла, много ему послужившаго, названнаго уже выше Е. Я. Максимова. Помня всеобщее сочувствіе, царившее въ Европѣ во время его отъѣзда, причемъ принципіально индифферентное отношеніе правительствъ еще не успѣло выясниться, и, напротивъ, въ обществѣ ходило множество толковъ о вѣроятіяхъ европейскаго вмѣшательства, видя упадокъ духа, послѣдовавшій у массы буровъ послѣ сдачи Кронье, Максимову пришла мысль, что личное обращеніе южно-африканскихъ республикъ къ правительствамъ Европы могло бы ускорить такое вмѣшательство и сократить жертвы и разореніе этой несправедливой войны. Съ этой мыслью онъ пріѣхалъ въ Блумфонтенъ въ то время, когда мы находились тамъ со своимъ санитарнымъ отрядомъ, и тотчасъ по возвращеніи президента Штейна отъ фронта, поспѣшилъ ему представиться. Мнѣ всегда казалась интересной быстрота, съ которой эти два человѣка, незнакомые и совершенно чуждые по воспитанію и обстановкѣ, но одушевленные одинаково горячимъ, прямымъ и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу, поняли и оцѣнили другъ друга. Оцѣнка эта выразилась со стороны Максимова въ постоянной горячей защитѣ Штейна, какъ самостоятельнаго и выдающагося дѣятеля, у Штейна же неизмѣннымъ довѣріемъ и поддержкой въ многочисленныхъ затрудненіяхъ встрѣченныхъ Максимовымъ въ его южно-африканской дѣятельности. И въ вопросѣ о миссія Штейнъ сразу оцѣнилъ мысль совершенно неизвѣстнаго ему европейца и переговорилъ по этому предмету съ президентомъ Крюгеромъ, пріѣхавшимъ на другой день въ Блумфонтенъ; она поступила на обсужденіе совѣтовъ обѣихъ республикъ и, буквально въ нѣсколько дней, миссія была рѣшена и отправлена. Кромѣ д-ра Фишера, выдающагося юриста, дипломата и государственнаго дѣятеля, въ нее вошелъ отъ оранжевой республики Вессельсъ, особенно извѣстной по своему просвѣщенному отношенію къ вопросамъ сельскаго хозяйства, введенію въ него новыхъ культуръ и усовершенствованныхъ пріемовъ; для практическаго изученія этихъ вопросовъ уже изъѣздивъ Европу и Америку, онъ вернулся только передъ самымъ началомъ войны, чтобы принять участіе въ защитѣ національнаго дѣла. Отъ Трансвааля въ депутаты былъ выбранъ Вольмарансъ, дальній родственникъ президента Крюгера, своимъ своеобразнымъ, нѣсколько рѣзкимъ краснорѣчіемъ въ фольксраадѣ бывшій

всегда серьезной поддержкой этого послѣдняго въ вопросахъ какъ политики, такъ и внутренняго управленія; съ краснорѣчіемъ Вольмаранса и его всегда готовыми вѣскими и остроумными возраженіями, говорятъ, считался и покойный комендантъ-генералъ Жуберъ, лучшій ораторъ фолькераада. При этомъ Вольмарансъ отличался неподкупной честностью и особеннымъ даромъ основательно и до мельчайшихъ подробностей схватывать любой вопросъ, почему и участвовалъ постоянно—по большей части въ качествѣ предсѣдателя—во всѣхъ коммссіяхъ, наряжавшихся фолькераадомъ. Его друзья еще до войны держались взгляда, что для выработки изъ него истиннаго государственнаго человѣка, Даніэ Вольмарансу недостаетъ только знакомства съ Европой, ея порядками и учрежденіями. Случай для такой поѣздки представился теперь въ исключительно серьезныхъ и отвѣтственныхъ условіяхъ; но всѣ были убѣждены, что интересы Трансвааля, рядомъ съ дипломатической ловкостью д-ра Фишера, не могли быть довѣрены болѣе добросовѣстному и горячему патріоту, чѣмъ Вольмарансъ, ни болѣе солидарному въ этихъ вопросахъ съ главнымъ руководителемъ всего дѣла президентомъ Крюгеромъ. Выборъ трехъ депутатовъ—неравнаго числа отъ обѣихъ республикъ—объясняется первоначальнымъ планомъ дѣйствій миссіи, по которому депутаты должны были ѣхать прямо въ Европу совершенно безъ огласки своихъ намѣреній и оффиціальнаго положенія, тотчасъ же по высадкѣ раздѣляться и одновременно обратиться къ тремъ правительствамъ — русскому, германскому и французскому, прежде чѣмъ англійская дипломатія успѣла бы оказать на нихъ свое воздѣйствіе; съ голландскимъ же правительствомъ долженъ былъ снестись д-ръ Лейдсъ. Этотъ планъ, при точномъ выполненіи, представлялъ нѣкоторые шансы на успѣхъ, и сами буры признаютъ, что одной изъ важныхъ причинъ неудачи миссіи нужно считать слишкомъ раннюю огласку ея, бывшую послѣдствіемъ большого числа лицъ, участвовавшихъ въ ея обсужденіи, и вызванной этой оглаской перемѣны въ планѣ дѣйствій самими депутатами, которые, узнавъ, что европейскія правительства предупреждены и англійская дипломатія успѣла сдѣлать свое дѣло, рѣшили отправиться сначала въ Америку.

Пріѣздъ президента Крюгера въ Блумфонтенъ, совпавшій съ нашимъ пребываніемъ въ этомъ городѣ и послѣдующая поѣздка къ фронту являются однимъ изъ важныхъ моментовъ этого періода войны, какъ и вообще эти первыя недѣли, послѣдовавшія за сдачей Кронье, представляютъ одинъ изъ ея поворотныхъ моментовъ, моментъ психологически очень интересный въ вызванномъ ею развитіи или, скорѣе, яркомъ проявленіи различныхъ сторонъ національнаго характера буровъ.

Для народнаго характера буровъ эта война имѣетъ огромнѣйшее воспитательное значеніе; будущее покажетъ, что она для нихъ знаменуетъ переходъ отъ колебаній и незрѣлыхъ, инстинктивныхъ порывовъ юности къ сознательнымъ стремленіямъ и послѣдовательной дѣятельности зрѣлаго возраста. Эта незрѣлость народнаго характера, непривычка переживать серьезные политическіе моменты, особенно сказалась у массы буровъ слишкомъ рѣзкими колебаніями въ общественномъ настроеніи, вызываемыми колебаніями военнаго счастья: пылкими надеждами и неумѣреннымъ превознесеніемъ послѣ первыхъ, случайныхъ удачъ, бывшихъ въ сущности результатомъ плохой организаціи англійскихъ войскъ, невѣжества офицеровъ (смотрѣвшихъ на войну, какъ на спортъ, а не на серьезную науку) и бездарности командовавшихъ тамъ въ этотъ періодъ, и потомъ, послѣ первой же неудачи, вполнѣ неизбѣжной по бездарности подвергшагося ей Кронье и къ тому же вполнѣ поправимой, принявшей размѣры народнаго бѣдствія только въ силу приданнаго ей неправильно значенія—столь же рѣзкій упадокъ духа, многими, особенно иностранцами, ошибочно принятый за малодушіе и трусость.

Среди всеобщей растерянности твердо и неколебимо стояли только два президента и ихъ непосредственные единомышленники; но интересно прослѣдить разницу въ ихъ пріемахъ для поднятія духа согражданъ, сообразно съ поколѣніемъ, къ которому принадлежитъ каждый изъ нихъ, ихъ воспитанію и общему уровню развитія представляемыхъ ими областей. Тогда какъ президентъ Штейнъ, одну изъ прокламацій котораго я для образца привожу въ приложеніи [1]), почерпаетъ свои доводы изъ соображеній историческаго и національнаго характера, ссылаясь на волю и помощь Божію не болѣе чѣмъ это мы встрѣчаемъ въ рѣчахъ любого европейскаго правителя, рѣчи и воззванія президента Крюгера, конечно, не менѣе искреннія и не менѣе сильно дѣйствовавшія на массу бюргеровъ, своимъ тономъ постоянно напоминаютъ проповѣдь и даютъ полное право назвать его не только политическимъ, но и религіознымъ вождемъ. Характерна въ этомъ отношеніи циркулярная телеграмма Крюгера къ сражающимся бюргерамъ въ первые моменты безпокойства и нравственнаго колебанія, но еще до полученія окончательнаго извѣстія о сдачѣ Кронье, въ возможность, которой президентъ въ это время, очевидно, и самъ еще не вѣрилъ. Телеграмма эта нѣсколько длинна, но я все же считаю интереснымъ привести ее здѣсь цѣликомъ, какъ типичное проявленіе далекаго намъ, нравственнаго и общественнаго строя, гдѣ передача такого воззванія по телеграфу являлась не только возможнымъ, но обыденнымъ:

[1]) Приложеніе 2-е.

От его Высокопревосходительства президента Республики всѣмъ офицерамъ и бюргерамъ.

Любезные господа и братья!

«Если мы болѣе не стоимъ непоколебимо и не сражаемся во имя Господа, то значитъ невѣріе между нами; если же невѣріе между вами, то за нимъ послѣдуетъ малодушіе, и когда вы обратите ко врагу спину для бѣгства, то не найдется вамъ и мѣста, чтобы укрыться, ибо мы потеряли надежду на Бога. Нѣтъ, нѣтъ, братья, да не будетъ такъ, да не будетъ такъ. Не давалъ ли намъ Господь, до сихъ поръ ясныхъ доказательствъ, что онъ на нашей сторонѣ? Гдѣ бы наши бюргеры не стояли твердо, несмотря на превосходство врага, Господь отражалъ его и малымъ числомъ нашихъ. Братья, не тотъ же ли Онъ Господь, который раздвоилъ Красное море и погубилъ Фараона во всеоружіи его, потому что Моисей твердо стоялъ въ вѣрѣ? Не тотъ же ли это Господь, который вызвалъ источникъ, утолившій жажду тысячъ, изъ каменной глыбы? Не тотъ же ли это Господь, который шествовалъ по волнамъ и повелѣвалъ вѣтрамъ, и они повиновались Ему? Не тотъ же ли это Господь, который вызвалъ Петра на поверхность воды, и онъ силою вѣры шелъ по волнамъ, пока его вѣра не поколебалась и онъ не убоялся волнъ; когда же онъ погибалъ по собственному малодушію, не Господь-ли протянулъ ему руку, но и обличилъ его невѣріе. Не тотъ ли это Господь, который возлюбилъ насъ (христіанъ) больше племя Іуды, отъ котораго рожденъ Христосъ; не Онъ ли говоритъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него: Вы вѣрите въ Бога; вѣруйте и въ Меня. Я не оставлю Васъ и не покину Васъ даже на предѣлахъ земли, ибо я обрѣлъ (искупилъ) міръ».

«Мнѣ представляется по слову Божію, что мы живемъ въ то время когда, какъ сказано въ Откровеніи, звѣрь получилъ власть мучить церковь Христову и очистить Ее; такъ прошедшіе огонь испытанія будутъ очищены, вѣра ихъ доказана; одолѣніе же не во множествѣ враговъ, а въ рукѣ Божіей».

«До сихъ поръ Господь показалъ, что онъ на нашей сторонѣ, даруя намъ одолѣніе, пока мы твердо стояли въ вѣрѣ. Нѣтъ, нѣтъ, братья, не впадемте теперь въ невѣріе, не оставляйте Господа, но твердо стойте въ надеждѣ на Него, до самой смерти. Господь говоритъ, что смерть тѣхъ, кто сражается въ твердой вѣрѣ на Него, драгоцѣнна въ Его глазахъ и есть жертва на его алтарь».

«Это и есть священная война, сулящая вѣнецъ и въ этой жизни и въ будущей. Прочтите псаломъ 27, стихъ 7, гдѣ Господь говоритъ: «Дерзайте, боящіеся Господа, ибо Онъ вѣренъ въ своихъ обѣтованіяхъ; въ

вашей слабости обнаружитъ Онъ Свою силу». Прочтите псаломъ 33-й отъ 7-го стиха до конца, гдѣ онъ говоритъ, что «одолѣніе въ рукѣ Господа, а не во множествѣ коней и колесницъ». Прочтите псаломъ 108 до двухъ послѣднихъ стиховъ, гдѣ говорится, что «кто сражается во имя Господа, тотъ совершитъ великіе подвиги и враги его будутъ уничтожены». Прочтите псаломъ 118. «Они окружили насъ, какъ овецъ, но я поразилъ ихъ во Имя Господа и они были какъ терніи, сожженныя огнемъ». Прочтите особенно 10-ый стихъ этого псалма. «Это врата Господни; здѣсь долженъ пройти народъ вѣрующихъ, чтобы единогласно славить Бога передъ сіяніемъ Его благости».

«Нѣтъ братья, не дайте одному пораженію обратиться для насъ во всеобщее опустошеніе, но стойте и сражайтесь твердо въ вѣрѣ и будьте убѣждены, что Господь возстанетъ за насъ въ нашей брани, и разгонитъ враговъ своихъ (ненавистниковъ) ко всѣмъ концамъ земли. Псаломъ 68. Обстоятельства таковы, что имѣйте вѣру, еще немного времени и Господь долженъ скоро показать, что Онъ живъ и управляетъ міромъ. Отроки іудейскіе выбрали смерть въ пещи огненной, скорѣе, чѣмъ отрѣчься отъ вѣры. Наши предки предпочитали костеръ отрѣченію отъ вѣры, и церковь, основанная ими, и всѣ пострадавшіе за вѣру суть жертвы на алтарь Господа. Прочтите это воззваніе всѣмъ офицерамъ и бюргерамъ и мою увѣренность и просьбу, чтобы они стояли твердо и они побѣдятъ не прикрытіями и укрѣпленіями, но въ открытомъ полѣ. На Моддерѣ наши братья и въ открытомъ мѣстѣ отбиваются отъ окружившихъ ихъ тысячъ, и все же они постоянно отбрасываютъ врага съ тяжелыми потерями».

Какъ только выяснилась опасность отъ всеобщаго упадка духа, послѣдовавшаго за сдачей Кронье, президентъ Крюгеръ счелъ своимъ долгомъ лично выѣхать къ войскамъ, ожидавшимъ у Попларсъ-гровъ'а новаго натиска побѣдоноснаго врага. Съ этой цѣлью онъ прибылъ въ Блумфонтенъ, куда вернулся его встрѣтить президентъ Штейнъ. По пути Крюгера отъ вокзала до президентскаго дома стояли шпалерами конные бюргеры, находившіеся проѣздомъ въ Блумфонтенѣ; большинство же толпилось у самаго вокзала. Вышедши, президентъ обратился къ нимъ съ короткой, горячей рѣчью, увѣщевая не терять отъ одного пораженія бодрости духа и упованія на помощь Божію, а напротивъ, въ надеждѣ на эту помощь, твердо противостать врагу и вернуть себѣ свой національный праздникъ (Majuba-Daag—день Маюбы), въ этомъ году затемнѣнный пораженіемъ:—сдача Кронье пришлась какъ разъ на этотъ день.

Здѣсь, какъ и повсюду, горячее воодушевленіе и личное обаяніе старика президента вызвали минутную вспышку энергіи. То же было и среди

войскъ, собранныхъ вокругъ Попларсъ-гровъ подъ командою генераловъ Девета, Филиппа Бота и Деларея. Но этихъ войскъ все же было слишкомъ мало, чтобы однимъ и при несовершенствѣ своего вооруженія[1]) остановить напоръ всей главной арміи англичанъ; во всѣхъ же остальныхъ пунктахъ деморализація (хотя и временная) была слишкомъ велика, руководство недостаточно талантливо, такъ что, напримѣръ, армія южнаго фронта и отряды разсѣянные между ней и Попларсъ-гровъ, имѣвшіе возможность энергичной диверсіей отвлечь часть силъ лорда Робертса, а въ счастливомъ случаѣ и вовсе помѣшать его движенію впередъ, не сдѣлали ни малѣйшей попытки въ этомъ направленіи. Приходится пожалѣть объ отсутствіи на южномъ фронтѣ командовавшаго тамъ до этого времени генерала Деларея, спѣшно отозваннаго при извѣстіи о критическомъ положеніи Кронье, передавшаго свое начальство около Кольсберга несравненно менѣе талантливому Оливиру, и теперь у Попларсъ-гровъ'а, при явной недостаточности тамошнихъ войскъ только безполезно дублировавшаго Девета. Въ этомъ собраніи въ одно мѣсто чуть не всѣхъ лучшихъ военачальниковъ обѣихъ республикъ приходится видѣть еще одно доказательство преувеличеннаго значенія придававшагося Кронье съ его войскомъ, и, кромѣ того, неумѣнье, царившее у буровъ въ началѣ войны, разобраться въ собственныхъ военныхъ силахъ и средствахъ и примѣнить ихъ раціонально. Въ результатѣ, несмотря на присутствіе столькихъ выдающихся генераловъ почти безъ войска, позиціи буровъ—поневолѣ слишкомъ растянутыя и съ совершенно незащищенными флангами—были, конечно, обойдены англійской конницей, и приходится только удивляться, что этотъ успѣхъ былъ такъ плохо использованъ англичанами, имѣвшими полную возможность отрѣзать или уничтожить противника при отступленіи, и ничего подобнаго не сдѣлавшими, а давшими ему уйти со всѣмъ своимъ обозомъ и безъ значительныхъ потерь. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ первый моментъ, когда англійскія морскія орудія стали обстрѣливать главное расположеніе буровъ у Попларсъ-гровъ, а конница показалась въ тылу крайнихъ позицій, безпорядокъ по всѣмъ свѣдѣніямъ былъ полный, никто не зналъ, что дѣлать, куда отступать, гдѣ найти начальниковъ. Полный безпорядокъ ясенъ уже изъ того, что находившіеся при главной квартирѣ европейскіе военные агенты долго не могли добиться толку, что именно происходитъ и куда имъ слѣдуетъ направиться, такъ что, въ концѣ концовъ, двое изъ нихъ попали подъ самый жаркій артиллерійскій огонь и были захвачены англичанами, двое же другихъ—наши знакомые по «Канцлеру»—голландскіе офицеры

[1]) Малочисленность артиллеріи и полное отсутствіе холоднаго оружія.

Никсъ и Ассельсбекъ, чтобы не раздѣлить ихъ участь, измученные примчались въ Блумфонтенъ, такъ и не соединившись съ генералами, при главной квартирѣ которыхъ находились. Изъ ихъ разсказовъ о пережитомъ въ этотъ день я почерпнула одно происшествіе, типичное для способовъ воевать обоихъ противниковъ и, какъ мнѣ кажется, объясняющее странную нерѣшительность дѣйствій англійской конницы.

Въ первой суматохѣ, отбившись отъ главной квартиры и разъѣхавшись съ товарищами, они наудачу блуждали по фельду среди спѣшно уѣзжавшихъ повозокъ и такихъ же затерянныхъ единичныхъ всадниковъ, когда наткнулись на отдѣльный вейкъ фиксбургскаго командо, числомъ 72 чел., стройно отступавшій подъ начальствомъ своего фельдкорнета, и были рады присоединиться хотя къ этой незначительной, но неразстроенной единицѣ. Отойдя нѣсколько, имъ по дорогѣ попалось копье (пригорокъ), заросшій кустами, пригодный къ пріемамъ бурской обороны. Фельдкорнетъ отдалъ приказъ залечь въ кустахъ и дать лошадямъ отдохнуть. Вскорѣ показалась англійская конница, шедшая развернутымъ строемъ—вѣроятно, въ отмѣченномъ отчетами обходномъ движеніи. Фельдкорнетъ подпустилъ ее на близкое разстояніе и отдалъ приказъ стрѣлять. Очевидно, англичане плохо вѣрили малочисленности противоставшихъ имъ войскъ и чрезмѣрно опасались засады, такъ какъ дружный трескъ 70 маузеровъ заставилъ всю многотысячную волну конницы шарахнуться и повернуть назадъ. Буры были слишкомъ малочисленны, чтобы воспользоваться этимъ замѣшательствомъ, да и при большей численности ни военные пріемы, ни самое вооруженіе не подготовляли ихъ къ подобному маневру. Но фельдкорнетъ—имя котораго, къ сожалѣнію, мнѣ не могли сообщить—видя нервное настроеніе врага, рѣшилъ воспользоваться имъ для спасенія своего отряда и задержки общаго преслѣдованія. Онъ отослалъ половину людей, съ остальными же ждалъ возвращенія успѣвшаго оправиться непріятеля и далъ по немъ второй залпъ. Эффектъ получился такой же, какъ въ первый разъ. Тогда ужъ онъ лично увелъ остальныхъ людей, за исключеніемъ двухъ охотниковъ, оставшихся для наблюденія за непріятелемъ. Нагнавъ впослѣдствіи свой отрядъ, эти смѣльчаки разсказывали, что нѣсколькими мѣткими выстрѣлами заставили въ третій разъ повернуть мчавшуюся на нихъ волну англійской конницы

Эта случайная находчивость зауряднаго фельдкорнета, вѣроятно даже не отдававшаго себѣ отчета во всемъ значеніи своего поступка, а просто находившаго лишнимъ уходить отъ англичанъ зря, безъ оглядки, когда можно сдѣлать тоже, перестрѣлявъ еще кое-кого изъ нихъ, спасла не только артиллерію, обозъ и множество жизней въ уходившихъ командахъ, но и избавила отъ плѣна обоихъ президентовъ, находившихся на

главной позиціи и покинувшихъ ее довольно поздно, такъ что ихъ захватъ былъ бы неминуемъ при нѣсколько энергичныхъ дѣйствіяхъ противника.

На Попларсъ-гровскую позицію, какъ я уже говорила, было назначено мое отдѣленіе нашего санитарнаго отряда, причемъ выборъ д-ромъ фанъ-Леесурмомъ дома для устройства перевязочнаго пункта оказался столь удаченъ, что на немъ разорвало первую англійскую бомбу. Но и въ этотъ разъ воюющимъ пришлось обойтись безъ нашей помощи и опять по винѣ того же администратора, не съумѣвшаго доставить намъ своевременно быковъ и муловъ для переѣзда къ мѣсту назначенія. Такъ что все вышло еще болѣе неудобно, чѣмъ если бы мы всѣ уѣхали, или всѣ остались. Тутъ же необходимыя подводы и животныя понемногу доставлялись, но въ такомъ недостаточномъ числѣ, что пришлось, чтобы не держать ихъ зря, отправлять все по частямъ. Дня за 2 до сраженія, такимъ образомъ, выѣхали д-ра Веберъ и Кухаренко для устройства главнаго лазарета въ Катдорнсируйтѣ, въ сторонѣ Петрусберга; но съ ними могли отправить только три подводы самыхъ необходимыхъ вещей (при общей поклажѣ въ 600 ящиковъ), да и тѣ такъ дурно запряженныя, что, отъѣхавъ два дня, волы у нихъ стали среди тяжелой песчаной дороги. Вся же дѣятельность сопровождавшаго ихъ администратора выражалась въ безполезномъ скаканьи взадъ и впередъ между постепенно удаляющимся обозомъ, который былъ порученъ ему въ хозяйственномъ отношеніи, и Блумфонтеномъ, и опять-таки безконечныхъ чаепитіяхъ съ голландской частью отряда, въ которыхъ теперь участвовалъ и д-ръ фанъ-Леерсумъ, прикованный къ гостиной неудачнымъ паденіемъ съ лошади во время своей послѣдней поѣздки (и по мнѣнію собственнаго хирурга, д-ра фанъ-Дисселя, страшно раздувавшаго полученныя при этомъ поврежденія). Этими поѣздками, оставшимися совершенно безъ практическихъ результатовъ для пользы отряда, фанъ-Мойэнъ, только загонялъ всѣхъ имѣвшихся у него лошадей, такъ что, когда наткнувшееся на ихъ стоянку гейдельбергское командо, отступавшее къ Абраамскраалю, просило одного изъ докторовъ поѣхать съ ними и д-ръ Веберъ, понимая, что всѣ планы опять мѣняются и онъ вполнѣ можетъ отослать лазаретное имущество обратно къ фанъ-Леерсуму подъ охраной администратора и д-ра Кухаренко, желалъ принять это предложеніе, то долженъ былъ оставить свое намѣреніе вслѣдствіе отказа администратора дать ему верховую лошадь, отказа впослѣдствіи объясненнаго величіемъ ся; у гейдельбергцевъ тоже не оказалось запасныхъ лошадей, и д-ръ нашего отряда былъ, по такой причинѣ, лишенъ возможности присутствовать при этомъ интересномъ столкновеніи и принести посильную помощь оказавшимся тамъ въ значительномъ числѣ раненымъ.

Но не только слѣдовать за какими-либо командами,—д-ра Веберъ и Кухаренко серьезно рисковали быть захвачены наступавшими англичанами вслѣдствіе недостаточности запряжки подводъ, двигавшихся еще медленнѣе обыкновеннаго. Не озаботившись достать своевременно достаточное количество животныхъ, фанъ-Мойэнъ, конечно, не умѣлъ достать ихъ теперь среди царившаго во всѣхъ окрестностяхъ безпорядка.

Не болѣе счастливы были и мы въ Блумфонтенѣ; особенно члены отряда, назначеннаго въ Поплarсъ-гровъ, желавшіе прибыть на мѣсто къ ожидавшемуся ежедневно сраженію. Наконецъ, д-ръ Ренненкампфъ взялся и за это, вовсе не касавшееся до него дѣло: добылъ необходимыхъ быковъ, и д-ръ Боргаунтъ получилъ возможность со всѣмъ имуществомъ нашего отдѣленія на одной подводѣ двинуться къ Попларсъ-грову, куда д-ръ фанъ-Диссель съ сестрою Когенъ и мною долженъ былъ слѣдовать за нимъ на другой день. Но выѣхавъ только утромъ въ самый день сраженія, онъ встрѣтилъ первую волну безпорядочнаго отступленія, гдѣ еще нельзя было разобрать ни размѣры, ни послѣдствія пораженія. Присоединиться къ войску казалось немыслимымъ, за невозможностью узнать, сколько уцѣлѣло и гдѣ оно собирается; поэтому онъ рѣшилъ вернуться въ Блумфонтенъ, чѣмъ только упредилъ распоряженіе старшаго врача, посланное и ему и д-ру Веберу при первомъ извѣстіи о пораженіи.

Тяжелые это были часы въ Блумфонтенѣ. Сначала смутные слухи о новомъ пораженіи; потомъ все большее и большее число запыленныхъ, измученныхъ всадниковъ, слѣзающихъ прямо среди большой площади, сообщающихъ преувеличенные и невѣрные слухи; да это и понятно: въ Блумфонтенъ прискакали изъ рядовыхъ только люди болѣе чѣмъ сомнительной храбрости, остальные собравшись вокругъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, участвовали въ послѣдней отчаянной попыткѣ задержать англичанъ у Абраамскрааля и отступили на сѣверъ, не заходя въ оставленный поневолѣ врагу Блумфонтенъ. Это не относится къ военнымъ агентамъ, отбившимся во время суматохи отъ войска, и которымъ, конечно, ничего не оставалось дѣлать, какъ добраться до ближайшаго крупнаго пункта и тамъ узнать, какъ и гдѣ дѣйствовать въ интересахъ своей миссіи; не имѣя право принять малѣйшее участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, ихъ долгъ, несомнѣнно, заключался въ наблюденіи надъ людьми и событіями, а не въ ненужномъ и безполезномъ рискѣ.

Такимъ образомъ, первыя сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія о происшедшемъ мы получили именно отъ голландскихъ военныхъ агентовъ Никса и Ассельсбека, нашихъ знакомыхъ по кораблю, хотя и они многаго не знали и, вполнѣ оцѣнивъ опасное положеніе буровъ но

время отступленія, считали пораженіе болѣе полнымъ, потери серьезнѣе, чѣмъ это оказалось впослѣдствіи. О возможности дальнѣйшаго сопротивленія по пути въ Блумфонтенъ въ эту минуту еще не помышляли. Правда нѣкоторые мѣстные патріоты раньше кричали о «защитѣ города», но мнѣ эти крики всегда казались напускнымъ шовинизмомъ наимѣнѣе надежной части населенія. Въ дѣйствительности же Блумфонтенъ расположенъ настолько открыто и его укрѣпленія такъ недостаточны, что только многочисленная и хорошо снабженная европейская армія могла думать создать изъ него нѣчто въ родѣ Плевны. Это такъ хорошо сознавали начальники буровъ, что самъ президентъ Штейнъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки защищать свою столицу, а спѣшно занялся перевозкой государственной кассы и наиболѣе важной части архива на сѣверъ, куда скоро самъ отбылъ съ главными членами правительства. Стоитъ отмѣтить заботливость президента о подчиненныхъ ему чиновникахъ въ эти смутныя и опасныя минуты: всѣмъ, какъ отбывающимъ съ правительствомъ на сѣверъ, такъ и остающимся въ Блумфонтенѣ, было выдано жалованье за 2 мѣсяца впередъ. Тѣмъ не менѣе, при оставленіи Блумфонтена была совершена не одна ошибка вслѣдствіе типичнаго для буровъ (земледѣльцевъ, людей хозяйственныхъ) отвращенія ко всякому разрушенію и порчѣ казенной или частной собственности. Такъ были оставлены врагу имѣвшіеся въ городѣ и окрестностяхъ запасы зерна и фуража, правда, не настолько великіе, чтобы служить серьезнымъ подспорьемъ при продовольствіи 50 тысячной арміи. Зато англичанамъ очень и очень пригодился оставленный въ Блумфонтенѣ подвижной составъ фрейштатскихъ желѣзныхъ дорогъ, да и самая дорога была испорчена много позднѣе и сѣвернѣе, у Шмаделя, такъ что непріятелю не пришлось даже возстановлять скоро сдѣлавшійся для него важнымъ участокъ отъ Блумфонтена до Брандфорда. Причиной этого опущенія была, вѣроятно, прежняя медленность англичанъ въ наступленіи [1]), разсчитывая на которую надѣялись вывезти еще многое изъ архива и запасовъ до ихъ прибытія. Англичане же на этотъ разъ не только поторопились занятіемъ Блумфонтена, считая этимъ войну во Фрейштатѣ оконченной, но еще до занятія города позаботились захватить желѣзнодорожную линію на сѣверъ отъ него.

---

[1]) Такъ, послѣ сдачи Кронье они 12 дней сидѣли у Паардеберга, комплектуясь и ожидая подвоза провіанта и боевого матеріала изъ Капштадта, такъ что въ ихъ войскѣ именно съ этихъ поръ, развились заболѣванія тифомъ, вслѣдствіе пребыванія въ мѣстности и у рѣки зараженной многочисленными трупами, которые у англичанъ вообще очень плохо убирались.

Тѣмъ не менѣе, настроеніе въ городѣ съ перваго дня было самое тревожное; носились постоянные и преждевременные слухи о приближеніи англичанъ, и всѣ, не желавшіе ожидать ихъ оккупаціи, спѣшили выѣхать на сѣверъ. Мы въ этомъ отношеніи оказались въ самомъ критическомъ положеніи: ящики взломаны и отчасти разломаны, часть добра свалена, какъ попало, черные въ разбродѣ, трое изъ докторовъ, на которыхъ въ данныхъ обстоятельствахъ поневолѣ приходилось смотрѣть также какъ на рабочую силу, отправлены въ самый безпорядокъ отступленія, такъ что мы опасались за ихъ безопасность; четвертый изъ молодыхъ и энергичныхъ докторовъ все еще въ командировкѣ (д-ръ Румейнъ—въ Ватерфалѣ); старшій врачъ съ больной ногой и администраторъ, мечущійся безъ толку и не способный что-либо организовать или выхлопотать у заваленныхъ дѣломъ властей. Тутъ-то и произошла помянутая выше сцена у вышедшаго изъ своего обыкновеннаго спокойствія д-ра фанъ-Дисселя съ администраторомъ. Но бранью, хотя и самой справедливой, дѣлу не поможешь, и настоящимъ нашимъ спасителемъ явился опять-таки д-ръ Ренненкампфъ, взявшій на себя въ критическую минуту какъ все направленіе общей работы, такъ и хлопоты у желѣзнодорожнаго начальства и тому подобное. Въ одинъ день все оказалось уложеннымъ, и рано утромъ мы—всѣ остававшіеся вмѣстѣ члены амбуланціи—покинули Блумфонтенъ, гдѣ пережили такіе тревожные дни и видѣли отраженіе столькихъ серьезныхъ событій. Одинъ д-ръ Ренненкампфъ остался, чтобы лично присутствовать при отправкѣ нашего багажа, такъ какъ нагруженные имъ вагоны могли быть обойдены при спѣшной отправкѣ разнаго мѣстнаго добра и ждать очереди до самаго захвата англичанами. Такимъ образомъ, д-ръ Ренненкампфъ еще разъ выручилъ все имущество отряда, не говоря уже о тѣхъ меньшихъ услугахъ, за которыми всѣ мы привыкали постоянно обращаться къ нему, всегда готовому помощнику и совѣтчику. На другой день онъ, самъ путешествуя въ товарномъ поѣздѣ, благополучно привезъ за нами всѣ наши ящики въ Брандфортъ, гдѣ въ эту минуту сосредочивался наплывъ всѣхъ двигавшихся изъ Блумфонтена на сѣверъ и гдѣ еще раньше предполагался передаточный лазаретъ нашего отряда. Этотъ лазаретъ, въ силу обстоятельствъ, становился теперь передовымъ, и къ нему прежде всего былъ приставленъ персоналъ, раньше назначенный въ Попларсъ-гронъ, то есть доктора фанъ-Диссель и Борнгауптъ [1]), сестры—Когенъ и я, и, еще двѣ сестры, раньше назначенныя въ Брандфордъ, Схермбекъ и фанъ-Марзефенъ, обѣ опытныя и хорошія работницы. Остальные, дѣя-

[1]) Неуспѣвшій отъѣхать далеко отъ Блумфонтена и вернувшійся въ первый же день.

I. Принцъ. К. Вессельсъ. А. Фишеръ. Пасторъ Г. А. Гиллотъ. А. Д. В. Вольмарансъ. В. I. Лейдсъ.

тельно помогая намъ въ устройствѣ нашего временнаго хозяйства, еще ничего не знали о своемъ назначеніи, было только извѣстно, что они съ главной массой багажа уйдутъ въ тылъ, гдѣ бы этотъ тылъ не опредѣлился.

До опредѣленія ихъ будущаго поля дѣятельности, двумя изъ свободныхъ докторовъ была сдѣлана попытка доставить медицинскую помощь раненымъ, затерявшимъ въ этомъ безпорядочномъ отступленіи, тѣмъ болѣе, что ходили слухи о намѣреніи іоганнесбургской полиціи и собравшихся вокругъ нея остатковъ разрозненныхъ командъ оборонять переправу черезъ Моддеръ, лежавшую на пути англичанъ отъ Блумфонтена. Когда получилось извѣстіе, что желательно имѣть врача на мѣстѣ предполагаемаго столкновенія, д-ръ фанъ-Леерсумъ передалъ это предложеніе свободнымъ еще врачамъ отряда, и д-ръ Веберъ, только что вернувшійся изъ своей неудачной поѣздки для основанія лазарета въ Катдорнспруйтѣ и судьба котораго въ теченіе нѣсколькихъ дней внушала намъ серьезныя опасенія, тотчасъ вызвался на эту новую командировку и въ нѣсколько часовъ собрался въ легкой повозкѣ, запряженной мулами, съ однимъ изъ нашихъ санитаровъ — Нивенгеузомъ и кафромъ кучеромъ. При его отправкѣ, съ согласія и по иниціативѣ фанъ-Леерсума, произошелъ инцидентъ, слишкомъ ярко характеризующій веденіе дѣла въ отрядѣ и отношеніе къ русскимъ его членамъ, чтобы я имѣла право его опустить. Собираясь въ путь, д-ръ Веберъ естественно потребовалъ одинъ изъ хирургическихъ наборовъ, имѣвшихся при амбулаціи; но начальство ему отвѣтило, что, по неопредѣленности плановъ, нельзя вскрывать ящики, вынутые же инструменты всѣ принадлежатъ брандфордскому отряду и не могутъ быть подѣлены.

Никакіе протесты или представленія не могли сдвинуть фанъ-Леерсума съ этой дикой точки зрѣнія, и старшему русскому хирургу приходилось опять отказать въ своей помощи въ критическую минуту, или ѣхать на хирургическую работу безъ инструментовъ, если бы у одной изъ сестеръ не нашелся, въ ея личныхъ вещахъ, маленькій хирургическій наборъ, содержавшій все самое необходимое, которымъ д-ру и пришлось удовольствоваться.

Худо ли, хорошо ли, онъ въ этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ возможность сдвинуться съ мѣста и, хотя серьезнаго столкновенія не послѣдовало вслѣдствіе малочисленности бурскаго отряда, однако ему все же удалось подать помощь нѣсколькимъ раненымъ, видѣть много типичнаго и интереснаго, причемъ онъ такъ запоздалъ, что возвращался по мѣстности, уже занятой англичанами, и только благодаря счастливой случайности не былъ ими захваченъ.

На другой день послѣ отъѣзда д-ра Вебера, всегда дѣятельный д-ръ Ренненкампфъ, по слуху, что въ сторонѣ Блумфонтена есть раненые, которыхъ слѣдовало бы эвакуировать до прихода англичанъ, настоялъ на поѣздкѣ въ эту сторону, но не могъ уже проникнуть до города, только что занятаго, и попалъ въ самый густой безпорядокъ отступленія. Не имѣя возможности двигаться дальше въ повозкѣ, онъ досталъ лошадь и верхомъ проѣхалъ еще ближе къ Блумфонтену, но, убѣдившись въ невозможности быть полезнымъ, онъ разсудилъ вернуться, и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ мы не могли бы обойтись безъ него въ предстоящихъ и намъ спѣшныхъ сборахъ.

Но это все были происшествія уже послѣднихъ дней нашего пребыванія въ Брандфордѣ, тогда какъ, даже для членовъ отряда назначенныхъ туда еще до послѣднихъ неудачъ, возможность приняться здѣсь за устройство нашей первой больницы явилась не сразу. Въ первые же дни, пока мѣстныя власти не предоставили въ наше распоряженіе два школьныхъ дома, для больницы и жилья, мы, живя въ гостинницахъ Брандфорда, ежечасно готовые сняться дальше на сѣверъ, находились опять таки въ самомъ центрѣ движенія и всѣхъ вѣрныхъ или невѣрныхъ слуховъ и разсказовъ. Взадъ и впередъ (до занятія Блумфонтена) проѣзжало множество интересныхъ лицъ: оба президента, командантъ-генералъ Жуберъ; но ихъ можно было видѣть только случайно, на станціи, нѣсколько удаленной отъ самаго мѣстечка. Зато гостинницы и даже частные дома были переполнены пріѣзжими, болѣе или менѣе интересными, членами санитарныхъ отрядовъ, военными агентами, добровольцами различныхъ націй и соціальнаго положенія, бурами рядовыми, начальниками и административными лицами. ✓

Брандфордъ оставилъ наиболѣе симпатичное впечатлѣніе изъ всѣхъ моихъ остановокъ во Фрейштатѣ. Состоящій весь изъ одной улицы, пригрѣтый южнымъ солнцемъ, онъ пріютился среди роскошной растительности дикихъ мимозъ, темная зелень и пахучіе желтые цвѣты которыхъ образуютъ для него какъ гнѣздо на берегу извилистаго Дорна, надъ глубокимъ русломъ котораго, между этихъ колючихъ кустовъ и тонкихъ вѣтвей плакучихъ ивъ, нависла цѣлая растительность неизвѣстныхъ намъ травъ и цвѣтовъ. Благодаря этому, мѣстечко не производитъ неуютнаго, открытаго всѣмъ вѣтрамъ впечатлѣнія многихъ поселковъ плоскаго Фрейштата. Напротивъ, мѣстность вокругъ него холмиста, представляетъ хорошія позиціи и своими зарослями колючихъ мимозъ давала подвижнымъ бурскимъ стрѣлкамъ очень опредѣленныя выгоды.

Но въ первые дни никто не помышлялъ о возможности сопротивленія ближе границы Трансвааля. Это вполнѣ ясно изъ совѣта, лично дан-

наго президентомъ Штейномъ д-ру Веберу не останавливаться съ его лазаретомъ въ Кронстадтѣ, какъ онъ предполагалъ, а ѣхать прямо въ Фрейнингенъ, на трансваальской границѣ, гдѣ ожидаются серьезныя столкновенія. Это предположеніе Штейна, человѣка рѣшительнаго и уравновѣшаннаго, неспособнаго преувеличивать опасность, одного изъ немногихъ сохранившихъ полное присутствіе духа и вѣру въ возможность дальнѣйшей борьбы, было вызвано всеобщей тогда деморализаціей насселенія Фрейштата, принудившей даже такого энергичнаго и находчиваго человѣка, какъ Деветъ, добровольно распустить по фермамъ свои команды (все равно уходившія безъ отпуска), обязавъ ихъ черезъ 2 недѣли явиться на службу, назначая на всякій случай сборнымъ пунктомъ Кронстадтъ. Но, кромѣ того что распущенные бюргеры могли очень легко не собраться вовсе, имѣй англичане возможность тотчасъ по занятіи Блумфонтена двинуться на сѣверъ, они, конечно, не встрѣтили бы никакого сопротивленія до самой трансваальской границы, да и тамъ защита врядъ ли могла быть въ это время упорной и хорошо организованной. Къ счастью, англійская армія, особенно конница, была истощена своими усиленными переходами по безводной и плохо снабженной мѣстности, въ ней свирѣпствовали тифы вслѣдствіе нездоровой стоянки въ Паардебергѣ, да и необходимо было обезпечить подвозъ изъ Капштадта, по желѣзной дорогѣ [1]) и устроить надежную промежуточную базу въ Блумфонтенѣ. Все это взяло больше мѣсяца, дало бурамъ время оправиться отъ впечатлѣнія первыхъ неудачъ и организовать защиту всей сѣверной части Фрейштата. Тогда оборонительная линія окончательно опредѣлилась на высотѣ именно Брандфорда, не занятаго англичанами въ первыя минуты успѣха и близъ котораго они только имѣли артиллерію и значительныя силы на Тафелькопѣ, лучшей позиціи окрестностей. Остальныя позиціи оставались въ рукахъ генерала Деларен, и эта близость расположенія противниковъ, понятно дѣлала необходимымъ присутствіе здѣсь передового лазарета, для котораго въ Брандфордѣ имѣлось и очень подходящее помѣщеніе въ занятыхъ нами школьныхъ домахъ. Но этотъ интересный пунктъ не остался въ нашихъ рукахъ вслѣдствіе чрезмѣрной осторожности д-ра фанъ-Леерсума, поторопившагося уѣхать съ нами, раньше чѣмъ положеніе успѣло вполнѣ выясниться и очистившаго почетное передовое мѣсто, которое съ радостью заняла нѣмецкая амбуланція, уже возвращавшаяся изъ англійскаго плѣна въ Якобсдалѣ. Оставляя

[1]) Линія Капштадтъ—Блумфонтенъ находилась еще отчасти въ рукахъ буровъ, попортившихъ всѣ мосты, а подвозъ съ освобожденія Кимберлея шелъ по желѣзной дорогѣ на этотъ городъ и потомъ на подводахъ въ лагерь, а оттуда въ Блумфонтенъ—кружный и неудобный путь.

Брандфордъ, начальникъ отряда, по его словамъ, дѣйствовалъ на основаніи телеграммы Девета (съ которымъ познакомился во время своихъ разъѣздовъ у южнаго фронта), извѣщавшаго о грозившей опасности и необходимости этого выѣзда. Дѣйствительно, наканунѣ нашего отъѣзда большой отрядъ лансеровъ дважды показывался въ недалекомъ разстояніи отъ мѣстечка и только по невыясненнымъ причинамъ не рѣшился въ него проникнуть [1]).

Понятно безпокойство мѣстныхъ жителей при столь близкой опасности непріятельской оккупаціи и тревога, съ которой осыпали вопросами разрозненныхъ всадниковъ, спѣшившихъ выбраться на другую сторону Брандфорда, на станцію, откуда еще отходили послѣдніе поѣзда. Не обошлось и безъ курьезовъ. Въ виду серьезности обстоятельствъ, д-ръ фанъ-Леерсумъ за нѣсколько дней счелъ нужнымъ издать письменную инструкцію, гдѣ было до мельчайшихъ подробностей предусмотрѣно, какъ намъ держать себя въ случаѣ вражескаго захвата. Все изложенное въ этой бумажкѣ не выходило за предѣлы нашихъ самыхъ простыхъ обязанностей и само собою разумѣлось всякимъ, не потерявшимъ окончательно голову. Но торжественность изданія подобнаго манифеста такъ нервно настроила болѣе робкихъ изъ насъ, что онѣ, вмѣсто того, чтобы «спокойно продолжать начатое дѣло», готовы были видѣть лансера въ каждой плетущейся по улицѣ клячѣ, и кончилось тѣмъ, что одна изъ насъ въ сумерки приняла за «врага»—доктора Ренненкампфа, вернувшагося изъ описанной выше рискованной поѣздки, и за «свалку на улицѣ» галдѣвшую вокругъ него группу буровъ.

Вообще наше пребываніе въ Брандфордѣ и выѣздъ изъ него представляютъ много интереснаго и характернаго не только для насъ лично, но и для общей характеристики событій.

Устроились мы, какъ я уже говорилъ, въ двухъ уступленныхъ намъ домахъ—школы и школьнаго учителя, почти на выѣздѣ къ открытому фельду, гдѣ тянется проѣзжая дорога отъ Блумфонтена; отступавшія команды, такимъ образомъ, неизбѣжно проходили мимо насъ. Больныхъ у насъ было немного: 2—3 раненыхъ въ госпиталѣ, столько же по до-

---

[1]) Вильбуа въ своихъ запискахъ объясняетъ это тѣмъ, что онъ выстроилъ бывшихъ съ нимъ французовъ направо отъ деревни и тѣмъ подалъ непріятелю иллюзію, что она сильно занята. Но такъ какъ, по его собственному сознанію, съ нимъ въ это время оставалось не больше 10 человѣкъ, то даже при извѣстной способности англичанъ преувеличивать силы противника, приходится искать болѣе вѣской причины ихъ отступленія. Вѣрнѣе, что они узнали о занятіи холмовъ Делареемъ, не могли опредѣлить его численности и боялись западни.

намъ у родственниковъ и одинъ тяжелый терапевтическій случай, молодой французъ изъ отряда Вильбуа, свалившійся у дороги въ злѣйшемъ тифѣ. Самого графа Вильбуа мнѣ здѣсь случилось видѣть близко и говорить съ нимъ. Произошло это такъ.

Послѣ занятія англичанами Блумфонтена всѣ команды, еще державшіяся въ этой части Фрейштата, стали поспѣшно отступать на сѣверъ; и если я говорю отступать, то это слово только весьма плохо передаетъ картину, развертывавшуюся тогда передъ нами. О правильномъ отступленіи не могло быть и рѣчи, уже по непривычкѣ буровъ къ правильнымъ военнымъ движеніямъ; а всѣ ѣхали какъ могли, отдѣльно или небольшими группами, смотря по выносливости лошадей, и ѣхали торопясь, хотя и не въ паническомъ страхѣ, а явно преувеличивая опасность и невозможность бороться. Все движеніе шло, повторяю, мимо нашихъ дверей, и грустно вспомнить измученный видъ многихъ изъ проѣзжавшихъ всадниковъ, останавливавшихся на минуту, чтобы дать вздохнуть выбившейся изъ силъ лошади и самимъ напиться воды или молока, которое мы держали для нихъ наготовѣ. Многаго мы не могли имъ дать, такъ какъ сами въ этой сумятицѣ были плохо снабжены припасами; да и сами буры не соглашались сдѣлать болѣе чѣмъ минутную остановку, торопясь захватить на другомъ концѣ селенія послѣдніе поѣзда, уходившіе на сѣверъ, или же выбраться дальше, на сравнительно безопасную дорогу къ Винбургу и тамъ отдохнуть какъ попало.

Скорое занятіе Брандфорда англичанами ни для кого не казалось сомнительнымъ, и вокругъ насъ происходила невообразимая суматоха между жителями, которые, не желая подчиняться англичанамъ, собирали свои пожитки на повозки и подводы и цѣлыми семьями двигались внутрь страны. Тутъ же чуть не вскачь неслись фургоны двухъ мѣстныхъ амбуланцій, торопившихся увозить больныхъ, предпочитавшихъ это мучительное передвиженіе англійскому плѣну; да и сами они не прочь были уѣхать подальше, такъ какъ если англичане еще сколько-нибудь корректно относились къ пріѣзжимъ изъ Европы санитарнымъ отрядамъ, то къ мѣстному санитарному персоналу они относились прямо возмутительно. безъ всякихъ доказательствъ обвиняя ихъ въ нарушеніи обязательства нейтралитета и доводя грубость обращенія до того, что одного африканскаго доктора англійскій офицеръ незадолго до этого заставилъ цѣлый кавалерійскій переходъ бѣжать пѣшкомъ, прикрученнымъ къ сѣдлу. Между подводъ, нагруженныхъ имуществомъ, и толпившихся на улицѣ жителей, скакали или вяло двигались остатки разрозненныхъ командъ. И тутъ среди нихъ къ нашей калиткѣ подъѣхалъ съ однимъ спутникомъ человѣкъ болѣе представительный, на лучшей лошади, при видѣ костюма

русскихъ сестеръ отрекомендовавшій себя «colonel de Villebois». Отъ настоящаго отдыха онъ также отказался, но съ видимымъ удовольствіемъ напился молока и захватилъ съ собою мѣстные кислые абрикосы. Онъ сказалъ намъ, что въ его отрядѣ есть нѣсколько русскихъ, о которыхъ отозвался со свойственной французу любезностью; объяснилъ, что отряды надѣятся вновь сформироваться въ окрестностяхъ Винбурга.

Для графа Вильбуа эти неудачи бурскаго оружія вообще обозначають моментъ, когда трансваальское правительство перестало ограничиваться по отношенію къ нему одною любезностью, а, назначивъ его фехтгенераломъ и начальникомъ всѣхъ европейцевъ-волонтеровъ, наконецъ, допустило его до серьезнаго вліянія на военныя мѣропріятія.

Вскорѣ послѣ проѣзда Вильбуа случился комическій инцидентъ съ возвращеніемъ доктора Ренненкампфа, который, такимъ образомъ, проѣхалъ въ тылу отступленія своихъ, по мѣстности, гдѣ уже хозяйничали лансеры. Докторъ Веберъ, бывшій въ другой сторонѣ и на большемъ разстояніи, вернулся только на другой день и уже не засталъ своей части отряда въ Брандфордѣ. Опасаясь захвата всего амбулаціоннаго имущества англичанами, его отправили еще наканунѣ съ однимъ изъ послѣднихъ поѣздовъ, съ сестрами, предназначавшимися въ большой постоянный лазаретъ подъ охраною д-ра Кухаренко и администратора.

Д-ръ фанъ-Леерсумъ думалъ было ѣхать съ ними, чтобы рѣшить что-либо насчетъ ихъ будущей дѣятельности, но потомъ рѣшился остаться съ нашей частью отряда, какъ наиболѣе подвергавшейся риску. Поэтому д-ръ Веберъ поспѣшилъ вслѣдъ своему отдѣленію буквально съ послѣднимъ поѣздомъ, отходившимъ изъ Брандфорта на сѣверъ; послѣ этого желѣзнодорожная линія была испорчена на высотѣ Шмаделя. Уѣзжая, д-ръ Веберъ предполагалъ остановиться въ Кронстадтѣ и тамъ основать постоянный лазаретъ; но эта мысль, вполнѣ правильная и осуществленная потомъ нашей частью отряда, была, какъ я уже говорила, оставлена по совѣту президента Штейна, съ которымъ д-ръ Веберъ встрѣтился на шмадельской станціи. Этотъ совѣтъ человѣка, по своему положенію имѣвшаго возможность лучше другихъ оріентироваться въ событіяхъ, и притомъ по характеру неспособнаго преувеличивать опасность, лучше всего показываетъ неясность положенія даже для такихъ посвященныхъ. Очень характерно также для быстрой смѣны событій, что когда, меньше недѣли спустя, моя часть отряда, въ свою очередь, покинувъ Брандфордъ, достигла Кронстадта, пройдя часть пути уже на подводахъ, положеніе и общее настроеніе настолько измѣнились, что необходимость центральнаго лазарета именно здѣсь стала вполнѣ выясняться, и мы спѣшно занялись его первоначальнымъ устройствомъ.

Еще въ вечеръ проѣзда Вильбуа не было вполнѣ рѣшено, остаемся ли мы въ Брандфордѣ à tous risques или покидаемъ его, слѣдуя за общимъ теченіемъ. Но когда на другое утро стало извѣстно отступленіе послѣднихъ, находившихся вблизи войскъ, и получилась телеграмма генерала Девета, извѣщавшая, что мы положительно остаемся за боевой линіей, начальникъ отряда поспѣшилъ и нашимъ выѣздомъ, увозя съ собою двухъ больныхъ, которыхъ не было возможности сдать на попеченіе родственниковъ: молодого тифознаго француза отряда Вильбуа, и голландера изъ іоганнесбургской полиціи, фанъ-Лира, повредившаго руку при паденіи съ оступившейся лошади во время сраженія. Ѣхать намъ предстояло уже не по желѣзной дорогѣ, такъ какъ движеніе въ этотъ самый день было прекращено, а на подводахъ открытымъ фельдомъ, причемъ выбрано было нѣсколько кружное направленіе на Винбургъ, почему-то считавшееся болѣе безопаснымъ, вѣроятно вслѣдствіе, высказанной нѣкоторыми изъ проѣзжавшихъ добровольцевъ, между прочимъ и Вильбуа, мысли, что дальнѣйшее сопротивленіе можетъ организоваться въ окрестностяхъ этого города. Это предположеніе не оправдалось прежде всего потому, что въ сутки, нужныя для верхового переѣзда отъ Брандфорда къ Винбургу, не могли перемѣниться духъ и настроеніе войскъ. Кромѣ того, хотя около Винбурга дѣйствительно имѣются хорошія позиціи, но только для войска обладающаго сильной артиллеріей, почему и впослѣдствіи, нѣсколько разъ переходя изъ рукъ въ руки, Винбургъ никогда не дѣлался средоточіемъ бурской защиты.

При нашей непривычки къ подобнаго рода переѣздамъ сборы не могли обойтись безъ нѣкоторой сутолоки и непріятныхъ инцидентовъ, особенно при томъ совершенно неподходящемъ способѣ обращенія, которое фанъ-Леерсумъ все болѣе усваивалъ по отношенію къ русскимъ сестрамъ, то есть со мною и еще болѣе, данной мнѣ въ помощницы, тихой и безобидной сестрою Мейснеръ. Въ этотъ день рѣзкость еще обострялась его возбужденнымъ состояніемъ отъ предполагаемой опасности, заставлявшимъ его, подъ предлогомъ распоряженій, придираться, передѣлывать уже сдѣланное спеціально завѣдующими лицами, такъ что, напримѣръ, по моему отдѣлу хозяйства получилась пренелѣпая укладка, при которой нѣкоторыя изъ наиболѣе нужныхъ предметовъ, приготовленные для быстрой распаковки на привалахъ, оказались на возахъ засунутыми въ самомъ низу, а иногда совершенно не могли быть вынуты безъ большого неудобства и потери времени. Это, въ свою очередь, конечно не способствовало улучшенію общаго настроенія и давало поводъ къ новымъ неделикатнымъ выходкамъ, такъ что я вынесла далеко не пріятное воспоминаніе

объ этой, по своей обстановкѣ очень интересной и оригинальной поѣздкѣ. Чтобъ быть вполнѣ справедливой, должна сознаться, однако, что я сама, по моему убѣжденію только въ крайнихъ случаяхъ — но все же иногда, давала фанъ-Леерсуму почувствовать мое мнѣніе о его способахъ веденія дѣла, особенно же о его отношеніи къ представителямъ націи, на средства которой онъ занималъ здѣсь почетное и отвѣтственное положеніе, доставлявшее ему такое вниманіе мѣстныхъ властей, на которое онъ лично, конечно, не имѣлъ бы ни малѣйшаго права. Спеціально въ этотъ первый день нашего путешествія произошло два небольшихъ инцидента, имѣвшихъ важное значеніе для всего моего дальнѣйшаго пребыванія въ Южной Африкѣ, положивъ окончательную печать враждебности на отношенія ко мнѣ начальника отряда. Инциденты эти настолько характерны, что считаю не лишнимъ привести ихъ здѣсь изъ безконечнаго множества менѣе типичныхъ.

Еще раньше и особенно во время нашего пребыванія въ Блумфонтенѣ меня не разъ возмущало отношеніе фанъ-Леерсума, не только къ подчиненному ему русскому персоналу, но его пренебрежительное отношеніе къ русскому имени вообще и доходившіе до меня въ достовѣрной передачѣ его отзывы въ этомъ духѣ мѣстнымъ властямъ и начальникамъ, напримѣръ, генералу Деларею, при его проѣздѣ черезъ Блумфонтенъ остановившемуся въ одной съ нами гостинницѣ. Надо напомнить, что при нашемъ отъѣздѣ изъ Петербурга д-ру Веберу отъ комитета были переданы два русскихъ флага для поднятія на нашихъ лазаретахъ рядомъ съ голландскими, привезенными другою частью отряда. При раздѣленіи отряда въ Блумфонтенѣ д-ръ Веберъ забылъ во время передать одинъ изъ флаговъ для укладки съ другимъ отдѣленіемъ и въ послѣднюю минуту, находя неудобнымъ совать нашъ національный символъ куда и какъ попало, передалъ его мнѣ. Изъ боязни, чтобы, при внезапныхъ переѣздахъ и частой путаницѣ съ багажомъ, русскій флагъ не былъ какъ-нибудь забытъ или еще захваченъ англичанами, я съ тѣхъ поръ имѣла его непосредственно при себѣ, уложенный подходящимъ образомъ. Когда, устроившись въ Брандфордѣ, заговорили о поднятіи на больницѣ флага краснаго креста, а съ нимъ и національныхъ флаговъ отряда, и фанъ-Леерсумъ съ торжествомъ показывалъ вынутые для этой цѣли голландскіе цвѣта, я принесла и свой флагъ и передала его отъ имени д-ра Вебера, изъ національной вѣжливости обративъ еще вниманіе голландскихъ товарищей, что цвѣта обоихъ флаговъ общіе, только въ разномъ направленіи, такъ какъ нашъ Петръ Великій въ благодарность за пріобрѣтенныя у нихъ знанія и въ знакъ національныхъ симпатій перенесъ къ намъ ихъ флагъ. Но и въ этомъ случаѣ моя любез-

ность пропала совершенно даромъ. Фанъ-Леерсумъ взялъ мой флагъ съ весьма кислымъ лицомъ, унесъ его, и въ результатѣ не поднялъ ни одного (такъ какъ поднять одинъ свой не рѣшался). Я на это, впрочемъ, не считала удобнымъ обращать вниманіе, чтобы не заслужить обвиненія, что мѣшаюсь не въ свое дѣло; да, кромѣ того, предчувствуя скорый и поспѣшный уходъ передъ надвигающимся врагомъ, даже предпочитала, чтобы русскій флагъ, только что поднятый, не былъ поспѣшно снятъ въ этихъ условіяхъ. Меня только безпокоило, что флагъ, возимый мною какъ святыня, валяется гдѣ-то не въ надлежащихъ условіяхъ. Когда же поднялась суматоха укладки, я, уже возбужденная преждевременнымъ, по моему мнѣнію, уходомъ передъ опасностью, серьезно испугалась, что русскій флагъ, пожалуй, нарочно бросятъ здѣсь, а то запихаютъ въ первый попавшійся ящикъ самымъ неподобающимъ образомъ, и я пришла къ фанъ-Леерсуму съ довольно рѣзкимъ вопросомъ, гдѣ переданный ему мною русскій флагъ, такъ какъ я хочу позаботиться о его дальнѣйшей перевозкѣ. Повторяю, что мой тонъ, вѣроятно, былъ рѣзокъ, но никакихъ неподходящихъ выраженій, я не употребляла, чего никакъ нельзя сказать объ отвѣтѣ господина фанъ-Леерсума. «Ахъ, сестра, мнѣ право не до того гдѣ валяется флагъ. Неужели у васъ нѣтъ другого дѣла»? На это я уже окончательно вспылила и объявила, что у меня нѣтъ болѣе важнаго дѣла, какъ позаботиться, чтобы русскій флагъ не валялся у него безъ призора, и что пока мнѣ его не отдадутъ, я не уйду и не уложу ни единой кострюльки, ложки или плошки. По лицу фанъ-Леерсума я видѣла, что онъ страшно взбѣшенъ и готовъ разразиться грубой бранью; но тутъ кто-то изъ голландцевъ, испугавшись нашего бурнаго объясненія, отыскалъ и принесъ мнѣ флагъ, который я и продолжала возить при себѣ, до его поднятія надъ главнымъ лазаретомъ въ Кронстадтѣ.

Должна отмѣтить, что остальной голландскій персоналъ не только не увидѣлъ обиды въ моей выходкѣ, но санитары-голландцы, вообще очень хорошо относившіеся къ намъ, русскимъ, желая сдѣлать мнѣ удовольствіе, какъ только рѣчь зашла о флагахъ, прибѣжали ко мнѣ и первымъ подняли взятый у меня русскій флагъ.

Другой инцидентъ былъ болѣе личнаго характера и получилъ интересъ только по тому значенію, которое ему придалъ самъ фанъ-Леерсумъ. Напомню, что изъ всего отряда у меня одной имѣлась бурка столь практичная, при полевой жизни, во всякую погоду. Она часто привлекала вниманіе и вызывала похвалы, какъ буровъ, которымъ она очень нравилась, такъ и другихъ членовъ отряда. Но для фанъ-Леерсума она еще съ корабля, гдѣ я куталась въ нее въ первые сырые и неуютные дни, со-

ставляла положительно предметъ зависти, и онъ все добивался «какого это звѣря шкура»? Теперь, во время переѣзда полемъ въ подводахъ, сырыми и холодными трансваальскими ночами, она мнѣ очень пригодилась, и въ этотъ же первый вечеръ мнѣ пришлось закутать въ нее находившагося на одной со мною подводѣ фанъ-Лира, теплыя вещи котораго въ суматохѣ оказались куда-то заложенными. Увидѣвъ на привалѣ фанъ-Лира, гуляющаго въ моей буркѣ, пока не отыскали его вещей, фанъ-Леерсумъ сначала намекнулъ какой фанъ-Лиръ счастливый, что пользуется такой превосходной вещью; когда же я не сочла нужнымъ понять этотъ намекъ, то уже прямо приступилъ ко мнѣ съ предложеніемъ дать мнѣ взамѣнъ матрацъ и одѣяла, а въ буркѣ будетъ спать «кто нибудь изъ докторовъ, такъ какъ дамѣ даже гораздо приличнѣе покрываться одѣяломъ». Я отвѣтила, что бурка всегда будетъ къ услугамъ всякаго больного, но считаю излишнимъ уступать ее здоровымъ докторамъ и привезла ее съ собою именно оттого, что она предохраняетъ отъ холода и сырости гораздо лучше всякаго одѣяла. Послѣ этого всѣмъ остальнымъ были розданы одѣяла, матрацы и даже подушки, и это повторялось каждый вечеръ, причемъ я одна должна была довольствоваться замѣчаніемъ «сестра же Изъединова будетъ спать въ своей буркѣ», что я и дѣлала, подложивъ подъ голову сѣдельные мѣшки. Въ это теплое время года я еще нисколько не страдала отъ подобной кровати, хотя, конечно, матрацъ всегда мягче и даетъ лучшій отдыхъ, чѣмъ голая земля. Но очень характерно, что этотъ пріемъ продолжался и нѣкоторое время послѣ прибытія въ Кронстадтъ, гдѣ, дѣйствительно, ощущался недостатокъ въ кроватяхъ и ихъ принадлежностяхъ; однако, ни голландскія сестры, ни доктора не были лишены, по крайней мѣрѣ, матраца и подушки, я же добросовѣстно обходилась посредствомъ стереотипной фразы о моемъ «mantel'ѣ» и продолжала спать въ этой злосчастной буркѣ прямо на полу, на голыхъ доскахъ, пока, во время одной отлучки фанъ-Леерсума, замѣнявшій его докторъ Диссель не далъ мнѣ одинъ изъ доставленныхъ вновь сѣнниковъ. На другихъ принадлежностяхъ кровати я не настаивала, такъ какъ думка имѣлась у меня въ ремняхъ, бѣлье же составляло излишнюю роскошь при тогдашней усиленной работѣ, оставлявшей на отдыхъ не болѣе 4—5 часовъ и не дававшей возможности правильно раздѣваться и одѣваться. Считаю нужнымъ замѣтить, что энергичный протестъ съ моей стороны, вѣроятно, вызвалъ бы вмѣшательство русскихъ докторовъ, которые, навѣрное, и не знали объ этомъ пріемѣ фанъ-Леерсума. Я не хотѣла навязывать имъ непріятное объясненіе изъ вопроса личнаго комфорта, да кромѣ того, не страдая особенно отъ этого лишенія, мнѣ было интересно посмотрѣть, когда, наконецъ, истощится мелочная месть фанъ-

Леерсума. Зато когда, при недостаткѣ матрацовъ, попробовали положить на голыя доски мою помощницу, работавшую непокладая рукъ, молоденькую сестру Мейснеръ, не имѣвшую лично даже хорошаго пледа а только жиденькій ватерпруфъ, я заявила, что, какъ лицо отвѣтственное по словамъ самого фанъ-Леерсума, за комфортъ и порядокъ обстановки всѣхъ остальныхъ, я требую, чтобы мнѣ былъ доставленъ еще матрацъ, а, за неимѣніемъ его, спать на доскахъ будетъ не одна сестра Мейснеръ. а съ ней въ этомъ будетъ чередоваться кто-либо изъ голландокъ; и матрацъ на другой же день явился.

Но это было уже при устройствѣ лазарета въ Кронстадтѣ, пока же эти два столкновенія, произошедшія въ день нашего выѣзда изъ Брандфорда, окончательно испортили мои отношенія со старшимъ врачемъ и, по моему убѣжденію, были психологической причиной большинства придирокъ, отравлявшихъ жизнь на каждой стоянкѣ, гдѣ постоянно оказывалось, что онъ хочетъ ѣсть не приготовленное мною, а какіе-нибудь другіе консервы, по его же указаніямъ при укладкѣ заваленные другими предметами. Всего не переберешь, да оно и слишкомъ мелко. Приведенныхъ фактовъ, полагаю, вполнѣ достаточно для характеристики фанъ-Леерсума и его пріемовъ съ подчиненнымъ ему персоналомъ.

Если бы ни эти непріятности, своими мелкими уколами постоянно раздражавшія и отравлявшія удовольствіе, самая поѣздка въ этой необычной намъ обстановкѣ представляла такъ много живописнаго и даже поэтичнаго, что была бы однимъ изъ лучшихъ воспоминаній нашей экспедиціи. Эти безконечные часы медленнаго передвиженія по однообразному фельду, то при живительной жарѣ южнаго солнца, то подъ чуждыми намъ яркими южными созвѣздіями, вѣчно мѣняющееся освѣщеніе восходовъ и закатовъ, привалы вокругъ костровъ подъ гортанный говоръ кафровъ, умыванье и даже стирка бѣлья у живописныхъ извилистыхъ рѣчекъ, возня съ упрямыми, дурно объѣзженными мулами при переѣздѣ этихъ рѣчекъ вбродъ, могли только оставить массу типичныхъ воспоминаній. Ѣхали мы, кромѣ лазаретной повозки съ больнымъ французомъ, гдѣ чередовались другія сестры, и воза съ поклажей, въ двухъ экипажахъ: легкомъ каррѣ съ парусиннымъ верхомъ, запряженнымъ, по мѣстному обычаю, 4-мя парами муловъ, и тяжелаго бычачьяго фургона тоже съ парусинной кибиткой. Этотъ послѣдній, двигавшійся медленно и степенно за уносившимся впередъ легкимъ карромъ, считался менѣе благороднымъ способомъ передвиженія, но я лично много предпочитала длинные молчаливые часы на грудахъ наваленныхъ въ фургонѣ матрацовъ и одѣялъ, подъ монотонный говоръ кафровъ-погонщиковъ, неумолкной болтовнѣ (конечно, голландской), смѣнявшейся по временамъ криками при недо-

разумѣніяхъ съ плохо объѣзженными мулами, которыхъ фанъ-Леерсумъ немилосердно пугалъ, подъ предлогомъ, что учится хлопать большимъ африканскимъ бичемъ самбокомъ. Въ карръ и непосредственную близость начальства я, впрочемъ, попадала крайне рѣдко, а почти всю дорогу наслаждалась тишиной и dolce far niente на подводѣ. Второе мѣсто сначала назначенное сестрѣ Мейснеръ, часто передавалось фанъ-Лиру устававшему отъ быстрой ѣзды карра, или одной изъ другихъ сестеръ, желавшей продлить свой ночной отдыхъ. Доктора ѣхали верхомъ, кромѣ фанъ-Леерсума, еще не оправившагося отъ своихъ упражненій во время поѣздки къ Петрусбергу. Наше стадо, т. е. всѣ перевозившія насъ животныя, также доставляло намъ немало хлопотъ во время остановокъ. Это былъ, конечно, результатъ нашей неопытности въ такого рода передвиженіи, которой пользовались кафры и нанятый фанъ-Леерсумомъ бѣлый погонщикъ изъ мѣстныхъ жителей, отлынивающихъ отъ командо. Очень неглупый, но нехрабрый и неимовѣрно лѣнивый, фанъ-деръ-Говенъ получалъ за свои труды на пользу амбуланціи 20 ф., т. е. 200 рублей въ мѣсяцъ, сумму очень крупную даже при мѣстныхъ условіяхъ заработной платы, и, кромѣ того, имѣлъ высоко цѣнимое имъ въ данное время право украшать себя знаками Краснаго Креста, какъ служащій санитарнаго отряда. Но при этомъ письменный контрактъ съ нимъ оказался составленнымъ столь остроумно, что онъ имѣлъ возможность во всякое время бросить насъ и, кажется, даже вытребовать неустойку; мы же не имѣли никакого способа заставить его относиться внимательно къ своимъ обязанностямъ, вслѣдствіе чего онъ проводилъ время вытянувшись на фурѣ съ кладью, читая или сочиняя какія-то безконечныя письма, кафры же, въ это время, дѣйствовали въ разбродъ или вовсе ничего не дѣлали, и не было почти стоянки, послѣ которой часть животныхъ не оказалась бы потерянной и не приходилось бы ихъ искать съ большой потерей времени. При безпомощности фанъ-Леерсума, безпечности и лѣни фанъ-деръ-Говена и кафровъ, главное участіе въ отыскиваніи и загонкѣ сбѣжавшихъ животныхъ принимали сами доктора, старательно треножившіе и привязывавшіе своихъ лошадей, чтобы сохранить, по крайней мѣрѣ, ихъ. Помню одно особенно неудачное утро, когда всѣ мулы и лошади, кромѣ двухъ-трехъ, оказались въ бѣгахъ и мы сидѣли среди поля, не имѣя возможности сдвинуться. Докторамъ пришлось ѣхать далеко отыскивать пропажу по неяснымъ указаніямъ рѣдкихъ случайныхъ встрѣчныхъ; но при выборѣ мало знакомыхъ лошадей изъ большого табуна произошла ошибка, исправленная потомъ вслѣдствіе протеста хозяина. Въ это время, впрочемъ, часто случалось, что нуждавшіеся въ лошади или просто охотники до чужого добра, поль-

зуясь безпорядкомъ военнаго времени и приближеніемъ непріятеля, захватывали (opfillen) первую попавшуюся изъ встрѣчнаго табуна, что, конечно, не разъ подавало поводъ къ неудовольствіямъ и жалобамъ. На подобное комплектованіе конскаго состава своего отряда, при отступленіи отъ Моддера, встрѣчается указаніе даже въ запискахъ Вильбуа, вообще относившагося къ этимъ вопросамъ болѣе строго, чѣмъ большинство добровольцевъ. Нашихъ докторовъ теперь тоже заподозрили въ намѣреніи «захватить» чужихъ лошадей, но потомъ все объяснилось ко всеобщему удовольствію.

И все же, несмотря на всѣ неудобства и неудовольствія, изъ этой поѣздки я впервые вынесла любовь къ странѣ, къ ея землѣ и жителямъ, сроднившую меня съ ними, съ ихъ интересами и судьбою. Причиной этой быстро возникшей привязанности, было, вѣроятно, то впечатлѣніе, которое мнѣ случалось не разъ высказывать на вопросъ буровъ, какъ мнѣ нравится ихъ страна и что она мнѣ напоминаетъ (what is it like), говоря, что она напоминаетъ мнѣ Россію. И при всей разницѣ климата, растительности и животной жизни — это именно такъ. При всей прелести многихъ заграничныхъ пейзажей, нигдѣ, кромѣ африканскаго фельда, я не испытывала чувства родного простора, едва замѣтныхъ проселочныхъ дорогъ, незагроможденности горизонта плоской, малозаселенной земледѣльческой страны. И это мое впечатлѣніе очень хорошо понимали не молодежъ, а именно старые буры, истинные сыновья vortrekker'овъ (переселенцовъ), любившіе слушать мои разсказы о разницѣ природы и быта своей родины, о ея степяхъ и лѣсахъ и незаселенныхъ пространствахъ Сибири.

Наконецъ, утромъ на пятый день мы добрались до Винбурга. Я ѣхала въ фургонѣ съ фанъ-Лироомъ и была свидѣтельницей сценки, очень типичной для страны и ея бытовыхъ условій. Подъѣзжая къ городу живописной лощиной рѣки Ветъ, намъ встрѣтился верховой кафръ и я сначала даже не поняла въ чемъ дѣло, такіе поднялись оживленные и радостные возгласы на мѣстномъ нарѣчіи между этимъ кафромъ и нашимъ больнымъ голландеромъ. Оказалось, что это «Джонтье», его слуга и преданный оруженосецъ, водившій за нимъ вторую лошадь и возившій ружье въ самыхъ опасныхъ положеніяхъ, теперь, считая его захваченнымъ непріятелемъ въ Блумфонтенскомъ госпиталѣ, куда онъ сначала былъ помѣщенъ, вывезъ все его походное имущество вслѣдъ за отступившимъ войскомъ сюда, на Винбургъ.

Джонтье провелъ насъ къ стоянкѣ бюргеровъ за городомъ, гдѣ разспросамъ и разсказамъ не было конца, пока насъ не отыскалъ одинъ изъ санитаровъ и не указалъ гостиницу, въ которой занялъ для насъ по-

мѣщеніе д-ръ фанъ-Леерсумъ, уѣхавшій впередъ въ карре. Послѣ этого Джонтье сопровождалъ насъ въ Кронстадтъ и во все время, до полнаго излеченія своего господина и возвращенія его къ войску, оказывалъ намъ, съ его позволенія, множество услугъ, воочію опровергая мнѣніе о безтолковости и непригодности кафровъ въ домашней работѣ.

Это былъ первый встрѣченный мною случай близкихъ человѣческихъ отношеній между кафромъ и европейцемъ, случай вовсе не исключительный или даже рѣдкій, особенно между мѣстнымъ населеніемъ, гдѣ къ каждому маленькому буру обыкновенно приставляется кафренокъ одинхъ съ нимъ лѣтъ, съ которымъ онъ играетъ, растетъ, который потомъ дѣлается его постояннымъ спутникомъ на охотѣ или войнѣ, дома же является довѣреннымъ лицомъ, надсмотрщикомъ за остальной прислугой. Понятно, что въ такихъ условіяхъ, несмотря на разницу расы и развитія, часто съ обѣихъ сторонъ возникаетъ сильная привязанность и, при подходящихъ данныхъ характера, вполнѣ оправданное довѣріе. Намъ впослѣдствіи не разъ приходилось сталкиваться съ подобнаго рода отношеніями; напримѣръ, въ Фортинстримскомъ лагерѣ д-ръ Веберъ былъ разъ ночью разбуженъ и вызванъ далеко въ артиллерійскій лагерь, гдѣ командующій встрѣтилъ его извиненіями, что потревожилъ его въ такое время ради кафра, но этотъ кафръ (внезапно заболѣвшій сильнымъ желудочнымъ припадкомъ) его преданный слуга и онъ привязанъ къ нему, какъ къ родному.

Этимъ я, конечно, не хочу сказать, чтобы отношеніе къ чернокожимъ у «африканцевъ» было сантиментально-либеральное — напротивъ, буръ никогда не посмотритъ на кафра, хотя бы самаго довѣреннаго, какъ на существо равное себѣ--да въ этомъ онъ и правъ, такъ какъ культурная наслѣдственность, несомнѣнно, сдѣлала то, что гдѣ у бѣлаго преобладаютъ идеи и нравственныя начала, кафръ дѣйствуетъ на основаніи инстинктовъ и привитыхъ воспитаніемъ хорошихъ или дурныхъ привычекъ, и остается еще доказать, что чернокожая раса вообще способна къ усвоенію высшихъ культурныхъ началъ. Должна сознаться, что я лично сильно въ этомъ сомнѣваюсь, хотя и не смотрю на кафровъ, какъ на совершенно неразумныхъ, неспособныхъ существъ. Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время отношеніе къ кафрамъ, какъ низшей расѣ, требующей опеки бѣлыхъ поселенцевъ, чтобы не сдѣлать для нихъ самое существованіе въ странѣ немыслимымъ, практически совершенно правильно, хотя нѣкоторые изъ мѣстныхъ обычаевъ, вытекающихъ изъ этого взгляда, непріятно поражаютъ насъ, европейцевъ, выросшихъ въ иныхъ бытовыхъ условіяхъ.

Въ общемъ же интересно замѣтить, что наименѣе человѣчное отношеніе къ чернокожимъ встрѣчается вовсе не у буровъ, по природѣ урав-

новѣшенныхъ, справедливыхъ и у которыхъ ихъ строгая христіанская наслѣдственность развила поразительно добросовѣстное отношеніе къ страданію всякой, даже безсловесной твари. Щадя животныхъ, буръ въ силу однороднаго побужденія щадитъ и не истязаетъ кафра; но тотъ же буръ слишкомъ практически изучилъ кафра и въ войнѣ и въ мирѣ, чтобы проявлять по отношенію къ нему пустое сантиментальничанье и не требовать отъ него строгаго подчиненія извѣстнымъ введеннымъ имъ порядкамъ, необходимымъ для безопасности и самой возможности существованія бѣлаго населенія. Напротивъ, у пришлаго бѣлаго элемента очень часто замѣтно отсутствіе практической нормы въ обращеніи съ кафрами и они колеблются между безсмысленнымъ непризнаніемъ въ нихъ вовсе человѣческихъ свойствъ, отмѣченнымъ мною въ запискахъ такой незаурядной личности, какъ Вильбуа, или же почти одинаково неразумнымъ нѣжничаньемъ, имѣющимъ въ результатѣ, что кафръ, не боясь узды, какъ распущеный ребенокъ, становится прямо наглъ и не исполняетъ своихъ прямыхъ, вполнѣ доступныхъ его пониманію и хорошо оплачиваемыхъ обязанностей.

Однако, сами буры признаютъ большое различіе между разными племенами кафровъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Аристократами между кафрами (по выраженію объяснявшаго мнѣ это различіе) они признаютъ зулу, отличающихся и болѣе правильными чертами лица—прямымъ носомъ съ горбомъ, правильно развитымъ лбомъ. Храбрость зулу не подлежитъ сомнѣнію, но она не представляетъ отличительной черты, такъ какъ не менѣе храбры, напримѣръ, базуты или матабелы. Но они одни, по мнѣнію буровъ, знающихъ психологію различныхъ племенъ, обладаютъ чувствомъ чести. Буръ тщательно избѣгаетъ ударить зулу, тогда какъ съ другими кафрами въ случаѣ нужды, не стѣсняясь примѣняетъ этотъ способъ внушенія, «ибо», говоритъ онъ, «бечуанъ или базутъ забываетъ ударъ за лакомствомъ или другимъ подаркомъ, тѣлесное же наказаніе ему полезно; зулу совсѣмъ иное дѣло—его надо брать за самолюбіе; ударившій же зулу бываетъ убитъ». И несмотря на неизбѣжные у дикихъ случаи вѣроломства, вродѣ знаменитаго избіенія зулусскимъ вождемъ Дингааномъ Пита Ретифа съ товарищами, буры признаютъ полную надежность слова зулу въ частныхъ дѣлахъ: зулу, по ихъ мнѣнію, можно довѣрить золотыя горы—разъ онъ далъ слово ихъ хранить, онѣ будутъ цѣлы.

Мнѣ лично, за время моей работы въ Южной Африкѣ, пришлось имѣть дѣло съ весьма различными типами кафровъ. Почти всѣ оказывались отзывчивы на хорошее, ласковое отношеніе; но съ особеннымъ удовольствіемъ я вспоминаю именно зулу—Джима, изъ кафровъ, коман-

дированныхъ намъ еще въ Блумфонтенѣ, отданный потомъ въ мое распоряженіе во время моего завѣдыванія хозяйствомъ въ Кронстадтѣ. Недовѣрчивый и вспыльчивый Джимъ сначала не легко подчинялся приказаніямъ, думая, какъ онъ объяснялъ мнѣ впослѣдствіи въ минуту откровенности, «что я буду бранчива, несправедлива и безтолкова, какъ почти всѣ миссисъ[1]); потомъ онъ, вѣроятно, пришелъ къ болѣе лестной оцѣнкѣ моихъ нравственныхъ качествъ, такъ какъ положительно работалъ на меня не по принужденію, а съ усердіемъ, часто трогавшимъ меня, иногда прямо вырывая изъ рукъ тяжелую работу и очень негодуя, когда его брали на другую работу, оставляя меня безъ его помощи. Читая выходку Вильбуа о неспособности кафра даже огонь развести безъ предварительной порки, я тотчасъ вспомнила Джима. Благодаря ему, я каждое утро имѣла лишнихъ $^1/_2$ часа на сонъ, такъ какъ была увѣрена, что, придя въ кухню, я найду плиту растопленной, воду наношенной и кипящей, такъ что мнѣ останется только заварить чай и кофе. Когда я, оставляя Кронстадтъ, сдавала хозяйство, Джимъ рвалъ и металъ, швырялъ все въ кухнѣ и громко сообщалъ своимъ товарищамъ, что ему хочется сбѣжать и что онъ смотрѣть не желаетъ на другую—big missis (главную хозяйку). И этой преданности въ такое короткое время и послѣ значительныхъ затрудненій первыхъ дней я добилась не потворствомъ, а настойчивостью во всѣхъ справедливыхъ требованіяхъ и человѣческимъ обращеніемъ въ томъ, что при его постоянной работѣ на кухнѣ считала ненужнымъ держать его на специальной кафрьгянской порціи milies (каша изъ кукурузы) и не бросала ему одни объѣдки, а давала на тарелкѣ горячій остатокъ кушанья или удѣляла кусокъ сыру, свѣжаго хлѣба или другой «ѣды бѣлыхъ людей» въ чистомъ и приличномъ видѣ. Первымъ Джимъ никогда ничего не просилъ и не клянчилъ, какъ другіе кафры, и вообще послѣдующій опытъ убѣдилъ меня, что на пониманіе оттѣнковъ обращенія съ точки зрѣнія личнаго достоинства, за рѣдкими исключеніями, способны дѣйствительно только зулу.

Переночевавъ въ Винбургѣ, мы на другое утро продолжали нашъ путь уже по желѣзной дорогѣ—Винбургъ-Шмадель и отсюда на Кронстадтъ. Этотъ отъѣздъ изъ Винбурга памятенъ мнѣ минутной, но радостной и интересной встрѣчей. Пока мы на вокзалѣ ожидали окончанія нагрузки нашихъ вещей и животныхъ, изъ одного дома, расположеннаго недалеко отъ станціи, вышла молодая женщина въ бѣломъ африканскомъ чепцѣ, подошла къ намъ и, какъ мнѣ тогда же показалось, обращаясь

---

[1]) Миссисъ (испорченное англійское госпожа) или baasin (то же по-голландски) обыкновенное обращеніе кафра къ бѣлой женщинѣ.

преимущественно ко мнѣ, отъ имени хозяевъ дома, пригласила zusters напиться кофею. Находившіяся тутъ же голландскія сестры, большія охотницы до кофе, попросили меня остаться съ единственнымъ больнымъ—тифознымъ французомъ и поспѣшили на приглашеніе. Но прошло очень короткое время и онѣ вернулись сконфуженныя, объясняя, что, хотя имъ и дали по чашкѣ кофе, но приглашеніе относилось не къ нимъ, а къ русскимъ сестрамъ, и если я туда пойду, то меня угостятъ и дадутъ свѣжаго молока для больного и намъ всѣмъ на дорогу. Все это показалось мнѣ довольно страннымъ; однако, я на всякій случай пошла посмотрѣть въ чемъ дѣло. Каково же было мое удивленіе когда, переступая порогъ бурскаго дома, я услышала родное привѣтствіе «здраво будете», а въ правомъ углу, подъ иконами въ золотыхъ окладахъ, лампада освѣтила милое лицо Царя-освободителя славянъ, князя Николая и княгини Милены съ дѣтьми, также государя Александра III, государыни Маріи Ѳеодоровны, нынѣ царствующихъ государя и государыни и другихъ лицъ царской фамиліи. Во всемъ остальномъ типичная бурская обстановка. «Кто вы такой? откуда»? закидывала я вопросами смуглаго, уже пожилого мужчину, стоявшаго передъ мною въ обыкновенномъ бурскомъ костюмѣ. «Съ Церной горы». Оказывается черногорецъ, пограничный, измучился бѣдностью и недостаткомъ земли, услышалъ, что гдѣ-то въ Африкѣ земли много и быстро богатѣютъ; уѣхалъ туда съ братомъ, но славянская натура потянула не къ золоту и брилліантамъ, а къ землѣ; онъ женился на бурской дѣвушкѣ, хозяйничаетъ и живетъ въ довольствѣ. Къ странѣ привязанъ не только семейными узами, но также тѣмъ земледѣльческимъ просторомъ и простотою нравовъ, которые и во мнѣ будили родныя струны. Сознаетъ справедливость бурскаго дѣла, но способы веденія войны обоихъ противниковъ, очевидно, вызываютъ въ немъ только одинаково презрительное удивленіе и онъ выжидаетъ, что изъ этого всего выйдетъ? Съ тѣхъ поръ я часто задавала себѣ вопросъ, какъ сложилось его дальнѣйшее отношеніе къ войнѣ:—задѣло ли его за живое упорное сопротивленіе послѣднихъ лѣтъ, что сталось съ его семьей среди общаго разоренія и чѣмъ кончилась эта попытка славянина найти лучшія условія жизни въ Южной Африкѣ. Услышавъ отъ одной изъ проѣзжавшихъ бурскихъ амбуланцій, миновавшихъ насъ въ Брандфордѣ, что за ними, тѣмъ же путемъ, пойдетъ амбуланція, гдѣ есть русскіе, онъ сталъ караулить и, увидавъ костюмъ русскихъ сестеръ, поспѣшилъ пригласить насъ къ себѣ. Меня очень тронула эта память далекихъ національныхъ привязанностей со стороны человѣка, уже столько лѣтъ (больше 12-ти) перенесеннаго въ совершенно иную обстановку, живущаго совершенно иными интересами. Но мы не могли запаздывать и слишкомъ скоро при-

шлось проститься съ радушными хозяевами, угощавшими насъ всѣмъ, что у нихъ было наготовѣ. Кромѣ того, намъ дѣйствительно подарили на дорогу нѣсколько бутылокъ чуднаго молока, пришедшагося очень кстати нашему тифозному больному.

ГЛАВА VI.

Изъ Винбурга, кажется, д-ръ фанъ-Леерсумъ снесся по телеграфу съ мѣстнымъ управленіемъ Кронстадта, гдѣ къ этому времени сосредочилось и все управленіе Оранжевой республики; ему отвѣтили, что устройство лазарета въ этомъ городѣ очень желательно и подъ него уже отведены зданія двухъ школъ и часть дома школьнаго учителя. Такъ что, пріѣхавъ въ Кронстадтъ довольно поздно, мы только поужинали въ одной изъ мѣстныхъ гостинницъ, ночевали же ужъ въ отведенномъ намъ помѣщеніи, очень неудобно, кое-какъ на полу. Въ гостинницѣ мы опять встрѣтились со старыми знакомыми—Никсомъ и Ассельсбскомъ и отъ нихъ узнали всѣ перемѣны, происшедшія за эти послѣдніе дни, проведенные нами въ полѣ, далеко отъ всякихъ извѣстій. Въ это время опредѣлилась остановка въ наступленіи англичанъ, давшая время организовать дальнѣйшее сопротивленіе. Первый моментъ растерянности прошелъ, и бюргеры, пристыженные рѣшимостью остававшихся на фермахъ женщинъ, ободренные энергичными воззваніями обоихъ президентовъ, стали вновь стекаться въ команды. Въ самый день нашего пріѣзда состоялся военный совѣтъ, на которомъ Вильбуа присутствовалъ уже въ качествѣ трансвальскаго генерала и начальника всѣхъ европейцевъ на службѣ республикъ. На основаніи указаній его и другихъ европейскихъ военныхъ людей, подтвержденныхъ теперь личнымъ опытомъ буровъ, было рѣшено оставить прежній способъ обороны растянутыми линіями, которыя всегда являлась возможность обойти или прорвать для войска, лучше организованнаго и вооруженнаго, а попытаться изнурить противника малой войной, выгодной для такой народной милиціи, какъ буры, тревожа его внезапными нападеніями и угрожая его столь растянутымъ сообщеніямъ. Но большинство бурскихъ начальниковъ, даже изъ очень даровитыхъ, только постепенно освоились съ этими новыми пріемами, и во всякомъ случаѣ, пока еще существовала незанятая врагомъ часть страны, существовала столица, войска весьма понятно стремились закрыть ихъ отъ наступающаго непріятеля. Къ новому образу бѣдствій тотчасъ и наиболѣе рѣшительно перешелъ Христіанъ Деветъ. Онъ прямо собралъ распущенныя и вновь формировавшіяся команды въ холмистомъ раіонѣ

къ юго-востоку отъ Блумфонтена, около двухъ мѣсяцевъ держался въ этой мѣстности, со всѣхъ сторонъ окруженный непріятелемъ, то тревожилъ тылъ англичанъ и ихъ сообщенія съ Капштадтомъ, то угрожалъ ихъ наступленію на главную армію буровъ, подъ начальствомъ Деларея, на высотѣ Брандфорда закрывавшую путь на Кронстадтъ и Преторію. Брандфордъ такъ и не былъ занятъ англичанами, но помѣстившейся здѣсь послѣ насъ нѣмецкой амбулаціи, возвратившейся изъ англійскаго плѣна, въ Якобсдалѣ пришлось испытать серьезную военную тревогу, когда, во время перестрѣлки, пули летали даже по улицѣ и выходить было очень опасно.

Мы, между тѣмъ, устраивались въ безопасномъ Кронстадтѣ. Но такъ какъ наша укладка была разсчитана только на передовой лазаретъ въ максимумъ 10 кроватей, здѣсь же стали быстро сосредоточиваться больные съ разныхъ пунктовъ боевой линіи, то первое время, пока не былъ вытребованъ добавочный багажъ изъ основного склада, остановившагося, какъ я уже говорила, въ Ферейнингенѣ, наше дѣло было далеко не легкое. Спеціально моя роль хозяйки въ этихъ условіяхъ и при установившихся неудовлетворительныхъ отношеніяхъ съ начальникомъ отряда часто очень меня тяготила, и если я первая отъ нея не отказалась, то единственно изъ желанія показать, что русскія сестры изъ личныхъ счетовъ не бросятъ тяжелаго дѣла и въ случаѣ нужды перенесутъ всякую тяжелую черную работу, даже несправедливо и неделикатно налагаемую. Въ этомъ мнѣ оказывала полное и усердное содѣйствіе моя милая помощница сестра Мейснеръ.

Наша укладка, какъ уже сказано, была разсчитана на 10 кроватей: здѣсь же намъ съ первыхъ дней положили 20 больныхъ, устроить которыхъ сколько-нибудь сносно удалось только благодаря кроватямъ и матрацамъ, присланнымъ намъ изъ комиссаріата. Да и впослѣдствіи, несмотря на всѣ присылки изъ склада въ Ферейнингенѣ, ощущался постоянный недостатокъ какъ въ кроватяхъ, такъ и въ бѣльѣ, такъ какъ снабженіе нашего отряда было разсчитано на 40 кроватей, здѣсь же число больныхъ возросло сначала до 60-ти, потомъ 80-ти и, наконецъ, подошло къ сотнѣ. Къ счастью, комиссаріатъ проявлялъ по отношенію къ намъ полную любезность и затрудненія этого рода всегда удавалось устранить.

При этой полной предупредительности комиссаріата въ такомъ крупномъ правительственномъ центрѣ, какой представлялъ тогда Кронстадтъ, меня до сихъ поръ еще не перестаетъ удивлять странная нераспорядительность, проявленная д-ромъ Леерсумомъ въ пользованіи этой предупредительностью. Эта нераспорядительность особенно тяжело отражалась на вопросахъ продовольственныхъ, всѣ неудобства которыхъ ложились, глав-

нымъ образомъ, на меня. Накормить соотвѣтствующимъ образомъ отъ 60 — 100 человѣкъ больныхъ — хирургическихъ, тифозныхъ, малярійныхъ, т. е., требующихъ различный, болѣе или менѣе строгій режимъ — въ лучшемъ случаѣ дѣло не легкое. Когда же, какъ это постоянно было здѣсь, половина необходимыхъ предметовъ отсутствуетъ и, прежде чѣмъ варить пищу, сплошь да рядомъ приходится искать топливо, рубить сухіе сучья или старые ящики, носить воду, бѣгать отыскивать и покупать молоко — все это со страхомъ не поспѣть во-время и оставить больныхъ безъ необходимаго — то чувство отвѣтственности обращается прямо въ пытку. Такія условія работы, при которыхъ все нужное приходится кое-какъ запасать и устраивать самому, нельзя назвать нормальными даже для небольшого передового пункта; въ такомъ же лазаретѣ, какъ центральный кронстадтскій, они могутъ быть только результатомъ полнаго безпорядка въ администраціи, исправить который для подчиненныхъ дѣло мудреное и почти невозможное. Такъ, здѣсь ко мнѣ предъявлялось требованіе накормить болѣе ста человѣкъ больныхъ и здоровыхъ 6 разъ въ день, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 6½ ч. кофе для персонала и больнымъ посылается запасъ чаю, кофе, кипяченаго молока. Въ 9 часовъ завтракъ: персоналу и здоровымъ больнымъ (т. е. неопаснымъ хирургич. случаямъ, поправляющимся и малярійнымъ) порриджъ, мясо или мясные консервы и разнообразные бутерброды съ чаемъ; слабымъ же и тифознымъ протертую кашу или кисель. Въ 11 часовъ слабымъ больнымъ бульонъ или молоко съ яйцомъ. Въ 12½ обѣдъ больнымъ изъ трехъ блюдъ и чая, или двухъ блюдъ, бутербродовъ съ вареньемъ и чая; для слабыхъ же опять, смотря по указанію, бульонъ, яйца, протертый кисель. Въ 1½ такой же обѣдъ для персонала. Въ 4 шоколадъ и чай для всѣхъ — персонала и больныхъ. Въ 7 ч. для всѣхъ ужинъ изъ двухъ блюдъ и чая и затѣмъ заготовка на ночь кофе, чаю, молока. Если хотя приблизительно представить себѣ время, потребное на приготовленіе всего этого удовлетворительнымъ образомъ — хотя бы самыя простыя блюда, — мытье и чистку посуды, какъ кухонной, такъ и столовой, то станетъ ясно, что это одно представляетъ болѣе чѣмъ достаточную работу для двухъ женщинъ, такъ какъ данный намъ въ помощь кафръ, способный, конечно, только на самую грубую работу, далеко не всегда оставался въ нашемъ распоряженіи и при малѣйшемъ недохватѣ рукъ въ другомъ мѣстѣ [1]) безъ церемоніи отбирался по распоряженію начальника отряда. А на насъ, кромѣ того, лежала еще чистка и уборка всего помѣще-

[1]) Напримѣръ, при нагрузкѣ или полученіи клади, гдѣ всегда было возможно получить добавочныя рабочія руки черезъ комиссаріатъ.

нія, кромѣ больничнаго и, по возможности, уборка бѣлья на все это количество больныхъ и здоровыхъ. Легко понять, что дѣйствительное исполненіе всего этого было прямо физически невозможно, и приходилось изъ всего дѣйствительно нужнаго выбирать только самое существенное, чтобы, по крайней мѣрѣ, не заставлять никого голодать. Но даже въ приготовленіи пищи встрѣчалась масса такихъ затрудненій, о которыхъ въ обыкновенныхъ условіяхъ не имѣешь и понятія. Такъ, приступая къ приготовленію какого-либо мясного блюда изъ амбуланціоннаго запаса консервовъ, надо было прежде всего отыскать соотвѣтствующій ящикъ въ отведенномъ для этого совершенно неподходящемъ углу, гдѣ они были навалены грудами, въ которыхъ, при недостаткѣ мѣста, и разобраться-то было очень затруднительно. Слѣдовательно, прежде всего, таcканье на себѣ тяжелыхъ ящиковъ. Затѣмъ, когда нужный намъ ящикъ былъ, наконецъ, найденъ и извлеченъ, вскрыванье его топоромъ. Когда это все было сдѣлано, оставалось ужъ только вскрыть жестянки съ консервами и разогрѣть ихъ содержимое. Но надо представить себѣ количество жестянокъ, необходимыхъ, чтобы накормить, хотя бы два раза въ день, 100 человѣкъ, не считая ужъ масла, варенья, закусокъ и тому подобныхъ менѣе существенныхъ вещей. Среднимъ числомъ въ сутки приходилось вскрывать до 100 жестянокъ и вскрывать спѣшно, такъ какъ у насъ положительно каждая минута была на счету, настолько, что, напр., порѣзавъ себѣ руку, какъ это часто бывало второпяхъ, не было возможности дать крови остановиться, а приходилось продолжать начатое дѣло, кое-какъ обмотавъ порѣзъ, и движеніемъ, конечно, усиляя кровотеченіе, такъ что я положительно нѣсколько разъ накормила своихъ кліентовъ собственною кровью. Должна вспомнить съ благодарностью частую помощь въ дѣлѣ вскрыванія жестянокъ и ящиковъ какъ голландцевъ-санитаровъ, такъ фанъ-Лира (когда его рука достаточно поправилась), особенно же милаго доктора Ренненкампфа безъ поддержки и дѣятельной помощи котораго мы, русскія сестры, кажется, не были бы въ состояніи вынести эту полосу непосильной работы и связанныхъ съ нею непріятностей. Многаго онъ не могъ сдѣлать, настоять на измѣненіи всего неправильнаго положенія было ему невозможно, такъ какъ даже его несомнѣнныя заслуги въ общемъ веденіи дѣла не избавляли его отъ неделикатныхъ выходокъ и замѣчаній начальника отряда, по моему мнѣнію, недовольнаго, именно, этимъ его умѣньемъ вести дѣло въ затруднительныхъ случаяхъ, и ему самому уже тогда надо было много терпѣнія и выдержки, чтобы не обострить окончательно явно портившіяся отношенія; но безъ его совѣта и помощи въ постоянныхъ мелкихъ затрудненіяхъ мы, повторяю, не могли бы вовсе справиться съ наваленнымъ на насъ дѣломъ

и полагаю, что мои товарки, какъ и я, вынесли къ нему изъ этого періода совмѣстной работы чувство глубочайшаго уваженія и благодарности.

Не имѣя возможности настоять на прибавкѣ рабочихъ рукъ или даже внести порядокъ въ работу имѣвшихся у насъ еще съ Блумфонтена кафровъ и описаннаго выше бѣлаго надсмотрщика, онъ самъ, несмотря на схваченный имъ въ это время припадокъ маляріи, и свою непрерывную работу единственнаго врача терапевта, въ рѣдкія свободныя минуты, всячески помогалъ намъ въ самыхъ разнообразныхъ мелочахъ: вскрывалъ ящики и жестянки и даже натягивалъ веревки для бѣлья. Кромѣ того, д-ръ Ренненкамфъ[1]) взялъ на себя заботу о больныхъ кафрахъ, по мѣстному обычаю не положенныхъ въ больницу (чего наши врачи голландцы, управлявшіе дѣломъ, не допустили бы), а при общемъ недостаткѣ въ кроватяхъ и т. под. приспособленіяхъ, брошенныхъ въ палаткѣ въ довольно неприглядныхъ условіяхъ. Д-ръ Ренненкамфъ сдѣлалъ мнѣ удовольствіе поручить мнѣ выполненіе его предписаній при его чернокожихъ паціентахъ и вмѣстѣ намъ удалось создать имъ нѣсколько болѣе человѣческую обстановку: онъ выхлопоталъ одѣяла, я набила чѣмъ попало импровизированныя подушки и удѣлила необходимую посуду. Добровольнымъ помощникомъ явился намъ въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ голландскихъ санитаровъ, молоденькій и симпатичный братъ Систронъ, впослѣдствіи работавшій съ д-ромъ Ренненкампфомъ у фронта; онъ вызвался взять на себя непріятное дѣло чистки кафритянской палатки, а также наиболѣе грязную часть ухода, чѣмъ много облегчилъ и упростилъ мои обязанности. И вообще я могу только съ искренней симпатіей вспоминать всѣхъ трехъ голландскихъ санитаровъ, вполнѣ понимавшихъ и цѣнившихъ нашъ трудъ, по возможности, его облегчавшихъ и, какъ мнѣ приходилось слышать, неоднократно воевавшихъ со своими соотечественницами и обвинявшими ихъ, что онѣ гуляютъ въ бѣлыхъ передничкахъ и не стараются помочь русскимъ сестрамъ, которыя, по ихъ выраженію, «werken (работаютъ) daag und nacht». Очень польщенная такимъ опредѣленіемъ работы русскихъ сестеръ, я должна, однако, оговорить, что и голландскія наши товарищи относились вполнѣ добросовѣстно къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, и если самыя эти обязанности — по разнымъ отраслямъ собственно ухода — были

[1]) Такъ, самъ д-ръ ф.-Леерсумъ, другой терапевтъ отряда былъ слишкомъ занятъ представительствомъ, разъѣздами, фотографированіемъ окрестныхъ видовъ и даже... рыбной ловлей, чтобы дѣлать больше, чѣмъ изрекать больнымъ милостивыя слова, въ леченіи же принималъ участіе крайне рѣдко.

и симпатичнѣе и, по всей постановкѣ дѣла, физически менѣе тяжелы, чѣмъ хозяйство въ описанныхъ выше условіяхъ, то главная вина тутъ опять-таки падаетъ на старшихъ—начальника отряда; онѣ же развѣ только виноваты въ мало товарищескомъ пользованіи этими преимуществами; да и въ этомъ были свои градаціи, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы все же сохранили хорошее и симпатичное воспоминаніе.

Зато могу только съ особеннымъ удовольствіемъ вспомнить, какъ совмѣстную работу, такъ и личныя отношенія съ находившимися въ это время въ Кронстадтѣ русскими сестрами. Мнѣ уже случалось упоминать о моей постоянной милой и усердной помощницѣ Гильдѣ Мейснеръ, назначенной на это мѣсто еще въ Брандфордѣ. Вслѣдствіе недостатка рукъ у насъ въ Кронстадтѣ и отсутствія работы у другаго отдѣленія, оттуда были переведены теперь еще двѣ сестры—Іоганна Мейэръ и Амалія Якобсенъ. Сестра Мейэръ нѣсколько времени также помогала мнѣ въ хозяйствѣ, но, по характеру менѣе способная на такую трепку, слишкомъ утомлявшаяся и физически и нервами, была потомъ переведена на дежурства въ госпиталѣ. Сестра Якобсенъ, энергичная, страстно увлекавшаяся дѣломъ буровъ, умѣвшая понять своихъ больныхъ и сойтись съ ними, опытная и прекрасная работница, сначала была приставлена помогать голландской сестрѣ Коганъ въ терапевтическомъ отдѣленіи; но скоро, по настоянію д-ра Ренненкампфа, получила въ самостоятельное завѣдываніе самую тяжелую часть этого отдѣленія. Находясь почти безсмѣнно одна при палатѣ въ 30—40 человѣкъ, преимущественно тифозныхъ, она еще находила время (урывая отъ сна послѣ ночныхъ дежурствъ) прибѣгать къ намъ на кухню, помогать въ нашихъ затрудненіяхъ. Зато и мы, по возможности, облегчали ея работу, снабжая ее всѣмъ зависѣвшимъ отъ насъ, а въ случаѣ нужды временно смѣняя ее. Эти истинно товарищескія отношенія съ хорошимъ человѣкомъ и прекрасной сестрой остались для меня свѣтлымъ воспоминаніемъ въ тяжелой кронстадской полосѣ.

Главной и почти единственной причиной всѣхъ нашихъ злоключеній было, повторяю, неправильное отношеніе начальника отряда, а отчасти просто его неумѣніе взяться за дѣло. Кто повѣритъ, напр., что, имѣя съ первыхъ же дней 20 человѣкъ больныхъ и персоналъ въ 15 чел., онъ въ теченіе цѣлой недѣли не могъ добиться очищенія назначенной намъ комиссаріатомъ кухни, хозяйка которой не торопилась перебираться въ меньшее и менѣе удобное помѣщеніе. Наконецъ, я взяла на себя пойти къ ней и разъяснить, что, не исполняя требованій комиссаріата, она ставитъ меня въ невозможность надлежащимъ образомъ заботиться о ея больныхъ соотечественникахъ, и мнѣ придется, къ величайшему своему сожалѣнію, обратиться къ мѣстнымъ властямъ за содѣйствіемъ. Это послѣднее я,

конечно, не имѣла никакого права сдѣлать помимо д-ра фанъ-Леерсума; но, къ счастью, мои слова подѣйствовали и я, наконецъ, добилась кухни, хотя все еще малой для нашихъ потребностей, такъ что впослѣдствіи пришлось устроить еще добавочную плиту на открытомъ воздухѣ. До тѣхъ поръ вся стряпня производилась посредствомъ костра и двухъ небольшихъ керосиновыхъ канфорокъ, стоявшихъ въ одной нашей общей большой комнатѣ, гдѣ была свалена и часть вещей и даже въ дальнемъ углу производилась уборка бѣлья. Кто повѣритъ, что двухъ сестеръ, въ этихъ условіяхъ какъ никакъ и кормившихъ, и даже обмывавшихъ 35 человѣкъ больныхъ и здоровыхъ, фанъ-Леерсумъ находилъ еще возможнымъ упрекать, что вода (не помои, а мыльная вода) вылита кафромъ слишкомъ близко отъ дома, или на полъ пролито при ношеніи ведеръ, а разъ даже, что ему къ обѣду не приготовленъ пуддингъ—это на керосиновой канфоркѣ! Я къ этого рода придиркамъ относилась довольно философски—отвѣчала, что онъ требуетъ невозможнаго и продолжала свое дѣло,—но мнѣ было больно смотрѣть, какъ молоденькая и робкая сестра Мейснеръ, принимала къ сердцу и просто пугалась неделикатныхъ выходокъ, отъ которыхъ мнѣ не всегда удавалось ее оградить.

Большимъ затрудненіемъ служило вообще нежеланіе фанъ-Леерсума сдаться на самые убѣдительные доводы и объясненія. Такъ, за все время моего хозяйничанья мнѣ не удалось убѣдить его разрѣшить покупку нѣсколькихъ фунтовъ особо приготовленной мелкой пшеничной муки для молочнаго киселя, прописаннаго слабымъ больнымъ, а приходилось замѣнять его рисомъ или овсяной крупой, протертой черезъ сито; по нѣсколько разъ въ день на 30—40 человѣкъ, понятно, какъ это осложняло работу и увеличивало физическое утомленіе. Отказъ въ такой незначительной тратѣ мотивировался тѣмъ, что не годится увеличивать денежный расходъ амбуланціи, когда въ ея складѣ (Ферейнингѣ) имѣется большой запасъ этой такъ называемой мезена, перевезти же къ намъ часть этого запаса такъ и не удалось за все мое пребываніе въ Кронстадтѣ.

Однимъ изъ постоянныхъ поводовъ неудовольствія служило накопленіе грязнаго бѣлья, при недостаточномъ его количествѣ вообще, хотя и здѣсь придирки происходили преимущественно на почвѣ собственныхъ фуфаекъ фанъ-Леерсума и даже его washhandshuen, т. е. мохнатыхъ перчатокъ для умыванья, а не лазаретныхъ недохватовъ. На мое слишкомъ убѣдительное объясненіе, что намъ совершенно невозможно одновременно накормить и вымыть бѣлье на 100 человѣкъ, и что вообще необходимо достать рабочія руки изъ кафровъ, фанъ-Леерсумъ объявилъ, что затрудняется достать ихъ (черезъ комиссаріатъ), но, говорятъ, можно отдать бѣлье мыть въ краалъ (кафрскую деревню). Это уже я сочла

нужнымъ опротестовать, напомнивъ ему, что кафрскія поселенія служатъ разсадникомъ оспы, сифилиса, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и проказы, и этому я отдамъ туда бѣлье не иначе, какъ по его положительному приказанію, слагая съ себя всякую отвѣтственность за возможное зараженіе. Тогда фанъ-Леерсумъ на этой идеѣ не настоялъ, но впослѣдствіи этотъ способъ стирки примѣнялся, къ счастью безъ дурныхъ послѣдствій.

Вообще не надо думать, что я не пыталась какъ-нибудь вразумить доктора фанъ-Леерсума насчетъ невозможной постановки дѣла и необходимости измѣненій. Въ теченіе 3—4-хъ недѣль моего завѣдыванія я, вѣроятно, столько же разъ подробно объясняла ему (иногда въ отвѣтъ на его же придирки) полную невозможность справиться съ дѣломъ въ этихъ условіяхъ, просила позаботиться о доставкѣ рабочихъ рукъ, такъ какъ настоящее положеніе нетолько угрожаетъ намъ заболѣваніемъ отъ переутомленія, однако, въ любой день можетъ серьезно отразиться на комфортѣ больныхъ; но всегда получала въ отвѣтъ, что «потомъ все устроится, но теперь еще онъ ничего не можетъ сдѣлать». Съ отчаянія и зная предупредительное отношеніе комиссаріата, я даже предложила самой пойти туда объясниться насчетъ необходимости рабочей силы по моему отдѣлу; но я, конечно, не удивляюсь, что это предложеніе не было принято, такъ какъ это было бы со стороны управляющаго отрядомъ полное признаніе собственной некомпетентности. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ подобная передача чужихъ обязанностей не рисковала слишкомъ обратить на себя вниманіе, фанъ-Леерсумъ ею вовсе не стѣснялся. Памятны мнѣ, напримѣръ, мои ночныя прогулки въ поискахъ за молокомъ, имѣвшія, впрочемъ, ту выгоду, что, отчасти, познакомили меня съ ночной жизнью тогдашняго Кронстадта. Надо замѣтить, что, какъ только у насъ явилось значительное число тифозныхъ больныхъ, мѣстный комиссаріатъ былъ обязанъ доставить намъ потребное для нихъ количество молока, что онъ исполнилъ тотчасъ и безпрекословно по первому заявленію. Но прежде чѣмъ придти къ этому простому рѣшенію вопроса, фанъ-Леерсумъ раньше, при полномъ бездѣльи, безъ всякаго стѣсненія жившій на счетъ какъ мѣстнаго правительства, такъ и пославшаго насъ комитета, тутъ вдругъ непремѣнно желалъ обойтись собственными средствами, что было почти невозможно при необходимомъ намъ количествѣ молока и тогдашнемъ переполненіи города. Вслѣдствіе этого, онъ навелъ какія-то справки и затѣмъ сталъ давать мнѣ такія указанія: «Вотъ, züster по окончаніи работы вы пойдите въ такой-то домъ или ферму и условтесь насчетъ поставки молока». Я пыталась было объяснять, что, даже предоставивъ своей помощницѣ заканчивать работу одной, я не имѣю возмож-

ности уйти раньше 8—9-ти часовъ вечера, т. е., отпустивъ ужинъ, что это неудобное время бродить впотьмахъ по окраинамъ города, поэтому нельзя ли ему взять заказъ молока на себя или поручить его кому-либо изъ санитаровъ, имѣвшихъ все же свободные часы между дежурствами.

На это мнѣ было отвѣчено, что «санитары нужны для другого дѣла, мнѣ же это поручается какъ хозяйкѣ, и онъ думалъ, что я не боюсь пройтись по темнотѣ». Зная упорство фанъ-Леерсума, сознавая необходимость, ради больныхъ, быстро достать молока и не желая вторично подвергаться упреку въ трусости, какъ ни комиченъ онъ былъ, сдѣланный женщинѣ господиномъ, такъ тщательно избѣгавшимъ всякой опасности, я больше не возражала и съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ путешествовала ночью по глухимъ приреѣчнымъ окраинамъ Кронштадта, гдѣ преимущественно держатъ значительное количество коровъ, при густой южной темнотѣ, путаясь въ рытвинахъ и колючемъ кустарникѣ. Встрѣчая всегда радушный пріемъ въ посѣщаемыхъ мною домахъ, мнѣ приходилось выслушивать жалобы хозяекъ на глухое мѣстоположеніе ихъ жилья и опасенія насчетъ бродячихъ кафровъ, разнузданныхъ вслѣдствіе безпокойнаго времени и близости англичанъ, поощряющихъ ихъ неповиновеніе и безобразія. Въ теченіе моихъ прогулокъ мнѣ приходилось иногда обходить группы подобныхъ подозрительныхъ субъектовъ, слышать ихъ крики и пьяныя пѣсни. Не менѣе непріятный элементъ для ночной встрѣчи представляли окружающіе лагери, не столько буровъ, сколько пріѣзжихъ, откуда именно наименѣе надежные, отчаянные типы разбредались по ночамъ, и отъ нихъ, какъ мнѣ не разъ приходилось слышать, женщинѣ въ темнотѣ не было проходу. Меня, конечно, нѣсколько гарантировалъ мой костюмъ; тѣмъ не менѣе, сознаюсь, что въ эти прогулки, слыша окружающія пьяныя пѣсни и возгласы, мнѣ приходилось переживать болѣе непріятныя минуты, чѣмъ впослѣдствіи подъ англійскимъ огнемъ, и я считаю вполнѣ неоправданными дѣйствія старшаго врача, безъ необходимости ставившаго сестру въ подобное рискованное пололоженіе.

Вообще, за это время пришлось исполнять немало курьезныхъ и неожиданныхъ обязанностей. Такъ, въ одинъ прекрасный день мнѣ заявили, что большая комната, въ которой до этого времени сохранялось и разбиралось грязное бѣлье, нужна для ожидаемаго транспорта больныхъ и ее надо въ 2 часа вычистить и приготовить къ ихъ пріему. Это было уже въ сумерки, а у насъ почему-то установился порядокъ съ наступленіемъ темноты отпускать кафровъ, что давало имъ 12 ч. на сонъ, кромѣ обязательнаго отдыха среди дня. При мало гуманномъ отношеніи къ кафрамъ голландцевъ вообще, меня всегда очень удивляло это правило, ни-

гдѣ въ другихъ отрядахъ или лагеряхъ не примѣнявшееся, у насъ же имѣвшее результатомъ то, что, пока кафры бездѣльничали, мы очень часто работали и за нихъ, и за себя. Такъ и теперь, я мыла и убирала помѣщеніе, д-ръ Ренненкампфъ свинчивалъ и налаживалъ кровати, и мы еще должны были почесть себя счастливыми, что нашъ знаменитый надсмотрщикъ рѣшился кое въ чемъ намъ помочь. Вообще должна отмѣтить, что, несмотря на его феноменальную лѣнь и безцеремонность, съ которой онъ по отношенію къ докторамъ пользовался заключеннымъ съ нимъ неосмотрительнымъ контрактомъ, мнѣ иногда удавалось расшевелить фанъ-деръ-Говена и добиться отъ него толковаго распоряженія или даже—какъ въ настоящемъ случаѣ—личной помощи. Это я приписываю характерному для буровъ уваженію къ женщинѣ и хозяйкѣ.

Это вниманіе, однако, шло не слишкомъ далеко. Такъ, при описанной очисткѣ помѣщенія, возникалъ вопросъ, куда дѣть хранившееся и разбиравшееся здѣсь бѣлье? Д-ръ Диссель, въ эту минуту замѣнявшій уѣхавшаго фанъ-Леерсума, рѣшилъ перенести его въ палатку, поставленную противъ лазарета; да иного помѣщенія, дѣйствительно, не было. На это фанъ-деръ-Говенъ флегматически замѣтилъ, что лазаретъ стоитъ на краю города, палатка же и совсѣмъ на пустомъ склонѣ къ рѣкѣ, днемъ, конечно, безопасно вслѣдствіе постояннаго движенія, а ночью ни онъ, ни кафры не станутъ караулить и все растащутъ. Надо замѣтить, что ни ему, ни кафрамъ изъ-за бѣлья не приходилось бодрствовать, а просто положить спать кого-либо изъ кафровъ, все равно спавшихъ на воздухѣ, рядомъ съ палаткой и внушить ему чувство отвѣтственности за возможную пропажу. Однако, д-ръ Диссель растерялся. «Какъ же такъ, систеръ; фанъ-деръ-Говена нельзя заставить заботиться о бѣльѣ, а отвѣтственны за него вы». Я отвѣтила, что вовсе не считаю себя отвѣтственной за бѣлье, брошенное ночью на улицѣ, но могу предложить ему одну комбинацію: такъ какъ мнѣ непріятно тѣсное житье въ повалку 7-ми сестеръ въ одной небольшой комнатѣ [1]), то я предлагаю отдать мнѣ большую палатку на 10 кроватей, все равно стоявшую безъ употребленія вслѣдствіе имѣвшагося для больныхъ крытаго помѣщенія; сложивъ тамъ бѣлье въ дальнемъ углу, я могу устроить свою несложную постель ближе къ входу, охотно буду спать на открытомъ воздухѣ, а не въ переполненномъ душномъ помѣщеніи, днемъ же, пока я на работѣ, фанъ-деръ-Говену придется имѣть въ виду наличность въ палаткѣ амбулаціоннаго имущества.

---

[1]) Четыре сестры, сначала назначенныя въ Брандфордскій лазаретъ, и три постепенно переведенныя изъ другого отдѣленія—Мейсперъ, Якобсенъ и Мейеръ.

Д-ръ фанъ-Диссель съ радостью согласился; но моя новая обязанность караульщика при бѣльѣ страшно возмутила д-ра Ренненкампфа и онъ хотѣлъ заявить протестъ, пока я не объяснила ему, что пошла на эту комбинацію изъ личнаго удобства, а отнюдь не изъ потворства несообразнымъ требованіямъ. Съ помощью перенесеннаго въ нее стола для разборки и починки бѣлья, нѣсколькихъ пустыхъ ящиковъ для сидѣнья, а главное бурки, съ изголовьемъ изъ сѣдельныхъ мѣшковъ, составлявшей оригинальную, но подходившую къ обстановкѣ кушетку, моя палатка скоро приняла жилой и даже уютный видъ, настолько, что вернувшійся изъ поѣздки въ Ферейнингенъ фанъ-Леерсумъ, до сихъ поръ занимавшій отдѣльную комнату въ общемъ помѣщеніи, пожелалъ также переѣхать въ палатку, и сначала хотѣлъ завладѣть моей: но на это я заявила, что мнѣ лично, конечно, не нужно такое большое помѣщеніе, но, переходя въ меньшее, я буду принуждена оставить на его попеченіе все грязное бѣлье, такъ какъ помѣщаться непосредственно на немъ признаю неудобнымъ. Говоря это, я въ сущности боялась, что фанъ-Леерсумъ велитъ запирать бѣлье въ свою прежнюю небольшую комнату, меня же переведетъ въ общую комнату сестеръ. Къ счастью, эта комбинація не пришла ему въ голову, и я съ торжествомъ сохранила свою палатку; но нашихъ отношеній это, конечно, не улучшило.

И вообще къ этому времени стала больше и больше опредѣляться полная невозможность продолжать работать въ установившихся условіяхъ, на перемѣну же ихъ докторомъ фанъ-Леерсумомъ я окончательно перестала надѣяться. Поэтому, посовѣтовавшись съ д-ромъ Ренненкампфомъ, какъ со старшимъ изъ находившихся здѣсь русскихъ врачей, я рѣшилась просить фанъ-Леерсума перевести меня въ другую часть отряда, подчиненную д-ру Веберу.

Надо сказать, что въ это время уже вполнѣ выяснилось неудобство Ферейнингена для крупнаго санитарнаго отряда. Лазаретъ, устроенный въ полѣ на небольшой промежуточной станціи, могъ имѣть значеніе только въ случаѣ перенесенія боевой линіи на трансваальскую границу. Теперь же проѣзжавшіе мимо Ферейнингена больные, обращаясь иногда за временной помощью, все же стремились дальше, къ семьямъ или въ центральные города, и единственнымъ больнымъ этого лазарета оставался вывезенный нами изъ Брандфорда молодой французъ, провезенный тогда же въ Ферейнингенъ, чтобы не мѣшать нашей работѣ при первомъ устройствѣ кронстадтскаго помѣщенія. Это положеніе не измѣнилось даже тогда, когда, по предложенію правленія Іоганнесбургскаго Краснаго Креста, отрядъ д-ра Вебера занялъ большую, прекрасно устроенную и снабженную больницу въ Элансфонтенѣ (близъ

Іоганнесбурга). Самъ Эландсфонтенъ, сильно опустѣвшій вслѣдствіе прекращенія работы въ рудникахъ, могъ дать только кое-какой составъ приходящихъ больныхъ, больные же военные продолжали проѣзжать мимо въ госпитали Іоганнесбурга и Преторіи. Это зависѣло, главнымъ образомъ, оттого, что администрація и врачи, работавшіе по этой линіи въ санитарныхъ поѣздахъ, не имѣли ничего общаго съ нашими д-рами Эландсфонтенскаго госпиталя и очень естественно направляли своихъ паціентовъ къ знакомымъ. Конечно, была полная возможность эвакуировать въ Ферейнингенъ, а тѣмъ болѣе въ Эландсфонтенъ, значительное количество больныхъ изъ нашего переполненнаго лазарета въ Кронстадтѣ, гдѣ не хватало ни бѣлья, ни другихъ запасовъ, ни рабочихъ силъ: многіе изъ трансваальцевъ, способные къ перевозкѣ, очень охотно попали бы въ больницу, расположенную въ ихъ странѣ, ближе къ ихъ семьямъ; для европейцевъ пребываніе въ томъ или другомъ городѣ тоже было по бо̀льшей части безразлично; оставляя же въ Кронстадтѣ только фрейштатцевъ или тѣхъ, кого можно было надѣяться быстро вернуть къ фронту, работа распредѣлялась бы равномѣрно и одна часть отряда не изнывала бы въ бездѣйствіи, пока другая буквально надрывалась отъ работы. Но всѣмъ предложеніямъ подобнаго рода д-ръ Леерсумъ упорно противился, по моему мнѣнію, прямо изъ недоброжелательства къ ферейнингенскому отряду, по крайней мѣрѣ къ завѣдующему имъ д-ру Веберу. Это было легко заключить изъ его злорадныхъ выходокъ, часто очень неприличныхъ, насчетъ «начальника госпиталя съ однимъ больнымъ», «штрафного, ссыльнаго отряда» и тому подобныхъ, которыя онъ позволялъ себѣ даже въ присутствіи постороннихъ лицъ. Это совершенно незаслуженное отношеніе заставило, наконецъ, д-ра Вебера заявить о своемъ нежеланіи продолжать въ подобныхъ условіяхъ считаться «главою отряда» и просить объ указаніи ему мѣста работы у фронта. Послѣдствіемъ этого заявленія былъ отъѣздъ д-ра Вебера въ Фортинстримсъ, куда и я потомъ попала, что считаю одною изъ самыхъ удачныхъ случайностей всей моей поѣздки въ Южную Африку. Но до этого мнѣ пришлось еще немало помучиться въ нелѣпыхъ условіяхъ кронстадтскаго хозяйства.

При только что изложенныхъ условіяхъ переводъ въ эландсфонтенское отдѣленіе самъ по себѣ не могъ представляться желательнымъ; но ничего другого мнѣ не оставалось дѣлать, понимая, что мнѣ, изъ личныхъ счетовъ, не удастся добиться отъ фанъ-Леерсума измѣненія безобразныхъ условій работы въ Кронстадтѣ, условій отражавшихся, наконецъ, даже на здоровьи и нервахъ моихъ помощницъ изъ русскихъ сестеръ, такъ какъ послать на кухню кого-либо изъ своихъ соотечественницъ фанъ-Леерсуму, понятно, не могло придти въ голову. Въ Эландсфонтенѣ, гдѣ хозяйствомъ

завѣдывала голландка, при 1-мъ больномъ и 3—4-хъ лицахъ персонала (такъ какъ остальные были постепенно переведены въ Кронстадтъ), къ ея услугамъ имѣлся поваръ и около десятка кафровъ и претензіи на авторитетъ были такъ преувеличены, что, напримѣръ, заявлялась обида, когда д-ръ Кухаренко, встрѣтивъ незанятаго кафра, велѣлъ ему перенести какія-то свои вещи, не обратясь къ ней за разрѣшеніемъ. Понимая, что только наше перемѣщеніе можетъ вызвать въ Кронстадтѣ желательныя реформы въ хозяйствѣ, я и рѣшилась просить фанъ-Леерсума объ этомъ переводѣ, объяснивъ, что если онъ, вслѣдствіе болѣе пожилыхъ лѣтъ и можетъ быть менѣе крѣпкаго здоровья сестры П., считаетъ невозможнымъ оставить ее безъ повара, то справедливо поручить имъ вдвоемъ болѣе крупное хозяйство, я же въ томъ отдѣленіи справлюсь и одна, даже въ случаѣ прибавленія больныхъ. Но въ разсчеты фанъ-Леерсума не входило въ это время перевести сестру П. въ Кронстадтъ и потому на первое свое заявленіе я получила безусловный отказъ, и даже часть моихъ вещей, оставшаяся въ главномъ складѣ, была, безъ моего требованія, привезена въ Кронстадтъ. Тогда, видя все увеличивавшійся наплывъ больныхъ, а вмѣстѣ и запросы отъ завѣдывающей хозяйствомъ, я рѣшилась заявить категорически, что продолжаю работать единственно изъ сознанія, что при отсутствіи лишнихъ людей такая остановка отразится на больныхъ и приведетъ къ лишнимъ затрудненіямъ для товарищей, но при этомъ слагаю съ себя отвѣтственность за всякое могущее случиться упущеніе, такъ какъ справиться съ работой болѣе немыслимо и не сегодня, завтра, какая-нибудь часть больныхъ можетъ не получить назначеннаго. На это фанъ-Леерсумъ отвѣтилъ, что и безъ того имѣетъ въ виду нѣкоторыя измѣненія и я скоро получу желаемую помощь. Дѣйствительно, черезъ 2 дня неожиданно и къ моему большому удивленію въ Кронстадтъ явился Дальдеръ—поваръ-санитаръ изъ Элансфонтена, и я было понадѣялась, что совѣсть, наконецъ, заговорила у шефа и все пойдетъ глаже. Но радость оказалась преждевременной, а также разсчетъ на совѣсть фанъ-Леерсума: онъ просто нашелъ нужнымъ взять экономку, изъ мѣстныхъ жительницъ, которой потомъ подчинилъ моихъ прежнихъ помощницъ, русскихъ сестеръ. Въ отношеніи этой, дорого оплачиваемой особы, онъ выказывалъ любезность и внимательность, о которой порученныя ему русскія сестры, вынесшія всю тяжелую работу и неустройства перваго времени, никогда не мечтали, и даже его соотечественницамъ, часто надоѣдавшимъ намъ неразумной требовательностью и придирками, приходилось очень и очень съ ней считаться. Въ помощь ей, кромѣ вывезеннаго изъ Элансфонтена повара, было дано 12 кафровъ (я тщетно требовала 2-хъ) обоихъ половъ, причемъ одна дѣвушка спеціально варила чай и кофе и мазала бутерброды, такъ какъ

все это хозяйка считала ниже своего достоинства. Бѣлье отдавалось на сторону, такъ что весь этотъ рабочій персоналъ, по тамошнимъ условіямъ заработной платы, стоившій большихъ денегъ[1]), существовалъ только для кухни и уборки помѣщенія. Неудивительно, что въ этихъ условіяхъ все поспѣвало во-время и хозяйка находила даже время украшать докторскую трапезу цвѣтами, что мнѣ было съ торжествомъ поставлено на видъ однимъ изъ младшихъ членовъ отряда, недостаточно вразумившимся, что если бы я заботилась о цвѣтахъ, то они всѣ рисковали бы обѣдать одними цвѣтами. Надо, однако, сказать, что, кромѣ отличавшаго вообще фанъ-Леерсума стремленія преувеличенной любезностью заслужить расположеніе жителей страны[2]) и его неспособности вслѣдствіе этого отвѣтить отказомъ на какое-либо требованіе новой хозяйки, принадлежавшей къ большой и уважаемой семьѣ Вессельсовъ, большое значеніе имѣло знакомство и даже родство миссъ Вессельсъ со многими изъ членовъ мѣстнаго управленія, вслѣдствіе котораго она преспокойно требовала и командировала, что находила нужнымъ, часто даже помимо старшаго врача. Обо всемъ этомъ я знаю ужъ только по чужимъ разсказамъ, такъ какъ на другой день поступленія миссъ Вессельсъ я была самымъ безцеремоннымъ образомъ отправлена въ Элансфонтенъ, причемъ не была даже принята во вниманіе моя просьба отложить отъѣздъ, чтобы имѣть возможность разобрать и собрать свои вещи, запутанныя въ общей стиркѣ, результатомъ чего и была потеря большой части изъ нихъ.

Я сочла нужнымъ разсказать нѣкоторыя подробности моего «завѣдыванія хозяйствомъ», какъ дипломатически называлась тяжелая и ненужная работа, наваленная подъ этимъ предлогомъ на русскихъ сестеръ нашимъ голландскимъ шефомъ, чтобы выяснить все неудобство, недостаточно провѣренныхъ назначеній на такія отвѣтственныя мѣста. Теперь же спѣшу прибавить, что, помимо нежелательной формы замѣны меня въ ту самую минуту, когда являлась возможность вздохнуть и поставить дѣло сколько-нибудь правильно, я сохранила наилучшее воспоминаніе, какъ о самой миссъ Вессельсъ, такъ о всей ея семьѣ, особенно о ея милой и симпатичной старушкѣ-матери. Познакомилъ меня съ ними фанъ-Лиръ во время моихъ первыхъ затрудненій, и имъ я обязана многими полезными совѣтами и указаніями насчетъ мѣстныхъ условій и возмож-

[1]) Кафрамъ платили 1 ф. и $1^1/_2$ ф. (10 и 15 р.) въ мѣсяцъ; жалованье же бѣлымъ превосходитъ всѣ наши понятія, такъ, фанъ-деръ-Говенъ, какъ уже сказано, получалъ 20 ф. (200 р.) въ мѣсяцъ.

[2]) Въ чемъ онъ въ нѣкоторой степени успѣвалъ, и это составляло его несомнѣнное преимущество въ сравненіи съ управляющимъ другимъ русскимъ отрядомъ Краснаго Креста.

ности достать то или другое необходимое. Сестра миссъ Вессельсъ одно время помогала сестрамъ въ переполненномъ тифозномъ лазаретѣ и отличалась вполнѣ внимательнымъ и толковымъ отношеніемъ къ дѣлу. Уѣзжая такъ скоропостижно, по распоряженію фанъ-Леерсума, я жалѣла, что не могла найти времени проститься и поблагодарить за оказанное мнѣ вниманіе какъ у нихъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ домахъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать по дѣламъ хозяйства. Такъ и во все время моего пребыванія въ Кронстадтѣ я жалѣла о невозможности ближе сойтись съ мѣстными жителями, изъ которыхъ многіе мнѣ нравились и внушали симпатію, а также ближе узнать ихъ интересы, взгляды и надежды. При описанныхъ выше условіяхъ мнѣ, конечно, приходилось для всего посторонняго моему непосредственному дѣлу довольствоваться слухами и разсказами какъ больныхъ, при которыхъ мнѣ иногда случалось замѣнять другихъ сестеръ, такъ и нашихъ частыхъ посѣтителей, голландскихъ военныхъ агентовъ. Въ самый день моего отъѣзда изъ Кронстадта было получено извѣстіе о смерти бѣднаго Никса отъ раны осколкомъ снаряда, полученной при объѣздѣ позицій въ сопровожденіи мѣстныхъ командантовъ, въ арміи Девета. Тратить и на нихъ много времени я, конечно, не могла, но всѣ новости повторялись и комментировались за общимъ столомъ, и мнѣ, такимъ образомъ, удавалось провѣрять, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, вызванное ими въ общественномъ мнѣніи.

А Кронстадтъ, какъ разъ въ это время являлся интереснымъ центромъ, гдѣ, подъ личнымъ руководствомъ президента Штейна, шла реорганизація бурскихъ войскъ и попытка организаціи европейцевъ въ отдѣльный легіонъ. И всѣ извѣстія съ другихъ пунктовъ находили здѣсь не менѣе сильный отзвукъ и не менѣе разностороннее обсужденіе, чѣмъ въ Преторіи. Наиболѣе серьезнымъ изъ такихъ событій была, конечно, смерть (въ концѣ марта) командантъ-генерала Жубера и замѣщеніе его прежнимъ ассистентъ-командантъ генераломъ Луи Бота. Неожиданная смерть побѣдителя при Амаюбѣ, столько лѣтъ занимавшаго высшій военный постъ Трансвааля, что самая мысль о борьбѣ съ Англіей казалась связанной съ его именемъ, произвела огромную сенсацію; но что всего удивительнѣе и можетъ служить мѣриломъ тогдашней нервности и вмѣстѣ запутанности общественнаго мнѣнія, что по поводу этой смерти уже очень пожилого человѣка, съ больной печенью, вслѣдствіе желудочнаго припадка, возникло опять то же нелѣпое предположеніе, какъ при плѣненіи Кронье, догадка о самоубійствѣ, вслѣдствіе якобы обнаруженной измѣны. Разсказывали даже разныя сенсаціонныя подробности о томъ, какъ притворявшійся больнымъ, чтобы находиться въ Преторіи, Жуберъ пытался провести англійскихъ шпіоновъ по укрѣпленіямъ Преторіи, но былъ изобличенъ вслѣдствіе бдительности

Докторъ Ренненкампфъ. Сестра Якобсенъ.

Терапевтическое отдѣленіе Кронстадтскаго госпиталя.

(Русско-голландскій отрядъ Кр. Креста).

одного изъ низшихъ своихъ подчиненныхъ. Теперь можно бы указать, что по важной роли, сыгранной укрѣпленіями Преторіи въ защитѣ страны, на нихъ смѣло можно было пустить не только двухъ шпіоновъ, но весь англійскій генеральный штабъ. Но обидно, что цѣлая жизнь преданности родинѣ, борьба за нее въ тяжелыхъ условіяхъ 78—81 г., блестящее торжество Амаюбы и менѣе яркіе, но несомнѣнные успѣхи, одержанные имъ и въ послѣднюю войну, не спасли память стараго главнокомандующаго отъ этого незаслуженнаго оскорбленія. Чтобы хотя нѣсколько понять возможность возникновенія такого обвиненія, надо имѣть въ виду какъ самый характеръ генерала Жубера, такъ и его отношеніе къ событіямъ послѣднихъ лѣтъ.

Такой же пламенный патріотъ, какъ Крюгеръ, постоянный его сотрудникъ въ тяжелую годину первой англійской оккупаціи, Жуберъ, къ сожалѣнію, не обладалъ его уравновѣшенностью характера и способностью въ государственныхъ дѣлахъ совершенно отрѣшаться отъ всякихъ личныхъ соображеній и интересовъ. Это различіе характеровъ сказалось даже въ семейной жизни обоихъ знаменитыхъ трансваальцевъ. Тогда какъ tant'Sannah[1]) въ теченіе сорокалѣтней образцовой семейной жизни была всегда только хозяйкой дома, преданной женой, не всегда, однако, посвященной во всѣ политическія заботы мужа, роль Мефрау Жуберъ очень хорошо опредѣляется прозваніемъ, даннымъ ей англичанами—the general in petticoats (генералъ въ юбкѣ). Пуританка стараго пошиба, очень энергичная и самовластная, она почти все время войны присутствовала въ натальскомъ лагерѣ мужа, вмѣшивалась въ его распоряженія, къ большому негодованію нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, оказывала на него значительное вліяніе, въ критическія минуты, говорятъ, часто благотворное вслѣдствіе свойственной ей рѣшительности. Эта слабость, податливость на чужія вліянія сказалась у Жубера и въ мирное время сближеніемъ съ англійской частью трансваальскаго общества, даже съ обществомъ іоганнесбургскихъ дѣльцовъ, дорожившихъ поддержкой такого вліятельнаго человѣка. Слухи о дѣловыхъ оборотахъ, посредствомъ которыхъ Жуберъ яко-бы увеличилъ свое состояніе, не достаточно доказаны, чтобы принимать ихъ въ разсчетъ, и во всякомъ случаѣ они могли быть только частнымъ дѣловымъ оборотомъ, не представлявшимъ ничего предосудительнаго, пока ему не приносились въ жертву интересы страны. Ни въ чемъ подобномъ Жубера упрекнуть нельзя, если же онъ долгое время являлся противникомъ войны и производившихся въ предвидѣніи ее огромныхъ затратъ, то эту точку зрѣнія раздѣляли тогда многіе, съ

[1]) Жена Крюгера.

тѣхъ поръ вполнѣ доказавшіе свою преданность родинѣ и ея свободѣ. Вслѣдствіе своихъ пріятельскихъ отношеній съ нѣкоторыми англичанами Жуберъ придерживался оптимистическаго взгляда на стремленія ихъ національной политики и долго не считалъ войну дѣломъ неизбѣжнымъ. Его отношеніе къ этому вопросу и весь характеръ ясно высказались въ его извѣстномъ письмѣ англійской королевѣ. Самая идея такого посланія, надежда такимъ образомъ измѣнить ходъ англійской политики уже показываетъ ошибочность его политической точки зрѣнія; самое же письмо, непослѣдовательное, но глубоко прочувствованное, хорошо рисуетъ этого человѣка съ его привязанностью къ родинѣ, но слишкомъ впечатлительнымъ характеромъ и слабой волей. Эти же свойства характера помѣшали Жуберу какъ должно воспользоваться своимъ несомнѣннымъ, большимъ авторитетомъ среди бюргеровъ для проведенія собственныхъ, почти всегда разумныхъ плановъ и комбинацій, наперекоръ ихъ колебаніямъ и непониманію обстановки. Обладая несомнѣннымъ военнымъ чутьемъ и стратегическими способностями, Жуберъ, разъ война стала неизбѣжной, выработалъ, какъ я слышала, смѣлый и вполнѣ раціональный планъ дѣйствій, въ виду разбросанности и тогда относительно небольшой численности военныхъ силъ англичанъ, бурамъ занять только на всякій случай проходы Драконовыхъ горъ (вполнѣ гарантирующіе границу), главными же силами двинуться на Питермарицбургъ, столицу Наталя, оставляя безъ вниманія гарнизоны Дунди и Ледисмита, и тѣмъ принудить ихъ спѣшить на югъ для спасенія этого города и Дурбана. Занятіе Питермарицбурга имѣло бы огромное нравственное и стратегическое значеніе и въ счастливомъ случаѣ могло бы даже повести къ завоеванію всего Наталя и столь нужныхъ бурамъ портовъ. Въ случаѣ же неудачи военная линія переносилась далеко на югъ, и въ гористомъ Наталѣ буры посредствомъ малой войны (выгоды которой Жуберъ хорошо понималъ) могли долго задерживать наступленіе англичанъ, не перенося войны въ собственные предѣлы. Но планъ этотъ не былъ одобренъ военнымъ совѣтомъ невоенныхъ людей, вслѣдствіе характерной тогда для буровъ боязни оставить у себя въ тылу хотя бы слабаго противника и надежды на лучшій успѣхъ, если удастся сначала уничтожить эти мелкіе отряды. Уничтожить ихъ, какъ извѣстно, не удалось, да и нельзя было серьезно этого ожидать при отсутствіи у буровъ холоднаго оружія для преслѣдованія разбитаго противника и ихъ своеобразныхъ взглядахъ, долго мѣшавшихъ имъ преслѣдовать и бить бѣгущихъ. Это характерное отвращеніе отъ лишняго кровопролитія сказывается въ массѣ фактовъ за все время войны и самого Жубера заставляло иногда совершать въ военномъ отношеніи несомнѣнные промахи. Такъ, уже во время обложенія Ледисмита случилось, что изну-

ренныя недостаткомъ фуража англійскія лошади, пущенныя на паству, по невниманію стерегшихъ, зашли подъ прицѣлъ бурскихъ пушекъ. Артиллеристы хотѣли было перестрѣлять ихъ, что лишило бы англійскую конницу почти всего ея конскаго состава; но Жуберъ не допустилъ этого, замѣтивъ, что это «божьи твари» и избивать ихъ не годится. Эти же лошади потомъ принимали наиболѣе дѣятельное участіе въ преслѣдованіи отступавшихъ изъ-подъ Ледисмита буровъ.

Уже настроенный пессимистически, вслѣдствіе неодобренія выработаннаго имъ плана, Жуберъ сильно палъ духомъ послѣ первыхъ, случайныхъ неудачъ при Эландслаагте и Дунди; тѣмъ не менѣе, принималъ дѣятельное участіе во всемъ дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій въ Наталѣ, не щадя своего разстроеннаго здоровья даже въ такихъ утомительныхъ предпріятіяхъ, какъ экспедиція на Исткортъ, представлявшую въ сущности запоздалую попытку выполненія первоначальнаго его плана и, тѣмъ не менѣе, надѣлавшую англичанамъ немало хлопотъ. Къ сожалѣнію, повторяю, недостатокъ характера мѣшалъ ему настаивать на своихъ рѣшеніяхъ въ военныхъ совѣтахъ: вмѣсто того, чтобы пользоваться своимъ вліяніемъ и авторитетомъ, онъ легко подчинялся мнѣнію осторожнаго большинства, внѣ ихъ не рѣшался дѣйствовать на собственный рискъ, а при неизбѣжныхъ неудачахъ не сохранялъ столь необходимое полководцу спокойствіе и быстро уступалъ всеобщей растерянности и желанію отступить, когда дѣло было еще далеко не проиграно. Въ эти критическія минуты его часто выручалъ молодой и энергичный подчиненый Л. Бота, совершенно основательно указанный имъ, какъ наиболѣе подходящій для него преемникъ. Одно это указаніе могло бы оправдать Жубера отъ всякаго подозрѣнія въ сознательномъ потворствѣ англичанамъ. Но въ то время, правда, и назначеніе новаго командантъ-генерала (не народнымъ собраніемъ, которое не было возможности собрать, а чрезвычайной мѣрой правительства) вызвало немало критикъ и протестовъ, очень осложнившихъ положеніе Боты въ первое время и мѣшавшихъ ему дѣйствовать такъ энергично въ назначеніи и смѣнѣ подчиненыхъ ему начальниковъ, какъ это было бы желательно въ виду серьезности положенія.

Это часто невыгодное вліяніе подчиненныхъ на мѣропріятія главныхъ руководителей, очень сильно характеризовавшее первый періодъ войны и объясняющее многія неудачи этого времени, связано со всѣмъ бытомъ и военнымъ строемъ буровъ; поэтому считаю не лишнимъ дать здѣсь нѣкоторое описаніе этихъ условій, какъ объясняющихъ многое въ общемъ ходѣ войны.

ГЛАВА VII.

При разсмотрѣніи военной системы буровъ необходимо имѣть въ виду, что въ свою краткую исторію они хотя имѣли не одинъ случай выказать свои природныя хорошія военныя качества, въ постоянной упорной борьбѣ съ окружающими ихъ воинственными, дикими племенами зулусовъ, базутовъ и другихъ, но никогда еще не сталкивались съ большой арміей, организованной на европейскій ладъ, и что военное устройство буровъ во многомъ не подготовляло ихъ къ подобному столкновенію.

Военныя силы обѣихъ бургскихъ республикъ, какъ извѣстно, не составляли до сихъ поръ постояннаго войска, за исключеніемъ нѣсколькихъ командъ конной полиціи, для поддержанія порядка и безопасности въ плохо замиренныхъ областяхъ, пограничныхъ съ дикими племенами, или въ городахъ, составъ населенія которыхъ, какъ, напримѣръ, Іоганнесбурга, дѣлалъ вооруженное вмѣшательство въ уличныя ссоры дѣломъ часто необходимымъ. Изъ этихъ командъ іоганнесбургская полиція и въ военное время пріобрѣла репутацію образцоваго отряда по храбрости и дисциплинѣ; за нею шла свазиландская полиція, созданная для охраны въ земляхъ, пограничныхъ съ безпокойными свазіями, подъ начальствомъ комавданта Христіана Бота, двоюроднаго брата комавдантъ-генерала.

Служащіе въ этихъ отрядахъ, а также въ артиллеріи (съ тѣхъ поръ, какъ въ Трансваалѣ былъ созданъ этотъ родъ оружія), имѣли отличительный мундиръ и, какъ постоянно оторванные отъ другихъ занятій, получали жалованье въ размѣрахъ, по нашимъ понятіямъ, очень крупныхъ [1]). Остальные способные носить оружіе бюргеры отъ 16-ти и до 60-ти лѣтъ, въ случаѣ нужды, собирались по округамъ заранѣе назначенными комавдантами и подчиненными имъ фельдкорнетами, раньше имѣвшими случай знакомиться со своими будущими воинами и проявлять свой авторитетъ на такъ называемыхъ wappenshawung'ахъ, т. е. примѣрныхъ сборахъ въ полномъ вооруженіи, на конѣ и при ружьѣ—единственномъ оружіи бура, но въ его рукахъ пріобрѣтающемъ значеніе, какого оно не имѣетъ ни въ одной европейской стрѣлковой части. Состязанія въ стрѣльбѣ и составляютъ главный интересъ wappenshawung'a.

При созывѣ жители wejk'a [2]) подлежащіе военному «командированію», обязаны въ суточный срокъ явиться на мѣсто, назначенное фельдкорне-

---

[1]) Конный полицейскій—18 фунтовъ (около 180 р.) въ мѣсяцъ. Артиллеристъ 4½ шиллинга (2 руб.) въ день; лейтенантъ артиллеріи 25 фунт. (250 руб.) въ мѣсяцъ, маіоръ 50 фунтовъ.

[2]) Въ родѣ нашей волости или уѣзда.

томъ, чаще всего это его собственная ферма, съ полнымъ снаряженіемъ, т. е. ружьемъ, двумя лошадьми, иногда въ сопровожденіи одного или нѣсколькихъ черныхъ слугъ, и необходимѣйшей поклажей на подводѣ. Съ момента же присоединенія къ войску онъ поступаетъ на полное содержаніе правительства до времени возвращенія домой, когда ему выдается продовольствіе и фуражъ на обратный путь, а наиболѣе почетнымъ изъ начальниковъ также и перевозочныя средства (подводы, быки, мулы) и черная прислуга до возвращенія въ домъ.

Но по самому складу жизни буровъ понятіе о военномъ долгѣ и военной дисциплинѣ, въ нашемъ смыслѣ слова, было совершенно чуждо бюргерамъ обѣихъ республикъ; наказаніе за нарушеніе дисциплины совершенно не въ ихъ духѣ и до послѣдняго времени вовсе у нихъ не примѣнялось. Поэтому полнота и правильность сбора прежде всего зависѣла отъ личности начальствующаго, такъ что бывали случаи, когда, напримѣръ, нелюбимый фельдкорнетъ, являясь въ поле со своими подчиненными, по заявленію послѣднихъ о нежеланіи подчиняться ему, постановленіемъ полевого военнаго совѣта (состоящаго изъ командантовъ, фельдкорнетовъ, а если были налицо, то и генераловъ) лишался командованія и присуждаемъ былъ служить простымъ рядовымъ, а недовѣрявшій ему отрядъ безпрепятственно группировался вокругъ другого, который умѣлъ подчинить себѣ людей и внушить имъ довѣріе и уваженіе.

То же замѣчалось и при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ уже сформированныхъ отрядовъ или «коммандо», постоянно позволявшихъ себѣ относиться критически не только къ распоряженіямъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, но даже къ предписаніямъ высшаго правительства изъ Преторіи. Такъ, еще въ свое первое пребываніе въ Преторіи, я слышала лично отъ статсъ-секретаря Рейца, какъ трудно было убѣдить незнакомыхъ съ тактикой буровъ въ необходимости занять холмы на англійскомъ берегу Тугелы, составлявшіе ключъ всѣхъ ихъ позицій на противоположной сторонѣ рѣки; назначенное туда командо, выдающееся по храбрости, упорно отказывалось занять этотъ постъ, находя излишнимъ сидѣть въ экспонированномъ положеніи на вражеской сторонѣ рѣки, когда, по ихъ мнѣнію, было проще и цѣлесообразнѣе съ помощью своего мѣткаго ружейнаго огня защищать переправу. Дошло до того, что самъ старикъ президентъ долженъ былъ пустить въ ходъ свое вліяніе и авторитетъ, по телеграфу увѣщевалъ упрямыхъ бюргеровъ и буквально упросилъ исполнить распоряженіе ихъ военнаго начальства. Впослѣдствіи, при первомъ извѣстіи о сдачѣ Кронье и послѣдующихъ неудачахъ на другихъ театрахъ военныхъ дѣйствій, недовѣріе къ распоряженіямъ начальства опять взяло верхъ, а оставленіе южнаго берега почти безъ боя повлекло

за собою переправу англичанъ черезъ Тугелу, освобожденіе доведеннаго до крайности Ледисмита и отступленіе бурскихъ войскъ до Гленко, гдѣ они успѣли занять новыя оборонительныя позиціи.

Это личное вмѣшательство всѣхъ рядовыхъ въ ходъ и направленіе военныхъ дѣйствій представляетъ и силу и слабость военной системы Трансвааля, ставя духъ и поведеніе войскъ въ полную зависимость отъ личности начальствующаго и его умѣнія влiять на подчиненныхъ. Какъ при храбромъ, энергичномъ и умѣломъ начальникѣ почти каждый изъ рядовыхъ способенъ проявлять прирожденныя военныя качества стойкости и разумной личной инипіативы, такъ при бездарномъ, не энергичномъ начальникѣ очень быстро развивается въ бурскомъ лагерѣ ропотъ, недовѣріе и то уклоненіе отъ опасности и даже вообще отъ несенія военной службы, которое многими ошибочно принималось за трусость.

Изъ этого понятно, какое важное значеніе, еще болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ войскѣ, болѣе правильно дисциплинированномъ, имѣла у буровъ личность начальника и сколько ошибокъ повлекло за собою назначеніе командующаго персонала военнымъ совѣтомъ, образованнымъ въ Преторіи изъ лицъ, совершенно незнакомыхъ съ техникой военнаго дѣла, причемъ неудачность нѣкоторыхъ изъ этихъ назначеній не имѣла еще худшихъ послѣдствій потому только, что бороться бурамъ приходилось по большей части хотя и съ заправскими военными, но круглыми бездарностями, въ своемъ незнаніи мѣстности и обстановки, совершенно терявшимися при малѣйшемъ проявленіи энергіи самой малой кучкой противника.

Всѣ неудобства для трансваальцевъ не всегда удачныхъ назначеній «кригсраада» (военнаго совѣта) мы видѣли и отчасти вынесли на себѣ на примѣрѣ генерала Дютуа, на нашихъ глазахъ почти безъ боя уступившаго противнику прекраснѣйшія позиціи, потеря которыхъ имѣла огромное значеніе для всего хода войны, о чемъ мнѣ еще предстоитъ говорить подробно. Нѣкоторый противовѣсъ въ бурскомъ войскѣ представляло право, данное собранію командантовъ, фельдкорнетовъ и даже выдающихся рядовыхъ, провозглашать выдѣлившагося между ними «фехтгенераломъ», т. е. какъ бы «боевымъ генераломъ», причемъ такое избраніе давало нѣкоторыя преимущества передъ фехтгенералами же, по назначенію. Такимъ образомъ былъ провозглашенъ теперешній главнокомандующій, тогдашній комендантъ Л. Бота, изъ иностранцевъ же, по крайней мѣрѣ до нашего отъѣзда изъ Трансвааля, только одинъ, нашъ соотечественникъ Е. Я. Максимовъ.

Недостатокъ дисциплины, даже отсутствіе этого понятія, истекавшіе изъ самыхъ условій быта и обычаевъ буровъ, конечно, представляли очень

большое неудобство при веденіи правильной войны и были причиной не одной крупной неудачи. Но природный здравый смыслъ заставилъ ихъ довольно скоро сознать все значеніе этого недостатка. Еще за наше пребываніе въ Трансваалѣ, и тотчасъ послѣ первыхъ неудачъ, неоднократно появлялись въ газетахъ какъ редакціонныя статьи, такъ и открытыя письма частныхъ лицъ, энергично указывавшія на необходимость введенія правильной дисциплины и строжайшей отвѣтственности за ея нарушеніе. И по всѣмъ свѣдѣніямъ, доходившимъ до насъ въ послѣдніе годы войны, эти указанія не пропали даромъ, и въ испытанныхъ и воспитанныхъ этой войной отрядахъ установилась, наконецъ, столь необходимая дисциплина, иначе были бы совершенно немыслимы многіе случаи образцоваго по своей точности совмѣстнаго дѣйствія иногда весьма удаленныхъ другъ отъ друга отрядовъ.

Исправленіе этого недостатка придало, конечно, двойное значеніе природнымъ военнымъ качествамъ буровъ, какова выносливость, завидное хладнокровіе, сказывающееся даже при отступленіи, часто несвоевременномъ, спѣшномъ и безпорядочномъ, по неумѣнію начальниковъ вести такое движеніе правильно, но никогда не сопровождавшимся безсмысленной стихійной паникой [1]), рѣдкое умѣніе пользоваться всѣми условіями мѣстности и способность почти каждаго рядового къ разумной личной иниціативѣ, качества, развитыя условіями одинокой жизни на отдаленныхъ фермахъ, частыми охотами на дикихъ и опасныхъ звѣрей и столкновеніями съ окружающими черными ордами.

Описанныя выше природныя черты, какъ и самое вооруженіе, обусловливаютъ разницу въ способахъ веденія борьбы между бурами и европейскими войсками. Отсутствіе у буровъ холоднаго оружія лишаетъ ихъ возможности вести рукопашную борьбу массами, а также преслѣдовать и разбивать окончательно дрогнувшаго и бѣжавшаго непріятеля, почему такого рода движенія у буровъ неизбѣжно совершенно отсутствуютъ, а какъ нападеніе, такъ и оборона ведутся вразсыпную, посредствомъ необыкновенно мѣткаго ружейнаго огня (а при близкой схваткѣ изъ револьве-

[1]) Дѣйствительно, въ обоихъ, видѣнныхъ мною, серьезныхъ отступленіяхъ бурскихъ войскъ, главной арміи отъ Блумфонтейна на Винбургъ и войскъ Дюуа отъ Фортинстримса, отступленіяхъ неизбѣжно весьма безпорядочныхъ по совершенной тогда непривычкѣ буровъ къ правильнымъ военнымъ движеніямъ, сторонняго наблюдателя поражало прежде всего отсутствіе паники, безпорядочнаго стихійнаго бѣгства, а, напротивъ, бѣгство или, вѣрнѣе, поспѣшный уходъ, внутрь страны разрозненныхъ командъ, такъ сказать, по убѣжденію въ невозможности сопротивленія и безполезности подвергаться опасности въ данный, неудачный моментъ, при полномъ отсутствіи военнаго point d'honneur'а по нашимъ понятіямъ.

ровъ), пользуясь для прикрытія малѣйшей неровностью почвы; такъ, каждый выстрѣлъ обыкновенно обозначаетъ одного, много двухъ-трехъ сражающихъ и совершенно сбиваетъ съ толку европейскаго противника, особенно такого противника, какъ англичане, привыкшаго по нѣсколькимъ выстрѣламъ заключать о мѣстонахожденіи цѣлой военной единицы, хотя бы небольшой. Этимъ объясняются массовыя сдачи цѣлыхъ баталіоновъ и даже полковъ небольшимъ сравнительно отрядамъ буровъ, а также такіе факты, какъ переданный мною раньше характерный эпизодъ отступленія бурскихъ войскъ послѣ сраженія при Poplars grove, когда преслѣдовавшая англійская конница, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, была три раза обращена назадъ огнемъ небольшого отряда буровъ, засѣвшаго въ кустахъ одинокаго холма.

Тѣмъ не менѣе, эта тактика, въ большинствѣ случаевъ столь успѣшная, иногда оказывалась непригодной по условіямъ мѣстности, слишкомъ плоской и открытой, или вслѣдствіе хода сраженія, когда недостатокъ холоднаго оружія не давалъ окончательно разбить уже дрогнувшаго противника или же неизбѣжно приходилось штурмовать непріятельскую позицію по открытой мѣстности. Удивляясь тому, какіе результаты во многихъ подобныхъ случаяхъ все же достигались однимъ огнемъ ружей и револьверовъ, приходится жалѣть объ отсутствіи у буровъ той организаціи и тѣхъ родовъ оружія, которые прочно обезпечиваютъ успѣхъ военныхъ дѣйствій.

На этотъ серьезный недостатокъ не могли очень скоро не обратить вниманіе европейскіе офицеры, находившіеся въ бурскомъ войскѣ въ качествѣ волонтеровъ; но въ исправленіи его даже самые опытные и дѣльные изъ нихъ встрѣтили серьезныя препятствія въ томъ характерномъ недовѣріи, съ которымъ буры, какъ было уже неоднократно отмѣчено мною и другими, побывавшими въ Трансваалѣ, относились, до болѣе близкаго ознакомленія, къ европейцамъ, пріѣхавшимъ къ нимъ по случаю настоящей войны. Это недовѣріе, порождавшее массу недоразумѣній и неудовольствій, въ ущербъ какъ отношеніямъ буровъ съ лицами, вполнѣ искренно несшими на жертву ихъ дѣлу свои знанія и даже жизнь, такъ и въ ущербъ самому дѣлу, объясняется, однако, вполнѣ тѣми типами авантюристовъ, которыми за послѣдніе годы—съ открытія рудныхъ богатствъ южной Африки — Европа наводнила это новое поле наживы, а также, къ сожалѣнію, типомъ многихъ изъ тѣхъ, которые съ объявленія войны устремились туда, яко бы съ цѣлью послужить правому дѣлу, въ дѣйствительности же слишкомъ часто изъ личныхъ, далеко неблаговидныхъ соображеній.

О разныхъ типахъ европейцевъ въ бурскомъ войскѣ мнѣ еще пред-

стоитъ говорить подробнѣе; пока же я хотѣла только указать на причины недовѣрія, съ которымъ, часто въ ущербъ ихъ дѣлу, буры вначалѣ относились къ совѣтамъ и самымъ личностямъ своихъ непрошенныхъ помощниковъ. И тутъ возникаетъ вопросъ, занимавшій всѣхъ интересующихся подробностями этой войны: какимъ образомъ президентъ Крюгеръ, съ такой энергіей и предусмотрительностью подготовившій въ короткое время средства для надвигавшейся борьбы, въ небольшой промежутокъ между набѣгомъ Джемсона (январь 1896 года) и началомъ войны (сентябрь 1899 года), создавшій укрѣпленія Преторіи и другихъ важныхъ пунктовъ, довольно внушительную артиллерію [1]) съ необходимымъ для нея персоналомъ почти исключительно изъ буровъ, наскоро подготовленныхъ, устроившій въ Преторіи заводъ для неизбѣжныхъ исправленій попорченныхъ орудій и приготовленія для нихъ снарядовъ, подготовившій огромные запасы боевого матеріала въ формѣ ружей, патроновъ и т. п., не озаботился также своевременнымъ вызовомъ въ Трансвааль надежныхъ инструкторовъ (хотя бы изъ Германіи), которые въ короткое время могли бы приспособить бурское ополченіе ко всѣмъ требованіямъ европейской войны, а также опытныхъ офицеровъ для руководства неподготовленными спеціально бурскими командантами.

На этотъ вопросъ никто изъ насъ такъ и не получилъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта. По всему видѣнному и слышанному приходится, однако, заключить, что, какъ неспеціалисты военнаго дѣла, правители Трансвааля, при всей дальновидности, не отдавали себѣ отчета

---

[1]) При началѣ военныхъ дѣйствій у буровъ было: 1) 4 тяжелыхъ осадныхъ орудія Крезо, такъ называемые Long Tom'ы, перевозившіеся на 10-ти парахъ быковъ; изъ нихъ одинъ находился при осадѣ Мефкинга, другой Кимберлея, два остальныхъ сначала въ Наталѣ, подъ Ледисмитомъ, гдѣ я лично видѣла одинъ изъ нихъ въ февралѣ 1900 г., другой же былъ тогда отправленъ на южный театръ военныхъ дѣйствій, сначала къ Кольсбергу, потомъ въ Фрейштатъ. Потомъ, по неудобству ихъ къ передвиженію, два лонгтома пришлось взорвать, другіе два закопаны въ землю. 2) 2 батареи Крезо, т. е. 12 орудій полевыхъ (12-ти фунтовыхъ). 3) 36 орудій Круппа. 4) 20 скорострѣльныхъ полевыхъ, системы Максимъ-Норденфельда, и 5) 5 ручныхъ системы Максима.

Часть максимовъ уничтожены у Коумати-Порта, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ динамита, генераломъ Пинаромъ въ сентябрѣ 1900 года, передъ его вынужденной сдачей португальскимъ властямъ съ отрядомъ въ 600 человѣкъ.

Около 90 орудій, заказанныхъ заводу Крезо (изъ нихъ 4 лонгтома), не могли уже быть доставлены, такъ какъ послѣ открытія военныхъ дѣйствій Лоренцо-Маркезъ, единственный не англійскій портъ для Трансвааля, былъ закрытъ португальскими властями, которыя, подъ давленіемъ англичанъ, признали военной контрабандой не только оружіе, но сѣдла, платье, обувь и даже хлороформъ, нужный при операціяхъ въ госпиталяхъ.

въ необходимости такой подготовки для серьезной войны съ большой европейской арміей, а, напротивъ, помня успѣхи своего ополченія противъ тѣхъ же англичанъ во время набѣга Джемсона и въ рѣшительномъ сраженіи при Маюбѣ, полагали, что и серьезная война обойдется тѣми же средствами. Съ другой стороны, это же недовѣріе къ иностранцамъ, какъ я уже говорила, часто слишкомъ оправданное, заставило съ начала войны не поручать неопытныхъ бурскихъ отрядовъ мало извѣстнымъ европейскимъ офицерамъ, иногда хорошо подготовленнымъ къ такой роли, а группировать ихъ рядовыми въ отдѣльные европейскіе отряды, преимущественно по національностямъ. Эти мелкіе отряды европейцевъ, гдѣ еще болѣе чѣмъ въ бурскихъ командо господствовала свобода отношеній къ случайнымъ начальникамъ и перехода изъ одного отряда въ другой, своимъ незнаніемъ мѣстныхъ условій, безпорядочностью состава и отсутствіемъ дисциплины часто прямо вредили дѣлу и навлекали на себя справедливыя нареканія буровъ. И только въ началѣ 1900 года, уже въ пору первыхъ неудачъ, благодаря вліянію французскаго полковника графа Вильбуа, трансваальское правительство приняло мысль сгруппировать всѣ эти отряды подъ его начальствомъ въ одинъ общій «европейскій легіонъ», съ подраздѣленіемъ на отряды по національностямъ, и ввести въ нихъ, по возможности, нѣкоторый порядокъ и дисциплину. Дѣломъ этимъ энергично занялись въ Кронстадтѣ (тогдашнемъ правительственномъ центрѣ Оранжевой республики и крупномъ пунктѣ, наиболѣе приближенномъ къ главному театру военныхъ дѣйствій), какъ самъ Вильбуа, такъ и взятый имъ въ помощники, только что прибывшій въ Трансвааль, Е. Я. Максимовъ, и тогда этимъ послѣднимъ былъ серьезно поднятъ вопросъ о сформированіи отряда, вооруженнаго холоднымъ оружіемъ, въ большомъ количествѣ отобраннымъ бурами у плѣнныхъ англичанъ. Но этотъ планъ, имѣвшій за себя столь много данныхъ, оказался на дѣлѣ невыполнимымъ. Дѣло въ томъ, что оружіе, отобранное у врага въ Трансваалѣ, составляетъ не собственность правительства, а личные трофеи воюющихъ [1]), и въ качествѣ таковыхъ было почти все растащено по ихъ домамъ и фермамъ, откуда они упорно отказывались его вернуть, смотря на него какъ на личную почетную собственность, съ которой не разставались даже и за плату, предложенную правительствомъ. Попытка вооружить ихъ самихъ этими

[1]) Такъ, одинъ изъ моихъ послѣднихъ раненыхъ, доброволецъ-нѣмецъ, съ гордостью показывалъ мнѣ пистолеты ранившаго его капитана герцога Бедфорда, взятаго имъ въ плѣнъ тоже раненымъ; на кобурахъ прекрасной англійской выдѣлки, дѣйствительно, находился вылитый изъ серебра левъ Бедфордовъ, подъ герцогской короной.

трофеями тоже окончилась полной неудачей, такъ какъ сабля, по непривычкѣ владѣть ею, оказалась въ ихъ рукахъ почти безполезной, на обученіе же ихъ рубкѣ тогда уже нельзя было дать необходимый срокъ; при передвиженіяхъ же и особенно спѣшенными и вразсыпную (обыкновенный способъ ихъ атаки), сабля только прибавляла лишнюю тяжесть къ снаряженію (ружье, патронташъ и поясъ съ револьверомъ, фляжка и т. д.) и, по непривычкѣ, путаясь въ ногахъ, совершенно стѣсняла ихъ движенія. То же, впрочемъ, надо сказать и о многихъ изъ европейскихъ волонтеровъ, которые далеко не всѣ обладали военной подготовкой и умѣньемъ владѣть всѣми видами оружія. По всѣмъ этимъ причинамъ мысль ввести хотя бы въ отдѣльные отряды холодное оружіе была по необходимости оставлена.

Приходится глубоко жалѣть объ ошибкѣ трансваальскаго правительства, не вызвавшаго своевременно изъ Европы надежныхъ инструкторовъ и опытныхъ офицеровъ, что спасло бы буровъ въ началѣ войны отъ многихъ неизбѣжныхъ ошибокъ и промаховъ и могло бы даже дать ей совершенно иной оборотъ. Тогда какъ впослѣдствіи, даже сознавъ всю необходимость спеціальныхъ военныхъ знаній для веденія серьезной и продолжительной войны съ европейскимъ государствомъ, они поневолѣ относились недовѣрчиво и подолгу приглядывались къ наѣхавшимъ въ Трансвааль многочисленнымъ добровольцамъ изъ военныхъ, многіе изъ которыхъ своимъ послѣдующимъ поведеніемъ далеко не оправдали первоначальныхъ претензій. Исключеніе представляла только организація артиллеріи, т. е. подготовка необходимаго персонала къ довольно многочисленнымъ орудіямъ, выписаннымъ за послѣдніе годы съ европейскихъ заводовъ. Для этого у буровъ весьма счастливо оказался подъ рукой человѣкъ, вполнѣ подходящій къ этой задачѣ.

Маіоръ трансваальской службы и командующій всей артиллеріей Фрейштата, раньше, кажется, просто хорошо образованный и толковый прусскій артиллерійскій унтеръ-офицеръ, Альбрехтъ, какъ мнѣ говорили въ Преторіи, выѣхалъ изъ Германіи въ Трансвааль послѣ набѣга Джемсона, со спеціальной мыслью участвовать въ подготовкѣ буровъ къ предстоявшей имъ борьбѣ съ Англіей, къ которой онъ питаетъ сильную нелюбовь. Въ короткое время онъ съумѣлъ снискать довѣріе буровъ и ихъ правителей, такъ что ему дѣйствительно была поручена организація артиллеріи и подготовка молодыхъ людей, предназначенныхъ въ этотъ родъ оружія. И надо сознаться, что онъ оказался вполнѣ на высотѣ своей задачи. О личной храбрости и способностяхъ, проявленныхъ Альбрехтомъ въ теченіе войны, гдѣ онъ участвовалъ въ качествѣ командующаго всей артиллеріей Оранжевой республики, мнѣ много разсказывали.

Но польза, принесенная Альбрехтомъ дѣлу Трансвааля, конечно, не оцѣнивается его личнымъ, недолговременнымъ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ ему въ значительной степени принадлежитъ честь той удивительной мѣткости и точности артиллерійскаго огня буровъ, которыя приводили въ изумленіе всѣхъ иностранцевъ, имѣвшихъ случай къ ней приглядѣться. Мнѣ самой неоднократно приходилось быть свидѣтельницей удивительной мѣткости стрѣльбы молодыхъ бурскихъ артиллеристовъ: по необходимости щадя заряды и подолгу не отвѣчая на частую и по большей части безпорядочную пальбу англичанъ, при удобномъ случаѣ, который они выбирали и оцѣнивали весьма искусно, они причиняли врагу больше зла 10—12-ю выстрѣлами, чѣмъ онъ имъ цѣлыми сотнями.

Замѣчательно, что подобной выдержкой въ примѣненіи своего оружія отличались молодые малые, въ громадномъ большинствѣ моложе двадцати лѣтъ, такъ какъ они одни изъ трансваальцевъ обладали математической подготовкой, желательной для артиллериста; молодые малые, въ другихъ отношеніяхъ, часто проявлявшіе легкомысліе и опрометчивость свойственныя ихъ лѣтамъ. Этому мы имѣли весьма печальный примѣръ въ Фортинстримсѣ, гдѣ это легкомысліе однажды доставило намъ больше тяжелой практики, чѣмъ долговременная стрѣльба англичанъ. Дѣло въ томъ, что мальчики-артиллеристы (двумъ младшимъ было 16 и 17 лѣтъ) вздумали пробовать силу и, играя, перекатывать другъ другу упавшую въ ихъ лагерь и не взорвавшуюся тяжелую лидитную бомбу, не разрядивъ ее предварительно. Кончилось взрывомъ, убившимъ двухъ изъ «игравшихъ», т. е. буквально разорвавъ одного изъ нихъ въ клочки, и тяжело ранившимъ четверыхъ. Понятно послѣ этого, какъ старательно я охраняла отъ безцѣльнаго «трогания» скатавшейся мимо насъ артиллерійской и неартиллерійской молодежи валявшіеся недалеко отъ нашего лагеря невзорвавшіеся снаряды; причемъ приходилось чуть не садиться на бомбу, такъ какъ слова иногда не дѣйствовали, а, напротивъ, подзадоривали мальчишекъ подразнить «zuster», которая боится и думаетъ, что мы можемъ взорвать бомбу», на что получали отповѣдь, что, какъ они видятъ, я сама не боюсь ихъ глупой бомбы, потому что трогаю ее съ разумѣніемъ, но играть ею не дамъ, такъ какъ мнѣ же потомъ придется собирать ихъ мозги, хоть ихъ вѣрно и немного въ наличности, судя по глупости ихъ затѣи. Подобныя шуточныя препирательства очень ихъ забавляли; но надо имъ отдать справедливость, что къ серьезному обращенію или просьбѣ они всегда относились съ полнымъ вниманіемъ.

Мѣткость артиллерійскаго огня буровъ, конечно, объясняется тѣми же развитыми въ нихъ наслѣдственно свойствами, какъ и ихъ удивительная ружейная стрѣльба; но примѣненіе этихъ качествъ къ условіямъ

артиллерійскаго прицѣла и вообще вся постановка этого дѣла, по справедливости, должны быть приписаны маіору Альбрехту.

Интересно, что при такой опытности и знаніи своего оружія самъ Альбрехтъ не придаетъ ему преобладающаго значенія въ современныхъ войнахъ, какъ явствуетъ изъ его письма, въ свое время опубликованнаго въ нѣмецкихъ газетахъ; письма, гдѣ онъ обсуждаетъ вопросы, выдвинутые книгой г. Бліоха о войнѣ, надѣлавшей такъ много разговоровъ. Считаю не лишнимъ воспроизвести здѣсь это мнѣніе специалиста-артиллериста и въ то же время человѣка, вполнѣ доказавшаго свою боевую пригодность. На разсужденія Блioха о пагубности современнаго артиллерійскаго огня Альбрехъ замѣчаетъ...«Что за вздоръ. Даже наша (бурская) артиллерія не всегда выполняетъ свою задачу, безполезность же англійской прямо не поддается описанію... Изъ 100 снарядовъ едва 10 взрываются [1]) и даже тѣ причиняютъ больше шуму, чѣмъ вреда [2])... Третьяго дня (15-го декабря 1899 г.) 25,000 англичанъ при 50 орудіяхъ боролись съ 13,000 буровъ (на Моддерѣ)... Мы потеряли не болѣе 100 человѣкъ; изъ нихъ около трехъ дюжинъ убитыми. На 1,000 англійскихъ снарядовъ приходится около 12 человѣкъ, такъ какъ остальные убиты ружейнымъ огнемъ. Но и бурская артиллерія тоже дѣйствуетъ менѣе успѣшно, чѣмъ я предполагалъ до войны. Конечно, наши стрѣляютъ великолѣпно; но все же разница между артиллерійскимъ огнемъ и ружейной стрѣльбой громадна. Выпустивъ около 400 снарядовъ (на 1,000 англійскихъ), я сомнѣваюсь, удалось ли намъ выбить изъ строя 1000 человѣкъ. Стрѣлки въ 10 минутъ иногда наносятъ больше вреда непріятелю, чѣмъ мы въ 10 часовъ.

Артиллеріи, по моему мнѣнію, не предстоитъ блестящей роли при защитѣ. Что же касается нападенія, то при немъ артиллерія имѣетъ значеніе преимущественно какъ устрашающее средство, подъ прикрытіемъ котораго атакующая часть можетъ двигаться безопаснѣе. Настоящее рѣшеніе зависитъ отъ рукопашной схватки. Сраженія при Колензо и Магерсфонтенѣ рѣшились въ 10 минутъ; въ 5 минутъ Буллеръ потерялъ 11 орудій. Побѣждаетъ менѣе нервный изъ противниковъ— вотъ мое твердое убѣжденіе».

Слабую сторону военной организаціи буровъ, какъ слишкомъ часто и у европейцевъ, составлялъ коммиссаріатъ, т. е. интендантство. Въ теоріи главное управленіе коммиссаріата въ Преторіи имѣло свои отдѣленія во всѣхъ пунктахъ приближенныхъ къ театру военныхъ дѣйствій или на пути къ нему, и даже при отдѣльныхъ сколько-нибудь значительныхъ отрядахъ; на отвѣтственности этихъ полевыхъ коммиссаріатовъ и лежало обя-

---

[1]) Это ужъ я, на основаніи [illegible] ю преувел

[2]) Это совершенно вѣрно.

занность непосредственно снабжать воюющихъ всѣмъ необходимымъ, по требованію и подъ расписку начальниковъ отдѣльныхъ частей. Весьма понятно, что при новизнѣ и неподготовленности этого дѣла у буровъ, нѣкоторыя упущенія были неизбѣжны, несмотря на относительную близость даже самыхъ разбросанныхъ отрядовъ отъ крупныхъ и хорошо снабженныхъ пунктовъ. Но только видѣвшій все это и лично въ этомъ отношеніи кое-что перенесшій можетъ составить себѣ представленіе о размѣрахъ безпорядка, а часто и злоупотребленій.

Не имѣя возможности въ это критическое время переорганизовать все дѣло и даже составъ служащихъ, правительство поневолѣ должно было прибѣгать къ паліативнымъ, вспомогательнымъ мѣрамъ, часто также представлявшимъ серьезныя неудобства. Такъ, вслѣдствіе того, что полевые комиссаріаты часто не успѣвали снабжать подвижные отряды даже необходимымъ, напр., самой простой пищей и фуражемъ, пришлось предоставить генераламъ и комендантамъ разныя болѣе или менѣе широкія права «командированія» необходимыхъ предметовъ отъ жителей, то есть въ сущности захвата ихъ подъ расписку, которая потомъ оплачивалась правительствомъ; само собою понятно, какое это открывало поле для злоупотребленій даже отдѣльныхъ мародеровъ и какъ часто подавало поводъ къ жалобамъ и недоразумѣніямъ. Что же касается прямыхъ злоупотребленій комиссаріатскихъ чиновниковъ и даже сражающихся, преимущественно, къ сожалѣнію, изъ самозванныхъ «безкорыстныхъ» помощниковъ, изъ которыхъ многіе не прочь были поживиться на счетъ благодѣтельствуемой ими страны, то мнѣ неоднократно приходилось слышать, что правительство считаетъ это настолько неизбѣжнымъ зломъ, что почти не дѣлаетъ усилій съ нимъ бороться, а только очень благодарно тѣмъ изъ начальниковъ отрядовъ, которые проявляютъ въ этомъ отношеніи добросовѣстность и энергію, находятъ время контролировать получаемые запасы. Когда же подобное рвеніе къ ихъ интересамъ встрѣчалось въ иностранцѣ, они прямо не находили словъ для выраженія своего удивленія столь необыкновенному факту, чему я сама была свидѣтельницей на тѣхъ, на нашъ взглядъ нѣсколько удивительныхъ, похвалахъ, съ которыми статсъ-секретарь Рейцъ, лицо весьма сдержанное и неувлекающееся, говорилъ мнѣ о порядкѣ и строгой отчетности, введенныхъ Е. Я. Максимовымъ въ интендантскія дѣла своего отряда. Г. Рейцъ и его домашніе весьма удивлялись спокойствію, съ которымъ я выслушивала эти похвалы, такъ что я, наконецъ, не утерпѣла и сказала, что, радуясь и гордясь положеніемъ, занятымъ у нихъ моимъ соотечественникомъ, «не могу же я, однако, приходить въ умиленіе отъ того, что русскій офицеръ оказался знающимъ свое дѣло, храбрымъ—

хотя бы дѣйствительно баснословно, а тѣмъ болѣе, что онъ не пользуется оказаннымъ ему довѣріемъ для личной наживы и, по возможности, обуздываетъ злоупотребленія другихъ; я знаю и надѣюсь, что именно противоположное было бы исключеніемъ». Но подобное подчеркиванье, наряду съ дѣйствительно выдающимися военными качествами, самой обыкновенной добросовѣстности показываетъ, насколько эластично относилось къ этимъ вопросамъ большинство.

Особенно интереснымъ вопросомъ этой войны для насъ, европейцевъ, является, конечно, вопросъ о добровольцахъ, ихъ положеніи въ трансваальскомъ войскѣ и пользѣ, принесенной ими дѣлу Трансвааля. По этому поводу въ европейской печати появлялись только отрывочныя свѣдѣнія и замѣтки, болѣе или менѣе справедливо прогремѣло нѣсколько именъ, больше всѣхъ павшаго при Босгофѣ полковника Вильбуа, но въ общемъ отзывы сложились не въ пользу европейцевъ, хотя между ними встрѣчались въ значительномъ числѣ люди храбрые, искренно преданные дѣлу и хорошіе офицеры въ европейскомъ смыслѣ слова.

Но и здѣсь на одного истиннаго идеалиста, готоваго ради правды жертвовать кровью и даже жизнью, приходилось нѣсколько простыхъ искателей новыхъ сильныхъ ощущеній и чуть ли не еще большее число прямо недобросовѣстныхъ личностей, пріѣхавшихъ единственно въ надеждѣ поживиться, такъ или иначе «въ мутной водѣ рыбу половить». Своеобразная военная организація буровъ и условія ихъ военнаго быта, отсутствіе настоящей дисциплины и отвѣтственности передъ неумолимымъ военнымъ закономъ представляли лицамъ послѣдняго типа весьма подходящую обстановку для проявленія ихъ своеобразнаго отношенія къ взятымъ на себя обязательствамъ, и неудивительно, если ихъ «подвиги» только укрѣпили въ бурахъ недовѣріе къ иностранцамъ, иногда въ ущербъ дѣлу, такъ какъ были между ними, и въ немаломъ числѣ, вполнѣ честные и порядочные люди, спеціальныя знанія которыхъ могли бы оказать значительное вліяніе на ходъ военныхъ событій.

Добровольцы съ начала войны были поставлены трансваальскимъ правительствомъ въ слѣдующія условія: каждый изъ нихъ, явившись въ «Gouvernement», представившись статсъ-секретарю Рейцу, исправлявшему должность военнаго министра Сузѣ и подписавъ у этого послѣдняго присягу, получалъ полное военное снаряженіе—винтовку, револьверъ, патронташъ съ патронами, лошадь, сѣдло, одежду, бѣлье и обувь, и затѣмъ имѣлъ право присоединиться къ любому отряду, по своему выбору; до отправленія же къ фронту, правительство брало на себя его расходъ въ любой гостиницѣ, за исключеніемъ вина и спиртныхъ напитковъ. Это послѣднее условіе, конечно, обходилось и вообще это обстоятельство

(даровое содержаніе добровольцевъ въ гостиницахъ) подавало поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ со стороны нѣкоторыхъ господъ, чуждавшихся настоящей военной обстановки и предпочитавшихъ жить въ Преторіи или Іоганнесбургѣ на счетъ благодѣльствуемаго ими народа. Нѣкоторые, говорятъ, заходили такъ далеко, что при посредствѣ европейцевъ же, евреевъ-комисіонеровъ, продавали выданное имъ снаряженіе и потомъ, перемѣнивъ нѣсколько свой внѣшній видъ, а иногда также имя, являлись въ «Gouvernement» требовать новаго снабженія для себя, и даже для фантастическихъ товарищей. Когда же эти господа, наконецъ, обстоятельствами или любопытствомъ были вынуждены выѣхать къ фронту, они слишкомъ часто своею трусостью и вмѣстѣ хвастовствомъ возбуждали справедливыя нареканія и насмѣшки; причемъ и храбрые, и не храбрые проявляли полную безцеремонность въ дѣлѣ различенія своего отъ чужого, какъ въ своихъ счетахъ съ комиссаріатомъ, такъ и по отношенію къ военной добычѣ и даже имуществу мирныхъ жителей. На эти дѣйствія добровольцевъ трансваальское правительство поневолѣ смотрѣло довольно снисходительно, пока ихъ жажда наживы проявлялась только на счетъ непріятеля или брошеннаго имущества разоренныхъ фермъ. Но бывали случаи жалобъ частныхъ лицъ, заминать которыя оказывалось болѣе затруднительнымъ, а заминать ихъ считали нужнымъ, не столько, конечно, изъ-за самихъ виновныхъ, сколько ради ихъ соотечественниковъ, оказавшихъ и оказывавшихъ еще дѣйствительныя услуги.

Бѣда была именно въ томъ, что, не озаботившись до войны набрать комплектъ извѣстныхъ уже офицеровъ, въ началѣ ея приходилось относиться крайне осмотрительно ко всѣмъ иностранцамъ, пока время и обстоятельства не произвели имъ необходимой расцѣнки. При этомъ понятно, что отрицательные типы вначалѣ обращали на себя наибольшее вниманіе своимъ хвастовствомъ, погоней за рекламой и кутежами въ городахъ, тогда какъ только постепенно узнали и оцѣнили настоящихъ, но скромныхъ поборниковъ праваго дѣла, въ одиночку сидѣвшихъ по бурскимъ командамъ, въ вырытыхъ ими же сырыхъ траншеяхъ вокругъ Тугелы и Ледисмита, дѣлившихъ съ бурами всѣ невзгоды ихъ тяжелой борьбы, безъ ложнаго самолюбія учившихся у нихъ условіямъ войны среди ихъ страны и природы, и, въ свою очередь, служившихъ имъ своими спеціальными знаніями и подготовкой. Такихъ лицъ было немало среди добровольцевъ разныхъ національностей, и не они, конечно, поставили трансваальское правительство въ необходимость изыскивать средства хотя сколько-нибудь обуздать безпорядки и злоупотребленія европейскихъ контингентовъ. Необходимость эта совершенно созрѣла ко времени вторженія англичанъ въ Оранжевую республику, и тогда графъ Вильбуа

Графъ Вильбуа-Марейль.

былъ назначенъ трансваальскимъ правительствомъ фехтгенераломъ и начальникомъ «европейскаго легіона», для чего отданъ былъ приказъ: всѣхъ европейцевъ, какъ уже бывшихъ въ отрядахъ, такъ и новоприбывавшихъ, направлять въ Кронстадтъ, гдѣ въ то время находился президентъ Штейнъ и была главная квартира всѣхъ бурскихъ войскъ.

Но раньше чѣмъ перейти къ этому моменту дѣятельности Вильбуа, необходимо нѣсколько познакомиться какъ съ нимъ самимъ, такъ и съ элементами, поступившими подъ его начальство.

Въ самомъ началѣ войны главный контингентъ иностранцевъ состоялъ изъ нѣмцевъ подъ начальствомъ полковника Шилля, человѣка уже извѣстнаго трансваальскому правительству, участвовавшаго въ приготовленіяхъ къ войнѣ и, говорятъ, по плану и подъ наблюденіемъ котораго были выполнены укрѣпленія Преторіи. О дѣятельности Шилля въ самой войнѣ мы еще до выѣзда изъ Европы читали, что, выказавъ со своимъ отрядомъ волонтеровъ большую храбрость въ неудачномъ сраженіи при Эландслаагте, онъ былъ, однако, взятъ въ плѣнъ съ бо́льшей частью отряда, причемъ, по словамъ видѣвшихъ его корреспондентовъ, обвинялъ въ этой неудачѣ буровъ, якобы оставившихъ его на произволъ судьбы. Зная склонность бурскихъ командъ руководствоваться въ своихъ движеніяхъ вдохновеніемъ минуты, неумѣніе и нежеланіе ихъ сообразовать эти движенія съ дѣйствіями другихъ отрядовъ, мы считали вполнѣ возможнымъ фактъ отступленія буровъ послѣ первой неудачи безъ достаточнаго вниманія къ положенію иностраннаго контингента. Но впослѣдствіи, уже здѣсь, въ Петербургѣ, лѣтомъ 1901 г. я имѣла случай познакомиться съ этимъ фактомъ въ разсказѣ г. Сандберга, молодого бура, пріѣзжавшаго сюда по дѣламъ. При Эландслаагте Сандбергъ былъ адъютантомъ Шилля, и, въ числѣ немногихъ, спасся отъ общей гибели отряда. По его разсказу, причиной этой гибели являются вовсе не дѣйствія какого-либо изъ другихъ командо, а неосторожность и невоздержность товарищей Шилля. Именно: занимая позицію по самой линіи натальской желѣзной дороги, они захватили поѣздъ, нагруженный англичанами, по мнѣнію Сандберга, преднамѣренно, джиномъ, виски и другими спиртными напитками, въ Трансваалѣ очень трудно достижимыми и дорогими. Отрядъ, на радостяхъ, совершенно перепился и при внезапномъ нападеніи англичанъ былъ не въ состояніи оказать имъ какое-либо сопротивленіе. Спаслись немногіе трезвые, въ томъ числѣ самъ разсказчикъ; остальные были почти безъ сопротивленія взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ пытавшимся защищаться и раненымъ Шиллемъ

Послѣ Шилля и до Вильбуа не было уже хорошо организованнаго европейскаго континчента, а новопріѣзжіе добровольцы примыкали къ любому

отряду, мѣстному или иностранному, по большей же части группировались по національностямъ. Въ бурскіе командо шли исключительно люди дѣла, желавшіе сойтись возможно ближе съ мѣстными жителями, многому у нихъ поучиться, и готовые дѣлить съ ними всѣ невзгоды. Это были, преимущественно, голландцы и, къ нашей національной похвалѣ будь сказано, въ значительномъ числѣ русскіе [1]). Эти лица и польза, принесенная ими, были, повторяю, оцѣнены только постепенно; гораздо же большее вниманіе привлекали, понятно, отряды, хотя бы и мелкіе. Въ нихъ, конечно, также встрѣчались вполнѣ искренніе и достойные люди, но въ общемъ, въ силу ихъ очень смѣшаннаго состава и малаго знанія страны, польза ихъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, была весьма сомнительная, и буры къ нимъ такъ и относились, безъ довѣрія и со значительнымъ юморомъ. Большой порядочностью отличался всегда контингентъ голландскій, такъ называемый hollander corps, да это и понятно: для голландцевъ эта война является не только вопросомъ отвлеченной справедливости, но дѣломъ національнымъ въ полномъ смыслѣ слова, затрогивающимъ массу существенныхъ практическихъ и духовныхъ интересовъ; поэтому неудивительно, что на защиту ихъ они выслали лучшіе и наиболѣе уравновѣшенные типы. Хорошей репутаціей въ смыслѣ храбрости пользовался многочисленный, но очень смѣшанный по составу, отрядъ нѣмецкій. Затѣмъ въ разное время выдвигались—французскій отрядъ подъ начальствомъ Бреда, взятаго въ плѣнъ вмѣстѣ съ Вильбуа, ирландскій отрядъ, американскій отрядъ развѣдчиковъ (american scouts), итальянскій отрядъ Риккіарди, также занимавшійся преимущественно развѣдочной службой, но извѣстный особенно своимъ беззастѣнчивымъ мародерствомъ насчетъ и чужихъ, и своихъ.

Для характеристики Риккіарди и подобныхъ ему типовъ между добровольцами интересенъ слѣдующій фактъ. Вскорѣ послѣ возвращенія Риккіарди въ Европу, вмѣстѣ съ довольно сомнительными описаніями его подвиговъ, во всѣхъ европейскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что онъ женится на г-жѣ Элофъ, внучкѣ президента Крюгера, и только болѣзнь помѣшала самому президенту присутствовать на свадьбѣ. Отсутствіе президента я тогда же приписала не болѣзни глазъ, вовсе не мѣшавшей ему двигаться и переѣзжать куда угодно въ обыкновенныхъ условіяхъ, а его незавидному мнѣнію о Риккіарди; самъ же фактъ женитьбы на его

[1]) Мнѣ лично извѣстны пребывавшіе въ разное время въ бурскихъ командахъ: лейтенантъ Строльманъ — убитъ; капитанъ Шульженко недавно освобожденъ изъ плѣна; поручикъ Діатроповъ, сотникъ Гучковъ, поручикъ Никитинъ и штабсъ-капитанъ Никитинъ, поручикъ Августусъ, графъ Комаровскій, Арнольдовъ, Кравченко и нѣсколько другихъ.

внучкѣ допускала и, грѣшнымъ дѣломъ, приписала Рольфу Элофу знакомство его сестры съ этимъ очень сомнительнымъ, но по внѣшности эффектнымъ господиномъ. Какъ оказывается изъ полученныхъ мною вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній, Риккіарди женился вовсе не на внучкѣ президента и даже не на какой-либо изъ многочисленныхъ M-lles Элофъ, а на дальнѣй родственницѣ жены одного изъ этой очень большой семьи, даже носящей другую фамилію и которую онъ, по мнѣнію своихъ знакомыхъ, ошибочно счелъ причастной къ огромному состоянію «богатыхъ Элофъ», родственниковъ президента.

Замѣтную, но незавидную роль между отрядами европейцевъ игралъ и описанный выше «русскій отрядъ». Неудивительно, что трансваальское правительство отыскивало способъ хоть сколько-нибудь упорядочить отношенія и дѣйствія добровольцевъ; но также, полагаю, ясно какая трудная и неблагодарная задача выпала на долю лицъ, пытавшихъ сплотить и дисциплинировать добровольческіе отряды и извлечь изъ нихъ ту пользу, которую, при правильномъ примѣненіи ихъ силъ, несомнѣнно, могли принести многіе изъ ихъ членовъ. Эта задача, какъ уже сказано, была возложена прежде всего на отставного французскаго полковника графа Вильбуа-Марейль, въ это время, несомнѣнно, наиболѣе выдававшагося и авторитетнаго изъ всѣхъ европейцевъ въ Трансваалѣ.

Полковникъ графъ Вильбуа, военный въ душѣ и по призванію, участвовавшій во многихъ изъ экзотическихъ войнъ Франціи за послѣднія 30 лѣтъ, но не ужившійся съ современной французской военной администраціей, принесъ въ Трансвааль несомнѣнныя военныя знанія, боевую опытность и репутацію, чего нельзя сказать ни объ одномъ изъ прибывшихъ туда до него. Его привели въ Южную Африку не только интересъ спеціалиста къ этой своеобразной войнѣ, но и совершенно искреннее увлеченіе справедливымъ дѣломъ Трансвааля, увлеченіе, доказанное его постоянными корреспонденціями и воззваніями во французскихъ газетахъ, съ цѣлью поддерживать интересъ къ этому дѣлу и вызвать приливъ матеріальныхъ пожертвованій и добровольцевъ изъ Франціи. Тѣмъ болѣе странно, что, пріѣхавъ въ Трансвааль еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, т. е. въ самый разгаръ первыхъ успѣховъ буровъ, ему не удалось пріобрѣсти никакого вліянія въ ихъ военномъ совѣтѣ и настоять на какихъ-либо мѣрахъ, могшихъ обезпечить плоды этихъ успѣховъ. И даже позднѣе, когда правительство, убѣдившись въ его знаніяхъ, въ горячемъ отношеніи къ дѣлу, рѣшилось произвести его въ фехтгенералы и назначить начальникомъ всѣхъ европейскихъ контингентовъ, онъ никогда не былъ популяренъ среди буровъ вообще. Виною этого было, вѣроятно, нѣкоторое непониманіе чуждой національности, ея бытовыхъ и духовныхъ

особенностей, ясно и подчасъ даже наивно высказывающееся въ приведенныхъ выше запискахъ.

Интересно, напримѣръ, что изъ всѣхъ бурскихъ начальниковъ впечатлѣніе наибольшей бездарности произвелъ на Вильбуа — Христіанъ Деветъ, насколько можно понять вслѣдствіе сдержаннаго молчанія послѣдняго на всѣ объясненія Вильбуа неудобствъ его позицій подъ Попларсъ-Гровомъ — неудобства, которыя онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, понималъ и самъ, но, не имѣя другихъ позицій, считалъ нужнымъ выиграть возможно больше времени для эвакуаціи Блумфонтена. Такого рода недоразумѣнія, гдѣ, конечно, играло роль обоюдное непониманіе и инстинктивная рознь натуръ — обыденное явленіе у Вильбуа съ бурами. Но Девету съ нимъ особенно не посчастливилось; его Вильбуа подозрѣваетъ буквально «въ напускномъ равнодушіи изъ нежеланія сдѣлать усиліе» (!), выражаетъ даже сомнѣніе въ его храбрости и предположеніе, что подъ Абраамскралемъ онъ далъ приказъ отступать подъ вліяніемъ деморализаціи фрейштатцевъ, популярничая для послѣдующихъ выборовъ. Эта послѣдня выходка особенно комична для всякаго, имѣющаго хотя малѣйшее понятіе о Деветѣ, который въ свою бытность членомъ фольксраада, говорятъ, такъ откровенно тяготился этими обязанностями, что уѣзжалъ продавать продукты своей фермы на іоганнесбургскомъ рынкѣ, когда въ Блумфонтенѣ предстояла сессія, по его мнѣнію, посвященная пустословію. Нѣсколько лучше Вильбуа понималъ и оцѣнивалъ людей французскаго происхожденія, какъ Жуберъ, Кронье, Деларей, хотя и здѣсь все сводилось только на разговоры, и въ 4 мѣсяца наиболѣе счастливаго періода войны онъ не успѣлъ привить имъ ни одного правильнаго взгляда, ни одного раціональнаго пріема веденія войны съ европейской арміей. Здѣсь даже быстро возникавшая симпатія иногда вводила его въ противоположную ошибку. Такъ, онъ сначала повѣрилъ было въ дарованіе Кронье и его правильную оцѣнку положенія; особенно же ему понравился генералъ Дютуа, о которомъ я теперь ничего не говорю потому, что мнѣ еще предстоитъ подробное описаніе его военныхъ качествъ и пріемовъ. Относительно общаго характера буровъ Вильбуа тоже не идетъ дальше общихъ мѣстъ (по большей части невѣрныхъ) насчетъ ихъ грязи и лѣни, отсутствія энергіи, насмѣшекъ надъ особенностями ихъ учрежденій, замѣчу очень хорошо приспособленныхъ къ ихъ потребностямъ и быту и носившихъ въ себѣ возможность очень широкаго развитія. Послѣ сдачи Кронье онъ совершенно искренно считаетъ близкое окончаніе войны несомнѣннымъ, вслѣдствіе отсутствія у буровъ способности бороться; всякій же порывъ противоположнаго характера считаетъ «притворствомъ или же дѣтскимъ суевѣріемъ». Такія оцѣнки говорятъ сами за себя и, читая

ихъ, перестаешь удивляться малымъ результатамъ, достигнутымъ Вильбуа у буровъ, при его несомнѣнной храбрости, опытѣ и знаніи военнаго дѣла, сквозящихъ во многихъ изъ его замѣтокъ насчетъ военнаго положенія и позицій. Эта часть записокъ, къ сожалѣнію, крайне отрывочна (вѣроятно, предполагалось впослѣдствіи обработать подробно спеціально военную сторону), тогда какъ все мѣсто посвящено описаніямъ, съ литературной стороны часто очень удачнымъ, приправленныхъ юморомъ и мѣткими парадоксами — обстановки и обычаевъ, иногда совершенно непонятыхъ и передаваемыхъ невѣрно, почему и вся книга пріобрѣтаетъ столь неожиданный характеръ неосновательности и отсутствія серьезнаго интереса.

По отношенію къ бургскимъ начальникамъ, даже наиболѣе почитаемымъ, какъ Жуберъ и Кронье, Вильбуа слишкомъ проявлялъ сознаніе своего превосходства въ знаніи военнаго дѣла; превосходства, прежде всего, еще нѣсколько спорнаго по его незнакомству съ условіями мѣстной войны, въ концѣ концовъ, бывшаго причиной его гибели и которое, во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя было навязывать въ данныхъ обстоятельствахъ.

Вслѣдствіе этихъ свойствъ своего характера, Вильбуа, вмѣсто того, чтобы удовольствоваться вначалѣ небольшимъ, хотя бы начальствомъ надъ французскимъ контингентомъ, и потомъ, поразивъ воображеніе буровъ какимъ-либо успѣхомъ, добиться ихъ довѣрія и вниманія къ своимъ совѣтамъ, объѣзжая разные пункты военныхъ дѣйствій, одними разговорами пытался навязывать свои взгляды, часто очень правильные, упрямымъ и самонадѣяннымъ старымъ бурамъ, какъ Кронье, Жуберъ, Лукасъ Мейеръ, критикуя ихъ дѣйствія съ точки зрѣнія европейской тактики и стратегіи. Неудивительно, что онъ получилъ не одну непріятную отповѣдь и вообще толку не добился, пока ему не пришла мысль соединить подъ своимъ начальствомъ всѣ разрозненные отряды европейскихъ добровольцевъ и образовать изъ нихъ «европейскій легіонъ». Трансваальское правительство одобрило эту мысль, понимая неудобство оставлять европейца съ такимъ крупнымъ чиномъ и боевымъ прошлымъ безъ соотвѣтствующаго назначенія и надѣясь, что онъ внесетъ нѣкоторый порядокъ и чувство отвѣтственности въ дѣйствія этой разношерстной вольницы.

Но въ Кронстадтѣ, гдѣ тогда находилось правительство Оранжевой республики съ президентомъ Штейномъ и который служилъ главнымъ центромъ для сбора и организаціи войскъ, противопоставлявшихся движенію англичанъ отъ Блумфонтейна къ южной границѣ Трансвааля, Вильбуа далеко не встрѣтилъ той отзывчивости, которой ожидалъ и на которую имѣлъ право. Разъ возбужденное его манерой себя держать недоброже-

лательство и недовѣріе лицъ, даже высоко стоявшихъ въ служебной іерархіи, выразилось здѣсь той медленностью и неохотою, съ которой исполнялись его вполнѣ разумныя и толковыя требованія насчетъ вооруженія волонтеровъ, снаряженія обозовъ для его отряда, доставки фургоновъ, быковъ, муловъ, лошадей, организаціи при немъ комиссаріатской части и тому подобное. Достаточно сказать, что въ первые 10 дней своего пребыванія въ Кронстадтѣ, уже въ новомъ чинѣ и званіи, онъ въ этомъ направленіи почти ничего не добился, пока не напалъ случайно на человѣка, представлявшаго совершенную ему противоположность своимъ умѣньемъ сближаться съ мѣстными людьми, внушить имъ довѣріе, поладить съ ними; несмотря на эту противуположность, у Вильбуа хватило ума и чуткости сразу увидѣть въ немъ самаго подходящаго для себя помощника. Человѣкъ этотъ былъ Е. Я. Максимовъ, военная дѣятельность котораго, такимъ образомъ, пришлась на самый безотрадный періодъ войны, гдѣ, несмотря на нѣсколько блестящихъ частныхъ успѣховъ буровъ, англійскія войска, еще относительно свѣжія, подъ начальствомъ столь опытнаго и осторожнаго стратега, какъ лордъ Робертсъ, постепенно сжимали желѣзное кольцо, центромъ и цѣлью котораго являлась Преторія, ибо съ ея занятіемъ англичане связывали увѣренность въ окончаніи войны; способность же буровъ бороться, несмотря на захватъ главныхъ городовъ и номинальное занятіе территоріи, неизбѣжность для нихъ веденія именно партизанской войны, недостаточно выяснялись еще и для самихъ буровъ, что вызывало у многихъ изъ нихъ упадокъ духа, недовѣріе къ самимъ себѣ и еще болѣе къ своимъ товарищамъ, начальникамъ и правителямъ, явленіе, о которомъ мнѣ уже приходилось говорить раньше. При этомъ временномъ разладѣ и недовѣріи буровъ между собою тѣмъ значительнѣе роль иностранца, безъ всякой внѣшней, оффиціальной поддержки сумѣвшаго сразу подойти къ бурамъ самыхъ различныхъ положеній, сразу внушить имъ нѣкоторое довѣріе къ своимъ совѣтамъ; довѣріе это впослѣдствіи все увеличивалось и привело, наконецъ, къ полученію Максимовымъ, по истеченіи всего 3-хъ мѣсяцевъ со дня пріѣзда въ Трансвааль чина фехтгенерала не по назначенію, какъ Вильбуа, а по избранію, что у буровъ связано не только съ почетомъ, но и съ преимуществами по іерархіи. Въ силу моихъ хорошихъ отношеній съ семьями нѣкоторыхъ изъ выдающихся лицъ въ правительствѣ и войскѣ буровъ, мнѣ довелось близко наблюдать за развитіемъ этого исключительнаго отношенія, которое, понятно, льстило моему самолюбію, такъ какъ предметомъ его являлся соотечественникъ.

Пріѣхавъ первоначально въ качествѣ корреспондента, Максимовъ началъ съ посѣщенія разныхъ интересныхъ пунктовъ, знакомясь съ

начальствующими лицами, принимая участие въ объѣздѣ позицій. Но при этомъ онъ съумѣлъ избѣгнуть всякаго насильственнаго навязыванія своихъ взглядовъ, а тѣмъ болѣе наставительнаго тона и поверхностнаго отношенія къ новымъ для него пріемамъ, выработаннымъ мѣстными условіями и практикой. Это сознаніе европейски-образованнаго военнаго, что онъ готовъ многому у нихъ поучиться, стремленіе сойтись съ ними на ихъ почвѣ, особенно же искреннее и горячее увлеченіе ихъ дѣломъ, вѣроятно, способствовали быстрому сближенію его со многими изъ вліятельныхъ мѣстныхъ людей, а равно и съ рядовыми бюргерами, которымъ льстила простота его отношенія къ нимъ и, какъ уже сказано, сильно импонировали его выдающаяся стрѣльба, ѣзда, знаніе лошади, которыми сами буры справедливо гордятся, безстрашіе и хладнокровіе въ опасности, также составляющіе характерную для нихъ самихъ и очень высоко цѣнимую черту. Скоро придя къ рѣшенію не ограничиваться ролью зрителя и корреспондента и не желая поступать въ уже описанный мною «русскій отрядъ», Максимовъ собирался примкнуть, хотя бы рядовымъ, къ одному изъ мѣстныхъ отрядовъ, когда въ Кронстадтѣ, пріѣхавъ туда изъ Наталя, гдѣ въ это время не ожидалось интересныхъ военныхъ событій, онъ встрѣтился съ Вильбуа и въ разговорѣ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи; Вильбуа замѣтилъ, что въ его чинѣ и съ боевымъ опытомъ не стоитъ идти рядовымъ въ бурской командѣ, и что онъ принесетъ несравненно больше пользы, примкнувъ къ нему въ качествѣ помощника: вдвоемъ имъ, можетъ быть, удастся подвинуть дѣло, которое со всѣхъ сторонъ тормозится Въ свою очередь, узнавъ о безплодныхъ хлопотахъ Вильбуа, Максимовъ взялся за это дѣло и, благодаря установившимся у Максимова личнымъ хорошимъ отношеніямъ съ находившимися въ Кронстадтѣ членами правительства Оранжевой республики — самимъ президентомъ Штейномъ, статсъ-секретаремъ Бляхнотомъ [1], военнымъ министромъ Робертсомъ, главнымъ судьею Герцогомъ, ему удалось очень скоро уладить эти затрудненія и въ нѣсколько часовъ добиться всего необходимаго для Вильбуа.

На другой же день назначеніе Максимова было оффиціально оформлено.

По поводу этого назначенія Максимова помощникомъ Вильбуа, а впослѣдствіи и преемникомъ его въ командованіи «европейскимъ легіономъ», назначеніе, о которомъ говорятъ и многіе изъ иностранцевъ, въ своихъ запискахъ касавшіеся этого періода южно-африканской войны [2]), считаю

[1]) Сынъ котораго впослѣдствіи принялъ у Максимова его отрядъ.

[2]) Упоминается это назначеніе, прежде всего, въ запискахъ самого Вильбуа, хотя по тону видно неудовольствіе на быстрый успѣхъ новаго

нужнымъ отмѣтить, что мнѣ не такъ давно случайно попалъ въ руки спеціальный отчетъ одного изъ лицъ, посланныхъ въ Трансвааль съ оффиціальнымъ назначеніемъ. Въ этомъ отчетѣ, страдающемъ и многими другими недочетами, которые приходится приписать отчасти поверхностному отношенію и не пониманію окружающихъ фактовъ, отчасти — скажу прямо — недобросовѣстному къ нимъ отношенію, совершено выпущено все касающееся Максимова, т. е. русскаго, сдѣлавшаго тамъ величайшую честь русскому имени, и даже самый фактъ его назначенія на какой-либо отвѣтственный постъ, а сказано прямо, что послѣ смерти Вильбуа командовать европейцами былъ назначенъ братъ генерала Деларея. Между тѣмъ, въ силу отношеній, сохранившихся у меня со многими дѣятелями бурскаго вопроса и самимъ Е. Я. Максимовымъ, мнѣ достовѣрно извѣстно, что еще въ свое послѣднее пребываніе въ Голландіи (по окончаніи войны) генералъ Деларей отсылалъ всѣхъ прежнихъ членовъ «легіона», обращавшихся къ нему за свидѣтельствами, къ аттестаціи Максимова. какъ ихъ непосредственнаго начальника; да и раньше бывали случаи подобныхъ обращеній отъ прежнихъ подчиненныхъ. Чѣмъ объясняется постановка фактовъ въ названномъ выше отчетѣ и насколько она даетъ неправильное понятіе о дѣйствительно происходившемъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія подробностей. Теперь же я считала нужнымъ подчеркнуть это, сдѣлавшееся мнѣ случайно извѣстнымъ, искаженіе истины лицомъ, котораго самое его положеніе обязывало по меньшей мѣрѣ па точность и добросовѣстность въ передачѣ фактовъ; считала нужнымъ особенно потому, что это недоброжелательство, насколько я знаю, ничѣмъ серьезнымъ не оправданное, не только нашло себѣ отзвукъ у насъ, но еще тогда, въ Южной Африкѣ, какъ потомъ выяснилось, дѣйствуя скрытными и недостойными путями, много затрудняло дѣятельность Максимова и прямо тормозило пользу, приносимую имъ правому и симпатичному дѣлу. На это глухое противодѣйствіе соотечественниковъ и то, насколько оно подрывало отношеніе къ Максимову иностранцевъ, встрѣчаются вѣскія указанія въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ по этому предмету, гдѣ ясно

помощника въ улаженіи помянутыхъ выше недоразумѣній по снабженію отряда. Это непріятное чувство выражено такъ опредѣленно, что если бы не было извѣстно, что предложеніе соединить свои силы, вмѣсто того, чтобы, при своемъ чинѣ и опытности, идти рядовымъ въ бургской командѣ, было сдѣлано Вильбуа Максимову при случайной встрѣчѣ и до переговоровъ съ правительственными лицами Оранжевой республики, въ самомъ назначеніи пришлось бы предположить давленіе кого-либо изъ нихъ, и вѣрнѣе всего самого президента.

видно, какъ борется ихъ личное впечатлѣніе съ такимъ отношеніемъ лица, положеніе котораго придавало его мнѣнію особенный вѣсъ. Наименѣе податливыми на чужія мнѣнія оказались сами буры, которыхъ опытъ научилъ вѣрить со стороны европейцевъ только тому, что видятъ собственными глазами; но все же приходится удивляться энергіи и дарованіямъ человѣка, съумѣвшаго, въ столь неблагопріятныхъ условіяхъ, не только побѣдить предразсудокъ, невольно гнѣздившійся у многихъ, но въ такое короткое время пріобрѣсти симпатію и уваженіе какъ рядовыхъ, такъ и лицъ наиболѣе выдающихся по уму и положенію, не исключая и обоихъ президентовъ.

Когда Вильбуа и Максимовъ приступили къ организаціи «европейскаго легіона», въ ихъ распоряженіи оказалось сначала человѣкъ 50 французовъ, подъ начальствомъ отличавшагося еще раньше капитана Бреда, и тогда уже пользовавшійся хорошей репутаціей голландскій отрядъ подъ начальствомъ Сморенберга. Къ этому зерну стали постепенно примыкать отряды или отдѣльныя лица изъ волонтеровъ, по распоряженію правительства, отправлявшіеся въ Кронстадтъ изъ другихъ пунктовъ и вновь прибывшіе изъ Европы. Немало было тогда поднято вопросовъ и сдѣлано предположеній, съ цѣлью ввести хоть нѣкоторую дисциплину въ эти разнородные элементы, наилучшимъ образомъ примѣнить дѣйствительныя военныя знанія и боевыя способности многихъ изъ нихъ. Тогда-то Максимовымъ и былъ поднятъ вопросъ образованія изъ нихъ корпуса вооруженнаго холоднымъ оружіемъ, отсутствіе котораго всегда составляло слабую сторону бурскихъ войскъ. Я уже объясняла причины, почему не удалось осуществить столь желательное нововведеніе. Но и помимо перевооруженія было довольно дѣла, хлопотъ и затрудненій, чтобы хоть нѣсколько упорядочить отношенія этой разноплеменной толпы людей, по большей части не отличавшихся ни уживчивостью, ни нравственными устоями.

Насколько самъ Вильбуа еще раньше понималъ всю трудность взятой на себя задачи, видно изъ его записокъ, гдѣ онъ прямо говоритъ, что «нельзя ждать ни дисциплины, ни военныхъ знаній отъ людей, которые пріѣхали въ Южную Африку дѣла дѣлать и смотрятъ на войну, какъ на провожденіе времени, предшествующее этимъ дѣламъ. Кромѣ нѣсколькихъ счастливыхъ исключеній, ихъ потребности аппетита и спокойствія слишкомъ развиты, чтобы приноровиться къ военному ремеслу». Немного далѣе онъ сознается, что на его приказъ ночевать въ Брандфордѣ (гдѣ тогда была наша амбуланція и ежечасно ожидали англичанъ) онъ былъ оставленъ послѣдними бывшими при немъ членами его прежняго отряда и не могъ исполнить просьбу главнокомандующаго Жубера

поддержать Деларея, занявшаго окрестные холмы. И это еще только съ одними французами, пріѣхавшими на его вызовъ. Каково же должно было быть положеніе, когда пришлось имѣть дѣло съ отрядами и отдѣльными лицами самыхъ различныхъ національностей, типовъ и привычекъ. Вильбуа прямо замѣчаетъ. «Если я въ этихъ условіяхъ справлюсь со всѣми этими людьми, якобы подчиненными мнѣ, значитъ Богъ великъ!» и перечисляетъ главныя затрудненія—неповиновеніе и самовольный отъѣздъ въ Преторію. «Я требую, чтобы имъ пріостановили выдачи, и когда они явятся сюда по необходимости, я вышвырну ихъ изъ своего легіона. Здѣсь я прошу комиссаріатскихъ чиновниковъ ничего не выдавать безъ моей подписи. Ужъ слишкомъ много накопилось съ этой стороны злоупотребленій: нѣкоторые добровольцы, даже изъ тѣхъ, кого ихъ соціальное положеніе должно было бы предохранить отъ подобныхъ недостатковъ, посредствомъ назойливыхъ требованій вымогаютъ у правительства массу вещей — одежды, сѣделъ, продовольствія, лошадей. Набивъ свои подводы и палатки, они даромъ живутъ въ гостинницахъ, не сознавая, что за презрѣнное воспоминаніе они здѣсь оставятъ. Меня поражаетъ какъ всякая мысль о войнѣ пропадаетъ у многихъ передъ подобными дѣловыми оборотами...»

«Мы стоимъ лагеремъ и предоставляемъ ловкимъ людямъ объѣдаться въ гостинницахъ на счетъ правительства. Борьба противъ этихъ разнузданныхъ аппетитовъ будетъ, конечно, труднѣе и упорнѣе, чѣмъ противъ англичанъ. Есть молодцы, которые, кромѣ этихъ выдачъ вещами до пресыщенія, хотѣли еще денежнаго вознагражденія за свои труды».

Впрочемъ, самому Вильбуа не долго пришлось повозиться съ этимъ труднымъ и непріятнымъ дѣломъ. Хлопоты эти выпали на долю, главнымъ образомъ, второго по командованію, т. е. Максимова, такъ какъ Вильбуа, какъ только первые поступившіе подъ его начальство отряды успѣли нѣсколько отдохнуть, переформироваться и обзавестись всѣмъ необходимымъ, выбралъ лучшую, наиболѣе надежную часть людей и увелъ ихъ съ собою въ столь несчастно кончившуюся экспедицію подъ Кимберлей, предоставивъ Максимову, собравъ и организовавъ возможно большее число вновь прибывшихъ европейцевъ, двинуться ему на поддержку по условленному раньше направленію.

Съ Вильбуа въ рейдъ ушло 60 человѣкъ голландцевъ, 40 французовъ съ Бреда, весь лучшій составъ европейскаго отряда, и еще 25 африкандеровъ со своимъ фельдкорнетомъ. Цѣль экспедиціи, въ то время тщательно скрывавшаяся, былъ захватъ внезапнымъ нападеніемъ недавно освобожденнаго англичанами Кимберлея, важнаго пункта, какъ по складамъ запасовъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи: захвативъ его,

буры сразу разстраивали всѣ соображенія врага на этомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, войска же, ужъ тогда стягивавшіяся къ западной границѣ Трансвааля, около Варантона и Фортинстримса, съ цѣлью освобожденія осажденнаго еще бурами Мефкинга, оказались бы отрѣзанными отъ главныхъ англійскихъ силъ во Фрейштатѣ и въ то же время лишенными возможности получать подвозъ по желѣзнодорожной линіи Капштадтъ—де-Ааръ—Кимберлей—Мефкингъ. Кромѣ того, понятно какое громадное нравственное значеніе имѣлъ бы этотъ успѣхъ, какъ для части бурскаго населенія, павшаго духомъ послѣ послѣднихъ неудачъ, такъ и для увѣренныхъ тогда въ побѣдѣ англичанъ. Успѣхъ экспедиціи былъ вполнѣ возможенъ и даже вѣроятенъ при разрозненности англійскихъ войскъ, ихъ плохой развѣдочной службѣ и непониманіи бурской тактики, но онъ зависѣлъ, прежде всего, отъ быстроты и безупречной толковости выполненія. И тутъ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ недостаточно выясненныхъ эпизодовъ этой войны. Разсказы вернувшихся изъ этой экспедиціи какъ буровъ, такъ и европейцевъ, представляютъ много сбивчиваго и неяснаго, въ общемъ же вызываютъ представленіе о дѣйствіяхъ по своей непослѣдовательности и нецѣлесообразности приближающихся развѣ къ другому печальному эпизоду — поведенію Кронье во время его отступленія и сидѣнія при Паардебергѣ, и совершенно непонятныхъ со стороны образованнаго европейскаго военнаго, до тѣхъ поръ проявлявшаго и умъ, и пониманіе военнаго дѣла.

Судя по этимъ разсказамъ, Вильбуа прежде всего обратилъ очень мало вниманія на конскій составъ отряда—послѣдствіемъ чего было быстрое утомленіе животныхъ и даже убыль. Затѣмъ, въ видахъ скрытности, выбравъ для переходовъ исключительно ночное время, вмѣсто того, чтобы съ возможной скоростью подвигаться по избранному направленію, стараясь опередить вѣсть о своемъ выступленіи, въ теченіе 2-хъ сутокъ по непонятнымъ причинамъ кружился около своего исходнаго пункта, никому изъ окружающихъ не объясняя этотъ странный образъ дѣйствій. По запискамъ Вильбуа видно, что онъ просто плохо оріентировался и самъ удивился сдѣланному имъ кругу. О дальнѣйшемъ мы ничего не знаемъ черезъ него, такъ какъ записки скоро обрываются. На полпути отъ Хоопштадта Вильбуа оставилъ отрядъ, чтобы отправиться на какое-то политическое свиданіе. Встрѣтившійся съ нимъ тогда по уговору голландецъ ф. Э. говорилъ впослѣдствіи, что Вильбуа произвелъ на него впечатлѣніе «человѣка послѣ солнечнаго удара». Солнечнаго удара съ нимъ не было, но весьма вѣроятно, что, какъ это иногда бываетъ, какъ мнѣ самой приходилось наблюдать это на другихъ случаяхъ, своеобразный африканскій климатъ, въ соединеніи съ неудачнымъ дебютомъ его

дѣятельности въ Трансваалѣ, подорвали уравновѣшенность Вильбуа и даже повліяли на умственныя способности. Это было мнѣніе и бурскаго фельдкорнета Даніэльса, въ лагерь котораго, недалеко отъ Босгофа, пришелъ отрядъ европейцевъ подъ начальствомъ Бреда, который не зналъ, ни куда они собственно идутъ, ни гдѣ находится его начальникъ; самъ же Вильбуа пріѣхалъ потомъ съ немногими провожатыми. Оказалось, что все время отрядъ шелъ, такимъ образомъ, на отвѣтственности человѣка, не знавшаго даже цѣли экспедиціи, главный же начальникъ, оставивъ отрядъ, какъ было уже сказано, на полпути къ Хоопштадту, нагналъ его только въ этомъ городѣ, потерялъ тамъ 2 дня на отдыхъ и затѣмъ предоставилъ ему опять безъ себя двигаться дальше, по мѣстности, гдѣ можно было уже наткнуться на непріятеля. Все это, да и самъ Вильбуа, показалось Даніэльсу настолько страннымъ, что онъ наотрѣзъ отказался отъ предложенія соединенными силами захватить Босгофъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ Вильбуа, англичанъ не болѣе 300 человѣкъ. Это послѣднее оказалось, впрочемъ, совершенно вѣрнымъ, но въ ту же ночь съ запада подошелъ туда крупный отрядъ подъ начальствомъ лорда Метуэна. вѣроятно, вслѣдствіе извѣстія о выступленіи въ ту сторону отряда европейцевъ. Объ этомъ движеніи англичанъ Вильбуа не былъ освѣдомленъ и, считая силы непріятеля едва достаточными для удержанія Босгофа, пренебрегъ самыми элементарными правилами предосторожности, результатомъ чего и были его гибель и плѣненіе отряда. Получивъ отказъ Даніэлса и рѣшивъ, что однѣми своими силами броситься на Босгофъ слишкомъ рискованно, онъ повелъ свой отрядъ въ обходъ этого города на юго-востокъ. Ставъ ночью лагеремъ съ восточной стороны города, онъ выдвинулъ въ его направленіи брандвахту, куда попалъ, между прочимъ, одинъ русскій офицеръ, поручикъ Никитинъ, впослѣдствіи вернувшійся на одномъ съ нами кораблѣ и потомъ тяжело раненый въ Китаѣ. По разсказу Никитина, сторожевой постъ услышалъ ночью подозрительное движеніе въ своемъ лагерѣ, почему начальникъ поста отправилъ туда верховаго узнать въ чемъ дѣло. Посланный вернулся съ извѣстіемъ, что лагерь снятъ и отрядъ уходитъ неизвѣстно куда. Добравшись, въ темнотѣ тропической ночи, по неровному фельду до мѣста лагеря, они уже не могли опредѣлить направленія отряда. Выбрались на ближнюю дорогу, прошли по ней на рысяхъ 15—20 минутъ, но, не видя и не слыша ничего, повернули въ другую сторону, заблудились, плутали всю ночь и утромъ наткнулись на большой отрядъ англійскихъ лансеровъ, отъ котораго имъ едва удалось уйти. Какъ шелъ главный отрядъ—такъ и не удалось выяснить. Вѣрно только, что днемъ онъ сдѣлалъ привалъ уже съ юго-западной стороны Босгофа, въ невыгодной для

себя мѣстности и, не выставивъ сторожевыхъ постовъ, пустилъ коней на пастбище. Застигнутые врасплохъ англичанами въ подавляющемъ числѣ и при артиллеріи, они заняли было два корје (пригорки) и пытались отстрѣливаться, пока смерть Вильбуа и полная безнадежность положенія не принудили ихъ сдаться.

Первое извѣстіе о гибели Вильбуа съ отрядомъ получилъ фельдкорнетъ Даніэльсъ, уже упомянутый мною выше. Его, какъ командующаго ближайшимъ бурскимъ лагеремъ, извѣстилъ письмомъ самъ лордъ Метуэнъ, прибавивъ къ извѣстію пакетъ прокламацій лорда Робертса и увѣщаніе подчиниться неизбѣжному и положить оружіе.

Неудача эта, несмотря на малую численность погибшаго отряда, имѣла большое нравственное вліяніе на дальнѣйшій ходъ войны. Несмотря на нѣсколько непріязненное отношеніе многихъ изъ буровъ къ Вильбуа и слишкомъ справедливое недовѣріе къ большинству добровольцевъ, знанія спеціалистовъ военныхъ все же внушали имъ уваженіе, и на этотъ отрядъ, представлявшій лучшія силы европейцевъ подъ начальствомъ человѣка съ крупнымъ чиномъ и военнымъ именемъ, они внутренно возлагали большія, хотя и смутныя надежды. Успѣхъ райда, измѣнивъ совершенно условія борьбы на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, въ то же время, несомнѣнно, поднялъ бы духъ буровъ, угнетенныхъ послѣдними неудачами, и въ этомъ отношеніи также оказалъ бы громадное вліяніе на ходъ событій. Неудача же, хотя и не влекла за собою большихъ матеріальныхъ потерь, подѣйствовала крайне тяжело на общее настроеніе даже такихъ дальнихъ частей, не имѣвшихъ къ Вильбуа никакого отношенія, какъ, напр., войска генерала Дютуа, охранявшія западную переправу черезъ Вааль у Фортинстримса, куда я какъ разъ въ это время попала съ передовымъ перевязочнымъ пунктомъ.

Пребываніе въ фортинстримскомъ лагерѣ составляетъ самый живой и типичный эпизодъ моего пребыванія въ Южной Африкѣ: только здѣсь я продолжительное время находилась сама въ центрѣ военныхъ дѣйствій, лично присутствовала при очень серьезномъ моментѣ этой войны—форсированіи позицій, считавшихся неприступными и первомъ нарушеніи территоріи собственно Трансвааля. Но прежде чѣмъ перейти къ этому эпизоду, мнѣ надо еще закончить обзоръ военныхъ дѣйствій во Фрейштадтѣ, гдѣ сосредоточивались главныя силы обоихъ противниковъ и событія разыгрывались шире и разнообразнѣе.

Во Фрейштадтѣ оборонительная линія буровъ, какъ я уже говорила, окончательно опредѣлилась на высотѣ Брандфорда, гдѣ находились главныя силы трансваальцевъ подъ начальствомъ Деларея и часть фрейштадтскихъ командъ съ генераломъ Кольбе. Главныя же силы оранжистовъ,

подъ начальствомъ быстро пріобрѣтавшаго громкое имя Христіана Девета, все еще держались въ гористой юго-восточной части Фрейштадта, угрожая англійскимъ сообщеніямъ между Капштадтомъ и Блумфонтеномъ и путямъ наступленія англичанъ отъ Блумфонтена на Брандфордъ, Кронстадтъ и южную границу Трансвааля. Отсюда Деветъ нѣсколько разъ, по развитой имъ съ тѣхъ поръ такъ блистательно тактической системѣ, дѣлалъ внезапныя нападенія на отдѣльныя части англійскихъ войскъ, напримѣръ, у блумфонтенскихъ ватерверковъ (водопроводовъ) при Саннасъ-постѣ, Деветсдорпѣ и др., разстраивалъ скомбинированные ими планы и движенія, бралъ у нихъ по нѣскольку сотъ плѣнныхъ и цѣлые обозы. Города и мѣстечки въ мѣстности, находившейся въ раіонѣ его операцій, по нѣскольку разъ переходили изъ рукъ въ руки (по большей части мирнымъ путемъ, вслѣдствіе передвиженія занявшихъ ихъ войскъ, а не изгнанія ихъ открытой силой); сюда относится приведенный мною выше фактъ суда надъ табанчскимъ ландростомъ Брандомъ за продолженіе своей служебной дѣятельности во время англійской окупаціи войсками генерала Френча. Кавалерія Френча въ данное время вообще оперировала въ этой мѣстности, пытаясь отрѣзать болѣе удаленныя отъ Девета части союзныхъ войскъ, напримѣръ, отряды подъ начальствомъ генераловъ Гроблера и Оливіера; но при этомъ онъ самъ не разъ попадалъ въ непріятныя и опасныя положенія, какъ, напримѣръ, въ половинѣ апрѣля, когда брабантская конница, занявъ было Веneнеръ, служившій бурамъ въ этой мѣстности складомъ провіанта и боевого матеріала, въ теченіе 10-ти дней оказалась отрѣзанной и запертой въ этомъ городѣ главными силами самого Девета. Но къ этому времени англичане, переформировавъ свои усталыя войска въ теченіе 1½ мѣсячнаго отдыха въ Блумфонтенѣ, получивши значительныя подкрѣпленія и подвозъ провіанта и боевыхъ матеріаловъ, снова перешли къ энергичному наступленію. На сѣверо-востокъ были двинуты значительныя силы, такъ что, въ свою очередь, Деветъ рисковалъ быть стиснутымъ между этими двумя превосходными по численности отрядами; а такъ какъ извѣстія съ западной и восточной границъ уже заставляли предчувствовать скорую необходимость сосредоточиться далѣе на сѣверъ, то и было рѣшено ему идти на соединеніе съ главными силами обѣихъ республикъ, стоявшими въ окрестностяхъ Брандфорда. Чтобы облегчить ему это движеніе и отвлечь англичанъ, часть союзныхъ войскъ подъ начальствомъ генераловъ Филиппа Бота [1]) и Кольбе были выдвинуты на югъ въ направленіи Табанчу. Въ этой операціи, удачно выполненной союзными войсками и

[1]) Братъ командантъ-генерала, убитый въ началѣ 1901 г.

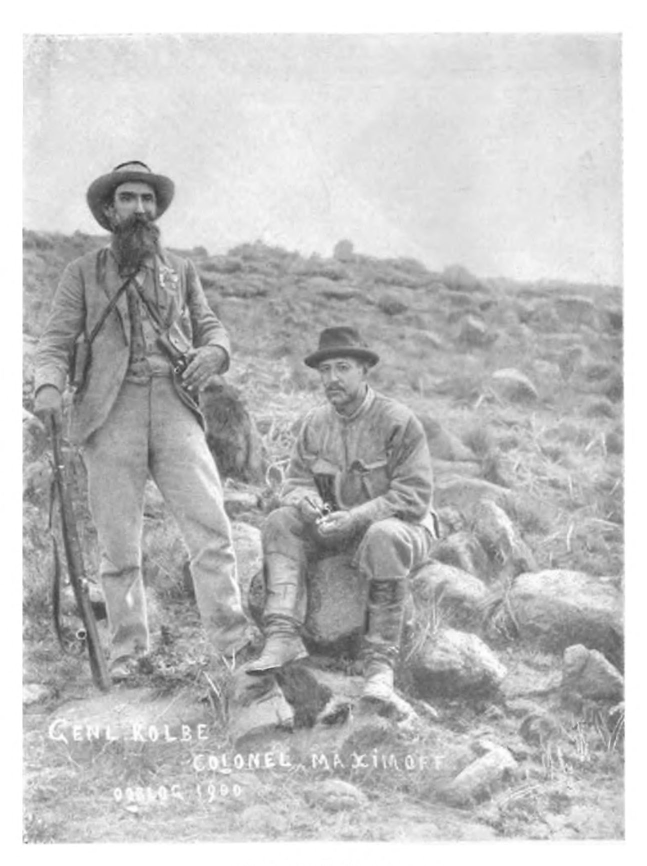
стоившей англичанамъ тяжелыхъ потерь убитыми и плѣнными, принялъ особенно почетное участіе европейскій отрядъ, оставленный мною въ Кронстадтѣ, къ которому я поэтому теперь и возвращаюсь.

Мы оставили «европейскій легіонъ» еще въ первые дни его образованія, когда лучшая часть его была уведена Вильбуа въ столь несчастно окончившійся райдъ подъ Кимберлей. Уходя въ райдъ, Вильбуа оставилъ Максимову оффиціальную инструкцію, опубликованную какъ приложеніе къ книгѣ г. Виноградскаго — «Англо-бурская война въ Южной Африкѣ» касательно организаціи легіона, раздѣленія его на отряды по національностямъ и нѣкоторыхъ дисциплинарныхъ сторонъ; негласно же условился съ нимъ насчетъ возможно скорѣйшаго выступленія сформированнаго имъ отряда по тому же направленію на Шмадель (Смальдель) и Брандфортъ или Босгофъ, чтобы въ случаѣ удачи райда поддержать передовой отрядъ, захватившій Кимберлей до прихода достаточныхъ бурскихъ подкрѣпленій. По пути Вильбуа долженъ былъ телеграфировать Максимову о ходѣ экспедиціи, между прочимъ изъ Хоопштадта, чего не сдѣлалъ, несмотря на двухдневную остановку тамъ, и, наконецъ, въ случаѣ удачи, прислать извѣстіе до ближайшаго пункта, откуда оно могло быть передано по телеграфу.

Въ ожиданіи этихъ извѣстій Максимову приходилось переживать немало тяжелыхъ минутъ въ дѣлѣ организаціи добровольцевъ. Въ Кронстадтъ понемногу собралось еще человѣкъ 80 голландцевъ, поставленныхъ имъ подъ начальство Гольдмана, голландца, уже много лѣтъ выселившагося въ Южную Африку, секретаря трансваальскаго фольксраада, 40 нѣмцевъ съ капитаномъ Лоренцомъ и еще около 20-ти французовъ съ поручикомъ d'Etchegoyen. Остальные мелкіе отряды и не пытались войти въ общую организацію «легіона», гдѣ дисциплинарныя требованія были неуклонны и предвидѣлась значительная опасность. Особенно стѣснительнымъ для этихъ господъ являлось требованіе—жить въ указанной имъ части общаго лагеря, а не вразбродъ по гостиницамъ и притонамъ большихъ городовъ, являясь на службу когда и какъ имъ заблагоразсудится. Первый примѣръ инсубординаціи подали названный мною выше «русскій отрядъ» г. Г. и затѣмъ мелкая фракція французовъ подъ начальствомъ г. Г—оно, заявившаго, что, кромѣ графа Вильбуа, онъ никого не признаетъ и будетъ ждать его возвращенія (въ городахъ, а не въ лагерѣ). Эти и подобные примѣры вынудили, наконецъ, правительство, вообще избѣгавшее вмѣшиваться въ дрязги европейцевъ между собою, издать распоряженіе, отсылавшее къ фронту всякій отрядъ, не желавшій подчиняться требованіямъ, предъявленнымъ ему въ центральномъ сборномъ пунктѣ, въ случаѣ же отказа повиноваться отнимавшее

у его членовъ всякое правительственное довольствіе. Вслѣдствіе этого распоряженія, отрядъ Г. передвинулся къ южному фронту и расположился близъ лагеря генерала Филиппа Бота; но здѣсь безпорядочный составъ отряда скоро такъ ярко обрисовался, что привелъ къ требованію Ф. Бота удалиться куда-бы то ни было, хотя бы внутрь страны, а затѣмъ и къ окончательному распаденію отряда, лучшіе члены котораго, до сихъ поръ еще пытавшіеся спасти престижъ столь неудачно выбраннаго имени, разсѣялись по другимъ командамъ, гдѣ пріобрѣли себѣ и уваженіе, и симпатіи, а нѣкоторые съ тѣхъ поръ запечатлѣли свое служеніе правому дѣлу плѣномъ, кровью и даже жизнью. Французскій отрядецъ г. Г—оно, въ невозможности оставаться въ Кронстадтѣ, не подчиняясь общимъ порядкамъ, ушелъ въ другомъ направленіи, а именно слѣдомъ за Вильбуа на Хоопштадтъ; но и здѣсь такъ скоро обнаружилось твердое намѣреніе начальника существовать на счетъ республикъ, не подвергаясь никакому лишнему риску, что и онъ вскорѣ былъ оставленъ большинствомъ своихъ подчиненныхъ, добравшихся потомъ до главнаго расположенія союзныхъ войскъ подъ Брандфордомъ и тамъ примкнувшихъ къ другимъ добровольческимъ отрядамъ.

Но и отъ тѣхъ изъ европейцевъ, которыхъ бо̀льшая добросовѣстность или нежеланіе открыто заявить о стѣснительности для нихъ строгой дисциплины, введенной въ легіонѣ, заставила сначала примкнуть въ Кронстадтѣ къ европейскому легіону, трудно было добиться повиновенія и какихъ-либо правильныхъ совмѣстныхъ дѣйствій. Общность лагеря и главнаго начальника особенно способствовали развитію столкновеній на почвѣ національныхъ интересовъ и антипатій среди этой разноплеменной толпы людей, ревниво относившихся каждый къ своей народности. Эти столкновенія и дрязги побудили, наконецъ, Максимова, не дожидая въ Кронстадтѣ все не приходившихъ отъ Вильбуа извѣстій, вывести отрядъ въ его настоящемъ составѣ къ Брандфорду черезъ Шмадель (который все равно не миновала бы никакая телеграмма и была-бы даже получена тамъ раньше), въ надеждѣ, что общность боевой жизни сгладитъ и уничтожитъ счеты, порожденные бездѣйствіемъ въ лагерѣ подъ большимъ городомъ. Этотъ разсчетъ, къ сожалѣнію, оправдался не вполнѣ, и еще до начала собственно боевой жизни въ легіонѣ пришлось сдѣлать нѣсколько перемѣнъ, выдѣливши изъ него еще остававшіеся въ немъ ненадежные элементы. Но до этихъ перемѣнъ самое положеніе Максимова значительно измѣнилось. На другой день по прибытіи въ Брандфордъ онъ получилъ отъ президента Штейна телеграмму, передававшую дословно на его обсужденіе первое донесеніе фельдкорнета Даніэльса о гибели Вильбуа и возможныхъ послѣдствіяхъ этого движенія англичанъ, а вслѣдъ затѣмъ

І. Кольбе и Е. Максимовъ.

и другую телеграмму, назначавшую его преемникомъ Вильбуа въ командованіи «европейскимъ легіономъ».

Вообще президентъ Штейнъ относился къ Максимову съ большой дружбой и довѣріемъ и такъ высоко цѣнилъ его дѣятельность по организаціи «легіона», что, не имѣя возможности оказывать прямое давленіе для привлеченія подъ его руководство возможно большаго числа лицъ, издалъ постановленіе, по которому семьи лицъ, поступающихъ въ отрядъ, состоящій подъ его начальствомъ, получали въ ихъ отсутствіе правительственное довольствіе—мѣра совершенно исключительная и никогда не практиковавшаяся по отношенію къ другимъ отрядамъ. Но это распоряженіе могло, конечно, вліять только на тѣхъ изъ иностранцевъ, которые, ужъ много лѣтъ выселившись въ Южную Африку, успѣли обзавестись тамъ семьей или вывезти ее изъ Европы; для большинства же изъ нихъ гораздо бо́льшую привлекательность представляла та свобода отношеній къ распоряженіямъ начальствующихъ, которая, являясь нѣкоторой гарантіей при своеобразной военной организаціи буровъ, въ примѣненіи къ европейцамъ давала результаты положительно вредные, поощряя безпорядочные инстинкты худшихъ изъ нихъ. Очень рельефно этотъ недостатокъ выразился на слѣдующемъ примѣрѣ. До Шмаделя «легіонъ» былъ перевезенъ по желѣзной дорогѣ, далѣе же до Брандфорда шелъ уже походнымъ порядкомъ, и здѣсь стали постепенно обнаруживаться разныя особенности его членовъ, преимущественно же начальниковъ. Такъ, еще на походѣ и тотчасъ по приходѣ въ Брандфордъ, выяснилась совершенная недобросовѣстность въ хозяйственныхъ вопросахъ начальника нѣмецкаго отряда Л—а и явилась необходимость его смѣнить; но тотъ встрѣтилъ поддержку въ нѣкоторой части своихъ подчиненныхъ, національное самолюбіе которыхъ страдало отъ смѣщенія ихъ выборнаго начальника (только утвержденнаго при поступленіи въ «легіонъ») по столь постыдной причинѣ. И вслѣдствіе затрудненій, встрѣченныхъ въ проведеніи своего распоряженія, Максимовъ былъ вынужденъ выдѣлить нѣмецкій отрядъ изъ состава «европейскаго легіона». Полная основательность его дисциплинарныхъ требованій по отношенію къ Л—у вскорѣ получила блестящее подтвержденіе. Не прошло и трехъ недѣль, какъ генералу Ф. Бота, къ которому къ тому времени примкнулъ нѣмецкій отрядъ, пришлось нарядить слѣдственную комиссію по жалобѣ нѣкоего Якова Штейля на взломъ его фермы и разграбленіе оставленнаго на ней имущества Л—ъ и нѣкоторыми членами его отряда. Слѣдствіе доказало полную справедливость обвиненія, и только общій ходъ событій помѣшалъ дальнѣйшему развитію этого дѣла, придя въ этомъ случаѣ на помощь весьма понятному желанію правительства за-

мять исторію, столь непріятную крупной единицѣ иностранныхъ контингентовъ, вообще пользовавшейся хорошей репутаціей въ смыслѣ храбрости, и среди которой встрѣчались и вполнѣ порядочные люди.

Въ этотъ именно моментъ Максимовъ, видя на этомъ и другихъ эпизодахъ какъ національные счеты осложняютъ проведеніе дисциплинарныхъ требованій, посовѣтовалъ генералу Деларею назначить начальникомъ добровольцевъ не европейца, а кого-либо изъ мѣстныхъ жителей съ достаточно авторитетнымъ именемъ, причемъ самъ и указалъ на его брата, заявляя о желаніи лично сохранить только командованіе голландскимъ отрядомъ. Это предложеніе было принято Делареемъ и распоряженіе о назначеніи его брата вышло, но не привилось, никакой дѣйствительной власти онъ не проявлялъ и никакой европейской частью не начальствовалъ, а всѣ онѣ продолжали дѣйствовать вразбродъ, кромѣ зерна «Легіона», сохранившагося вокругъ Максимова, который даже оффиціально у центральнаго правительства продолжалъ числиться «Начальникомъ европейскаго Легіона», хотя самъ называлъ себя только colonel hollander corps'a. Немного позже на тотъ же постъ попробовали назначить вновь произведеннаго генерала Бливьо (Блихнота), сына статсъ-секретаря Оранжевой республики. Но и это назначеніе по своеобразнымъ мѣстнымъ военнымъ условіямъ не привилось, пока, какъ мы увидимъ, самъ Максимовъ не передалъ Бливьо собравшагося вокругъ него отряда въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Но это было ужъ много позже, передъ самымъ отъѣздомъ Максимова въ Европу. До этого ему пришлось положить немало труда, встрѣтить немало препятствій въ проведеніи своихъ взглядовъ и требованій, даже въ томъ сравнительно хорошо дисциплинированномъ отрядѣ, предводительство надъ которымъ онъ сохранилъ.

Надо вспомнить, что и между голландерами только незначительное меньшинство были военные по профессіи; остальные, хотя по нравственному уровню представляли болѣе устойчивый элементъ, чѣмъ большинство другихъ отрядовъ, никогда не испытали настоящихъ военныхъ дисциплинарныхъ требованій, ихъ предстояло еще воспитать въ военномъ смыслѣ, въ окружающей же обстановкѣ они могли только заразиться распущенностью, послѣдствіемъ чего и былъ слѣдующій инцидентъ, характерный для людей и обстановки. Недѣли двѣ послѣ выступленія изъ подъ Брандфорда, когда отрядъ успѣлъ уже принять участіе въ нѣсколькихъ мелкихъ военныхъ операціяхъ, между голландерами стало проявляться глухое неудовольствіе строгостью введенной у нихъ дисциплины [1]),

[1]) Точное соблюденіе въ предѣлахъ лагеря порядк , чистоты и всѣхъ гигіеническихъ требованій, запретъ безъ отпуска удалиться отъ лагеря далѣе опредѣленнаго разстоянія, занятія элементарными военными упражненіями.

причемъ менѣе надежными членами одной изъ причинъ неудовольствія выставлялась опасность возлагаемыхъ на нихъ порученій и даже небезопасное яко бы положеніе ихъ лагеря, удаленнаго отъ остальныхъ лагерей. Результатомъ этого настроенія было появленіе въ ставкѣ Максимова лагеркомаданта и двухъ капраловъ съ письменнымъ заявленіемъ отъ имени отряда. Въ этой бумагѣ въ совершенно почтительной формѣ высказывалась просьба сложить съ себя командованіе, такъ какъ они не чувствуютъ въ себѣ силъ подчиняться всѣмъ требованіямъ введенной имъ дисциплины (причемъ перечислялись наиболѣе стѣснительные для нихъ пункты) и, кромѣ того, онъ для нихъ «слишкомъ храбръ» и они боятся предпріятій, въ которыя онъ можетъ ихъ повести. На это Максимовъ велѣлъ собрать отрядъ и, вышедши къ нему, сначала объяснилъ необходимость, для пользы и безопасности людей тѣхъ требованій которыя казались имъ столь тяжелыми, необходимость также тѣхъ элементарныхъ военныхъ знаній и упражненій, которыя онъ старался между ними ввести; потомъ прибавилъ, что относительно послѣдняго пункта онъ можетъ только сказать, что они уже были съ нимъ въ такъ называемыхъ рискованныхъ предпріятіяхъ, пріобрѣли одобреніе начальниковъ и почетную извѣстность и пока еще не потеряли въ нихъ ни одного человѣка,—но онъ самъ не желаетъ имѣть никакого дѣла съ отрядомъ, который можетъ считать своего начальника «слишкомъ храбрымъ», предоставляетъ имъ искать «менѣе храбраго», самъ же тотчасъ уѣзжаетъ въ Брандфордъ.

На эти слова поднялась буря криковъ, просьбъ о прощеніи, просьбъ остаться, увѣреній, что они сами не понимали что дѣлаютъ, готовы всему подчиняться и идти за нимъ куда угодно. Однако, Максимовъ настоялъ на своемъ и, только обѣщавъ подумать, уѣхалъ. Вернувшись черезъ сутки онъ засталъ лагерь въ полномъ порядкѣ и былъ встрѣченъ глубокимъ почтительнымъ молчаніемъ. Пройдя въ ставку, онъ велѣлъ явившемуся лагеркомаданту собрать отрядъ и, тогда, вышедши, объявилъ что сохраняетъ командованіе. Опять поднялись крики, но ужъ радости и восторга, и этотъ инцидентъ послужилъ только къ болѣе тѣсному сближенію командира съ отрядомъ, съ этого времени ставшимъ въ его рукахъ вполнѣ послушнымъ и надежнымъ орудіемъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что предстояли серьезныя предпріятія, въ которыхъ отрядъ сыгралъ, какъ мы увидимъ, очень выдающуюся роль.

Уже съ выступленія изъ Брандфорда, вдоль желѣзнодорожной линіи Брандфордъ-Блумфонтенъ, гдѣ стояли войска подъ начальствомъ Филиппа Бота и Кольбе, искавшія случая нанести какой-либо вредъ англичанамъ, формировавшимся въ Блумфонтенѣ и оперировавшимъ между Брандфор-

домъ, Блумфонтеномъ и Табанчу, отрядъ попалъ прямо въ боевую обстановку и для самихъ буровъ и ихъ начальниковъ стала выясняться разница его въ боевомъ отношеніи отъ видѣнныхъ ими раньше добровольческихъ отрядовъ. Еще до перваго серьезнаго дѣла они поняли, напримѣръ, отличіе настоящей рекогносцировки, произведенной опытнымъ спеціалистомъ-военнымъ, отъ прежнихъ безпорядочныхъ развѣдокъ, которыми, главнымъ образомъ, только и занимались добровольцы и которыя служили, напр., итальянскому отряду постояннымъ предлогомъ для скитаній съ цѣлью мародерства и поборовъ. Насмотрѣвшись подобныхъ «развѣдокъ», буры, конечно, сначала отнеслись подозрительно и къ рекогносцировкамъ Максимова; но послѣ того какъ его свѣдѣнія стали оказываться постоянно вѣрными и нѣсколько разъ онъ провѣрилъ и исправилъ даже свѣдѣнія, доставленныя развѣдчиками ихъ знаменитаго Терона, это отношеніе совершенно перемѣнилось и они стали ужъ восторженно отзываться о пользѣ для нихъ его знаній и совѣтовъ. Комиссаріатская часть у него была поставлена, какъ мнѣ уже приходилось говорить, образцово и настолько предусмотрительно, что въ трудный моментъ онъ могъ удѣлить изъ своего запаса патроновъ мѣстнымъ генераламъ Кольбе и Ф. Бота.

Но особенно новымъ являлось для буровъ, не имѣвшихъ до этихъ поръ ни малѣйшаго представленія объ этой сторонѣ нашего военнаго воспитанія, требованіе обязательныхъ простѣйшихъ строевыхъ упражненій, безусловнаго и быстраго подчиненія командѣ. Выполненіе этихъ требованій Максимова, показавшихся сначала столь стѣснительными, что даже въ голландскомъ отрядѣ они вызвали чуть не открытый бунтъ, въ короткое время дало такіе блестящіе практическіе результаты, что доставило hollander corps'у репутацію лучшаго отряда, образцоваго по дисциплинѣ и удали. Конечно, эти черты, выработанныя въ такое короткое время, должны быть приписаны не однимъ достоинствамъ начальника, но также, и въ значительной мѣрѣ, составу отряда, какъ я уже не разъ указывала, безусловно лучшему между европейскими контингентами Трансвааля. Заслуга же начальника отряда была въ томъ, что онъ съумѣлъ вполнѣ использовать качества попавшагося ему матеріала, въ неимовѣрно короткое время добиться примѣрной сплоченности и дисциплины—этихъ необходимыхъ условій прочнаго военнаго успѣха, а затѣмъ внушить своимъ подчиненнымъ сознаніе ихъ собственныхъ силъ и такое довѣріе къ его знанію и опытности, что за нимъ они, не колеблясь, шли на такія предпріятія, которыя возбудили бы протестъ въ любомъ другомъ отрядѣ, да и имъ самимъ еще за нѣсколько недѣль назадъ показались бы невыполнимыми.

Особенно поразилъ воображеніе буровъ слѣдующій случай, по своимъ послѣдствіямъ не имѣвшій значенія въ общемъ ходѣ войны, но очень характерный для ея бытовыхъ условій, военныхъ пріемовъ и нравовъ обѣихъ воюющихъ сторонъ; пришелся онъ какъ разъ нѣсколько дней спустя послѣ разсказаннаго выше возмущенія голландеровъ, когда отрядъ готовъ былъ чѣмъ угодно доказать свою преданность командиру. Во время одной военной операціи, описаніе которой впереди, бурскіе отряды, а также, hollander corps, попали на ферму, находившуюся въ раіонѣ, занятомъ англичанами, хозяинъ которой—Фермагъ (Fermag), старикъ, раньше принимавшій участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, теперь же больной, не желая приносить присяги англичанамъ, оставилъ свой домъ въ надеждѣ, что эти послѣдніе пощадятъ его, найдя въ немъ, кромѣ кафровъ, только мальчика-подростка, дѣвочку и женщинъ — старуху, другую среднихъ лѣтъ, но еще очень красивую, и двухъ молодыхъ дѣвушекъ. Осторожность этихъ женщинъ доходила до того, что на просьбу Максимова, во время боя при этой фермѣ, дать молока, онѣ отвѣтили просьбой ему и отряду удовольствоваться водой, чтобы кафры-прислуга не могли передать англичанамъ, что онѣ доставляютъ продовольствіе ихъ врагамъ. Просьба эта, понятно исполненная, сопровождалась жалобами на притѣсненія англичанъ, и онѣ оттого только не ушли вслѣдъ за отступавшими командами, что повозки и животныя (мулы, лошади, быки) были отобраны англичами и приходилось уходить пѣшкомъ, бросивъ все имущество на произволъ судьбы. Черезъ самого Фермага, находившаго способы сноситься со своими домашними, буры лагерей имѣли извѣстія о все увеличивающемся бѣдственномъ положеніи женщинъ и, наконецъ, о такихъ выходкахъ англичанъ, которыя не оставляли уже никакого сомнѣнія насчетъ ожидающей ихъ въ скоромъ времени участи. Извѣстія эти, конечно, производили сенсацію, вызывали громкое негодованіе, и генералъ Ф. Бота, взявъ съ собою отрядъ въ 150 человѣкъ и перевозочныя средства, рѣшился сдѣлать попытку выхватить женщинъ изъ раіона, занятаго англичанами. Но, подойдя на нѣкоторое разстояніе, онъ вернулся, рѣшивъ, что предпріятіе слишкомъ рискованно, такъ какъ окружающія высоты заняты непріятелемъ и мѣстность вообще благопріятствуетъ засадѣ. Вторая попытка, сдѣланная фрейштадтскимъ генераломъ Кольбе съ отрядомъ въ 250 человѣкъ, окончилась тѣмъ же, такъ что всякая мысль о помощи казалась совершенно оставленной. Наконецъ, во время одной рекогносцировки, на ферму Фермагъ попалъ очень храбрый и дѣльный голландецъ, Миллери, отряда Максимова, и принесъ извѣстіе, что озлобленные отсутствіемъ хозяина, сношенія котораго съ семьей они подозрѣвали, англичане отобрали у испуганной матери единственнаго маль-

чика-подростка и дали 3 дня сроку для добровольной сдачи отца, угрожая въ противномъ случаѣ забрать въ свой лагерь обѣихъ молодыхъ дѣвушекъ. Зная, что англичане бываютъ на фермѣ днемъ, на ночь же возвращаются въ свой лагерь и только занимаютъ ближнія высоты, и то не всегда, Максимовъ счелъ возможнымъ сдѣлать еще попытку вывезти женщинъ и далъ имъ знать, чтобы онѣ были наготовѣ въ слѣдующую ночь, у себя же заявилъ только Ф. Бота и Кольбе, что онъ выѣдетъ ночью въ эту сторону, чтобы брандвахты остерегались стрѣлять по своимъ. И, дѣйствительно, съ наступленіемъ темноты онъ двинулся, взявъ съ собою 70 человѣкъ, подводу и карръ (повозку) для женщинъ и имущества. Подойдя къ фермѣ отрядъ залегъ за плотиной, дававшей возможность защищаться въ случаѣ нападенія; а нѣсколько человѣкъ развѣдчиковъ были отправлены на ближайшую высоту, снабженные динамитными патронами, чтобы напугать и выбить предполагавшихся тамъ англичанъ. Но развѣдчики принесли извѣстіе, что эта высота, гдѣ имѣлся оставленный крааль [1]), дававшій хорошее прикрытіе, свободна, а занята только сосѣдняя. Тогда отрядъ помчался на свободную высоту въ карьеръ и своимъ топотомъ и грохотомъ катящихся камней въ густой темнотѣ, такъ напугалъ непріятеля, что тотъ быстро оставилъ и вторую высоту, куда Максимовъ тотчасъ и перебросилъ часть отряда. Обезпечивъ за собою, такимъ образомъ, возможность защищаться на позиціи, прикрывавшей ферму, Максимовъ велѣлъ спѣшно нагружать подводы. Это затянулось на всю ночь и только съ разсвѣтомъ тяжелый фургонъ и карръ съ женщинами и небольшимъ прикрытіемъ прошли долину и стали подыматься на противоположную гору на глазахъ у англичанъ, позиціи которыхъ на сосѣднихъ горахъ были расположены выше высотъ, занятыхъ голландерами. При этомъ видѣ англичане заволновались, но не рѣшились тотчасъ на энергичное преслѣдованіе, боясь отряда, залегшаго между ними и ихъ добычей и не отдавая себѣ отчета въ его малочисленности. Однако, нѣсколько эскадроновъ пошло въ обходъ. Тогда, видя, что подводы успѣли выйти изъ наиболѣе опасной полосы, голандеры понеслись имъ вслѣдъ на глазахъ оторопѣлыхъ англичанъ, теперь пытавшихся преслѣдовать маленькій отрядъ, но все же не рѣшившихся на открытое нападеніе, вслѣдствіе того, что отрядъ успѣлъ подойти къ бурскимъ брандвахтамъ, усиленнымъ въ эту ночь генералами, знавшими о намѣреніи Максимова пойти въ какую-то экспедицію.

Проводникомъ во время этой экспедиціи служилъ Максимову самъ Фермагъ; освобождены же были не только женщины его семьи, но и г-жа

[1]) Каменная ограда для загонки скота или вокругъ кафрской деревни.

Принслоо (изъ очень уважаемой во Фрейштадтѣ семьи), пришедшая къ нимъ съ маленькимъ сыномъ съ сосѣдней фермы, гдѣ боялась оставаться ночевать въ виду поведенія англичанъ. Благодарности несчастныхъ женщинъ, понятно, не было границъ, но и на бюргеровъ вообще, у которыхъ семейное чувство является однимъ изъ сильнѣйшихъ стимуловъ ихъ натуры, именно этотъ поступокъ, готовность ради ихъ семьи идти въ опасность, передъ которой повернули ихъ генералы и не изъ робкихъ, произвело особенно сильное впечатлѣніе и сразу заставило ихъ перемѣнить отношеніе къ Максимову, какъ къ «outlander'у» «иностранцу», «пріѣзжему», и относиться уже съ полнымъ довѣріемъ и сердечностью, какъ къ «onze mann» — «своему человѣку» [1]).

Насколько именно этотъ фактъ, маловажный въ военномъ отношеніи, новліялъ на репутацію Максимова въ Трансваалѣ и отношеніе къ нему населенія, я могла судить по частому упоминанію его, особенно между женщинами. Узнавъ, что матушка Е. Я. еще здравствуетъ, нѣкоторыя бурскія женщины (конечно, спасенныя имъ, а затѣмъ и другія) собирались было послать ей, по этому поводу адресъ. Максимовъ отказался отъ этой чести, и, по моему, напрасно: для матери подобный адресъ всегда имѣлъ бы значеніе и, кромѣ того, являлся бы лишнимъ, очень типичнымъ документомъ для этой своеобразной войны и ея чуждыхъ намъ условій. Замѣчу, что на писаніе подобныхъ бумагъ буры обоихъ половъ большіе охотники, и вообще не одному изъ насъ въ командахъ и санитарныхъ отрядахъ случалось отклонять подобное признаніе своихъ заслугъ, и опять, какъ я сознаю теперь, въ ущебъ документальной полноты и типичности. Не обошелся «подвигъ» и безъ курьезовъ. Уѣзжая съ фермы, нѣкоторые изъ рядовыхъ поймали жирную свинью и, чтобы не оставлять англичанамъ, зарѣзали и увезли съ собою, подвѣсивъ ее подъ повозку. Объ этомъ узналъ командиръ, вообще очень строгій ко всему похожему на мародерство или поборъ съ жителей: страшно разнесъ виновныхъ и хотѣлъ заплатить за убытокъ. Но женщины и особенно старуха, глава семьи, страшно возмутились, денегъ ни за что не взяли и торжественно преподнесли свинью отряду. Объ этой мелочи не стоило бы и упоминать, если бы у буровъ она не вспоминалась постоянно чуть ли не наравнѣ съ самимъ подвигомъ, такъ поразила ихъ щепетильность въ отношеніи частной собственности по сравненію съ безцеремоннымъ къ ней отношеніемъ другихъ добровольческихъ отрядовъ.

———

[1]) Такъ называютъ себя буры въ отличіе отъ outlander'овъ пріѣзжихъ, причемъ въ этомъ названіи выражается племенная и нравственная рознь.

Но этотъ и другіе эпизоды, закаляя отрядъ и привлекая къ Максимову сочувствіе и удивленіе народонаселенія, не могли еще, конечно, сходить за серьезныя военныя заслуги, даже при своеобразныхъ военныхъ понятіяхъ буровъ. Совсѣмъ иное значеніе имѣли уже помянутыя мною выше рекогносцировки и основанныя на нихъ его предложенія на военныхъ совѣтахъ. Таковъ, напр., планъ перехватить у англичанъ желѣзнодорожную линію ниже Брандфорда, и, такимъ образомъ, отрѣзать англійскія войска, оперировавшія подъ Брандфордомъ противъ Деларея. Планъ этотъ повелъ къ бою 13-го апрѣля при Платцъ-Америка и не былъ успѣшно выполненъ только вслѣдствіе запозданія на нѣсколько часовъ командъ Ф. Бота, давшаго англичанамъ возможность сообразить и предупредить намѣренія противника, и вслѣдствіе бездѣйствія Деларея у Брандфорда, который по диспозиціи долженъ былъ демонстрировать противъ сильно укрѣпленной позиціи на Тафелькопѣ, чтобы отвлечь вниманіе главныхъ силъ англичанъ. Подробности этого маловажнаго по своимъ послѣдствіямъ дѣла настолько типичны для тогдашнихъ военныхъ нравовъ буровъ, что считаю нелишнимъ привести ихъ здѣсь, какъ правдивое изображеніе бытовыхъ особенностей войны, въ этомъ отношеніи столь различной отъ привычныхъ нашихъ представленій.

Почти тотчасъ послѣ своего присоединенія къ бурскимъ войскамъ, оперировавшимъ во Фрейштадтѣ, южнѣе Брандфорда, рекогносцировками, произведенными имъ 8-го—9-го апрѣля 1900 г., Максимову стало ясно что англичане, занимая по желѣзнодорожной линіи Брандфордъ—Блумфонтенъ сильныя позиціи параллельно высотамъ, окружающимъ Платцъ-Америка (на этихъ послѣднихъ они держали сильные сторожевые посты), упустили изъ виду занять двѣ хорошія позиціи: гору, отдѣленную неширокой долиной отъ ихъ позиціи и фланкирующую эту позицію, и другую высоту, находящуюся перпендикулярно къ этой горѣ. На основаніи этихъ данныхъ, онъ, на военномъ совѣтѣ 11-го апрѣля, предложилъ планъ атаки на Платцъ-Америка съ цѣлью захватить незанятыя высоты, чтобы прорвать желѣзнодорожную линію, лежащую за ними, и отрѣзать отъ Блумфонтена англійскія войска, находившіяся между Брандфордомъ и Платцъ-Америка.

По этому плану фрейштатцы генерала Кольбе и голландскій отрядъ Максимова должны были ночью неожиданнымъ нападеніемъ захватить занятыя англійскими постами высоты около Платцъ-Америка[1]). Въ эту

[1]) Тѣ самыя высоты, у подножія которыхъ находились фермы Фермагъ и Принслоо и которыя опять пришлось захватывать во время экспедиціи на выручку женщинъ.

I. X. Деларей.

же ночь Ф. Бота долженъ былъ занять ближайшую изъ свободныхъ отъ англичанъ высотъ (перпендикулярную къ главной, фланкирующей ихъ позиціи) и съ разсвѣтомъ переходить на высоту, находящуюся въ одной линіи съ англійской позиціей, выбить англичанъ фланговымъ огнемъ и облегчить наступленіе Кольбе и Максимова на линію желѣзной дороги. Чтобы отвлечь непріятельскія резервы отъ пункта атаки, генералъ Деларей со стороны Брандфорда долженъ былъ демонстрировать противъ главной позиціи англичанъ на Тафелькопѣ. Планъ этотъ былъ принятъ и, согласно диспозиціи, фрейштатцы Кольбе и hollander corps въ 10 час. ночи (съ 12-го на 13-е апрѣля) выступили изъ своихъ лагерей, въ 12 час. заняли условленныя высоты, съ которыхъ бѣжали небольшіе посты англичанъ, и засѣли на горахъ. Въ 6 часовъ утра (уже при полномъ свѣтѣ) о Ф. Бота еще не было слуховъ, а между тѣмъ англичане со своихъ позицій открыли огонь и произвели нѣсколько атакъ, которыя были отбиты. Только около 9-ти часовъ показались войска Ф. Бота на назначенной ему горѣ и затѣмъ, вмѣсто того, чтобы съ нея перейти, какъ было условлено, на все еще не занятую англичанами гору, составлявшую главную цѣль всей операціи, они начали спускаться въ сторону той горы, которая была уже нѣсколько часовъ занята Кольбе, и открыли огонь по находившимся на ней бурамъ и голландцамъ, въ убѣжденіи, что она все еще въ рукахъ англичанъ. Тутъ, наконецъ, англичане замѣтили, что имъ грозитъ опасность потерять высоту, фланкирующую ихъ позиціи, и быстро перебросили на нее нѣсколько пѣхотныхъ частей, а на прежнія свои позиціи стали подтягивать большія силы съ Тафелькопа, со стороны котораго не слышно было ни одного выстрѣла, что показывало полное бездѣйствіе Деларея, имѣвшаго при себѣ артиллерію. Въ результатѣ бурамъ и голландцамъ пришлось отступить, оставивъ уже занятыя позиціи близъ Платцъ-Америка.

Теперь о характерныхъ причинахъ этой неудачи. Генералъ Ф. Бота послѣ военнаго совѣта 11-го числа собралъ своихъ командантовъ и фельдкорнетовъ и, какъ это у нихъ всегда дѣлалось, подробно объяснилъ имъ выработанный планъ и значеніе порученнаго имъ движенія. Они сначала согласились, а потомъ, наканунѣ дѣла, и почти въ самый моментъ выступленія рѣшили не идти, такъ какъ планъ «русскаго полковника» не годенъ: развѣ можно, чтобы ночью онъ и фрейштадтцы заняли гору около Платцъ-Америка, занятую англичанами? Это немыслимо и ничего изъ этого не выйдетъ, а потому имъ взбираться на гору, параллельную высотѣ Платцъ-Америка, и попадать подъ перекрестный огонь англичанъ совершенно не для чего. Главная причина этого отказа была характерная тогда для буровъ боязнь ночныхъ операцій даже въ хорошо извѣстной

нымъ мѣстности. Атака на Платцъ-Америка, гдѣ фрейтштатецъ Кольбе, въ силу личныхъ отношеній и довѣрія, заставилъ своихъ буровъ идти съ Максимовымъ и его голландцами, была одной изъ первыхъ ночныхъ атакъ буровъ, послѣ которыхъ они поняли удобство для себя этого рода движеній, такъ широко и успѣшно примѣнявшихся ими потомъ. Между тѣмъ Ф. Бота до 5-ти часовъ утра нѣсколько разъ собиралъ своихъ командантовъ и уговаривалъ ихъ идти на поддержку выступившимъ товарищамъ; только къ разсвѣту ему удалось убѣдить ихъ двинуться. Время было уже потеряно, а начатая отрядомъ Ф. Бота по ошибкѣ стрѣльба по своимъ окончательно разстроила весь планъ, раскрывъ непріятелю намѣренія буровъ. Въ отрядѣ Деларея команданты тоже сначала было согласились, но потомъ окончательно отказались отъ какой-то «демонстраціи» [1]) противъ такой неприступной позиціи какъ Тафелькопъ, взять которую немыслимо, а почти навѣрное потеряешь нѣсколько «onze mannen». Этимъ они дали англичанамъ возможность отправить сильныя подкрѣпленія на позиціи, атакуемыя Кольбе и Максимовымъ.

Но причины неудачи были настолько явны, что произвели впечатлѣніе на буровъ всѣхъ степеней іерархіи, такъ что послѣ этого и послѣдовавшей скоро экспедиціи за оставленными на фермѣ женщинами отношеніе къ Максимову и его предложеніямъ окончательно перемѣнилось; но тутъ, къ сожалѣнію, вскорѣ послѣдовало сраженіе при Табанчу, гдѣ онъ былъ такъ израненъ, что дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ стало для него немыслимо.

Сраженіе при Табанчу является кульминаціоннымъ пунктомъ движенія, предпринятаго бурскими войсками генераловъ Ф. Бота и Кольбе съ нѣкоторыми изъ добровольческихъ отрядовъ, чтобы дать возможность Хр. Девету соединиться съ главными силами буровъ на сѣверѣ Фрейштадта, отъ которыхъ онъ былъ отрѣзанъ англійскими войсками подъ начальствомъ генераловъ Френча и Гамильтона, оперировавшими между Блумфонтеномъ, Вепенеромъ и Табанчу [2]).

---

[1]) Этотъ терминъ пришлось еще объяснять сначала самому Деларею, а затѣмъ ему своимъ подчиненнымъ.

[2]) Извѣстный англійскій корреспондентъ Уинстонъ-Черчиль признаетъ его важнѣйшимъ военнымъ событіемъ послѣ Паардеберга. По свѣдѣніямъ англичанъ, въ бою при Табанчу, съ ихъ стороны участвовали кавалерійскія бригады Френча, Гамильтона, Диксона и Гордона, дивизія Рендля и бригада гайландеровъ Смитъ-Дорріэна, не считая войскъ, оставшихся у Ватерверковъ, подъ начальствомъ Китчинера и бригады, съ которой самъ Робертсъ счелъ нужнымъ произвести диверсію въ сторону Карри-Сидинга. Силы противника англійскіе источники цѣнятъ въ 4,000; г. Уинстонъ-Чер-

Напомню, что Деветъ, послѣ занятія англичанами Блумфонтена, оперировавшій въ юго-восточной части Фрейштадта, въ серединѣ апрѣля оказался въ странномъ положеніи: онъ держалъ запертымъ въ Вепенерѣ, захватившій было этотъ городъ, отрядъ «брабантской конницы», и въ то же время самъ подвергался серьезной опасности со стороны остальныхъ частей кавалерійской бригады Френча и корпуса Гамильтона, отдѣлявшихъ его отъ главнаго расположенія бурскихъ войскъ у Брандфорда. Тогда еще буры не выработали многихъ изъ военныхъ пріемовъ, постоянно и успѣшно практированныхъ ими потомъ въ партизанской войнѣ: имъ еще не приходила мысль разсѣяться небольшими группами или даже по одиночкѣ и, такимъ образомъ, миновавъ районъ, наиболѣе сильно охраняемый англичанами, соединиться въ любомъ выгодномъ для нихъ пунктѣ. Дѣло шло еще о возможности для Девета пройти на сѣверъ со всѣми своими командами, не бывъ раздавленнымъ численнымъ превосходствомъ противника. Для этого бурскія войска, уже находившіяся на югъ отъ Брандфорда, были выдвинуты на разстояніе 20 — 30 верстъ отъ Блумфонтена, съ цѣлью отвлечь на себя силы Англии и дать Девету возможность прорваться на сѣверъ на соединеніе съ ними или съ Делареемъ.

Ставъ лагеремъ 28-го апрѣля на разстояніи приблизительно 10-ти миль отъ Блумфонтена, 4-хъ отъ Ватерверковъ и 6-ти отъ Табанчу, буры нарочно помѣстились не близко отъ горы Туба, безусловно лучшей позиціи этого района, такъ какъ считали ее занятой непріятелемъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ развѣдчиками Терона. 29-го Максимовъ, находившійся здѣсь со своимъ голландскимъ отрядомъ, предпринялъ рекогносцировку въ сторону Ватерверковъ, съ цѣлью выяснить нельзя ли отрѣзать водоснабженіе Блумфонтена (центральнаго организаціоннаго пункта ан-

---

чиль увѣряетъ даже, что онъ «самъ ихъ видалъ», въ этомъ числѣ, при отступленіи открытымъ полемъ; но мнѣ достовѣрно извѣстно, что со стороны буровъ здѣсь участвовало не больше 800 человѣкъ (не считая, конечно, силъ Девета, дѣйствовавшаго на значительномъ разстояніи и шедшаго по другому пути, гдѣ его не могъ видѣть этотъ корреспондентъ): у Ф. Бота 40 трансваальцевъ, у Кольбе 300 фрейштатцевъ и около сотни европейцевъ. Такими же погрѣшностями страдаютъ и остальные отчеты англійскихъ корреспондентовъ, особенно же въ указаніи своихъ потерь, означенныхъ въ 50 съ чѣмъ-то человѣкъ всего, тогда какъ я знаю, что по окончаніи боя 30-го числа на англійской позиціи, занятой войсками Ф. Бота, было насчитано 167 труповъ, Кольбе и европейцами, 208; сколько-нибудь убитыхъ надо предположить и со стороны Девета, кромѣ плѣнныхъ, взятыхъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ—итого?

глійскихъ войскъ и главной квартиры лорда Робертса). Это оказалось немыслимымъ по количеству войскъ, находившихся около Ватерверковъ; но въ теченіе этой рекогносцировки онъ убѣдился: 1) что Тубаконъ еще свободна отъ непріятеля, и 2) узналъ отъ одного бура, наканунѣ выпущеннаго англичанами изъ тюрьмы въ Блумфонтенѣ, что слѣдующей ночью изъ этого города въ Табанчу съ небольшимъ прикрытіемъ пойдетъ военный обозъ въ 200 подводъ. Вернувшись уже въ темнотѣ, онъ сообщилъ эти свѣдѣнія генералу Кольбе, близъ котораго стоялъ лагеремъ. На другой день предполагался военный совѣтъ и смѣло можно утверждать, что, имѣй буры возможность, занявъ утромъ Тубу, выработать соотвѣтствующій планъ сраженія, дѣло окончилось бы гораздо болѣе рѣшительнымъ пораженіемъ англичанъ и могло бы значительно измѣнить дальнѣйшій ходъ событій. Къ сожалѣнію, Кольбе увлекся мыслью захватить англійскій обозъ, и съ этой цѣлью, не сообщая никому своихъ намѣреній, ночью вышелъ изъ лагеря и устроилъ засаду; но, напавъ неожиданно на англичанъ, онъ оказался лицомъ къ лицу не съ небольшимъ прикрытіемъ, какъ предполагалось, а со всѣмъ отрядомъ Гамильтона, шедшимъ по тому же направленію на помощь войскамъ, запертымъ въ Веленерѣ. Остальныя бурскія войска были, такимъ образомъ, непроизвольно втянуты въ бой, вскорѣ сосредоточившійся около Тубы, которую англичане успѣли первые занять нѣсколькими пѣхотными частями, такъ что пришлось ихъ оттуда выбивать. Эта задача пала на фрейштатцевъ Кольбе, главнымъ же образомъ на бывшихъ здѣсь европейцевъ — нѣмцевъ, небольшое число французовъ и hollander corps Максимова, который въ этотъ день особенно выдѣлился неустрашимостью и стойкостью, занявъ съ бою выдавшуюся часть Тубы—ключъ всей позиціи и, продержавшись на ней до поздней ночи, когда вся остальная гора была уже давно очищена занявшими ее войсками. Роль hollander corps'а и его начальника въ этотъ день ярко освѣщается слѣдующимъ небольшимъ фактомъ: видя опасное движеніе голландцевъ, съ десятокъ нѣмцевъ, раньше, какъ было разсказано, отдѣлившихся отъ нихъ вслѣдствіе дурно понятаго національнаго гонора, бросились за ними съ крикомъ: «нашъ colonel!». «Еще типичнѣе для общаго состава отряда, что впослѣдствіи, когда поведеніе на Тубѣ голландеровъ и ихъ командира приняло у буровъ размѣры чуть не мифа, на вниманіе Максимова не разъ навязывались личности, увѣрявшія, что «мы были съ вами на Туба», на что получали неизмѣнный отвѣтъ «я васъ тамъ не видалъ». Изъ дѣйствительно присоединившихся на Тубѣ нѣмцевъ двое поплатились жизнью—Гюнтеръ, разорванный пополамъ гранатой, и артиллерійскій офицеръ фонъ-Брахель, пораженный пулей въ сердце въ 20-ти шагахъ отъ англичанъ. Въ общемъ

Х. Деветъ.

же потери отряда, находившагося здѣсь даже не въ полномъ составѣ [1]), были незначительны по числу—2 убитыхъ и 5 раненыхъ, но тяжелы, такъ какъ 3 раны пришлись на долю командира, а именно плечевая контузія съ раздробленіемъ кости, тяжелая рана лопатки, вѣроятно, разрывной пулей, и височная рана съ повреженіемъ черепа. Перевязку дѣлалъ докторъ нашего русско-голландскаго отряда К. К. фонъ-Ренненкампфъ, незадолго передъ тѣмъ примкнувшій къ отряду съ походнымъ лазаретомъ Докторъ фонъ-Ренненкампфъ, единственный изъ русскихъ докторовъ до конца находившійся на театрѣ войны, въ этотъ день обнаружилъ храбрость и стойкость, которыя сдѣлали бы честь любому офицеру, съ утра до вечера накладывая перевязки подъ непрерывнымъ огнемъ англійской артиллеріи. Высказанныя имъ безстрашіе и хладнокровіе произвели глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, видѣвшихъ его въ это время; что касается израненнаго командира голландцевъ, то его заслуги, отмѣченныя въ телеграммахъ съ поля битвы генерала Кольбе и главнокомандующаго Деларея, скоро приняли прямо сказочные размѣры, такъ что въ разговорѣ о немъ у флегматичныхъ буровъ слово «герой» такъ и сыпалось, а меня, конечно, остерегавшуюся выхвалять соотечественника, прямо обвиняли въ холодности и неотзывчивости.

Нечего говорить, насколько меня въ сущности радовали подобные отзывы о русскомъ докторѣ и русскомъ офицерѣ, послѣ испытанныхъ раньше боли и стыда отъ нелестныхъ отзывовъ насчетъ храбрости и нравственныхъ достоинствъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ въ Трансваалѣ русскихъ, хотя считаю долгомъ замѣтить, что совершенно несправедливы обобщенія, попадавшіяся по этому вопросу и въ нашей печати. Я, имѣвшая полную возможность узнать настоящую правду по интересовавшимъ меня вопросамъ, слышала опредѣленныя обвиненія только насчетъ двухъ-трехъ личностей, имена которыхъ не считаю нужнымъ приводить. Но эти уродливости вначалѣ выдѣлялись настолько ярко, въ силу имени и положенія виновныхъ, что временно, дѣйствительно, легли пятномъ на нашъ національный характеръ. И это пятно къ описываемому мною времени было блистательно смыто самоотверженной дѣятельностью русскаго санитарнаго персонала и заслугами лучшихъ изъ русскихъ добровольцевъ, первое мѣсто между которыми, внѣ всякаго сравненія, принадлежитъ Е. Я. Максимову.

---

[1]) 45 человѣкъ, не считая нѣмцевъ, остальные были оставлены для охраны лагеря, брошеннаго бурами безъ прикрытія. И эта горсть храбрецовъ выбила изъ позиціи, по сознанію англійскихъ плѣнныхъ нѣсколько сотъ человѣкъ, положивъ на мѣстѣ счетомъ 208 труповъ.

Но это все относится уже къ моимъ впечатлѣніямъ и наблюденіямъ въ мое послѣдующее пребываніе въ Преторіи. Въ истекшіе до него десять дней на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій произошли серьезнѣйшія перемѣны, между которыми бой при Табанчу сыгралъ не послѣднюю роль.

Дѣло при Табанчу, хотя разыгралось вопреки всѣхъ предположеній и въ невыгодныхъ въ сущности для буровъ условіяхъ, дало, однако, возможность осуществить главную цѣль всей операціи: услышавъ пальбу близъ Тубы, Деветъ, уже двигавшійся отъ Вепенера, правильно заключилъ, что это войска, высланныя ему на поддержку. Недалеко отъ Табанчу онъ, въ свою очередь, вступилъ въ бой съ попавшимися ему по пути англичанами, причемъ, какъ это признаютъ сами буры, неоцѣнимую услугу оказала ему именно молодецкая атака Тубы голландеровъ, отвлекшая въ эту сторону главное вниманіе англичанъ. Захвативъ у нихъ часть обоза и большое число плѣнныхъ, Деветъ на другой день прошелъ на сѣверъ путемъ Винбурга и, наконецъ, недалеко отъ Шмаделя, на Ветриверѣ соединился съ главными силами буровъ подъ начальствомъ Деларея, отступавшими отъ занятаго англичанами Брандфорда.

Отступленіе всѣхъ бурскихъ войскъ во Фрейштадтъ было результатомъ серьезнѣйшей ошибки буровъ послѣ боя подъ Табанчу. Занявъ 30-го апрѣля, какъ было сказано выше, съ боя всю Тубу, они на ночь оставили эту важнѣйшую позицію и возвратились въ свои лагери, намѣреваясь вернуться на позиціи утромъ [1]). Утромъ они, конечно, нашли гору сильно занятой англичанами и понесли тяжелыя потери при попыткѣ завладѣть ею съ боя. Особенно пострадалъ храбрый hollander corps; увлеченные своей удачей предыдущаго дня, они пытались штурмовать свою прежнюю позицію и отступили послѣ всѣхъ, оставивъ нѣсколько человѣкъ убитыми и 12 плѣнныхъ (израненныхъ), между которыми временно принявшій начальство, храбрый, но недостаточно опытный лагеркомандантъ Гессингъ. Не болѣе посчастливилось голландерамъ и въ слѣдующемъ крупномъ дѣлѣ на Ветриверѣ, гдѣ ими начальствовалъ назначенный въ замѣстители Максимову командантъ Брандъ, храбрый, но тогда еще мало опытный. Пріученные къ стойкости и въ невыгодныхъ положеніяхъ, голландеры при Ветриверѣ были почти уничтожены; къ бою подъ Кронстадтомъ отъ этого молодецкаго отряда въ строю оста-

[1]) Это я считаю чистѣйшей отговоркой какъ фрейштадтцевъ, такъ и европейцевъ (кромѣ голландцевъ, просидѣвшихъ на своей позиціи до 2-го ч. ночи подъ начальствомъ принявшаго командованіе лагерь-команданта Гессинга и снявшихся только по приказу ген. Кольбе) въ ожиданіи ночного нападенія и при неимѣніи энергичнаго начальника.

валось всего 15—20 человѣкъ, такъ что «hollander corps», переданный впослѣдствіи Максимовымъ Блихноту, былъ уже не прежній отрядъ, а собравшіеся вокругъ него въ числѣ нѣсколькихъ сотъ не одни голландеры, но европейцы разныхъ національностей (кромѣ голландцевъ, составляли главное ядро, преимущественно, нѣмцы и французы) и даже буры, привлеченные его репутаціей.

Потерявъ выгодныя позиціи подъ Табанчу, войскамъ Ф. Бота и Кольбе только и осталось отступить передъ численностью свѣжихъ англійскихъ войскъ, наступавшихъ отъ Блумфонтена. Этимъ они открыли расположеніе генерала Деларея, всѣ эти дни сражавшагося съ англичанами, сосредоточенными вокругъ Тафелькопа, такъ что и онъ былъ принужденъ отступить, оставивъ врагу Брандфордъ. Въ остальной части Фрейштата мѣстность также не благопріятствуетъ отпору врагу, наступающаго съ юга въ подавляющемъ количествѣ. Уже упомянутое дѣло на Ветриверѣ и послѣдующій тяжелый бой 10-го мая подъ Кронстадтомъ, хотя причинили англичанамъ серьезныя потери и дѣлають честь храбрости отдѣльныхъ командъ и начальниковъ, были ужъ только послѣднимъ усиліемъ задержать и ослабить главную англійскую армію, не отдать ей безъ бою вторую столицу Фрейштата, дать время ее эвакуировать государственнымъ учрежденіямъ, вывезти, по возможности, больныхъ и раненыхъ и выѣхать тѣмъ изъ жителей, которые не желали подвергаться послѣдствіямъ англійской окупаціи. Къ этому времени телеграфъ принесъ съ другихъ границъ извѣстіе о такихъ событіяхъ, которыя дѣлали неизбѣжнымъ отступленіе гораздо дальше на сѣверъ, изъ опасенія быть отрѣзанными отъ Преторіи - тогда все еще главнаго правительственнаго и нравственнаго центра—англійскими войсками, прорвавшими, наконецъ, самую границу Трансвааля.

ГЛАВА VIII.

Фортинстримсъ, въ голландскомъ произношеніи Фортинстроменъ (четырнадцать источниковъ), небольшое поселеніе, разбросанное на правомъ берегу Вааля, вокругъ станціи желѣзнодорожн. линіи Кимберлей-Мефкингъ, въ самомъ центрѣ полосы, гдѣ добываются капскіе бриліанты. Онъ лежитъ на $1^1/_2$ мили за трансваальской границей въ англійскомъ Грикуаландѣ. Но, занявъ часть Грикуаланда еще въ началѣ войны, когда они осадили Кимберлей и Мефкингъ, буры вытѣснили изъ этой мѣстности пришлое (для добычи бриліантовъ) англійское населеніе; оставшіеся жители, родственные имъ по происхожденію и интересамъ, примкнули

къ нимъ и поставили свой контингентъ защитниковъ общаго дѣла: такъ образовалась грикуаландская дружина, дѣлившаяся на нѣсколько командъ по мѣстностямъ, напр., фрейбургская команда и друг. Послѣ снятія осады Кимберлея и плѣненія арміи генерала Кроньє, служившей заслономъ этой осады, оборонительная линія буровъ на западѣ передвинулась на рѣку Вааль, огибающую здѣсь трансваальскую границу и служащую ей нѣкоторой естественной защитой съ запада и юга. Центромъ обороны очень толково была выбрана мѣстность, окружающая Фортинстримсъ, такъ что позиціи буровъ оказались расположенными à cheval на важной желѣзно-дорожной линіи и, кромѣ того, въ мѣстности особенно пригодной для малой оборонительной войны, свойственной бурамъ. Лѣвый берегъ Вааля, занятый англичанами, спускается къ рѣкѣ мягкимъ, но очень открытымъ уклономъ, такъ что всякое движеніе, тѣмъ болѣе всякая попытка переправы, должна быть тотчасъ замѣчена и, при необыкновенно мѣткой стрѣльбѣ буровъ, какъ ружейной, такъ и артиллерійской, становится почти невыполнимой. На правомъ же берегу, занятомъ бурами, подъемъ почвы становится замѣтенъ только въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, въ непосредственной же ея близости мѣстность, послѣ перваго невысокаго, но крутого подъема, представляетъ однообразную плоскость, часто ниже уровня берега, пересѣченную глубокими рытвинами, усѣянную большими глыбами камня и заросшую колючимъ кустарникомъ, такъ что, совершенно непригодная для дѣйствій конницы или артиллеріи, она и регулярной пѣхотѣ представляетъ почти непреодолимыя препятствія; для буровъ же, при ихъ системѣ отдѣльныхъ мелкихъ группъ стрѣлковъ, она является исключительно выгодной.

Луи Бота, объѣзжая разные пункты военныхъ дѣйствій, послѣ своего назначенія комендантъ-генераломъ, высказался, что за фортинстримскія позиціи онъ не боится, такъ какъ англичанамъ ихъ взять невозможно. Въ данномъ случаѣ предсказаніе талантливаго главнокомандующаго не оправдалось, но не вслѣдствіе ошибки въ оцѣнкѣ самихъ позицій, а всецѣло по винѣ командовавшаго здѣсь генерала П. Дютуа, смѣнить котораго такъ скоро послѣ собственнаго назначенія Бота, вѣроятно, не могъ если и сознавалъ его неспособность.

Генералъ Дютуа принадлежитъ къ первой формаціи трансваальскихъ генераловъ, назначенныхъ въ самомъ началѣ войны главнымъ военнымъ совѣтомъ въ Преторіи, слишкомъ часто безъ достаточной провѣрки ихъ дѣйствительныхъ военныхъ способностей. Да и нельзя было требовать безошибочныхъ назначеній отъ комиссіи небоевыхъ людей, выбиравшихъ изъ людей также еще не успѣвшихъ заявить себя съ военной стороны: естественно, что при этомъ руководствовались, кромѣ данныхъ харак-

Бурское орудіе на позиціи.

Буры въ бою.

тера или общественнаго авторитета, также личными симпатіями и соображеніями партійнаго характера.

Политическія партіи въ Трансваалѣ сами по себѣ представляютъ интересное и своеобразное явленіе по ихъ совершенному несходству съ такими же партіями европейскихъ государствъ. Прежде всего — и это очень характерно для всего склада жизни буровъ — раздѣленіе ихъ на партіи до послѣдняго времени основывалось не столько на соображеніяхъ чисто политическихъ и общественныхъ, какъ на различіи духовнаго склада и религіознаго міровоззрѣнія; поэтому слово «партія» у нихъ постоянно замѣнялось словомъ церковь — «церковь Крюгера», «церковь Жубера» — къ которой причислялся и нынѣшній командантъ-генералъ Луи Бота. «Церковь Крюгера», наиболѣе вліятельная до войны, заключала такихъ столповъ стариннаго бурскаго закала, какъ братья Кронье, Лукасъ Мейэръ, а изъ менѣе крупныхъ Поттгитеръ, Снимавъ, Дютуа. Неудивительно, что когда главное начальство надъ западной бурской арміей было поручено генералу Кронье, подчиненные ему отряды, занятые у него въ тылу осадой Мефкинга и Кимберлея, попали подъ начальство его религіозныхъ и политическихъ единомышленниковъ—Снимана, Дютуа, въ надеждѣ, что точное исполненіе ими воли главнаго начальника, военныя знанія и способности котораго тогда еще такъ высоко цѣнились, восполнитъ у нихъ возможный недостатокъ въ опытности и даже въ дарованіяхъ. Это предположеніе, къ сожалѣнію, оправдалось очень плохо, особенно на примѣрѣ Дютуа. О его полнѣйшей неспособности не только къ военнымъ комбинаціямъ, но къ сколько-нибудь энергичнымъ дѣйствіямъ вообще можно было заключить еще по многимъ эпизодамъ, предшествовавшимъ снятію осады Кимберлея и взятію генерала Кронье.

Осада Кимберлея, какъ и большинство операцій перваго періода этой войны, велась смѣшаннымъ войскомъ изъ бюргеровъ обѣихъ республикъ, причемъ трансваальцы находились подъ начальствомъ Дютуа, фрейштатцами же командовалъ уже встрѣчавшійся намъ раньше генералъ Кольбе.

Неудовлетворительнымъ веденіемъ осады особенно возмущался графъ Вильбуа, находившійся въ то время при штабѣ Кронье. Здѣсь онъ не разъ настаивалъ на примѣненіи того плана для занятія Кимберлея, который потомъ имѣлъ намѣреніе выполнить самостоятельно въ роковой для него райдъ. Для выполненія этого плана онъ, въ придачу къ небольшой кучкѣ бывшихъ съ нимъ соотечественниковъ, требовалъ только еще отрядъ въ 50 человѣкъ; но, какъ я уже говорила, взятый имъ начальственный и наставительный тонъ такъ непріятно дѣйствовалъ на бурскихъ начальниковъ, особенно стараго закала, какъ Кронье и Дютуа, что ему не захотѣли довѣрить даже такого ничтожнаго количества

«своихъ людей», конечно, очень и очень въ ущербъ дѣлу. Объ отсутствіи энергіи и военныхъ способностей, обнаруженныхъ Дютуа еще во время этой осады, можетъ дать понятіе слѣдующій эпизодъ. Удачное обходное движеніе конницы генерала Френча, окончившееся снятіемъ осады Кимберлея, было не первой попыткой англичанъ прорваться къ этому городу. Раньше, еще въ началѣ февраля, отборному отряду, около 2,000 человѣкъ, удалось обойти западную армію буровъ у Рендальсъ дрифта. Узнавъ объ этомъ, генералъ Кронье, не видя возможности нагнать конницу врага достаточнымъ количествомъ собственныхъ силъ и не надѣясь на способность осаждающаго войска остановить англичанъ, отдалъ приказъ очистить часть позицій и дать имъ безпрепятственно пройти въ Кимберлей. Это распоряженіе было бы исполнено, и деблокада Кимберлея совершилась еще раньше, если бы этому не воспротивились фрейштатскій генералъ Кольбе и находившійся въ его лагерѣ судья Герцогъ, уже тогда начинавшій проявлять свою природную энергію и замѣчательныя организаторскія способности и на этомъ, чуждомъ ему поприщѣ. Оставивъ 800 человѣкъ для защиты лагеря, гдѣ, по примѣру главнаго лагеря Кронье, имѣлось немалое количество женщинъ и дѣтей, они съ остальными фрейштатцами, числомъ немного болѣе тысячи, смѣло встрѣтили прорвавшійся отрядъ усиленнымъ огнемъ съ хорошо выбранныхъ позицій за Рендальсъ дрифтомъ и заставили его повернуть, чѣмъ въ сущности спасли войска Дютуа, отступавшія въ безпорядкѣ и оставленное было имъ тяжелое осадное орудіе—Лонгтомъ, которое онъ потомъ для безопасности все же не рѣшился оставить подъ Кимберлеемъ, а тогда же вывезъ на Босгофъ.

Послѣ окончательнаго снятія осады Кольбе съ фрейштатскими командами, понятно, отступилъ къ собственной границѣ, соединился съ главными силами оранжистовъ подъ начальствомъ «хоофткоманданта» (главнокомандующаго) Девета, вмѣстѣ съ ними принималъ участіе въ послѣднихъ попыткахъ закрыть отъ наступавшаго непріятеля Блумфонтенъ, а послѣ сраженій при Poplars-Grov'ѣ и Абраамскраалѣ на сѣверъ отъ Блумфонтена примкнулъ къ трансваальскимъ войскамъ Деларея и Ф. Бота, съ которыми, какъ мы уже видѣли, продолжалъ кампанію.

Дютуа, съ подчиненными ему трансваальскими командами, отступилъ отъ Кимберлея на сѣверъ къ юго-западному углу трансваальской границы закрывая отъ непріятеля еще осажденный бурами Мефкингъ. Это отступленіе совершилось безъ катастрофы, вѣроятно, благодаря тому, что англичане тогда еще не имѣли возможности предпринять что-либо серьезное въ этомъ направленіи, такъ какъ всѣ находившіяся въ его распоряженіи силы были нужны лорду Робертсу для упроченія своего положенія

во Фрейштатѣ. Впослѣдствіи, когда военное положеніе нѣсколько выяснилось и прибывавшія подкрѣпленія дали англичанамъ возможность перейти къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ и на этомъ фронтѣ, туда былъ назначенъ генералъ Гунтеръ, раньше выказавшій военное дарованіе и энергію при нѣкоторыхъ операціяхъ въ Наталѣ. Но къ этому времени Дютуа самъ, или по указаніямъ другихъ, успѣлъ утвердиться въ описанныхъ выше прекрасныхъ оборонительныхъ позиціяхъ по Ваалю, столь выгодныхъ, что Л. Бота считалъ ихъ занятіе англичанами немыслимымъ. Приходится только пожалѣть, что новизна назначенія Боты командантъ-генераломъ дѣлала для него неудобнымъ смѣнять генераловъ старшихъ по производству, и ему, въ надеждѣ на выгодныя позиціи, пришлось оставить ихъ оборону въ рукахъ человѣка вполнѣ неспособнаго. Это тѣмъ болѣе жаль, что задача, павшая, такимъ образомъ, на Дютуа, далеко не исчерпывалась неприкосновенностью трансваальской границы въ порученномъ ему пунктѣ, а имѣла громадное значеніе и для общаго хода военныхъ операцій.

Задача эта состояла въ томъ, чтобы закрыть отъ непріятеля, наступавшаго со стороны Кимберлея, двѣ желѣзнодорожныя линіи: линію, начинающуюся отъ Клерксдорпа (болѣе чѣмъ на 100 миль къ юго востоку отъ Фортиистримса), идущую на Іоганнесбургъ и тамъ скрещивающуюся съ главной линіей Капштадтъ—Блумфонтенъ—Преторія, и линію Капштадтъ—де-Ааръ—Кимберлей—Мефкингъ на протяженіи отъ Вааля до Мефкинга, все еще осажденнаго трансваальцами. По этому послѣднему направленію, на высотѣ приблизительно Таунгса, оперировалъ еще отрядъ генерала Либенберга, связывая Дютуа съ войсками Снимана и Элофа (внука президента Крюгера), занятыми осадой Мефкинга и отраженіемъ отряда полковника Плумера, шедшаго на выручку съ сѣвера, изъ Родезіи. Имѣя направо отрядъ Либенберга, мѣшавшій непріятелю обойти его съ сѣвера и прорваться мимо него къ Мефкингу, генералъ Дютуа съ юга былъ обезпеченъ мелкими отрядами, разсѣянными между Блумгофомъ, Хоопштадтомъ и Брандфордомъ, гдѣ находились главныя силы буровъ; непосредственно же къ тылу имѣлъ еще, въ Христіаніи и въ Блумгофѣ, отрядъ генерала Андриса Кронье, брата извѣстнаго Кронье. Но этотъ послѣдній отрядъ, находясь въ мѣстности гораздо болѣе удобной для передвиженія регулярныхъ войскъ и не представлявшей хорошихъ оборонительныхъ позицій, могъ только служить ему резервомъ, пока не были оставлены прекрасныя позиціи по Ваалю. Вся его энергія должна была быть направлена на то, чтобы удержаться здѣсь во что бы то ни стало, такъ какъ, отступая, онъ добровольно переносилъ военныя дѣйствія въ мѣстность, гдѣ численность англичанъ, какъ людьми, такъ и артилле-

ріей, доставляла имъ безусловный перевѣсъ, и онъ, такимъ образомъ, давалъ имъ возможность съ одной стороны отрѣзать войска, занятыя осадой Мефкинга и закрывавшій ихъ отрядъ Либенберга, съ другой же, движеніемъ по желѣзнодорожной линіи Клексдорпъ — Іоганнесбургъ, принудить главныя силы буровъ, боровшіяся въ Оранжевой республикѣ противъ арміи самого лорда Робертса, оставить весь Фрейштатъ врагу и отступить до Іоганнесбурга, для защиты его и центральныхъ областей Трансвааля.

Въ этихъ условіяхъ нерѣшительность и даже, какъ мы увидимъ, нѣкоторая безпечность, характеризовавшія образъ дѣйствій Дютуа, являются прямо преступными и объясняются только его непониманіемъ военнаго положенія и пріемовъ непріятеля.

Дѣйствительно, слѣдуя очень разумной тактикѣ, примѣнявшейся англичанами во весь этотъ періодъ войны — отъ вторженія ихъ въ предѣлы союзныхъ республикъ до занятія Преторіи, т. е. за все время командованія лорда Робертса — пользоваться своимъ численнымъ превосходствомъ, чтобы фальшивыми демонстраціями занимать буровъ въ пунктахъ, хорошо защищенныхъ ихъ убійственнымъ огнемъ, а между тѣмъ неожиданно обходить ихъ въ наименѣе защищенныхъ мѣстахъ — генералъ Гунтеръ, достаточно утвердившись на лѣвомъ берегу Вааля, и посредствомъ подъемнаго военнаго шара отдавъ себѣ нѣкоторый отчетъ въ расположеніи противника, сталъ постоянно обстрѣливать лидитомъ лежавшія прямо противъ него главныя позиціи буровъ, растянутыя вдоль рѣки по обѣ стороны желѣзнодорожной линіи. Благодаря прекрасному расположенію позицій и умѣнью буровъ пользоваться для прикрытія малѣйшими неровностями почвы, а также, конечно, плохой стрѣльбѣ англійской артиллеріи, этотъ огонь не причинялъ почти никакихъ потерь, но зато вызвалъ въ генералѣ Дютуа убѣжденіе, что усиленное обстрѣливаніе служитъ со стороны англичанъ подготовленіемъ къ переправѣ открытой силой въ этомъ наиболѣе неудобномъ для нихъ пунктѣ; почему всѣ лучшія команды были имъ сосредоточены около поврежденнаго желѣзнодорожнаго моста и на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. со стороны Христіаніи (поддерживая связь съ мелкими отрядами, составлявшими правое крыло главной арміи во Фрейштатѣ). При этомъ былъ совершенно упущенъ изъ виду вопросъ, почему англичане сосредоточиваютъ большіе запасы провіанта и боевого матеріала въ городкѣ Барклей Вестъ, — крайнемъ пунктѣ, занятомъ ими на сѣверъ, по правой сторонѣ Вааля, значительно выше праваго крыла фортинстримскихъ позицій. Между тѣмъ, существованіе этихъ запасовъ было такъ хорошо извѣстно, что проектировалась даже экспедиція для занятія Барклея и захвата собранныхъ тамъ запасовъ.

Удача этой экспедиціи, кромѣ матеріальныхъ послѣдствій—пріобрѣтеніе запасовъ и возвращеніе хорошаго опорнаго пункта для непріятеля, совершенно напрасно очищеннаго при поспѣшномъ отступленіи, несомнѣнно, подняла бы духъ буровъ, утомленныхъ долгой бездѣятельностью въ отдаленныхъ лагеряхъ, сдѣлала бы ихъ предпріимчивѣе и дѣятельнѣе въ выполненіи ихъ непосредственной задачи. Но генералъ Дютуа, вообще не отличавшійся предпріимчивостью и умѣньемъ дѣйствовать на настроеніе своихъ подчиненныхъ, все откладывалъ предпріятіе, казавшееся ему рискованнымъ; когда же пришла вѣсть о гибели Вильбуа съ отрядомъ на подобномъ же райдѣ, это крайне тяжело отразилось на настроеніи даже этихъ отдаленныхъ лагерей и всякая мысль объ этомъ предпріятіи была постепенно оставлена.

Ко времени полученія вѣсти о гибели Вильбуа, я находилась уже въ Фортинстрямсѣ, недавно переведенная туда изъ главнаго кронстадскаго лазарета нашего отряда, гдѣ я только что присутствовала при первомъ формированіи «Европейскаго легіона» и толкахъ, возбужденныхъ этой мѣрой между бурами и европейцами; теперь же я, вмѣстѣ съ бурами лагеря и работавшей тамъ вмѣстѣ съ нами французской сидѣлкой, переживала безпокойство, вызванное первыми слухами объ этой неудачѣ «легіона» и смерти его предводителя, надежду, что слухи эти не оправдаются, подтвержденіе ихъ оффиціальной телеграммой и воздѣйствіе на общее настроеніе.

Внезапно, какъ уже было разсказано, высланная д-ромъ фанъ-Леерсумомъ изъ Кронстадта въ отдѣленіе нашего отряда, незадолго передъ тѣмъ переведенное изъФерейнингена въ Эландсфонтенъ, я нашла тамъ въ отношеніи работы полный застой. Больница, отданная въ распоряженіе отряда, была прекрасно расположена, съ верандами, выходившими въ садъ, обсаженная деревьями и цвѣтущими кустами, и роскошно снабжена всѣмъ необходимымъ инвентаремъ, такъ что изъ запасовъ отряда, кромѣ провизіи, пришлось сдѣлать только незначительныя добавленія. Досадно было видѣть это обширное, прекрасное помѣщеніе, гдѣ бездѣльно блуждали 4 сестры [1]) и цѣлый штатъ черной прислуги, и вспомнить несравненно менѣе удобное помѣщеніе въ Кронстадтѣ, гдѣ многіе больные, вполнѣ способные къ перевозкѣ, за недостаткомъ кроватей, лежали на матрацахъ, и даже сѣнникахъ, положенныхъ прямо на полъ. Вначалѣ, говорятъ, и здѣсь было много дѣла съ чисткой помѣщенія (въ послѣднее время запущеннаго) и разборкой вещей. Но дѣло это могло имѣть значеніе только какъ подготовленіе къ пріему больныхъ. Теперь же въ промежутки между

---

1) Ежевская, Россъ и Проотъ отдѣленіи д-ра Вебера и

очередными дежурствами при единственномъ больномъ — все томъ же французѣ Le Helloquo — тифъ котораго, не внушая особенныхъ опасеній, какъ-то ненормально затягивался — мы буквально придумывали себѣ какое-нибудь занятіе — переборку и приведеніе въ порядокъ вещей, какъ своихъ, такъ и мѣстныхъ, и т. под. Мнѣ, послѣ почти непосильной работы въ Кронстадтѣ, нѣсколько дней отдыха могли быть только пріятны; но перспектива продленія такого существованія на неопредѣленное время, при интересныхъ событіяхъ и кипучей работѣ другихъ пунктовъ, была очень нежелательна, и я хорошо понимала досаду и негодованіе эландсфонтенскихъ сестеръ, уже больше мѣсяца устраивавшихъ пустые лазареты и вообще еще не поработавшихъ настоящимъ образомъ, кромѣ этой очень непріятной, безцѣльной чистки и уборки. Подлинно штрафной лазаретъ, и неудивительно что д-ръ Веберъ, видя нежеланіе шефа принять зависѣвшія отъ него мѣры къ прекращенію подобнаго положенія, рѣшился не оставатся дольше въ этой глупой роли и, вытребовавъ на то разрѣшеніе фанъ-Леерсума, обратился въ «главную медицинскую коммиссію» въ Преторіи, завѣдывавшую распредѣленіемъ врачебной помощи въ войскахъ, съ просьбой указать ему мѣсто дѣятельности, по возможности, у фронта. Въ отвѣтъ онъ получилъ по телеграфу предложеніе возможно скорѣе отправиться въ Фортиистримсъ, гдѣ ожидаются серьезныя событія и на всѣ войска имѣется только одинъ врачъ, да и ему предстоитъ уйти въ экспедицію подъ Барклей. Уѣзжая по этой телеграммѣ д-ръ Веберъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, куда, въ какія условія онъ отправляется, какія тамъ существуютъ способы передвиженія; потому уѣхалъ одинъ, налегкѣ, съ однимъ ручнымъ багажемъ, и только убѣдившись въ возможности устроить правильный полевой лазаретъ, телеграммами и письмами фанъ-Леерсуму сталъ торопить присылку потребнаго инвентаря и врачебнаго матеріала, а также черной прислуги и сестеръ. Но и въ этомъ случаѣ онъ не встрѣтилъ со стороны администраціи отряда той предупредительности, на которую онъ имѣлъ право, какъ старшій русскій хирургъ экспедиціи, снаряженной почти всецѣло на русскія средства. Присылка хозяйственныхъ вещей, провизіи и врачебныхъ средствъ затормозилась совершенно, яко бы вслѣдствіе непониманія, что именно ему нужно. Изъ персонала, послѣ первоначальнаго отказа и продолжительныхъ переговоровъ по телеграфу, фанъ-Леерсумъ рѣшился отправить сначала д-ра Борнгаупта и меня, такъ что дня черезъ 3 послѣ моего пріѣзда въ Эландсфонтенъ мы всѣ были удивлены неожиданнымъ пріѣздомъ д-ра Борнгаупта, объявившаго, что черезъ день поѣдетъ дальше со мною.

Въ Эландсфонтенъ онъ привезъ, наконецъ, двухъ раненыхъ изъ кронстадтскаго госпиталя, родные которыхъ жили въ окрестностяхъ и въ

тотъ же день ихъ навѣстили; тѣмъ не менѣе, сестры провожали меня съ завистью и, передавая поклоны д-ру Веберу, просили его не забывать своихъ подчиненныхъ и скорѣе вытребовать ихъ къ фронту.

Отправляясь въ путь, д-ръ Борнгауптъ и я, по странному недоразумѣнію, получили одну только инструкцію—брать возможно меньше даже изъ личныхъ вещей, съ указаніемъ, что лазаретнымъ добромъ д-ръ Веберъ уже снабженъ, такъ что мы только по инстинкту, такъ сказать, захватили нѣкоторыя вещи первой необходимости для лазарета въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Пріѣхавъ же въ Фортинстримсъ, нашли д-ра Вебера съ нетерпѣніемъ ожидающаго предполагаемые у насъ запасы; и это отсутствіе самыхъ необходимыхъ вещей, не исправленное и впослѣдствіи, было причиной многихъ совершенно лишнихъ неудобствъ и для насъ и для больныхъ, а также доставляло намъ немало тяжелыхъ и непріятныхъ минутъ, вслѣдствіе необходимости почти все занимать и выпрашивать. Своимъ умѣньемъ ладить съ людьми и постояннымъ самоотверженнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, д-ру Веберу скоро удалось внушить къ себѣ настолько уваженія и довѣрія, что, по приказанію генерала Дютуа, комиссаріатъ изъ Христіаніи и его лагерное отдѣленіе въ Фортинстримсѣ, по возможности, снабжали насъ всѣмъ необходимымъ. Надо замѣтить только, что необходимое въ лагерѣ, тѣмъ болѣе бурскомъ, весьма разнится отъ самыхъ скромныхъ требованій лазарета, хотя бы полевого, а потому намъ все же приходилось мучиться невозможностью доставить своимъ больнымъ такой, напримѣръ, комфортъ, какъ бѣлье въ достаточномъ количествѣ или молоко, такъ какъ свѣжее было почти невозможно достать, о сгущенномъ же, имѣвшемся въ такомъ большомъ количествѣ въ запасахъ нашей амбуланціи, не приходилось и думать, разъ вышли нѣсколько банокъ, случайно привезенныхъ мною. Хорошо еще, что д-ръ Борнгауптъ захватилъ ящикъ перевязочнаго матеріала, нѣкоторые инструменты и лекарства; недостающіе же медикаменты удалось отчасти достать со стороны.

Самое наше путешествіе съ д-ромъ Борнгауптомъ представляло много интереснаго и своеобразнаго. Выѣхавъ изъ Элансфонтена рано утромъ, намъ пришлось нѣсколько времени ждать на іоганнесбургской станціи поѣзда въ Клерксдорпъ. Тутъ, пока я, сидя на лавочкѣ у входа въ дамскую комнату, ожидала доктора, ушедшаго хлопотать о нашихъ вещахъ, ко мнѣ подошла очень хорошенькая молоденькая дѣвочка лѣтъ 15-ти, одѣтая въ трауръ, съ пучкомъ розъ въ рукахъ, и стала разспрашивать, какого я отряда и куда ѣду; о себѣ же разсказала, что принадлежитъ къ семьѣ африкандеровъ, присоединившихся къ бурамъ во время занятія ими сѣвера Капской колоніи и теперь бѣжавшей передъ англійскимъ

напиствіемъ. Какъ и всѣ капландцы, она съ особеннымъ негодованіемъ говорила о несправедливости англійскаго владычества, отъ котораго они надѣялись избавиться, и бѣдственномъ положеніи многихъ изъ капскихъ жителей, искавшихъ убѣжища въ Трансваалѣ. Наше назначеніе къ фронту, считавшемуся въ данную минуту наиболѣе опаснымъ, живо ее заинтересовало и, отдѣливъ нѣсколько лучшихъ розъ изъ своего букета, она просила взять ихъ на память о нашей встрѣчѣ и непремѣнно дать какъ ѣдущему со мною доктору, такъ и тому, который ожидаетъ насъ въ Фортинстримсѣ. Въ это время подошелъ д-ръ Борнгауптъ — de mooy doctor (красивый докторъ), какъ его называли буры. Я сказала, что она доставитъ ему удовольствіе, сама передавъ свои цвѣты, что моя дѣвочка и сдѣлала, вся зардѣвшись; докторъ, охотникъ до цвѣтовъ, тутъ же съ благодарностью прикрѣпилъ ея бутоньерку къ своему хаки. Другой розанъ я, хотя и завядшій, черезъ 3 дня довезла доктору Веберу.

Выѣхавъ изъ Іоганнесбурга часовъ въ 11, мы проѣзжали мѣста наболѣе извѣстные въ краткой исторіи Трансвааля: Почефструмъ—первую столицу до основанія Преторіи, Крюгерсдорпъ, не доѣзжая который намъ показывали мѣсто, гдѣ въ 1896 году былъ захваченъ въ плѣнъ Джемсонъ съ участниками его разбойничьяго набѣга. Въ Крюгесдорпѣ мы встрѣтили поѣздъ, наполненный плѣнными англичанами, взятыми во время нѣсколькихъ стычекъ тѣми войсками, къ которымъ мы направлялись. Отъ сопровождавшихъ ихъ буровъ мы узнали, что артиллерійскій бой продолжается почти безъ перерывовъ, бываютъ и отдѣльныя стычки, плоды которыхъ мы видимъ передъ собою, но крупнаго дѣла еще не было, его ожидаютъ со дня на день, и мы пріѣдемъ какъ разъ во время, если поторопимся. Эти извѣстія, а также свѣдѣнія, полученныя въ Клерксдорпѣ — конечномъ пунктѣ желѣзнодорожной линіи — что именно въ этотъ день канонада въ сторонѣ лагерей особенно усилилась, заставили насъ торопиться отъѣздомъ изъ этого города и мириться со всякими неудобствами, только бы скорѣе доѣхать до мѣста. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что ѣхать, какъ мы было предполагали, на собственныхъ лошадяхъ по неизвѣстной мѣстности, только осложнитъ и затянетъ дѣло, а всего проще воспользоваться почтовой повозкой, продолжавшей ходить между Клерксдорпомъ и Христіаніей, какъ и въ мирное время, 2 раза въ недѣлю; вслѣдствіе же военныхъ условій послѣдняго времени почтовое сообщеніе продолжено отъ Христіаніи — послѣдняго крупнаго поселенія на трансваальской территоріи, до hooftlager'a (главнаго лагеря) генерала Дютуа въ Фортинстримсѣ, гдѣ имѣется почтовая контора и телеграфное сообщеніе со всѣми центрами. Этотъ способъ переѣзда, хотя и былъ нами выбранъ ради скорости—перемѣнные мулы пробѣгали

разстояніе, отдѣляющее Клерксдорпъ отъ Христіаніи, въ немного болѣе чѣмъ сутки — представлялъ, однако, и значительныя неудобства. Трясокъ и неудобенъ почтовый карръ, родъ повозки безъ рессоръ, снабженной двумя узкими скамейками, мѣстомъ для кучера и задней площадкой для багажа, сверхъ котораго также полагается помѣщать пассажировъ, — все это подъ душнымъ клеенчатымъ верхомъ. Въ этотъ экипажъ втискивается совершенно несообразное количество вещей, людей и даже животныхъ [1]), такъ что приходится оставить помышленіе о какомъ-либо, самомъ элементарномъ, комфортѣ; затѣмъ все это, подъ жгучимъ солнцемъ трансваальскаго дня или же въ пронизывающій холодъ тамошней ночи, все время въ облакѣ густой и ѣдкой пыли, во всю прыть 10—12 муловъ, запряженныхъ цугомъ, несется, сталкиваясь и подпрыгивая, десятками верстъ пустыннаго фельда съ десятиминутными остановками для перепряжки усталыхъ муловъ, въ теченіе которыхъ едва успѣваешь достать и проглотить чашку молока или плохого мѣстнаго кофе. У насъ съ докторомъ была съ собою еще кое-какая провизія, но и ею мы едва успѣли воспользоваться во время единственной получасовой остановки въ Вольмаранcштадтѣ.

Въ Христіанію мы пріѣхали часовъ въ 7 утра и очень обрадовались возможности обчиститься отъ суточной пыли и спокойно съѣсть настоящій трансваальскій завтракъ: порриджъ, яйца, холодное мясо, бутерброды со свѣжими томатами и чай.

Подкрѣпившись, мы продолжали свой путь уже въ почтовой тележкѣ вдвоемъ съ докторомъ, такъ какъ другихъ направляющихся въ хоофтлагеръ въ Христіаніи не оказалось. Нашъ возница, разговорчивый буръ съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ, очень толково обращалъ наше вниманіе на интересное для насъ въ окружающей природѣ: здѣсь мнѣ въ первый разъ довелось видѣть птицу лиру съ ея типичнымъ хвостомъ, оригинальный контуръ котораго ясно вырисовывался надъ фельдомъ на самой линіи горизонта. Самъ бывшій въ военномъ командо, раньше чѣмъ ему была поручена не всегда безопасная доставка почты въ фортпнстримскіе лагери, нашъ кучеръ разсказывалъ намъ о тѣхъ сраженіяхъ, гдѣ ему удалось участвовать, между прочимъ, избіеніе храбрыхъ гайландеровъ при Маггерсфонтенѣ: описывая ужасный видъ поля передъ бурскими позиціями, версты на 2 густо покрытаго мертвыми и умирающими, онъ сожалѣлъ о недостаткѣ тогда санитарнаго персонала — у бу-

[1]) Мы, напримѣръ, ѣхали въ составѣ девяти взрослыхъ, двухъ дѣтей, изъ коихъ одинъ грудной, со всѣми неудобствами этого возраста, канарейки въ клѣткѣ и дурно выдрессированной собаки.

ровъ вовсе отсутствовавшаго, у англичанъ же оказавшагося въ очень недостаточномъ количествѣ. Вообще, несмотря на счастливый для нихъ исходъ, это сраженіе оставило очень тяжелое впечатлѣніе всѣмъ участвовавшимъ въ немъ бурамъ, съ кѣмъ мнѣ случалось о немъ говорить, вслѣдствіе своего характера хладнокровнаго и почти безопаснаго избіенія такого противника, какъ храбрые шотландцы, вызвавшіе полное удивленіе буровъ своею стойкостью.

Одинъ молодой малый, говорятъ, послѣ этого тяжелаго зрѣлища не могъ выносить мысль о сраженіи, не вслѣдствіе недостатка храбрости, но чтобы не быть опять принужденнымъ участвовать въ подобной бойнѣ, и по этой причинѣ перешелъ санитаромъ въ Красный Крестъ.

Вскорѣ и намъ стали попадаться ужъ явные слѣды военнаго времени. Еще въ Христіаніи мы замѣтили вдоль берега рѣки странныя хижины, очевидно, наскоро собранныя изъ разнаго попавшагося подъ руку матеріала—старыхъ досокъ, заржавленныхъ желѣзныхъ листовъ съ крышъ, рваныхъ палатокъ и т. п. Въ этихъ жилищахъ, въ невозможныхъ условіяхъ тѣсноты, ютились цѣлыя семьи, большое число дѣтей, кое-гдѣ стояли фургоны, пасся тощій скотъ. По мѣрѣ приближенія къ Фортинстримсу такіе лагери стали попадаться все чаще: это жены и дѣти грикуаландскихъ буровъ, съ приближеніемъ англичанъ бѣжавшіе за рѣку, чтобы не попадаться врагу и не разставаться съ отцами и мужьями, находившимися въ командахъ. Многія семьи до послѣдней минуты колебались оставить родной очагъ, все надѣясь на новый поворотъ военнаго счастья; и вотъ теперь, не успѣвъ захватить почти ничего изъ имущества, или, какъ болѣе предусмотрительные, угнать хоть часть скота, они терпѣли ужасную нужду, продовольствуясь небольшимъ вспомоществованіемъ, выдаваемымъ государственнымъ комиссаріатомъ, и случайной помощью немногихъ жителей, еще оставшихся въ окрестностяхъ на своихъ фермахъ.

Въ началѣ пути отъ Христіаніи мы еще встрѣчали нѣсколько такихъ фермъ, съ признаками правильно протекавшей сельской жизни; но по мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ позиціямъ, послѣдніе слѣды мирнаго быта исчезали и замѣнялись разбросанными повсюду признаками лагерной обстановки. Бо̀льшая часть лагерей была, впрочемъ, расположена въ сторонѣ отъ нашей дороги, кромѣ главнаго лагеря генерала Дютуа, при которомъ находился комиссаріатъ и, со времени разрушенія станціи англійскими снарядами, почтово-телеграфная контора, куда нашъ возница долженъ былъ сдать врученную ему въ Христіаніи почту. Кромѣ этого, намъ пришлось еще проѣзжать одинъ изъ такъ называемыхъ артиллерійскихъ лагерей, т. е., собственно, 2—3 орудія, не образующія батареи, разбросанныя по болѣе высокой части поля, позволявшей хорошо

видѣть англійскій берегъ. Каждое орудіе замаскировано небольшимъ прикрытіемъ изъ земли и камней. Находящіеся при пушкахъ люди держатся за такими же почти незамѣтными огражденіями или даже просто въ густомъ кустарникѣ, представляя, такимъ образомъ, нѣкоторый прицѣлъ только въ самый моментъ стрѣльбы, а это, при медленности, съ которой пристрѣливались англичане, сводило опасность почти на нуль. Отряды стрѣлковъ, разбросанные въ такъ называемыхъ «позиціяхъ» вдоль рѣки, придерживаясь той же системы, пользоваться для прикрытія малѣйшей неровностью почвы, только въ исключительныхъ случаяхъ окапываясь самымъ простѣйшимъ образомъ, при нѣкоторой осторожности, представляли, конечно, еще меньше данныхъ для непріятельскаго прицѣла.

Но съ этими условіями защиты мы, понятно, могли ознакомиться только впослѣдствіи. Тогда же мы спѣшили отыскать д-ра Вебера, котораго нашли въ небольшомъ домикѣ отсутствовавшаго станціоннаго смотрителя—единственномъ крытомъ помѣщеніи, представлявшемъ хоть какія-нибудь гарантіи безопасности, такъ какъ остальные дома, разбросанные вдоль рѣки, почти всѣ пострадали въ большей или меньшей степени, а, кромѣ того, обстрѣливались не только пушками, но и ружейнымъ огнемъ, почему даже устроившіеся въ нихъ и вокругъ нихъ сторожевые посты, по возможности, избѣгали передвигаться при дневномъ свѣтѣ. Нашъ домъ, хотя и стоялъ несогласно съ правилами конвенцій — иначе пришлось бы искать помѣщеніе такъ далеко, что своевременная помощь стала бы почти невозможной—представлялъ все же много выгодъ и, при отсутствіи у насъ палатокъ, долженъ былъ быть предпочтенъ ночевкѣ въ открытомъ полѣ. Правда, онъ находился отъ англичанъ какъ разъ на отличный пушечный выстрѣлъ и незадолго до нашего пріѣзда сосѣднее съ нимъ (саженей въ 15) зданіе станціи было отчасти разрушено лидитными бомбами. Это усиленное обстрѣливанье было вызвано толпою буровъ изъ лагерей, собравшихся здѣсь въ ожиданіи почты; надъ нашимъ же домомъ въ то время не было еще и флага Краснаго Креста, за неимѣніемъ его у д-ра Вебера. Послѣ поднятія флага, уже послѣ моего пріѣзда, амбуланція, по моему, не обстрѣливалась, немногіе же падавшіе по близости снаряды представляли недолетъ къ главному лагерю, расположенному по тому же направленію вглубь фельда.

Извѣстно, что въ теченіе этой войны обѣ стороны неоднократно обвиняли другъ друга въ нарушеніи нейтралитета Краснаго Креста. Конечно, многіе изъ приводившихся слуховъ могутъ быть отнесены прямо къ недоразумѣніямъ и взаимному недовѣрію сторонъ. Однако, никто, полагаю, не станетъ спорить, что буры своимъ гуманнымъ, скажу болѣе, своимъ христіанскимъ отношеніемъ къ плѣннымъ врагамъ въ общемъ вполнѣ до-

казали свою національную корректность въ отношеніи военныхъ обычаевъ между цивилизованными народами; тогда какъ англичане только систематическимъ истязаніемъ, такъ называемой «не воюющей» части населенія (non combatants), т. е. женщинъ, дѣтей, стариковъ, достигли настоящаго сомнительнаго и непрочнаго замиренія, и потому естественно относиться съ большимъ довѣріемъ къ разсказамъ объ ихъ правонарушеніяхъ въ другихъ вопросахъ.

Я, какъ и всѣ бывшіе въ Трансваалѣ, слышала немало достовѣрно подтвержденныхъ случаевъ грубаго нарушенія англичанами нейтралитета Краснаго Креста и самыхъ элементарныхъ правилъ войны между цивилизованными народами, но, полагаю все же, что эти нарушенія, особенно въ началѣ войны, пока она не приняла характеръ принципіальнаго варварскаго опустошенія, стояли въ зависимости отъ личности начальствующаго. У насъ же, въ Фортинстримсѣ, считаю долгомъ отмѣтить полную, по моему мнѣнію, корректность непріятеля, даже при довольно рискованныхъ поѣздкахъ по воду среди бѣлаго дня по обстрѣливаемой имъ дорогѣ на совершенно открытое мѣсто берега. Правда, во время этихъ поѣздокъ, какъ мы увидимъ, совершенно необходимыхъ для хозяйства амбуланціи, случалось слышать стрѣльбу и даже свистъ пролетавшей надъ головою пули; наши кафры и работавшая съ нами случайно французская сидѣлка m-me Touvenot увѣряли, что стрѣляли именно въ нихъ. Возможно, конечно, что я попадала болѣе счастливо; но мое впечатлѣніе, что эти пули были направлены въ буровъ, неосторожно двигавшихся надъ нами по берегу, подъ предлогомъ наблюденія за безопасностью zuster, и которыхъ никакъ не удавалось убѣдить, что ихъ присутствіе, давая англичанамъ законный поводъ стрѣлять, только увеличиваетъ нашу опасность. Впослѣдствіи, когда пришлось перенести амбуланцію въ поле за лагерь, на значительное разстояніе отъ рѣки, мы, какъ будетъ видно ниже, подверглись уже настоящему обстрѣливанью снарядами, несмотря на выкинутый надъ нашимъ лагеремъ флагъ Краснаго Креста; но, въ виду предыдущаго корректнаго отношенія, я положительно затрудняюсь сказать, можно ли считать это преднамѣреннымъ нарушеніемъ нашего нейтралитета. На разстояніи, отдѣлявшемъ насъ отъ англійскихъ позицій, — верстъ 6, если не больше, самыя палатки должны были казаться просто бѣлыми точками, и не знаю былъ ли замѣтенъ нашъ флагъ, хотя и очень внушительныхъ размѣровъ. Однако, большинство военныхъ, съ которыми мнѣ случалось подымать этотъ вопросъ, высказывали мнѣніе, что, при помощи подзорныхъ трубъ, съ подъемнаго шара, которымъ англичане пользовались для своихъ наблюденій, флагъ было обязательно различить.

Несмотря на разочарованіе д-ра Вебера, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго присылки съ д-ромъ Боригауптомъ вещей, много разъ затребованныхъ имъ у администраціи отряда, мы все же, на первыхъ порахъ, довольно удобно устроились въ нашемъ домикѣ, благодаря вещамъ, присланнымъ намъ изъ комиссаріата по распоряженію генерала Дютуа. Если у насъ и не хватало бѣлья, зато были хотя какіе-нибудь матрацы и одѣяла, а для тяжелыхъ больныхъ даже двѣ пружинныя кровати и простыни. Была необходимѣйшая посуда и кое-какая провизія: иногда, правда, только плохой рисъ и мясо битыхъ въ лагерѣ быковъ, но это, съ привезенными нами чаемъ и какао все же давало возможность быть сытымъ для здоровыхъ и менѣе тяжелыхъ больныхъ. Для слабыхъ же больныхъ или съ признаками тифа, оказалась баночка мясного экстракта для бульона и растягивалось привезенное мною сгущенное молоко, а также добывалось иногда случайно свѣжее. Серьезный вопросъ нашего продовольствія составляло отсутствіе хлѣба. Духовая печь въ нашемъ домѣ была испорчена и не давала возможности его печь, хотя мука была намъ доставлена изъ комиссаріата. Хлѣба, привозимаго по нашей просьбѣ съ почтой изъ Христіаніи, часто не хватало и тогда приходилось довольствоваться лагерными сухарями, присылавшимися намъ яко бы для кафровъ. Сухари эти — просто остатки хлѣба, высушенные въ печи, цѣлыми мѣшками изготовлявшіеся для лагерей почти во всѣхъ домахъ Трансвааля; при нуждѣ ихъ можно было ѣсть, особенно размоченными въ супѣ или какао.

Вопросъ нашего обзаведенія и продовольствія, заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ насчетъ самой непріятной его стороны, и отношенія къ нему названной мною выше французской сидѣлки, М-me Touvenot. Это была особа уже пожилая, кажется, не злая, но крайне взбалмошная и рѣзкая, что, при недостаткѣ воспитанія и бранномъ репертуарѣ знаменитыхъ парижскихъ торговокъ, представляло значительныя неудобства. Разбитная, очень дѣятельная, хотя болѣе опытная въ черной работѣ, чѣмъ въ уходѣ за больными, и на свой взбалмошный манеръ вовсе не трусиха, она пріѣхала въ Трансвааль съ транспортомъ разнаго добра для буровъ, отъ общества французскихъ женщинъ — консервовъ, винъ, лекарства, бѣлья и другихъ лазаретныхъ принадлежностей. Сдавъ все это въ Трансваальскій Красный Крестъ, она выразила желаніе, по неимѣнію собственнаго отряда, быть прикомандированной къ какому-либо доктору, но непремѣнно въ передовой отрядъ. Ей предложили поѣхать на западную границу, считавшуюся опаснымъ пунктомъ, и она, съ небольшой частью привезенныхъ ею запасовъ, пріѣхала въ Христіанію немного ранѣе д-ра Вебера. Этому послѣднему генералъ Дютуа и предло-

жилъ воспользоваться ея услугами. Ожидая присылки сестеръ и матеріала изъ собственнаго отряда, докторъ Веберъ нѣсколько времени колебался принять это предложеніе; но полученная имъ телеграмма начальника отряда, отказывавшая въ присылкѣ сестеръ подъ предлогомъ опасности и выражавшаяся неудовлетворительно насчетъ вещей, заставила его поневолѣ согласиться. Узнавъ, что д-ръ Веберъ обошелся безъ его присылокъ, фанъ-Леерсумъ нѣсколько вадумался и выслалъ сначала меня съ д-ромъ Борнгауптомъ, а получивъ отчетъ этого послѣдняго еще сестру Ежевскую и двухъ кафровъ изъ Эланcфонтейна съ санитаромъ, но не нашего отряда, а изъ мѣстныхъ жителей; вещей же, какъ уже сказано, вовсе не прислалъ. Поэтому, д-ру Веберу было совершенно невозможно, воспользовавшись услугами M-me Touvenot для черной работы первоначальнаго устройства пункта, а также вещами, если не лично ея, то привезенными ею, выбросить ее изъ амбуланціи, когда явилась возможность обойтись безъ нея. Она это отлично понимала и не считала нужнымъ сколько-нибудь сдерживать свой характеръ, отъ природы какъ уже сказано, довольно тяжелый. Хотя отношенія сначала установились недурныя, однако, при распредѣленіи труда, не могли не возникнуть затрудненія, вслѣдствіе пріобрѣтенной уже ею привычки распоряжаться всѣмъ женскимъ отдѣломъ совершенно самостоятельно и вообще ея полной неспособности дѣлать какое-либо дѣло безъ шума и не мѣшаясь въ чужое. Докторъ, безъ того утомленный постоянными разъѣздами по разбросаннымъ на 15 верстъ лагерямъ, и по характеру былъ мало склоненъ вникать въ мелкія дрязги по хозяйству; къ тому же вопросъ страшно осложнялся вещами и лекарствами, привезенными ею въ амбуланцію. Хотя, конечно, можно было возразить, что безъ доктора она вообще не могла бы оставаться у фронта и что она наравнѣ съ нами пользуется продовольствіемъ и другими предметами, доставленными доктору черезъ комиссаріатъ, однако, при ея колоссальной невоспитанности, часто возникали очень непріятныя сцены, гдѣ она, даже на замѣчанія доктора, честила насъ нищенской амбуланціей, живущей на чужой счетъ и т. под., ни мало не стѣсняясь присутствіемъ не только черной прислуги, но и постороннихъ изъ бѣлыхъ. При этомъ она была хорошій товарищъ въ томъ отношеніи, что никогда не избѣгала опаснаго или непріятнаго дѣла, и была всегда готова оказать услугу или взять на себя лишній трудъ. Бѣда была единственно въ ея недостаткѣ воспитанія и характерѣ, которому мы не имѣли возможности дать достаточно энергичный отпоръ, и мы часто не добромъ поминали наше голландское начальство, оставлявшее, такимъ образомъ, старшаго русскаго врача и двухъ русскихъ сестеръ на краю свѣта, у опаснаго фронта въ зависимости отъ любезности комиссаріата и этой

мало деликатной особы, тогда какъ отрядъ, на русскія деньги, былъ снабженъ всѣмъ нужнымъ болѣе чѣмъ роскошно.

Впрочемъ, насколько тяжело намъ доставалось вспомоществованіе M-me Touvenot, настолько любезно и предупредительно въ своихъ посылкахъ было управленіе лагернаго комиссаріата. Конечно, потребности лагеря и лазарета, хотя бы полевого, весьма различны и многаго они намъ доставить не могли, но въ предѣлахъ возможнаго для нихъ они допускали даже баловство, въ видѣ лишняго сахара [1]) или англійскихъ сухариковъ. Доктора они, для необходимыхъ разъѣздовъ, снабдили крытымъ санитарнымъ фургономъ и даже огромнымъ ландо съ какой-то фермы, съ потребными для нихъ лошадьми и мулами; а старый г-нъ Кокъ (братъ генерала, убитаго при Эландслагтѣ), встрѣтившійся съ нимъ въ Христіаніи, далъ ему славную верховую мѣстную поньку — немного капризную и лѣнивую, но очень выносливую, умную и совершенно равнодушную къ стрѣльбѣ и взрыву бомбъ, такъ что ее можно было, слѣзая во время пальбы, пустить не привязывая. Понька скоро стала у насъ всеобщей любимицей, и мы до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаемъ ея упрямую, хитрую мордочку.

Другимъ нашимъ баловнемъ былъ 16-лѣтній кафренокъ, Томъ, также командированный изъ лагеря для работы. Смышленый, страшный лакомка, пользовавшійся нашимъ нежеланіемъ наказывать его, по мѣстному обычаю, тѣлесно, и нашимъ смѣхомъ надъ его шутовскими выходками, чтобы на одно слово отвѣчать десятью и вообще разными путями изводить насъ и отвиливать отъ работы, эта веселая обезьянка, вѣчно поющая и пляшущая, однако, сильно привязалась къ намъ, особенно къ д-ру Веберу. Этого послѣдняго, дѣйствительно проявлявшаго совершенно непривычную для кафровъ кротость, пожалуй, даже слабость, Томъ называлъ не иначе какъ nice doctor (милый докторъ), и желаніе угодить доктору было, въ концѣ концовъ, единственнымъ дѣйствительнымъ аргументомъ, въ отсутствіи хлыста.

Совершенно иной, мнѣ весьма мало симпатичный типъ, представлялъ другой присланный намъ изъ лагеря черный, взрослый бэчуанъ, Іонасъ. Прошедшій англійскую миссіонерскую школу, правильно говорящій по-голландски (конечно, на манеръ буровъ) и по-англійски, обладающій всѣми элементарными научными свѣдѣніями цивилизованнаго человѣка, разсуждающій даже о божественномъ и нравственномъ, онъ считалъ себя

[1]) Въ Трансваалѣ по своей цѣнѣ составляющаго буквально предметъ роскоши, причемъ даже далеко не бѣдные люди довольствуются «темнымъ сахаромъ» bruin zucker, въ родѣ патоки.

въ правѣ требовать себѣ особеннаго почета между кафрами и на этомъ основаніи объѣдаться всѣмъ лучшимъ въ амбуланціи, лодырничать, сплетничать мнѣ, какъ завѣдывавшей кухонной частью, на другихъ черныхъ, а когда это не удавалось, то бунтовать и мутить ихъ, пользуясь добротой и мягкостью доктора. Впрочемъ, онъ обладалъ однимъ неоцѣненнымъ для насъ качествомъ: безъ малѣйшаго колебанія, несмотря на стрѣльбу, ѣхалъ съ санитарнымъ фургономъ въ такія мѣста, гдѣ нашъ бѣлый помощникъ озирался и, по собственному сознанію, собирался удирать.

Этотъ бѣлый помощникъ представлялъ очень характерное доказательство односторонней заботливости фанъ-Леерсума. Племянникъ нашего кронстадскаго надсмотрщика, тоже фанъ-деръ-Говенъ, онъ до войны готовился въ пасторы, хотя, думаю, врядъ ли пригоденъ къ этой роли у буровъ, гдѣ эта дѣятельность предполагаетъ не совершеніе извѣстныхъ требъ, а дѣйствительное духовное и даже политическое руководство народа, выражающееся въ проповѣднической дѣятельности. Человѣкъ добродушный, но болѣе чѣмъ ограниченный, къ тому же лѣнивый и нерасторопный, онъ могъ оказать намъ какія-нибудь услуги только при животныхъ, обращеніе съ которыми и даже ихъ болѣзни онъ самъ хорошо понималъ, но былъ неспособенъ добиться отъ кафровъ правильнаго исполненія ихъ обязанностей, даже по этой отрасли. Но его главный недостатокъ въ нашихъ условіяхъ была его непомѣрная трусость, выражавшаяся при малѣйшемъ усиленіи стрѣльбы физическимъ недомоганіемъ и частой рвотой. Можно представить, что это былъ за пріятный и надежный помощникъ въ опасныя минуты. Родомъ, какъ и дядя, изъ окрестностей Брандфорда, гдѣ въ это время какъ разъ стояла главная армія Деларея передъ занятымъ англичанами Тафелькопомъ и происходили частыя столкновенія, онъ, очевидно, поступилъ на службу амбуланціи въ видахъ безопасности, чтобы имѣть право расшить себя крестами на шляпѣ и перевязи, разсчитывая на безопасное существованіе въ Кронстадтѣ. Фанъ-Леерсумъ, вѣроятно, взялъ его въ угоду его дядюшкѣ, чтобы этой любезностью побудить послѣдняго къ болѣе ревностному исполненію своихъ обязанностей, не имѣя возможности принудить его къ тому заключеннымъ съ нимъ остроумнымъ контрактомъ; убѣдившись же въ его полной безтолковости и непригодности, опять-таки, чтобы не возбудить неудовольствіе дядюшки лишеніемъ его мѣста при амбуланціи и заработка, на требованія д-ра Вебера прислать санитара, на передовомъ пунктѣ совершенно необходимаго, отправилъ это сокровище намъ, вмѣсто одного изъ дѣйствительно толковыхъ и знающихъ голландцевъ, давно желавшихъ получить это назначеніе. Дорогу къ намъ фанъ-деръ-Говенъ совершилъ съ сестрою Ежевской, причемъ, конечно, она распоряжалась

всѣми подробностями переѣзда по незнакомой странѣ двухъ кафровъ и его, мѣстнаго уроженца.

Понятно, что при такомъ «помощникѣ», доктору приходилось дорожить храбрымъ и, при всѣхъ недостаткахъ, толковымъ кафромъ, имѣвшимъ полную возможность, при желаніи, удрать ночью черезъ рѣку къ англичанамъ, какъ это сдѣлалъ въ первый день моего пребыванія въ Фортинстримсѣ третій черный, присланный намъ комиссаріатомъ. Но ужъ и эксплоатировалъ же Іонасъ это положеніе, въ ущербъ прежде всего своимъ же товарищамъ, на которыхъ изъ-за этого падала лишняя работа.

А работы, какъ это не кажется, пожалуй, страннымъ, было довольно на всѣхъ (3 сестры и 4 кафра), даже безъ особеннаго наплыва больныхъ. Іонасъ и одинъ изъ кафровъ, привезенныхъ сестрой Ежевской, были постоянно заняты лошадьми и мулами, и подъ этимъ предлогомъ отказывались отъ другой работы. Остальныхъ же двухъ — мальчишки Тома и положительнаго, добросовѣстнаго Малагаса [1]), едва хватало на помощь при стиркѣ бѣлья и при кухнѣ. Сестра Ежевская, по своей опытности и знанію хирургическаго дѣла, была, по справедливости, приставлена къ операціонной комнатѣ, инструментамъ и лекарствамъ, гдѣ находила себѣ немало дѣла даже помимо дежурствъ при больныхъ, въ которыхъ она чередовалась со мною и M-me Touvenot. Отъ остальной работы мы ее, по возможности, избавляли, чтобы хоть сколько-нибудь сохранить ея руки въ желательномъ видѣ. Въ мои же руки кухонные жиръ и сажа, еще за мое пребываніе въ Кронстадтѣ, въѣлись такъ основательно, что дезинфекція дѣлалась желательной даже помимо всякихъ операцій, и я иногда охотно мѣнялась съ M-me Touvenot, взявшей на себя мытье бѣлья, радуясь случаю прополоскать ихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ достаточномъ количествѣ воды.

Недостатокъ воды былъ однимъ изъ серьезныхъ неудобствъ нашего пункта, несмотря на его заманчивое названіе «Четырнадцать Источниковъ». Источники эти, очевидно, иссякли или находились такъ далеко и въ такихъ условіяхъ, что намъ отъ нихъ пользы не было, воды же, скопившейся во время дождей въ tank'ахъ (большихъ желѣзныхъ цинкованныхъ ящикахъ, имѣющихся для этой цѣли у каждаго дома), вскорѣ не хватило—дождливый же періодъ пришелъ къ концу и наступала трансваальская зима, сухая съ ледяными ночными росами. Еще въ первое время изъ нашего домика мы имѣли возможность разъ въ сутки, на маленькой платформочкѣ, двигавшейся по рельсамъ, довозить до рѣки всѣ

[1]) Malaga по произношенію M-me Touvenot.

имѣвшіеся у насъ кувшины, ведра и т. под., а въ случаѣ нужды даже бѣлье для полосканія; хотя, какъ я уже говорила, это было далеко не всегда безопасно и приходилось употреблять немало краснорѣчія, чтобы убѣдить черныхъ, безъ которыхъ мы не могли обойтись для двиганія платформы и втаскиванія ведеръ на крутой берегъ у самаго разрушеннаго желѣзнодорожнаго моста, сопутствовать намъ на рѣку. И все же эти поѣздки остались однимъ изъ яркихъ воспоминаній нашей фронтовой жизни. Мы часто жалѣли, что не имѣемъ съ собою фотографическаго аппарата, чтобы удержать своеобразную картину платформочки, нагруженной самыми разнообразными сосудами, а также узлами бѣлья, подъ большимъ флагомъ Краснаго Креста, безъ котораго кафры не соглашались и шагу ступить, двигавшейся по однообразному африканскому фельду въ сопровожденіи двухъ кафровъ и сестры милосердія. По дорогѣ всегда удавалось поговорить съ кѣмъ-либо изъ бюргеровъ, узнать послѣдніе военные слухи и перемѣщенія въ своихъ лагеряхъ; да и самыя прогулки служили пріятнымъ перерывомъ въ хозяйственныхъ дрязгахъ и хлопотахъ. Правда, добываемой такимъ образомъ воды едва хватало на потребности амбуланціи, но положеніе много ухудшилось когда мы впослѣдствіи принуждены были перенести свое хозяйство за лагери, на большое разстояніе отъ рѣки.

Первые дни, послѣ моего пріѣзда въ Фортинстримсъ прошли въ военномъ отношеніи вполнѣ спокойно, вѣроятно, вслѣдствіе наступавшаго, какъ для буровъ, такъ и для англичанъ, праздника Пасхи. Хирургическая работа въ это время отсутствовала совершенно, а болѣе серьезные терапевтическіе больные, по возможности, отсылались дальше отъ фронта, для чего къ намъ (по телеграфному требованію) раза 2 въ недѣлю наѣзжали мѣстные лекаря изъ Dogs hole'а съ санитарной повозкой, въ которой и доставляли ихъ къ себѣ, а потомъ и въ Христіанію. Помимо этихъ, болѣе серьезныхъ случаевъ, у насъ почти постоянно находилось человѣка 2—3 съ невыразившимися еще симптомами, съ простудой или упадкомъ силъ, слѣдствіемъ тяжелыхъ условій лагерной жизни: неудовлетворительнаго питанія, холодныхъ ночей съ ледяной росой, проводимыхъ часто даже не въ палаткахъ или землянкахъ, а прямо подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ, въ сторожевыхъ постахъ у рѣки. Эти условія особенно тяжело отражались на молодыхъ людяхъ отъ 15—20 лѣтъ, которыхъ такъ много было въ трансваальскомъ войскѣ и которые часто составляли его храбрѣйшій элементъ. Этихъ мы держали, смотря по обстоятельствамъ и необходимости, въ болѣе уютной обстановкѣ амбуланціи, на лучшей пищѣ и потомъ возвращали на позиціи. Такихъ больныхъ докторъ выбиралъ изъ числа многихъ, трудно переносившихъ лагерную

обстановку, во время своихъ ежедневныхъ разъѣздовъ по разбросаннымъ на 15 верстъ лагерямъ и позиціямъ. Эти поѣздки, конечно, необходимыя какъ для посѣщенія больныхъ, такъ и для присмотра за соблюденіемъ необходимѣйшихъ гигіеническихъ условій, доставляли намъ немало безпокойныхъ минутъ; но онѣ же много способствовали популярности и уваженію, которыми нашъ докторъ пользовался среди окружавшихъ насъ буровъ, часто удивлявшихся спокойствію, съ которымъ онъ среди бѣла-дня проѣзжалъ верхомъ по мѣстамъ, гдѣ даже люди сторожевыхъ отрядовъ избѣгали днемъ двигаться открыто.

Это временное затишье и отсутствіе хирургической работы такъ надоѣло д-ру Борнгаупту, что онъ, съ согласія д-ра Вебера, вернулся въ центральный лазаретъ въ Кронстадтѣ, гдѣ, напротивъ, было много дѣла вслѣдствіе усилившейся дѣятельности командъ на южномъ театрѣ войны. Дѣйствительно, съ недѣлю послѣ моего пріѣзда въ Фортинстримсъ здѣсь получилось извѣстіе о гибели Вильбуа и назначеніи на его мѣсто Максимова. Помню глубокое впечатлѣніе унынія отъ гибели этого отряда, считавшагося цвѣтомъ европейцевъ, толки и разногласіе, возбужденные новымъ назначеніемъ. Вслѣдъ затѣмъ во Фрейштатѣ наступила усиленная дѣятельность и движеніе на югъ, разсказанное въ предыдущей главѣ. У насъ же, напротивъ, гдѣ, казалось бы, судьба Вильбуа должна была произвести меньшее впечатлѣніе, наступилъ періодъ упадка духа и дѣятельности, выразившійся совершеннымъ оставленіемъ мысли объ экспедиціи къ Барклей-Весту и тѣхъ стычекъ, съ приближавшимися къ рѣкѣ англійскими отрядами, которыя раньше поддерживали въ командахъ военное настроеніе и, какъ я замѣтила, всегда поднимали духъ лагерей. Мнѣ уже не разъ приходилось объяснять, что рѣзкія колебанія въ предпріимчивости и воинственности буровъ, выражавшіяся особенно ярко въ переходный періодъ войны, пережитой мною съ ними, зависѣли отнюдь не отъ неустойчивости ихъ характера, напротивъ, очень упорнаго, когда затронуты его глубокія струны, также не отъ недостатка храбрости, а отъ ихъ своеобразнаго отношенія къ войнѣ вообще и непривычки къ военной обстановкѣ и дисциплинѣ.

Самое понятіе о томъ, что мы привыкли называть «воинскими доблестями», у нихъ отсутствовало, какъ отсутствовалъ въ ихъ общественномъ быту факторъ организованнаго войска: преданность родинѣ, храбрость, находчивость въ неизбѣжной опасности, хладнокровіе, вѣрная стрѣльба, умѣлая ѣзда, это все были вещи имъ понятныя; но, пока сами обстоятельства и обстановка не развили въ нихъ этихъ необходимыхъ сторонъ хорошаго солдата, они вовсе не понимали значенія правильной дисциплины, всегда одинаковой бдительности, постояннаго

безапелляціоннаго подчиненія требованіямъ начальниковъ, обязательнаго удержанія указанной позиціи даже при отсутствіи личнаго пониманія ея значенія. Мною уже приведенъ не одинъ примѣръ этого своеобразнаго отношенія къ военному долгу и указано, какія опасныя послѣдствія должно было имѣть неумѣнье начальника воздѣйствовать на свои войска въ моменты ослабленія въ нихъ энергіи. Что же сказать о такомъ положеніи, гдѣ самъ начальникъ, очевидно, раздѣлялъ со своими подчиненными и упадокъ духа, и непониманіе обстановки, какъ это было у насъ на глазахъ съ генераломъ Дютуа. Дѣйствительно, даже мы, сестры, въ нашихъ случайныхъ сношеніяхъ съ здоровыми бюргерами лагерей могли констатировать насколько упала въ нихъ предпріимчивость и развилось недовѣріе къ цѣлесообразности дѣйствій начальниковъ, недовольство условіями бездѣятельной лагерной жизни и тоска по родному очагу. Для насъ это настроеніе воюющихъ рельефно выражалось въ цифрахъ совершенно здоровыхъ бюргеровъ, ежедневно пытавшихся получить отъ доктора свидѣтельство на отпускъ домой по болѣзни.

Объ этомъ типѣ больныхъ, особенно распространившемся въ описываемое мною время, больныхъ, притворяющихся, чтобы уйти въ отпускъ домой—говорятъ всѣ побывавшіе тогда въ Южной Африкѣ, и часто со значительнымъ озлобленіемъ. Должна сознаться, что и меня часто раздражали совершенно здоровые, сильные люди, приставашіе къ докторамъ съ разными воображаемыми hooftpein (головная боль) bauchpein (боль желудка), pein in die ruck (боль спины), pein in die bein (боль костей), т. что въ Фортинстримсѣ д-ру Веберу пришлось, наконецъ, объявить, что онъ будетъ выдавать свидѣтельства о болѣзни, дававшія право на отпускъ, не иначе какъ по запросу фельдкорнета, которому подчиненъ данный рядовой, а будетъ пользовать ихъ тутъ же, что и дѣлалось, по возможности, чѣмъ-нибудь противнымъ, въ родѣ касторовaго масла, чтобы отбить охоту лечиться зря. Но при нашей скудости медикаментовъ мы не всегда могли позволять себѣ такую трату казеннаго добра, прибeрегая лекарства для настоящихъ больныхъ.

Конечно, такое отношеніе къ своему долгу кажется, на первый взглядъ, возмутительнымъ и совершенно непростительнымъ. Но, принципіально осуждая такой пріемъ, надо, однако, помнить коренное отличіе, существующее между ополченіемъ трансваальскихъ бюргеровъ и европейскими регулярными войсками, надо помнить, что у буровъ, по самымъ условіямъ ихъ быта и краткой исторіи больше всего развито чувство семейное, привязанность къ родному очагу и тоска по немъ даже при недолгомъ отсутствіи. А тутъ война тянется ужъ мѣсяцы; пошли какія-то неудачи, приписывавшіяся неспособности или недобросовѣстности на-

чальниковъ; съ другихъ границъ слухи доходятъ тревожные и сбивчивые; врагъ того и гляди заберется съ тылу въ самую середину страны и даже на родную ферму. Говорятъ, радя общаго дѣла, надо оборонять переправу черезъ Вааль. Но здѣсь день за днемъ проходятъ тихо; стрѣляютъ англичане постоянно, да безъ особенныхъ результатовъ, точно для развлеченія; приготовленій къ переправѣ не видно. Для сторожевой службы казалось бы достаточно и меньшаго числа людей. Отчего же подъ благовиднымъ предлогомъ не съѣздить на недѣльку-другую домой, повидаться съ семьей, чѣмъ сидѣть впроголодь въ сырыхъ и холодныхъ палаткахъ, а то и совсѣмъ подъ открытымъ небомъ среди поля. Тутъ ужъ было дѣло начальника возбудить въ нихъ интересъ къ несомой ими сторожевой службѣ, поощрять, хотя и сопряженныя иногда съ потерями, случайныя развѣдки охотниковъ за рѣку. Вмѣсто того, подъ вліяніемъ неудачнаго начальника, думавшаго единственно о томъ, чтобы непріятель не перебрался черезъ рѣку на порученномъ ему участкѣ берега, и чтобы при этомъ люди возможно меньше подвергали себя опасности, это настроеніе тоски, нежеланіе вступать въ дѣло и общая деморализація все болѣе и болѣе распространялись по лагерямъ.

Что во временномъ уклоненіи отъ службы надо видѣть не отсутствіе храбрости или любви къ родинѣ, а непривычку къ веденію продолжительной войны и непониманіе ея условій, доказывается прежде всего тѣмъ, что эти уклоненія отъ несенія воинской повинности преимущественно совпадали не съ моментами усиленной боевой дѣятельности, а, напротивъ, съ моментами затишья и застоя, какъ это и было у насъ въ Фортинстримсѣ, когда, послѣ извѣстія о гибели Вильбуа, были оставлены всѣ экспедиціи и внезапныя нападенія, тормозившія до этихъ поръ сосредоточеніе англійскихъ войскъ, подвозимыхъ отъ Кимберлея, экспедиціи, какъ я замѣтила, всегда освѣжавшія и подымавшія настроеніе лагерей. Вмѣсто того лагерная жизнь теперь проходила томительно однообразно, сосредоточенная единственно на предупрежденіи переправы, сопряженной съ фронтальной атакой въ самыхъ невыгодныхъ для атакующаго условіяхъ, то есть именно того, чего нельзя было ожидать, даже по простому здравому смыслу, отъ сколько-нибудь разумнаго противника.

Англичане, между тѣмъ, ознакомившись посредствомъ подъемнаго шара съ расположеніемъ противника, держались и здѣсь своей очень разумной тактики этого періода войны, дѣйствовать медленно но увѣренно, и, убаюкивая противника ложными демонстраціями обходить его въ неожиданномъ для него пунктѣ. Эта тактика, старая какъ индійскій походъ Александра и его переправа черезъ Гидаспъ, и на этотъ разъ оказалась успѣшной, здѣсь, при форсированіи южно-африканскаго Вааля.

Временное затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ, послѣдовавшее за моимъ пріѣздомъ въ Фортинстримсъ, дало мнѣ время и возможность производить наблюденія надъ людьми, условіями ихъ военнаго быта и настроеніями, а также узнать подробнѣе условія мѣстности и расположенія войскъ.

Оказалось, что позиціи, т. е. рядъ простѣйшихъ траншей растянутыхъ на нѣсколько миль по берегу Вааля, образуютъ неправильную дугу, хорда которой проходила бы позади главнаго лагеря генерала Дютуа; остальные же лагери (по командамъ) расположены въ пространствѣ между этой чертой и изгибомъ рѣки, вдоль которой они постоянно содержали сторожевые отряды.

Это расположеніе, вполнѣ соотвѣтствовавшее условіямъ мѣстности, представляло одно большое, но неизбѣжное неудобство—очень растянутую боевую линію, требовавшую тѣмъ большей бдительности начальствующаго, что отдѣльныя части, сильно разбросанныя, безъ его распоряженій были не въ состояніи сообразовать свои дѣйствія и своевременно поддержать слабый или атакованный пунктъ. Въ то же время оставалось, конечно, большое пространство берега, вовсе незанятое; и тѣмъ дѣятельнѣе должна была быть здѣсь развѣдочная служба, чтобы своевременно предупредить всякую попытку обойти позиціи и переправиться въ менѣе удобномъ, но незанятомъ пунктѣ берега. Вмѣсто того развѣдочная служба, какъ потомъ оказалось, велась крайне небрежно, можно сказать, совсѣмъ отсутствовала, и Дютуа, устремивъ все свое вниманіе на малѣйшее приближеніе самой незначительной кучки англичанъ къ рѣкѣ, въ мѣстности, непосредственно противоположной его лагерямъ, ни разу не спросилъ себя, куда же дѣваются всѣ войска, на нашихъ глазахъ подвозимыя (иногда въ количествѣ нѣсколькихъ поѣздовъ въ день) по желѣзнодорожной линіи, продолженіе которой по правую сторону Вааля находилось въ нашихъ рукахъ: если они не выдвигаются въ лежащія противъ насъ позиціи, не передвигаются ли они скрытно на который-нибудь изъ фланговъ? Эта непростительная небрежность и дала англичанамъ возможность вполнѣ безпрепятственно совершить свое обходное движеніе со стороны именно Барклей-Веста, послужившаго имъ опорнымъ пунктомъ на этой сторонѣ Вааля. Опасеніе подобной возможности, вѣроятно, и послужило раньше одной изъ побудительныхъ причинъ къ проектированной экспедиціи на этотъ городъ, но не было понято генераломъ Дютуа, упорно державшимся собственной мысли о неизбѣжности фронтальной атаки или, въ крайнемъ случаѣ, попытки англичанъ движеніемъ на Христіанію отрѣзать его отъ главной арміи и базиса внутри страны, а никакъ не прорваться мимо него къ осажденному Меф-

книгу и тѣмъ самымъ принудить всѣ войска, расположенныя по Ваалю, какъ у него, такъ и подъ начальствомъ генераловъ Либенберга и А. Кронье, отступить внутрь страны подъ угрозой быть взятыми съ тылу и буквально истребленными. А между тѣмъ, именно такое движеніе представлялось наиболѣе цѣлесообразнымъ со стороны противника, который, по своему численному превосходству, долженъ былъ стремиться никакъ не раздѣлять нестройныя ополченія бюргеровъ, а только поставить ихъ въ такія условія, гдѣ это его превосходство численностью и вооруженіемъ (многочисленная артиллерія и конница) пріобрѣтало все свое значеніе и упрочивало за нимъ перевѣсъ. Кромѣ того, было понятно, что главную цѣль генерала Гунтера составляло никакъ не усиленіе главной англійской арміи, уже самой по себѣ сильно увеличенной прибывавшими черезъ Капъ свѣжими войсками и, кромѣ того, имѣвшей на своемъ лѣвомъ флангѣ еще самостоятельный корпусъ лорда Метуэна (только что захватившій отрядъ Вильбуа), а скорѣйшее снятіе осады доведеннаго до крайности Мефкинга и для этого, прежде всего, изолированіе небольшого отряда, занятаго этой осадой подъ начальствомъ генерала Снимана и Рольфа Элофа; а для достиженія этой цѣли ему было необходимо вытѣснить Дютуа изъ его позицій по Ваалю, иначе у него въ тылу оказалось бы значительное непріятельское войско, да еще расположенное à cheval на желѣзнодорожной линіи, представлявшей его единственное сообщеніе съ Кимберлеемъ и Капштадтомъ. Въ данныхъ условіяхъ легко было предвидѣть, что обходное движеніе англичанъ слѣдуетъ ожидать на правомъ флангѣ гораздо скорѣе, чѣмъ со стороны Христіаніи, и, конечно, не смущаться безтолковой и безрезультатной пальбой по бѣлымъ палаткамъ и по всякой движущейся точкѣ занятаго лагерями фельда. Но генералъ Дютуа далъ себя совершенно загипнотизировать этой пальбой и выведенной изъ нея имъ самимъ увѣренностью въ неизбѣжности атаки англичанъ на его прибрежныя позиціи, чтобы завладѣть открытой силой продолженіемъ желѣзнодорожной линіи. Въ этомъ убѣжденіи онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на пересѣченіи рѣчной дуги съ желѣзнодорожной линіей и налѣво отъ этого пересѣченія въ сторону Христіаніи. Вслѣдствіе этого, при правильной основной идеѣ расположенія войскъ, получилось у него совершенно ошибочное ихъ распредѣленіе, такъ какъ всѣ лучшіе, самые надежные отряды были сгруппированы на относительно небольшомъ пространствѣ влѣво отъ поврежденнаго желѣзнодорожнаго моста, тогда какъ на большомъ пространствѣ вправо, гдѣ и была настоящая опасность, изъ трансваальскихъ командъ находился только мало надежный, почти деморализованный лихтенбургскій лагерь и далеко въ сторонѣ храбрые, но сильно разбросанные грикуаландцы. Налѣво же

была сосредоточена вся имѣвшаяся здѣсь у буровъ артиллерія. Артиллерійскій лагерь и хоофтлагерь, какъ я уже говорила, по своему положенію слегка господствовали надъ всей мѣстностью и остальными лагерями, разбросанными между ними и рѣкой по изрытой, заросшей кустами части фельда. Въ этой мѣстности передвиженіе въ одиночку или небольшими группами не представляло особенной опасности вслѣдствіе плохой стрѣльбы англійской артиллеріи, даже съ помощью ихъ подъемнаго шара. Того же нельзя сказать о передвиженіи въ позиціяхъ вдоль рѣки или въ ихъ близости, гдѣ опасность грозила не отъ артиллерійской пальбы, а отъ ружейнаго огня англійскихъ стрѣлковъ, расположенныхъ за прикрытіями по своему берегу. Эту опасность очень непріятно испыталъ д-ръ Борнгауптъ, вздумавшій на третій день своего пребыванія въ Фортинстримсѣ поискать по окрестностямъ осколковъ бомбъ, въ сопровожденіи яко бы хорошо знавшей окрестности m-me Fouvenot. Плохо орентируясь, они вышли на открытое мѣсто слишкомъ близко къ рѣкѣ и попали подъ довольно мѣткій огонь англійскихъ стрѣлковъ, такъ что принуждены были залечь въ кустахъ за камнями, не имѣя возможности подняться и приблизиться другъ къ другу, въ случаѣ несчастія, безъ личной серьезной опасности; въ этомъ положеніи они часа 3 должны были дожидаться вечерней темноты, давшей имъ, наконецъ, возможность встать на ноги и добраться домой, гдѣ мы, остальные, не могли объяснить себѣ ихъ исчезновеніе и начинали серьезно безпокоиться.

Темнотой же, по большей части, пользовались и буры лагерей для смѣны сторожевыхъ отрядовъ въ траншеяхъ вдоль рѣки и для возобновленія своего запаса воды; хотя надо сознаться, что яркій свѣтъ луны на открытой полосѣ вдоль самой воды часто дѣлалъ эту послѣднюю предосторожность вполнѣ призрачной, и надѣяться въ этомъ случаѣ приходилось никакъ не на мракъ, а на молчаливое соглашеніе, въ силу котораго противники съ заходомъ солнца не мѣшали другъ другу въ удовлетвореніи этой необходимой потребности. Снисходительность англичанъ, впрочемъ, объясняется отчасти и другимъ соображеніемъ: они иногда намѣренно не препятствовали бурамъ подходить къ рѣкѣ, чтобы дать имъ возможность лично видѣть женщинъ и дѣтей грикуаландскихъ буровъ, задержанныхъ ими въ Уарантонѣ, поселкѣ, лежавшемъ на ихъ берегу, какъ разъ противъ Фортинстримса, и тѣмъ избавить это мѣстечко, гдѣ помѣщались ихъ госпиталь и часть ихъ войскъ, отъ очень мѣткаго огня трансваальской артиллеріи. Съ этой цѣлью англичане допускали женщинъ подходить къ рѣкѣ подъ предлогомъ воды или полосканья бѣлья [1]

[1] Хотя у нихъ имѣлись и колодцы и водоемы (tanks), еще не использованные послѣ недавнихъ дождей.

и переговариваться со своими единоплеменниками нашихъ лагерей. Хотя положеніе плѣнныхъ женщинъ и дѣтей еще совершенно разнилось отъ ужасовъ послѣдующаго періода концентраціонныхъ лагерей, однако, женщины, жившія въ собственныхъ домахъ, окруженныя англійскими солдатами и подъ ихъ присмотромъ, не разъ жаловались на грубыя и безчеловѣчныя выходки и нѣкоторыя пытались ночью перебраться на нашъ берегъ, ближе къ мужьямъ и сыновьямъ, оставляя врагу все свое имущество. Хорошо помню одинъ такой эпизодъ, въ которомъ мнѣ пришлось, хотя недолго, принять участіе.

Въ одно утро, когда д-ръ Веберъ уѣхалъ въ объѣздъ лагерей, сестра Ежевская убиралась въ такъ называемой у насъ докторской, я же занялась хлопотами по хозяйству, передъ нашей небольшой верандой вдругъ вышла изъ кустовъ типичная группа: невооруженный буръ (съ одною палкой въ рукѣ), служившій проводникомъ двумъ женщинамъ—старухѣ и ея снохѣ, несшимъ на рукахъ и тащившимъ за собою шесть прехорошенькихъ дѣвчурокъ отъ 7 лѣтъ до грудной, всѣ старшія, выглядывавшія своими хорошенькими рожицами изъ подъ типичныхъ африканскихъ чепцовъ. Все это мокрое, усталое, передрогшее, такъ какъ они воспользовались темнотой, чтобы выбраться изъ Варантона и перебраться черезъ рѣку; потомъ же должны были въ кустахъ дожидаться утра, чтобы невзначай не набрести на сторожевой постъ, или не блуждать безполезно по незнакомому фельду, гдѣ каждую минуту грозитъ опасность наткнуться на осколокъ камня или провалиться въ рытвину. При этомъ онѣ, конечно, со вчерашняго дня ничего не ѣли и теперь подошли къ нашей амбуланціи, какъ онѣ говорили, попросить пищи, хотя бы за плату. Понятно, какъ я поспѣшила усадить ихъ тутъ же на верандѣ и подать что попало подъ руку: горячаго какао, хотя и на водѣ, съ простыми лагерными сухарями и для ребенка немного изъ нашего скуднаго запаса конденсированнаго молока, сберегавшагося для слабыхъ больныхъ. Какъ жадно бѣдныя дѣти размачивали черствый хлѣбъ въ горячемъ напиткѣ и какъ радостно смотрѣла на нихъ мать. Угощая ихъ, я предвкушала удивленіе доктора Вебера, большого любителя дѣтей, при видѣ на своей верандѣ этихъ шести милыхъ головокъ, выглядывавшихъ изъ своихъ живописныхъ чепцовъ, какъ изъ средины огромнаго бѣлаго цвѣтка. Но женщины торопились отыскать сына и мужа, находившагося въ одномъ изъ дальнихъ лагерей; ихъ проводникъ же былъ просто сосѣдъ, сначала подчинившійся, теперь же тяготившійся англійской окупаціей и въ своемъ бѣгствѣ къ единоплеменникамъ, проявившій все же великодушіе и мужество, согласившись затруднить себя всей этой семьей, такъ увеличивавшей его опасность. Всѣ они отказались отъ моего предложенія отдохнуть

и уложить дѣтей и, немного подкрѣпившись, съ многочисленными выраженіями благодарности, направились къ главному лагерю. Съ тѣхъ поръ я часто вспоминала своихъ кратковременныхъ гостей и въ послѣднее время часто задаю себѣ вопросъ, какова-то была ихъ послѣдующая судьба и многихъ ли изъ нихъ пощадила убійственная обстановка безчеловѣчныхъ концентраціонныхъ лагерей?

Въ то время, впрочемъ, и намъ недолго пришлось пользоваться твердымъ кровомъ. Пасхальное затишье длилось недолго; а при первомъ проявленіи болѣе оживленной дѣятельности со стороны англичанъ намъ пришлось перевести нашу амбуланцію въ палатки.

Переходъ къ этимъ гораздо болѣе тяжелымъ условіямъ существованія былъ результатомъ все той же несчастной идеи генерала Дютуа о неизбѣжности переправы англичанъ вооруженной силой и фронтальной атаки на центръ его позицій у самаго Фортинестримса. Въ этомъ случаѣ нашъ домъ долженъ былъ оказаться въ самомъ центрѣ столкновенія и во всякомъ случаѣ на пути движенія какъ регулярныхъ войскъ, такъ и слѣдовавшихъ за ними мародерскихъ отрядовъ вооруженныхъ кафровъ. Поэтому при усилившейся въ одинъ день случайно канонадѣ — весьма вѣроятно, именно съ намѣреніемъ отвлечь вниманіе отъ фланговъ на главныя позиціи англичанъ. Дютуа, счелъ се подготовкой вымышленнаго имъ движенія, что въ данныхъ условіяхъ являлось тоже нелѣпостью, такъ какъ значило бы трубами и литаврами извѣщать противника о движеніи, имѣвшемъ какіе-нибудь шансы на успѣхъ только при скрытномъ и внезапномъ образѣ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе, Дютуа настоялъ на переходѣ нашемъ, въ видахъ безопасности, въ открытое поле въ тылу лагерей и по сосѣдству съ его хоофтлагеромъ. Для насъ это распоряженіе было въ высшей степени неудобно, такъ какъ принуждало держать больныхъ — тифозныхъ и лихорадящихъ, въ жиденькихъ палаткахъ, служившихъ весьма сомнительной защитой отъ палящаго деннего зноя и наступавшихъ тогда холодныхъ зимнихъ ночей.

Самый нашъ переходъ представляетъ многое, столь характерное, что не могу не остановиться подробнѣе на сопровождавшихъ его событіяхъ. Пришелся онъ какъ разъ на 3-й день Пасхи по нашему русскому счету. Праздникъ Пасхи мы встрѣтили самымъ скуднымъ образомъ, не имѣя, вслѣдствіе незаботѣ о насъ нашего амбуляціоннаго начальства, никакой возможности чѣмъ-либо выдѣлить этотъ день. Меня, какъ завѣдывавшую кухонной частью, особенно огорчала невозможность хоть чѣмъ-нибудь вспомнить русскій обычай встрѣчи Свѣтлаго Праздника; но, какъ я уже говорила, не было возможности ни испечь что-либо похожее на куличъ,

ни достать свѣжаго молока или яицъ среди этой пустынной страны на военномъ положеніи.

Однако, Богъ не безъ милости. Дня за 3 до Пасхи случайно удалось добыть 2 бутылки молока, а такъ какъ именно въ эти дни у насъ случился перерывъ, отсутствіе серьезныхъ больныхъ, то я, безъ зазрѣнія совѣсти, задержала его на творогъ. Вышло, конечно, изъ этого количества молока только небольшой комокъ, но это было все же самое близкое напоминаніе русской пасхи, которое мнѣ удалось доставить товарищамъ русскимъ. Куличъ замѣнила намъ $^3/_4$ жестянки англійскаго печенья, случайно попавшаго въ этотъ отдаленный комиссаріатъ и любезно присланнаго намъ за нѣсколько дней вмѣстѣ съ запасомъ сахара, одно время совсѣмъ отсутствовавшаго. Эта незамысловатая провизія представляла тамъ положительную роскошь и расходовалась съ величайшей осмотрительностью, къ большой обидѣ нашихъ кафровъ, вообще большихъ лакомокъ, а особенно баловня Тома.

Но въ ожиданіи русской Пасхи меня особенно обижалъ недостатокъ яицъ и, какъ казалось, полная невозможность ихъ достать. Можно же себѣ представить мое удивленіе и радость когда въ самый 1-ый день праздника, пока я была занята приготовленіемъ обѣда, передъ окномъ моей кухни выросъ вдругъ кафръ изъ довольно отдаленнаго крааля (кафрской деревни), ободренный сравнительной тишиной послѣднихъ дней и принесшій въ лагерь на продажу дюжину яицъ. Съ восторгомъ набросилась я на нихъ: 8 отложила для возможныхъ слабыхъ больныхъ, 4 же, по числу членовъ амбуланціи, скорѣе положила варить съ сухими луковыми перьями. Вообще мы въ Фортиистримсѣ очень тяготились полнымъ отсутствіемъ овощей, за исключеніемъ гарнца лука, попавшаго къ намъ еще вначалѣ, но до котораго между нами не оказалось охотниковъ, кромѣ M-me Touvenot, готовившей себѣ изъ него какіе-то французскіе супы и маринады. Теперь эти луковицы выручили меня изъ трудной задачи, безъ красокъ подать крашеныя яйца. Когда Томъ увидѣлъ, что я старательно обдираю съ лука всѣ сухія перья и ставлю ихъ варить, онъ, кажется, заподозрилъ, что я мгновенно лишилась всякаго соображенія и сталъ энергично убѣждать меня въ полной негодности «такого супа». Но когда черезъ $^1/_2$ часа я вынула свои яйца окрашенныя по-деревенски въ ровный желтый цвѣть, мой кафренокъ пришелъ въ дикій восторгъ,—заплясалъ съ ужимками по всей кухнѣ и двору и, пожалуй, заподозрилъ меня въ знаніи «такого слова». Я описала ему русскій обычай встрѣчи этого праздника съ цвѣтными яйцами и катанье ихъ, чѣмъ очень его заняла и заинтересовала. Обѣдъ, благодаря этому сюрпризу, былъ очень веселый, но замѣчательно, что эти яйца такъ и

остались единственными, которыя намъ удалось достать за все наше пребываніе къ этой мѣстности.

Послѣ обѣда, когда мы закончили дневную работу и убрались, докторъ, ради нашего русскаго праздника, попросилъ M-me Touvenot замѣнить меня въ приготовленіи ужина и при трехъ неопасныхъ и довольно самостоятельныхъ больныхъ; насъ же, двухъ русскихъ сестеръ, увелъ на длинную прогулку, съ цѣлью показать намъ кафрскій крааль, лежавшій довольно далеко въ сторонѣ отъ лагерей. До краaля намъ не удалось дойти, такъ какъ замѣшкались и принуждены были съ наступленіемъ сумерекъ повернуть обратно. Но впечатлѣніе этой длинной прогулки по необъятному фельду, заросшему блѣдными кустами milk-bush'a [1]), усѣянных кистями легкихъ бѣлыхъ цвѣтовъ, фантастически просвѣчивающихъ при яркомъ вечернемъ освѣщеніи, съ разбросанными вдали палатками и дымками лагерей, а на горизонтѣ, за рѣкою, ясно обрисованными на ясномъ фонѣ заката, профилями англійскихъ позицій — вся эта своеобразная картина съ ея настроеніемъ и красками останется намъ яркимъ воспоминаніемъ на всю жизнь.

Не обошелся нашъ праздникъ и безъ маленькаго военнаго эпизода. Буры, вообще стрѣлявшіе рѣдко и не тратившіе зарядовъ даромъ, уже нѣсколько дней какъ наблюдали за возводившимся англичанами небольшимъ новымъ укрѣпленіемъ—защитой для нѣсколькихъ орудій и выдвинутаго къ рѣкѣ отряда. Наконецъ, въ этотъ день оно было готово, пушки поставлены и отрядъ занялъ свое мѣсто. Тогда на постоянную обычную рѣдкую и безтолковую пальбу англичанъ, трансваальская артиллерія вдругъ отвѣтила десяткомъ частыхъ и хорошо направленныхъ выстрѣловъ. Случилось это какъ разъ передъ солнечнымъ заходомъ, во время нашей прогулки. Сначала, услышавъ частую пальбу своихъ орудій, постоянно молчавшихъ на задирки непріятеля, мы встрепенулись, предполагая возможность какого-либо военнаго сюрприза; потомъ, по направленію выстрѣловъ, мы поняли въ чемъ дѣло. И тутъ я сама видѣла какъ, давъ выстрѣла два для пристрѣла (и то очень близкихъ), молодые бурскіе артиллеристы сряду посадили 6 бомбъ въ самую середину небольшого укрѣпленія, для насъ почти сливавшагося съ окружающей землей. Понятно, что послѣ этого осталось отъ укрѣпленія и занимавшихъ его людей. Несмотря на быстро надвигавшуюся темноту, мы еще различили какъ изъ Варантона выѣхалъ санитарный фургонъ. Затѣмъ

---

[1]) «Молочный кустъ» съ бѣловатыми листьями и кистями мелкихъ бѣлыхъ цвѣтовъ, покрывающій огромныя пространства фельда здѣсь и въ капской колоніи.

все смолкло, успокоилось съ обѣихъ сторонъ; только дальніе отзвуки лагерей, да изрѣдка плескъ воды въ рѣкѣ нарушали тишину ночного фельда. Быстро наступающая темнота этихъ почти тропическихъ странъ и заставила насъ повернуть, не дойдя до цѣли нашей прогулки.

Эта пасхальная прогулка въ Южной Африкѣ оказалась послѣднимъ нашимъ спокойнымъ и свободнымъ днемъ. Серьезныя событія дѣйствительно надвигались. Слѣдующій день прошелъ еще довольно тихо, хотя тревожные слухи о какихъ-то приготовленіяхъ англичанъ все усиливались, и мы сами въ бинокль ясно различали усиленное движеніе военныхъ поѣздовъ по зарѣчной части нашей линіи.

Наконецъ, во вторникъ 11-го апрѣля рано утромъ, еще до восхода солнца, раздался дальній выстрѣлъ и затѣмъ взрывъ лидита уже значительно ближе, чѣмъ намъ приходилось слышать до тѣхъ поръ. За нимъ 2-ой, 3-ій: очевидно, англичане стрѣляли уже не наудачу, а правильно обстрѣливали ближній лагерь.

Въ нѣсколько минутъ всѣ мы были на ногахъ и еще не успѣли позавтракать, какъ прискакалъ посланный изъ лагеря преторійской команды съ извѣстіемъ, что тамъ двое убитыхъ и нѣсколько раненыхъ. Докторъ тотчасъ поспѣшилъ туда верхомъ, захвативъ ящикъ съ необходимѣйшими предметами; и какъ только успѣли привести и впречь лошадей сестра Ежевская (очередная) послѣдовала за нимъ съ санитарнымъ фургономъ. M-me Touvenot пришла въ негодованіе, что первая очередь въ опасный день предоставлена не ей и, набранившись вдоволь, убѣжала по собственному усмотрѣнію глядѣть что гдѣ дѣлается; я же осталась дѣлать кровати и приготовить все къ пріему раненыхъ, а также накормить трехъ уже бывшихъ у насъ больныхъ (изъ нихъ одинъ раненый), къ счастью не лежачихъ и теперь возбужденно слѣдившихъ передъ домомъ за происходившимъ за рѣкою и въ лагеряхъ. Часа черезъ 2 вернулся фургонъ съ сестрою Ежевской и однимъ изъ раненыхъ, получившимъ двѣ раны осколкомъ лидитной бомбы—легкую въ ногу и болѣе серьезную въ бокъ съ повреждѣніемъ печени. Вслѣдъ затѣмъ былъ доставленъ и второй уже въ сопровожденіи доктора и на носилкахъ во избѣжаніе лишнихъ толчковъ, въ страшномъ видѣ отъ ожога лидитнымъ порохомъ и 11-ти ранъ, наполовину оглушенный и совершенно обезображенный близкимъ взрывомъ лидита, съ въѣвшимся въ остатки кожи желто-сѣрымъ-зеленоватымъ цвѣтомъ этого пороха, перемѣшаннаго съ кровью. Отмывъ его, насколько возможно, и сдѣлавъ перевязку, мы, наконецъ, уже въ 1-мъ часу оказались свободны подумать о себѣ, т. е. о пищѣ, особенно необходимой доктору и сестрѣ, ѣздившимъ натощакъ за тяжело ранеными въ наиболѣе опасную часть окрестностей.

Но было суждено, что и поѣсть спокойно намъ въ этотъ день не удастся. Только мы расположились за обѣдомъ, болѣе обыкновеннаго скуднымъ, такъ какъ ожидавшаяся въ этотъ день изъ лагеря провизія, понятно, отсутствовала, какъ передъ нами выросъ вооруженный буръ, въ которомъ мы не сразу узнали почтальона, нашего возницу между Христіаніей и Фортинстримсомъ. Онъ объявилъ намъ, что въ лагерѣ генерала насъ считаютъ погибшими; онъ одинъ рѣшился придти убѣдиться въ нашей участи и, буде мы окажемся живы, передать приказаніе генерала съ возможной поспѣшностью перевести амбуланцію дальше въ поле, за лагери. На насъ, благодушно сидѣвшихъ на верандѣ за рисомъ и чаемъ, это безпокойство произвело даже слегка комичное впечатлѣніе; но потомъ намъ стало ясно, что мы были спокойны именно вслѣдствіе того, что районъ взрыва снарядовъ, все утро довольно къ намъ близкій, передвинулся по направленію между нами и главнымъ лагеремъ, отъ котораго мы, такимъ образомъ, были отдѣлены пылью и осколками взрывовъ и должны были оттуда казаться въ самомъ центрѣ опасности.

Между тѣмъ, приславъ намъ приказъ перенести амбуланцію, генералу Дютуа не пришло въ голову снабдить насъ добавочными средствами передвиженія, нашихъ же муловъ и лошадей едва хватало на перевозку нашихъ больныхъ. Бросить послѣдніе небольшіе запасы на произволъ судьбы и вѣроятное расхищеніе мародерами было совсѣмъ немыслимо въ интересахъ тѣхъ же больныхъ и всей предстоявшей еще намъ дѣятельности. Въ виду этого, было рѣшено, что докторъ съ двумя сестрами, санитаромъ и двумя изъ кафровъ займется перевозкой больныхъ и устройствомъ ихъ на ночь въ полѣ, я же останусь укладывать наши пожитки и, сколько возможно, охранять ихъ цѣлость. Уложивъ все, что было возможно, я занялась приготовленіемъ, изъ послѣдней остававшейся еще у насъ воды, чашки постнаго какао, на случай пріѣзда за мною доктора, которому въ этотъ день положительно не удавалось поѣсть, время отъ времени отвѣчая на запросы бродячихъ кафровъ, проходившихъ съ явнымъ намѣреніемъ убѣдиться не брошенъ ли нашъ домъ и нельзя ли чѣмъ поживиться. Въ неминуемость англійской переправы и свалки вокругъ дома, которой страшалъ насъ Дютуа, я плохо вѣрила; но сознаюсь, что присутствіе этихъ безпокойныхъ полудикихъ типовъ дѣйствовало на нервы тяжелѣе, чѣмъ утренній свистъ и взрывы снарядовъ. На своихъ кафровъ я считала возможнымъ положиться, такъ какъ пожаловаться на насъ они не могли и какъ будто даже къ намъ привязались; но и они, какъ я знала, заразились общимъ броженіемъ всего этого полу-подчиненнаго населенія и неопредѣленнымъ ожиданіемъ какихъ-то благъ отъ прихода англичанъ. Наконецъ, часа въ 4, пріѣхалъ докторъ, которому, между

тѣмъ, довелось быть уже не въ воображаемой только опасности, такъ какъ въ артиллерійскомъ лагерѣ оказались раненые, которыхъ пришлось перевязывать еще подъ усиленной пальбой, при очень близкихъ взрывахъ, такъ что всѣ окружающіе сочли за лучшее отретироваться на разстояніе и онъ остался одинъ съ сестрой Ежевской и нашимъ умнымъ понькой, стоявшимъ преспокойно даже безъ привязи. По окончаніи перевязки всѣ больные были устроены на болѣе безопасномъ мѣстѣ въ общемъ лагерѣ, въ палаткахъ, указанныхъ генераломъ, такъ какъ собственныхъ у насъ не было; выборъ же мѣста для перевязочнаго пункта и устройство на немъ было оставлено до слѣдующаго утра, такъ какъ до тѣхъ поръ нельзя было ожидать серьезной опасности и въ нашемъ домѣ, лошади же устали отъ разъѣздовъ этого дня, да и не представлялось возможнымъ устроиться до наступленія ночи.

Возвращеніе доктора сопровождалось для меня одной не совсѣмъ пріятной неожиданностью. Еще раньше получили мы удивившее насъ извѣстіе, что д-ръ фанъ-Леерсумъ намѣревается пріѣхать въ Фортинстримсъ, какъ онъ выражался «инспектировать» нашъ лазаретъ, хотя для него «инспекція» могла заключаться только въ констатированіи факта, насколько д-ръ Веберъ съумѣлъ, при устройствѣ своего передового пункта, обойтись безъ всякой почти матеріальной поддержки со стороны амбуланціи, въ которой онъ числился старшимъ русскимъ врачомъ и на прямой обязанности начальника которой лежало снабженіе его всѣмъ необходимымъ при его дѣятельности. Столь мало внимательное и справедливое отношеніе къ русскимъ членамъ отряда могло только установить весьма прохладныя отношенія, въ виду которыхъ насъ очень удивило намѣреніе г. фанъ-Леерсума насъ навѣстить, такъ какъ, повторяю, ревизовать ему у насъ ничего не приходилось. Прождавъ его напрасно съ двумя почтами, мы рѣшили, что онъ отмѣнилъ свое намѣреніе, и потому понятно мое удивленіе, увидѣвъ его теперь въ экипажѣ, привезшемъ обратно доктора Вебера. Оказалось, что, вмѣсто того чтобы ѣхать съ почтой, шедшей отъ Клерксдорпа 24 часа, онъ, ради удобства, предпочелъ ѣхать на собственныхъ лошадяхъ, отчего скитался на томъ же разстояніи дня 4—5 безъ точныхъ извѣстій, нечаянно попалъ въ самый безпокойный день, спутался въ общемъ сумбурѣ и, наконецъ, наткнулся на д-ра Вебера, съ которымъ и пріѣхалъ ночевать.

Остался съ нами д-ръ фанъ-Леерсумъ всего до слѣдующаго утра, и я бы даже не стала поминать объ его пріѣздѣ, не имѣвшемъ ровно никакого вліянія на ходъ событій въ амбуланціи, если бы онъ самъ не опубликовалъ еще тогда, въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Африки, болѣе краснорѣчивый, чѣмъ точный и ясный разсказъ объ этой своей поѣздкѣ, и

въ особенности не упомянулъ въ этомъ разсказѣ меня, той опасности, которой я, будто бы, подвергала себя ненужнымъ образомъ и въ которой была оставлена благодаря распоряженіямъ д-ра Вебера. Поэтому считаю нужнымъ возстановить факты.

Напомню сказанное мною, что за водою намъ приходилось ходить довольно далеко на рѣку, уставивъ ведра и всю свободную посуду на маленькую желѣзнодорожную платформу, которую черные катили по рельсамъ до самаго поврежденнаго моста черезъ Вааль, гдѣ мы и спускались за водой. Понятно, что въ описанный мною день, при постоянной ружейной и пушечной стрѣльбѣ, эта поѣздка была отложена, при перевязкахъ же потребовалось значительное количество воды, такъ что оставшійся у насъ запасъ совершенно истощился, и мнѣ даже пришлось буквально отказать въ стаканѣ воды проходившему мимо амбуланціи бюргеру, объяснивъ ему наше непріятное положеніе. Гдѣ и какъ можно было надѣяться добыть воды на слѣдующее утро, представлялось весьма проблематичнымъ; а тутъ еще появился у насъ новый больной, не очень серьезный, но лихорадившій и усиленно просившій пить, тогда какъ у меня не было уже вовсе воды. Въ виду всего этого, я спросила у д-ра Вебера разрѣшенія по темнотѣ отправиться на рѣку съ кафрами. Докторъ сначала отговаривалъ, потомъ, сознавая необходимость добыть воды, предложилъ отправиться за нею самъ, по возвращеніи изъ послѣдней поѣздки въ лагерь къ увезеннымъ туда паціентамъ. Но тутъ ужъ я очень серьезно попросила его дѣлать свое дѣло, очень часто опасное, и не брать еще на себя обязанности, по всей справедливости принадлежавшей намъ, сестрамъ; къ тому же я поставила ему на видъ, что послѣ захода солнца перестрѣлка до сихъ поръ всегда прекращалась и люди, даже при яркомъ лунномъ освѣщеніи, безпрепятственно выходили на берегъ, а если бы въ этотъ день по нечаянности вздумали отступить отъ этого обычая, то въ тогдашнюю безлунную темноту были всѣ шансы на промахъ отъ врага, плохо попадавшаго и среди бѣла дня.

Отпустивъ доктора въ объѣздъ, я собрала черныхъ и посуду и по первой темнотѣ двинулась съ ними къ рѣкѣ. До этого времени д-ръ фанъ-Леерсумъ не оказывалъ моему намѣренію ни малѣйшаго сопротивленія и даже помогъ мнѣ настоять на повиновеніи кафровъ, привыкшихъ ночью быть свободными отъ работы и, кромѣ того, не долюбливавшихъ поѣздки на рѣку. На мое несчастье, не успѣли мы отойти десяти шаговъ отъ амбуланціи, какъ навстрѣчу намъ попалась группа лицъ, весьма хорошо намъ извѣстныхъ какъ самыхъ отчаянныхъ трусовъ изъ наиболѣе деморализированнаго лагеря, именно лихтенбургскаго; даже не буровъ, а нѣмцевъ, попавшихъ въ Трансвааль, вѣроятно, на золотые пріиски, ока-

завшихся безъ способовъ существованія и не примкнувшихъ къ нѣмецкому отряду Европейскаго Легіона, вѣроятно, потому, что служба въ немъ предполагала все же значительную опасность, чего они больше всего избѣгали. Какъ эти лица попали на опасный фортинстримскій фронтъ, я такъ и не знаю, да и не интересовалась, но фактъ тотъ, что пристроившись къ лагерю въ это время наименѣе отличавшемуся удалью, они проводили время въ отыскиваніи безопасныхъ мѣстъ и росказняхъ о разныхъ воображаемыхъ опасностяхъ, которымъ, яко бы, сами подвергались и отъ которыхъ предостерегали другихъ; за этимъ дѣломъ одинъ изъ нихъ особенно часто скитался въ амбуланцію подъ разными болѣе или менѣе благовидными предлогами, такъ что намъ ихъ психологія и цѣнность сообщаемыхъ ими свѣдѣній были вполнѣ извѣстны. Теперь, вѣроятно, пролежавъ весь день въ наиболѣе безопасной части своихъ позицій, они, съ темнотой и прекращеніемъ стрѣльбы, шли куда-то мимо насъ и, увидѣвъ мои сборы, подняли страшный гвалтъ на предстоявшіе мнѣ ужасы, чѣмъ совершенно сбили съ толку д-ра фанъ-Леерсума, вообще недолюбливавшаго рискъ и сильно рисовавшагося передъ посторонними, особенно европейцами, своими заботами о безопасности ввѣренныхъ ему сестеръ. Въ извиненіе ему, должна сказать, что, не зная типовъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, и не обладая большой психологической прозорливостью, онъ не могъ отдать себѣ отчета, насколько преувеличены ихъ опасенія, меня же выслушать, конечно, не захотѣлъ и кончилъ тѣмъ, что, по совѣту своихъ новыхъ знакомыхъ, въ теченіе трехъ часовъ заставлялъ кафровъ черпать воду изъ указаннаго ими отдаленнаго, почти изсякшаго колодца, за неимѣніемъ веревки и невозможностью спустить туда ведро, прикрѣпивъ жестянку изъ подъ консервовъ (объемомъ не больше 5 сардиночныхъ коробокъ) на проволоку, выдерганную изъ окружающихъ изгородей. Можно себѣ представить сколько времени потребовалось, чтобы добыть, такимъ образомъ сколько-нибудь приличное количество воды, и каюсь, что такое терпѣніе и изобрѣтательность, во избѣжаніе минутной опасности, и то проблематической, было ужъ вовсе не въ русскомъ характерѣ. Въ результатѣ, прождавъ воду два лишнихъ часа, мнѣ пришлось еще почти всю остальную ночь заниматься подготовленіемъ чего-нибудь съѣдобнаго, чтобы передъ выѣздомъ, назначеннымъ на разсвѣтѣ, отпустить всѣхъ на работу не совсѣмъ голодными.

Хотя его не безпокоили, подобно мнѣ, хозяйственныя заботы, однако, ночные труды не заставили д-ра фанъ-Леерсума проспать разсвѣтъ; онъ поднялся раньше всѣхъ и поднялъ всѣхъ насъ еще задолго до восхода солнца. Закусивъ наскоро приготовленнымъ мною за ночь, нашъ послѣдній больной съ сестрой Ежевской и частью вещей былъ отправленъ, и за

ними долженъ былъ тотчасъ послѣдовать д-ръ Веберъ для осмотра вчерашнихъ раненыхъ, прінсканія мѣста для амбуланціи, объясненія съ генераломъ и членами комиссаріата насчетъ отсутствовавшихъ у насъ палатокъ, и тому подобное. Мнѣ же онъ сказалъ, что проситъ меня опять остаться на мѣстѣ до окончательнаго вывоза амбуланціоннаго имущества и прибавилъ, что оставляетъ мнѣ повозку, на случай, если бы мое пребываніе здѣсь сдѣлалось безцѣльнымъ образомъ опаснымъ. Тутъ фанъ-Леерсумъ, собиравшійся уже покинуть насъ послѣ столь кратковременнаго визита, опять поднялъ страшный протестъ, обвиняя д-ра Вебера въ невниманіи къ безопасности ввѣреннаго ему персонала и тому подобное. На это д-ръ Веберъ основательно отвѣтилъ ему, что прежде всего совершенно необходимо сохранить небольшіе запасы амбуланціи, самъ онъ не можетъ далѣе откладывать осмотръ вчерашнихъ раненыхъ и что хотя ему непріятно оставлять меня въ возможной опасности, но на сестеръ нельзя смотрѣть, какъ на дамъ, пріѣхавшихъ въ Африку изъ любопытства, а какъ на людей, исполняющихъ серьезный долгъ и обязанныхъ, въ случаѣ необходимости, подвергать себя неудобствамъ и даже опасности. Затѣмъ, видя что эти теоретическія разсужденія могутъ затянуться безъ конца, д-ръ Веберъ повторилъ мнѣ свои инструкціи на случай все ожидавшейся переправы англичанъ и ушелъ по своему дѣлу, у меня же съ д-ромъ фанъ-Леерсумомъ произошелъ разговоръ, въ которомъ онъ приписываетъ мнѣ столь краснорѣчивыя и умилительныя слова насчетъ исполненія долга русскими. Должна сознаться, что я лично такихъ своихъ героическихъ и умилительныхъ выраженій не припоминаю, но помню хорошо, что на его совѣтъ побросать все и удалиться, подъ отвѣтственностью его, начальника отряда, я отвѣтила, что не знаю какъ у нихъ смотрятъ на подобныя вещи, у насъ же такой поступокъ считается постыднымъ и, кромѣ того, я позволю себѣ замѣтить, что мы такъ плохо снабжены даже самымъ необходимымъ, что, если теперь, еще не видя опасности, я вздумаю «бросить все это», намъ останется уѣхать вовсе изъ Фортинстримса, такъ какъ мы будемъ лишены всякой возможности исполнять наши обязанности. На его неизсякавшій потокъ обвиненій противъ д-ра Вебера, о которомъ, думаю, вспоминаютъ съ искренней дружбой и уваженіемъ всѣ имѣвшіе случай работать съ нимъ вмѣстѣ, я, наконецъ, разсердилась и отвѣтила, что д-ръ Веберъ съ тѣхъ поръ, какъ мы находимся у этого фронта, такъ постоянно пренебрегалъ своей личной безопасностью въ исполненіи своего долга, что пріобрѣлъ полное право требовать отъ другихъ такого же отношенія къ дѣлу; если же онъ теперь «покидаетъ» меня, по выраженію фанъ-Леерсума, то не для того, чтобы избѣгнуть опасности, какъ онъ самъ могъ въ этомъ

убѣдиться наканунѣ. На это фанъ-Леерсумъ, очевидно, нѣсколько конфузившійся своего посиѣшнаго и въ сущности немотивированнаго отъѣзда, сталъ меня увѣрять, что никакъ не можетъ остаться здѣсь или оставить мнѣ Нивенгеуза[1]). Я отвѣтила что не прошу его оставаться, никакой помощи мы отъ него не ждемъ и обойдемся безъ него, какъ до сихъ поръ обходились.

Сознаюсь, что это было далеко не любезное обращеніе съ начальникомъ отряда, въ концѣ концовъ все же, изъ какихъ бы ни было побужденій, заботившемся о моей личной безопасности; полагаю, однако, что обстоятельства объясняютъ и даже извиняютъ нѣкоторую рѣзкость моихъ выраженій. Но никогда не забуду форму, въ которую д-ръ фанъ-Леерсумъ нашелся облечь свое окончательное прощанье съ сестрой, оставляемой на отвѣтственномъ и опасномъ посту: «Nun Schwester, wenn ich sie niemals wider sehe». (Ну сестра, если я васъ больше никогда не увижу). Я расхохоталась и отвѣтила: «Sein sie nur ruhig, Herr doctor, Unkraut vergeht nicht, sie werden noch dass Vergnügen haben mich widerjusehen.» (Будьте спокойны, г-нъ докторъ, я не такъ легко погибаю, Вы еще будете имѣть удовольствіе со мною увидѣться»).

Жаль мнѣ только было Нивенгеуза, явно негодовавшаго и желавшаго остаться у насъ. О немъ, какъ и о его товарищахъ, я сохранила самое лучшее воспоминаніе за ихъ помощь и вниманіе.

Послѣ отъѣзда фанъ-Леерсума я осталась одна съ Томомъ, котораго, впрочемъ, пробовала отослать, объясняя ему, что помочь мнѣ до возвращенія остальныхъ онъ ничѣмъ не можетъ и только свяжетъ меня, если бы его случайно ранило все не вполнѣ молчавшей стрѣльбой. Но Томъ наотрѣзъ отказался меня оставить, объявивъ, что разъ я могу здѣсь оставаться, то можетъ оставаться и онъ, и все равно онъ теперь не знаетъ, куда идти отыскивать нашихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый мальчишка, понимая, какія привилегіи дастъ ему его добровольное пребываніе со мною, позволилъ себѣ нѣсколько не очень лестныхъ разсужденій насчетъ посиѣшнаго отъѣзда д-ра фанъ-Леерсума и всего его пребыванія у насъ, единственнымъ результатомъ котораго, по его словамъ, чуть не была безвременная гибель его, poor Tommy, въ томъ колодцѣ, въ который онъ среди ночи заставлялъ его лазить проволоками. Пришлось, конечно, остановить маленькаго нахала, а часа черезъ 2 мы дождались

---

[1]) Очень толковый санитаръ-голландецъ, котораго мы и желали имѣть въ Фортинстримсѣ (до присылки фанъ-деръ-Говена), привезенный имъ теперь для личныхъ услугъ себѣ и ухода за лошадьми, что могъ бы исполнять любой кафръ.

экипажа съ остальными кафрами и послѣ дня, проведеннаго въ утомительныхъ хлопотахъ и странствіяхъ подъ жгучимъ солнцемъ, мы къ вечеру оказались уже довольно сносно устроенными въ своей новой обстановкѣ.

Комисаріатъ доставилъ намъ необходимыя палатки, довольно плохого качества, конечно, не шедшія въ сравненіе съ усовершенствованными предметами, вывезенными амбуланціей изъ Европы. Въ лучшей изъ палатокъ было устроено нѣчто въ родѣ операціонной, а также складъ лекарствъ и перевязочнаго матеріала; тамъ же ночью спалъ докторъ, по недостатку другого защищеннаго мѣста. Другая палатка побольше была отдана подъ больныхъ и, наконецъ, послѣдняя, смежная, намъ, сестрамъ. Кафры кое-какъ устраивались въ эти свѣжія ночи подъ повозкой, около того мѣста, гдѣ днемъ, закрытая кустами, находилась наша кухня, т. е. попросту желѣзная рѣшетка одного изъ разрушенныхъ домовъ Фортинстримса, приподнятая на четырехъ разряженныхъ бомбахъ, поставленныхъ стоймя. Здѣсь, какъ на плитѣ, устанавливались наши кострюли и чайники. Широкая доска, тоже изъ бывшаго станціоннаго дома, укрѣпленная на двухъ пустыхъ ящикахъ, замѣняла намъ обѣденный столъ, по необходимости стоявшій на самомъ припекѣ, такъ какъ мы не могли позволить себѣ роскоши столовой палатки; деревья же представляли въ этой мѣстности величайшую рѣдкость, такъ что служили прямо маяками по однообразному, безконечному фельду. Около нашей стоянки не оказалось ни одного, да и вообще здѣсь они мало тѣнисты. Приходилось мириться съ этимъ неудобствомъ и радоваться, что догадались еще взять изъ дома нѣсколько стульевъ, такъ что за этимъ импровизированнымъ столомъ можно было сидѣть сколько-нибудь удобно.

Главнымъ недостаткомъ нашей стоянки, какъ и всѣхъ вообще расположенныхъ въ этой мѣстности лагерей, былъ недостатокъ воды, такъ какъ, несмотря на названіе мѣстечка Фортинстримсъ — по-голландски Фортинстроменъ — «14 источниковъ», источники эти мы такъ и не видали, кромѣ одного полусухого колодца, которымъ по разнымъ причинамъ нельзя было пользоваться. Миляхъ въ 3—4 отъ нашей новой стоянки, за предѣлами мѣстности, занятой лагерями, былъ хорошій многоводный источникъ, и туда ежедневно одинъ или два раза ѣздили на мулахъ съ цинковымъ ящикомъ—tank (мѣстнымъ хранилищемъ дождевой воды), взятымъ изъ разрушеннаго зданія станціи. Въ этомъ ящикѣ привозили запасъ воды для главнаго лагеря генерала Дютуа, откуда и намъ отпускалось ведра 3—4 въ сутки, очень порядочное количество при этомъ небольшомъ запасѣ и, однако, совершенно недостаточное для всѣхъ нуждъ санитарнаго отряда въ 9 человѣкъ (бѣлыхъ и черныхъ),

кромѣ больныхъ. Въ видѣ подспорья мы были принуждены обращаться къ такъ-называемому пруду или, скорѣе, грязной ямѣ съ отвратительно мутной водой, вблизи главныхъ артиллерійскихъ позицій. Пить эту воду мы сначала совершенно отказывались; но когда впослѣдствіи англичане надумались обстрѣливать дорогу, по которой ѣздили за ключевой водой, намъ поневолѣ пришлось помириться съ неизбѣжностью. Но даже тогда, когда «танкъ» благополучно совершалъ свое путешествіе, одной изъ насъ съ черными почти ежедневно приходилось отправляться въ артиллерійскій лагерь для мытья бѣлья, что мы дѣлали, черпая ведрами въ лахань, чтобы своей стиркой не отравить еще больше и безъ того сомнительную воду. Полагаю, что буры были на этотъ счетъ менѣе аккуратны. Во всякомъ случаѣ, тутъ же топтались и пили всѣ лошади, мулы и быки окрестныхъ лагерей, и здѣсь же иногда разрывались предназначенные артиллеристамъ лидитные снаряды, засыпая воду осколками, окрашенными въ вонючій порохъ. Понятно, что принужденные крайностью употреблять эту воду для питья, мы дѣлали это не иначе, какъ прокипятивъ ее, въ видѣ слабаго чая, чтобы замаскировать ея цвѣтъ. Но отъ окружавшихъ насъ буровъ было невозможно добиться этой предосторожности — кипяченья — и ужасная вода, конечно, была причиной не одного заболѣванія, особенно въ расположенномъ близъ нея артиллерійскомъ лагерѣ.

Другое неудобство лагерной жизни, отъ котораго мы были избавлены до перекочевки въ поле, это ночной холодъ начинавшагося тогда въ Трансваалѣ зимняго времени. Низкая температура, наступающая тотчасъ по заходѣ солнца, особенно чувствительная по контрасту съ очень сильнымъ дневнымъ зноемъ, сопровождается обильной и страшно холодной росой, пронизывающей насквозь всякіе платки и одѣяла, кромѣ благодатной бурки, по счастью, захваченной мною изъ Россіи. Польза бурки особенно сказывалась во время ночныхъ дежурствъ, когда, по недостатку мѣста въ больничной палаткѣ, часто приходилось проводить ночь на открытомъ воздухѣ, вытянувшись на лазаретныхъ носилкахъ, чтобы не лежать или сидѣть прямо на землѣ.

Но кромѣ этихъ неудобствъ, даже въ самыхъ элементарныхъ вопросахъ комфорта, намъ очень скоро стало ясно, что новое положеніе амбуланціи сопряжено съ гораздо большей опасностью, чѣмъ прежнее, разъ не оправдалось ожиданіе вооруженной переправы въ ея непосредственномъ сосѣдствѣ. Въ прежнемъ положеніи, на довольно замѣтномъ домѣ въ близкомъ разстояніи отъ рѣки (т. е. гораздо ближе къ англичанамъ) и на значительномъ разстояніи отъ военныхъ лагерей, нашъ бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ былъ ясно видѣнъ англичанамъ, чему я приписываю отсутствіе несчастныхъ случаевъ въ нашей непосредственной бли-

зости, хотя, при усиленномъ обстрѣливаніи наиболѣе близкихъ лагерей и особенно лежавшаго прямо за нами по тому же направленію хоофілагера, многіе снаряды неизбѣжно пролетали надъ нами, и нѣкоторые (недолеты) иногда рвались ближе, чѣмъ было совмѣстимо съ чувствомъ полной безопасности. Впрочемъ, мы скоро научились различать свистъ снаряда на полномъ лету отъ его характернаго звука на излетѣ, и, повторяю, въ намѣренномъ обстрѣливаніи амбуланціи англичане въ данное время не могутъ быть обвинены. Совершенно иначе стало дѣло, когда мы, по настоянію генерала Дютуа и въ видахъ большей безопасности перевели амбуланцію въ открытое поле. Значительно удаленный отъ рѣки, затѣрянный среди бѣлыхъ точекъ остальныхъ лагерей, нашъ флагъ врядъ ли выдѣлялся достаточно для англійскихъ артиллеристовъ, удаленныхъ отъ насъ миль на 6—8, хотя большинство изъ свѣдующихъ людей, съ которыми мнѣ случалось объ этомъ говорить, сходятся на томъ, что флагъ долженъ былъ быть ясно виденъ съ подъемнаго шара, явно руководившаго дѣйствіями непріятельской артиллеріи и поднятіе котораго, вслѣдствіе этого, внушало величайшій ужасъ нашимъ чернымъ. Какъ бы то ни было, въ этомъ новомъ положеніи мы подвергались уже обстрѣливанью наравнѣ съ окружавшими насъ лагерями и только плохой прицѣлъ англійской артиллеріи избавилъ насъ отъ болѣе серьезныхъ послѣдствій этого обстрѣливанья.

При ихъ же системѣ давать сначала недолетъ шаговъ на 100, затѣмъ такой же перелетъ, и только выпустивъ зарядовъ 6 вокругъ васъ по разнымъ направленіямъ, начать пристрѣливаться уже на дѣйствительно опасное разстояніе, мы всегда, до десятаго выстрѣла, уже дѣйствительно очень близкаго, успѣвали благополучно спустить палатки или закрыть ихъ темными одѣялами и брезентами, чтобы скрыть отъ непріятеля привлекавшія его вниманіе бѣлыя точки: послѣ чего онъ благополучно переносилъ свою стрѣльбу на другой замѣченный имъ пунктъ. Жертвъ этой стрѣльбы, однако, было очень мало, и хирургическіе случаи продолжали у насъ почти отсутствовать.

Въ краткое посѣщеніе насъ начальникомъ отряда д-ромъ фанъ-Леерсумомъ д-ръ Веберъ заявилъ ему, что, въ виду окончанія срока его обязательства передъ русско-голландскимъ комитетомъ и конца его отпуска въ Россіи, онъ проситъ позаботиться о замѣнѣ его другимъ врачомъ. Тогда же, на вопросъ начальника отряда, я заявила о своемъ желаніи остаться, насколько это окажется нужнымъ, и о своей полной готовности продолжать работать съ преемникомъ д-ра Вебера въ Фортинстримсѣ, или же въ другомъ мѣстѣ, смотря по обстоятельствамъ. Нѣсколько времени спустя д-ръ фанъ-Леерсумъ извѣстилъ насъ, что на смѣну д-ру Ве-

беру ѣдетъ д-ръ Ромейнъ, младшій голландскій хирургъ подчиненнаго д-ру Веберу отдѣленія, человѣкъ весьма знающій, энергичный, съ которымъ у насъ, русскихъ, и въ частности у меня, были очень хорошія отношенія.

Въ то самое время, когда мы помогали д-ру Веберу собрать и уложить его немногочисленныя вещи, вдругъ неожиданно поднялась особенно сильная пальба, и черезъ нѣсколько минутъ намъ пришлось убѣдиться, что на этотъ разъ опасность совершенно серьезна и прицѣлъ англичанъ исключительно близокъ и настойчивъ. Въ виду этого, мы, по распоряженію доктора, захватили, кромѣ личныхъ денегъ и документовъ, нѣсколько предметовъ первой необходимости,—фляжки съ водою, небольшое количество перевязочнаго матеріала, нѣсколько одѣялъ—и занялись переводомъ больныхъ къ поле, на безопасное растояніе отъ обстрѣливаемыхъ палатокъ. Больныхъ у насъ въ это время, по счастью, оказалось всего двое, да и то не лежавшихъ, а два мальчика 16-ти и 17-ти лѣтъ, поправлявшихся у насъ отъ общаго истощенія, плода лагерной жизни, и легкаго приступа лихорадки. Должна отдать имъ справедливость, что близкая опасность вовсе ихъ не испугала; они съ интересомъ, перекидываясь чисто мальчишескими выходками, слѣдили за полетомъ и взрывомъ снарядовъ и весьма неохотно уходили съ мѣста, откуда открывался болѣе ясный видъ на окресность, пока я не замѣтила имъ, что, рискуя такимъ образомъ собою, они въ то же время подвергаютъ ненужной опасности и меня, такъ какъ я не имѣю права уйти, оставивъ въ опасности своихъ больныхъ; на этотъ доводъ они тотчасъ и безпрекословно за мною послѣдовали.

Изъ этого нашего ухода въ поле у меня очень ярко осталась въ памяти комическая фигура шакала, которые во множествѣ ютились по всему полю, выходя на добычу только ночью. Теперь лидитную бомбу взорвало у самой норы несчастнаго звѣря, такъ что онъ, совершенно одурѣлый, поджавши хвостъ, выскочилъ изъ другого выхода и промчался по самому лагерю, уже вовсе не стѣсняясь нашей близостью.

Опасность на этотъ разъ продолжалась, впрочемъ, недолго; усиленная пальба велась всего часа полтора, и къ заходу солнца мы уже вновь ужинали на привычномъ мѣстѣ въ убѣжденіи, что, по крайней мѣрѣ на ночное время, мы вполнѣ гарантированы спокойствіемъ. Надежда эта, однако, не оправдалась. Только что мы разошлись по палаткамъ и улеглись, чтобы съ первымъ свѣтомъ быть готовыми на всѣ случайности, какъ раздался необычайный въ это время выстрѣлъ, свистъ пролетающаго снаряда и затѣмъ взрывъ его, болѣе близкій, чѣмъ всѣ дневные. Впечатлѣніе получилось такое, точно взорвало у самой больничной палатки, гдѣ

эту ночь дежурила сестра Ежевская. Тутъ я вполнѣ оцѣнила принятую мною привычку никогда не раздѣваться въ полѣ, даже при возможности устроить постель, а только распускать поясъ и (не всегда) снимать сапоги. Пока m-me Touvenot металась по палаткѣ въ одной рубашкѣ, въ переполохѣ не находя самыхъ необходимыхъ предметовъ, я была уже у больничной палатки, куда почти одновременно подбѣжалъ и докторъ. Въ эту минуту раздался новый выстрѣлъ и затѣмъ типичный свистъ снаряда на излетѣ, на этотъ разъ такъ близко, что я невольно дернула головой, почувствовавъ надъ ней движеніе воздуха. Затѣмъ въ нѣсколькихъ саженяхъ оглушительный взрывъ, самый близкій изъ выдержанныхъ нами. Слѣдующій взрывъ почти неизбѣжно долженъ былъ послѣдовать уже въ самомъ лагерѣ. Въ нѣсколько минутъ больные были подняты, полуодѣтые завернуты въ одѣяла и уведены въ поле дежурною сестрой; докторъ и я послѣдовали за ними, захвативъ изъ палатокъ нѣсколько необходимыхъ предметовъ; съ нами была и одѣтая, наконецъ, m-me Touvenot.

На эту ночь, впрочемъ, все ограничилось этими двумя выстрѣлами, вѣроятно, наставленными еще днемъ, но не выпущенными. Прождавъ въ полѣ съ часъ времени, мы рѣшили до разсвѣта вернуться въ палатки, а тамъ уже посмотрѣть, есть ли необходимость переносить нашъ лагерь въ болѣе безопасное мѣсто, или эта усиленная стрѣльба по немъ была чистою случайностью. Только зажигать огонь докторъ намъ запретилъ, хотя, при неумѣньи англичанъ разсчитать разстояніе среди бѣла дня, врядъ ли было возможно для нихъ прицѣлиться на свѣтъ.

Съ разсвѣтомъ насъ ожидалъ новый сюрпризъ. Поднявшись еще раньше обыкновеннаго, мы были удивлены перемѣной окружающаго насъ пейзажа. Оказалось, что генералъ Дютуа, напуганный больше насъ взрывами, потревожившими и его лагерь, ночью переѣхалъ со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, ни словомъ не предупредивъ сосѣднюю съ нимъ амбуланцію, бывшую въ полной отъ него зависимости, для своего запаса воды и, отчасти жизненныхъ припасовъ.

Но что гораздо важнѣе въ военномъ отношеніи и объясняется развѣ полной неспособностью и растерянностью—онъ не далъ знать также о перенесеніи своей главной квартиры ни въ одинъ изъ подчиненныхъ ему лагерей, такъ что къ намъ, на перевязочный пунктъ, въ теченіе всего этого и отчасти слѣдующаго дня пріѣзжали гонцы изъ разныхъ лагерей съ вопросомъ: «Wars de General?» «Wars general Du Toit sein laager?» А между тѣмъ именно въ эти дни обнаружилось обходное движеніе англичанъ, напавшихъ на крайній правый флангъ буровъ.

Да и мы только къ вечеру отыскали его новое мѣстопребываніе;

пока же докторъ, осмотрѣвшись, рѣшилъ передвинуться еще дальше отъ рѣки въ сосѣдство одного изъ лагерей, гдѣ мы, по крайней мѣрѣ, могли позаимствоваться водой и кое-какой провизіей. Тамъ къ вечеру отыскалъ насъ д-ръ Гомейнъ, но, конечно, объ отъѣздѣ въ этотъ же день Ѳ. К. Вебера не было и рѣчи, такъ какъ онъ не захотѣлъ оставить насъ и вновь прибывшаго товарища въ столь неопредѣленномъ положеніи. Но не успѣла уйти слѣдующая почта, какъ произошли рѣшительныя событія, совершенно измѣнившія и наше положеніе, и весь ходъ военныхъ дѣйствій.

Прежде всего обнаружилось, наконецъ, обходное движеніе англичанъ нападеніемъ ихъ на крайній правый флангъ буровъ. Для характеристики веденія дѣла въ войскѣ генерала Дютуа интересно, что появленію непріятеля въ этомъ пунктѣ сначала не придали значенія и не сдѣлали никакой попытки разузнать его положеніе и численность, а тѣмъ болѣе отбросить его обратно за рѣку. Такъ, докторъ Веберъ, вызванный въ крайній грикуаландскій лагерь для перевязки нѣсколькихъ раненыхъ при первой перестрѣлкѣ, не видалъ тамъ ничего необычнаго и слышалъ только о стычкѣ со случайно перебравшимся черезъ рѣку непріятельскимъ отрядомъ. Что этотъ отрядъ представляетъ авангардъ правильнаго флангового движенія, базированнаго на Барклей Вестѣ, никому, кажется, и въ голову не приходило, и только поздно вечеромъ, получивъ, наконецъ, тревожныя свѣдѣнія, самъ Дютуа съ небольшимъ отрядомъ и двумя орудіями по темнотѣ двинулся было по этому направленію, но сбился и, чуть не попавъ въ руки англичанъ, поспѣшно отступилъ и отдалъ приказъ всеобщаго отступленія на Христіанію съ разсвѣтомъ.

Въ надеждѣ скрыть это движеніе бурская артиллерія съ утра 6-го мая отвѣчала на усиленный огонь всей англійской артиллеріи, закрывавшей, какъ оказалось, наступленіе своего передового отряда уже по правому берегу Вааля къ центру нашихъ позицій. При этомъ особенно вредно отозвался единственный крупный недостатокъ этихъ позицій — ихъ непомѣрная растянутость, вслѣдствіе чего начальники отдѣльныхъ командъ были лишены возможности лично слѣдить за общимъ ходомъ дѣлъ и проявленіемъ личной иниціативы, столь свойственной болѣе талантливымъ между бурами, поправить дѣло, что вначалѣ было еще возможно, а безпрекословно отступили по приказу бездарнаго и растерявшагося начальника.

Мы въ это время, не зная ничего положительнаго, но видя, что обстрѣливается почти одинаково вся мѣстность, сидѣли въ своемъ лагерѣ въ ожиданіи посланныхъ за врачебной помощью. Канонада все усиливалась; между взрывами лидитныхъ снарядовъ слышалась сухая стукотня maxim'овъ. Обстрѣливалась всякая мало-мальски замѣтная точка поля, между прочимъ, и наши палатки, такъ что мы были принуждены совер-

шенко ихъ спустить, а полотняный верхъ санитарнаго фургона закрыть темными одѣялами. Передвинуться же на другое мѣсто не было возможности, чтобы въ критическую минуту не заставлять себя искать.

Жутко проходили часы неизвѣстности. Зная отмѣченную уже мною деморализацію нѣкоторыхъ лагерей и общую безтолковость веденія дѣла, мы не предвидѣли ничего хорошаго, но все же не ожидали столь быстрой развязки. Около часу дня прискакалъ одинъ изъ вѣстовыхъ генерала съ вопросомъ, почему мы не слѣдуемъ за войскомъ, которое уже съ 9-ти часовъ утра отступаетъ на Христіанію; если мы еще промедлимъ, то, несомнѣнно, попадемъ въ руки англичанъ, уже занимающихъ Фортинстримсъ. На вопросъ доктора, не было ли столкновенія, послѣдовалъ отвѣтъ, что гдѣ-то дрались и есть убитые и раненые, но гдѣ именно, онъ самъ не знаетъ. Тогда, помня Спіонскопъ, гдѣ раненые буры три дня валялись безъ глотка воды на позиціи, занятой англичанами, докторъ Веберъ рѣшилъ дождаться перваго англійскаго отряда, въ надеждѣ, что отъ офицера мы узнаемъ, гдѣ именно дрались, и получимъ возможность оказать посильную помощь особенно своимъ раненымъ. Это рѣшеніе онъ поручилъ посланному сообщить генералу Дютуа, намъ же велѣлъ окончательно приготовить все нужное для немедленнаго выступленія.

Послѣдующіе часы прошли въ еще болѣе томительномъ ожиданіи. Время отъ времени проѣзжали и проходили отсталые изъ лагерей, часто просившіе пить, иногда сваливавшіеся на минутный отдыхъ, но тотчасъ опять подымавшіеся, чтобы, по возможности, догнать своихъ и не попасться въ плѣнъ. Но и среди этихъ печальныхъ картинъ полной военной неудачи насъ поражали факты, ярко иллюстрирующіе характерную для буровъ черту отсутствія у нихъ паники, сохраненія полнаго самообладанія при отступленіи. Такъ, одинъ изъ послѣднихъ отсталыхъ, молодой малый, на нашихъ глазахъ, смѣясь, выстрѣлилъ вслѣдъ слишкомъ быстро удиравшему товарищу, чтобы напугать его мнимымъ преслѣдованіемъ лансеровъ. На наши удивленные вопросы давъ намъ это объясненіе, онъ указалъ намъ въ сторонѣ Фортинстримса облако пыли, говоря, что лансеры еще только тамъ. Это указаніе, вполнѣ вѣроятное, такъ какъ больше и некому было въ той сторонѣ двигаться быстро и массами, довело наше ожиданіе до высшей степени напряженія. Но, какъ оказалось впослѣдствіи, англичане были такъ удивлены своей легкой удачей, что двигались только съ величайшей осмотрительностью, держась рѣки и желѣзнодорожной линіи, подъ близкимъ прикрытіемъ своихъ орудій. Это обстоятельство, избавивъ насъ отъ плѣна, спасло, конечно, не малое число людей въ войскѣ Дютуа, подвергавшемуся серьезной опасности вслѣдствіе безпорядка и безтолковости своего отступленія.

Въ газетахъ (наприм., Volkstem) появилось впослѣдствіи нѣсколько отчетовъ и замѣтокъ, объяснявшихъ это отступленіе глубокими тактическими соображеніями и хвалившихъ его образцовый порядокъ. Но мы, бывшіе тамъ, видѣвшіе своими глазами и принимавшіе въ немъ участіе, знаемъ, насколько фантастичны эти свѣдѣнія. Достаточно сказать, что во всѣхъ лагеряхъ было оставлено такое количество провизіи, платья и разнаго добра, что всѣ окрестные черные сбѣжались туда на грабежъ, и намъ стоило большого труда помѣшать нашимъ кафрамъ принять въ немъ участіе. Многимъ они, кажется, впрочемъ, все же успѣли поживиться. Еще серьезнѣе другая подробность, ужъ по необходимости включенная въ оффиціальныя донесенія: отступая среди бѣла дня и безъ непосредственной атаки непріятеля, не нашли возможнымъ увезти всѣ орудія, а также оставили бо́льшую часть амуниціи. Все это не досталось англичанамъ потому только, что излишняя осмотрительность помѣшала имъ дойти до брошеннаго артиллерійскаго лагеря. Только ночью генералъ Потгитеръ, находившійся при вольмаранспітадскомъ лагерѣ, но, къ сожалѣнію, ничѣмъ другимъ не проявившій свою несомнѣнную храбрость, убѣдившись въ отсутствіи преслѣдованія, вызвалъ 50 человѣкъ охотниковъ и съ ними вывезъ артиллерію. Но, по моему глубокому убѣжденію взявъ не 50 человѣкъ, а 500 или даже больше, которыхъ легко было набрать изъ удалыхъ крюгерсдорпцевъ и грикуаландцевъ, можно было еще теперь, подъ прикрытіемъ ночи, напугать, перестрѣлять и втоптать въ рѣку безтолково толпившійся около нея въ невыгодномъ положеніи отрядъ англичанъ. На это ни у кого не хватило сообразительности. Большинство, и какъ разъ лучшая часть войска, удаленная отъ мѣста единственной стычки, совершенно не отдавали себѣ отчета въ истинномъ положеніи дѣла, а отступали по приказу, и подъ вліяніемъ нелѣпыхъ слуховъ и несообразныхъ распоряженій, отступали безпорядочно, съ совершенно излишней поспѣшностью, точно торопились выбраться изъ выгоднѣйшихъ позицій на ровную мѣстность, благопріятную для движенія регулярныхъ войскъ противника. Насколько въ этотъ несчастный день были забыты самыя элементарныя правила военной предусмотрительности и корректности, ярко видно изъ слѣдующаго маленькаго эпизода.

Въ 4 часа дня, когда Фортинстримсъ уже нѣсколько часовъ былъ въ рукахъ англичанъ, а отъ генерала Дютуа съ его войскомъ давно и помину не осталось, въ нашъ разстроенный лагерь, гдѣ мы съ минуты на минуту ожидали появленія англичанъ, прискакалъ гонецъ отъ Либенберга, искавшій Дютуа, чтобы узнать о положеніи дѣлъ и предполагавшихся операціяхъ. И мы, члены санитарнаго отряда, посовѣтовали

ему спѣшить къ Либенбергу съ извѣстіемъ, что войско Дютуа съ утра находится въ полномъ отступленіи на Христіанію, и что Либенбергъ рискуетъ быть отрѣзаннымъ.

Наконецъ, въ 5 часовъ. случайный отсталый объяснилъ намъ, что рукопашная схватка произошла еще вчера на крайнемъ правомъ флангѣ, о чемъ намъ въ переполохѣ не дали знать, и что раненые увезены по кратчайшему пути въ Христіанію. Послѣ этого для насъ уже не имѣло смысла сидѣть среди поля въ ожиданіи англичанъ; мы, въ свою очередь, поднялись вслѣдъ войску съ которымъ сроднили насъ общія опасности, лишенія и надежды, теперь отступавшемъ не по собственной винѣ и не послѣ кроваваго пораженія, а единственно вслѣдствіе неспособности начальствующаго.

Что это было именно такъ, убѣждаютъ какъ всѣ приведенные выше общія соображенія и мелкіе факты, такъ и всѣ собранныя впослѣдствіи свѣдѣнія о событіяхъ послѣднихъ дней. Изъ нихъ картина этой крупнѣйшей неудачи трансваальскаго оружія рисуется вкратцѣ такъ: не услѣдивъ за фланговымъ движеніемъ англичанъ и давъ имъ безпрепятственно перебросить часть войскъ за рѣку и утвердиться на другомъ берегу, базируясь на Барклай-Вестъ, генералъ Дютуа не сдѣлалъ ничего, чтобы исправить этотъ промахъ, и даже не поддержалъ своевременно ближайшую къ мѣсту переправы грикуаландскую дружину въ завязавшейся въ субботу, 5-го мая, рукопашной схваткѣ. почему грикуаландцы, потерявъ двухъ комендантовъ—Виссера и Асвегена и еще человѣкъ 25 убитыми и ранеными, были принуждены отступить. Ихъ положеніе — захваченныхъ врасплохъ, разорганизованныхъ и потерявшихъ храбрѣйшихъ начальниковъ, вполнѣ понятно. Но непонятно рѣшеніе Дютуа съ такими ничтожными для всего войска потерями уступить столь важныя во всѣхъ отношеніяхъ позиціи, въ которыхъ подвижные трансваальскіе стрѣлки могли еще долго и успѣшно бороться даже съ перебравшимся черезъ рѣку непріятелемъ. Если онъ опасался быть отрѣзаннымъ отъ своего базиса въ Христіаніи, то отъ этого его спасло не безпорядочное отступленіе по открытой мѣстности, представлявшее, напротивъ, страшную опасность, а единственно промахъ англичанъ, тоже плохо освѣдомленныхъ и не рѣшившихся бросить отрядъ кавалеріи въ неизвѣстную мѣстность, а топившихся у рѣки въ совершенно невыгодныхъ для себя условіяхъ: съ нѣкоторой рѣшимостью ихъ было вполнѣ возможно смять и отбросить обратно за Вааль. И, наконецъ, предполагая даже такое смѣлое движеніе англичанъ, буры были безопаснѣе отъ кавалерійской атаки въ неровной мѣстности, у рѣки, самый же составъ и вооруженіе ихъ войска позволяютъ ему въ случаѣ окончательной неудачи разсѣяться, миновать

любой регулярный отрядъ, движущійся сомкнутыми массами, и вновь соединиться въ любомъ пунктѣ внутри страны, какъ это впослѣдствіи постоянно дѣлали ихъ летучіе отряды. Значеніе оставленныхъ позицій для общей обороны страны, и даже для безопасности столицы, вполнѣ оправдывало самый отчаянный рискъ и самыя энергичныя мѣры для ихъ удержанія.

ГЛАВА IX.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, мы нагоняли кучки разрозненныхъ командъ. Съ наступленіемъ сумерекъ стали попадаться стоянки, бивaки. Часовъ въ 10 мы, въ свою очередь, сдѣлали привалъ, развели огонь, разогрѣли бывшую у насъ банку овощныхъ и мясныхъ консервовъ и холодный чай, пустили пастись усталыхъ лошадей и сами часа 3 проспали—сестры на тюкахъ въ фургонѣ, доктора на выложенныхъ на землю одѣялахъ. Часовъ съ двухъ утра продолжая нашъ путь, мы вскорѣ миновали привалъ артиллеріи, гдѣ виденъ былъ нѣсколько большій порядокъ, хотя, какъ уже сказано, часть орудій осталась позади и была только впослѣдствіи доставлена генераломъ Потгитеромъ. Къ утру мы оставили за собою волну отступленія и часамъ къ 8-ми измученныя лошади, наконецъ, дотащили тяжелый фургонъ до Христіаніи.

Очень понятно безпокойство и смутное состояніе жителей Христіаніи и скученнаго въ окрестностяхъ бѣглаго бурскаго населенія изъ пограничныхъ англійскихъ областей. Часть его стала тотчасъ собираться уходить дальше внутрь страны; но большинство не имѣло для этого ни денежныхъ, ни перевозочныхъ средствъ и ему поневолѣ приходилось терпѣливо ждать своей участи. Иные еще обманывали себя надеждой, что отступленіе Дютуа есть только тактическій пріемъ и что онъ, при содѣйствіи отрядовъ Лдебберга и Кронье, еще найдетъ средство остановить наступленіе англичанъ. На такія намѣренія указывали и телеграммы самого Дютуа. Но онѣ могли ввести въ заблужденіе только совершенно непонимавшихъ обстановку; для всѣхъ же остальныхъ было ясно, что не остановивъ англичанъ въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ условія мѣстности уравновѣшивали ихъ огромныя преимущества числомъ и вооруженіемъ, бурамъ уже негдѣ дать отпоръ во всемъ этомъ районѣ, и придется безъ бою уступить исходную точку желѣзнодорожной линіи на Преторію (Клерксдорпъ). Въ сѣверномъ направленіи, на полъ-пути къ Мефкингу, вокругъ Таунгса, имѣлись подходящія позиціи, но онѣ теряли часть своего значенія, разъ былъ потерянъ главный опорный пунктъ въ Фортинстримсѣ, и, кромѣ того, защищавшія ихъ войска (въ лучшемъ случаѣ слиш-

комъ малочисленныя) было слишкомъ легко отрѣзать и стиснуть между войсками Гунтера и гарнизономъ Мефкинга, имѣвшаго во главѣ такого энергичнаго и находчиваго человѣка, какъ полковникъ (съ тѣхъ поръ генералъ) Бэденъ Пауэль.

Какое значеніе понимавшіе дѣло люди придавали потерѣ фортинстримскихъ позицій видно уже изъ того, что, получивъ извѣстіе объ ихъ оставленіи, генералъ Деларей, не останавливаясь ни на какихъ увѣреніяхъ Дютуа о будущихъ побѣдахъ, тотчасъ бросилъ главную армію, еще сдерживавшую англичанъ на сѣверѣ Фрейштата, и лично пріѣхалъ на этотъ второстепенный пунктъ, но имѣвшій первенствующее значеніе, какъ опезпеченіе тыла главной арміи, а такъ же какъ кратчайшій путь на Преторію.

Деларей въ этомъ случаѣ настолько дорожилъ временемъ, что уже не присутствовалъ на разыгравшемся всего черезъ 2 дня упорномъ боѣ его главныхъ силъ на Зандриверѣ, гдѣ его мѣсто занялъ поспѣшно вызванный изъ Наталя Луи Бота.

Но роковая ошибка была сдѣлана и всему искусству Деларея удалось только отсрочить ея неизбѣжныя послѣдствія, дать въ Преторіи время нѣсколько опомниться и сообразить положеніе. Послужило ему то обстоятельство, что главная цѣль операціи Гунтера, какъ я уже говорила выше, былъ не захватъ желѣзнодорожнаго пути Клерксдорпъ-Преторія или ударъ по тылу главной бурской арміи—хотя ко всему этому его успѣхъ открывалъ ему путь и средства въ любое время—а освобожденіе Мефкинга, на который онъ и устремилъ свое вниманіе, какъ только счелъ свое положеніе по правую сторону Вааля обезпеченнымъ. Это направленіе операціи Гунтера, конечно, спасло войско Дютуа отъ еще болѣе рѣшительнаго, и главное, болѣе кроваваго пораженія, чему въ открытой мѣстности между Христіаніей и Клерксдорпомъ врядъ ли помѣшалъ бы и самъ Деларей. Теперь же, принявъ главное начальство надъ всѣми войсками этого раіона, ему удалось, по крайней мѣрѣ временно, задержать врага въ холмистой мѣстности окружающей Таунгсъ, отсрочить деблокаду Мефкинга и слѣдующее несомнѣнное движеніе корпуса Гунтера на Клерксдорпъ и по этому пути внутрь Трансвааля.

Въ эти именно дни въ осадѣ Мефкинга, до этого послѣдняго момента достаточно безсодержательной, какъ и всѣ осады или блокады городовъ бурами, разыгрался одинъ изъ тѣхъ ни чѣмъ не предусмотрѣнныхъ инцидентовъ, которые иногда, вопреки всѣмъ разсчетамъ, мѣняютъ ходъ событій, иногда же, какъ въ настоящемъ случаѣ, являются только неожиданнымъ живымъ эпизодомъ, характернымъ для лицъ и обстановки. Случай этотъ не проникъ въ газеты и вообще держался правительствомъ въ

большомъ секретѣ, чтобы не возбуждать толковъ въ массѣ народонаселенія, и безъ того слишкомъ склоннаго тогда обвинять своихъ предводителей во всѣхъ постигшихъ страну неудачахъ и несчастіяхъ. Дѣло въ томъ, что въ самую послѣднюю минуту Мефкингъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ все же находился въ рукахъ буровъ и былъ ими потерянъ вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Въ теченіе этого повѣствованія мнѣ нѣсколько разъ случалось упоминать имя Рольфа Элофа, сына старшей дочери президента Крюгера.

Семья Элофовъ, одна изъ очень вліятельныхъ въ Трансваалѣ, не пользовалась, однако, тамъ симпатіями, вслѣдствіе болѣе или менѣе доказаннаго обвиненія, что они пользуются родственной связью съ президентомъ для увеличенія своего и безъ того огромнаго состоянія разными не вполнѣ чистыми аферами. Совершенно доказана во всякомъ случаѣ непатріотическая агитація старшихъ Элофовъ въ пользу скорѣйшаго подчиненія, съ цѣлью, конечно, опять-таки сохранить неприкосновеннымъ свое богатство; агитація глубоко оскорблявшая и огорчавшая старика президента, имя котораго недоброжелатели пытались даже, конечно безуспѣшно, замѣшать въ эти пріемы Элофовъ. Младшее поколѣніе, къ счастью, не попало въ этотъ несимпатичный, черствый и себялюбивый типъ. Всѣ, слѣдившіе за событіями послѣднихъ лѣтъ, знакомы по иллюстраціямъ съ милымъ личикомъ M-elle Элофъ, пріѣхавшей въ Европу вмѣстѣ со своимъ знаменитымъ дѣдомъ и съ ея хорошенькой невѣсткой, женой ея брата Рольфа. Рольфъ Элофъ интересный, типичный продуктъ разнородныхъ и противорѣчивыхъ элементовъ, сталкивавшихся на почвѣ Трансвааля за послѣднія 30 лѣтъ. Въ противоположность многимъ лучшимъ изъ своихъ сверстниковъ, онъ не перешелъ отъ приволья и разумнаго труда трансваальской фермы къ усвоенію лучшаго въ европейскомъ высшемъ образованіи. Зато неразумное воспитаніе богатыхъ родителей рано познакомило его съ плодами европейской цивилизаціи, какъ они представлены въ притонахъ Іоганнесбурга и Капштадта. При всемъ томъ это личность весьма даровитая, нелишенная привлекательности, этой привлекательностью, въ соединеніи съ взбалмошностью и оригинальными выходками, несомнѣнно, возбуждавшая интересъ женскаго элемента мѣстнаго общества. При наслѣдственныхъ формахъ благочестія, простотѣ и строгости мѣстныхъ нравовъ, типъ, подобной Элофу, не могъ, конечно, не обращать на себя вниманія и не вызывать рѣзкихъ, часто слишкомъ справедливыхъ осужденій. Справедливый, но очень строгій къ подобнаго рода недостаткамъ, дѣдъ президентъ, одно время, говорятъ, вовсе не пускалъ его на глаза. И, однако, есть одна черта, которой Рольфъ подошелъ къ дѣду ближе своихъ корректныхъ, но эгоистичныхъ родителей и, вѣроятно, отчасти примирилъ

его съ собою: своимъ искреннимъ патріотизмомъ и преданностью національному дѣлу. Во время набѣга Джемсона, находясь въ захватившемъ его отрядѣ подъ начальствомъ генерала Кронье, Элофъ выказалъ, говорятъ, выдающіяся способности, но тогда вся слава пошла къ уже извѣстному, благочестивому начальнику, одному изъ религіозныхъ столповъ отечества, минуя вѣтрянаго и безпутнаго Рольфа. Зато вскорѣ онъ нашумѣлъ на всю Африку и даже Англію безтактной, но смѣлой выходкой въ одномъ изъ баръ'овъ Капштадта, гдѣ онъ въ нетрезвомъ, конечно, видѣ превозносилъ свою націю, хвастался захватомъ джемсоновскаго отряда и, очень опредѣленно охарактеризовавъ образъ дѣйствій въ этомъ дѣлѣ англійскаго правительства, кончилъ грубой выходкой по адресу нѣкоторыхъ членовъ королевскаго дома. Присутствовавшіе въ барѣ англійскіе офицеры не нашли возможнымъ вызвать «мужика-бура», хотя мнѣ неясно, почему буръ, въ жилахъ котораго течетъ кровь лучшихъ семей гезовъ и гугенотовъ, не достоинъ обмѣняться пулей съ сыномъ англійскаго фабриканта, какихъ такъ много за послѣднее время вошло въ англійскую аристократію и армію—развѣ только что онъ стрѣляетъ, вѣроятно, лучше ихъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ. Эти господа не только не вызвали Элофа, никто не рѣшился къ нему подступиться и ударить его «какъ бура», но они всѣ поклялись «въ случаѣ войны захватить и повѣсить его, какъ собаку». Этой угрозѣ Элофъ, понятно, только посмѣялся, да и во время войны не весьма принималъ ее къ сердцу; зато она доставила много безсонныхъ ночей его молоденькой, очень въ него влюбленной женѣ, знавшей его безпечность и неосторожность. Въ военныхъ дѣйствіяхъ Рольфъ Элофъ принималъ участіе, главнымъ образомъ, въ сторонѣ Мефкинга, гдѣ раздѣлялъ съ генераломъ Сниманомъ начальство надъ осаждающимъ войскомъ. Хотя онъ и здѣсь въ частныхъ случаяхъ проявлялъ и дарованіе, и храбрость, но обстоятельства ему не благопріятствовали и все не удавалось нанести рѣшительнаго удара такому хладнокровному и бдительному противнику, какъ полковникъ Бэденъ Поуэль. Наконецъ, въ самые послѣдніе дни обложенія вслѣдствіе счастливой комбинаціи, условія которой я не имѣла возможности вполнѣ себѣ уяснить, Элофу, съ отрядомъ вызванныхъ имъ охотниковъ, удалось на разсвѣтѣ проникнуть въ городъ черезъ кафрскій кварталъ, захватить врасплохъ значительную часть гарнизона и утвердиться въ главныхъ пунктахъ. Остатокъ не взятыхъ въ плѣнъ англичанъ съ самимъ Бэденъ Поуэлемъ укрѣпились на занятой ими возвышенности въ чертѣ города, но ихъ близкая сдача казалась столь несомнѣнной, что побѣдители даже не позаботились притянуть подкрѣпленія изъ лагеря Снимана. Врядъ ли столь поздній захватъ Мефкинга могъ еще имѣть существенное значеніе въ общемъ ходѣ воен-

ныхъ дѣйствій, однако, мѣняя роли, онъ давалъ возможность, въ свою очередь, стиснуть отрядъ Гунтера, между хорошо укрѣпленнымъ пунктомъ и войскомъ Деларея. Врядъ ли буры, даже подъ предводительствомъ такого даровитаго начальника, были тогда въ состояніи использовать выгоды этого положенія: уничтожить попавшійся въ опасное положеніе корпусъ Гунтера, вернуть себѣ линію Вааля и освободить часть здѣшнихъ войскъ для усиленія главной арміи. Во всякомъ случаѣ, до разрѣшенія этихъ вопросовъ дѣло не дошло. Въ главной гостинницѣ Мефкинга, несмотря на продолжительную осаду, сохранился изрядный запасъ вина и другихъ спиртныхъ напитковъ, и Элофъ съ товарищами, на радостяхъ, предался своему несчастному недостатку невоздержности. Находившіеся въ городѣ черные, подъ прикрытіемъ англійскихъ войскъ занимавшіеся мародерствомъ, но теперь, конечно, являвшіеся вполнѣ безоружными, сообщили Бэденъ Поуэлю о состояніи Элофа, и посредствомъ внезапной вылазки англійскіе плѣнные были освобождены, а недавніе побѣдители, по своей неосторожности потерявшіе даже способность защищаться, въ свою очередь, оказались плѣнными въ завоеванномъ было ими городѣ. Черезъ нѣсколько дней къ Мефкингу одновременно подошли передовой отрядъ, отдѣленный отъ войска Гунтера, и съ сѣвера отрядъ Плумера, только что соединившійся съ войсками, наконецъ, проникнувшими сюда путемъ Бейры, подъ начальствомъ генерала Каррингтона. Передъ численностью этихъ войскъ Сниманъ былъ принужденъ отступить, что онъ и сдѣлалъ въ большомъ порядкѣ, уводя обозъ и всю артиллерію, исключая одной небольшой пушки, отбитой въ послѣдній моментъ гарнизономъ.

Такимъ образомъ совершилось снятіе осады Мефкинга, третьяго изъ обложенныхъ бурами городовъ. Какъ и Ледисмитъ и Кимберлей, онъ, несомнѣнно, могъ быть занятъ при болѣе энергичныхъ дѣйствіяхъ осаждающихъ, и непониманіе того, что войска, бездѣйствующіе такимъ образомъ передъ относительно незначительнымъ укрѣпленіемъ, въ извѣстные моменты составляютъ болѣе серьезное неудобство, чѣмъ потери, сопряженныя съ занятіемъ такого укрѣпленнаго мѣста силой, является одной изъ существенныхъ ошибокъ буровъ въ началѣ войны. Бэденъ Поуэлю же, какъ и Уайту, и Кекевичу, принадлежитъ заслуга, что онъ, въ тяжелыхъ условіяхъ многомѣсячной осады, съ очень недостаточными средствами отстоялъ порученный ему постъ, отвлекъ на себя и удержалъ отъ участія въ другихъ операціяхъ довольно значительный корпусъ непріятельскихъ войскъ и двухъ такихъ способныхъ начальниковъ, какъ Сниманъ и Элофъ.

Всѣ эти подробности я слышала уже въ Преторіи, куда, противъ своего желанія, попала скорѣе, чѣмъ ожидала. Покидая Фортинстримсъ, наши предположенія состояли въ томъ, что д-ръ Веберъ изъ Христіаніи про-

ѣдетъ сначала въ центральный госпиталь сдать свой отчетъ старшему врачу, а потомъ, при первой возможности, уѣдетъ въ Россію, гдѣ истекалъ срокъ его отпуска; мы же, сестры, будемъ продолжать работать на западномъ фронтѣ, съ присланнымъ ему на смѣну д-ромъ Ромейномъ. Д-ръ Ромейнъ, молодой, энергичный и очень знающій хирургъ, памятенъ намъ своимъ прекраснымъ отношеніемъ къ намъ, русскимъ сестрамъ, и лично я не могла бы желать ничего лучшаго, какъ работать съ нимъ при войскѣ, съ которымъ, въ силу обстоятельствъ, сроднилась въ это короткое время. Къ тому же и хозяйственное положеніе съ пріѣздомъ д-ра Ромейна совершенно мѣнялось. Несмотря на то, что онъ вовсе не былъ придавленъ авторитетомъ старшаго врача, напротивъ, очень опредѣленно высказывалъ иногда непріятныя ему мнѣнія, изъ всего же отряда сошелся съ д-ромъ Ренненкампфомъ, фанъ-Леерсумъ, отправляя Ромейна изъ Кронстадта, щедро снабдилъ его всѣмъ тѣмъ, въ чемъ такъ послѣдовательно намъ отказывалъ; такъ что, пріѣхавъ въ Фортинстримсъ налегкѣ, онъ объявилъ намъ, что за нимъ, на отвѣтственности самого фонъ-деръ-Говена старшаго—(человѣка умнаго, вполнѣ способнаго проснуться и дѣлать дѣло, когда за него принимался энергичный начальникъ)—слѣдуютъ подводы, верховыя лошади, палатки и такое количество амбуляціоннаго добра, что представлялось даже сомнительнымъ не придется ли оставить часть его въ Христіаніи, такъ какъ настоящее разорганизованное состояніе войска требовало большой подвижности санитарнаго персонала. Тѣмъ не менѣе, работа въ такихъ условіяхъ съ энергичнымъ докторомъ, относившимся ко мнѣ съ неизмѣннымъ вниманіемъ и довѣріемъ, могла быть только пріятна и интересна. Къ сожалѣнію, всѣ наши планы еще разъ разстроились. На другой день послѣ пріѣзда въ Христіанію сестра Ежевская внезапно объявила о своемъ намѣреніи тоже вернуться въ Россію, и хотя въ данныхъ условіяхъ докторъ имѣлъ бы полное право требовать, чтобы она продолжала работать до присылки ей насмѣну сестры изъ главнаго отряда, Ромейнъ не захотѣлъ прибѣгать къ такому пріему, и такъ какъ M-me Touvenot онъ уже самъ не желалъ сохранить въ своей амбуланціи, то обратился ко мнѣ съ вопросомъ, согласна ли я работать съ нимъ одна до пріѣзда сестры Якобсенъ, которую онъ тотчасъ вытребуетъ по телеграфу. Ничего не могло мнѣ быть пріятнѣе, какъ совмѣстная работа у фронта съ сестрой Якобсенъ, энергичной, подвижной, всегда стремившейся къ этого рода дѣятельности; я съ радостью заявила д-ру Ромейну о своемъ согласіи и принялась приводить въ порядокъ и укладывать наиболѣе удобнымъ образомъ наличное имущество амбуланціи, чтобы во всякое время быть готовой выѣхать. На мое несчастье, генералъ Дютуа, только что прі-

хавшій въ Христіанію, еще, очевидно, не оправившійся отъ своего пораженія, объявилъ, что положеніе столь неопредѣленно, что онъ боится оставлять при войскѣ сестеръ, а дастъ доктору помощниковъ изъ буровъ. На этомъ рѣшеніи онъ настоялъ, несмотря на неудовольствіе Ромейна, какъ и я по опыту знавшаго ловкость и находчивость мѣстныхъ санитаровъ; но, несмотря на искреннее сожалѣніе съ обѣихъ сторонъ, намъ пришлось оставить свои планы работы, и я въ тотъ же вечеръ уѣхала съ д-ромъ Веберомъ и сестрою Ежевской.

Въ Христіаніи мы встрѣтились съ фанъ-Хаутеномъ, д-ромъ 2-й голландской амбуланціи, нашимъ всегда внимательнымъ и любезнымъ спутникомъ на «Канцлерѣ»; онъ временно работалъ въ мѣстной больницѣ, гдѣ и былъ потомъ взятъ англичанами и, какъ я слышала, отправленъ на Цейлонъ, но потомъ отпущенъ по протесту голландскихъ властей. Въ больницѣ мы видѣли нѣкоторыхъ изъ нашихъ фортинстримскихъ паціентовъ, между прочимъ, тяжело раненыхъ въ день нашего перехода въ палатки Гейсмана и фанъ-Рита, а также совсѣмъ молодого малаго, сына убитаго въ послѣднемъ столкновеніи команданта Асвегена, раненаго тогда же, рядомъ съ отцомъ.

Послѣ утомительнаго суточнаго переѣзда въ почтовомъ каррѣ и ночевки въ Клерксдорпѣ мы, по желѣзной дорогѣ, продолжали нашъ путь на Іоганнесбургъ, гдѣ д-ръ Веберъ рѣшилъ остановиться на сутки, чтобы отдохнуть и, если возможно, посмотрѣть знаменитые рудники, проклятый поводъ всѣхъ этихъ несчастій и насилій. На другое утро послѣ нашего пріѣзда мы были удивлены появленіемъ въ нашей гостинницѣ трехъ сестеръ нашего отряда — Мейеръ, фанъ-Схермбекъ и Мейснеръ. Оказалось, что сестра Мейэръ, заболѣвъ отъ тяжелой работы въ Кронстадтѣ видитъ себя принужденной уѣхать въ Европу, другія же двѣ попали сюда по недоразумѣнію. Выѣзжая изъ Христіаніи, д-ръ Веберъ телеграфировалъ начальнику отряда, что ѣдетъ въ Кронстадтъ съ сестрами Ежевской и Изъединокой. Изъ этой телеграммы фанъ-Леерсумъ, несмотря на мое весьма опредѣленное заявленіе во время его пріѣзда въ Фортинстримсъ, заключилъ, что мы обѣ не желаемъ оставаться съ д-ромъ Ромейномъ и неделикатнымъ образомъ оставили его въ затрудненіи. Поэтому онъ тотчасъ и отправилъ двухъ сестеръ съ единственнымъ указаніемъ—отыскать Ромейна и присоединиться къ нему. Но этому распоряженію мы могли только подивиться быстрымъ успѣхамъ шефа въ храбрости относительно безопасности сестеръ, такъ какъ въ настоящій моментъ было дѣйствительно рискованно отправлять двухъ младшихъ сестеръ отряда безъ провожатаго въ незнакомый имъ районъ, съ неудобными и неопредѣленными способами передвиженія, къ тому же подвергавшійся

непріятельскому нашествію. Д-ръ Веберъ уговаривалъ ихъ, прежде чѣмъ продолжать свой путь, дать ему снестись съ фанъ-Леерсумомъ, объяснить ему все положеніе и причину моего возвращенія; но, снабженныя бумагой Краснаго Креста, съ обозначеніемъ ихъ командировки и личнымъ приказомъ начальника отряда, онѣ ничего не хотѣли слушать и вечеромъ же уѣхали дальше, къ моей, должна сознаться, большой зависти. Однако, оставаясь позади въ совершенно безопасныхъ условіяхъ, я не могла сильно не безпокоиться о нихъ.

Въ теченіе дня, проведеннаго нами вмѣстѣ въ Іоганнесбургѣ, намъ удалось совершить въ высшей степени интересную прогулку на такъ называемый Рандъ, т. е. окружающій Іоганнесбургъ раіонъ копей. Чичероне служилъ намъ членъ іоганнесбургскаго Краснаго Креста и одинъ изъ богатѣйшихъ аферистовъ Трансвааля, выходецъ изъ Россіи, г. Ааронъ, въ качествѣ «русскаго» присланный въ 1896 году представителемъ Трансвааля на коронаціонныя торжества. Несмотря на всю любезность къ намъ г. Аарона, не могу не сожалѣть о такомъ назначеніи, сдѣланномъ трансваальскимъ правительствомъ подъ вліяніемъ мысли, что у насъ будутъ довольны пріѣздомъ, въ качествѣ оффиціальнаго лица, «русскаго» разбогатѣвшаго и занявшаго у нихъ выдающееся положеніе; думаю, что Жуберъ, тогдашній статсъ-секретарь Лейдсъ или хотя бы Луи Бота были бы куда декоративнѣе и разговоръ съ ними интереснѣе и содержательнѣе въ политическомъ отношеніи.

Состоя однимъ изъ видныхъ дѣятелей мѣстнаго Краснаго Креста [1]), Ааронъ на свои громадныя средства сдѣлалъ пожертвованія цѣлыхъ складовъ вещей, потребныхъ для бюргеровъ въ полѣ и снабженія амбуланцій. Но эти склады, находившіеся въ его собственномъ вѣдѣніи, страннымъ образомъ не были почти затронуты и, несомнѣнно, при оккупаціи Іоганнесбурга пошли на пользу англичанъ. По отношенію къ намъ этотъ господинъ былъ воплощенной любезностью и, благодаря ему, мы получили возможность осмотрѣть одинъ изъ работавшихъ, несмотря на военное время, рудниковъ и познакомиться со всѣми фазисами обработки золотоносной руды посредствомъ дробленія, плавленія и реакціи ціанистаго калія. Не могу не упомянуть маленькій эпизодъ нашего знакомства съ Ааронομъ, характеристичный для мѣстныхъ порядковъ и вліянія іоганнесбургскихъ дѣльцовъ, яко бы столь обиженныхъ при прежнемъ управленіи. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ обществѣ Аарона въ осмотрѣ рудниковъ и складовъ, расписавшись по его просьбѣ въ книгѣ,

[1]) Въ этомъ качествѣ онъ даже инспектировалъ больницу Фонтенѣ во время нахожденія тамъ отдѣленія д-ра Вебера.

заведенной имъ для посѣщающихъ эти склады, мы хотѣли поблагодарить его и распроститься, онъ же желалъ еще свести насъ къ себѣ и познакомить со своей женой. На нашу отговорку, что въ гостинницѣ отобѣдают и мы останемся безъ обѣда[1]), Ааронъ отвѣтилъ, что это легко уладить, и, тутъ же при насъ, бросившись къ телефону, лично передалъ слѣдующее хозяину нашей гостиницы: «Мистеръ ... (онъ говорилъ по-англійски, общеупотребительномъ языкѣ въ Іоганнесбургѣ) мои друзья (!) и соотечественники, остановившіеся у васъ члены санитарнаго отряда, желаютъ продлить свое пребываніе у меня и безпокоятся, что останутся безъ обѣда; я же не могу ихъ пригласить, такъ какъ сегодня пятница. Смотрите, чтобы для нихъ все было готово — горячо, хорошо приготовлено и всего довольно: иначе я въ 24 часа выставлю васъ за предѣлы республики». Всѣхъ насъ очень позабавило такое властное заявленіе, но проявлять это было невозможно, и съ молодой и смѣшливой сестрой Схермбскъ чуть не сдѣлалось истерики отъ сдержаннаго хохота. Затѣмъ мы всѣ поѣхали съ Аарономъ къ нему въ домъ, гдѣ познакомились съ его женой — тихой и симпатичной мѣстной англичанкой — и дѣтьми, занимавшими насъ, показывая свое умѣнье на фортепьяно. При этомъ намъ было подано, въ знакъ тароватости хозяина, въ большихъ кубкахъ нѣчто, оказавшееся дорожайшимъ benedictine, говорятъ, великолѣпнымъ, но я, не призпавъ его въ такой сервировкѣ и принявъ за легкое вино, первымъ глоткомъ обожгла себѣ ротъ и дипломатически избѣжала второго.

Въ теченіе нашей прогулки и послѣдующаго обѣда или ужина кронстадтскія сестры разсказывали мнѣ тамошнія новости, амбулаціонныя и военныя: новыя условія хозяйства, наступившія въ мое отсутствіе, ссора фанъ-Леерсума и Мойэна, наконецъ, благополучно удаленнаго изъ отряда, неудобства посѣщеній амбуланціи г. Г., комендантомъ русскаго отряда, которымъ старшій врачъ не умѣлъ положить предѣлъ, способы провожденія времени этого господина вдали отъ фронта, напротивъ, всеобщія превознесенія другого соотечественника — Максимова, привезеннаго въ госпиталь черезъ нѣсколько дней послѣ сраженія при Тубѣ. Передавали нѣкоторыя подробности о его ранахъ, а также насчетъ отъѣзда изъ Кронстадта и дальнѣйшей дѣятельности д-ра Реввенкампфа. Этотъ послѣдній на другой день послѣ битвы при Табанчу былъ взятъ съ нѣсколькими ранеными въ плѣнъ англичанами на фермѣ, гдѣ устроилъ перевя-

[1]) Пригласить насъ обѣдать онъ не могъ, такъ какъ это была пятница и съ заходомъ солнца наступала суббота, Ааронъ же очень строгій блюститель закона іудейскаго.

зочный пунктъ. Д-ръ Ренненкампфъ былъ, впрочемъ, скоро отпущенъ англичанами и потомъ, оставаясь въ Южной Африкѣ до самаго окончанія войны, еще не разъ сталкивался съ ними. Но его плѣнъ оставилъ особенно тяжелое впечатлѣніе вслѣдствіе сопровождавшаго его несчастнаго случая. На фермѣ съ амбулаціей остался итальянецъ—не доброволецъ, а просто мѣстный рабочій, понадѣявшійся на безопасность подъ прикрытіемъ Краснаго Креста. Когда санитарный персоналъ былъ окруженъ англичанами, этотъ бѣдный малый не понялъ команды офицера «hands up» («поднять руки», чтобы убѣдиться въ безоружности), и, хотя стоялъ неподвижно, безъ малѣйшей попытки сопротивляться, былъ моментально застрѣленъ, раньше чѣмъ докторъ успѣлъ вступиться.

Изъ разсказовъ сестеръ было ясно, что предстоитъ скорое очищеніе Кронстадта и полная возможность быть захваченными тамъ наступавшими англичанами. Тѣмъ не менѣе, д-ръ Веберъ рѣшился ѣхать туда, какъ въ центръ управленія отрядомъ, чтобы распрощаться съ начальникомъ отряда и оставить меня при центральномъ госпиталѣ. Но это оказалось уже невозможнымъ. Выѣхавъ ночью изъ Іоганнесбурга, мы подъ утро были разбужены долгой остановкой и какими-то оживленными разговорами вокругъ поѣзда. Оказалось, что мы стоимъ наферейнигенской станціи (на границѣ Трансвааля) — и дальнѣйшее движеніе прекращено вслѣдствіе послѣдовавшаго наканунѣ вечеромъ занятія Кронстадта. Черезъ нѣсколько часовъ томительной неизвѣстности подошелъ изъ Фрейштата санитарный поѣздъ, эвакуировавшій послѣднихъ больныхъ, отчасти изъ нашего госпиталя. Персоналъ оказался недостаточенъ, и завѣдующій докторъ съ удовольствіемъ принялъ нашу помощь. Очень тяжелыхъ раненыхъ у него, впрочемъ, не было, а памятенъ мнѣ этотъ переѣздъ скорѣе интересными разговорами и разсказами. Такъ, здѣсь былъ чешскій магнатъ, графъ В. В., съ особеннымъ удовольствіемъ обратившійся къ намъ, русскимъ сестрамъ, на своемъ родномъ языкѣ. Но, хотя мы вполнѣ другъ друга понимали, однако, разговоръ на двухъ разныхъ нарѣчіяхъ шелъ туго, и, твердо установивъ наличность славянскихъ симпатій, мы все же перешли съ нимъ на нѣмецкій языкъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что воюетъ контрабандой, т. е. жена думаетъ, что онъ присоединился санитаромъ къ одной изъ амбуланцій, иначе она бы слишкомъ безпокоилась. Въ послѣднее время онъ болѣетъ вслѣдствіе полученнаго въ грудь удара лошади задними ногами; къ тому же схватилъ лихорадку. Недавно встрѣтилъ д-ра Ренненкампфа, разсказавшаго ему о неустройствахъ нашего отряда, вслѣдствіе которыхъ онъ, подъ предлогомъ отдыха, наконецъ, уѣхалъ изъ Кронстадта. Отдыхать д-ръ Ренненкампфъ, какъ извѣстно, поѣхалъ прямо подъ англійскія пули,

первое время тоже пользуясь для своей фронтовой дѣятельности предметами, командированными черезъ коммиссаріатъ, и только въ самый день крюнстадтскаго боя, вернувшись съ войсками въ городъ, былъ снабженъ кое-чѣмъ изъ складовъ отряда, а также получилъ въ помощь одного изъ санитаровъ, брата Систропа. Въ тотъ же день уѣхалъ къ фронту и д-ръ Борнгауптъ въ сопровожденіи двухъ сестеръ — Якобсенъ и фанъ-Марзефенъ и другого санитара- -повара Дальдера.

Сдавъ своихъ больныхъ въ Преторіи, мы сначала остановились въ гостинницѣ Transvaal-Hôtel; потомъ же, въ видахъ сокращенія расходовъ, стали искать другое помѣщеніе, которое и нашли, къ своему удовольствію, въ одномъ пансіонѣ, съ пріѣхавшимъ недавно въ Преторію персоналомъ русскаго Краснаго Креста, вытѣсненнымъ изъ Ньюкестля приближеніемъ англичанъ. Встрѣча со своими не могла не быть пріятной и радостной, тѣмъ болѣе, что къ намъ отнеслись въ высшей степени дружелюбно и сердечно, напримѣръ, тотчасъ снабдили насъ совершенно вышедшимъ у насъ чаемъ, о которомъ мы еще не успѣли позаботиться. Разсказамъ и разспросамъ не было конца. Часть сестеръ, впрочемъ, еще отсутствовала, съ докторами Садовскимъ и Чистовичемъ, оставаясь въ Фолькерустѣ до послѣдней возможности, такъ что съ ними намъ тогда и не пришлось увидѣться. Вообще же Преторія въ это время была переполнена больными и ранеными изъ городовъ, перешедшихъ въ руки непріятеля, но въ то же время здѣсь оказался такой наплывъ санитарныхъ отрядовъ, вытѣсненныхъ, какъ и мы, съ разныхъ пунктовъ ихъ дѣятельности, что къ правильной работѣ намъ, не имѣвшимъ въ Преторіи своего госпиталя, не представлялось случая. Д-ру Веберу, правда, удалось поработать въ больницѣ школы дѣвушекъ, куда голландскіе врачи 1-й амбуланціи часто приглашали его на болѣе серьезныя операціи— отчасти маленькій экзаменъ русскому коллегѣ, но экзаменъ, выдержанный имъ, кажется, съ eximie laudes. Но для сестринскаго труда, внѣ своего отряда, случая положительно не представлялось, и мы имѣли полное время присмотрѣться къ жизни и людямъ въ эти критическіе дни.

Правительство, хорошо понимавшее всю серьезность положенія, старалось, конечно, противодѣйствовать всеобщему унынію и растерянности. Въ этомъ же духѣ, подъ его вліяніемъ, высказывалась и пресса, такъ что тогдашнія газеты не могутъ вовсе дать понятіе о смутномъ и тяжеломъ настроеніи всего населенія, представлявшемъ полный контрастъ съ нашимъ первымъ пребываніемъ въ Преторіи, столь полномъ радостныхъ надеждъ. Этому настроенію способствовали не столько непосредственные успѣхи англичанъ, сколько упадокъ духа въ самихъ командахъ, въ это время достигшій своего апогея. Хотя эти свѣдѣнія, по воз-

можности, замалчивались, но было все же хорошо извѣстно, что почти всѣ фрейштатцы разошлись по своимъ фермамъ и то же явленіе больше и больше распространяется среди трансваальскихъ войскъ; даже вокругъ такихъ вождей, какъ Деларей и Бота, осталось только небольшое зерно вѣрныхъ защитниковъ родины, совершенно недостаточное для задержки наступленія англійскихъ войскъ.

Послѣдующія событія достаточно доказали, что деморализація, хотя она, дѣйствительно, имѣла свой моментъ, могла быть только явленіемъ случайнымъ, не имѣвшимъ начала въ основныхъ свойствахъ характера буровъ и нисколько не подорвала ихъ дѣйствительную способность къ упорному геройскому сопротивленію.

Свой взглядъ на это явленіе мнѣ уже приходилось высказывать печатно, и здѣсь я могу только повторить, что отсутствіе дисциплины и настоящей военной выдержки сдѣлало буровъ особенно доступными временному упадку духа, когда постоянные успѣхи первыхъ мѣсяцевъ войны внезапно, и для большинства непонятно, смѣнились полосой столь же послѣдовательныхъ неудачъ.

Буръ, несмотря на прекрасныя военныя качества, выказанныя имъ въ этой войнѣ, по характеру вовсе не солдатъ, считающій дѣломъ долга и чести держаться даже въ невыгодномъ положеніи ради отвлеченнаго point d'honneur'а. Онъ также и не политикъ и до войны весьма поверхностно интересовался вопросами политики и управленія. Буръ прежде всего семьянинъ и человѣкъ привычный къ самой широкой личной независимости. Всякое нарушеніе этихъ привычекъ независимости, отъ кого бы оно не исходило, а тѣмъ болѣе оскорбленіе и разрушеніе родного очага, вызываютъ буровъ на упорную неуклонную борьбу гораздо болѣе, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, чѣмъ соображенія обще-политическаго или даже обще-національнаго характера.

Поэтому люди, хорошо понимавшіе характеръ буровъ и дѣйствіе, которое должно было оказать даже на самыхъ миролюбивыхъ изъ нихъ владычество англичанъ въ покоренныхъ областяхъ, еще тогда, въ самыя, казалось, безнадежныя минуты, пророчили новый подъемъ народнаго духа и борьбу на жизнь и на смерть, даже въ повидимому замиренныхъ мѣстностяхъ. Этотъ взглядъ, такъ блистательно оправдавшійся впослѣдствіи, принадлежалъ, конечно, лицамъ энергичнымъ и дальновиднымъ, позднѣйшимъ главарямъ борьбы; но большинство, масса, переживала въ то время тяжелыя минуты непониманія уже совершившихся фактовъ и смутнаго, но гнетущаго страха передъ ихъ неизбѣжными послѣдствіями.

Больше всего меня поразила растерянность, незнаніе предстоящихъ мѣропріятій даже со стороны большинства должностныхъ лицъ, особенно

голландеровъ. Ходили самые разнорѣчивые слухи какъ насчетъ военныхъ событій, такъ и намѣреній правительства. Оффиціально и въ засѣданіяхъ только-что открытаго фолькераада высказывались патріотическія намѣренія и упованія; наряду съ этимъ многіе, даже изъ чиновниковъ-голландцевъ, упорно приписывали старику-президенту намѣреніе признать владычество англичанъ и самому удалиться въ Голландію или Америку. Другіе, напротивъ, говорили, что онъ будетъ отчаянно защищаться въ Преторіи, несмотря на военныя невыгоды такого рѣшенія. Одинъ Рейтцъ на мой прямой вопросъ сказалъ мнѣ, конечно, не вдаваясь въ подробности: «Рано или поздно намъ придется уйти въ горы вокругъ Лейденбурга и оттуда стараться изнурять англичанъ партизанской войной. Когда вы вернетесь въ Европу, какъ вамъ теперь придется, вѣроятно, сдѣлать, говорите тамъ сколько можете о правотѣ нашего дѣла, и что хотя бы не нашлось правительства, чтобы заступиться за насъ во имя справедливости, мы будемъ бороться буквально до послѣдней капли крови. Буры по своему характеру неспособны подчиниться насилію». То же въ болѣе экзальтированной формѣ говорили мнѣ дамы, прибавляя: «Не обращайте вниманія на эти глупые слухи насчетъ нашего президента, ходящіе оттого, что нѣкоторые члены его семьи готовы покориться ради сохраненія своего большого состоянія: онъ чудный старикъ, и вы увидите, что онъ останется на высотѣ своего положенія.

Во всякомъ случаѣ, всѣ сходились на томъ, что наступаетъ опасное время даже для мужчинъ, и почти всѣ, имѣвшіе на то возможность, отсылали въ Европу своихъ женъ и дѣтей, буквально перехватывая билеты на нѣмецкіе и французскіе пароходы, шедшіе изъ Лоренцо. Понятно, сколько тяжелыхъ разставаній, какой страхъ за будущее, за самыхъ дорогихъ и близкихъ наполнялъ чуть не каждый домъ и сколько приходилось перестрадать за многихъ, еще такъ недавно заботившихся о нашемъ пріемѣ и развлеченіи.

Единственнымъ отраднымъ явленіемъ въ это тяжелое время были для насъ тѣ симпатіи и уваженіе, которыми мы, русскіе, теперь, очевидно, пользовались у мѣстнаго населенія. Мнѣ уже случалось говорить, что въ началѣ нашего пребыванія въ Трансваалѣ мы всѣ, а главнымъ образомъ, оффиціальныя лица, прибывшія изъ Россіи, встрѣтили особенно сочувственный и внимательный пріемъ. Потомъ это отношеніе одно время значительно перемѣнилось, вслѣдствіе безтактнаго образа дѣйствій нѣкоторыхъ изъ этихъ оффиціальныхъ лицъ и также немногихъ русскихъ типа, описаннаго выше Г. Былъ моментъ, гдѣ мнѣ съ болью и досадой приходилось слышать, что русскіе не храбры — обѣ амбулянціи избѣгаютъ опасныхъ положеній, пріѣхавшіе же офицеры только разъѣзжаютъ

на счетъ правительства и хвастаютъ, дѣла же не дѣлаютъ. Тѣмъ отраднѣе было мнѣ особенно благодарное и симпатичное отношеніе къ русскимъ, сразу замѣченное мною послѣ моего возвращенія изъ Фортинстримса въ Преторію. Созданію этого новаго отношенія способствовала какъ храбрость, выказанная лучшими изъ русскихъ добровольцевъ, такъ и старательная работа русскаго санитарнаго персонала, какъ только онъ получилъ возможность работать, особенно же самоотверженная дѣятельность у фронта докторовъ Давыдова. Гольбека и Эбергардта въ Наталѣ, Вебера и фонъ-Ренненкампфа на южномъ и западномъ фронтѣ. Наша Фортинстримская амбуланція пріобрѣла даже нѣкоторую извѣстность, и мнѣ не разъ приходилось съ удовольствіемъ видѣть полную перемѣну отношенія, когда на равнодушный вопросъ совершенно незнакомыхъ людей: «Вы гдѣ работали, zuster?» приходилось отвѣчать—«въ Фортинстримсѣ». Это, должно быть, прежде всего поставлено въ заслугу д-ру Веберу, всецѣло организовавшему дѣло въ этой мѣстности. Съ неменьшимъ уваженіемъ говорили уже тогда о личной храбрости д-ра Ренненкампфа въ день недавняго боя при Тубаконѣ. Нераздѣльно съ этимъ сраженіемъ было, конечно, имя героя этого дня—Максимова, и русское сердце радовалось отношенію къ нему мѣстнаго общества, при обычной флегмѣ и сдержанности буровъ, не скупившагося на самые лестные эпитеты.

Когда послѣ возвращенія я поспѣшила сдѣлать визитъ всегда любезной и ласковой г-жѣ Рейтцъ и ея сестрамъ, дамы съ первыхъ словъ набросились на меня съ восторгами насчетъ «геройства» моего соотечественника. Онъ оказался положительно злобой дня, иначе какъ «героемъ» его мнѣ не называли, наперерывъ передавая разсказы о томъ, какъ онъ при Табанчу дрался, несмотря на 3 раны, какъ потомъ, въ день боя подъ Кронстадтомъ, съ незажившими ранами, прямо изъ госпиталя сѣлъ на лошадь, чтобы принять въ немъ участіе, и какъ раньше со своимъ голландскимъ отрядомъ вывезъ изъ мѣстности, уже занятой англичанами, женщинъ и дѣтей, подвергавшихся оскорбленіямъ на своихъ фермахъ.

Но это все были еще только дамскіе разговоры, хотя женщинъ, хорошо освѣдомленныхъ черезъ мужей и братьевъ, занимавшихъ выдающееся положеніе въ трансваальскомъ войскѣ и администраціи. Особенное же впечатлѣніе произвели на меня слова самого Рейца, лица весьма сдержаннаго и ужъ, конечно, не подверженнаго тому, что французы называютъ emballement. Напомнивъ мнѣ мою холодность при первой встрѣчѣ съ Е. Я. Максимовымъ въ его домѣ, онъ прибавилъ: «Вы знаете, sister (разговоръ происходилъ по-англійски), что я самъ очень недовѣрчиво отношусь ко всѣмъ этимъ иностранцамъ, предлагающимъ намъ свои услуги (объ этомъ намъ раньше приходилось не разъ говорить), но объ

этомъ вашемъ соотечественникѣ я счастливъ сказать вамъ, что мы оба ошиблись своею осторожностью. Всѣ наши начальники, имѣвшіе съ нимъ дѣло, превозносятъ его храбрость, умѣнье дисциплинировать людей и пользу, принесенную имъ его совѣтами. А генералъ Луи Бота говорилъ, что хотя онъ самъ не трусъ и много видѣлъ храбрыхъ людей, но ничего подобнаго этому русскому полковнику онъ не только не видалъ, но и не воображалъ (he not only never saw, but never imagined anything like the bravery of this russian colonel). Одинъ изъ голландеровъ выражался о Максимовѣ такъ: «за нимъ нельзя не идти — это настоящій вождь» (a real leader).

Въ Преторіи Максимовъ оказался въ одной гостинницѣ съ нами, и тутъ уже я лично была свидѣтельницей сценки, тоже интересной съ точки зрѣнія русскаго самолюбія. За table d'hote мы обыкновенно сидѣли вмѣстѣ, всѣ русскіе находившіеся въ гостинницѣ. И вотъ разъ во время завтрака вошелъ въ залъ человѣкъ, въ одеждѣ и на лицѣ еще носившій слѣды только что перенесенныхъ военныхъ невзгодъ. Это былъ фанъ-деръ-Постъ, бывшій предсѣдатель палаты Оранжевой республики, потомъ одинъ изъ выдающихся начальниковъ отрядовъ. О немъ въ ту минуту всѣ говорили вслѣдствіе только что совершеннаго имъ подвига. При отступленіи къ сѣверу войскъ Девета, куда принадлежалъ его отрядъ, онъ очутился отрѣзаннымъ въ юго-западномъ углу Фрейштата, и отсюда пробился и пробрался до границы Трансвааля и занятыхъ еще бурами мѣстностей, черезъ всю англійскую армію. Минуя всѣ обращенныя къ нему привѣтствія, онъ прямо подошелъ къ Максимову, отвелъ его въ сторону и между ними завязался горячій разговоръ. Впослѣдствіи я узнала, что фанъ-деръ-Постъ желалъ вновь собиравшійся вокругъ него отрядъ и себя самого поставить подъ начальство Максимова.

Почти одновременно шесть комавдантовъ и нѣсколько сотъ человѣкъ разныхъ отрядовъ провозгласили Максимова фехтгенераломъ, честь изъ всѣхъ европейцевъ доставшаяся ему одному.

Это избраніе теперь, къ сожалѣнію, могло имѣть только формальное значеніе признанія прежнихъ заслугъ, такъ какъ продолженіе боевой дѣятельности Максимова было немыслимо вслѣдствіе ранъ, въ соединеніи съ сильной потерей крови, бывшей результатомъ того, что онъ, послѣ полученія ихъ, продолжалъ сражаться, да и потомъ неоднократно подвергалъ себя совершенно неподходящему въ его состояніи утомленію[1]).

[1]) Такъ, въ день боя подъ Кронстадтомъ, едва оправившись отъ мучительнаго переѣзда изъ-подъ Табанчу въ тряскомъ каррѣ, заслышавъ пальбу, несмотря на увѣщанія докторовъ, сѣлъ на лошадь съ еще открытыми ранами, и не только принялъ участіе въ объѣздѣ позицій началь-

Теперь, несмотря на состояніе, при которомъ большинство людей лежало бы пластомъ, онъ былъ на ногахъ и еще находилъ энергію выходить и присматриваться къ интереснымъ явленіямъ окружающей жизни — засѣданіямъ фольксраада, комитетовъ и т. п.; даже ѣздилъ въ Іоганнесбургъ и спускался въ рудники, чтобы осмотрѣть ихъ. Понятно, что такія неосторожности, подрывая едва возстановлявшіяся силы, должны были отчасти вводить окружающихъ въ заблужденіе насчетъ серьезности его ранъ; такъ, еще извѣщая о немъ въ телеграммахъ съ поля сраженія, мѣстные генералы отмѣчали, что онъ раненъ 3 раза, но, къ счастью, не тяжело (при височной ранѣ съ трещиной и отщепомъ кости!) Поэтому же господствовало предположеніе, что его боевая дѣятельность въ Трансваалѣ не закончена. Да и самъ Максимовъ долго упрямился, все надѣясь собраться съ силами, и многіе, какъ изъ европейцевъ, такъ и мѣстныхъ людей, устно и письменно заявляли о своемъ желаніи поступить подъ его начальство. Составлялись списки новаго отряда; Максимовъ продолжалъ имѣть дѣло съ правительствомъ по вопросамъ его вооруженія и снабженія.

Но событія быстро шли впередъ; оставленіе Преторіи было рѣшено; приходилось уводить отрядъ въ тяжелыя условія бродячей жизни въ дикихъ и нездоровыхъ сѣверныхъ областяхъ Трансвааля, при полной неопредѣленности собственно военныхъ плановъ. Максимову поневолѣ пришлось сдаться на мнѣніе докторовъ, что вести отрядъ въ такихъ условіяхъ было бы совершенно безполезнымъ для дѣла безуміемъ, и ему пришлось отказаться отъ этой мысли и уѣхать въ Европу именно тогда, когда пріобрѣтенныя имъ репутація и знаніе мѣстныхъ условій открывали ему въ Трансваалѣ широкое поле дѣятельности. Сформированный вновь отрядъ, числомъ около 400 человѣкъ, онъ передалъ, по собственному выбору, молодому Блиньо, сыну фрейштатскаго статсъ-секретаря, незадолго передъ тѣмъ произведенному въ генералы и даже назначенному Делареемъ командовать европейцами, отбившимися отъ «легіона»; но, какъ я уже говорила, изъ этого назначенія тогда ничего не вышло.

ствующими лицами, но одинъ произвелъ рекогносцировку, на которую не рѣшался никто изъ буровъ, причемъ, на возвратномъ пути подвергся преслѣдованію лансеровъ, у своихъ же, изъ Вакерстроомскаго командо былъ встрѣченъ выстрѣлами, такъ какъ «съ той стороны могъ ѣхать только непріятель». Пробывъ на лошади весь день и, понятно, дойдя до полнаго изнеможенія, свалился съ лошади, и будучи доставленъ въ госпиталь въ покинутомъ Кронстадтѣ, чтобы не попасть въ плѣнъ, опять сѣлъ верхомъ и доѣхалъ до Хонингъ-Спруйта, исходнаго пункта перерѣзанной желѣзнодорожной линіи (въ 70 километрахъ отъ Кронстадта).

Впослѣдствіи, уже по возвращеніи въ Европу, я слышала, что Бліньо со своимъ отрядомъ принесъ значительную пользу, оперируя по линіи желѣзной дороги къ Делагоа, причемъ хорошую службу ему сослужило большое количество динамита, заготовленное въ виду предположенія взорвать рудники, переданнаго ему Максимовымъ вмѣстѣ съ отрядомъ.

Самая обстановка провозглашенія Максимова фехтгенераломъ, обставленнаго нѣсколько торжественно, и передачи имъ отряда Бліньо, представляетъ много характернаго. Надо сказать, что, не имѣя твердаго военнаго устройства, буры хотя и дорожили своими національными цвѣтами, но привыкли смотрѣть на нихъ скорѣе какъ на символическое украшеніе, чѣмъ знамя, въ томъ значеніи, которое мы связываемъ съ этимъ словомъ. Знамя не было у нихъ необходимой принадлежностью и духовнымъ средоточіемъ командо. Въ теченіе войны отдѣльныя дамы и цѣлые кружки часто приносили въ даръ болѣе выдающимся начальникамъ и отрядамъ національные флаги, расшитые эмблемами и изреченіями изъ священнаго писанія [1]; но такое знамя просто стояло у ставки начальника, въ бой не выносилось, не служило сборнымъ пунктомъ во время сраженія и его безопасность никакого особеннаго безпокойства не внушала. Такъ, послѣ сдачи Кронье совершенно не былъ поднятъ вопросъ—куда дѣлось бывшее при немъ знамя, и мелкимъ отрядамъ, счастливо пробившимся изъ его лагеря черезъ линію обложенія, не пришло на умъ позаботиться о его спасеніи; да и англичане, судя по ихъ газетамъ, не придали этому куску матеріи никакого особеннаго значенія—правда, что ихъ собственныя знамена, изъ осторожности, не находились при частяхъ, а сохранялись дома, въ соборахъ [2]. Понятно, что такое отношеніе къ знамени (имѣвшемся въ голландскомъ отрядѣ еще до него) не могло удовлетворять Максимова—европейскаго офицера и самаго глубоко-военнаго человѣка, съ кѣмъ мнѣ приходилось встрѣчаться,—и въ своемъ отрядѣ онъ ввелъ совсѣмъ иное отношеніе къ знамени, вслѣдствіе чего оно и было въ цѣлости доставлено въ Преторію остатками hollander-corps'a, какъ я уже говорила, почти уничтоженнаго

[1]) Такъ, общество дамъ поднесло Кронье національный флагъ съ надписью: «Эбенедзеръ», что по-еврейски значитъ: «Господь да будетъ съ тобою»; такое же знамя нѣсколько дамъ изъ Вольмаранстадта поднесли религіозному единомышленнику и ученику Кронье, злополучному генералу Дютуа. Большее счастье сопровождало соединенный флагъ обѣихъ республикъ, доставленный г-жей Бота (женой командантъ-генерала) отъ имени женщинъ Преторіи президенту Штейну въ Кроонстадтъ и пересланный имъ фрейштатскому хоофткомандайту—Девету.

[2]) Иначе на какихъ грудахъ непріятельскихъ знаменъ могли бы покоиться такіе предводители, какъ, напр., Деветъ.

въ сраженіи при Ветриверѣ. Знамя это теперь служило средоточіемъ вновь формировавшагося отряда, и когда 24-го мая собраніемъ въ клубѣ «Голландія», состоявшемъ изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ буровъ и европейцевъ при 6-ти командантахъ, Максимовъ былъ провозглашенъ фехтгенераломъ, депутація, явившаяся за нимъ въ Transvaal-Hôtel, имѣла это знамя съ собою, такъ что по городу Максимовъ, еще весь въ перевязкахъ, ѣхалъ въ сопровожденіи коннаго эскорта, со своимъ знаменемъ. Готовившееся избраніе было, конечно, извѣстно и совпадало съ намѣреніями правительства; но невозможность для Максимова продолжать боевую дѣятельность къ этому времени вполнѣ выяснилась даже для него самого. Поэтому, пріѣхавъ въ «Голландію», онъ поблагодарилъ собраніе за сдѣланную ему честь, но заявилъ, что не въ состояніи сохранить командованіе и принужденъ передать его другому. Поднялись крики протеста, просьбы остаться; но по знаку начальника, что онъ желаетъ говорить, водворилось глубокое молчаніе. Тогда Максимовъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, помнятъ ли они, что ихъ первый долгъ по отношенію къ нему — безусловное повиновеніе, они клялись въ этомъ. На возгласы, что они готовы повиноваться ему и идти за нимъ куда угодно, онъ сказалъ, что теперь требуетъ повиновенія своему последнему приказу, чтобы они признали своимъ начальникомъ генерала Блиньо. Молчаніе. Тогда Максимовъ послалъ за Блиньо, предупрежденнымъ и ожидавшимъ этого вызова, представилъ его отряду, какъ своего замѣстителя и, поцѣловавъ, передалъ ему знамя. Блиньо, конечно, отвѣчалъ превознесеніемъ прежняго начальника, обѣщаніями по мѣрѣ силъ идти по его слѣдамъ, и беречь знамя, обильно политое кровью бывшаго начальника и его подчиненныхъ. Затѣмъ было приступлено къ формальной сторонѣ дѣла: избраніе Блиньо было оформлено оффиціальной бумагой, подъ которой первымъ подписался Максимовъ, а за нимъ и всѣ присутствовавшіе.

Это происходило почти наканунѣ нашего отъѣзда изъ Преторіи, но до этого пришлось еще видѣть и слышать немало интереснаго и характернаго для мѣстнаго населенія и дѣятелей въ эти критическія недѣли.

Большой интересъ представляло, напримѣръ, открытіе фольксраада — послѣдняго трансваальскаго фольксраада, по крайней мѣрѣ, на долгое время — особенно внушительное по сопровождавшимъ его обстоятельствамъ и собравшимся сюда свидѣтелямъ и зрителямъ. Особенной торжественностью отличалось, конечно, открытіе перваго фольксраада, хотя сидѣнья многихъ изъ членовъ остались пусты: четыре сидѣнья—командантъ-генерала Жубера, генерала Кока (смертельно раненаго при Эландслагте) и двухъ другихъ членовъ, умершихъ съ начала войны — Бар-

нарда и Тозена, были задрапированы крепомъ; на двухъ другихъ — плѣннаго генерала Кроньє и Д. Вольмаранса, отсутствовавшаго по дѣламъ республики, ярко выдѣлялись національные цвѣта; командантъ-генерала Бота, 2-го члена за Фрейгейдъ, ожидали хотя на нѣсколько часовъ, но онъ только прислалъ привѣтственную и ободряющую телеграмму.

Зато въ трибунахъ и мѣстахъ для зрителей не было пустыхъ мѣстъ. Здѣсь, кромѣ избранной мѣстной публики, собрались всѣ бывшіе тогда въ Преторіи выдающіеся иностранцы. Въ спеціальныхъ трибунахъ всѣ дипломатическіе и военные агенты, разнообразные мундиры которыхъ привлекали всеобщее вниманіе, особенно дамъ. Внизу, гдѣ сидятъ одни члены фольксраада, мѣста же для публики стоячіе, особенно привлекали вниманіе два кресла, принесенные для почетныхъ гостей — ирландскаго публициста патріота Давитта съ длинной бѣлой бородой и еще молодымъ оживленнымъ лицомъ, и для израненнаго, покрытаго повязками, Максимова. И тутъ, до входа президента Крюгера и открытія засѣданія, произошелъ одинъ изъ тѣхъ мелкихъ инцидентовъ, которые я записываю съ особеннымъ удовольствіемъ по ихъ значенію для нашей національной гордости. Предсѣдатель, генералъ Лукасъ Мейэръ уже занялъ свое мѣсто, когда къ нему подошелъ генералъ Смутсъ и обратилъ его вниманіе на что-то въ залѣ. Тогда онъ всталъ, сошелъ съ своего возвышеннаго мѣста и, подойдя къ сидѣвшему среди публики Максимову, обратился къ нему за себя и своихъ товарищей съ выраженіемъ благодарности за заслуги передъ ихъ страною и кровь, пролитую на ея защиту. Еще слабый отъ ранъ Максимовъ смутился, чуть не прослезился, и едва проговорилъ что-то о ничтожествѣ своихъ заслугъ.

Затѣмъ засѣданіе пошло своимъ порядкомъ. По приказанію предсѣдателя, пригласили членовъ 2-го фольксраада, президента республики и пастора Босмана для произнесенія молитвы. Послѣ окончанія молитвы, выслушанной съ большимъ благоговѣніемъ, не только трансваальцами, но и всѣми присутствовавшими, статсъ-секретарь Рейцъ прочелъ рѣчь президента. Рѣчь эта представляетъ много интереснаго и типичнаго, потому рѣшаюсь привести ее здѣсь хотя въ извлеченіи.

Господину предсѣдателю перваго фольксраада и
господамъ членамъ перваго и втораго фольксраада.

Господа!

Съ живымъ удовольствіемъ привѣтствую я васъ еще разъ въ этомъ залѣ вашихъ обычныхъ собраній и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всего сердца благодарю Бога, Правителя вселенной, сохранившаго васъ для того, чтобы

еще разъ принести всѣ силы и разумѣніе на служеніе нашего дорогого отечества и народа.

Нѣкоторые изъ членовъ вашего почтеннаго собранія, въ отвѣтъ на мое приглашеніе, увѣдомили меня, что неизбѣжный долгъ удерживаетъ ихъ при ихъ командахъ и они не могутъ принять участіе въ настоящей сессіи.

Настоящая война, кромѣ многихъ и тяжелыхъ жертвъ со стороны бюргеровъ обѣихъ республикъ, потребовала и кровавыя жертвы изъ среды членовъ нашихъ правительственныхъ органовъ, такъ что мы оплакиваемъ драгоцѣнныя жизни гг. І. Х. Барнарда, С. І. Тозена, І. Х. М. Кока, а также нашего возлюбленного вице-президента и командантъ-генерала П. І. Жубера: первый умеръ почетной смертью при Дордепортѣ, защищая родную землю отъ набѣга кафрскихъ полчищъ подъ начальствомъ англійскаго офицера; другой умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ, командуя нашими бюргерами при Эландслаагте; тогда какъ Тозенъ и нашъ вице-президентъ умерли отъ болѣзней, бывшихъ послѣдствіемъ усилій и неудобствъ походной жизни.

Грядущія поколѣнія съумѣютъ оцѣнить по достоинству дѣятельность покойнаго командантъ-генерала, которая заслужила ему уваженіе даже нашихъ враговъ, человѣчный же и рыцарскій образъ дѣйствій создалъ намъ мѣсто среди цивилизованныхъ народовъ.

Вслѣдствіе тяжелаго кризиса, переживаемаго республикой, выборы на освободившіяся въ обоихъ фольксраадахъ мѣста въ настоящее время немыслимы.

Я назначилъ г. Шалькъ-Виллема Бургера вице-президентомъ до того времени, какъ 1-й фольксраадъ выразитъ свои желанія по этому вопросу.

Я также назначилъ г. Луи Бота исправляющимъ должность командантъ-генерала Южно-Африканской республики до такого времени, когда будутъ возможны правильные выборы [1]).

Хотя это назначеніе г. Бота было личнымъ желаніемъ покойнаго командантъ-генерала, однако, я убѣжденъ, что оно встрѣтило также одобреніе всего народа.

Я глубоко тронутъ вѣрностью въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ народа нашей сестры-республики, ихъ готовностью выполнить всѣ обязательства договоровъ, тѣсно связавшихъ родственные народы, живущіе по обѣ стороны Вааля. Они ясно поняли, что это единодушіе необходимо, такъ какъ покушеніе на независимость Южно-Африканской республики

---

[1]) Общей подачей голосовъ всѣхъ лицъ мужского пола, достигшихъ 21-го года.

заключало въ себѣ угрозу будущаго уничтоженія независимости Оранжевой республики.

Энтузіазмъ и твердая вѣра въ будущее южно-африканскаго народа, обнаруженные нашими союзниками, послужили достойнымъ примѣромъ народу и правительству Южно-Африканской республики, серьезной нравственной поддержкой въ войнѣ, навязанной намъ Англіей; они еще болѣе поучительны для внѣшняго міра и для всѣхъ тѣхъ, кто съ интересомъ слѣдятъ за борьбой ради свободы нашего маленькаго народа. Это выраженіе на словахъ нашей благодарности въ этомъ торжественномъ засѣданіи, конечно, составляетъ только наименьшую долю нашего кровнаго долга передъ нашими братьями Оранжевой республики.

Да благословитъ ихъ Богъ за ихъ самоотверженіе на дѣло свободы.

(Слѣдуетъ извѣщеніе о попыткѣ мирныхъ переговоръ съ Англіей и посылкѣ депутаціи, почти въ однихъ выраженіяхъ, съ приведенной въ приложеніи № 2 рѣчью президента Штейна).

Присутствіе при нашемъ войскѣ военныхъ агентовъ многихъ державъ доказываетъ намъ интересъ этихъ правительствъ къ особенностямъ нашего военнаго устройства и способамъ веденія войны.

Въ то же время для меня служитъ большимъ утѣшеніемъ, что почти весь міръ сочувствуетъ намъ въ этой борьбѣ за свободу и справедливость, такъ что изъ многихъ странъ къ намъ присланы отряды Краснаго Креста для облегченія страданій нашихъ раненыхъ, и въ Европѣ, Азіи и Америкѣ собираютъ средства для помощи вдовамъ и сиротамъ убитыхъ.

Я надѣюсь, что вы примкнете ко мнѣ для выраженія нашей благодарности за эти дѣла человѣколюбія.

Я былъ вынужденъ обратиться съ протестомъ къ нейтральнымъ державамъ относительно дѣйствій, противорѣчащихъ всѣмъ обычаямъ международнаго права и войны между цивилизованными народами, какъ-то злоупотребленіе знакомъ Краснаго Креста и бѣлымъ флагомъ, неподобающее обращеніе съ ранеными на полѣ битвы, а также съ военноплѣнными и употребленіе чернокожихъ племенъ въ войнѣ противъ республикъ.

. . . . .

Господа, я кончаю молитвой, чтобы Верховному Вождю всѣхъ людей было угодно привести къ желанному концу эту тяжелую борьбу, предпринятую Его именемъ ради справедливости нашего дѣла. Да укрѣпитъ онъ начальствующихъ и подначальныхъ, чтобы, поддерживаемые Высшей силой и сознаніемъ своего долга ко многимъ храбрымъ, положившимъ жизнь за отечество, и къ будущимъ поколѣніямъ, надѣющимся

унаслѣдовать отъ насъ свободную страну, они продолжали борьбу твердо и неуклонно.

Да растетъ столь сильный и многообѣщающій южно-африканскій народъ, да разрастется онъ въ могучее дерево, и пусть наши дѣла покажутъ, что мы достойны найти мѣсто между независимыми народами.

Да поможетъ намъ Богъ въ достиженіи этого.

Я сказалъ

П. Крюгеръ, президентъ.

Такія же упованія высказывались и всѣми наиболѣе выдающимися и энергичными дѣятелями, но масса, какъ уже сказано, переживала тяжелыя и смутныя минуты. Тѣ самыя черты народнаго характера, которыя потомъ вызвали упорную геройскую борьбу, тогда вліяли въ совершенно противоположномъ направленіи, и неудивительно, что многимъ изъ пріѣзжихъ дѣло Трансвааля должно было казаться потеряннымъ.

За все время пребыванія въ Южной Африкѣ намъ постоянно приходилось слышать, даже читать въ газетахъ жалобы на то, что командированіе бюргеровъ, т. е. очередная высылка ихъ въ отряды «командо», производится неправильно, встрѣчаетъ большія затрудненія, что многіе здоровые и сильные люди подъ разными предлогами уклоняются отъ этой обязанности, вслѣдствіе чего въ лагеряхъ часто принуждены удерживать людей усталыхъ и даже больныхъ, и все же общая численность сражающихся остается ниже возможной и желательной нормы.

Рядомъ съ этимъ было, конечно, множество примѣровъ ухода въ отряды лицъ, не командированныхъ и даже еще не достигшихъ законнаго для того 16-ти-лѣтняго возраста. Мнѣ самой у фортивстримскаго фронта не разъ случалось изъ нашихъ нехитрыхъ запасовъ надѣлять славнаго 12-ти-лѣтняго мальчишку, убѣжавшаго изъ дому вслѣдъ за отцомъ и стремившагося постоянно въ опасныя мѣста. Вообще, патріотическій подъемъ духа былъ замѣтнѣе всего въ юномъ поколѣніи; причина тому была не только въ способности горячо увлекаться, свойственной этому возрасту, но, какъ мнѣ объясняли люди, близко стоявшіе къ дѣлу, и въ разумной патріотической постановкѣ образованія, введенной за послѣднія 15—20 лѣтъ трансваальскимъ секретаремъ (министромъ) по народному образованію г. Мансфельдомъ.

Тѣмъ не менѣе, равнодушіе и уклоненіе отъ военныхъ обязанностей были явленіемъ весьма нерѣдкимъ и получили особенно сильное распространеніе именно въ описываемый мною періодъ отъ первыхъ крупныхъ неудачъ до занятія англичанами Преторіи. Иностранцамъ и людямъ, ме-

нѣе увѣреннымъ въ основныхъ чертахъ народнаго характера, это обстоятельство могло внушить несправедливую оцѣнку этого характера.

Напомню, что серьезная война для граждан южно-африканскихъ республикъ не была, какъ для жителей европейскихъ государствъ, фактомъ, ясно предусмотрѣннымъ ихъ историческимъ развитіемъ и наслѣдственностью. Всѣ ихъ войны до сихъ поръ были или мгновенной вспышкой національнаго чувства противъ отдѣльнаго случая насилія (какъ это было съ набѣгомъ Джемсона или въ болѣе серьезной битвѣ при Маюбѣ), или же полуохотничьей, хотя и упорной борьбой съ мѣстнымъ дикимъ чернымъ населеніемъ. Правильную войну съ сильнымъ цивилизованнымъ государствомъ имъ приходилось вести еще въ первый разъ. Поэтому неудивительно, что многія изъ начальствующихъ лицъ не сразу примѣнились къ ея требованіямъ, и еще менѣе удивительно, что нѣкоторые изъ рядовыхъ буровъ сначала нехорошо понимали національное значеніе завязавшейся борьбы. Поэтому правительства обѣихъ республикъ, какъ въ своихъ прокламаціяхъ, такъ и въ полуоффиціальныхъ замѣткахъ оффиціозныхъ газетъ, постоянно старались практическими доводами и примѣрами изъ ихъ исторіи выяснить строго-національное значеніе войны, а также послѣдовательный характеръ правонарушеній и захватовъ со стороны англичанъ.

И, однако, для многихъ изъ рядовыхъ все это еще оставалось чѣмъ-то непонятнымъ, или, вѣрнѣе, непережитымъ, пока обстоятельства насильственно не втолкнули эти вопросы въ узкій кругъ ихъ обычныхъ интересовъ. Многіе буры, живя на одиноко разбросанныхъ фермахъ, до этого времени почти не занимались вопросами политическаго и административнаго характера, вполнѣ полагаясь во всемъ этомъ на Oom Paul'а, главною обязанностью котораго, по ихъ наивному убѣжденію, было именно избавлять ихъ отъ всѣхъ такихъ заботъ и взамѣнъ налоговъ давать имъ возможность безпечно жить на своихъ фермахъ, по всѣмъ ихъ исконнымъ правамъ и обычаямъ. Даже съ перемѣной въ образѣ правленія многіе, особенно изъ жителей Фрейштата, сильнѣе поддававшаго англійскому вліянію, пожалуй, еще помирились бы; но малѣйшее нарушеніе ихъ домашней обстановки и привычекъ широкой личной независимости должно было вызвать всю упорную стойкость этихъ замкнутыхъ натуръ.

Изъ этого понятно, какую грубую ошибку совершили англичане, сразу давъ почувствовать тяжесть своего владычества въ уже замиренныхъ частяхъ обѣихъ республикъ. Закрывъ глаза даже на дѣйствительныя нарушенія своихъ правъ, завоеватели еще могли бы пріучить населеніе къ новому порядку вещей; но первая мѣра строгости, хотя бы и оправданная съ точки зрѣнія военной оккупаціи, должна была разбудить всѣ самые высокіе инстинкты каждаго отдѣльнаго бура. Что же сказать

о безполезныхъ и безмысленныхъ жестокостяхъ, которыя, достигая до насъ только отчасти, глубоко возмущаютъ общественную совѣсть всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Первая сожженная ферма, искалѣченный ребенокъ, женщина, оскорбленная англійскимъ солдатомъ у или отданная на поруганіе черныхъ мародерамъ, дѣлали неминуемой борьбу на жизнь и на смерть, борьбу народную, своимъ геройствомъ удивившую самые воинственные народы старой Европы.

Въ послѣднее время нашего пребыванія въ Преторіи этотъ переворотъ въ общественномъ настроеніи не только давалъ себя чувствовать здѣсь, но даже въ Фрейштатѣ жители, сначала положившіе оружіе вслѣдствіе утомленія и временнаго упадка духа, стали въ большомъ числѣ группироваться вокругъ президента Штейна, Девета и другихъ вождей.

Въ Трансваалѣ, еще не занятомъ непріятелемъ, эти мотивы сопротивленія еще не сознавались такъ отчетливо. Но тѣмъ рѣзче раздавались обличенія тѣхъ болѣе дальновидныхъ патріотовъ, которые всѣми силами стремились вдохнуть въ гражданъ рѣшимость. Такъ, еще до моего возвращенія въ Преторію изъ Фортинстримса, какъ только телеграфъ принесъ извѣстіе о переходѣ англичанами Вааля, т. е. о первомъ нарушеніи границы, на Церковной площади состоялась, по назначенію фельдкорнета, сходка всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе. Здѣсь генералъ Шалькъ-Бургеръ, теперешній вице-президентъ, обратился къ нимъ съ энергичной рѣчью, весь смыслъ которой сводился къ воззванію не медлить болѣе и бороться, пока еще есть время и возможность.

На этой сходкѣ, по собственному почину, присутствовало немалое количество женщинъ. Очень интересную и характерную черту этого времени въ Преторіи представляетъ женская агитація въ пользу отчаяннаго сопротивленія. Африканскія женщины вообще отличаются, по моему, большей энергіей и воспріимчивостью, чѣмъ средній типъ мужчинъ. О непреклонномъ обращеніи совершенно беззащитныхъ женщинъ съ завоевателями еще во время нашего пребыванія въ Южной Африкѣ разсказывалось немало достойнаго памяти. Генералъ Кольбе, послѣ отступленія отъ линіи Моддера, оставилъ на своей фермѣ, на пути англичанъ къ Блумфонтейну, сестру, жену, свекровь и ея вторую дочь, вдову фельдкорнета Преторіуса. Говорятъ, M-elle Кольбе, привлекательность и безупречное изящество туалета которой Вильбуа отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, отпуская своего жениха, шедшаго въ командо ея брата, наказала ему не пытаться возвращаться для свиданія съ нею до окончательнаго изгнанія врага. Когда первый англійскій офицеръ попытался было верхомъ въѣхать въ широкія сѣни дома, она схватила лошадь подъ уздцы, заставила ее взвиться на дыбы и и повернула. Этотъ офицеръ перерылъ домъ въ поискахъ за оружіемъ и,

найдя только маленькій револьверъ молодой дѣвушки, имѣвшійся у нея, какъ она объяснила, для самозащиты отъ возбужденныхъ кафровъ, нашелъ нужнымъ отобрать и его. Голоднымъ солдатамъ женщины удѣляли отъ бывшаго въ домѣ хлѣба, но наотрѣзъ отказались печь его за плату. Точно также реквизированное генераломъ Туккеромъ молоко старуха, глава семьи, отослала въ сосѣднюю амбуланцію, заявивъ, что больнымъ оно нужнѣе; на требованіе продать лошадь, она же отвѣчала, что взять могутъ все, но онѣ ничего не дадутъ добровольно врагамъ отечества. Къ чести Туккера надо сказать, что онъ не настоялъ, и вообще на демонстративное поведеніе женщинъ онъ и его штабъ вели себя очень сдержанно, даже не заняли дома, а жили въ палаткахъ и только попросили позволенія укрыться отъ проливного дождя. Но это былъ рѣдкій примѣръ умѣренности даже въ этотъ ранній періодъ войны, когда разореніе жителей еще не было возведено въ принципъ; чаще и тогда случалось разореніе, сопряженное съ издѣвательствомъ, иногда самаго гнуснаго свойства. Но большинство женщинъ все же выказывали рѣдкое самообладаніе и неустрашимость. Послѣ разоренія фермы команданта Фурье англійскіе офицеры потребовали себѣ кофе у дочери команданта. Не говоря ни слова, она его сдѣлала и подала сама; но на вопросъ одного изъ офицеровъ, почему она не поручила это одной изъ служанокъ, она отвѣтила: «потому что я знаю, что когда наши люди услышатъ, что я на развалинахъ нашего имущества еще подавала вамъ кофе, то вы заплатите лишней жизнью за каждую налитую мною чашку».

Трансваальскія женщины еще съ самаго начала войны проявляли горячее, сознательное увлеченіе ею и, награждая восторженнымъ сочувствіемъ всѣхъ отличившихся въ ней, клеймили заслуженнымъ презрѣніемъ уклонявшихся отъ долга крови на защиту родины. Въ большомъ ходу были знамена и хоругви національныхъ цвѣтовъ, расшитыя библейскими изреченіями; нѣкоторые выдающіеся начальники получали ихъ въ даръ отъ того или другого женскаго общества или кружка. Однако, все это еще напоминало видѣнное не разъ и въ европейскія войны. Совершенно же оригинальной является серьезная агитація въ пользу вооруженія всѣхъ способныхъ на то женщинъ и замѣны остальными женщинами всѣхъ мужчинъ, еще занимавшихъ мирныя должности. Призывы къ подобному движенію раздавались еще до первыхъ неудачъ; но теперь они приняли совершенно серьезную и настоятельную форму, призывая женщинъ сплотиться на служеніе родинѣ и своимъ примѣромъ поддержать и вдохновить колеблющихся мужей и братьевъ. Считаю не лишнимъ привести здѣсь очень типичный образецъ подобнаго воззванія, появившійся на страницахъ «Volkstem'а» 3-го мая 1900-го года.

Преторія, 30-го апрѣля.

Сестры мои,—еще въ началѣ войны множество гражданокъ (burgeressen) желали взяться за оружіе и рядомъ съ бюргерами сражаться со врагомъ, но имъ со всѣхъ сторонъ препятствовали въ этомъ и онѣ были принуждены оставить свое намѣреніе. Война длится почти уже 7 мѣсяцевъ, и тысячами вывозятся войска изъ Англіи и ея колоній, чтобы избить нашихъ мужей, отцовъ и братьевъ, завладѣть нашей страной и насъ самихъ обратить въ рабство.

Думали ли вы о томъ, что будетъ съ нами и нашими дѣтьми, когда врагъ перебьетъ всѣхъ нашихъ мужей, отцовъ и братьевъ? Развѣ вы забыли поступки и ужасное обращеніе этого самаго врага въ 1880 и 1881 годахъ? Думаете ли вы, что онъ теперь удовольствуется однимъ рабскимъ подчиненіемъ съ нашей стороны?

Нѣтъ, насъ ждетъ болѣе ужасная участь; и сколькія изъ насъ тогда воскликнутъ: «Горы, падите на насъ! холмы, покройте насъ!» Наша страна, наши дома, мы сами и наши дочери падемъ жертвами опустошенія.

Бюргеры, еще сидящіе въ своихъ домахъ, соучастники въ убійствѣ и опустошеніи; и жена или дочь, которая не гонитъ своего мужа или сына, или брата къ фронту, чтобы сражаться вмѣстѣ со своими братьями и исполнять свой долгъ передъ своимъ Богомъ и своей страной, тоже участница въ убійствѣ и опустошеніи.

Сестры мои, слова мои рѣзки, но обдумайте и вы сами увидите, что онѣ справедливы. Сестры, прогоните отъ себя всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, чтобы они шли сражаться съ врагомъ; пойдемте еще дальше, возьмемтесь сами за оружіе и пойдемте въ бой. Храбрая женщина стоитъ больше сотни трусливыхъ мужчинъ. Выгонимте трусовъ, которые подъ разными предлогами еще остаются въ домахъ.

Сестры мои, устроимте во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ собранія, чтобы рѣшить, какъ намъ вооружиться и выйти въ бой. Наша страна въ большой опасности, и наша обязанность сдѣлать все для ея независимости. Опасность велика и мы не можемъ больше медлить.

Сестры, проснитесь, возстаньте, и Богъ насъ благословитъ.

Ваша согражданка

У. А. Д.

P. S. Сестры, неспособныя носить оружіе, могутъ помочь намъ другими способами—словами и убѣжденіемъ».

Это и подобныя воззванія не остались праздными словами. Послѣ перехода англичанами Вааля и послѣдовавшаго затѣмъ отступленія всѣхъ бурскихъ войскъ на сѣверъ, къ движенію дѣятельно примкнули женщины, общественное положеніе которыхъ до тѣхъ поръ заставляло соблюдать крайнюю осторожность въ поощреніи какихъ-либо народныхъ движеній и демонстрацій, и дѣло женской агитаціи сразу стало на твердую почву.

Въ половинѣ мая былъ назначенъ митингъ всѣхъ женщинъ Преторіи подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго пастора Босмана, краснорѣчиваго проповѣдника и ревностнаго патріота. Для митинга были открыты оба зала фольксраада (народнаго представительнаго собранія).

На этотъ первый митингъ мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось попасть, и знаю я объ немъ только по разсказамъ участвовавшихъ дамъ и Е. Я. Максимова. Это былъ, кромѣ предсѣдателя, пастора Босмана, единственный мужчина и вообще единственный посторонній зритель, которому удалось присутствовать на такомъ оригинальномъ собраніи. Этому исключенію онъ былъ обязанъ, конечно, увлеченію всѣхъ дамъ Преторіи его недавними подвигами, но болѣе всего собственной находчивости и удачной шуткѣ. Когда митингъ былъ объявленъ открытымъ и, по требованію дамъ, всѣ лица другого пола должны были удалиться, онъ объявилъ, что остается не какъ мужчина, а какъ раненый, съ чѣмъ дамы безпрекословно согласились.

Первый митингъ былъ весь посвященъ рѣчамъ, образецъ которыхъ представляетъ приведенное мною выше воззваніе. Затѣмъ было постановлено рѣшеніе трансваальскихъ женщинъ—предложить свои услуги правительству для замѣны мужчинъ по всѣмъ отраслямъ администраціи, не исключая даже полиціи городовъ или службы въ лагерныхъ комиссаріатахъ; тѣ же, которыя чувствуютъ въ себѣ силу, принять еще болѣе дѣятельное участіе въ борьбѣ за родину, образуютъ вооруженный женскій отрядъ подъ начальствомъ г-жи Анни Бота, жены командантъ-генерала Луи Бота. Затѣмъ было выбрано бюро для организаціи дѣла, раздачи оружія, записи желающихъ на разныя отрасли мирной дѣятельности. Въ составъ его вошли г-жа Бота, г-жа Элофъ, жена только что взятаго въ плѣнъ Рольфа Элофа, жена пастора Босмана, извѣстная организаціей благотворительнаго и больничнаго дѣла, и еще нѣсколько другихъ дамъ.

На слѣдующій день происходила вторая сходка, на которой мнѣ удалось быть. Сходка эта была гораздо менѣе интересна, такъ какъ вся была посвящена подробностямъ затѣяннаго дѣла; но я больше любовалась красивымъ оригинальнымъ зрѣлищемъ, совершенно единственнымъ въ своемъ родѣ, и жалѣла объ отсутствіи художника, способнаго схва-

тить весь смыслъ и всю прелесть его контрастовъ и красокъ. Большой полукруглый залъ совѣта, облицованный темнымъ рѣзнымъ дубомъ, съ такимъ же потолкомъ; тяжелые темные ряды сидѣній для членовъ фолькс-раада; высокая дубовая эстрада съ массивными креслами и столомъ, и въ этой строгой обстановкѣ, подъ яркими лучами тропическаго солнца, преломленными въ расписныхъ стеклахъ высокихъ готическихъ оковъ, цѣлое взволнованное море оживленныхъ, красивыхъ лицъ, изящныхъ туалетовъ и модныхъ шляпъ (меня всегда поражало умѣнье почти всѣхъ дамъ Преторіи одѣваться и гармонично сочетать въ костюмѣ самыя яркія и рискованныя краски). На эстрадѣ хорошенькая м-мъ Элофъ, взволнованная плѣномъ мужа, и болѣе сдержанная, но не менѣе рѣшительная г-жа Л. Бота со своимъ красивымъ лицомъ подъ изящной черной съ розовымъ шляпой. Къ эстрадѣ, поочередно, подходятъ записываться на выдачу оружія въ большой отрядъ. Вотъ подходитъ еще совершенная дѣвочка въ полукороткомъ платьѣ, но сильная и развитая для своего возраста. «Элла Потгитеръ», заявляетъ она, съ чувствомъ собственнаго достоинства произнося это имя, уже получившее почетную извѣстность. «Сколько тебѣ лѣтъ?» спрашиваютъ ее. — «Четырнадцать». — «Ты слишкомъ молода», раздается со всѣхъ сторонъ. — «Возьмите меня и вы увидите, умѣю ли я стрѣлять», отвѣчаетъ она.

У другихъ столовъ записываются на болѣе мирную дѣятельность канцелярій, комиссаріата и т. п.

Для меня въ это собраніе была одна и пріятная и неловкая минута, когда, прежде чѣмъ взойти на эстраду, г-жа Л. Бота, отыскавъ меня въ толпѣ, спросила, не пожелаю ли я, какъ ей угодно было выразиться, уже доказавшая свое отношеніе къ опасности, присоединиться къ ея отряду. Пришлось отвѣтить, что, какъ сестра, я всегда къ услугамъ всякаго отряда, нуждающагося въ моей помощи, и, конечно, почту за счастье сопровождать ее въ походъ; но что принадлежность къ «Красному Кресту» и данная мною подписка обязываютъ меня не принимать дѣятельнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Неловкость же состояла въ томъ, что она въ разговорѣ спросила мое искреннее мнѣніе о своей затѣѣ. Мнѣ, поневолѣ, пришлось высказать несимпатичный окружающимъ взглядъ, что хотя самый фактъ женской патріотической агитаціи я признаю весьма полезнымъ и отраднымъ явленіемъ, но его практическое примѣненіе въ формѣ отдѣльнаго женскаго отряда кажется мнѣ ошибкою. Не представляя самъ по себѣ особенно цѣнныхъ боевыхъ данныхъ, по неизбѣжной нервности, развивающейся въ большой толпѣ женщинъ, онъ со стороны врага вызоветъ только грубыя насмѣшки и непремѣнное желаніе захватить его врасплохъ, остальные же отряды, состоящіе изъ братьевъ, мужей

и знакомыхъ, будутъ стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ постояннымъ стремленіемъ оградить женщинъ отъ всякихъ случайностей, особенно же отъ плѣна; но присутствіе при обыкновенныхъ отрядахъ нѣсколькихъ достаточно умныхъ и рѣшительныхъ женщинъ, для помощи раненымъ и поднятія духа остальныхъ, въ этомъ именно фазисѣ войны я считаю полезнымъ и желательнымъ.

Но настоящимъ торжествомъ для моей національной гордости была минута, подъ конецъ засѣданія, когда м-мъ Бота уже оффиціально попросила меня къ своему предсѣдательскому мѣсту и оттуда громко обратилась ко мнѣ со слѣдующими словами: «Sister, мы остаемся при нашемъ рѣшеніи образовать отдѣльный боевой отрядъ изъ женщинъ и начальство надъ нимъ, какъ вы знаете, поручено мнѣ. Но я хорошо понимаю, что для такого дѣла недостаточно увлеченій и даже храбрости: необходимъ опытъ и знаніе военнаго дѣла. Отъ мужа я знаю, что вашъ соотечественникъ colonel Maximoff самый храбрый человѣкъ въ Трансваалѣ и даровитый предводитель. Вы живете съ нимъ въ одной гостинницѣ и еще сегодня его увидите. Прошу васъ передать ему наше общее желаніе подчиниться только ему, храбрѣйшему изъ сражающихся за насъ».

Я, конечно, отвѣтила, что горжусь ея словами, очень польщена возложеннымъ на меня порученіемъ и не сомнѣваюсь, что мой соотечественникъ будетъ тронутъ такимъ мнѣніемъ ея храбраго мужа и сдѣланной ему честью. Однако, въ качествѣ сестры, я должна выразить свое сомнѣніе, въ состояніи ли онъ въ настоящее время командовать хотя бы дамскимъ отрядомъ.

Порученіе я исполнила въ тотъ же день и должна сказать, что мой раненый отнесся весьма сочувственно къ мысли получить подъ свое начало такой необыкновенный отрядъ, обѣщая со своими молодцами-голландерами позаботиться, чтобы ихъ затѣя не обошлась имъ слишкомъ дорого.

Но всѣ эти прекрасные планы не осуществились. Мысль объ отдѣльномъ женскомъ боевомъ отрядѣ впослѣдствіи была оставлена вслѣдствіе дѣйствительныхъ неудобствъ такого дѣла... Тѣмъ не менѣе, многія женщины въ послѣдующіе дни отправились къ войскамъ и, какъ слышно, нѣкоторыя изъ нихъ и до послѣдняго времени принимали дѣятельное участіе въ борьбѣ, раздѣляя трудъ и опасности и поддерживая бодрость духа мужчинъ.

Въ это время не было еще рѣшено окончательно, какую форму приметъ борьба въ ближайшемъ будущемъ. Преторія, хорошо укрѣпленная фортами новѣйшаго образца, снабженными достаточной артиллеріей, представляла данныя для продолжительной защиты, и нѣкоторые стояли за

такое рѣшеніе, отчасти въ надеждѣ еще сильнѣе поразить воображеніе Европы этой картиной отчаянной защиты старика-президента на развалинахъ своей столицы и дождаться какихъ-либо новыхъ политическихъ комбинацій. Во всякомъ случаѣ, за этотъ планъ можно сказать, что онъ принудилъ бы англичанъ сосредоточить почти всѣ свободныя войска на пунктѣ, столь отдаленномъ отъ ихъ базиса и далъ бы возможность даже небольшимъ отрядамъ, дѣйствуя на ихъ растянутыя сообщенія, сильно осложнять для нихъ вопросъ подвоза. Притомъ, все это большое количество войскъ оказалось бы скученнымъ въ пагубныхъ условіяхъ стоянки въ открытомъ полѣ въ теченіе наступившей уже трансваальской зимы. Но и для осажденныхъ этотъ планъ представлялъ огромныя затрудненія со стороны безопасности невоюющаго населенія, которое пришлось бы выслать безъ крова и средствъ существованія въ занятую непріятелемъ страну, а также со стороны снабженія большого количества войскъ, потребнаго для сколько-нибудь успѣшной защиты, иначе Преторія скоро очутилась бы въ положеніи еще болѣе критическомъ, чѣмъ Ледисмитъ, такъ какъ всѣ окружающія возвышенности неминуемо попали бы въ руки непріятеля, форты были бы разобщены, водоснабженіе прекращено и сдача стала бы неизбѣжной. Врядъ ли въ данное время правительство имѣло въ своемъ распоряженіи достаточное количество войскъ; и тѣ приходилось, такимъ образомъ, ставить на одну карту, въ зависимости отъ весьма невѣрныхъ политическихъ комбинацій, оставляя всю остальную страну совершенно беззащитной. Неудивительно, что на этомъ рѣшеніи, въ концѣ концовъ, не остановились, а, напротивъ, стали спѣшно готовиться къ эвакуаціи столицы. Больше шансовъ на успѣхъ и болѣе легкое выполненіе представлялъ планъ, предложенный нѣкоторыми изъ молодыхъ и энергичныхъ начальниковъ, сосредоточить защиту вокругъ Іоганнесбурга, главной цѣли всего похода въ глазахъ англичанъ, минировать рудники, дойти даже до взрыва ихъ, или этой угрозой заставить аферистовъ, главныхъ виновниковъ войны, подѣйствовать на англійское правительство въ мирномъ направленіи. Врядъ ли такое воздѣйствіе могло въ это время измѣнить ходъ событій, такъ какъ, вслѣдствіе перенесенныхъ англичанами неудачъ и униженій, эта война изъ борьбы за богатства Ранда и его рудниковъ, обратилась въ дѣло національнаго самолюбія, которое не удовлетворилось бы сомнительнымъ примиреніемъ. Но умѣлое выполненіе этого плана могло бы значительно затянуть дѣло, задержать наступленіе англичанъ и дать время на реорганизацію командъ и менѣе спѣшную эвакуацію Преторіи. Ему воспротивился самъ президентъ Крюгеръ, смотрѣвшій и на этотъ, столь близкій ему вопросъ, съ обычной прямотой и добросовѣстностью; онъ находилъ,

что, продавъ концессіи иностраннымъ компаніямъ, трансваальское правительство не въ правѣ подрывать эти предпріятія и разорять акціонеровъ, изъ которыхъ многіе даже не англичане. Напрасно ему ставили на видъ, что европейскія правительства своимъ равнодушіемъ къ явному правонарушенію и грубому насилію, наконецъ, отказомъ дать Трансваалю воспользоваться правомъ установленнаго между цивилизованными народами третейскаго суда, поставили его въ исключительное и отчаянное положеніе, при которомъ всѣ средства хороши и нечего стѣсняться интересами иностранцевъ, по большей части, враждебныхъ и несущихъ часть отвѣтственности за эту несправедливую и разорительную войну. Крюгеръ настоялъ на своемъ, такъ что защита Іоганнесбурга, стоившая все же англичанамъ значительныхъ потерь, была со стороны Боты только фиктивной, съ цѣлью выиграть нѣсколько лишнихъ дней для Преторіи, гдѣ теперь форты усиленно разоружались, артиллерія, амуниція, запасы вывозились на Миддельбургъ и Ватерфаль-бовенъ, слѣдующіе пункты, гдѣ сосредоточилась оборона. Важнѣйшія части государственнаго архива и казна также были вывезены.

По поводу удаленія государственной трансваальской казны изъ Преторіи, англичане пытались запятнать президента Крюгера обвиненіемъ, что часть этой казны переведена имъ въ Европу на собственное имя. Ничѣмъ не доказанное обвиненіе честнаго противника, конечно, позоритъ только борящихся такими пріемами; но въ виду частаго повторенія этого обвиненія, считаю не лишнимъ объяснить здѣсь, что въ Европу, кромѣ суммъ, поставленныхъ въ распоряженіе тогдашняго уполномоченнаго бурскихъ республикъ д-ра Лейдса и членовъ чрезвычайной миссіи гг. Фишера, Вессельса и Вольмаранса, переведено только личное состояніе президента Крюгера, въ послѣднее время значительно затронутое вслѣдствіе того, что въ критическія минуты, когда правильная ассигновка большихъ суммъ представляла затрудненія, президентъ щедро черпалъ изъ него на государственные расходы [1]). Государственная же казна, вывезенная изъ Преторіи съ приближеніемъ англичанъ, передъ отъѣздомъ Крюгера въ Европу, передана членамъ временнаго правительства съ вице-президентомъ Шалькомъ Бургеромъ во главѣ.

---

[1]) Такимъ образомъ, президентъ Крюгеръ не только не присвоилъ себѣ какихъ-либо суммъ, принадлежавшихъ государству, но, напротивъ, оно осталось у него въ долгу. Кромѣ того, онъ уже почти 20 лѣтъ съ назначенія ему личнаго оклада въ 8,000 фр. (80,000 р.) предоставлялъ 3/4 этой суммы, т. е. 6,000 ф., на увеличеніе окладовъ служащимъ, не обладавшимъ личнымъ состояніемъ.

Повторяю, эта басня позоритъ не маститаго президента, а лицъ, прибѣгающихъ къ такой лжи. Напротивъ, въ эти послѣдніе дни эвакуаціи созданной имъ столицы, оставленія врагу родного крова и многихъ дорогихъ и близкихъ, престарѣлый президентъ еще разъ далъ примѣръ той глубокой добросовѣстности—не денежной, объ этомъ и говорить смѣшно и противно,—а присущаго всей его жизни примѣненія нравственной мѣры къ вопросамъ политики и даже войны. По невозможности въ тогдашнихъ условіяхъ связывать себя присутствіемъ въ Миддельбургѣ или Ватерфалѣ многихъ тысячъ англійскихъ плѣнныхъ, собранныхъ теперь въ Преторіи и ея окрестностяхъ, ему предложили помѣстить ихъ подъ небольшимъ прикрытіемъ въ гористомъ Лейденбургскомъ округѣ, послѣднемъ, куда могли проникнуть англійскія войска. Но Крюгеръ обратилъ вниманіе, что эта мѣстность нездорова, особенно же пагубна для пріѣзжихъ европейцевъ, и онъ не имѣетъ права посылать людей на почти вѣрную болѣзнь и смерть. На всѣ возраженія, что онъ не обязанъ также печься о долгоденствіи враговъ, которые, попавъ на свободу, несомнѣнно, увеличатъ число сражающихся противъ нихъ, онъ уперся со свойственной ему въ такихъ случаяхъ непреклонностью и, благодаря его настоянію, около 10,000 англичанъ были вывезены на португальскую территорію (въ сторонѣ Лоренцо-Маркеза) и тамъ отпущены на честное слово не сражаться противъ Трансвааля. Около 4-хъ тысячъ рядовыхъ и 200 офицеровъ, не давшіе слова, или которыхъ не успѣли отправить своевременно, были освобождены занявшими Преторію войсками, и за ихъ хорошее состояніе говоритъ, что они могли быть тотчасъ употреблены лордомъ Робертсомъ на пополненіе убыли въ его войскѣ, истощенномъ наступленіемъ отъ Блумфонтена. Но и вывезенные на португальскую территорію англичане, едва добравшись до Лоренцо, сѣли на корабли, шедшіе въ Дурбанъ, и этимъ путемъ быстро вернулись въ ряды дѣйствующей арміи, ни мало не стѣсняясь даннымъ ими честнымъ словомъ. И, вообще, во все продолженіе войны прямо поразительно это безразличное отношеніе англичанъ не только къ законамъ чести въ образѣ веденія войны, но даже къ данному лично слову; и если буры въ послѣдующій періодъ войны, по нѣскольку разъ захватывая тѣхъ же противниковъ, не пользовались своимъ правомъ вѣшать ихъ (при невозможности держать плѣнныхъ), то это слѣдуетъ приписать только ихъ природному отвращенію убивать безъ необходимости, да еще разсчету, что люди, такъ легко сдающіеся, и въ будущемъ не представляютъ опаснаго противника, при увѣренности же въ ожидающей ихъ смерти, будутъ сражаться отчаянно по необходимости. Поэтому буры довольствовались тѣмъ, что отбирали у плѣнныхъ оружіе, амуницію, продовольствіе и даже одежду, отпуская ихъ, такимъ

образомъ, въ довольно курьезномъ видѣ, но который, благодаря сравнительно теплому климату, не представлялъ серьезныхъ неудобствъ. Послѣдняя мѣра была, однако, вовсе не насмѣшка, а результатъ собственной нужды буровъ, при разореніи страны не имѣвшихъ другого способа пополнять свой туалетъ, такъ что даже начальствующія лица иногда нуждались въ самомъ необходимомъ.[1]) Въ этихъ условіяхъ понятно, что большинство буровъ безъ стѣсненія пользовались платьемъ, отобраннымъ у враговъ, но это пользованіе являлось далеко не безопаснымъ, такъ какъ англичане много разъ разстрѣливали людей, захваченныхъ ими въ хаки, хотя буры старательно спарывали съ нихъ пуговицы и другія знаки принадлежности къ англійской арміи; а безъ этихъ знаковъ эти хаки представляютъ только платье, ни матеріей, ни покроемъ не разнящееся отъ общеупотребительнаго подъ тропиками, какое носили при мнѣ всѣ доктора, добровольцы и буры-горожане (тогда какъ фермеры обходились, по большей части, предметами домашняго изготовленія). Этотъ мундиръ введенъ англичанами въ видахъ именно удобства и скрытности и они не имѣли ни малѣйшаго права срывать свою злобу разстрѣливаньемъ, пока ихъ противниками не были присвоены военныя нашивки, только и отличающія мундиръ отъ обыкновеннаго штатскаго хаки, или употреблены другіе некорректные способы, чтобы ввести ихъ въ заблужденіе.

Но это были вопросы и обстановка уже послѣдующаго времени, которое мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось пережить съ бурами. Тотчасъ послѣ нашего пріѣзда въ Преторію, мы встрѣтились тамъ съ д-ромъ фанъ-Леерсумомъ. Онъ объяснилъ намъ, что намѣренъ со слѣдующимъ кораблемъ отплыть въ Голландію, старшинство же свое передалъ д-ру фанъ-Дисселю. Это распоряженіе нельзя считать особенно удачнымъ, такъ какъ д-ръ фанъ-Диссель выражалъ намѣреніе скоро также вернуться въ Европу, явно тяготился оставленной ему отвѣтственностью и не только не старался поддерживать дѣятельность отряда, но явно желалъ избавиться отъ возможно большаго числа персонала. Теперь онъ при пустомъ госпиталѣ, такъ какъ больные были вывезены, остался въ Кронстадтѣ съ частью персонала, открыто заявлявшаго о своемъ желаніи напослѣдки посмотрѣть англійскую оккупацію и затѣмъ быть отправленными домой путемъ Капштадта. Съ этой частью отряда я уже не встрѣчалась, но, судя по послѣднимъ корреспонденціямъ д-ра Кухаренко,

---

[1]) Рейцъ, напримѣръ, писалъ своей женѣ въ Голландію, что все его платье покрыто заплатами изъ овечьей шкуры; такой же шкурой приходилось обвязывать ноги при недостаткѣ обуви — до перваго англійскаго транспорта.

планъ этотъ былъ ими выполненъ вполнѣ удачно и, оказавъ нѣкоторую помощь англійскому санитарному персоналу въ уходѣ за большимъ количествомъ больныхъ, накопившихся у англичанъ за ихъ передвиженіе между Блумфонтеномъ и Кронстадтомъ, получивъ за это личную благодарность лорда Робертса, они, вполнѣ довольные, направились домой черезъ Капштадтъ и Лондонъ. Я, счастлива сказать, что въ этомъ добровольномъ, невынужденномъ обстоятельствами, невыѣздѣ за своими войсками, которое я считаю не корректностью со стороны персонала, высланнаго въ Африку въ условіяхъ и на средства нашего отряда, не приняла участія ни одна изъ русскихъ сестеръ. Изъ нихъ сестра Якобсенъ въ эту минуту работала у фронта, въ арміи генерала Бота, съ голландской сестрой фанъ Марзефенъ и д-ромъ Боргнгауптомъ; не сомнѣваюсь, что она продолжала бы работать и въ самыхъ тяжелыхъ и опасныхъ условіяхъ, если бы отъѣздъ д-ра Боргнгаупта и невозможность оставаться безъ доктора и нравственной гарантіи амбуланціи не вынудили ее уѣхать. Сестра Ежовская, вернувшаяся въ Преторію одновременно со мною и д-ромъ Веберомъ, заявила о своемъ намѣреніи вернуться въ Россію по истеченіи обязательнаго срока, предусмотрѣннаго нашимъ условіемъ съ комитетомъ. То же, по причинамъ здоровья, была принуждена сдѣлать и сестра Мейэръ, находившаяся теперь съ нами въ Преторіи. Значительныя опасенія внушала намъ неизвѣстность насчетъ судьбы сестры Мейснеръ, какъ я уже расказывала, отправленной вмѣстѣ съ сестрою фанъ-Схермбекъ въ пространство, съ неопредѣленымъ и трудно выполнимымъ порученіемъ отыскать д-ра Ромейна. На наши представленія по этому поводу, фанъ-Леерсумъ отвѣчалъ, что онъ, конечно, не понялъ хорошо, почему обѣ сестры уѣзжаютъ съ д-ромъ Веберомъ, но, главное, ухватился за этотъ способъ найти дѣло (хорошо дѣло!) двумъ сестрамъ, такъ какъ д-ръ Диссель желалъ избавиться отъ всего лишняго персонала и сохранить при себѣ только лицъ, готовыхъ во всякое время и во всякихъ условіяхъ отплыть домой. Такое объясненіе не могло успокоить насъ насчетъ безопасности сестеръ, и мы искренно обрадовались, когда разъ вечеромъ онѣ появились неожиданно съ послѣдняго поѣзда изъ Клерксдорпа. Оказалось, что доктора Ромейна, работавшаго около Таунгса, вѣроятно, при лично знакомомъ ему Либенбергѣ, онѣ отыскать не могли и, попавъ въ двигавшуюся отъ Христіаніи волну отступленія и бѣгства, были счастливы встрѣтить въ этой неурядицѣ нашего прежняго больного, фанъ-Лира, находившагося здѣсь во главѣ отряда; онъ по возможности, о нихъ позаботился и, возвращаясь уже не почтовымъ сообщеніемъ, понятно прерваннымъ, а съ кѣмъ и какъ попало, имъ все же удалось поработать и оказать значительную помощь, затеряннымъ въ этомъ безпорядкѣ

больнымъ. Мелкихъ эпизодовъ и приключеній онѣ, конечно, пережили множество, и однимъ изъ нихъ очень разсмѣшили насъ, членовъ фортинстримскаго отряда. Въ волнѣ отступленія, онѣ, оказывается, наткнулись на нашу старую знакомую m-me Touvenot, ѣхавшую, по ихъ словамъ, на лафетѣ. Узнавъ на сестрѣ Мейснеръ нашу форму, она остановила ихъ сначала, чтобы передать какой-то инструментъ, оставшійся случайно у нея; но, наткнувшись на нѣмку и голландку, не сразу понявшихъ, кто она и въ чемъ дѣло, по обыкновенію, вспылила и очень безцеремонно обругала сестру Схермбекъ, какъ одну изъ тѣхъ голландцевъ, которые оставляли доктора безъ запасовъ у фронта, Богъ знаетъ въ какой глуши и т. д. Сестра Схермбекъ веселая, хорошая работница и лично совершенно невинная въ нашихъ злоключеніяхъ, кромѣ того слышавшая отъ насъ въ Іоганнесбургѣ о странностяхъ m-me Touvenot, конечно, не приняла этой нелѣпой выходки къ сердцу, а, напротивъ, съ большимъ юморомъ описывала намъ драматическое обращеніе къ ней съ высоты лафета. Черезъ нѣсколько дней появилась и сама m-me Touvenot и, несмотря на мелкія неудобства характера, кажется, искренно всѣмъ намъ обрадовалась.

Теперь сестра Мейснеръ колебалась между утомленіемъ отъ несвойственныхъ ея мягкому характеру условій дѣятельности и нежеланіемъ бросить дѣло безъ крайней необходимости; сестра же Схермбекъ прямо заявляла, что хочетъ пробыть въ Африкѣ еще недѣли 3, дождаться извѣстій о другихъ членахъ отряда, потомъ же обязательно уѣдетъ въ Голландію.

По этому заявленію фанъ-Леерсумъ, кромѣ общаго разсчета, безпрекословно выдалъ ей на эти 3 недѣли 30 ф. (300 р.). Эти деньги дали ей возможность вмѣстѣ съ сестрою Мейснеръ отсрочить свой отъѣздъ до слѣдующаго корабля. При приближеніи англичанъ, онѣ выѣхали въ Крюгерсдорпъ, гдѣ еще происходила борьба, все надѣясь найти д-ра Ромейна, пристроились въ тамошней больницѣ, съ нею попали въ руки англичанамъ и послѣ непродолжительной работы были доставлены ими обратно въ Европу.

Что касается меня, то я тотчасъ по пріѣздѣ въ Преторію, видѣлась съ д-ромъ фанъ-Леерсумомъ, опротестовала высылку на мое мѣсто коголибо къ д-ру Ромейну, который не заявлялъ желанія такой перемѣны, какъ и я не отказывалась съ нимъ работать, и просила фанъ-Леерсума, разъ такое недоразумѣніе произошло, позаботиться о возможности для меня примкнуть къ кому-либо изъ д-ровъ отряда, или вообще о возможности продолжать работу, хотя бы въ иныхъ условіяхъ. Но фанъ-Леерсумъ былъ слишкомъ занятъ собственнымъ отъѣздомъ, да и вообще, ко-

нечно, не стремился сдѣлать мнѣ пріятное и, выдавая такъ щедро деньги своей соотечественницѣ, ни мало не скрывавшей свое намѣреніе въ скоромъ времени вернуться въ Европу, мнѣ неоднократно заявлявшей о своей готовности работать до конца и во всякихъ условіяхъ, не счелъ нужнымъ дать средства продлить свое пребываніе въ Трансваалѣ, а напротивъ, поторопился закончить разсчетъ и выдать дорожныя деньги, этимъ путемъ ставя меня уже внѣ защиты амбуланціи и ея управленія, а кромѣ того, въ необходимость воспользоваться послѣдними имѣвшимися средствами для отъѣзда, такъ какъ возвращаться пользуясь любезностью англичанъ, взамѣнъ оказанныхъ имъ услугъ, я не сочла бы возможнымъ, по своему отношенію къ нимъ въ вопросѣ этой войны; доставка же денегъ изъ Европы была настолько затруднена, что приходилось встрѣчать мужчинъ, между добровольцами и членами санитарныхъ отрядовъ, не имѣвшихъ возможности выѣхать по этой причинѣ. Такимъ образомъ, очень неохотно, мнѣ пришлось уступить настояніямъ находившихся въ Преторіи членовъ отряда и даже совѣтамъ моихъ друзей изъ мѣстныхъ жителей. Рейцъ, чисто дружеское отношеніе котораго въ это время я вспоминаю съ гордостью и благодарностью, прямо сказалъ мнѣ: «Вы понимаете, sister, что будь положеніе, хотя немного менѣе неопредѣленно, мы были бы счастливы предложить вамъ свой домъ, пока выяснилась бы возможность для васъ дальнѣйшей работы. Но я самъ не увѣренъ ни въ одномъ днѣ, скоро, вѣроятно, буду принужденъ выслать семью въ Европу. Вамъ же, въ виду распаденія отряда, я не могу посовѣтовать остаться одной въ гостинницѣ, въ захваченномъ англичанами городѣ—это слишкомъ большой рискъ, безъ всякой пользы для насъ». И въ видѣ утѣшенія онъ прибавилъ: «Вы, я думаю, даже возвратившись по необходимости, можете принести пользу нашему дѣлу, распространяя то, что вы видѣли и что слышали отъ меня. Въ Европѣ о насъ много говорятъ, но совершенно насъ не знаютъ, и даже изъ пріѣзжавшихъ сюда европейцевъ большинство насъ не понимаетъ. Сознаюсь, что многое я объяснялъ вамъ именно съ этою мыслью». Часто во время обработки привезеннаго мною матеріала я вспоминала эти слова, и не моя вина, а мое несчастье, если я не съумѣла передать въ этихъ страницахъ свою искреннюю привязанность къ странѣ и людямъ. Съ тяжелымъ сердцемъ рѣшилась я на отъѣздъ и до послѣдней минуты пыталась пристроиться къ какой-либо больницѣ или санитарному отряду. Съ благодарностью вспоминаю желаніе помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ дамъ, какъ г-жи Рейтцъ, г-жи Селліе и другихъ. Но и для нихъ все представлялось слишкомъ смутнымъ и неопредѣленнымъ, чтобы ихъ содѣйствіе могло явиться очень серьезной поддержкой; да нѣкоторыя по-

кинули Преторію еще до меня, у другихъ же явная близость непріятельской оккупаціи отнимала энергію и самую возможность что-либо организовать и устроить. Вездѣ затруднялись наличнымъ персоналомъ и не желали еще брать на свою отвѣтственность постороннихъ лицъ. Вскорѣ это отношеніе совершенно измѣнилось, вслѣдствіе отъѣзда почти всего санитарнаго персонала; но тогда эта перспектива казалась слишкомъ неопредѣленной, а возможность въ случаѣ необходимости, пополнить свои денежныя средства слишкомъ невѣрной, чтобы долгое колебаніе было возможно.

Невыгодное положеніе женщинъ въ этомъ случаѣ понятно; но меня всегда удивляла манія отъѣзда, охватившая въ эту минуту мужчинъ, даже тѣхъ, которыхъ никакія служебныя или семейныя причины не вынуждали на отъѣздъ. И дѣйствительно, моментъ занятія Преторіи замѣчателенъ, какъ моментъ почти всеобщаго отъѣзда иностранцевъ. еще такъ недавно усиленно стремившихся въ Трансвааль. Этотъ исходъ былъ вѣроятно, обусловленъ у большинства совершенно искреннимъ убѣжденіемъ, что война окончена и предстоитъ только мало интересное детальное замиреніе отдѣльныхъ округовъ и кучекъ воюющихъ. Противъ этого, охватившаго всѣхъ убѣжденія, напрасно говорили какъ наиболѣе сознательные изъ мѣстныхъ дѣятелей, такъ и немногіе европейцы, успѣвшіе дѣйствительно сблизиться съ бурами, понять ихъ общественный строй и народный характеръ.

Особенно энергично въ этомъ смыслѣ высказывался Максимовъ, самъ формально разболѣвшійся отъ боли и досады, что приходится уѣзжать, оставлять неоконченное дѣло и людей, съ которыми его сблизило кровное товарищество поля сраженія. Но общее настроеніе было дѣйствительно подавляющее и оно обусловило преждевременный и какъ будто легкомысленный отъѣздъ большинства изъ пріѣзжихъ помощниковъ буровъ. Изъ санитарнаго персонала немного недѣль спустя послѣ занятія Преторіи непріятелемъ, и въ самый разгаръ послѣдовавшей партизанской войны, въ южной-Африкѣ оставалось всего два доктора-европейца. Эти два, выдержавшіе до конца взятое на себя нравственное обязательство. голландецъ, д-ръ Путема, и нашъ д-ръ фонъ-Ренненкампфъ. Эти два человѣка не даромъ заслужили глубокую благодарность буровъ, уваженіе и дружбу ихъ вождей. Стыдишься незначительности своей собственной работы, но вмѣстѣ съ тѣмъ радуешься и умиляешься при мысли о понесенныхъ ими трудахъ и лишеніяхъ и о принесенной пользѣ, почти превышающей естественную норму единичнаго человѣка: если бы русское общество выслало къ бурамъ одного д-ра Ренненкампфа, оно уже имѣло бы полное право на ихъ признательность и можетъ вполнѣ гордиться этимъ представителемъ своего сочувствія ихъ дѣлу.

Этимъ я, конечно, не хочу умалить заслуги другихъ, поработавшихъ на этомъ поприщѣ въ ранніе періоды войны,—дѣятельности ихъ я, надѣюсь, по возможности, отдала справедливость въ этихъ запискахъ. Но нельзя не пожалѣть о поголовномъ непониманіи страны и народа, заставившихъ столько хорошихъ и энергичныхъ людей принять за конецъ то, что было только кризисомъ народнаго характера. Возвращеніе разъ уѣхавшихъ было, конечно, немыслимо, да англичане, какъ извѣстно, и не пропускали больше иностраннаго санитарнаго персонала, но мнѣ приходилось не разъ слышать отъ буровъ и въ письмахъ, и даже устно, какъ тяжело имъ было это удаленіе всего санитарнаго персонала [1]). Да и понятно, что, кромѣ положительной помощи больнымъ и раненымъ изъ сражающихся, присутствіе значительнаго количества нейтральныхъ европейцевъ, къ тому же окруженныхъ ореоломъ Краснаго Креста, послужило бы англичанамъ большой сдержкой въ ихъ послѣдующемъ отношеніи къ невоюющему населенію, съ этой стороны могло бы оказать вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій и, во всякомъ случаѣ, спасло бы многія тысячи невинныхъ жертвъ. Не могу сказать, чтобы я въ то время такъ ясно понимала всю ошибочность дѣйствій большинства: будь это такъ, я, вѣроятно, рѣшилась бы остаться, несмотря ни на что. Но въ такіе моменты рѣдко видишь дальше, чѣмъ детальную сторону окружающихъ явленій, да и кто могъ тогда предвидѣть дальнѣйшее развитіе войны и способы, которыми англичане добьются ея окончанія. Въ этомъ извиненіе большинства, въ этомъ и мое извиненіе въ принятомъ мною, наконецъ, рѣшеніи уѣхать одновременно съ остальными членами отряда, бывшими въ Преторіи—д-ромъ Веберомъ, сестрами Ежевской и Мейэръ; одновременно выѣзжалъ и д-ръ фанъ-Леерсумъ, но съ нимъ мы считали наши отношенія вполнѣ законченными, тѣмъ болѣе, что его обращеніе въ послѣдніе дни не было разсчитано на то, чтобы сгладить прежнія столкновенія. Такъ, условившись съ д-ромъ Веберомъ вмѣстѣ откланяться президенту Крюгеру, онъ не могъ отыскать доктора Вебера въ нашемъ небольшомъ пансіонѣ, гдѣ тотъ добросовѣстно ждалъ его въ назначенный часъ, и потому долженъ былъ одинъ воспользоваться честью этого пріема и выраженіемъ признательности, на которую фортинстримскій докторъ имѣлъ право, конечно, не меньше его.

---

[1]) Особенно это сожалѣніе относилось къ русскому отряду Краснаго Креста, сначала, вслѣдствіе полученныхъ изъ Петербурга инструкцій, устроившагося было на работу въ Ватерфалѣ, но потомъ, по какимъ-то довольно неяснымъ соображеніямъ уполномоченнаго, уѣхавшаго въ критическое время, несмотря на всѣ просьбы, къ большому, какъ я не сомнѣваюсь, сожалѣнію персонала и ущербу дѣла.

Послѣдніе дни были заняты пріобрѣтеніемъ по баснословнымъ для Европы цѣнамъ нѣкоторыхъ необходимыхъ намъ предметовъ, такъ какъ, переправляя въ Преторію амбуланціонное имущество, начальство отряда, конечно, не догадалось сдѣлать то же съ нашимъ личнымъ богажемъ. оставленнымъ нами при отъѣздѣ къ фронту въ главномъ госпиталѣ; такъ всѣ наши вещи находились теперь въ рукахъ англичанъ и получили мы ихъ только, послѣ долгой проволочки, въ Петербургѣ, гдѣ онѣ были намъ почти ненужны; въ Преторіи же у насъ была только совершенно истрепанная смѣна платья, привезенная изъ Фортинстримса, и если тамъ наши знакомые еще увѣряли насъ, что имъ даже пріятнѣе видѣть насъ у себя въ такомъ видѣ, свидѣтельствующемъ о нашихъ трудахъ на пользу страны, то пускаться такимъ образомъ въ длинный морской переѣздъ, гдѣ даже стирка представляетъ значительныя затрудненія, было совершенно невозможно; но этотъ крупный и совершенно излишній расходъ еще сократилъ наши дорожныя средства и возможность удѣлить изъ нихъ на продленіе своего пребыванія въ Преторіи. Кромѣ этихъ хлопотъ по снаряженію, тяжело было прощанье съ нѣкоторыми находившимися въ Преторіи прежними больными, а также съ оставшимися тамъ членами мѣстнаго общества, оказавшими намъ такъ много ласки и любезности.

Окончивъ всѣ свои посѣщенія поздно вечеромъ наканунѣ отъѣзда, я еще зашла поблагодарить Рейца, за оказанныя мнѣ дружбу и гостепріимство и нашла его уже одного въ пустомъ домѣ, гдѣ скоро суждено было поселиться англійскому главнокомандующему лорду Робертсу; семья его въ это время уже нѣсколько дней какъ выѣхала въ Лоренцо-Маркезъ, чтобы тамъ ожидать дальнѣйшихъ событій. Грустное и тяжелое это было свиданіе въ опустѣломъ темномъ домѣ, еще недавно переполненномъ свѣта и тепла, оживленномъ звонкими голосами дѣтей.

Но и въ эти смутные дни правительство позаботилось предоставить намъ удобный проѣздъ до португальской границы. Выѣхали мы 26-го мая утромъ. Провожали насъ многія члены русскаго отряда Краснаго Креста, кое-кто изъ остальнаго санитарнаго персонала, бывшаго въ Преторіи, и многіе изъ мѣстныхъ жителей. Маленькая дочка судьи Эссера, въ домѣ котораго въ нашъ первый пріѣздъ жилъ д-ръ Веберъ, принесла ему на прощанье фунтикъ закатанныхъ въ бумажку сластей, мнѣ же прелестный букетъ изъ фіалокъ, съ центромъ изъ одного розана; это былъ для меня послѣдній душистый привѣтъ Трансвааля. Проѣхавъ опять въ тяжеломъ настроеніи мѣстность исполненную для насъ воспоминаній нашего прибытія среди бодрыхъ и радостныхъ надеждъ, мы на другой день были уже вновь въ Лоренцо-Маркезѣ.

Желая воспользоваться этимъ случаемъ посмотрѣть иностранные англійскіе порты—Дурбанъ, Капштадтъ—и осмотрѣть въ Дурбанѣ ихъ пловучій госпиталь-корабль, д-ръ Веберъ пытался получить билетъ изъ Лоренцо на Дурбанъ и вслѣдствіе желанія не разставаться со своими и не попасть, напротивъ, въ общество фанъ-Леерсума, ѣхавшаго прямо домой, я также разсчитывала вернуться этимъ путемъ, несмотря па непріятное чувство, сопряженное съ близкимъ столкновеніемъ съ англичанами. Но въ Лоренцо возникли какія-то затрудненія и намъ пришлось сѣсть на первый корабль, отходившій въ Европу—французскую Жиронду, дѣлавшую рейсы между Лоренцо и Мадагаскаромъ.

Все это взяло на свое выясненіе нѣсколько дней, въ которые я много видѣлась съ семьею Рейцъ, вскорѣ тоже отплывшей въ Голландію, но теперь до послѣдней минуты ожидавшей поворота событій. Помню жадные разспросы дамъ насчетъ послѣднихъ дней, проведенныхъ въ Преторіи уже послѣ ихъ отъѣзда. Помню, между прочимъ, комическое удивленіе Лины Мульдеръ, что «young Blignaut», ея танцоръ въ Блумфонтенѣ, можетъ чѣмъ-нибудь командовать, тѣмъ болѣе взять мѣсто «героя», какъ онѣ настойчиво титуловали новаго фехтгенерала Максимова.

Этого послѣдняго, тоже ждавшаго корабля, но, конечно, не для англійскихъ портовъ, я здѣсь встрѣчала именно у нихъ и не могла еще разъ не порадоваться мѣсту, занятому имъ въ ихъ довѣріи и уваженіи. Когда невозможность для насъ съ докторомъ ѣхать черезъ Атлантическій океанъ вполнѣ установилась, мы оказались съ Максимовымъ на одномъ кораблѣ. Я была рада случаю, часто представлявшемуся вслѣдствіе его ранъ и слабости, вниманіемъ и уходомъ доказать всю мою благодарность за честь, сдѣланную имъ русскому имени и блистательно смытое съ этого имени незаслуженное пятно; это, вмѣстѣ съ общностью симпатій къ оставленнымъ поневолѣ за собою дѣлу и людямъ, окончательно упрочили нашу дружбу и, надѣюсь, взаимное уваженіе.

Вообще же на Жирондѣ мы оказались въ многолюдномъ обществѣ. Кромѣ насъ и возвращавшихся на ней двухъ русскихъ—Максимова и П., здѣсь ѣхали нѣкоторые члены 1-й голландской амбулянціи, ѣхалъ и нашъ бывшій принципалъ д-ръ фанъ-Леерсумъ, ѣхало множество дамъ и дѣтей изъ Преторіи, такъ что всѣ каюты были переполнены малютками и грустными женщинами, оставившими за собою дома на разрушеніе, мужей и братьевъ подъ ружьемъ; только немногія были голландки, возвращавшіяся домой къ роднымъ, вслѣдствіе безпокойнаго времени.

Самымъ яркимъ воспоминаніемъ нашего обратнаго путешествія осталась живописная бухта Діего Суареза на Мадагаскарѣ, въ которую мы входили ночью при чудномъ лунномъ освѣщеніи. Здѣсь мы пересѣли на

другой корабль французской линіи Messageries maritimes—Иравади, доставившій насъ въ Марсель; но этотъ длинный переѣздъ былъ сопряженъ съ большою непріятностью и даже опасностью, бывшей послѣдствіемъ недобросовѣстнаго отношенія къ пассажирамъ управленія этой линіи. Изъ какихъ-то дѣловыхъ соображеній, Irawady взялъ на островахъ Св. Маврикія товаръ въ сомнительномъ портѣ, затѣмъ безъ всякаго предупрежденія принялъ огромное количество пассажировъ, доставленное ему «Жирондой». Можно себѣ представить наше негодованіе, когда оказалось, что изъ-за какихъ-то забранныхъ въ трюмъ товаровъ мы идемъ подъ желтымъ, чумнымъ флагомъ, безъ права высаживаться въ портахъ и подъ постоянной угрозой появленія этой ужасной болѣзни среди страшно скученнаго населенія корабля, около половины котораго состояло изъ дѣтей ниже 10 лѣтъ. Къ счастью, все обошлось благополучно, а въ Марсели мы всѣ были ужъ такъ рады избавиться отъ мѣсячнаго сидѣнья на кораблѣ безъ грозившаго было намъ карантина, что никто не вспомнилъ угрозу составить протоколъ о возмутительномъ отношеніи агентовъ компаніи къ жизни и здоровью пассажировъ.

Всѣ спѣшили домой, особенно же мы, русскіе, такъ много пережившіе за нашу шестимѣсячную командировку.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1[1].

Въ прошлую субботу начальнику развѣдчиковъ (Dispatch-riders), г. Даніэль Терону, извѣстному нотаріусу, удалось пробраться черезъ непріятельскія линіи, окружающія генерала Кронье.

Генералъ Деветъ вызывалъ охотниковъ доставить извѣстія къ Кронье, и вызвался только одинъ человѣкъ—г. Теронъ, уже выполнившій столько рискованныхъ подвиговъ въ теченіе настоящей войны. Бюргеры тотчасъ выбрали для него двухъ лучшихъ лошадей лагеря. Была непроглядная ночь съ проливнымъ дождемъ и сильными порывами вѣтра.

Теронъ отправился. Немного не доѣзжая до непріятельскихъ часовыхъ, онъ слѣзъ и привязалъ обѣихъ лошадей къ дереву. Теперь предстоялъ рѣшающій моментъ предпріятія. Пока это было возможно, онъ шелъ, но скоро замѣтилъ тѣни, двигавшіяся взадъ и впередъ: это были англійскіе часовые. Онъ легъ и продолжалъ свой путь ползкомъ на рукахъ и колѣняхъ, останавливаясь и ложась плашмя при малѣйшемъ подозрительномъ звукѣ. Наконецъ, онъ добрался до самой линіи часовыхъ, и въ эту минуту раздался окликъ: «Кто идетъ?». Къ счастью, часовой по другую сторону принялъ это на свой счетъ и отвѣтилъ: «Другъ». Буря поднялась, между тѣмъ, ужасная и дождь хлесталъ часовому прямо въ лицо, такъ что онъ повернулся и пошелъ обратно; пользуясь этимъ, Теронъ поползъ съ возможной въ этихъ условіяхъ скоростью. Такимъ образомъ онъ проползъ между двумя англійскими часовыми, бывшими другъ отъ друга на разстояніи 10-ти ярдовъ.

Немного далѣе наткнувшись на траншеи онъ понялъ, что это свои и надо подать голосъ, поэтому крикнулъ: «Не стрѣляйте, друзья; я при-

---

[1]) Отъ спеціальнаго корреспондента «Фолькштема». Калькфонтейнъ, 1-го марта.

несъ вести». Это было какъ разъ во время, такъ какъ вѣрный бурскій часовой чуть не спустилъ курокъ.

Лагерь генерала Кронье былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, и раньше предполагалось воспользоваться ночной темнотой и диверсіей со стороны войскъ генерала Девета, чтобы переправиться и прорвать непріятельскую боевую линію, охватившую Кронье кольцомъ. Къ несчастью, вслѣдствіе необычайно сильныхъ дождей, рѣка обратилась въ потокъ, и бродъ по близости лагеря сталъ непроходимъ.

Терону было дано устное порученіе для генерала Девета и ему опять удалось миновать непріятельскія линіи. Но ему пришлось бороться съ новымъ затрудненіемъ — переплыть разлившуюся рѣку, и онъ какъ былъ, голымъ, поймавъ первую попавшуюся лошадь, доскакалъ до лагеря Девета, гдѣ былъ встрѣченъ всеобщимъ ликованіемъ бюргеровъ, восторгавшихся его безстрашіемъ и находчивостью.

Такъ какъ циркулируютъ разные ложные слухи (насчетъ сдачи Кронье и отряда, посланнаго ему на выручку), я считаю нужнымъ возстановить истину черезъ посредство вашей уважаемой газеты [1]).

Въ воскресенье, 11-го февраля (1900 г.), гейдельбергское коммандо, подъ начальствомъ исправляющаго должность коммандапта Спруйта, вышло изъ Спрингфонтена. Оно было въ составѣ приблизительно 250 человѣкъ и, дойдя до Ритъ-ривера, присоединилось къ главному коммандапту Девету и съ нимъ пошло на выручку генерала Кронье. По пути мы сошлись съ генераломъ Бота (Филиппомъ) съ отрядомъ (a patrol), который также къ намъ присоединился, доведя, такимъ образомъ, нашу численность приблизительно до 600 человѣкъ. По причинѣ дурного состоянія нѣкоторыхъ изъ лошадей, мы должны были оставить по дорогѣ человѣкъ 100, такъ что оказались всего въ числѣ 500.

Въ воскресенье, 18-го февраля, мы подошли къ Паардебергу и заняли позиціи около 4,000 ярдовъ отъ лагеря ген. Кронье и его людей. Наши были раздѣлены на два отряда: одинъ изъ нихъ подъ начальствомъ ген. Бота атаковалъ Стинкфонтенъ, гдѣ скрывалось небольшое число англичанъ (where a number of English were in hiding). Мы убили нѣкоторыхъ изъ нихъ, взяли остальныхъ въ плѣнъ, захватили изрядное количество лошадей съ сѣдлами и уздечками, а также перевозные ящики для воды, муловъ и упряжь. Другой нашъ отрядъ, подъ начальствомъ коммандапта Девета, штурмовалъ позиціи прямо противъ ген. Кронье. Отрядъ ѣзд-

[1]) Напечатано въ «Фольксштемѣ» въ концѣ марта.

щей пѣхоты улетучился, не выпустивъ ни одного заряда, и мы могли занять непріятельскія позиціи безъ малѣйшаго сопротивленія. Послѣ этого непріятель очень сильно обстрѣливалъ насъ съ фронта, такъ что у насъ оказались раненые, а также нѣсколько убитыхъ лошадей. Наша артиллерія состояла изъ одной фрейштатской пушки Армстронга, заряжающейся съ дула, и фрейштатской же пушки Максима. Они намъ почти вовсе не пригодились, но изъ ружей мы стрѣляли такъ удачно, что въ ту же ночь непріятель скрылся и въ понедѣльникъ утромъ не было больше англичанъ между нами и генераломъ Кронье. Мы также вернули всѣхъ быковъ, взятыхъ англичанами у ген. Кронье. Генералъ Фронеманъ съ 60-ью товарищами и другой коммандантъ съ 50-ью, принадлежавшіе къ войску Кронье, вышли къ намъ безъ всякихъ потерь. Большое число кафровъ также вышли къ намъ изъ лагеря и по нимъ даже не стрѣляли.

Я самъ съ Питеромъ Уисомъ поѣхалъ верхомъ почти до лагеря ген. Кронье и я совершенно не понимаю, почему онъ не сдѣлалъ попытки дойти до нашихъ позицій. Въ этотъ день непріятель нѣсколько разъ штурмовалъ наши позиціи, но былъ отбитъ съ большими потерями.

Когда наступила темнота, отряды фельдкорнетовъ Мейэра и Спруйта подверглись такому огню непріятеля, что должны были оставить свои позиціи и отступить. Здѣсь и былъ взятъ въ плѣнъ коммандантъ Спруйтъ, когда онъ, услышавъ шумъ сраженія, поспѣшилъ на помощь другимъ. На слѣдующее утро эти позиціи опять оставлены непріятелемъ и на нихъ его мертвые. Мы тотчасъ вновь ихъ заняли. Вслѣдствіе порчи привода пушки и тому, что у насъ вышла вся амуниція Максима, мы оказались безъ артиллеріи и легко понятно, что наше положеніе 500 человѣкъ противъ войска въ 70,000 [1]) при 120 орудіяхъ было незавидно. Однако, мы твердо рѣшили сохранить позиціи, составлявшія ключъ къ осажденному войску Кронье. Въ среду предъ разсвѣтомъ мы слышали сильный ружейный огонь изъ лагеря генерала, гдѣ его, вѣроятно, атаковали англичане. Когда разсвѣло, мы видѣли ихъ отступавшими въ большомъ числѣ: по нашей оцѣнкѣ около 15—20 тысячъ. Но когда они подошли на 1200 метровъ, наши не могли дольше сдерживаться и открыли по нимъ огонь. Они поворотили влѣво, но все же должны были пройти вблизи нашихъ позицій, откуда мы стрѣляли въ нихъ около часу. Это была ужасная бойня, и они были такъ стѣснены, что почти ни одинъ нашъ выстрѣлъ не пропалъ. Когда они прошли, намъ видны были въ подзорныя трубы груды убитыхъ и раненыхъ. Въ теченіе ночи непріятелю удалось окружить насъ и около 9-ти часовъ онъ открылъ по насъ сильную бомбардировку съ трехъ сто-

---

[1]) У англичанъ, по ихъ свѣдѣніямъ, было не 70 т., а около 40 т.

ронъ. Намъ ничего не осталось, какъ отступить. И отступленіе же это было!

Мы—500 человѣкъ—должны были очистить себѣ путь черезъ всю огромную силу непріятеля. Я не въ состояніи описать, что происходило. Все, что могу сказать, что въ теченіе $1^1/_2$ часовъ мы подвергались непрерывному огню пулеметовъ, пушекъ и ружей, но, по милости Божіей, наши потери оказались удивительно малыми—убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ всего меньше 40 чел. Послѣ этого мы заняли позиціи у Poplars grove'a, миляхъ въ 15-ти отъ Паардеберга.

Я долженъ упомянуть объ очень храбромъ поступкѣ сына генерала Бота. Ему удалось, съ опасностью жизни, вывезти тролли, нагруженное амуниціей. Ему представлялся выборъ между фургономъ отца, нагруженнымъ массой нужныхъ вещей, и фургономъ съ амуниціей и онъ вывезъ послѣдній, бросивъ непріятелю новый фургонъ съ имуществомъ отца.

Я также долженъ высказать свое убѣжденіе въ выдающихся способностяхъ и добросовѣстности какъ главнаго комманданта (Девета), такъ и фехтгенерала (Филипа Бота): все возможное было ими сдѣлано и ни одна подробность не оставлена безъ вниманія для выполненія нашей задачи.

Въ Poplars grove'ѣ было рѣшено не отказываться отъ намѣренія открыть ген. Кронье путь отступленія, и въ пятницу мы опять выдвинулись до разстоянія трехъ миль отъ его позицій, но, такъ какъ всѣ важнѣйшія позиціи были въ рукахъ непріятеля и сильно укрѣплены, намъ, при нашей малочисленности, было невозможно очистить себѣ путь до него; приступъ небольшаго отряда, принадлежавшаго къ винбургскому коммандо былъ отбитъ непріятелемъ. Ихъ было около 100 человѣкъ; они заняли другую позицію, гдѣ были окружены непріятелемъ, убиты, ранены или взяты въ плѣнъ. Между убитыми былъ храбрый коммандантъ Теуниссенъ и двое изъ его фельдкорнетовъ.

Въ этотъ вечеръ мы были принуждены отступить и, такъ какъ день былъ не солнечный, не могли войти въ сношеніе съ генераломъ Кронье посредствомъ геліографа. Поэтому было рѣшено послать къ нему человѣка съ устнымъ порученіемъ, и на это вызвался Теронъ, начальникъ развѣдчиковъ (captain of the despatch riders); онъ оставилъ нашъ лагерь въ субботу вечеромъ и въ тотъ же день достигъ лагеря ген. Кронье. Въ слѣдующую ночь онъ вернулся къ намъ, какъ было уже описано въ «Фолькштемѣ». Я могу только удивляться храбрости и находчивости, проявленными капитаномъ, и полагаю, что всякій раздѣлитъ мое мнѣніе. Черезъ него мы извѣстили ген. Кронье, что мы заняли позиціи у Poplars grove'a и что мы сдѣлаемъ все возможное для его освобожденія, онъ же, съ своей

стороны, долженъ постараться пробиться къ намъ. Мы предлагали ему ночью выйти условленной дорогой, мы же выйдемъ двумя отрядами и будемъ держать эту дорогу открытой, соединившись же, отступимъ вмѣстѣ къ нашимъ позиціямъ. Онъ отвѣтилъ, что согласенъ на этотъ планъ дѣйствій и что въ понедѣльникъ онъ сойдется съ нами въ условленномъ мѣстѣ. Мы вышли въ эту ночь, какъ уговорились, и простояли тамъ всю ночь, но не получили отъ него никакихъ извѣстій. То же случилось въ двѣ послѣдующія ночи.

Въ слѣдующій четвергъ мы узнали, что онъ сдался безъ всякихъ условій. Вы легко поймете, что за ударъ это было для насъ.

Я остался при войскѣ до 6-го марта, когда уѣхалъ въ Гейдельбергъ, и не могу сообщить никакихъ дальнѣйшихъ подробностей.

І. С. Крюгеръ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2.

Рѣчь президента Штейна при открытіи послѣдняго засѣданія фольксраада Оранжевой республики въ Кронстадтѣ 2-го апрѣля 1900 г.

Господинъ предсѣдатель и господа члены!

Хотя врагу удалось завладѣть Блумфонтеномъ и я былъ вынужденъ временно перенести правительственныя учрежденія въ Кронстадтъ, я все же привѣтствую васъ при открытіи вашего обычнаго, ежегоднаго засѣданія съ чувствомъ твердой вѣры въ будущее.

Несмотря на наши старанія и усилія правительства сохранить миръ, война была навязана Трансваалю британскимъ правительствомъ, и Оранжевая республика, вѣрная обязательствамъ, взятымъ на себя по вашему рѣшенію, послѣ объявленія войны 13-го октября стала на сторону родственной республики.

Республики рѣшились на борьбу единственно по необходимости защищать столь дорогую намъ независимость, стоившую нашимъ предкамъ такъ много крови. Благодаря Всевышнему, успѣхи нашего оружія были таковы, что не только изумили миръ, но и превзошли всѣ наши ожиданія.

Хотя плѣненіе генерала Кронье и его храбрыхъ соратниковъ и занятіе Блумфонтена были для насъ тяжелыми ударами, мнѣ пріятно сообщить вамъ, что наши бюргеры еще исполнены бодрости и твердаго рѣшенія умереть, если потребуется, въ защиту нашей дорого купленной независимости, какъ это уже сдѣлали многіе изъ нашихъ дорогихъ и незабвенныхъ героевъ.

Съ горестью обязанъ я сообщить о смерти его высокопревосходительства Петра Якобуса Жубера, вице-президента и командантъ-генерала нашей сестры-республики, человѣка, въ лицѣ котораго не только Трансвааль, но вся Южная Африка утратила вѣрнаго друга, истиннаго христіанина и горячаго патріота, посвятившаго всѣ лучшіе годы своей жизни на служеніе своему народу. Пусть его жизнь послужитъ намъ урокомъ, а его смерть побужденіемъ съ удвоеннымъ рвеніемъ и усердіемъ продолжать справедливую борьбу въ союзѣ съ нашей сестрой—Трансваальской республикой--и донести ее до счастливаго конца.

Непріятель, не довольствуясь своимъ громаднымъ численнымъ превосходствомъ, неоднократно злоупотреблялъ эмблемами Краснаго Креста и бѣлаго флага, что я и обязанъ былъ опротестовать передъ нейтральными державами.

Могущественная британская держава не постыдилась въ борьбѣ съ двумя маленькими республиками прибѣгать къ обманчивымъ прокламаціямъ съ цѣлью посѣять раздоръ среди нашего населенія. Я посредствомъ прокламацій указалъ народу на эту опасность и я счастливъ сообщить вамъ, что, насколько мнѣ извѣстно, только незначительное число нашихъ согражданъ оказались достаточно слабыми и подлыми, чтобъ добровольно подчиниться врагу.

Чтобы отвратить дальнѣйшее кровопролитіе и еще разъ доказать всему міру, что мы не стремимся присоединить сосѣднія колоніи, но были вынуждены къ войнѣ за право и свободу, его превосходительство, президентъ Южно-Африканской республики, и я обратились письменно къ его превосходительству первому министру Великобританіи, чтобы, если можно, возстановить миръ.

Вмѣсто того, чтобы поддержать наше стремленіе, мы получили отвѣтъ, который будетъ вамъ сообщенъ, ясно доказывающій, что цѣлью войны съ самаго начала было уничтоженіе обѣихъ республикъ.

Какъ я съ исполнительнымъ совѣтомъ и раньше не оставили ничего неиспробованнымъ, чтобы отвратить войну, такъ и теперь мы принимаемъ всѣ мѣры, чтобы возстановить миръ.

Правительство Южно-Африканской республики вмѣстѣ съ нами рѣшило выслать депутацію, состоящую изъ А. Фишера, отъ Фрейштата, также Вессельса, предсѣдателя Фольксраада, и А. Д. Вольмаранса, какъ представителей Южно-Африканскихъ республикъ, съ порученіемъ посѣтить Европу и Америку, чтобы побудить тамошнія правительства послужить посредниками возстановленію мира.

Чтобы ихъ миссія была успѣшна, должно быть усерднѣйшей молитвою каждаго изъ насъ.

Въ силу данныхъ мнѣ полномочій, я заключилъ временный заемъ у сосѣдней республики.

Намъ будетъ невозможно продолжать все дѣлопроизводство нашихъ ежегодныхъ засѣданій, потому я нахожу нужнымъ заявить вамъ, что оно откладывается до болѣе удобнаго времени, теперь же просить васъ заняться вопросами, которые будутъ предложены на ваше обсужденіе.

Я кончаю усердной молитвой, чтобы намъ всѣмъ были даны силы твердо продолжать до благополучнаго конца священный споръ, въ который мы вступили по зрѣломъ обсужденіи во имя Трисвятаго Бога, ибо сохрани Богъ, чтобы мы легкомысленно уступили нашу драгоцѣнную, купленную кровью независимость.

Я сказалъ

Штейнъ, президентъ.

Для харектеристики президента Штейна и совсѣмъ неизвѣстныхъ у насъ политическихъ отношеній Англіи съ Оранжевой Республикой интересенъ слѣдующій разговоръ президента съ корреспондентомъ американскаго Journal, представляющій точную и послѣдовательную передачу тѣхъ постоянныхъ правонарушеній и захватовъ, которыми выдающіеся люди Фрейштата были постепенно доведены до сознанія полнаго равнодушія англійской политики къ какому-либо праву, кромѣ права сильнаго, и неизбѣжности борьбы въ союзѣ съ родственнымъ Трансваалемъ, или полнаго, унизительнаго подчиненія.

Разговоръ этотъ былъ перепечатанъ въ Фолькштемѣ, оффиціозномъ органѣ правительства обѣихъ республикъ, очевидно, съ цѣлью возобновить приведенные въ немъ факты въ памяти поколѣнія, не пережившаго лично многихъ изъ нихъ.

«Говорятъ, что всякая неправда непремѣнно выходитъ наружу. Это, можетъ быть, оправдается и въ настоящемъ случаѣ, но, пожалуй, слишкомъ поздно, чтобы еще спасти насъ. Мы не ожидали, что выдумки м-ра Родса, печатавшіяся въ его здѣшней газетѣ, доходили до Англіи и отравляли тамъ общественное мнѣніе.

«Эта война—несправедливая война,—и мы не вѣримъ, что уважающій себя народъ, какъ англичане (the self respecting people of England), позволятъ ея продолженіе, когда они откроютъ, какого рода людьми они обмануты.

«Причины, почему Оранжевая свободная республика въ этомъ дѣлѣ присоединилась къ Трансваалю, слѣдующія: какъ люди одной крови и

люди, вѣрящіе въ справедливость, намъ ничего иного не оставалось дѣлать.

«Вы, я думаю, убѣдитесь, что въ этой странѣ мы радушно принимали всякаго желавшаго стать нашимъ согражданиномъ. Наши сѣверные братья дѣлали то же по мѣрѣ возможности.

«Когда произошелъ набѣгъ Джемсона, мы всѣ убѣдились до чего стремленіе къ наживѣ довело англійскихъ капиталистовъ. Чтобы обезопасить себя въ будущемъ отъ возможности подобныхъ вторженій, мы заключили союзъ съ трансваальскимъ правительствомъ въ видахъ взаимной обороны.

«Вы, конечно, знаете, что наше правительство давно признано Англіей самостоятельнымъ правительствомъ (as a sovereign state). Въ послѣднее время м-ръ Чемберленъ заявилъ, что сувереннтетъ Англіи надъ Трансваалемъ всегда подразумѣвался безъ объявленія. Если вы просмотрите нашу дипломатическую переписку, хранящуюся въ Правительственномъ Домѣ, вы убѣдитесь въ томъ, какіе неосновательные доводы нашли поддержку въ Англіи.

«Какъ государство, мы ничего не выигрываемъ этой войной, а можемъ все потерять; но намъ не оставалось другого пути.

«Буры переселились въ эту страну (отъ англійскихъ притѣсненій въ капской колоніи) въ началѣ 1837 года. Они прошли въ Наталь, гдѣ борьба съ зулусами оказалась такъ жестока и кровопролитна, что нѣкоторые изъ нихъ вернулись въ эту мѣстность, представлявшую тогда пустыню, заселенную дикими звѣрями. Они едва обстроились на новыхъ мѣстахъ, когда сэръ Гарри Смитъ, губернаторъ колоніи (капской), объявилъ надъ нами англійскій суверенитетъ. Чтобы подкрѣпить это объявленіе, онъ прислалъ команду солдатъ. Небольшая кучка буровъ столкнулась съ ними у Бумплатца, гдѣ произошло сраженіе. Оно окончилось, очень естественно, въ пользу англичанъ, и суверенитетъ былъ провозглашенъ.

«Впослѣдствіи сэръ Гарри Смитъ прислалъ 10,000 войска подъ начальствомъ генерала Каткарта, чтобы присоединить область на востокъ отъ нашей теперешней границы, занятую базутами. Базуты тогда, какъ и теперь, были прекрасными бойцами и могли выставить огромное войско. Англичане были такъ основательно побиты ими, что они вернулись обратно въ колонію и объявили своему правительству, что страна къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки годится только для дикихъ звѣрей и дикарей, что завладѣніе этой страной будетъ стоить Англіи слишкомъ большихъ жертвъ.

«Англичане нападеніемъ на землю базутовъ озлобили ихъ, пораженіе же, нанесенное ими такой большой англійской арміи, вселило базутамъ убѣжденіе, что напрасно они до сихъ поръ такъ опасались кучки бурскихъ фермеровъ. Они стали нападать на поселенія буровъ и постоянно угонять скотъ.

«Мы умоляли Англію защитить насъ, такъ какъ они же возбудили дикарей противъ бѣлой расы и раньше объявили насъ своими подданными. Но англичане отказали намъ, предложивъ возвратиться въ колонію или самимъ заботиться о себѣ, если останемся на своихъ мѣстахъ.

«Уважаемый (reverend) д-ръ Муррей, до сихъ поръ живущій среди насъ, ѣздилъ въ Англію и протестовалъ противъ такого оставленія буровъ на произволъ судьбы, послѣ того какъ своимъ вооруженнымъ нападеніемъ на базутовъ натравили на насъ безчисленныя орды черныхъ. Сэръ Руссель Кларкъ объявилъ, и его заявленіе сохраняется въ англійскихъ архивахъ, что страна къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки негодна для поселенія бѣлыхъ людей. Если же мы упорно не желаемъ возвратиться въ колонію, то мы можемъ сами себя защищать и устроить собственное управленіе.

«Такимъ образомъ создался Фрейштатъ.

«Англія подписала конвенцію 1854 года, дарующую намъ полную и безусловную независимость. Конвенція обусловливаетъ, что Англія не будетъ вмѣшиваться въ дѣла черныхъ на сѣверѣ отъ Оранжевой рѣки, что мы будемъ получать часть налоговъ на товары, провозимые въ нашу страну, а также, что вся амуниція будетъ провозиться намъ безпошлинно.

«Отъ 1856-го до 1864-го года базуты дѣлали періодическіе набѣги на наши поселенія, уводя скотъ и убивая всѣхъ бѣлыхъ, кого только могли. Президентъ Брандъ понялъ, что никакое преуспѣяніе новаго государства невозможно пока базуты не покорены, и отъ 1864-го до 1869-го года буры въ числѣ 15,000 воиновъ боролись съ этими черными. Мы тѣснили ихъ отъ холма (корје) къ холму, отъ укрѣпленія къ укрѣпленію, пока не загнали ихъ въ ихъ послѣднюю твердыню и не заставили просить пощады.

«Тогда объявились позорныя черты англійскаго характера. Какъ только англичане узнали, что мы заключаемъ съ базутами договоръ, сэръ Филиппъ Вудгаузъ вмѣшался и объявилъ, что они находятся подъ англійскимъ протекторатомъ. Они присвоили себѣ эту область (Базутоландъ на западѣ Фрейштата). Вы понимаете, что послѣ трехъ лѣтъ отчаянной борьбы мы въ финансовомъ отношеніи были банкротъ.

«У насъ въ государственной казнѣ было 3 милліона долга. Земля на фермахъ оставалась необработанной. И когда мы думали пожать плоды

нашей долгой борьбы, Англія присвоила себѣ эту территорію, богатѣйшую въ Южной Африкѣ. Мы не могли тогда ничего сдѣлать.

«Въ прямое нарушеніе конвенціи, дарующей намъ независимость, Англія въ послѣднее время нашей отчаянной борьбы съ черными прекратила подвозъ намъ амуниціи. Мы постоянно подвергались такому обращенію и намъ приходилось подчиняться этому.

«Съ того времени базуты хотя и чувствуютъ большое почтеніе къ бурскимъ пулямъ, но они остались угрозой на нашей границѣ. Сегодня они, вѣроятно, представляютъ лучшій отрядъ дикихъ воиновъ въ мірѣ (the finest body of native soldiers in the world). Англія вооружила ихъ.

«Съ какою цѣлью?

«Но я уклоняюсь отъ моего разсказа.

«Въ концѣ того же года, въ которомъ Англія отняла у насъ самую плодородную область Южной Африки, одинъ старый бушменъ, сидя около своего краала, замѣтилъ подлѣ себя блестящій камень. Онъ подобралъ его и отнесъ старому буру, жившему недалеко. Камень былъ очень красивъ, и старый буръ отдалъ его своимъ дѣтямъ, какъ игрушку. У нихъ камень увидалъ бродячій разносчикъ еврей и тотчасъ опредѣлилъ его цѣнность.

«Вѣсть объ открытіи бриліантовъ разнеслась по всему міру.

«Теперь мы дошли до величайшаго грабительства исторіи.

«Первые бриліанты были открыты къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, близъ ея сліянія съ Лимпопо. Англія тотчасъ же заявила права на эту территорію: мы же протестовали. Въ бумагахъ, составляющихъ часть корреспонденціи о конвенціи, дарующей намъ самостоятельность, было также признаніе нашихъ правъ на тѣ самыя фермы, на которыхъ найдены бриліанты. Когда мы выставили эти права, Англія тотчасъ измѣнила основанія своей претензіи и объявила, что территорія принадлежитъ ей по праву протектората надъ жившимъ вблизи племенемъ черныхъ. Тогда мы указали на пунктъ конвенціи, гдѣ Англія прямо обязалась не вмѣшиваться въ дѣла дикарей на сѣверъ отъ Оранжевой рѣки.

«Но въ это время англійскіе чиновники опредѣлили нашу западную границу. Это разграниченіе оставляло бриліантовыя розсыпи какъ разъ на западъ за чертой этой границы. Граница была указана идущей прямой линіей на сѣверъ отъ одного холма на Оранжевой рѣкѣ, извѣстнаго подъ названіемъ «Могилы Давида», одного стараго чернаго вождя, до рѣки Вааля. Потомъ на востокъ отъ этой черты, были открыты еще бриліанты. Британцы и на нихъ заявили претензію, какъ находящіеся яко бы на ихъ территоріи.

«Въ одну ночь англійскіе рабочіе перенесли «Могилу Давида» на востокъ. Мы протестовали и заявили, что даже эта фиктивная граница не заключаетъ весь раіонъ нахожденія бриллiантовъ. Они осмотрѣли границу и дѣйствительно англійскіе топографы ошиблись мили на двѣ.

«Тогда они просто подняли надъ розсыпями свой флагъ и спросили, что же мы намѣрены съ ними сдѣлать.

«Мы были кучкой разоренныхъ фермеровъ. Въ отчаяніи президентъ Брандъ въ 1878-мъ году отправился въ Англію, чтобы защищать справедливость нашего дѣла. Въ концѣ концовъ, истощивъ весь запасъ придирокъ, они за украденную землю предложили ему 90,000 фунтовъ съ замѣчаніемъ, что онъ получитъ это или ничего. Это былъ грошъ въ сравненіи со стоимостью захваченныхъ земель. Но англійскіе солдаты стягивались къ бриллiантовымъ розсыпямъ. Брандъ согласился на эту сдѣлку, но, по обыкновенію, англичане не уплатили до сихъ поръ болѣе половины условленной суммы. Имъ принадлежала уже богатѣйшая страна свѣта.

«Съ тѣхъ поръ мы жили въ мирѣ. Мы хотя бѣдная страна, но у насъ нѣтъ долга. Мы были «благоразумными дѣтьми», и Англія указывала на насъ, какъ на образцовую маленькую республику.

«Я сказалъ, что у насъ нѣтъ долга. Чтобы быть точнымъ я долженъ упомянуть о долгѣ въ 1,800,000 по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ; но онѣ даютъ государству чистый доходъ въ 20% на свою стоимость. Биржевая цѣна желѣзныхъ дорогъ Оранжевой республики, въ настоящее время, даже съ войною на рукахъ, въ 5 разъ превышаетъ ихъ задолженность.

«Въ нашей маленькой республикѣ вы найдете не многихъ, кого по настоящему времени можно назвать богачами; но у каждаго есть ферма и большинство изъ нихъ зажиточны. Но вы должны бы посѣтить ихъ и просмотрѣть ихъ запасъ книгъ. Grey Colledge наше общее училище для мальчиковъ. Я самъ тамъ учился до отъѣзда въ англійскій университетъ, гдѣ получилъ юридическій дипломъ. У насъ есть высшая школа для дѣвушекъ и для небогатыхъ мальчиковъ. Эти мальчики ежедневно работаютъ опредѣленное время на желѣзнодорожныхъ заводахъ. Ихъ заработокъ покрываетъ всѣ ихъ личные расходы. Получивъ атестатъ объ окончаніи курса они поступаютъ на государственную службу по любой избранной ими отрасли желѣзнодорожнаго дѣла. Достигшіе 60-ти лѣтъ служащіе получаютъ государственную пенсію.

«У насъ есть школы во всѣхъ мѣстечкахъ и законъ, обязывающій посылать туда дѣтей. Наши государственные доходы, помимо желѣзныхъ

дороги, исчисляются въ 300,000 ф. въ годъ. Изъ нихъ мы ежегодно тратимъ 80,000 на народное образованіе. Я думаю, что не ошибусь сказавъ, что мы тратимъ на это большій % со всего дохода, чѣмъ какое-либо государство міра. Въ 1874-мъ году у насъ было въ школахъ 640 дѣтей; теперь ихъ ежедневно 10,000. Офиціальный языкъ у насъ голландскій, но обученіе происходитъ также и на англійскомъ.

«Дипломъ баккалавра выдается у насъ. Нѣкоторые граждане, которымъ позволяли средства, посылали своихъ дѣтей въ Англію для полученія высшихъ дипломовъ. Но въ виду того, что теперь Англія представляетъ имперіализмъ и событія послѣднихъ лѣтъ по отношенію къ Трансваалю особенно для насъ возмутительны, въ прошломъ году рѣшили построить университетъ, для поддержанія въ молодежи республиканскихъ стремленій. Нѣкоторые изъ нашихъ гражданъ поневолѣ были доведены до убѣжденія, что ихъ сыновьямъ лучше оставаться безъ высшаго образованія, чѣмъ получать его въ англійскомъ университетѣ.

«То, что я разсказалъ вамъ, составляетъ незначительную часть того, что мы перестрадали, какъ народъ. Это лишь историческіе факты. Безчисленныя мелкія униженія, которымъ мы постоянно подвергались, вогнали насъ въ войну, гдѣ мы врядъ ли сдѣлаемъ больше, чѣмъ докажемъ всему міру и внушимъ нашему подрастающему поколѣнію, что мы не потеряли уваженія къ себѣ. Какъ Англія отняла у Трансваала Наталь, а теперь сдѣлала попытку захватить и всю страну, вы узнаете въ Преторіи.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

СТРАН.

Цѣна 2 руб. 50 коп.